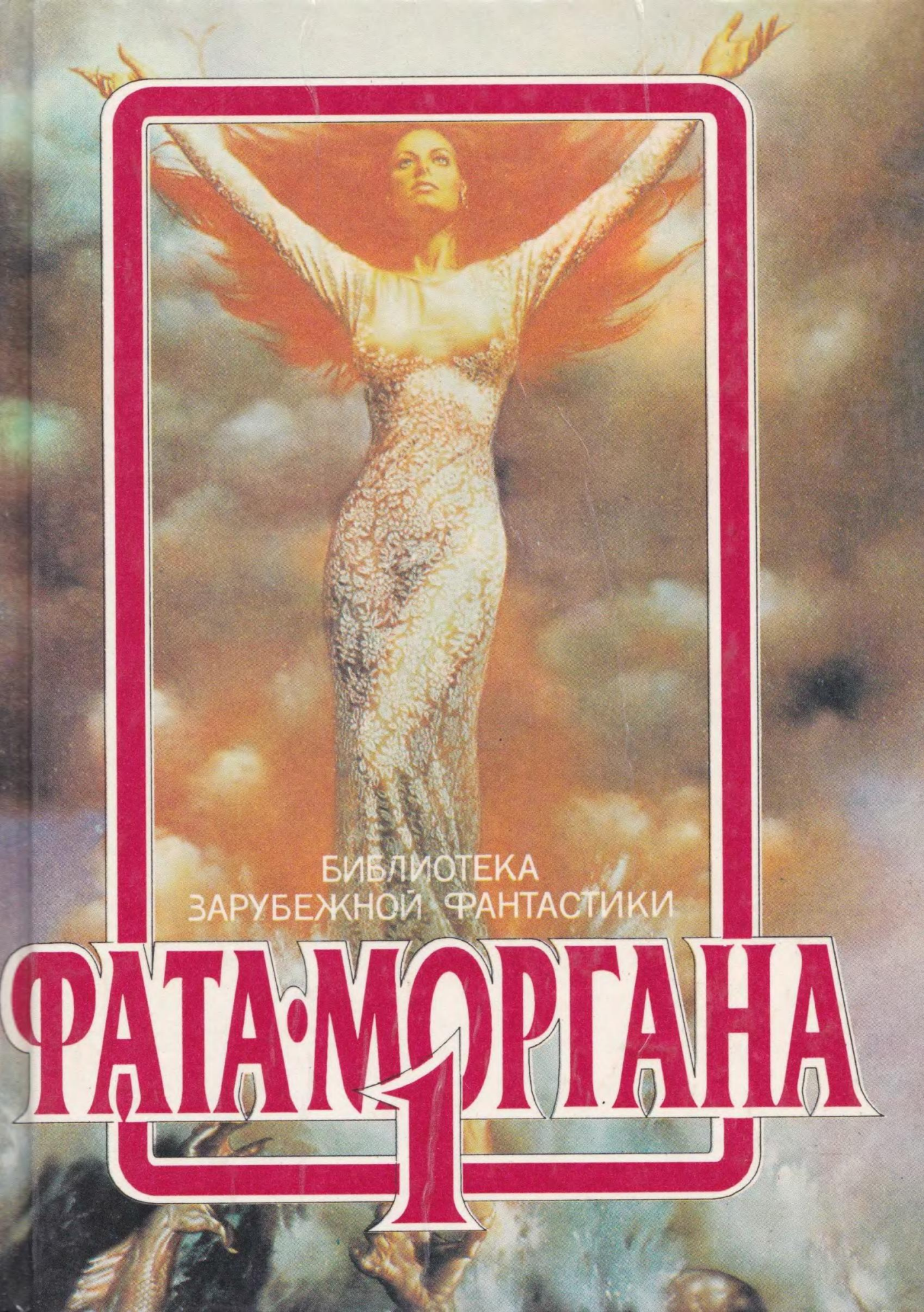
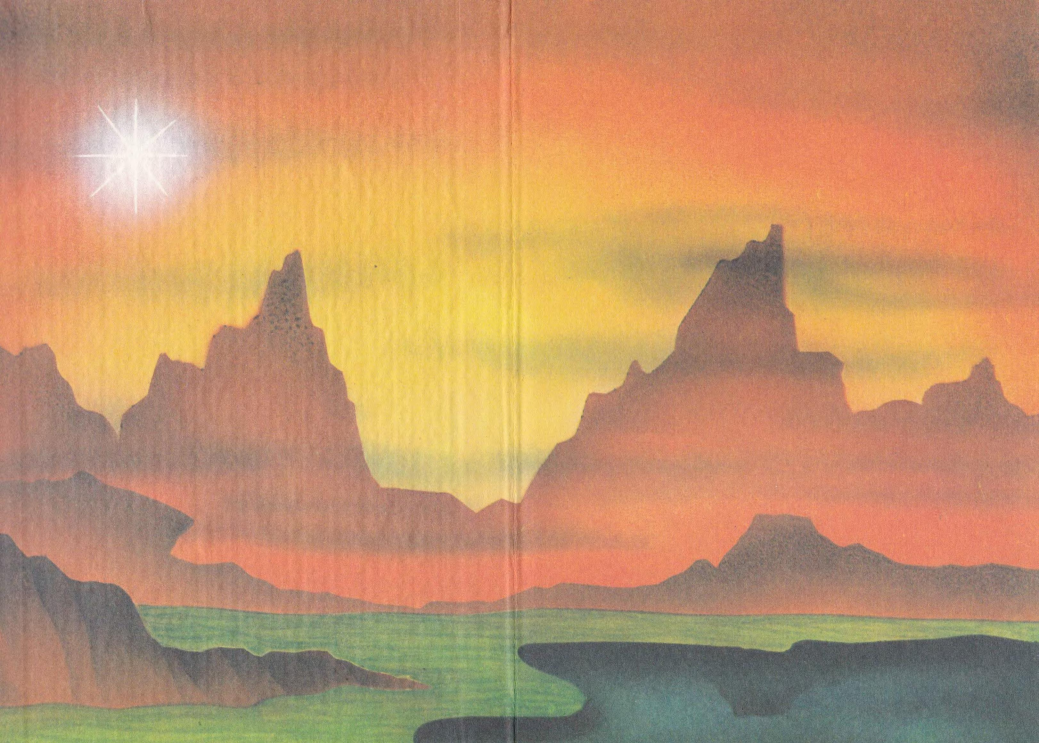

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
ФАТА-МОРГАНА
1



ФАТА МОРГАНА

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

КЕЙТ ЛОМЕР
КРИСТОФЕР ПРИСТ
РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ
АЙЗЕК АЗИМОВ
ГОРДОН ДИКСОН
КЛАРК ДАРЛТОН
РОСС РОКЛИН
ТЕОДОР СТАРДЖОН
ФРЭНК РОБИНСОН
В. НОРБЕРТ
АРТУР СЕЛЛИНГС
ГЕРБЕРТ ФРАНКЕ
ДЖО ХОЛДЕМАН

ТОМ ГОДВИН
БОРИС ВИАН
ЗЕННА ГЕНДЕРСОН
АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ
ФРЭНК ХЕРБЕРТ
ДЖЕК ВЭНС
РИЧАРД МАТЕСОН
ШАРЛЬ ХЕННЕБЕРГ
ПИТЕР ШУЙЛЕР МИЛЛЕР
ТОМАС ДИШ
ОТФРИД ГАНШТЕЙН

ЭРИК ФРЕНК РАССЕЛ

Нижний Новгород
Издательство «Флокс»
1991 г.

ББК 84 (0)
Ф 27

Художник **Владимир Ан**

Ф 27 **Фата-Моргана 1:** Сб. зарубежной фантастики./Перевод с английского, немецкого, французского языков.— Нижний Новгород: Издательство «Флокс», 1991.— 496 с.

ISBN 5-87198-004-X

В сборник вошли рассказы зарубежных фантастов XX века, издающиеся на русском языке впервые. Роман О. Ганштейна «Электрополис» воспроизводится по тексту единственной публикации в журнале «Вокруг света» (г. Ленинград, 1929, №№ 27–33).

ISBN 5-87198-004-X

Ф 27 $\frac{\textbf{4703040010—015}}{\textbf{91}}$ **без объявл.** **ББК 84(0)**

© Оформление В. Ана.
© Издательство «Флокс»

Кейт Ломер

ДОГОВОР НА РАВНЫХ

Глубоко в недрах планеты крепкие, как стальная проволока, корни прощупывали стеклянистый песок, глиняные слои и пласты рыхлого сланца, отыскивая и впитывая редкие элементы, поглощая кальций, железо, азот.

Еще глубже другая система корней намертво впилась в материковую породу; чувствительные клетки регистрировали микроколебания планетной коры, приливные волны, вес выпавшего снега, шаги диких зверей, что охотились в двухкилометровой тени гигантского янда.

Далеко на поверхности необъятный ствол, окруженный мощными контрфорсами, массивный, как скала, возносился на восемьсот метров, простирая ввысь огромные ветви.

Дерево смутно осознавало прикосновение воздуха и света к своим бесчисленным листьям, щекочущее движение молекул воды, кислорода, углекислоты. Оно автоматически отзывалось на легкие

порывы ветра, поворачивая гибкие черешки так, чтобы каждый лист оставался под нужным углом к лучам, пронизывающим толщу кроны.

Долгий день шел к концу. Воздушные течения свивали свои причудливые узоры вокруг янда, солнечное излучение менялось по мере движения паров в субстратосфере; питательные молекулы плыли по капиллярам; камни чуть поскрипывали в подземном мраке. Дерево, необъятное и несокрушимое, как гора, дремало в привычном полусознании.

Солнце клонилось к закату. Его свет, пронизывая все более плотные слои атмосферы, приобретал зловещий желтый оттенок. Мускулистые побеги поворачивались, следуя за потоком энергии. Дерево сонно сжимало почки, пряча их от близящегося холода, приноравливало теплообмен и испарение с листьев под ночной уровень излучения. Ему снилось далекое прошлое, свободные странствия в животной фазе. Давным-давно инстинкт привел его на эту скалу, но оно хорошо помнило рощу своего детства, древопатриарха, споровых братьев...

Стемнело. Поднялся ветер. Сильный вихрь налетел на громаду янда, и мощные ветви заскрипели, сопротивляясь, а листья, обожженные холодом, плотно прижались к гладкой коре.

Глубоко под землей сеть корней еще крепче охватила скалы, передавая информацию в дополнение к той, что шла от лиственных рецепторов. Зловещие волны шли с северо-востока; влажность росла, атмосферное давление падало — вместе это означало близкую опасность. Дерево шевельнулось, волна дрожи пробежала по всей необъятной кроне, стряхивая маленькие ледышки, уже наросшие на теневых сторонах ветвей. Сердцемозг резко поднял активность, прогоняя эйфорическое забытье. Долго дремавшая мощь янда неохотно вступила в действие — и вот, наконец, дерево проснулось.

Оно мгновенно оценило ситуацию. Над морем собирался сильнейший тайфун. Принимать серьезные меры было поздно. Пренебрегая болью непривычной активности, дерево выбросило новые корни — толстые тяжи крепости закаленной стали — и вцепилось ими в скалы в сотне метров к северу от основного корня.

Ни на что другое времени не оставалось. Дерево бесстрастно ожидало шторма.

— Внизу-то буря,— сказал Молпри.

— Не трусь, проскочим,— процедил Голт, не отрываясь от приборов.

— Поднимись и зайди заново,— настаивал Молпри, вытягивая шею из противоперегрузочной койки.

— Заткнись. На этом корыте командую я! — рявкнул Голт, разозлившись.

— Торчу взаперти с двумя психами,— пожаловался Молпри.— С тобой, да еще с этим недотепой.

— Кончай вонять, Мол. Мы с недотепой уже устали от тебя.

— После посадки, Молпри, я с тобой отдельно поговорю,— подал голос Пэнтелл.— Я предупреждал, что не люблю слово «недотепа».

— Что, опять? — усмехнулся Голт.— А с прошлого раза все зажило?

— Не совсем,— вздохнул Пэнтелл.— В космосе у меня плохо заживает...

— Запрещаю, Пэнтелл,— объявил Голт.— Здоров он для тебя. А ты, Мол, кончай к нему цепляться!

— Уж я бы кончил,— пробурчал Молпри.— Я б его, паразита, кончил!..

— Побереги энергию,— оборвал Голт.— Внизу понадобится. Если и сейчас ничего не найдем — нам крышка.

— Капитан, можно мне пойти в полевую разведку? Мои знания биологии...

— Нет уж, Пэнтелл, ты побудь на корабле. И не лезь никуда, просто сиди и жди. Второй раз мы тебя и вдвоем не дотащим.

— Это же вышло случайно, капитан!

— Да — и в позапрошлый раз тоже. Не надо, Пэнтелл. Хороший ты парень, только обе руки у тебя левые и все пальцы безымянные.

— Я тренирую координацию, капитан! И еще я читал...

Корабль тряхнуло на входе в атмосферу, и Пэнтелл не договорил.

— Ай! Опять рассадил локоть...

— Не капай на меня, бестолочь! — рявкнул Молпри.

— Тихо! — прикрикнул Голт.— Мешаете.

Пантелл, сопя, прикладывал к ссадине носовой платок. Надо, наконец, освоить эти упражнения на расслабление. И силовую гимнастику нельзя больше откладывать. И непременно заняться диетой. И уж на этот раз обязательно выбрать момент и хоть раз наподдать Молпри — это первым делом, как только выйдем...

Казалось бы, еще ничего не случилось,— но дерево знало, что этот тайфун будет последним в его жизни. Пользуясь коротким затишьем, оно оценило урон. Весь северо-восточный сектор, оторванный от скалы, онемел; основной корень чувствовал, что его опора утратила надежность. Несокрушимая плоть янда не подвела — раскрошился гранит. Дерево было обречено: собственный вес стал его приговором.

Слепая ярость бури снова обрушилась на гиганта. Новые корни лопались, как паутина; гранитный утес разваливался с грохотом, тонувшим в реве ветра. Дерево держалось, но нарастающее напряжение в его толще уже ощущалось острой болью.

В ста метрах к северу от главного корня размокшая почва оползла, образовался овраг. Дождевая вода устремилась в него, размывая и расширяя, обнажила миллионы корешков. Вот уже и опорные корни заскользили в раскисшей земле...

Высоко над ними ветер снова потряс необъятную крону. Огромный северный контрфорс, державшийся на материковом граните, затрещал, теряя опору, и переломился с грохотом, заглушившим даже рев бури. Корни вывернулись из земли, образовав огромную пещеру.

Дождь наполнил ее водой; потоки стекали по склону, таща с собой перебитые ветки и оторванные корни. Последний шквал рванул поредевшую крону — и победно улетел.

А на опустевшем мысу невообразимая масса древнего янда все еще клонилась — неудержимо, как заходящая луна, под треск и стон своих лопающихся жил. Падение было медленным и плавным, как во сне. Дерево еще не коснулось земли, когда его сердцемозг отказал, оглушенный невыносимой болью разрушения.

Пэнтелл выбрался из люка и прислонился к кораблю, пытаясь отдышаться. Чувствовал он себя еще хуже, чем ожидал. Плохо сидеть на урезанных рационах. Значит, с силовой гимнастикой придется подождать. И с Молпри сейчас не поквитаешься — сил нет. Ну ничего — несколько дней на свежем воздухе и свежих продуктах...

— Съедобные,— объявил Голт, обтер иглу анализатора о брюки и сунул его в карман. Перебросив Пэнтеллу два красных плода, он добавил:

— Как доешь, натаскай воды да приберись, а мы с Молпри сходим, оглядимся.

Они ушли. Пэнтелл уселся в пружинящую траву и задумчиво откусил от инопланетного яблочка.

«По текстуре похоже на авокадо,— думал он.— Кожица плотная и ароматная; может быть, природный ацетат целлюлозы. Семян, кажется, нет. Если так, то это вообще не плод! Интересно было бы изучить местную флору. Когда вернусь, надо будет сразу записаться на курс внеземной ботаники. Даже, пожалуй, поехать в Гейдельберг или в Упсалу, послушать живьем знаменитых ученых. Снять уютную квартирку — двух комнат вполне хватит, по вечерам пусть собираются друзья, ведут споры за бутылкой вина... Однако, я сижу, а работа стоит».

Пэнтелл огляделся и заметил вдалеке блеск воды. Покончив с плодами, он достал ведра и отправился в ту сторону.

— На кой черт мы сюда приперлись? — осведомился Молпри.

— Нам все равно нужна разминка. Следующая посадка будет через четыре месяца.

— Мы что — туристы? Шляться по грязи и любоваться видами! — Молпри остановился и привалился, пыхтя, к валуну. Он брезгливо оглядывал заполненный водой кратер, вздымающееся в небо сплетение корней и далеко вверху — целый лес ветвей рухнувшего дерева.

— Наши секвойи против него — одуванчики,— негромко сказал Голт.— А ведь это после той самой бури, с которой мы разминулись!

— Ну и чего?

— Ничего... Просто, когда видишь дерево такого размера — это впечатляет...

— Тебе что — деньги за него заплатят?

Голт поморщился.

— Вопрос по существу... Ладно, топаем.

— Не нравится мне, что недотепа остался один в корабле.

— Слушай,— Голт обернулся к Молпри,— что тебе дался этот мальчишка?

— Не люблю... придурков.

— Ты мне баки не забивай, Молпри. Пэнтелл совсем не глуп — на свой лад. Может, из-за этого ты и лезешь в бутылку?

— Меня от таких воротит.

— Не выдумывай — он симпатичный парень и всегда рад помочь.

— Ага, рад-то он рад,— пробурчал Молпри,— да не в этом штука.

Сознание медленно возвращалось к умирающему сердцемозгу. Сквозь бессмысленные импульсы разорванных нервов прорывались отдельные сигналы:

— Давление воздуха ноль — падает... давление воздуха сто двенадцать — повышается... давление воздуха отрицательное...

— Температура — сто семьдесят один градус, температура — минус сорок, температура — двадцать шесть градусов...

— Солнечное излучение только в красном диапазоне... только в синем... в ультрафиолетовом...

— Относительная влажность — бесконечность... ветер северо-восточный, скорость — бесконечность... ветер снизу вверх вертикально, скорость — бесконечность... ветер восточно-западный...

Дерево решительно отключилось от обезумевших нервов, сосредоточившись на своем внутреннем состоянии. Оценить его было несложно.

Думать о личном выживании бесполезно. Но еще можно принять срочные меры и выиграть время для спорообразования. Не тратя ни секунды, дерево включило программу экстренного размноже-

ния. Периферические капилляры сжались, выталкивая все соки назад, к сердцемозгу. Синапсические спирали распрямлялись для увеличения нервной проводимости. Мозг осторожно проверял: сначала — жизнеспособность крупных нервных стволов, затем — сохранившихся участков нервных волокон; восстанавливал капиллярную сеть, разбирался в непривычных ощущениях: молекулы воздуха соприкасались с обнаженными тканями, солнечное излучение обжигало внутренние рецепторы. Надо было заблокировать все сосуды, зарастить капилляры — остановить невосполнимую потерю жидкости.

Только после этого древомозг смог заняться самим собой, пересмотреть глубинную структуру клеток. Он отключился от всего разрушенного и сосредоточился на своем внутреннем строении, на тончайшей структуре генетических спиралей. Очень осторожно дерево перестраивало все свои органы, готовилось произвести споры.

Молпри остановился, приставил руку козырьком ко лбу. В тени необъятного выворотня маячила высокая тощая фигура.

— Вовремя мы поспели!

— Черт! — ругнулся капитан и прибавил шагу. Пэнтелл заторопился ему навстречу.

— Пэнтелл, я же вам сказал — сидеть в корабле!

— Я не нарушал приказа, капитан. Вы не говорили...

— Ладно. Что-нибудь случилось?

— Ничего, сэр. Я только вспомнил одну вещь...

— После, Пэнтелл. Сейчас нам нужно на корабль — дел еще много.

— Капитан, а вы знаете, что это такое?

— Ясно что — дерево,— Голт повернулся к Молпри.— Слушай, нам надо...

— Да, но какое дерево?

— Черт его знает, я вам не ботаник.

— Капитан, это очень редкий вид. Он, собственно, считается вымершим. Вы что-нибудь слышали о яндах?

— Нет. Хотя... да. Так это и есть янд?

— Я совершенно уверен. Капитан, это очень ценная находка...

— Оно что — денег стоит? — перебил Молпри, обернувшись к Голту.

— Не знаю. Так что дальше, Пэнтелл?

— Это разумная раса с двухразовым жизненным циклом. Первая фаза — животная, потом они пускают корни и превращаются в растения. Активная конкуренция в первой фазе обеспечивает естественный отбор, а дальше — преимущество в выборе места для укоренения...

— Как его можно использовать?

Пэнтелл запрокинул голову. Дерево лежало, словно стена, переходящая в гигантский купол обломанных ветвей тридцати метров высоты, или пятидесяти... или больше... Кора гладкая, почти черная. Полуметровые блестящие листья всех цветов.

— Представьте только, это огромное дерево...

Молпри нагнулся и подобрал обломанный корень.

— Эта огромная деревяшка,— передразнил он,— поможет вправить тебе мозги...

— Помолчи, Мол.

— ...бродило по планете больше десяти тысяч лет назад, когда еще было животным. Потом инстинкт привел его на эту скалу и заставил начать растительную жизнь. Представьте себе, как этот древозверь впервые оглядывает долину, где ему предстоит провести тысячи и тысячи лет...

— Чушь! — фыркнул Молпри.

— Такова была участь всех самцов его вида, чья жизнь не прерывалась в молодости: вечно стоять на утесе, как несокрушимый памятник самому себе, вечно помнить краткую пору юности...

— И где ты набрался этакой хреновины? — вставил Молпри.

— И вот на этом месте,— продолжал Пэнтелл,— окончились его странствия.

— О'кэй, Пэнтелл, это очень трогательно. Ты что-то говорил о его ценности.

— Капитан, дерево еще живое. Даже когда сердцевина погибнет, оно будет отчасти живо. Его ствол покроется массой ростков — атавистических растеньиц, не связанных с мозгом. Это паразиты на трупе дерева — та примитивная форма, от которой оно произошло, символ возврата на сотни миллионов лет назад, к истокам эволюции...

— Ближе к делу.

— Мы можем взять образцы из сердцевины. У меня есть книга — там описана вся его анатомия: мы сумеем сохранить ткани живыми! Когда вернемся к цивилизации, дерево можно будет вырастить заново — и мозг, и все остальное. Правда, это очень долго...

— Так. А если продать образцы?

— Конечно, любой университет хорошо заплатит.

— Долго их вырезать?

— Нет. Если взять ручные бластеры...

— Ясно. Неси свою книгу, Пэнтелл, попробуем.

Только теперь дерево осознало, как много времени прошло с тех пор, когда в последний раз близость янды-самки заставила его производить споры. Погруженное в свой полусон, оно не задумывалось, отчего не стало слышно споровых братьев и куда исчезли животные-носители. Но стоило ему задаться этим вопросом —

и все тысячелетние воспоминания мгновенно прошли перед ним.

Стало понятно, что ни одна янда не взойдет уже на гранитный мыс. Их не осталось. Мощный инстинкт, запустивший механизм последнего размножения, работал вхолостую. С трудом выращенные глаза на черешках напрасно оглядывали пустые дали карликовых лесов; активные конечности, которые должны были подтащить одурманенных животных к стволу, висели без дела; драйн-железы полны, но им не суждено опустеть... Оставалось только ждать смерти.

Откуда-то появилась вибрация, затихла, началась снова. Усилилась. Дереву это было безразлично, но слабое любопытство подтолкнуло его вырастить чувствительное волокно и подключиться к заблокированному нервному стволу.

Обожженный мозг тотчас отпрянул, резко оборвав контакт. Невероятная температура, немыслимая термическая активность... Мозг напрасно пытался сопоставить опыт и ощущения. Обман поврежденных рецепторов? Боль разорванных нервов?

Нет. Ощущение было острым, но не противоречивым. Восстанавливая его в памяти, анализируя каждый импульс, древомозг убедился: глубоко в его теле горит огонь.

Дерево поспешно окружило поврежденный участок слоем негорючих молекул. Жар дошел до барьера, помедлил — и прорвал его.

Надо нарастить защитный слой.

Тратя последние силы, дерево перестраивало свои клетки. Внутренний щит упрочился, встал на пути огня, выгнулся, окружая пораженное место... и дрогнул. Слишком много он требовал энергии. Истощенные клетки отказали, и древомозг погрузился во тьму.

Сознание возвращалось медленно и трудно. Огонь, должно быть, уже охватил ствол. Скоро он одолеет барьер, оставшийся без подпитки, доберется до самого сердцемозга... Защищаться было нечем. Жаль — не удалось передать споры... но конец неизбежен. Дерево бесстрастно ждало огня.

Пэнтелл отложил бластер, сел на траву и отер со щеки жирную сажу.

— Отчего они вымерли? — вдруг спросил Молпри.

— От браконьеров,— коротко ответил Пэнтелл.

— Это еще кто?

— Были такие... Убивали деревья ради драйна. Кричали, что янды опасны, а сами только о драйне и думали.

— Ты можешь хоть раз ответить по-людски?

— Молпри, я тебе никогда не говорил, что ты мне действуешь на нервы?

Молпри сплюнул, отвернулся, но снова спросил:

— Что это за драйн такой?

— У яндов совершенно своеобразная система размножения. При необходимости споры мужского дерева могут передаваться практически любому теплокровному и оставаться в его организме неограниченное время. Когда животное-носитель спаривается, споры переходят к потомству. На нем это никак не сказывается, вернее, споры даже укрепляют организм, исправляют наследственные дефекты, помогают бороться с болезнями, травмами. И срок жизни удлиняется. Но потом — вместо того, чтобы умереть от старости — носитель претерпевает метаморфозу: укореняется и превращается в самый настоящий янд.

— Больно много говоришь... Что такое драйн?

— Дерево испускает особый газ, чтобы привлечь животных. В большой концентрации он действует как сильный наркотик — это и есть драйн. Из-за него погубили все деревья. Янды, мол, могут заставить людей рожать уродов,— ерунда все это... Драйн продавался за бешеные деньги — вот и вся хитрость.

— Как его добывают?

— А тебе зачем?

Но Молпри смотрел не на него, а на книгу, лежащую в траве.

— Там написано, да?

— Тебя это не касается. Голт велел тебе помочь вырезать образцы, и все.

— Голт не знал про драйн.

— Чтобы собрать драйн, надо убить дерево. Ты же не можешь.

Молпри нагнулся и поднял книгу. Пэнтелл кинулся к нему, замахнулся и промазал. Молпри одним ударом сшиб его с ног.

— Ты ко мне не суйся, недотепа,— процедил он, вытирая руку о штаны.

Пэнтелл лежал неподвижно. Молпри полистал учебник, нашел нужную главу. Минут через десять он бросил книгу, подобрал бластер и взялся за дело.

Молпри вытер лоб и выругался. Прямо перед носом проскочила членистая тварь, под ногами что-то подозрительно шуршало... Хорошо еще, что в этом поганом лесу не попадалось ничего крупнее мыши. Паршивое местечко — не приведи бог тут заблудиться!

Густой подлесок вдруг расступился, открывая солнцу бархатистую поверхность полупогребенного ствола. Молпри застыл, тяжело дыша. Нащупывая в кармане измазанный сажей платок, он не отрывал глаз от черной, уходящей ввысь стены.

Упавшее дерево выпустило из себя кольцо мертвенно-белых выростов. Подальше наросло что-то вроде черных жестких водорослей, оттуда свисали скользкие веревки...

Молпри издал невнятный звук и попятился. Какая-нибудь местная зараза, лишайники пакостные. Хотя...

Он остановился. А может, это оно и есть? Ну да — такие штуки были на картинках. Отсюда драйн и цедят! Только кто же знал, что они так смахивают на поганые ползучие щупальца...

— Стой!

Молпри дернулся. Пэнтелл никак не мог выпрямиться, на распухшей щеке кровоточила ссадина.

— Не будь же ты... уф... дураком! Дай отдышаться... Я тебе объясню!..

— Чтобы ты сдох, обглодок! Не вякай!

Повернувшись к Пэнтеллу спиной, Молпри поднял бластер. Пэнтелл ухватился за сломанный сук, поднял его и обрушил на голову Молпри. Гнилое дерево с треском переломилось. Молпри пошатнулся, переступил и всем корпусом повернулся к Пэнтеллу — лицо у него побагровело, по щеке стекала струйка крови.

— Ну-ну, недотепа...— прошипел он. Пэнтелл изо всех сил ударил правой — очень неуклюже, но Молпри как раз сделал встречное движение, и оттопыренный локоть Пэнтелла угодил ему в челюсть. Глаза Молпри остекленели, он обмяк, упал на четвереньки.

Пэнтелл расхохотался.

Хрипло дыша, Молпри потряс головой и стал подниматься. Пэнтелл нацелился и еще раз двинул его в челюсть. Похоже, этот удар и вправил Молпри мозги. Он нанес Пэнтеллу удар наотмашь, и тот растянулся во весь рост. Молпри рывком поднял Пэнтелла на ноги, добавил мощный хук слева. Пэнтелл раскинулся на земле и затих. Молпри стоял над ним, потирая челюсть.

Он пошевелил Пэнтелла носком ботинка. Окочурился, что ли, недотепа? На Молпри хвост задирать! Голт, конечно, разозлится, но недотепа-то начал первый. Подкрался и напал сзади! Вот и след от удара. Ну да ладно, рассказать Голту про драйн — он сразу повеселеет. Пожалуй, надо его сюда привести — вдвоем набрать драйн и сматываться с этой пакостной планеты. А недотепа пусть себе валяется.

И Молпри устремился к кораблю, бросив Пэнтелла истекать кровью под рухнувшим деревом.

Янд развернул наружные глаза в сторону неподвижного существа, которое, судя по всему, впало в спячку. Оно выделяло красную жидкость из отверстий на верхнем конце и, видимо, из надрывов эпидермиса. Странное существо, очень отдаленно похожее на обычных носителей. Его взаимодействие с другим экземпляром было совершенно своеобразно. Возможно, это самец и самка, и между ними произошло спаривание? Тогда это оцепенение может быть нормальным процессом, предшествующим укоренению. А если так, оно может все-таки оказаться пригодным в качестве носителя...

По поверхности непонятного организма прошло движение, одна

из конечностей шевельнулась. Спячка, очевидно, заканчивается. Скоро существо очнется и убежит... не обследовать ли его хоть наскоро?

Дерево выпустило несколько тончайших волокон, дотянулось ими до лежащей фигуры. Они пронизали неожиданно тонкий поверхностный слой, нащупали нервную ткань, уловили поток смутных, спутанных импульсов. Древомозг наращивал и дифференцировал свои сенсорные органы, разделял их на волоконца толщиной в несколько атомов, прощупывая всю внутреннюю структуру чуждого организма, пробираясь по периферическим нервам к спинному мозгу, а от него — к головному...

Его поразила невиданная сложность, неимоверное богатство нервных связей. Такой орган способен к выполнению интеллектуальных функций, немыслимых для обычного носителя! Изумленный древомозг старался настроиться в унисон с ним, пробираясь сквозь дикий калейдоскоп впечатлений, воспоминаний, причудливых символов...

Впервые в жизни янд встретился с гиперинтеллектуальным видом эмоций. Он погружался в фантасмагорию грез и тайных желаний. Смех, свет, шум аплодисментов... Флаги на ветру, отзвуки музыки, цветы... Символы высшей красоты, величайшей славы, тайные мечты Пэнтелла о счастье...

И вдруг — присутствие чуждого разума!

Мгновение оба бездействовали, оценивая друг друга.

— Ты умираешь,— констатировал чужой разум.

— Да. А ты заключен в неадекватном носителе. Почему ты не выбрал более надежного?

— Я... родился вместе с ним... Я... мы... одно.

— Почему ты не укрепишь его?

— Как?

— Ты занимаешь небольшую часть мозга. Ты не используешь своих возможностей?

— Я — фрагмент... Я — подсознание общего разума.

— Что такое общий разум?

— Это личность. Это сверхсознание, оно управляет...

— Твой мозг очень сложен, но масса клеток не задействована. Почему твои нервные связи прерываются?

— Не знаю.

Древомозг отключился, стал искать новые связи. Мощный импульс почти оглушил его, на мгновенье лишив ориентации.

— Ты — не из моих разумов.

— Ты общий разум? — догадался янд.

— Да. Кто ты?

Мозг янда передал свой мысленный образ.

— Странно. Очень странно. Вижу, что у тебя есть важные умения. Научи меня.

Мощность чужой мысли была такова, что сознание янда едва устояло.

— Легче! Ты разрушаешь меня.

— Постараюсь быть осторожнее. Научи, как ты перестраиваешь молекулы.

Голос чужого разума затоплял мозг янда. Какой инструмент! Фантастическая аномалия — мощный мозг, затерянный в жалком носителе, не способный реализовать свои возможности! Ведь совсем не трудно перестроить и укрепить носитель, убрать эти дефекты...

— Научи меня, янд!

— Чужой, я скоро умру. Но я научу тебя. Только с одним условием...

Два чужеродных разума соприкоснулись и достигли согласия. Мозг янда сейчас же начал субмолекулярную перестройку клеток чужого организма.

Первым делом — регенерировать ткани, зарастить повреждения на голове и на руке. Спровоцировать массовый выброс антител, прогнать их по всей системе.

— Поддерживай процесс,— распорядился древомозг.

Теперь — мышечная масса. В таком виде она ни на что не годна — сама структура клеток порочна. Янд переделывал живое вещество, извлекая недостающие элементы из своего высыхающего тела. Теперь — привести скелет в соответствие с мышцами.

Дерево наскоро оценивало саму конструкцию движущего организма — ненадежна. Поменять основной принцип, нарастить, скажем, щупальца?..

Нет времени. Проще опереться на готовые элементы — усилить их металлорастительными волокнами. Теперь — воздушные мешки. И сердце, разумеется. В прежнем виде они бы и минуты не продержались...

— Осознавай, чужой. Вот так и вот так...

— Понимаю. Отличный прием...

Янд переделывал тело Пэнтелла, исправлял, укреплял, где-то убирал бесполезный орган, где-то добавлял воздушный мешок или новую железу... Теменной глаз, бездействующий глубоко в мозгу, был перестроен для восприятия радиоволн, связан с нужными нервными центрами, кости позвоночника были искусственно упрочены, брыжейка перестроена для оптимальной работы.

Считывая информацию с генов, древомозг сразу корректировал ее и записывал заново.

Когда процесс закончился и разум пришельца усвоил все, что передал ему древомозг, янд сделал паузу.

— Теперь все.

— Я готов передать управление своему сознанию.

— Помни обещание.

— Помню.

Мозг янда стал отключаться от чужого организма. Веление инстинкта исполнено, теперь можно позволить себе отдохнуть — до конца.

— Подожди, янд! Есть идея...

— Две недели летим, а впереди еще четырнадцать,— вздохнул Голт.— Может, расскажешь все-таки, что там у вас вышло?

— Как Молпри? — спросил Пэнтелл.

— Нормально. Кости срастаются, да ты ему не так уж много и сломал.

— В той книге неправильно написано про споры янда. Сами по себе они не могут перестроить носителя...

— Что перестроить?

— Животное-носителя. У него действительно улучшается здоровье и удлиняется срок жизни, но это делает само дерево в процессе размножения — обеспечивает спорам хорошие условия.

— Так что — оно тебя?..

— Мы с ним заключили договор. Янд мне дал вот это,— Пэнтелл надавил пальцем на переборку — на металле осталась вмятина,— ну, и еще некоторые вещи. А я стал носителем для его спор.

Голт подобрался.

— И тебе ничего? Таскать в себе паразитов...

— Это договор на равных. Споры микроскопические и ничем себя не проявляют, пока не сложатся нужные условия.

— Но ты сам говорил, что этот древесный разум был у тебя в мозгу!

— Был. Снял все психотравмы, скорректировал недостатки, показал мне, как пользоваться внутренними возможностями...

— А меня научишь?

— Это невозможно. Извини.

Голт помолчал.

— А что это за «нужные условия»? — спросил он, поразмыслив.— В один прекрасный день проснешься и обнаружишь, что оброс побегами?

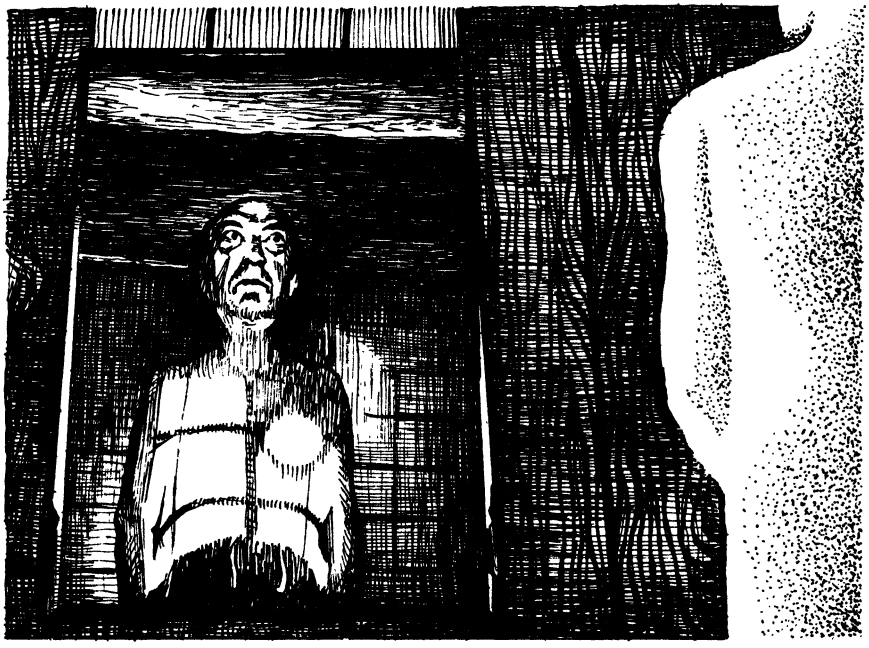
— Ну,— потупился Пэнтелл,— это как раз моя сторона договора. Носитель распространяет споры в процессе собственного размножения. Всему потомству гарантируется крепкое здоровье и долгая жизнь. Неплохо, по-моему,— прожить лет сто, потом выбрать себе местечко по вкусу, укорениться и расти, расти, смотреть, как сменяются эпохи...

— А что,— сказал Голт,— с годами и правда устаешь. Знаю я одно такое место с видом на Атлантику...

— ...Так что я обещал быть очень энергичным в этом отношении,— закончил Пэнтелл.— Это, конечно, отнимет массу времени, но свое обязательство я должен выполнять неукоснительно.

«Слышишь, янд?» — добавил он про себя.

«Слышу,— отозвался янд из дальнего участка мозга, в который Пэнтелл подселил его сознание.— Наше ближайшее тысячелетие обещает быть очень интересным!»



Кристофер Прист

ПЕРЕСАДКА СЕРДЦА

Улица была длинной и прямой. Беглый взгляд стороннего наблюдателя увидел бы два ряда примыкающих друг к другу домов, грязные машины по обеим сторонам дороги, воплощение серости и упадка. Здесь все было так же, как и на других улицах окраины: грязно, пустынно и бедно. Казалось, само время здесь остановилось. Если бы где-нибудь поблизости разыгралось сражение, здесь ничего не шевельнулось бы.

По обе стороны дороги стояли вековые деревья. Почти все они были мертвы, голые сухие ветви тянулись к серому небу.

Только два дерева все еще зеленели, свежие незапыленные кроны казались бутафорскими, но, в отличие от остальных деревьев, колыхались от легкого ветра.

Под этими деревьями стояли три машины. Каждая была новенькая, словно с выставки: без царапин, с чистыми стеклами и черными шинами, на которых еще не стерлись рубчики. Другие машины не

были в такой сохранности. Даже те, что стояли рядом с этими тремя, были засыпаны перегнившими прошлогодними листьями. А те, что стояли еще дальше, походили на калек — с побитыми крыльями, дырявыми колесами, ржавыми кузовами и разбитыми стеклами. Мимо них и проходить-то было опасно — кругом были рассыпаны осколки.

Дома на этой улице были ветхи и пусты, словно заброшенные декорации. Только возле новых машин стоял дом, в котором, похоже, кто-то жил.

Этот дом, как и зеленые деревья, и чистенькие машины, выделялся на фоне остальных своей ухоженностью. Это был дом Артура Ноуленда, а сам он стоял теперь у двери, глядел на машины. Это был высокий, слегка сутулый мужчина лет шестидесяти, одетый в старую обвисшую одежду.

На окнах его дома висели чистые выглаженные занавески. На одном подоконнике стояли шесть фарфоровых горшочков с кактусами, на другом — коническая бутылка с луковицей гиацинта, короткие корни едва касались воды. Рядом стояла пустая темно-зеленая ваза в форме диковинной рыбы, свернувшейся кольцом, так, что хвост касался открытой пасти.

Как и в других здешних домах, с улицы нельзя было разглядеть, что делается в комнатах. Эти дома были очень старой постройки. Свет еле сочился сквозь стекла.

Ноуленд сунул руку в карман, проверил, на месте ли ключ. Он посмотрел на небо — не будет ли дождя — увидел, что все оно затянуто серыми облаками, и тихо закрыл дверь.

В палисаднике ничего не росло, и Ноуленд, идя к выходу по узкой дорожке, не удостоил его даже взглядом. Он открыл калитку, вышел, полюбовался зелеными кронами. Хороши... не то, что другие; ему было приятно, что эти деревья растут возле его дома. Каждый день, выходя на прогулку, он любовался ими.

Минуты через две он направился к перекрестку мимо череды машин. На ходу он сразу забыл обо всем вокруг, погрузившись в свои мысли.

Когда он подошел к перекрестку, справа появился человек и направился к нему.

Ноуленд сказал:

— А, мистер Риджуэй! Добрый день.

Риджуэй открыл рот и стал говорить; сначала ничего не было слышно, а затем донеслось:

— Добрый день, мистер Ноуленд. Хорошая погода, не правда ли?

Ноуленд уставился на него. Голос собеседника не совпадал с движениями губ. Последние три слова прозвучали, когда тот уже закрыл рот и улыбнулся.

— Простите... как вы сказали? — спросил Ноуленд, слегка растерявшись. Он встряхнул головой и сосредоточился.

— Я сказал, что сегодня, по-моему, хорошая погода,— повторил Риджуэй. Теперь движения губ совпадали со звуками, но говорил он слишком громко. Чересчур громко.

— Да-да,— сказал Ноуленд.— Простите, я, наверное, ослышался.

Он снова взглянул на небо. Оно было все таким же гнетуще-серым. Что же хорошего в такой погоде? Хотя, с другой стороны, было не холодно, не было ни ветра, ни дождя, но ему она все же не нравилась. Не то, чтобы он был чересчур привередливым, но... Ему показалось, что сквозь облака пробился на секунду солнечный луч, но именно показалось — небо было прежним.

Риджуэй опять улыбнулся.

— Ну ладно,— сказал он.— Пойду дальше. До свидания, мистер Ноуленд.

Теперь его голос был нормальным, и все было, как положено. Ноуленд кивнул и пошел своей дорогой.

Не ошибся ли он насчет артикуляции Риджуэя? Он был уверен, что нет.

Где же Риджуэй живет? Он остановился, сообразив, что раньше такой вопрос не приходил ему в голову. Должно быть, где-то рядом, ведь они всегда встречаются на этом перекрестке.

Ноуленд оглядел дома: нет, только не здесь. Вокруг все было заброшено, двери кое-как висели на петлях, в окнах — выбиты даже рамы, трубы обвалились на голые, без черепицы, крыши. Одним словом, запустение. Но где-то он все-таки живет!

Возможно, в одном из тех домов, что покрепче?..

Ноуленд еще раз огляделся и вдруг увидел дом, который хотя и не подходил для жилья по обычным понятиям, но все же стоял под целой крышей.

Теперь, рассматривая дом внимательней, он удивлялся, почему раньше не замечал его. Стены были такими же землисто-грязными, как и у прочих домов, но дверь и все окна были целые. Он шагнул к дому, затем остановился. Что-то здесь было не так...

Он помнил, что никогда особо пристально не разглядывал эти дома, но не было сомнения, что все они были одинаково дряхлыми. Лишь изредка он поглядывал по сторонам: ведь на улице уже столько лет ничего не менялось.

Но нельзя было отрицать, что э т о т дом был в порядке.

Он перешел узкую улицу и стал разглядывать дом вблизи. Теперь было видно, что стекла не только целые, но и чистые. А на окнах... висели занавески!

Грязноватые, наверное, давно не глаженые, но все же занавески. Значит, здесь совсем недавно кто-то жил, а может, живет и теперь.

Он посмотрел на дверь: медная ручка блестела, видно, за нее часто держались.

Слегка взволнованный, Ноуленд вцепился в металлическую ограду и приподнялся на цыпочках, пытаясь разглядеть, что делается в комнатах.

Может, это и есть дом Риджуэя?

Но было и слабое сомнение. Этот тип всегда ходил с другого конца, с улицы, по которой Ноуленд прогуливался к старому дому Вероники. Риджуэй встречался с ним всегда на одном месте, в одно и то же время. Если он живет в этом доме, то почему его никогда не видно в окне? Ноуленд почти все время проводил у окна, разглядывая два зеленых дерева и три машины. Если бы кто-нибудь, а тем более Риджуэй, которого он знал, прошел бы мимо, он бы заметил.

Разглядывая дом, он замечал все новые подробности. Краски, казалось, стали ярче, из палисадника исчезли камни и сорняки. Ограда, за которую он держался, была гладкой, ржавчина исчезла, как если бы кто-то постоянно подкрашивал металлические прутья.

Но в доме никого не было. Ни души.

Здесь не жил ни Риджуэй, ни кто другой. Он был совсем, совсем один. Думать, что здесь кто-то есть, было лишь самообманом, утешительной выдумкой.

Он разжал пальцы и пошел назад, на другую сторону улицы. Старик посмотрел на часы. За это время он успел немного утомиться. Если обойти квартал, минуя старый дом Вероники, и вернуться к себе, он еще успеет приготовить чай перед тем, как лечь спать. Видимо, начинало темнеть. Он взглянул на небо — облака потемнели.

Он поспешил к дому Вероники.

А дом, который он разглядывал, вдруг начал оседать. Потускнели краски, на стенах появился пыльный налет. В палисаднике повылезли сорняки, взгромоздилась куча кирпичных осколков, бутылок, кусков штукатурки. Дверь сорвалась с верхней петли, косяк ввалился в проем, и стал виден темный коридор с коричневыми обшарпанными обоями. На большом окне трещина, она поползла вверх через все стекло, затем вниз. Окно упало на голый пол с ободранным линолеумом. Пластина черепицы съехала по крыше и упала в заросший палисадник, за нею посыпались другие.

А в двух сотнях ярдов звон стекла и треск черепицы были слышны не лучше, чем шепот ветра.

Ноуленд даже не обратил на них внимания.

Доктор Уильям Сэмьюэльсон сидел у окна на винтовом стуле и с высоты двенадцатого этажа глядел на забитую автостоянку. Он глубоко задумался.

В дверь постучали. Вошла сестра Дональдс, его секретарша. Она

терпеливо дожидалась, когда он обратит на нее внимание. Наконец он повернулся к ней.

— Тут в приемной мистер Уайлэт,— сказала сестра.— Он говорит, что у него назначена встреча с вами, хотя у меня ничего не записано...

— Нет, все верно. Пригласите его. Он звонил мне утром.

— Хорошо, доктор.

Она вышла, и из-за двери послышалось:

— Доктор Сэмьюэльсон примет вас.

Через несколько секунд Уайлэт вошел и прикрыл дверь. Он подошел к доктору и протянул ему руку.

— Доброе утро, доктор Сэмьюэльсон. Спасибо, что нашли для меня время.

— Не стоит благодарить,— он указал гостю на кресло.

Тот продолжал, словно Сэмьюэльсон ничего не сказал ему в ответ:

— ОЗД не хочет портить отношения с медиками, поэтому я прошу рассматривать наш сегодняшний разговор как сугубо доверительный. Я уверен, что вы поймете меня правильно. Итак...

— Сигарету, мистер Уайлэт? — он подтолкнул открытую пачку, ловко прерывая этот поток красноречия. Уайлэт взял сигарету и прикурил.

— Так чего же хочет от меня Общество Защиты Доноров? — осторожно спросил он.

Не успел Уайлэт открыть рот, как Сэмьюэльсон резко продолжил:

— Что-нибудь связанное с нашим последним больным?

— Да, доктор.

— Я так и думал. Что ж, продолжайте.

Уайлэт сказал:

— ОЗД, как Вы догадываетесь, представляет интересы родных Майкла Арнсона.

Сэмьюэльсон чинно кивнул.

— Это, во-первых. Во-вторых, ко мне обратилась миссис Ноуленд, поскольку, как она говорит, у нее никого больше нет. Миссис Ноуленд была в отчаянии, вы сами представляете...

— Я видел ее на прошлой неделе. Она очень горевала.

— Э... да. Итак, миссис Ноуленд сама член ОЗД, и она надеется, что мы ей как-нибудь поможем.

Семьюэльсон поглядел на своего собеседника. Это было не первое его столкновение с ОЗД, благотворительной организацией, которая ставила целью защитить своих членов от безответственного и ненужного использования их органов, если несчастный случай ставил их между жизнью и смертью.

На этот раз дело было очень серьезным. Общество не поддержи-

валось законом, который недвусмысленно гласил, что если наступила клиническая смерть, то нет юридических препятствий для пересадки органов с целью спасения другой человеческой жизни, но, тем не менее, общественное мнение склонялось, скорее, на сторону ОЗД. Этот случай с сердечником Артуром Ноулендом мог получить превратное освещение в прессе, и по всей стране практика пересадки человеческих органов могла оказаться под угрозой.

— Вы сами проводили операцию?

— Нет, но я отдал распоряжение на ее проведение и наблюдал за ее ходом. Оперировал доктор Дженнсер, один из лучших хирургов-кардиологов. В необходимости операции не было никакого сомнения.

— Конечно,— заторопился Уайлэт, будто боясь, что сказал бестактность.— Человек был так болен... И никто не говорит, будто ваши врачи некомпетентны...

— Тогда давайте перейдем к сути дела. Я верю в вашу искренность, но сейчас у меня очень мало времени.

Уайлэт раскрыл черную папку, лежавшую у него на коленях.

— О сути дела, как вы изволили выразиться, вы, наверное, сами догадывались. У Майкла Арнсона, нашего подопечного, был удален жизненно важный орган, а именно — сердце, вопреки его желанию, которое было выражено в его заявлении, хранящемся в Обществе. Вот фотокопия этого документа.

Он передал снимок Сэмьюэльсону.

— Согласно Хартии нашего Общества, это деяние оценивается как завладение чужим имуществом и нарушение права собственности.

Во-вторых, другая наша подопечная, миссис Вероника Ноуленд, подала жалобу на несоответствующее лечение ее покойного мужа.

Доктор Сэмьюэльсон внимательно посмотрел на фотокопию, хотя видел ее не в первый раз. Это было подписанное и заверенное заявление, касающееся останков тела. Поименованные в списке органы объявлялись частной собственностью человека, подписавшего заявление. Сердце, почки, легкие, печень, роговые оболочки глаз, некоторые железы и другие менее значительные органы подлежали, как и все тело в целом, кремации по наступлении смерти.

— Вы же понимаете, мистер Уайлэт, что медицина не признает этого.

— Конечно. Но у нас есть все основания полагать, что если этот случай будет рассмотрен в суде, то наш протест поддержат. Насколько мы понимаем, юридически это заявление имеет силу завещания. Мы навели соответствующие справки.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал Сэмьюэльсон,— но в суд вы еще не обращались?

— Нет. По крайней мере, п о к а нет.

«Значит, они хотят испытать свои силы,— подумал Сэмьюэльсон,— и не только привлечь на свою сторону общественное мнение, но и попытаться изменить закон».

— Хорошо ли вы, мистер Уайлэт, знакомы с обстоятельствами этого дела?

Посетитель пожал плечами:

— Я читал то, что было в газетах, говорил с матерью Арнсона и с миссис Ноуленд.

— И вы знаете, чем кончилась операция?

— Да.

Сэмьюльсон крутанулся на своем стуле к окну:

— Боюсь, что вы не знаете в с е г о. Это очень непростое дело. И я думаю, что прежде, чем мы приступим к разбору обвинений, которые выдвигают ОЗД, вы должны кое-что увидеть.

Он снова повернулся к столу и раскрыл тонкую папку.

— Майкл Арнсон был помещен в больницу две недели назад после автомобильной катастрофы. Я не буду сейчас перечислять все его ранения, упомяну лишь множественные переломы ребер, рук и черепа. При первичном осмотре мы предположили обширное повреждение мозга, что и подтвердилось при хирургическом вмешательстве. Когда Арнсон поступил в больницу, он еще дышал и сердце его билось. Несколько часов ушло на то, чтобы связаться с его матерью — мы узнали ее адрес случайно, по карточке вашего общества — но он умер раньше, чем ее нашли.

Уайлэт хотел что-то сказать, но доктор жестом попросил не перебивать.

— Я знаю, что вы оспариваете наше определение смерти, но думаю, что сейчас не время об этом дискутировать. Достаточно упомянуть, что, согласно нашим правилам проведения операций, мы констатировали клиническую смерть, когда приборы перестали регистрировать сигналы мозга и он перестал дышать.

В это самое время в нашем коронарном отделении находился Артур Ноуленд, больной, умиравший от долгой и мучительной болезни сердца. Группы крови у Арнсона и Ноуленда совпадали, и мы решили немедленно произвести пересадку. Если бы она оказалась успешной, мы бы могли обещать Ноуленду возвращение к нормальной жизни.

— Но он не получил это донорское сердце. Он же умер,— сказал Уайлэт.

Сэмьюэльсон пристально посмотрел на него:

— Значит, согласно вашему моральному кодексу, летальный исход отрицает наше право попытаться спасти человека?

— Да.

— Возможно. Но в этом деле есть еще кое-что. Забудем на минуту о наших этических принципах. Итак, один человек, по сущест-

ву, уже мертвец, другой очень скоро станет точно таким же мертвецом, если ему не вживить здоровое сердце. Мы приступили к делу и удалили старое сердце Ноуленда. Как обычно, в таких случаях был подключен сердечно-легочный аппарат, который обеспечивал кровообращение во время подготовки донорского сердца, но на этот раз...

Уайлэт поднял бровь:

— Вас постигла неудача?

— Нет. Сердце было успешно подготовлено к пересадке, и все бы было хорошо, но оказалось, что его нельзя использовать: сердце Арнсона тоже было поражено, и не менее тяжелой болезнью. Мы обнаружили злокачественную опухоль на верхней стенке желудочка. У Арнсона был рак. Ничего нельзя было поделать.

Ноуленд шел переулком. Он хорошо знал расположение улиц и с точностью до фута мог определить расстояние до ближайшего перекрестка.

Его улица тянулась приблизительно по линии запад-восток, своим западным концом выходила на главную улицу, где были магазины и все такое. Перекресток, где он обычно встречал Риджуэя, был примерно в миле от магазинов, а его дом отстоял от главной улицы на три четверти мили. Переулок, которым он шел теперь, вел параллельно главной улице, а длина его была не больше четверти мили.

С обеих сторон переулок стискивали потемневшие кирпичные стены средней высоты. Они были чуть выше его головы, и Ноуленд знал, что если чуть приподняться и заглянуть за стену, можно увидеть заросшие сады на задах ветхих домов. Но это ему было не интересно, на этом отрезке своих ежедневных прогулок он всегда шел, опустив голову.

Встреча с Риджуэем чем-то встревожила его, но ему не хотелось об этом думать. Хорошо ли он помнил все пережитое? Когда-то давно он решил загадку своего сердца.

Однажды, проснувшись, он почувствовал, что задыхается; это с ним часто бывало. Он потянулся к таблеткам, вздрогнул от боли в груди, но тут же понял, что разгадка его страданий — в психосоматике. Однажды его уже лечили от этого. Он порадовался тому, что все вспомнил, и сосредоточился на боли.

Через несколько секунд дыхание стало ровным. Через несколько минут биение в груди стало почти незаметным.

А через несколько дней он вообще забыл о постоянной боли и страхе, с которыми жил последние годы.

Он дошел до следующего перекрестка и повернул направо. Теперь он был на такой же улице, как и его собственная. Она тоже была длиной в милю и вела к магазинам. Он шел, не глядя по сторо-

нам. Дома были точь-в-точь похожи на те, среди которых он жил: такие же разбитые окна и двери, выщербленные лестницы и голые, без черепицы, крыши. Все это угнетало его. Иногда он удивлялся себе — зачем нужны эти прогулки? Но отказаться от многолетней привычки было нелегко.

Минут через десять он очутился возле дома Вероники, вернее, возле дома, где она жила с родителями. Давным-давно, еще до свадьбы. Он постоял несколько минут, разглядывая старомодные обои и занавески, дверь, выкрашенную в темно-каштановый цвет... Как все это знакомо!..

Дом был пуст — он прекрасно это знал, и останется таким навсегда и пребудет таким вечно. Старик тронулся дальше.

Он свернул на главную улицу и сразу же весь напрягся от одного ее вида. Тротуары были полны людей, бродивших от магазина к магазину. Витрины были ярко освещены, в них лежали товары в пестрых упаковках. По дороге двигались два бесконечных ревущих потока. Наступали сумерки, асфальт отсырел. Огни витрин отражались в тротуарах, а свет фар проезжавших машин слепил его. Эту часть пути он не любил и заспешил, втянув голову в плечи, стараясь укрыться от шума и толкотни. Вокруг раздавались голоса, казалось, они исходили неизвестно откуда и летели неизвестно куда; эти неразборчивые, бессмысленные звуки только раздражали его. Он несколько раз столкнулся с какими-то неряшливыми женщинами, нагруженными корзинами, с высокими мужчинами, спешащими неизвестно куда.

Он дошел до угла и с радостью свернул на свою улицу. Внезапно наступила тишина.

Сумерки сгущались, и он не сбавлял шага. Фонари на улице не горели, и по ночам она превращалась в страшное черное ущелье. Прогулка утомила его, и он с приятным предвкушением думал о сне. «Рано темнеет,— подумал он.— А я так быстро устал. Если бы здесь была Вероника, она бы меня поняла».

Наконец он вошел в свой дом. Согрел молока, выпил, разделся и лег. Сон его был некрепким, он часто просыпался и лежал, поеживаясь в ночной тьме, и думал о своей жене.

Когда он проснулся, рядом лежала Вероника и весело смеялась.

Доктор Уильям Сэмьюэльсон и его гость из ОЗД молча спускались в лифте. Он остановился на третьем этаже, дверцы раскрылись, и Сэмьюэльсон повел своего спутника по длинному коридору.

— Лучше всего вам самому его увидеть. Тогда вы поймете наши проблемы.

Уайлэт сказал:

— Но болезнь Арнсона не меняет сути дела, доктор. Главное, его воля была нарушена.

Сэмьюэльсон нетерпеливо отмахнулся:

— Будь это ординарный случай, мистер Уайлэт, я бы и сам усомнился, права ли медицина в этом споре. Да, и у нас есть чувства, а сам я отнюдь не догматик. Но, я думаю, вы согласитесь, что сейчас мы имеем дело со случаем необычайным.

— Возможно, возможно. Но не надо забывать о принципах. Я не собираюсь поступиться своими, эти же принципы исповедует мое общество.

— Понятно.

Дальше шли молча.

В больнице было тихо. Они прошли мимо указателей хирургических отделений и палат: все они, оказывается, были в другом конце больницы.

Как бы объясняя это, Сэмьюэльсон сказал:

— В этом крыле лежат выздоравливающие и терапевтические больные. Ноуленда поместили сюда после операции из-за его состояния, ведь за ним нужен особый уход.

Нам пришлось все поменять в палате, чтобы соблюсти необходимую стерильность.

Уайлэт кивнул.

Наконец они подошли к двухстворчатой двери. Сэмьюэльсон прошел вперед и придержал створку. Какая-то медсестра поднялась им навстречу и провела их в комнату, смежную с ее маленьким кабинетом.

— Спасибо, сестра,— сказал Сэмьюэльсон.

Она вернулась к себе, оставив их одних.

В этой не слишком большой комнате в три ряда стояли стулья. Они были повернуты к прозрачной стене, через которую была видна еще одна комната. Сэмьюэльсон сел на один из стульев, жестом пригласил Уайлэта сесть рядом и показал на палату за стеклом:

— Здесь лежит Ноуленд.

Палата была ярко освещена батареей ламп под потолком. Становилось как-то не по себе от ослепительно-белых стен. Посреди комнаты стоял высокий стол, обитый кожей, а на нем лежало человеческое тело, прикрытое белоснежной простыней. Голова была забинтована, глаза закрыты.

Около стола стояли многочисленные приборы: в глазах рябило от блеска никеля, черноты резины и мерцания медных проводов. Два человека в белых халатах и масках стояли у стола. Один из них держал лабораторный журнал и что-то писал в нем, другой стоял чуть сзади и внимательно просматривал медленно ползущую электроэнцефалограмму.

Уайлэт вскоре отвернулся.

— А я-то думал, что Ноуленд умер.

— Он мертв. Он скончался от гипоксии, как мы это называем.

Уайлэт сказал:

— Не понимаю, почему вы придаете такое значение причине смерти?

— Не понимаете? Мне казалось, что ваше общество хорошо знакомо с точным определением понятия «смерть».

— Конечно,— сказал Уайлэт.— Смерть наступает, когда сердце перестает биться.

— В таком случае, Ноуленд действительно мертв. Сердца у него вообще нет. Но... его мозг еще в сознании, поэтому мы должны считать, что его личность не разрушена.

— Он... в с о з н а н и и?

— Да, насколько мы можем судить. Его мозг беспрерывно контролируется электроэнцефалографом. Со времени операции в работе мозга не было никаких нарушений.

— Но что же поддерживает его жизнь? — спросил Уайлэт.

— Вот эта машина,— сказал доктор, показывая на приборы,— называется сердечно-легочным аппаратом. Она более или менее заменяет те органы, которые присутствуют в ее названии. Аппарат выполняет работу сердца и легких, то есть поддерживает температуру, обеспечивает насыщение крови кислородом и ее обращение в теле.

— И сколько же времени Ноуленд так лежит?

— Четырнадцать дней. С самого начала операции.

Уайлэт поднялся и подошел к прозрачной стене. Он прижался лицом к стеклу и всмотрелся в человека, лежащего на столе.

— Но, если вы говорите, что только машина заменяет его сердце, как он может одновременно быть мертвым и находиться в сознании?

Доктор поднялся и встал рядом с ним.

— Его тело и нервная система не работают, вот все, что мы знаем. Была небольшая задержка в подаче глюкозы в мозг, и мы теперь подозреваем, что из-за этого нарушилась моторная функция центральной нервной системы. Но высшая нервная деятельность продолжается, мы в этом совершенно уверены. Биотоки его мозга ничем не отличаются от наших. Да вы и сами видите,— доктор показывал на энцефалограф,— что там все в порядке. Временами он засыпает и, как нам кажется, видит сны.

Уайлэт посмотрел на длинную бумажную ленту, медленно выползающую из аппарата, но ничего не смог понять в этих зигзагах.

— Ну, и что же теперь делать? — спросил он наконец.

Сэмьюэльсон пожал плечами.

— Что мы можем сделать? Мы следим за равномерным кровоснабжением мозга, подкармливаем его глюкозой. Контролируем мозговую деятельность и тщательно записываем все показатели. Если мозг выживет, мы надеемся получить сведения огромной важ-

ности, но об этом говорить еще рано. Например, мы узнали, что сон удовлетворяет потребность не только в умственной, но и в физической деятельности.

— Вы хотите сказать, что используете этого человека как подопытного кролика?

— Если вам так угодно это назвать, то да.

— Но это же бесчеловечно!

Самьюэльсон опять пожал плечами.

— Что же нам прикажете делать? Выключить аппарат и дать мозгу умереть? Это будет убийством.

Уайлэт посмотрел на человека, лежащего в стерильной палате.

— Он уже умер...

— ...и его вдова получила свидетельство о смерти,— закончил за него Сэмьюэльсон.— Я сам его подписал.

— Тогда мозг следует отключить от аппарата.

— Но мы считаем, что это неэтично,— доктор вернулся на свой стул.— Вот мы и пришли к началу нашего разговора. С точки зрения вашей морали удаление здорового органа из мертвого тела неэтично, но вы называете неэтичным и продление жизни человеческого разума, считаете, что его нужно умертвить.

Уайлэт промолчал.

— Теперь вы видите, в каком мы затруднении, мистер Уайлэт?

— Да,— сказал тот.— Да, конечно.

— И более того, понимаете ли вы, что затевать судебное разбирательство по поводу этого несчастного было бы ошибкой? Подумайте, что будет с его вдовой? Смерть — это трагедия, от которой можно постепенно оправиться, но эта неопределенность, когда тело мертво, а разум еще искрится, но до него нельзя достучаться, непереносима. И мы говорим — поскольку разум Ноуленда еще жив и здоров, он имеет право на жизнь.

Если вы хотите оспорить право врачей пересаживать человеческие органы, найдите другой случай и поднимайте вокруг него шум. В нашей больнице вы найдете достаточное количество таких примеров. Но Артур Ноуленд... то, что он до сих пор еще жив — это само по себе чудо. Но общественности об этом знать ни к чему.

— Да, здесь я с вами согласен,— сказал Уайлэт. Он подобрал свою черную папку со стола.— Я думаю, моя миссия здесь окончена.

Он пошел к выходу.

— Мистер Уайлэт!

— Да?

— Надеюсь, что вы будете тактичны со вдовой Ноуленда?

— Конечно. Хотя, я даже не представляю, что ей сказать. Наверное, просто посочувствую.

Сэмьюэльсон кивнул.

— Интересно, о чем он может думать все это время?

— Наверное, мы этого никогда не узнаем. Он не может ни видеть, ни слышать, ни осязать. Он не может реагировать на свои мысли и не может ничего сказать или дать какой-либо знак. Все, о чем он думает, исполняется для него, а он, как мы знаем, может вообразить все, что угодно. Его мысли раскрепощены, знаете ли. Все, что он вообразит, захочет или предположит, станет для него совершенно реальным. Я думаю, он может выстроить целый мир, который будет настоящим, сущим и материальным. В каком-то смысле, это осуществление древнейшей мечты всех людей.

— Но с другой стороны... нет, все это совершенно непостижимо.

Лицо Уайлэта, беспечное и оживленное в начале визита, теперь было мрачно и задумчиво.

— Да,— сказал он и протянул руку доктору.— Спасибо за то, что уделили мне время и все показали...

Он направился к двери.

Сэмьюэльсон подождал, пока медсестра проводит гостя, встал, подошел к стеклу и долго смотрел на останки Артура Ноуленда и на показания равнодушных приборов. В этой мумии, когда-то бывшей человеком, был живой мозг, незамутненный, здоровый, единственный и неповторимый, а значит — бесценный. Что же снится этому раскрепощенному мозгу? Какие надежды и видения? Какая жизнь?

Он зажмурился, опять открыл глаза — она была тут, рядом.

— Вероника!

— А ты что, думал найти здесь кого-нибудь еще? — рассмеялась она.

И он тоже рассмеялся.

Потом, когда прошло невесть сколько времени, он встал и подошел к окну. Улица за окном выглядела такой, какой он хотел ее видеть. Машины, новые и не очень, ровно стояли вдоль дороги... листья опадали с деревьев по-осеннему небрежно. В доме напротив горел свет, и было видно, как там ходили люди. Какая-то машина промчалась в сторону главной улицы, а высоко над головой заходил на посадку реактивный лайнер.

Все было как положено, как он привык. Присутствие Вероники разом воскресило весь этот мир.

Его рука бегло ощупала левую сторону груди, но так и не обнаружила сбивчивого ритма, из-за которого он полжизни чувствовал себя инвалидом. Но все уладилось как-то само собой. Его сердце было в полном порядке, любой бы так сказал.

Он обернулся к кровати. Вероника была хороша, как в день свадьбы. Он шагнул к ней и вдруг увидел себя в большом зеркале платяного шкафа. Он тоже помолодел на 30 лет, в ясном утреннем свете он хорошо видел свою стройную фигуру.

Вероника позвала его.

Он оперся на край кровати, склонился над ней и поцеловал. Она обняла его и притянула к себе.

А за окном жил своей жизнью мир, созданный Артуром Ноулендом, и все в нем было, как положено.

ОБНАЖЕННАЯ

Половая свобода была преступлением, наказанием — Позор. И вот средь бела дня нагая женщина шла в суд, где должны рассмотреть ее апелляцию.

Улицы большого города были полны людей. Мадам Л. шла спокойным шагом — если она придет раньше времени, ее все равно не впустят; она точно знала расстояние, которое ей надо было пройти, поэтому ждать придется не более пяти минут, если, конечно, все сойдется. Еще она знала: бежать, чтобы поскорее покончить с унижением, нельзя — только привлечешь к себе внимание. Ею и без того уже заинтересовалась кучка зевак.

Если бы произошло самое худшее — а это было более, чем вероятно — никто бы не пришел на помощь, хотя ее брат со своим другом шли следом.

Тому, кто изнасилует нагую женщину, ничего не будет, но любого, кто попытается защитить такую, ждет суровое наказание; осужденная оставлена на произвол судьбы.

Шесть месяцев кряду она носила это клеймо и выжила не столько благодаря удаче, сколько заботами друзей. Незавидна была участь тех женщин, которым пришлось отбывать срок Позора в больших городах.

В этом ей повезло, хотя помогли ей те самые друзья, что невольно подтолкнули ее к преступлению.

Жалость к себе давно ушла, осталось только желание вернуться к нормальной жизни.

В этот день ненадолго проснулся стыд, но она, в общем-то, привыкла переносить его. Не отступал только страх, ужас перед физическим насилием.

Она выросла в обществе, где нравственность была освящена законом,— по крайней мере, для женщин — и вполне принимала эти правила, но к ежедневному страху перед изнасилованием невозможно было привыкнуть, он не отпускал ее в течение всего срока Позора.

Закон защищал женщин целомудренных, единобрачных, верных своим мужьям, тех же, кто сбивался с пути истинного, он жестоко карал.

Во время Позора она часто размышляла о своем преступлении. Только трое... но это не имело значения. От этого ее вина не становилась меньше, но у нее и вправду было только трое мужчин,

двое, если не считать мужа. Первым ее преступлением стало короткое, случайное знакомство, завязавшееся и завершившееся в течение одной ночи. Испугалась она потом, когда вспомнила, какое наказание следует за прелюбодеяние, но со временем постаралась все забыть и не придавать этому особого значения. Когда же это было?.. То ли четыре, то ли пять лет назад...

Она прошла уже половину пути.

Закон гласил, что в день подачи апелляции женщина должна пройти обнаженной от комендатуры полиции нравов до здания суда в одиночку и пешком. Избежать этого было невозможно: телекамеры следили за ней от начала до конца пути. Если она отклонялась от назначенного маршрута хоть в какой-то мелочи, то ее дело не принимали к рассмотрению, и Позор продлялся на неопределенный срок.

Позади все так же молчаливо шла кучка зевак.

Года два назад они с мужем познакомились с новыми друзьями. Муж имел кое-какие способности к живописи и надеялся, что общение с богемой поможет ему завоевать признание. В обществе, где господствовал конформизм, эти новые знакомые старались выглядеть вольнодумцами и радикалами. Они высмеивали законы морали, провозглашали преимущества гуманизма и свободного самовыражения...

В этой компании они с мужем позволили себе увериться, что на законы и вправду не стоит обращать внимания. В таком-то настроении она и встретила того, третьего. Однажды вечером, когда все остальные обсуждали какой-то незначительный политический вопрос, он увел ее в другую комнату, напоил каким-то самодельным ликером и соблазнил. Впоследствии она объясняла себе свой поступок как мелкий вызов жестоким законам.

А через несколько дней ее арестовали.

У перекрестка ей пришлось подождать. Сбоку торчала стойка одной из контрольных телекамер. Зеваки ждали поодаль — хоть за это она была им благодарна — но, может быть, они лишь выжидали подходящего момента, чтобы наброситься на нее.

На другой стороне улицы стояло несколько женщин. Взглянув на нее, они отвернулись. Ни сочувствия, ни искры понимания! Она хотела было попросить проводить ее, но удержалась: никто и никогда не помогал обнаженным.

Еще до суда ей стало ясно, что кто-то из ее друзей-радикалов оказался доносчиком. Это ужаснуло ее даже больше, чем уход мужа — тогда она просто почувствовала себя свободной. Не имея по-

нятия о том, кто же все-таки предатель, она не смела просить помощи у друзей. Во время суда ни один из них не выступил в ее защиту, а свидетели обвинения давали показания анонимно.

После оглашения ей дали временное имя — «Мадам Л.». Она вернулась домой и с неделю пыталась вести обычную жизнь. Заказывала продукты по телефону, не выходя из квартиры. Без мужа и его вещей в доме было пусто, одиноко, просто невыносимо. Она не имела права выходить из дома, не раздевшись донага; если бы она попалась на улице одетой, наказание стало бы пожизненным. Каждый шорох в коридоре казался ей шагами насильника, каждый мужчина, который останавливался под ее окном, казался потенциальным маньяком, улицы города представлялись лабиринтом темных аллей с крадущимися тенями.

В конце концов, не зная, куда деваться, она сняла свои одежды и поехала на машине к самому близкому другу, надеясь, что доносчик — не он. Боясь еще одного предательства, она все же попросила его о помощи... и, к ее удивлению, он захотел и смог ее выручить.

У него был большой дом милях в пятидесяти от города, и она провела там весь свой срок Позора.

Здесь она сразу почувствовала себя в безопасности. Она попрежнему не имела права показываться на людях одетой, и первые несколько недель соседи относились к ней враждебно. Но она чувствовала — и правильно, как оказалось, что в сельской местности меньше шансов подвергнуться нападению.

О ее беде узнал брат, он приезжал несколько раз. Он не мог защитить ее, но, по крайней мере, был рядом...

Когда срок подходил к концу, пришло время новых мук: ее, горожанку, манила красота пейзажа, но она, как Тантал, не могла наслаждаться этой красотой в полной мере, потому что боялась выйти из дома. Только однажды они вместе с братом прогулялись по окрестностям, но... нагая женщина нигде не может укрыться от взоров.

Итак, срок Позора окончился. Никто так и не напал на нее, тело ее осталось нетронутым.

В последний вечер она вернулась в свою городскую квартиру вместе с братом и его другом, а утром явилась в спецкомендатуру.

Отсюда надо было пройти три мили к зданию суда.

Она услышала, что мужчины, идущие позади, разговаривают. Это был хороший признак. Брат сказал, что они с другом будут делать все возможное, чтобы не дать неизбежной кучке зевак превратиться в неуправляемую толпу насильников. «Молчание,— говорил он,— опасно». Если кто-нибудь набросится на нее, мало кто останется в стороне, большинство потеряет рассудок, и молчание будет знаком одобрения насилия.

Раздалось несколько замечаний о ее фигуре, но они были, в общем-то, добродушными. Она знала, что брат сам собирался затеять разговор о ее внешности.

Один мужчина обогнал остальных и несколько шагов шел рядом. Он смотрел, оценивая, ее тело, но она пристально взглянула ему в глаза. Он тут же отвернулся и свернул в какой-то магазин.

Всю свою жизнь она осознавала уязвимость своего пола. Ребенком ее учили быть скромной и сдержанной, уважать отца и брата, остерегаться незнакомых мужчин. Позднее она, следуя совету матери, никогда ни с кем не уединялась. В этом не было ничего необычного: от подруг она узнала, что их воспитывали точно так же. Только став взрослой и самостоятельной, она поняла, что было тому причиной. Мужчин было в несколько раз больше, чем женщин. И хотя общество окружало ее особой заботой, соответствующей ее полу, она знала, что это будет лишь до тех пор, пока она будет следовать правилам игры.

Нет ничего милее невинной женщины, и нет никого виноватей, чем та, которая оступилась.

Наконец показалось здание суда, а кучка зевак была все такой же небольшой. «Интересно,— подумала она,— это одни и те же мужчины шли за мной всю дорогу, или по пути кто-то отставал, кто-то присоединялся?» А еще она возблагодарила судьбу, что разбирательство было назначено на дневное время. В газетах, которые особо не сокрушались об участи обнаженных, часто встречались сообщения о том, как их насиловали и убивали по дороге на вечерние заседания суда.

До ареста это ее не заботило, она думала, что это не коснется ее никогда, но, испытав на себе все стадии наказания, она поняла, что на самом деле она прекрасно знала, как все происходит. И еще она знала, что представляет собой суд.

Женщина еще раз оглянулась. Толпа, в основном, рассеялась, наверное, они поняли, куда она идет. Осталось человек десять, среди них был брат со своим другом. Худшее было позади. Осталось пройти несколько сотен шагов, и она успокоилась и словно привыкла к прогулкам по городу в таком виде.

«А как же другие женщины, тоже привыкают? Или просто сидят взаперти?»

Здание суда стояло на небольшой площади, густо обсаженной деревьями. Она прошла через живую ограду, шум улицы остался позади. Оглянулась. Кроме брата и его друга осталось всего пять человек.

Вход был с другой стороны здания, и она свернула за угол. У крыльца роилось около сорока мужчин.

Брат быстро нагнал ее и пошел рядом. Пока они пробирались к двери через толпу, он не отставал, хотя и не показывал, что знаком с ней. Закон гласил, что обнаженные должны являться в суд в одиночку, хотя она подозревала, что мало кто из них отказывался, если находился мужчина, готовый тайно поддержать несчастную.

У двери стояла еще одна женщина, вернее, девушка, молодая, не старше двадцати лет. Она отвернулась к стене, съежилась, пытаясь спрятаться от рук, что тянулись к ее нагому телу.

Девушка увидела, как подходит Мадам Л. и вздохнула с облегчением... тут дверь распахнулась, и вышел человек в форме.

— Твоя очередь,— сказал он девушке.

Он повел ее через дверь, и Мадам Л. подалась вперед.

— А я?

— После нее. Ты пришла слишком рано.

Дверь захлопнулась, и Мадам Л. обернулась к толпе.

Она поняла, что если смотреть прямо в глаза мужчин, то это не даст им возбудиться. Напротив стоял брат, он старался не выделяться из толпы, но в то же время прикрывал ее.

Казалось, мужчины не слишком интересовались ею. Возможно, она была старше, чем им хотелось бы, а может, они боялись последствий, если сделают это прямо здесь, на ступеньках суда? Или это обыкновенный вуайеризм? Мужчины стояли поодаль, разговаривали, разбившись на кучки. Она ненавидела их всех, зная, что́ они собой представляют: неудачники, которые хотят воспользоваться слабостью тех, кого низвергло общество, еще раз унизить их. Если они набросятся на нее — она погибла. Их было слишком много, и в этой толпе не было ни малейшего порядка: они будут безжалостно сражаться за ее тело и растопчут ее в этой свалке.

Но минуты текли, ничего не происходило, будто им не было до нее дела.

Опять открылась дверь, и пристав спросил:

— Имя?

— Я известна как Мадам Л.

— Хорошо. Ты следующая. Жди.

Дверь снова закрылась, и все стали с нетерпением ждать, когда она откроется.

Через минуту вышла девушка. На ней по-прежнему ничего не было.

Пристав грубо столкнул ее с крыльца, она упала.

— Теперь заходи ты,— велел он Мадам Л.

Она смотрела на распростертое тело девушки, на мужчин, надвигавшихся на несчастную.

— Заходи!

Он схватил ее за руки и втащил внутрь. Из-за двери донеслись крики мужчин и вопли девушки.

— Что с ней?

— Ее апелляцию отклонили.

Ее провели через короткий коридор к лестнице, около которой была небольшая комната. Пристав завел ее в эту комнату и сказал:

— Если тебя помилуют, оденешься здесь.

Здесь было несколько вешалок с одеждой. Это были грубые серые комбинезоны, такие обычно надевают для какой-нибудь грязной работы.

— Наверх.— Пристав кивнул на лестницу.

Она медленно поднялась и очутилась на узкой площадке, которая, как оказалось, выходила в зал заседаний. Было высоко, и она безотчетно ухватилась за перила.

Внизу заседал апелляционный суд. Зал напоминал веер, перья которого расходились от площадки, на которой она стояла.

Вопреки ее ожиданиям в зале не чувствовался дух формализма: люди садились, вставали, пересаживались из кресла в кресло. Ряды были обращены к ней, как в лекционном зале. На задних рядах спокойно разговаривали. Первые несколько рядов были забиты публикой, дальше был огороженный сектор для судей и сановников, за ними было еще несколько рядов, но многие места пустовали. В зале были только мужчины.

Вспыхнули прожектора, их лучи сошлись на площадке. От неожиданности она зажмурилась. Один из судейских встал и совсем тихо сказал:

— Заседание начинается.

Постепенно шум умолк.

— Рассматривается заявление женщины, носящей в настоящее время имя «Мадам Л.». Вы удостоверяете свою личность?

— Да, я Мадам Л.,— сказала она и увидела, что заработали магнитофоны, установленные у стены.

— Прекрасно. Я — ваш защитник. Для того, чтобы обосновать вашу апелляцию, мне необходимо услышать ваше заявление. Вы должны помнить, что клятва, данная вами на предыдущем процессе, остается в силе. Это вам понятно?

— Да, сэр.

— Сущность вашей апелляции состоит в том, что вы исповедуетесь под присягой. Вы должны рассказать суду обо всех деталях вашего преступления. Ваш рассказ суд сравнит с показаниями, данными под присягой свидетелями обвинения, и если они в чем-то не совпадут, вам будет устроен перекрестный допрос. Если суд не будет удовлетворен аутентичностью исповеди, ваша апелляция будет отклонена. Вопросы есть?

— Сэр... как подробно следует рассказывать?

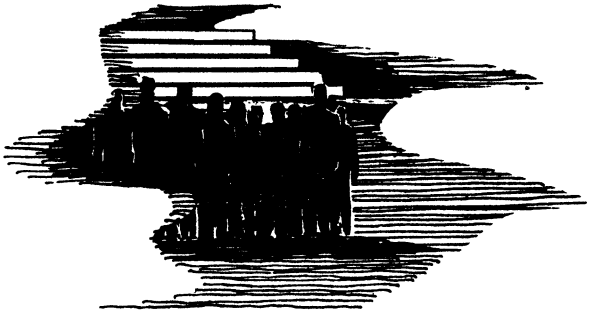
— Ваш рассказ должен быть полным, вплоть до самой последней мелочи. Каждая ваша мысль, каждое движение и желание цен-

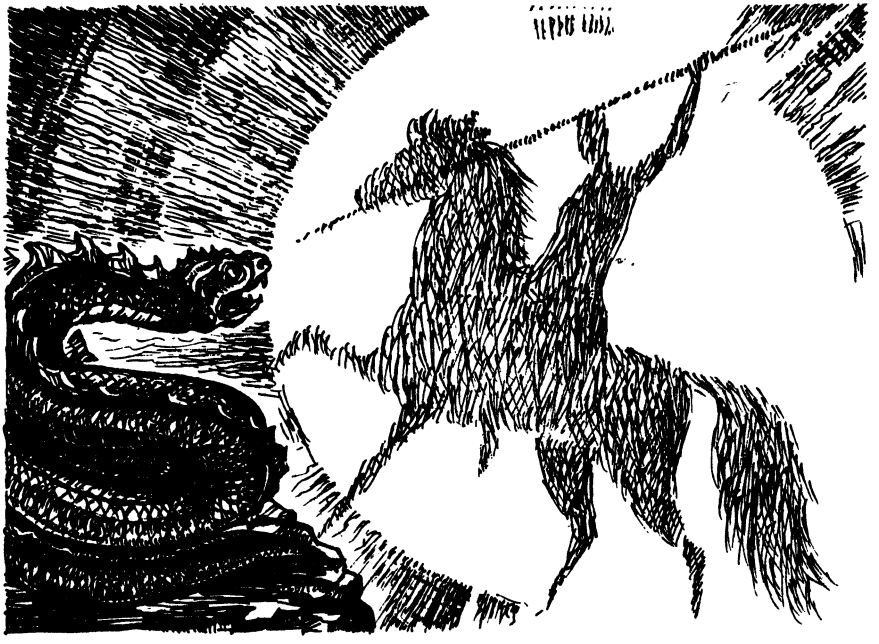
ны для исповеди. Вы должны описать поминутно все пережитые вами ощущения, и как вы на них реагировали. Не опускайте ничего, каким бы незначительным это ни казалось. Начинайте.

Защитник сел в свое кресло.

Все с нетерпением приготовились слушать. Мадам Л. вздохнула и начала перечислять свои преступления.

Вот когда началось насилие.





Роджер Желязны

ДЕВА И ЧУДОВИЩЕ

Время было тревожное, ибо снова пришла пора выбора. Старейшины сказали свое слово, и жертва была избрана, несмотря на возражения самого старшего из них, Руиллика.

— Недостойно раз за разом склонять свои головы,— протестовал он.

Ему даже не ответили. Юную девственницу отвели в темную пещеру и накормили сонными листьями.

Руиллик был недоволен.

— Это неправильно,— твердил он.— И несправедливо.

— Так делали всегда,— ответили ему,— каждой весной и каждой осенью.

Все тревожно поглядывали на небо, которое уже начало светлеть — близилось утро.

И Бог уже слышался в лесу.

— Пора уходить,— сказали старейшины.

— А вам никогда не приходило в голову остаться и посмотреть, что делает Бог-Чудовище? — с горечью в голосе спросил Руиллик.

— Не кощунствуй! Пошли отсюда.

Руиллик поплелся следом за прочими.

— Нас все меньше с каждым годом,— бурчал он.— Придет день, когда нам некого будет принести в жертву.

— В тот день все мы погибнем,— ответили ему.

— Так зачем же тянуть? — спросил он.— Не лучше ли сразиться сейчас, чем ждать, когда мы перемрем?

Старейшины только покачали головами — как всегда, век за веком. Они почитали возраст Руиллика, но мнения его не разделяли. Один раз они оглянулись и увидели озаренного солнечными лучами Бога с копьем наперевес, на белоснежном скакуне. В сырой туманной пещере девственница в ужасе забила хвостом, глаза ее едва не вылезли из-под чешуйчатых век. Она почувствовала Бога, и пещера огласилась глухим ревом.

Старейшины, больше не оборачиваясь, продолжали свой путь.

На опушке леса Руиллик остановился и поднял костлявую лапу к голове, словно пытаясь удержать какую-то мысль.

— Помнится,— сказал он,— раньше все было совсем по-другому.

Айзек Азимов

Я В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ

Сначала все шло просто сказочно. Без всяких усилий, само собою. Вообще без моего участия. Я и пальцем не шевельнул — удача сама плыла в руки. Тут-то я и должен был почуять, что добром это не кончится!

Был первый день моего отпуска. Месяц работы — месяц отдыха: все как положено в Галактической Безопасности. И этот месяц отдыха как всегда начинался тремя днями в Марсопорте. А уж потом была Земля.

Обычно Хильда (благослови ее бог, она лучшая из всех жен на свете) уже дожидалась меня, и мы славно проводили время,— такая миленькая маленькая прелюдия к отпуску. Все дело лишь в том, что Марсопорт — самое буйное местечко во всей Системе, и для миленькой маленькой прелюдии не совсем подходит. Только как втолковать это Хильде?

На этот раз моя теща (боже, если уж без этого никак не обойтись, благослови и ее) заболела за пару дней до моего прилета на

Марс, и в ночь перед посадкой я получил от Хильды космограмму, что она останется на Земле подле своей мамочки и меня не встретит.

Я послал ответ, полный сожалений, любви и озабоченности здоровьем ее обожаемой мамаши, а когда спустился с трапа, оказался...

Я ОКАЗАЛСЯ В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ!

Это еще не все, как вы понимаете. Что-то вроде рамы без картины или женского скелета. В раму просятся линии и краски, на скелет — соблазнительная плоть.

И тогда я решил позвонить Флоре — той самой Флоре, о которой у меня сохранилось несколько замечательных воспоминаний.

Решил — и рванул к ближайшему видеофону (к чертям экономию, полный вперед!)

Я прикинул шансы. Десять против одного, что ее не окажется дома, что она занята и отключила аппарат или что она, скажем, вообще умерла.

Но видеофон был включен, она была дома и — о, Великая Галактика! — до того жива, что дух захватывало.

Она была бесподобна. Ни время, ни привычка над дивной новизной ее не властны, как кто-то когда-то сказал.

Уж не знаю, искренним ли был ее восторг, но, увидев меня, она так и взвизгнула:

— Макс! Сколько лет!

— Много, Флора, много. Но это я, и у меня вопрос — к тебе можно? Я в Марсопорте... и, представь себе, без Хильды!

— Вот это да! Приезжай!

Я ошалело вытаращился на экран. Это уж слишком. Понимаете, Флора пользовалась сногсшибательным успехом и всегда была занята.

— Ты что... свободна?

— Ну, намечалось тут у меня кое-что. Но, Макс, я все улажу, давай ко мне!

— Еду! — отозвался я с чувством.

Флора — это такая девушка... К тому же у нее в квартире марсианская гравитация — 0,4 земной. Аппаратура для нейтрализации марсопортского псевдогравитационного поля, конечно, штука дорогая, но она того стоит, а трудностей с оплатой у Флоры никогда не было. Да что там, если вы хоть раз держали в объятиях девушку при 0,4 «же», так ничего объяснять не требуется, а если не держали, так и объяснять бесполезно, могу только посочувствовать: что толку рассказывать, как летают в облаках!

Я отключил видеофон — зачем пялиться на изображение, если есть возможность увидеть оригинал во плоти,— и шагнул из кабинки.

Вот тут-то, в этот самый момент, на меня и дохнуло катастрофой. Это дуновение приняло мерзкий облик Рога Кринтона из Марсиан-

ского Управления Службы Безопасности,—лысина, сияющая над блекло-голубыми глазами, тускло-желтая физиономия и непотребного окраса усы. Впрочем, я и не подумал падать на карачки и отбивать ему поклоны: мой отпуск начался с той самой минуты, как я сошел с корабля.

Так что я поинтересовался вполне вежливо:

— Какого вам черта? У меня свидание. Я тороплюсь.

— У тебя свидание со мной. Я ждал еще у трапа,— ответствовал мой плешивый шеф.

— Я вас не видел.

— Ты вообще ничего не видел.

Он был прав. Если он пытался перехватить меня в шлюзе, так у него голова кружится до сих пор, наверное: я проскочил через камеру быстрее, чем комета Галлея сквозь солнечную корону.

— Ладно. Что вам от меня нужно?

— Есть тут одно дельце, приятель.

Я выдал ему точную анатомическую характеристику того места, куда он может засунуть свое дельце, и предложил помочь, если он сам не справится.

— У меня отпуск, приятель.

А он мне:

— Готовность номер один, друг мой!

Это могло значить только одно — мой отпуск кончился, не начавшись. Я не поверил. Я взмолился:

— Рог, имейте совесть! У меня самого готовность номер один!

— И думать забудь.

— Рог! — взвыл я.— Неужели нельзя вызвать кого-нибудь другого?

— На Марсе ты единственный агент класса А.

— Так запросите с Земли. У них же в штабе куча агентов.

— А нам надо с этим разделаться до 23.00. Да что у тебя — трех часов не найдется?

Он был непробиваем. Оставалось вернуться к видеофону, гордо бросив Рогу через плечо: «Частный разговор!»

Флора снова засияла на экране, словно мираж на астероиде:

— Что-нибудь не так, Макс? Только не вздумай сказать, что не можешь. Я уже отказалась от приглашения.

— Флора, детка,— сказал я.— Я буду. Я в любом случае буду. Но тут надо кое-что уладить.

Ее не интересовало, что я там собрался улаживать. Она задала самый естественный вопрос. И голос у нее был обиженный.

— Нет никакой другой девушки,— тоскливо ответил я.— В одном городе с тобой не бывает других девушек. Существа женского пола — возможно, но не девушки. Флора, сладость моя, это — работа. Подожди. Совсем недолго!

— Хорошо,— ответила она, но от ее ответа я вздрогнул.

Я выбрался из кабины и вяло поинтересовался:

— Ну, Рог, какую кашу мне предстоит расхлебывать?

Мы пошли в бар космопорта, заняли отдельный кабинет, и Рог Кринтон, наконец, сказал:

— В 20.00 по местному времени, то есть через полчаса, с Сириуса прибывает «Гигант Антареса».

— О'кей.

— Среди прочих с него сойдут три человека. Они останутся ждать «Пожирателя пространства», который сядет в 23.00 и немного погодя уйдет к Капелле. Стоит этой троице ступить на «Пожиратель», как она окажется вне нашей юрисдикции.

— Так.

— Между 20.00 и 23.00 им предстоит сидеть в отдельном зале ожидания, и тебе вместе с ними. У меня с собой голограммы всех троих, так что ты не ошибешься. За это время тебе надо узнать, кто из них везет контрабанду.

— Какую?

— Самую скверную. Измененный спейсолин.

— Что?

Все. Нокаут. Я знал, что такое спейсолин. Если вы хоть раз бывали в космосе, вы тоже знаете. И даже если никогда не покидали Земли, все равно знаете. Он необходим для путешествий в Пространстве. Первую дюжину полетов в нем нуждаются почти все, а многие вообще без него не обходятся. Боятся головокружения в невесомости, тошноты, а то и психоза. Спейсолин все это снимает, а привыкания и побочных эффектов не дает. Спейсолин идеален и незаменим.

— Вот именно,— сказал Рог,— обработанный спейсолин. Простейшая химическая реакция в простейших условиях превращает его в препарат, с первого раза делающий человека наркоманом. Эта штука пострашнее самых опасных алкалоидов.

— И мы только сейчас об этом узнали?

— Служба знает об этом уже несколько лет. Но прежде удавалось прихлопнуть любое заведение, где додумывались до такого. А сейчас дело зашло слишком далеко.

— Каким образом?

— Один из троих везет с собой немного обработанного спейсолина. Система Капеллы не входит в Федерацию — ее химики легко сделают анализ образца и еще легче его синтезируют. После этого нам останется либо бороться с торговлей самым опасным наркотиком без всяких шансов на успех, либо сразу закрывать лавочку, запретив исходный продукт — спейсолин,— и поставить крест на полетах в Пространстве.

— И кто же из них его везет?

Рог осклабился:

— Да если бы мы это знали, на что бы ты понадобился? Ты и разберешься — кто.

— Ну и работенку вы мне подсунули.

— Смотри, не ошибись. Каждый из них — большая шишка на своей планете. Первый — Эдвард Харпонастер, второй — Джоакин Липски, третий — Андьямо Ферручи. Ну как?

Он был прав. Я слышал обо всех. Вы, наверное, тоже. И без серьезных улик ни к одному из них не подступиться.

— Неужели кто-то из них связался с такой гадостью? — спросил я.

— Тут пахнет миллиардами,— ответил Рог.— А значит, каждый из них мог связаться. И один связался — Джек Хоук установил это прежде, чем его убили.

— Джека Хоука убили?! — На минуту я забыл о новом наркотике. На минуту я забыл даже о Флоре.

— Да. Именно один из этих типов и организовал убийство. Теперь слушай. Ткнешь в него пальцем до 23.00 — получишь повышение, прибавку к жалованию, сочтешься за беднягу Джека и в придачу — спасешь всю Галактику. Ошибешься — будет скандал галактических масштабов, а ты вылетишь из Службы и угодишь во все черные списки отсюда до Антареса и дальше.

— А если я ни в кого не ткну?

— Для тебя это ничем не будет отличаться от ошибки, обещаю тебе от лица Службы.

— То есть мне просто снимут голову?

— Снимут и ломтиками нарежут. Наконец-то ты начал меня понимать, Макс.

Рог Кринтон всегда был уродом, но сейчас он выглядел омерзительно даже для урода. Глядя на него, я утешался только мыслью, что он тоже женат, и уж его-то половина круглый год безвылазно торчит в Марсопорте. И он это заслужил. Быть может, я к нему жесток, но он заслужил!

Как только Рог отправился восвояси, я позвонил Флоре:

— Бэби, сладость моя! Есть дело, которое я обязан провернуть, но говорить об этом я не имею права. Ты только подожди, а я буду у тебя, даже если мне придется проплыть через весь Большой канал до полярной шапки в одних подштанниках, сковырнуть Фобос с неба или разрезать себя на кусочки и послать тебе бандеролью...

— Ха! — сказала она.— Если б я знала, что меня заставят ждать...

Я поморщился. Флора явно не относится к поэтическим натурам. Но когда я поплыву с ней в облаке жасминового аромата при 0,4 «же», романтика окажется не самым главным...

— Ну подожди чуть-чуть, Флора,— только и сказал я.— Это не займет много времени. Я искуплю свою вину.

Я был раздосадован, но не слишком горевал. Рог предоставил мне разбираться, кто из троих — преступник. Дело не стоило выеденного яйца. Оно было настолько простым, что я мог бы сразу вернуть Рога и выложить ему все. Но, собственно, чего ради? Пусть этот умник двигает меня по службе, а не наоборот. Я потрачу на все это пять минут и поеду к Флоре, слегка опоздав, зато с повышением, симпатичным чеком в кармане и слюнявыми поцелуями Службы на щеках.

Весь фокус в том, что большие шишки недолюбливают космические перелеты, предпочитая видеосвязь. А если им так уж необходимо присутствовать на какой-нибудь суперконференции лично, то они без спейсолина не обходятся. Во-первых, без него они не рискнут лететь, во-вторых, спейсолин дорог, а крупные промышленники любят все дорогое — знаю я их психологию.

Но это относится только к двоим. Тот, третий, что везет контрабанду, не рискнет принять спейсолин даже под страхом подхватить букет неврозов. Под спейсолиновым кайфом можно не только проболтаться о наркотике, но вообще вышвырнуть его или отдать по первой просьбе; так что он должен быть в ясном уме. Вот и вся премудрость.

«Гигант Антареса» прибыл точно в восемь. Я принял боевую стойку, готовясь прищемить хвост ядовитой крысе и проводить с миром двух почтенных акул галактического бизнеса.

Первым передо мной предстал Липски. Плотоядные губы, седеющие волосы и внушительные брови. Он глянул сквозь меня и... сел.

— Добрый вечер, сэр! — радушно поздоровался я.

— Вечерняя чашечка кофе панамцев сердца горячи и перебор сердечный,— последовал сонный ответ.

Вот это и есть спейсолин: в мозгах короткое замыкание, а слова сплетаются в немыслимых ассоциациях.

Вторым явился Андьямо Ферручи. Черные усы, длинные и набриолиненные, оливковая кожа, испещренная оспинами. И тоже сел.

— Как путешествие? — поинтересовался я.

— Шествие под бой часов кукушка куковала,— было мне ответом на это раз.

— Кукушка путь лет предсказала,— донеслось от Липски.

Я усмехнулся. Значит, остается Харпонастер. Что ж, для него у меня наготове пистолет с хорошей дозой снотворного и магнитные наручники.

В дверях обрисовалась худощавая фигура. Лысый и моложе, чем на голограмме. Харпонастер. И он был напичкан спейсолином под завязку.

— Проклятье! — вырвалось у меня.

— Клятвы выполняют клятвенно клянутся,— заявил Харпонастер.

— Минуты наполнили вазы цветами,— сказал Ферручи.

— Стая в цвету на вишневых ветках,— закончил Липски.

Я смотрел то на одного, то на другого, пока вся эта чушь, наконец, не стихла.

Я понял, в чем дело. Кто-то из них притворяется. Этот кто-то все продумал и решил, что выдаст себя, если откажется от спейсолина. Он хорошо заплатил врачу, чтобы вместо спейсолина ему впрыснули, скажем, физиологический раствор. А, может, придумал еще что-то.

Один из них притворялся. Не так уж и трудно это имитировать. Комики по визиону частенько разыгрывают такие сценки. Вы их наверняка видели.

Тут я впервые спросил себя: «А вдруг это дело окажется мне не по зубам?»

На часах 20.30. На карту поставлена моя работа, моя репутация, а заодно и бедная моя голова. Я отложил эту проблему на потом и подумал о Флоре. Она-то вечно ждать не будет. Да что там вечно, она не станет ждать и полчаса!

Интересно, а сможет притворщик и дальше играть со мной в ассоциации, если его подвести вплотную к опасной теме? А, черт, надо попробовать:

— Выключи сонар, котик! — крикнул я в коридор.

— По крышам котики охотятся поодиночке,— с готовностью откликнулся Липски.

— Котики кошки будут котята,— дополнил Ферручи.

Харпонастер был совсем краток:

— Котята — утята.

Я попытался снова — очень осторожно, ведь, очухавшись, они вспомнят всю эту странную беседу:

— Я думаю, здесь сходятся сотни космических линий...

Это должно было развернуть их извилины в сторону спейсолина.

— Линии по глине или звери к водопою шкуры принесут большую пользу прибыль по лесам...

— Полосатые преступники глину месили...

— Мешали шоколад с жареным картофелем на седле барашка...

Дальше они принялись неразборчиво вторить друг другу. Из всех их откровений я уловил только «карты» и «рты». Не густо.

Я подбросил им еще пару фраз, но ничего не добился. Преступник, кто бы он ни был, хорошо попрактиковался или от природы умел подбирать свободные ассоциации. И он постарался, чтобы слова уводили в сторону. Тем более, что все уже понял — и кто я такой, и что мне нужно. Двух других можно не опасаться, но этот —

ЗНАЕТ. И дразнит меня. Все трое наговорили такого, что могло указывать на вину. «Охотятся по одиночке», «большая прибыль», «преступники». Двое честно несли околесицу, третий забавлялся. Кто? Как найти этого третьего?

Крыса была готова погубить Галактику. Больше того — крыса убила моего друга. Более того — она не пускает меня к Флоре.

Проще всего было бы обыскать их. Двое под спейсолином не пошевелятся, не почувствуют ни страха, ни злобы и уж тем более не станут сопротивляться.

Если хоть один из них шевельнется — он попался. Невиновные потом все вспомнят. Вспомнят обыск. И устроят грандиозный скандал. Вонь пойдет на всю Галактику. Служба огребет очередную порцию оплеух, в шуме и неразберихе выплывет секрет обработанного спейсолина — так какого черта?!

Я вздохнул. Один шанс из трех — наткнуться сразу на того, кто нужен. Один из трех — а я не всемогущ.

О, бедная моя голова!

О, Флора!

Я тоскливо посмотрел на часы. 21.15. Куда, к чертям, ушло время? И что мне делать?

Метнувшись к ближайшей видеокабине, я позвонил Флоре — немножко поговорить с ней, понимаете, чтобы как-то оживить дела, если их еще можно было оживить. Я говорил себе: «Она не ответит». Я старался подготовить себя к этому. Есть же другие девушки, есть же другие...

Правда, других девушек не было.

Будь Хильда в Марсопорте, мне бы и в голову не пришло связываться с Флорой, но Я БЫЛ В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ и с Флорой уже связался.

Сигнал гудел и гудел, а я все не решался разъединиться.

Ответь! Ответь! И она ответила. Она сказала:

— Это ты?

— Конечно, душа моя. Кто же еще?

— Многие. Те, что не заставляют девушек ждать.

— У меня почти все в ажуре, дорогая. Еще чуть-чуть...

— Что у тебя в ажуре? Опять этот твой пластон?

Господи, при чем тут пластон? Ах, да, вспомнил: когда-то меня угораздило ляпнуть, что я работаю агентом по сбыту пластоновых изделий. Еще и ночную рубашку пластоновую приволок в доказательство. Чудо, как она в ней смотрелась!

— Слушай, дай мне еще полчасика,— простонал я.

Ее губы задрожали:

— Я тут сижу одна...

— Я тебя утешу,— с отчаяния я готов был ринуться в ювелирный магазин, стараясь не вспоминать, что для зоркого глаза Хильды

любая прореха в моем банковском счете будет заметнее туманности Конская Голова на фоне Млечного Пути. Вот до чего я дошел.

— У меня было назначено такое классное свидание, и я им пожертвовала,— добавила Флора.

— Ты только сказала, что у тебя кое-что намечалось...

Это было непростительной глупостью.

— Кое-что намечалось?!

Она действительно сказала так. Но упаси вас бог спорить с женщиной! Можно подумать, я этого не знал...

— Он обещал мне целое состояние на Земле!..

Флора говорила и говорила об этом состоянии на Земле. Не было в Марсопорте девчонки, которая не надеялась бы рано или поздно получить состояние на Земле. Но сосчитать, кому это удалось, можно по шестым пальцам ваших рук. Я пытался остановить ее. Куда там!

— ...и вот я сижу совсем одна,— закончила она и отключилась.

Она была права. Стоит кому-то проведать, что к ней не пришли, и все будут говорить, что к ней не приходят, а значит — она уже не та. Такой вечер и впрямь может обойтись ей дорого. Я чувствовал себя последним пакостником во всей Галактике.

Когда я возвращался в зал ожидания, часовой у двери отдал мне честь. Я разглядывал трех бизнесменов и меланхолично размышлял, с кого бы я начал, если бы удалось разжиться ордером на их удушение. Пожалуй, с Харпонастера. Так славно обхватить руками его тонкую длинную шею, упираясь большими пальцами в кадык...

При этой вдохновляющей картине у меня вырвалось восторженное «у-мм» — и мои клиенты зашевелились.

Ферручи сказал:

— Ум животных расположен горизонтально как если видеть многомерный танец...

Длинношеий Харпонастер сказал:

— Танец занятие племянниц и по столбам лез кот...

Липски сказал:

— Скот держат в краале деньги в банке...

— Банка пива хорошая вещь...

— Вещи надо беречь...

— Беречь если честь...

— Есть...

И все.

Они смотрели на меня. Я — на них. У них не было никаких эмоций (во всяком случае, у двоих). У меня — никаких мыслей. А время шло.

Я смотрел на них и думал о Флоре. Мне пришло в голову, что терять, пожалуй, больше нечего, так почему бы...

— Джентльмены,— начал я,— в этом городе живет девушка. Имени ее вам не называю, чтоб не скомпрометировать, но позвольте, джентльмены, вам ее описать...

Так я и сделал. Последние два часа до того меня разгорячили, что вдохновенное описание прелестей Флоры изливалось прямо из глубин моего мужского подсознания. Троица не перебивала. Люди под спейсолином становятся по-своему вежливыми и никогда не перебивают говорящего. Поэтому-то они и изъяснялись по очереди.

Иногда я делал паузы в слабой надежде, что один из них скажет нечто новое.

— Океаны шампанского со взбитыми сливками...

— Округлых и нежных, как полет в облаках...

— Леопарды насилия с марсианскою девушкой флота...

Они были безнадежны. Я продолжал:

— Эта девушка, джентльмены, снимает квартиру с низкой гравитацией. Вы можете спросить, на что ей низкая гравитация? Позволю себе объяснить вам это, джентльмены...

И уж я постарался, чтобы им ничего не пришлось додумывать. Я им не оставил простора для фантазии. Они, конечно, все это запомнят, но не думаю, чтобы кому-нибудь пришло в голову преследовать меня за это: уж скорее начнут разыскивать, чтобы спросить телефончик...

Я расписывал им все в мельчайших подробностях с тщательностью и любовной тоской в голосе, пока динамик не объявил о прибытии «Пожирателя пространства».

— Вставайте, джентльмены,— сказал я громко.— К тебе, убийца, это не относится!

Мои магнитные наручники защелкнулись на запястьях Ферручи прежде, чем я закончил фразу.

Ферручи отбивался, как дьявол. Он-то не был под спейсолином. Обработанный спейсолин нашли в плоских пластиковых пакетиках, прикрепленных к внутренней стороне бедер. На вид они не отличались от кожи, их можно было только нащупать. А для того, чтобы окончательно убедиться в их содержимом, оказалось достаточно простого ножа.

...Потом Рог Кринтон, сияющий, одуревший от радости, взял меня за лацкан мертвой хваткой:

— Как ты это сделал? Чем он себя выдал?

— Один из них только притворялся наспейсолиненным,— объяснил я, безуспешно пытаясь высвободиться.— Так я им рассказал (тут я придержал язык: детали его, знаете ли, не касались), ну, об одной знакомой. Двое, напичканные спейсолином, никак не отреагировали. А у Ферручи дыхание участилось, на лбу выступила испарина. Ну, а раз мой увлекательный рассказ его пробрал, значит, он не принимал спейсолина. Теперь ты меня отпустишь?

Он отпустил, и я чуть не сел на пол.

Я так нацелился исчезнуть, что ноги несли меня прочь, но я все-таки заставил себя обернуться:

— Эй, Рог,— поинтересовался я,— не мог бы ты мне черкнуть чек кредитов этак на тысячу? Без занесения на мой счет... За службу, сослуженную Службе?

Тут я убедился, что он действительно не в себе от радости и очень своевременной благодарности. Скупердяй Рог Кринтон вдруг выпалил:

— Конечно, Макс, конечно. Десять тысяч, если хочешь!

— Хочу,— ответил я.— Еще как хочу.

Он заполнил официальный чек Службы на 10 000 кредиток — деньги лучшего сорта в доброй половине Галактики. Вручая его, он широко улыбался, и можете быть уверены, что я улыбался еще шире.

Как он собирался отчитываться за этот чек — его дело. Главное, я не должен был отчитываться перед Хильдой!

В который раз я стоял в кабине видеофона и звонил Флоре. Мне нельзя было рисковать получасом на дорогу. За эти полчаса она вполне могла подцепить кого-нибудь, если уже не подцепила. Хоть бы она ответила, хоть бы она...

Она ответила, но к долгому разговору была не расположена. Судя по всему, я застал ее в последнюю минуту.

— Я ухожу,— заявила она.— На свете есть еще порядочные мужчины. А тебя я не желаю больше видеть! И я буду вам очень признательна, мистер Каквастам, если вы отключитесь от моего аппарата и не станете поганить его своей...

Я молчал. Стоял, затаив дыхание и держа чек так, чтобы он был ей виден. Просто стоял и просто держал чек.

На слове «поганить» она его заметила. Флора вообще редко что-нибудь читала, но слова «десять тысяч кредитов» умела прочесть быстрее самого башковитого ученого в Солнечной системе.

Она ахнула:

— Макс! Это мне?!

— Все тебе, детка. Я же говорил, что мне надо провернуть небольшое дельце. Хотел сделать тебе сюрприз.

— Ой, Макс, какой ты милый! Я никуда не собиралась, просто пошутила. Приезжай! — Она сняла жакет.

— А как насчет твоего свидания? — поинтересовался я.

— Я же сказала, что пошутила,— промурлыкала она. Жакет соскользнул на пол, и пальцы Флоры взялись за брошь, составлявшую большую часть ее блузки.

— Еду,— сказал я слабым голосом.

— Со всеми этими кредитами? — игриво добавила она.— Не растеряешь по пути?

— Со всеми до единого,— ответил я и вывалился из кабины. Теперь все. Теперь уже все.

Кто-то окликнул меня. И этот кто-то бежал ко мне.

— Макс! Макс! Рог Кринтон сказал, что ты еще здесь. Маме уже лучше, и я взяла билет на «Пожирателя пространства». А что это за десять тысяч?

Я застыл.

— Здравствуй, Хильда,— сказал я не оборачиваясь.

Только потом я обернулся и сделал самое трудное за всю свою злосчастную службу в Космосе.

Я ей улыбнулся.

Гордон Диксон

ВОИН

Из-за перегрузки Лонг-Айлендского космопорта посадка корабля с Фриланда задерживалась. На пустом бетонном поле у стены космопорта стояли два полицейских офицера. Поднятые воротники плащей плохо защищали от дождя, а крыши поблизости не было. Дождь сменился снегом, и по посадочному полю побежали волны поземки. И в это снежное месиво опускался космический корабль.

— Приземлились,— лейтенант Манхэттенской полиции Тибурн не слишком обрадовался.

— Говорить с ним, наверное, лучше мне.

— Разумеется, это же твоя работа,— Бриген, офицер полиции космопорта, рассмеялся.— Я же просто представитель космопорта. Встречу его на своей территории, представлю тебя и «до свидания». Честно говоря, не понимаю, что это вы так волновались. Черт с ним, с этим Кенебуком, с его миллионами и бандитами. Пусть бы этот боевик его прикончил, вам же спокойнее.

— Это еще большой вопрос, кто из них кого прикончит. Кенебук тоже не ягненок,— озабоченно сказал Тибурн.— А мы постараемся вообще не допустить убийств.

Огромный, как гора, корабль возвышался посреди посадочной площадки. В нем открылся посадочный люк, и развернулся пассажирский трап. В толпе спускающихся пассажиров оба офицера сразу заметили нужного им человека.

— Ну и дылда,— вырвалось у Бригена, и он взглянул на Тибурна, как бы ища поддержки.

— Эти профессионалы с Дорсая все очень высокие,— Тибурн почти дрожал от холода и передергивал плечами.— Там генетически вывели касту воинов.

— Я слышал, что они высокие, но этот, кажется, просто великан,— Бриген почти оправдывался.

Первые пассажиры уже заходили в космопорт, и офицеры поспешили навстречу невозмутимому дорсайцу. Они подошли достаточно близко и откровенно разглядывали его. Воин был в штатском, но его манера держаться придавала и такой одежде вид формы. Тибурн не раз встречался с дорсайскими воинами и всегда отмечал их заметное сходство, возможно — следствие генетических экспериментов.

Но этот не был похож на остальных. Словно это не обычный живой человек, а только воин, рожденный для сражения. Полиция успела получить на него анкетные данные. Родился в Форели на Дорсае. Имеет брата-близнеца. В примечаниях сказано, что брат его уравновешен и общителен, а сам Ян замкнут и мрачноват.

И приближавшийся офицер вполне соответствовал этой характеристике.

Тибурну вспомнилась старая шутка о Дорсае. Говорили, что если бы его жители захотели завоевывать, то им не смог бы противостоять даже союз всех 13 миров. Тибурн никогда об этом не задумывался. Но офицер, шедший ему навстречу, заставлял почувствовать разницу между Землей и Дорсаем. Это человек, чья жизнь и смерть подчинены другим законам.

Тибурн отмахнулся от этих путаных мыслей. «Солдат, как солдат, просто настоящий профессионал»,— успокаивал он себя.

Ян поравнялся с ними, и офицеры шагнули ему навстречу.

— Господин командующий Ян Грэм?— выступил вперед Бриген.— Я — Кай Бриген из полиции космопорта, а это Вальтер Тибурн из полиции Манхэттена. Не могли бы вы уделить нам несколько минут для разговора?

Ян Грэм кивнул. Было заметно, что это его не волнует. Он спокойно последовал за полицейскими, слегка сдерживая шаг, чтобы не заставлять их бежать. Они обогнули здание космопорта и подошли к незаметной железной двери с надписью «Посторонним

вход запрещен». Служебный лифт поднял их на верхние этажи. Весь путь проходил в молчании.

Ян сидел в кресле и спокойно и безразлично рассматривал сидевшего напротив Тибурна и стоящего у стены Бригена. А Тибурн глаз не мог оторвать от тяжелых, массивных рук воина, лежащих на подлокотниках кресла. Они были даже красноречивее, чем замкнутое, каменное лицо.

— Господин командующий,— Тибурн, наконец, решил заговорить,— мы получили сведения, что вы прибыли на Землю для встречи с одним человеком. Это правда?

— Я должен навестить родственника моего погибшего офицера,— ответил Ян. Голос у него был более живой, чем лицо, хотя ему и не хватало выразительности.

Чувствовалось, что он привык скорее скрывать, чем выдавать чувства. Тибурн подумал, что с этим человеком будет трудно.

— Это Джеймс Кенебук?

— Вероятно, он,— ответил Ян.— У меня в армии был лейтенант Бриан Кенебук. Три месяца назад он погиб. Джеймс Кенебук его старший брат.

— И вы наносите визиты семьям всех своих погибших офицеров?— недоверчиво спросил Тибурн.

— Это мой долг. Особенно, если они погибли на боевом посту.

— Понятно,— Тибурн почувствовал себя неловко и сменил тему разговора.

— Оружия вы, разумеется, не привезли?

Так же невозмутимо Ян ответил:— Нет.

— Понимаю. Да это и не особенно важно.— Тибурн снова взглянул на тяжелые спокойные руки,— я думаю, что вы сами очень опасное, а может, и смертельное оружие. Вы в курсе, что у нас на учете в полиции все профессиональные боксеры и каратисты?

Ян кивнул.

Тибурн облизнул губы. Он чувствовал, что начинает злиться. Черт бы побрал такую работу. И плевать мне на Кенебука и все его миллионы! Стоит из-за этого нервы трепать.

— Ладно, командир. Давайте говорить откровенно. Полиция Северного Фриланда сообщила нам, что вы обвиняете в смерти своего офицера его брата Джеймса Кенебука.

Ян молча слушал, изредка вскидывая глаза на говорившего.

— Мы хотели бы выслушать ваши объяснения,— Тибурн повысил голос.

Ян продолжал молчать, и возникла напряженная пауза.

— Лейтенант Бриан Кенебук,— раздался спокойный голос Яна,— был командиром отряда в 36 солдат. Не рассчитав ситуацию, он завел свой отряд в окружение. Выйти оттуда и добраться до

своих частей смогли только пятеро: он и четыре солдата. За это он предстал перед трибуналом. Обвинение в безответственности и непродуманных действиях, в смерти людей. Все четыре уцелевших солдата дали показания против него. Вам известен Кодекс Чести Наемников? Согласно ему Бриан Кенебук был приговорен к расстрелу.

Ян был так спокоен и убедителен, что слушателям нечего было сказать. Долгая звенящая пауза заставила Тибурна действовать:

— Непонятно, при чем здесь Джеймс Кенебук. Бриан отличился там у вас и был наказан по вашим законам. Если уж кого-то обвинять в этой смерти, то, скорее, вас и ваше командование. Вы же обвиняете того, кого там и близко не было. Джеймс Кенебук с Земли не выезжал.

— Вы знаете,— пояснил Ян,— что Бриан был его братом.

Тяжело и холодно прозвучало в тишине это спокойное утверждение. Тибурн почувствовал, как сжимаются его пальцы. Он набрал воздуха и заговорил, как на докладе начальству:

— Командир, мне вас, конечно, не понять. Вы, дорсайцы — воины от природы, а я только землянин. Но я также полицейский Манхэттена, и я отвечаю за спокойствие и безопасность в этом округе. Джеймс Кенебук проживает здесь, и, следовательно, я отвечаю и за его безопасность.

Тибурн вдруг почувствовал, что избегает встречаться глазами с Яном, и заставил себя взглянуть ему прямо в лицо. Ян был все так же спокоен.

— Я обязан предупредить вас, что нам известно о ваших планах. Из вполне достоверных источников мы знаем, что вы решили отомстить за смерть офицера Бриана Кенебука, убив его брата Джеймса Кенебука. Информация неофициальная, поэтому мы не можем задержать вас, пока вы соблюдаете наши законы. Здесь, командир, Земля, а не воюющая периферия.

Тибурн замолк, ожидая, что Ян хоть как-то отреагирует. Но тот продолжал спокойно слушать.

— Ни Кодекс Чести Наемника, ни законы пограничных планет не имеют здесь юридической силы. Здесь свои законы, и они исключают самосуд. Как бы ни был виноват человек, пока суд не вынесет ему приговор, его никто не смеет и пальцем тронуть. Нравится вам это или нет, но дело обстоит именно так.

Тибурн снова взглянул в глаза гостя. Все то же спокойствие. Вздохнув, он продолжал:

— Возможно, вы твердо решили убить Кенебука, не думая, чего это будет вам стоить. Тогда я бессилен.

Он снова помолчал, давая возможность возразить, но Ян был так же невозмутим.

— Я понимаю, что вы можете просто подойти к Кенебуку

и убить его голыми руками, и вас никто не успеет остановить. Но я вас предупреждаю, что в этом случае вы будете немедленно арестованы. И ни я, ни суд не усомнятся в вашей виновности. Запомните, командир, на Земле убийство — это преступление, которое не остается безнаказанным!

— Я понимаю,— сказал Ян.

— Слава богу!— Тибурн, наконец, услышал его голос и почувствовал себя увереннее,— вы трезвомыслящий человек, как все профессионалы. Я считал, что вы, дорсайцы, избегаете смертельного риска. А убийство Кенебука — для вас риск, безусловно, смертельный. Поймите это как следует.

Ян взглянул на полицейского, словно спрашивал, закончил ли тот свою проповедь.

— Минуточку!— Тибурну приходилось нелегко. Все, что было сказано до того, он тщательно обдумал и подготовил, но, честно говоря, не очень верил, что это подействует на дорсайца.

— Командир, вы человек военный и, значит, должны быть реалистом. Понимаете ли вы, что все, что вы знаете и умеете, на Земле бессмысленно? А того, что вам могло бы помочь, у вас нет и вы беспомощны? А у Кенебука есть все! Прежде всего деньги и немалые. Знакомства во всех слоях общества до самого дна. Здесь, на Земле, он родился и вырос. Он здесь свой, он знает все и умеет этим пользоваться.— Тибурн внимательно посмотрел на собеседника, решая, стоит ли говорить дальше.

— Я надеюсь, вы меня поняли. Здесь, на Земле, вы можете просто исчезнуть, и никто не докажет, что в этом виноват Кенебук. А вот если с ним что-то случится, вам не миновать трибунала. Так что обдумайте все как следует.

Ян был так же невозмутим. Ни одна мысль, ни одно чувство не отразились на его спокойном лице. Если он и понял предостережение Тибурна, то это не было заметно.

— Благодарю вас,— Ян прочно держался в рамках официальности.— Если вы закончили, то я бы хотел пойти устраиваться.

— Это все, командир,— Тибурн так и не понял, что из сказанного воспринял собеседник.

Как только за Яном закрылась дверь, Тибурн откинулся в кресле и закрыл глаза, стараясь избавиться от ощущения унижения. Бриген чувствовал себя не лучше.

Ян вышел из вокзала к стоянке такси и поехал в гостиницу «Джон Адамс». Он снял номер в том крыле здания, где проживали приезжие, и запросил инфослужбу о местопребывании Джеймса Кенебука. Ему ответили, что тот проживает в этом же здании, в крыле для постоянных жильцов.

Ян отправил Кенебуку визитку с просьбой о встрече и заказал

себе завтрак. Потом он занялся распаковкой багажа. Сигнал пневмопочты раздался как раз тогда, когда он вынимал маленькую запечатанную коробочку. На подносе пневмопочты лежала его визитная карточка, и на обороте ее было написано: «Приезжайте немедленно. К.». Тем временем Тибурн поднялся в комнату над номерами Кенебука и включил аппаратуру наблюдения за Яном. Как бы ни злился он на собственное бессилие, сейчас следовало сосредоточиться на получаемой информации. По закону он не имел пока права вмешиваться. Тибурн видел, как Ян прошел по коридору, застеленному мягким ковром, к лифту. Спустился на этаж. Задержался на минуту у толстой стеклянной двери, разделяющей номера приезжих и постоянных жильцов «Джона Адамса». Ян положил свою визитку с приглашением Кенебука под расположенный на двери монитор. С тихим шипением дверь раздвинулась. Ян быстро шагнул вперед к лифту. Он вышел из лифта на 30 этаже и оказался в холле, где его уже ждали трое мужчин, коренастые и крепкие (один из них, с тяжелой выпяченной челюстью, был даже выше Яна) и чертовски опасные. Тибурн, видевший их на экране телевизора, сразу узнал старых знакомых по полицейской картотеке. Это были асы подворотни. Наверняка, Кенебук нанял их, как только узнал о приезде Яна. Их сила, как и владение любым оружием, делали их достаточно опасными. С первого взгляда было ясно, что они не раз проводили время за тюремной решеткой. Цепные псы, сливки Нью-Йоркского дна. И с первого же шага Ян оказался среди них. Он на секунду замер. А дальше началось что-то странное. Эти трое словно окаменели. Тибурн видел, что они собирались обыскать Яна, когда нечто остановило их, как приморозило. Что-то изменилось в самой обстановке, и они это учуяли. Почувствовал это и Тибурн, хоть и видел все только по телевизору, почувствовал, сам не понимая — что. И только через некоторое время до сознания дошло.

Изменился сам Ян. Он не шевелился и выглядел таким же терпеливо выжидающим, как и в бюро космопорта. Он и был таким до той минуты как, шагнув из лифта, оказался в окружении трех громил. Он был готов и спокойно ожидал их действий. Тибурн мгновенно понял: любой, кто коснется дорсайца, будет мертв. Одного прикосновения смертоносной руки будет вполне достаточно. Тибурн впервые видел влияние силы профессионала с Дорсая, силы настолько очевидной, что она не нуждалась в словах. Сам вид Яна нес угрозу. И если его окружали цепные псы, то сам он мог быть только волком. И эта разница шла и дальше. Пес, почти любой, проигрывая в бою, убегает или сдается. Волк же или побеждает или умирает.

Когда стало ясно, что никто из встречающих не испытывает желания познакомиться с ним поближе, Ян сделал следующий

шаг. Он спокойно прошел мимо громил, не задевая их, подошел к внутренней двери, нажал ручку и вошел.

Он оказался в салоне с огромным окном, залитым дождем. Огромный, как гимнастический зал, салон был полон людей. Дамы в богатых бальных платьях, парадно одетые мужчины. Кое-кто держал в руках бокалы. Воздух был пропитан сигаретным дымом, запахом духов и вина. Никто не обернулся на входящего Яна, но он чувствовал, что общее внимание сосредоточено на нем.

Он прошел через весь салон к окну, у которого стоял очень высокий мужчина. Он был атлетически сложен и, седовласый, скуластый, смотрелся совсем неплохо. На подходящего к нему Яна он смотрел с явным изумлением.

— Грэм?— нервно спросил он. Голос был странный, какой-то неуверенный. Он то отдавал чем-то блатным, то срывался на дискант капризного ребенка.

— Что с моими людьми,— он заставил себя пошутить,— ты, случаем, не проглотил их?

— Неважно,— четко проговорил Ян.— Ты Джеймс Кенебук? Вы с братом похожи.

Кенебук посмотрел в глаза дорсайца.

— Извините,— он отставил бокал на тут же появившийся поднос и, пройдя через толпу в холл, плотно прикрыл дверь. Во внезапно наступившей тишине отчетливо и громко долетал из-за двери его сердитый голос. Он вернулся в комнату красный от злости и снова обратился к Яну:

— Они должны были тебя встретить и предупредить меня.

Он замолчал, ожидая объяснений Яна, но тот молча разглядывал его. И под его взглядом Кенебук краснел все сильнее.

— Ну,— он решился, наконец, заговорить,— тебя, наверное, прислал Бриан? Что ты мне о нем скажешь? — И добавил, прежде чем Ян успел ответить.— Знаю, что он убит. Не стоило ехать с этим сообщением. Хотя мне приятно было бы услышать, что Бриан был отличным парнем, рисковым и смелым, ну, что просил не завязывать ему глаза перед расстрелом и что-то вообще такое...

— Нет,— Ян покачал головой,— героем он не был.

Кенебук как-то резко дернулся.

— И ты перся в такую даль, чтоб сказать это? Я думал, вы дружили...

— Я его не любил,— так же спокойно пояснил Ян.

Кенебук в растерянности уставился на него.

— Что я могу сказать о Бриане?— продолжал Ян.— Его интересовали только слова, это нехорошо для солдата и еще хуже для офицера. Если бы до начала Фриландской кампании у меня было время разобраться, я снял бы его с командования. По его вине мы потеряли 32 человека.

— Вот оно что,— Кенебук пристально посмотрел в глаза Яна,— значит, ты в этом винишь себя?

— Нет,— Ян ничего не добавил к этому отрицанию, но даже Тибурн, наблюдавший все по телевизору, понял его.

— Так почему бы тебе не оставить все это в покое? Зачем нужно было сюда ехать?— Кенебук не понимал и опять начинал злиться.

— Из чувства долга.

Кенебук замер. Ян потянулся к карману, в котором могло быть оружие. Он двигался намеренно медленно, чтоб окончательно не перепугать Кенебука. В руках его оказался маленький пакет.

— Это личные вещи Бриана.

Он положил пакет на столик возле Кенебука. Тот немедленно уставился на пакет. Кровь отлила от его щек, и лицо скоро стало белее седых волос. Он осторожно потянулся к пакету, словно боясь, что тот взорвется. И вдруг быстро схватил пакет. Потом поднял на Яна вопрошающий взгляд:

— Это здесь?— он подчеркивал слово «это».

— Это личные вещи Бриана,— повторил Ян.

— Да... спасибо,— с трудом произнес миллионер. Заметно было, как он старался держать себя в руках, но голос его не слушался.— Это все?

— Да,— подтвердил дорсаец.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— До свидания,— Ян повернулся и вышел. Громилы из холла исчезли, и Ян спокойно прошел к лифту.

Тибурн опередил его, так как служебный лифт шел без остановок. Он встретил Яна в его комнате. Ян ничуть не удивился и прошел прямо к столику, на котором стояла бутылка дорсайского виски, принесенная, пока его не было. Он налил себе бокал.

— Слава богу, все кончилось хорошо,— Тибурн был доволен,— вы встретились, поговорили и оба остались живы. Когда вы теперь улетаете?

— Вы ошибаетесь, наш с ним разговор еще впереди. Выпьете немного?

— На службе не положено,— Тибурн опять расстроился.

— Мне придется здесь еще задержаться,— спокойно продолжал дорсаец. Он плеснул виски во второй бокал и поднес его Тибурну. И против своего желания тот подчинился и взял выпивку. Ян подошел к огромному, во всю стену, окну.

За окном уже стемнело. Далеко внизу, у подножья небоскреба, светились огни города. По стеклу ползли тяжелые капли холодного дождя.

— Бросил бы ты все это,— Тибурн снова принялся уговари-

вать.— Как ты не поймешь, что все это может плохо кончиться. Для тебя оставаться здесь — значит искать смерти. Я еще раз повторяю, что здесь, в комплексе Манхэттена, беспомощен именно ты, а не Кенебук. И Кенебук, возможно, уже решил, что ему с тобой сделать.

— Нет,— ответил Ян, отворачиваясь от окна.— Он ничего не решит, пока не будет твердо уверен.

— Не будет уверен в чем?— Тибурн разозлился уже всерьез.— Послушайте, командир, мы здесь не в игрушки играем. Не успели мы получить сведения, что вы собираетесь на Землю с визитом, как Кенебук обратился к нам с просьбой об охране. И не спрашивайте меня, откуда он об этом узнал,— я не знаю. Поймите, наконец, что он достаточно могуществен. И дело даже не в его деньгах. От него можно всего ожидать — особенно вам. А мы... Хоть он и обратился к нам за помощью, мне кажется, он будет рад оставить нас в дураках. Вы помните этих красавчиков в холле?

— Да,— невозмутимо произнес Ян.

— Вот и славно. По крайней мере, поймите, что я вас не даром предупреждаю. И может быть, даже, поверьте, забочусь я прежде всего о вас. Могу добавить, что полиции очень давно известно, что Кенебук хотел избавиться от брата. Очень давно — когда Бриану было только 10 лет. Но, командир, честное слово, Бриан был не многим лучше!

— Я это знаю,— сказал Ян, усаживаясь в кресло.

— Вот и хорошо, что знаете. А историю этой семейки вы тоже знаете? Дедушка Кенебук был тут знаменитостью в своем роде. Он умудрялся иметь касательство к любому крупному преступлению на восточном побережье. Из старинного и влиятельного гангстерского клана был этот дедушка. Папаша старательно отмывал деньги и успел все что можно вложить в легальный бизнес. Так что наследники Джеймс и Бриан получили капитал чистеньким. Такие законопослушные граждане, что даже за стоянку в неположенном месте не оштрафуешь. Джеймсу в это время было 20, а Бриану только исполнилось 10. И после смерти отца ничто не напоминало о сомнительном прошлом. Хотя связи с кланом, несомненно, остались.

Ян потихоньку отхлебывал виски и слушал Тибурна с видимым интересом.

— Начинаете соображать?— настойчиво повторил Тибурн.— Так вот, по закону к Кенебуку не придраться. Но яблоко от яблони недалеко падает. Он родился в бандитской семье и мыслит, как бандит.

У них у всех врожденное отвращение к дележке — даже с родным братом. Убить Бриана он не мог, но постарался сломать

его и устроил такую веселую жизнь, что мальчик сбежал из дому. А теперь и вообще погиб.

Ян утвердительно кивнул.

— Я думаю, вы согласны,— продолжал Тибурн,— что здесь Кенебук выиграл. Он добился своего — Бриан ушел из дому и завербовался в солдаты. А вот с вами ему связываться совсем не хочется. Да, командир, несмотря на свои миллионы и вздорный характер, это очень трезвый, разумный и сильный человек. Он понимает, что для борьбы с вами ему пришлось бы отказаться от всего, что он ценит,— от женщин, виски, музыки. А зачем ему это? Бриан выбыл из игры. Он по глупости попал в окружение и погиб, что и требовалось Джеймсу. И этого уже никто не изменит. За Кенебука закон, деньги, связи и влияние. А против — вы, в одиночку. И вы рассчитываете в такой ситуации на победу?

— Я исполню свой долг,— ответил Ян. Он отпил еще глоток виски и машинально покрутил в пальцах бокал.

— И вы — офицер, должны это хорошо понимать. Так ли уж важен этот ваш долг?— воскликнул Тибурн.

Ян быстро взглянул ему в лицо и опять занялся своим бокалом.

— Самое важное — долг командира перед солдатом,— Ян говорил медленно, как что-то давно и глубоко обдуманное.— Солдат полностью зависит от офицера и имеет право на полную заботу о себе. Офицера, забывшего об этом, судят, и это служит уроком остальным. Это справедливо, и такое положение дел создает взаимную ответственность, которую мы называем долгом.

Тибурн выглядел ошеломленным.

— И вы хотите восстановить справедливость во имя солдат, погибших по вине Бриана,— Тибурн только сейчас начал понимать, что́ руководило Яном,— для этого вы и пришли сюда?

— Да,— Ян утвердительно кивнул и отсалютовал бокалом.

— Но Кенебук штатский и не подчинен вашим законам.

И тут раздался звонок видеофона. Ян поставил пустой бокал и включил ответ. Его широкие плечи полностью загородили экран, но звук Тибурн слышал. Вызывал Джеймс Кенебук.

— Алло, Грэм?

Пауза. Спокойный голос Яна:

— Я вас слушаю.

— Я сейчас один,— голос Кенебука казался резким и неестественным,— вечеринка кончилась, и я на досуге разобрал вещи Бриана.— Он умолк. Тибурн всей кожей чувствовал какую-то недосказанность и нарастающее напряжение, которое Ян не спешил разрядить. Он выдержал хорошую паузу, прежде чем спросить:

— И что?

— Не принимай всерьез нашу первую встречу,— Кенебук поч-

ти извинялся, и только резкий тон совсем не соответствовал словам,— может, попробуем еще раз? Поднимайся ко мне и поговорим о Бриане по-хорошему.

— Иду,— Ян кивнул и выключил экран.

— Стойте!— Тибурн вскочил на ноги.— Вы не должны с ним встречаться!

— Почему?— Ян насмешливо улыбнулся.— Вы же видели — он сам пригласил меня.

Тибурн сразу остыл.

— Да, конечно. Вы приглашены. А вы не подумали, зачем ему это нужно?

— Поговорить о Бриане. Сейчас он перебирал его вещи, и он один, и свободен.

— Но в этом пакете ничего интересного нет! Нам на таможне дали список: часы, бумажник, паспорт... Обычные вещи солдата.

— Да, ничего интересного,— согласился Ян,— поэтому он и хочет послушать меня.

— А что вы можете ему сказать?

— То, что он хочет от меня услышать.

Полицейский смотрел с нескрываемым удивлением.

— Джеймс всегда опасался Бриана,— терпеливо, как ребенку, начал объяснять Ян.— Ему казалось, что Бриан может стать более значительной личностью, чем он. Поэтому-то он и пытался сломать его, а когда это не удалось, решил просто убить.

— Но Джеймс не убивал брата!

— Вы уверены?— с усмешкой сказал Ян и подошел к двери.

Тибурн сидел как громом пораженный. Наконец, справившись с собой, он рванулся к двери и положил руку на плечо дорсайца.

— Постойте,— он почти кричал.— Вы не сможете увидеть Кенебука один на один. Эти трое бандюг — его постоянная охрана. Я уверен, что вас там ждет ловушка.

Ян осторожно, чтобы не обидеть, отстранил полицейского.

— Я тоже так думаю,— сказал он и вышел.

Тибурн замер в дверях и долго смотрел ему вслед. Только когда Ян исчез в лифте, он очнулся. Рванулся к служебному лифту, спеша включить аппаратуру наблюдения.

В холле никого не было. Ян подошел к двери в салон и, так как она была приоткрыта, вошел без стука. На столах стояли неубранные бокалы и набитые окурками пепельницы. Кенебук сидел перед окном. Увидев дорсайца, он встал.

Ян подходил все ближе и остановился в одном шаге от Кенебука. Тот пристально вглядывался в лицо гостя, ожидая, что тот заговорит, но так и не дождавшись, махнул рукой в сторону

кресла, предложил сесть. Ян непринужденно устроился в кресле, и Кенебук вернулся на свое место.

— Выпьешь?— предложил Кенебук, кивнув на бутылку и стакан, стоящие на столе.

— Пакет, который вы мне передали,— медленно заговорил Кенебук потом, пристально глядя в глаза Яну,— содержал только личные вещи Бриана?

— А что еще там могло быть?— дорсаец, казалось, удивился.

Пальцы Кенебука вцепились в ножку бокала. Он казался удивленным и даже возмущенным. И вдруг неожиданно рассмеялся, сбрасывая напряжение, громко и вполне искренне.

— Вы не поняли, командир,— наконец выдохнул он,— здесь я буду спрашивать, а вы отвечать. Итак, зачем ты сюда явился?

— Исполнить свой долг,— ответил Ян.

— Какой долг?— удивился Кенебук.— Кому и чего ты должен?— казалось, что он сейчас опять зальется смехом, но что-то удерживало его, и он притих.— Неужели ты должен Бриану? Ты же не был с ним связан.

— Как бы я к нему не относился, я не забываю, что он был моим офицером.

— Так ли это важно — быть одним из твоих офицеров? Прежде всего он был моим братом!

— Нет,— так же спокойно возразил Ян,— когда речь идет о справедливости, родство не в счет.

— Какой справедливости?— Кенебук все-таки не удержался от смеха.— Ты приехал искать справедливости для Бриана?

— И для его погибших солдат...

— 32 солдата,— Кенебук опять рассмеялся.— Эти 32 мертвеца. Но я не знал этих людей и не был с ними. Так что в их смерти не виновен ни сном ни духом. Их подвел Бриан, он и поплатился за это. Ясно, что он со своим отрядом мог захватить штаб противника. И сразу получить всю славу и почести.— Кенебук снова ухмыльнулся.— И если это им не удалось, то, черт возьми, при чем здесь я?

— При том, что Бриан старался для тебя,— сказал Ян.— Он пошел на это, только чтобы доказать тебе, что он парень отчаянный.

— Я не виноват, что он так и не стал взрослым, и до меня ему было, как до неба,— Кенебук поигрывал бокалом и вдруг выплеснул себе в рот все вино. И попытался опять улыбнуться.

— Он никогда бы не дорос до меня,— Кенебук все так же крутил бокал,— просто я не хотел признать, что сделан из другого теста,— он поднял на Грэма совершенно пустой взгляд.— И ты запомни хорошенько, я — другой.

Ян не собирался отвечать. Кенебук уставился на него, изменяясь в лице.

— Ты не веришь мне?— произнес он настойчиво.— Лучше скажи сразу, но верь, что я не похож на Бриана. Я же рискнул встретиться с тобой наедине.

— Да неужели?

Тибурн, наблюдавший все это на экране, впервые услышал в голосе Яна вполне человеческое удовлетворение.

— Здесь мы вдвоем,— Джеймс снова рассмеялся, но на этот раз в смехе явно слышалось бахвальство.— Разумеется, за стеной сидит моя охрана. В нашем деле стоит быть предусмотрительным. Ну и еще небольшой сюрприз для вас.

Он свистнул, и тут же к его ногам метнулось нечто, на первый взгляд казавшееся собакой.

Черное металлическое создание очень быстро скользило на воздушной подушке.

Ян заинтересованно разглядывал его. На полу стояла металлическая коробка с двумя гибкими щупальцами. Дорсаец удивленно кивнул: — Автомед.

— Точно,— подтвердил Кенебук,— с настройкой на меня. Как бы вторая линия обороны. Если ты разберешься с моей охраной, со мной ничего не случится. Даже если ты доберешься до меня, автомед успеет меня спасти. Так что на похороны я тебя не приглашаю. Тебе со мной не справиться. Лучше сдавайся сразу.

Кенебук снова рассмеялся и оттолкнул автомед:— На место!— машина тут же убралась назад под кресло.

— Теперь ты видел все,— объяснил Кенебук,— я хорошо подстраховался. И думаю, вполне резонно. Ты профессионал, а значит, ты сильнее и опытнее меня. Значит, для того, чтобы выиграть у тебя, я должен был привлечь постороннюю силу, с которой тебе не справиться. И я сумел ее найти. Теперь в этом положении тебе ничего не сделать. Все. Ты выключен.

Он, наконец, оставил в покое свой бокал.

— Я не Бриан. Я доказал, что могу справиться и с тобой.

Грэм молчал. Тибурн буквально впился в экран.

— А захочешь ли ты?— вдруг усмехнулся Ян.

Кенебук вытаращил глаза. Кровь бросилась в голову, заливая щеки нервным румянцем.

— Ты что, издеваешься? Хочешь попробовать?

Джеймс вскочил на ноги и, уже не сдерживаясь, забегал по салону. Тибурн ни секунды не сомневался, что разыгрывается ранее спланированный сценарий. Он не раз это видел: возмущение, эмоциональный всплеск — и адвокат толкует о «состоянии аффекта».

Но Грэм об этом, конечно, знать не мог.

— Этот боевик вооружен?— спросил Тибурна техник, обслуживающий аппаратуру.

— Ему этого не надо.

— А вот у Кенебука оружие есть,— техник ткнул пальцем в подмышку Кенебука.— Здесь пистолет.

Тибурн сильнее стиснул и без того ноющие пальцы и грохнул кулаком по столу:— Только этого не хватало.

Кенебук все еще орал. Вот он демонстративно подставил Яну спину: — Ну, валяй, я даю тебе шанс. Дверь заперта, и здесь никого нет. Не веришь?

Он бросился к окну и убрал силовое поле. Дождь со снегом ворвался в комнату. Кенебук снова повернулся к Яну.

Тот стоял, не сделав ни одного движения. Концертный номер не удался. Надо было менять тактику.

— В чем же дело?— Кенебук и не думал скрывать насмешки.— Расхотелось? А может, ты, Грэм, просто трусишь?

— Мы не закончили разговор о Бриане.

— Ну разумеется, о Бриане,— Кенебук уже не уступал в спокойствии Яну.— У него губа не дура — хотел стать таким, как я. Прямо из кожи лез, да ничего не вышло,— миллионер взглянул на Яна.— Вот и эту вашу операцию провалил. У него ничего и не могло получиться. Типичный неудачник.

— Ему хорошо в этом помогли!

Кенебук дернулся в кресле.

— Я вас не понимаю! Что за помощь?

— Исключительно с твоей стороны, любящий братец,— голос Грэма ударил, как хлыст.— Ты постарался сделать из него второго себя — так легче было предвидеть его реакции. Ты заранее готовился к большой игре, и у тебя всегда была своя команда. А Бриан был всегда один, и все шишки сыпались на него одного. Еще бы тебе не выиграть!

Кенебук с трудом перевел дыхание.

— Что за чушь ты несешь,— крикнул он. И только тут заметил, как внезапно сел его голос.

— Ты пытался довести его до самоубийства,— продолжал в том же тоне Грэм,— но Бриан на это не способен. Он хорошо знал, что у него тоже есть права. Но больше всего ему хотелось добиться твоего признания. Он давно уже понял тебя и твои цели, но с детства осталось желание заслужить похвалу именно от тебя. Всё понимал и все-таки мечтал доказать, что он ничем не хуже тебя. До самого своего конца он играл в подстроенную тобой игру.

— Ну и что? — буркнул Кенебук.— Давай уже, досказывай все до конца.

— Вот он и решил улететь с Земли и завербоваться в солдаты. Не из патриотизма, как колонисты Ньютона, не потому, что был рожден для войны, как дорсайцы, и не в поисках приключений, как рудокопы с Кобы. Только чтобы доказать тебе, что ты

в нем ошибся. Он выбрал такую сферу деятельности, где у тебя не было никакой власти. Он постоянно писал тебе обо всем и, наверное, в глубине души надеялся, что когда-нибудь ты встретишь его, как родного.

Кенебук с горящими глазами сидел в кресле и тяжело дышал.

— Но в твои планы это не входило,— терпеливо продолжал Ян.— Ты не замечал его писем и не отвечал ему. Наверное, ты ждал, что от одиночества он запсихует и на чем-нибудь сорвется. Но все сложилось совсем не так. Его заметили и стали продвигать по службе. И вот он уже офицер, командир отряда. Это тебя насторожило. Если так пойдет дальше, Бриан быстро займет видное положение, он продолжал совершенствоваться. Этого ты допустить не мог.

Кенебук сидел молча, словно погруженный в транс.

Ян заканчивал свое обвинение:

— И ты решил действовать. В свой день рождения, как раз накануне той несчастной ночи, он получил поздравительную открытку, первую весточку от тебя. Вот, полюбуйся!

Ян вынул из кармана сложенную открытку. Похоже было, что ее сначала раздраженно скомкали, а потом пытались разгладить горячим утюгом. Ян развернул ее и сунул рисунок с текстом чуть не под нос Кенебуку. Тот взглянул и опустил глаза. На открытке был небрежно нарисован заяц с карабином и валявшимся под ногами шлемом.

Кенебук пристально посмотрел на Яна. Губы его дернулись, но вместо улыбки лицо скривила нервная гримаса.

— У тебя все?— спросил он.

— Еще нет. Кроме открытки...— Ян снова потянулся к карману.

— Хватит! Довольно!— завопил Кенебук. Неожиданно он вскочил на ноги, поставил кресло между собой и Яном и отступил к окну. Тут же в руке у него оказался пистолет, и он немедленно выстрелил. Ян не шелохнулся. Только вздрогнули мышцы, приняв в себя пулю.

Обыкновенный раненый человек получает шок и теряет сознание. А дорсайца ранение будто оживило. Он поднялся с кресла и двинулся на Кенебука. Тот закричал и продолжал ошалело палить, отступая к окну.

— Сдохни! Исчезни! — вопил он, но дорсаец надвигался, неизбежный, как судьба. Пара пуль попала в него, но он только встряхивался, как попавший в воду пес. Кенебук уперся ногами в подоконник. Отступать дальше было некуда. Он затравленно озирался и не видел выхода. Патроны кончились. Завизжав, он швырнул бесполезный теперь пистолет в голову Яна и, неожиданно быстро повернувшись, выпрыгнул в окно. Его визг скоро затих, заглушенный ветром. Лететь ему предстояло 30 этажей.

Ян остановился. Его рука все еще сжимала то, что так испугало Кенебука. Мгновение он еще держался и вдруг тяжело рухнул на пол.

Когда, пробив потолок, Тибурн и техник спустились в номер, они сразу увидели на ковре выпавшие из разжавшихся пальцев Грэма вещи. Тюбик желтой краски и кисточка — символ трусости.

Через две недели после этих событий Тибурн и Ян прощались там же, где встретились вначале — у здания космопорта. Был такой же дождливый и холодный день, и дорсаец, еще не вполне здоровый, кутался в плащ.

— Но вы должны признать,— Тибурн все продолжал их давний разговор,— что вы победили только благодаря счастливому случаю. Шансов справиться с Кенебуком и остаться живым у вас практически не было.

— Не согласен!— засмеялся Грэм.— Здесь не было ни случая, ни удачи. Все прошло, как и было задумано.

В больнице он очень похудел, и, не заслоненная телесной мощью, в нем яснее была видна жизненная сила, отличающая дорсайцев.

Тибурн недоверчиво и удивленно посмотрел на Грэма.

— Трудно поверить! Слишком сложное построение, может посыпаться от любого толчка. Кенебук мог не отослать охрану, вы могли не взять эту открытку, он мог вообще поставить вместо себя профессионального убийцу...

Неожиданно он замолчал, словно его осенило какое-то новое соображение.

— Значит, готовя эту ловушку с открыткой, вы заранее знали, что будете с ним с глазу на глаз? Почему?

— Кенебуку не нужны были свидетели. Ему нужен был поединок. Видимо, это его способ самоутверждения. А для меня это повседневная работа. Вы об этом забыли. И вы и Кенебук были уверены, что в ваших условиях я буду беспомощен. Вот я и воспользовался вашей уверенностью.

— Но Кенебук вас пригласил сам. Он навязал вам свою игру, и вы ее приняли.

— Разумеется. Он должен был быть твердо уверен, что он хозяин положения: он у себя дома, он защищен, он может в любую минуту убрать меня.

— Но это действительно так и было,— настаивал Тибурн,— хозяином положения был он.

— Это только казалось. Он многого не знал и во многом сомневался. И выяснить все это хотел у меня. Прежде всего, его беспокоила открытка. Он хотел точно знать, есть ли она у меня с собой. Поэтому и затеял этот обыск в холле, но его люди струсили.

— Знаю, видел,— буркнул Тибурн.

— А еще он хотел знать, понимаю ли я его роль в этой истории. Знаю ли, что только из-за этой его провокации Бриан нарушил приказ и повел людей на рискованную операцию. Он думал найти эту открытку в пакете с личными вещами Бриана и не нашел. Тогда решил организовать дело так, чтобы получить возможность отобрать у меня эту открытку и заставить рассказать все, что мне известно. Для него это было важно, потому что он-то знал, что сам толкнул Бриана на эту бредовую затею. То, что Бриана судили и расстреляли, особого значения не имело. Этот мир не принимает всерьез ни закон, ни суд. Но я мог сказать и доказать, что Бриан был смелее и сильнее своего старшего брата, а вот этого он допустить не мог. Поэтому выслушать меня он собирался без свидетелей и убрать тоже сам, своими руками.

— И это ему почти удалось,— закончил Тибурн.— Еще бы немного...

— Но ведь там был автомед,— спокойно объяснил Ян.— Я не сомневался, что такой человек как Кенебук подстрахуется на все случаи жизни.

Над космопортом прозвучал сигнал на посадку. Ян поднял свой чемоданчик.

— До свидания, лейтенант,— произнес он, подавая руку Тибурну.

— До свидания, командир. И вы знаете, мне все-таки не верится. Значит вы, вот так, все понимая, сознательно шли в эту ловушку? И были уверены в исходе поединка?

Ян уже направлялся к кораблю, стоявшему далеко на взлетном поле. И вдруг Тибурн сорвался с места и, в два прыжка догнав дорсайца, схватил его за плечо. Ян резко повернулся.

— Подождите,— крикнул Тибурн,— я, кажется, понял. Вы заранее знали, что он будет стрелять в вас и вполне может убить. И вы сознательно пошли на это в память тех 32 убитых солдат, я прав? Наверное. Но просто в голове не укладывается, как человек может пойти на такое.

Такая выдержка не по силам никому, даже профессиональному солдату.

Ян задумчиво посмотрел на полицейского.

— Если говорить честно, то я не просто солдат, как вы это понимаете. Для вас солдат — это профессия, и только. Так же думал и Кенебук. Эта ошибка и погубила его. Он думал, что в непривычной обстановке, где нельзя применить свою выучку, я буду беспомощен. Но вы забыли, что я дорсаец, для меня война не профессия, а жизнь, для которой я рожден.

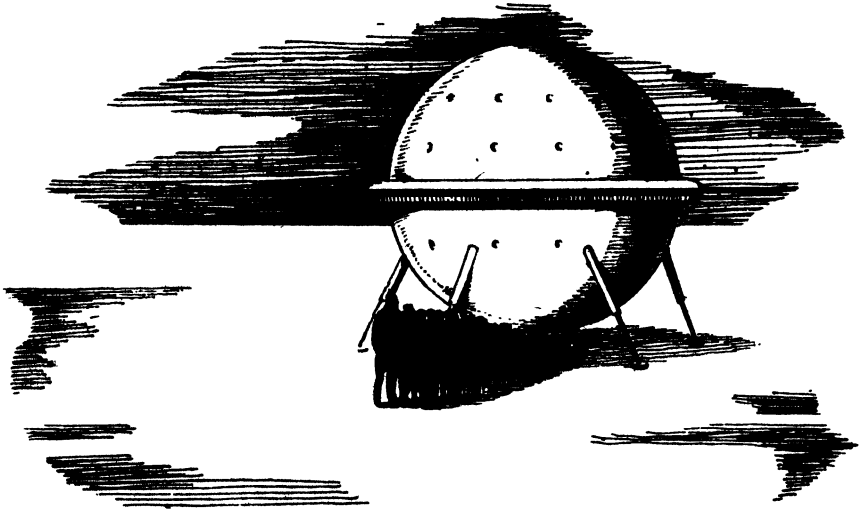
Тибурн почувствовал легкий озноб.

— Так кто же вы все-таки?!— воскликнул он.

Ян посмотрел ему в глаза своим спокойным отрешенным взглядом и тихо ответил:

— Я — созданный для боя, Воин с Дорсая.

Затем он повернулся и быстро пошел к кораблю. А Тибурн долго еще различал его голову, плывущую над толпой пассажиров.



Кларк Дарлтон

ПЛАНЕТА МОКОВ

Многие тысячи лет человечество одержимо этой идеей. Она породила людских богов, демонов, веру в судьбу — границы, что отделяют нации друг от друга. Вот она: мы, люди, единственные разумные в космосе. Мы одни во Вселенной.

Одни ли...?

Если лишь одно солнце из миллиона имеет планеты и если лишь одна из миллиона этих планет занимает благоприятную орбиту вокруг своей звезды, такую же, как Земля, тогда только в нашей Галактике есть миллион планет, на которых может развиться жизнь, как мы ее представляем.

А во Вселенной миллион галактик — может быть, даже миллиарды.

Идея, что человек одинок во Вселенной — нелепая, даже глупая, самая дикая из всех, что когда-либо порождал людской мозг.

Сколько из нас думают так даже сегодня?..

1

Брал вытянул все шесть конечностей и открыл глаза.

Когда снаружи над горизонтом поднялось солнце и его жаркие лучи упали на иссушенный континент, в подземном городе автоматически зажглись искусственные светильники, и сделалось светло, как днем. Брал поморгал, привыкая к яркому свету, и подумал о том, какая погода там, наверху.

Он снова потянулся и соскользнул с постели. В маленьком помещении было тепло, и главное — оно принадлежало ему одному. Это было его царство — пока он представлял в распоряжение города свои силы, возможности и способности. Потом он отправится в Город Стариков, там придется делить комнату с другими.

Он вымылся в крохотной ванной и основательно почистил грудной панцирь. Антенны стоило почистить, но для этого будет время в конце недели, а пока и прием и передача были безупречными.

Брал подошел к стене и нажал кнопку. Тотчас же открылся люк, и на чистом подносе появился завтрак — плоская миска со сладковатой питательной кашей. Он сел и с удовольствием поел. Потом посмотрел на часы. Пора. Он поставил пустую миску в люк — стена чуть завибрировала — закрыл крышку, и заработал транспортер.

Брал вздохнул, сунул несколько книг и пишущих палочек в сумку, зажал ее под мышкой и вышел в коридор. Дверь автоматически закрылась, подчиняясь часам в Сенате, теперь до двух часов пополудни он не сможет вернуться в свою комнату.

Через несколько шагов Брал встретил Гору. Его антенны возбужденно дрожали — он, как всегда, боялся опоздать в Университет.

— Вы уже слышали?— донеслись до Брала мысли собеседника.— Экспедиция стартует завтра утром. Они не отложат старт?

— На сборы и подготовку было достаточно времени,— ответил Брал, приноравливаясь к быстрым шагам друга.— Почему что-то должно пойти не так?

Гора поздоровался с коллегами, которые вышли из бокового хода, и пропустил их вперед. Казалось, он не заметил вопроса Брала.

— У нас мало опыта в таких вещах; кроме того, я не могу представить, чего ради мы должны покидать наш мир. Разве нам мало места?

Брал усмехнулся. Он наперед знал все аргументы против космических путешествий.

— Конечно, нам хватает места, дорогой Гора, но можете ли вы точно сказать, как долго мы продержимся? Если мы не уничтожим драгов, они когда-нибудь вытеснят нас. А против такого

выхода восстает все наше мировоззрение. Мы должны попытаться жить вместе, найти какую-то возможность уклониться от взаимоистребления. Если честно — я в это не верю.

— Ага!— с триумфом воскликнул Гора, его антенны возбужденно вибрировали.— Вы сами не верите, что драги смогут нас вытеснить. Разве мы не разумные существа?

— Но ведь они такие огромные!— ответил Брал и кивнул своему ученику в ответ на уважительное приветствие.— Они же чудовища. Они компенсируют нехватку разума избытком массы своего тела.

— И все-таки,— возразил Гора,— мы их превосходим. Мы, с нашей техникой и нашими вымыслами, можем дать им сто очков вперед.

— Но при этом вы забываете,— серьезно ответил Брал,— что именно вымыслы представляют для нас наибольшую опасность. Созданные нами фантомы больше не исчезают. Вы, так же, как и я, хорошо знаете, что создавать вымыслы разрешается только при крайней опасности.

— Может быть, драги — не такое уж большое зло?

Брал хотел ответить, но они уже пришли. Вправо ответвлялся широкий коридор — Университет!

Как и все жилища и производственные помещения моков, он тоже был под землей. Гигантские ноги драгов давили любые, даже самые прочные здания. Драги не обращали на это внимания, у них ведь не было разума. А если бы был? Раздумывая над этим, Брал снова и снова радовался, что они не были разумными.

Гора попрощался кивком головы и исчез за дверью. Брал зашел в свой класс. Он разрешил ученикам сесть и сразу же начал урок. Время было дорого, и нельзя было терять ни минуты.

Он убедился, что антенны учеников направлены на него и никто не дремлет, начал напряженно думать, а потом направил свои антенны на учеников.

— На последнем занятии мы говорили об астрономическом положении нашей родной планеты и писали об этом работу. Должен признать, что меня сильно разочаровали плохие отметки, хотя всем известно, что математика отнюдь не ведущий предмет в нашем Университете. Именно поэтому я считаю, что необходимо заняться повторением. Пегор, определите понятие «метр».

Молодой мок поднялся со своего места, осмотрелся, ожидая помощи, и попытался отклонить свои антенны немного в сторону. Но Брал тщательно следил за тем, чтобы другие ученики не подсказывали, чтобы все антенны были направлены на преподавателя.

— Если мы возьмем одну двухсотмиллионную квадранта Мокара, то получим длину, которую называем «метром».

— Верно, Пегор. Сколько километров содержит в себе квадрант, и что такое квадрант Мокара?

Пегор напрасно нервничал. Он знал предмет.

— Квадрант — это четвертая часть меридиана. Он имеет в длину около двухсот тысяч километров.

— Верно, мой юный друг. А какова же тогда длина экватора нашей планеты?

— Неполные восемьсот тысяч километров.

Брал удовлетворенно кивнул, и Пегор сел.

— Диаметр Мокара, Халброс?

Встал другой мок.

— Приблизительно двести двадцать три тысячи километров.

— Хорошо,— снова передал Брал и сделал знак ученику, который сидел в последнем ряду, подняв вверх одну из антенн.— Арса, почему вы невнимательны? Что вы услышали интересного там, наверху?— Брал погрозил ему.— Вы же знаете, что должны целиком сосредоточиться на уроке.

Арса виновато поднялся и направил обе антенны на учителя.

— Извините, Брал. Мой отец...

— Вы знаете своего отца?— Брал так удивился, что подскочил на месте и уставился на ученика во все глаза.— Вы знаете, кто ваш отец? Разве вы выросли не в государственном инкубаторе?

Арса смутился.

— Конечно, я не знаю своего отца лично. Но я знаю, что он — один из тех, кто завтра отправится на Раану.

Раана! Четвертая планета! Но Брал не намеревался отвлекаться от темы, чтобы выслушать мнение ученика о космическом перелете.

— Мы живем на третьей планете,— возразил он с легким упреком.— О космической экспедиции мы поговорим потом, когда корабль вернется,— он немного помолчал.— Конечно, нам уже сегодня можно рассмотреть некоторые данные в рамках нашей учебной программы,— он не мог противостоять искушению.— На каком расстоянии находится Рааna?

— Сейчас, при наиболее благоприятном расположении — всего в миллиарде двухстах миллионах километрах,— Арса выпалил ответ и уже без колебаний продолжил.— Диаметр Рааны составляет сто двадцать тысяч километров, а окружность по экватору — триста двадцать тысяч километров. Расстояние до Регуса — четыре целых семь десятых миллиарда километров.

— Хорошо, Арса. Вы великолепно знаете материал. Итак, нам известно, что Рааna вполовину меньше Мокара, нашей родной планеты. Условия жизни на ней не так хороши, как у нас, но ученые думают, что там можно обойтись без сложного вспомогательного оборудования. Еще один вопрос, Арса: как долго экспедиция пробудет в пути?

— Космический корабль развивает скорость двести миллионов

километров в час, так что можно рассчитать, что продолжительность полета в одном направлении будет более шестидесяти часов.

Брал снова удовлетворенно кивнул, но, взглянув на часы, понял, что посвятил слишком много времени теме, не относящейся к уроку. Поэтому он деловито задал классу следующий вопрос.

— Рексос, существуют два определения метра. Какие?

Рексос поднялся, антенны его раскачивались. Он надеялся получить хоть какую-то помощь от своих товарищей, и это ему удалось. Его ответ звучал уверенно:

— Грамм воды в виде куба имеет длину ребра в один сантиметр, тысячекратное ее количество имеет длину ребра в десять сантиметров, следовательно, тысяча литров имеет длину ребра в один метр. Это метод Джорделя...

Так и шло время.

Стартовая установка поднималась в ясное небо Мокара на двести метров. Такой же длины была ракета из серебристого металла; острый нос ее устремлялся в бесконечную синеву, а вокруг кормы толпились моки.

Граница космодрома была безнадежно блокирована. Там стояли тяжелые орудия, готовые отразить возможное нападение драгов. Однако наибольшую опасность представляли вымыслы, созданные самими моками: один раз материализованные, они продолжали разгуливать по поверхности Мокара. Против них не было оружия, и только особенно сильные телепаты могли их отгонять. Но уничтожить их было невозможно.

Научный руководитель экспедиции — он участвовал еще в первом полете к спутнику Мокара — обеспокоенно посмотрел за пределы поля.

— Мы должны спешить. Вверху, в лесах, видели драгов. Они следили за нашими приготовлениями. Два из них убиты. Теперь они постараются уничтожить нас. Я серьезно опасаюсь нападения.

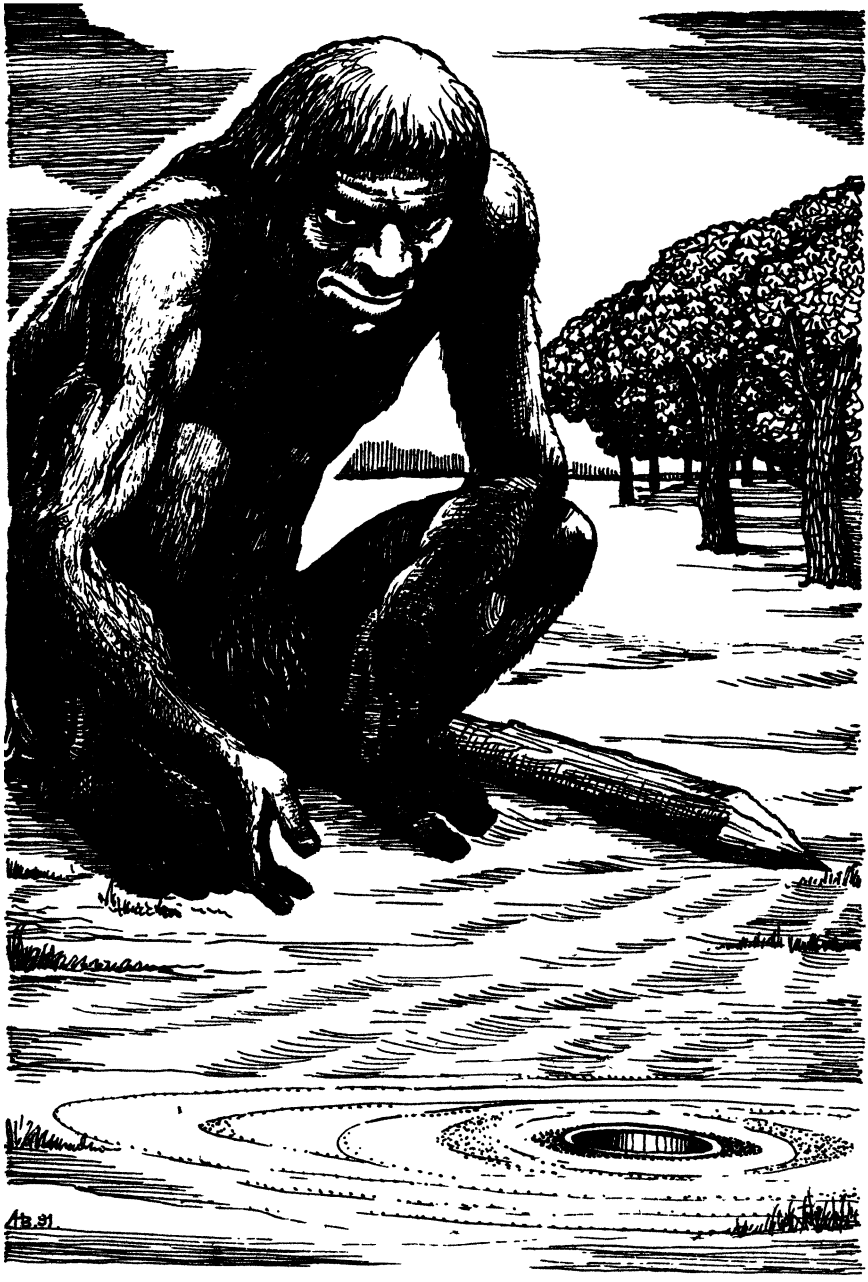
Некоторые из сенаторов посмотрели в сторону ближайшего входа в подземный город. Туда драги еще никогда не проникали. Не могли они и раскопать города.

— Мы будем в безопасности только после старта,— продолжал Артос.— Мы не имеем права рисковать нашим бесценным кораблем.

Астроном Гесто кивнул, соглашаясь.

— Чем скорее, тем лучше,— подумал он, выставив антенны, чтобы каждый мог понять его. Врач и навигатор Ксо были уже в ракете. Теперь была очередь Артоса. Он еще раз помахал рукой стартовой команде и провожающим и поплыл вверх, к острому носу металлического гиганта.

В это время на краю поля грохнуло орудие.



Гесто вздрогнул и обернулся.

Чудовищные фигуры, закрыв горизонт, с невообразимой скоростью приближались к орудийным установкам. Каждым шагом они покрывали двадцать—тридцать метров, пятиметровые ноги давили все, что попадалось на пути. Деревья поменьше были сломаны и растоптаны.

Несмотря на ураганный огонь орудийной батареи, ужасные гиганты ринулись через позиции и помчались прямиком на корабль. Лишь немногих срезал град снарядов, и теперь они бились в агонии с такой силой, что земля тряслась и вздрагивали опоры стартовой установки.

Сенаторы и пресса давно отступили в безопасное место, никому не хочется иметь дело с сорокаметровыми гигантами. Лифты быстро доставили их в глубину, туда чудовища проникнуть не могли.

Гесто в нерешительности потерял несколько драгоценных секунд. Лифт, что унес Артоса к носу ракеты, еще не вернулся, но Гесто больше не мог ждать. Корабль был в безопасности, гиганты ничего не могли поделать с его стальной обшивкой. Он, Гесто, подвергался чудовищной опасности. Теперь канониры прекратили обстрел — они боялись попасть в корабль.

Молодой астроном все еще колебался. Может, попытаться добежать до входа в город? Или же...

У него осталась только одна возможность отвлечь драгов от корабля.

Вымысел!

Гесто повернулся к гигантам. Со своими полутора метрами роста он казался перед ними карликом, но у него была сила, которой не было у врагов.

Драги были метрах в пятистах. Еще десять секунд, и станет слишком поздно.

Он сконцентрировался и проник в мозг врага, чья жуткая морда казалась порождением кошмара. Буйно растущая борода окаймляла ужасное лицо, а в лапах чудовища был зажат деревянный кол. Чудовище оглушительно ревело.

Гесто не мог слышать этого рева, но из сообщений научных экспедиций он знал, что драги издают пастью разные звуки, потому что не владеют телепатией. Эти звуки были записаны специальными приборами и переведены в оптический диапазон.

Мысли и воспоминания драга тоже были ужасны. Гесто легко сформировал из них ментальную картину — четвероногого монстра с острыми когтями и зубами, похожими на кинжалы.

Новое усилие, несравнимо большее, чем первое — и воздух между Гесто и драгом замерцал. Из ничего медленно возникло нечто — животное, жуткий зверь с коричневым мехом и густой гривой на плечах. Он обнажил зубы, яростно хлестнул лохматым

хвостом... и устремился на пораженного драга, который так и не понял, откуда вдруг появилось это нечто, которого тут не было.

Это чудовище было материальным воплощением воспоминаний драга. Мок выловил самое страшное, что было в его мозгу, создал вымысел и материализовал его между собой и противником.

Прежде чем озадаченный драг понял, что произошло, он рухнул наземь под тушей двадцатиметрового животного и был разорван в клочья.

Два других драга, увидев, что произошло, тотчас же изменили направление своего бега и пробежали вдалеке от ракеты прямо на орудия, где им устроили соответствующий прием. Однако четвертый драг словно ничего не заметил. Размахивая колом, он побежал дальше, к драгоценной ракете, которую, по всей вероятности, счел причиной всего этого колдовства.

Гесто забыл о себе и думал только о ракете. Конечно, драг не мог уничтожить ее, но повреждения могли оказаться фатальными, а это означало бы отсрочку старта на недели, если не на месяцы.

Не раздумывая, он побежал навстречу колоссу. У него больше не было времени концентрироваться, чтобы создать новый вымысел. Нога чудовища опустилась и оборвала его жизнь, глубоко втоптав тело в мягкую почву. Он так и не увидел, что его жертва была напрасна: созданное им кошмарное животное закончило свою работу и осмотрелось в поисках новой жертвы. Драг был опрокинут на землю и умер под ударами страшных лап прежде, чем осознал опасность.

Корабль был спасен, но Гесто погиб.

Артос видел все на экране. Когда драг растоптал Гесто, его охватила всепоглощающая ярость, и он хотел было открыть огонь из орудий корабля, но опоздал — с драгом было покончено. Опасность пока миновала.

Вымысел Гесто мощными прыжками помчался за убегающими драгами. Орудия ударили по чудовищной твари, но сверкающие молнии пролетали сквозь нее, не причиняя видимого вреда. Потом и животное и драги исчезли в лесу, среди гигантских четырехсотметровых деревьев.

Артос дрожащими пальцами включил аппаратуру связи, связался с исследовательским центром города. Когда экран засветился, на нем появилось озабоченное лицо руководителя Космической Академии. Основание его антенн окружал серебристый обруч, такой же был и на Артосе; без этого чуда техники нельзя было слышать звуковые волны. К сожалению, радиоволны можно было использовать только так, хотя были уже удачные попытки так усилить естественные телепатические волны, чтобы можно было принимать и передавать их по радио. Конечно, звуковые волны

были известны только теоретически, никто на самом деле не слышал их. Моки просто «думали в микрофон», прибор превращал мозговые волны в звук, тот передавался радиоволнами на нужное расстояние, а в приемнике снова превращался в мысли. Это чудо совершал серебряный обруч.

— Гесто мертв,— сообщил Артос.— Ракета не повреждена и готова к старту. Нам не хватает астронома. У вас есть замена? Без астронома я не могу стартовать.

Руководитель Академии, похоже, ожидал худшего.

— Итак, все закончилось благополучно?

— Да, благодаря Гесто. Он в последнюю секунду создал вымысла и прикончил двух драгов. К сожалению, он растоптан.

— Еще один кошмар,— в голосе академика слышались страх и сожаление.— Но ничего не поделаешь... Хорошо, я позабочусь о замене. В Университете есть хороший астроном. Вам сообщат о решении.

— Спасибо,— ответил Артос.— Направьте мне самого способного мока!

Руководитель Академии кивнул и отключился.

Еще мгновение Артос смотрел на потухший экран, потом направил антенны в угол рубки, где на своем ложе в расстройстве сидел врач-навигатор Ксо.

— Все в порядке,— успокаивающе просигналил Артос.— У нас будет замена, и мы стартуем еще сегодня.

— Гесто мертв?

— Да, один из драгов растоптал его.

— Ужас. Я хорошо знал Гесто. Он был моим другом.

— С каких это пор у вас появилось время для подобных чувств? Государство — наше благо, и Гесто пожертвовал ради него своей жизнью. Он только выполнил свой долг. Я уже сказал, что у нас будет замена.

Ксо смущенно кивнул. Его хрупкие антенны слегка вибрировали.

— Кого нам пришлют?

— Какое это имеет значение? Главное, это будет хороший астроном, большего нам не нужно.

Ксо не ответил. Он скатал антенны, показывая, что хочет остаться наедине со своими мыслями. Артос уважил его желание и принял на себя командование. Он тщательно проверил системы корабля, пока не убедился, что все в порядке.

А в городе искали замену для Гесто, чье тело было втоптано в землю рядом с ракетой. Его могилой стал след более полуметра глубиной, шести метров длиной и почти двух шириной.

Брал почувствовал сверлящий вызов у себя в мозгу, когда начал послеобеденный урок.

Он приказал ученикам вести себя тихо и направил приемные антенны в сторону передатчика приказов. Точно, директор Университета хотел что-то сообщить ему.

— Брал, оставьте свой класс и явитесь в Кссмическую Академию. Сенат решил, что вы должны занять место астронома Гесто, который пал жертвой несчастного случая. Вы примете участие в экспедиции на Раану.

Бралу показалось, что на него обрушился стометровый свод, нависающий над городом. Несколько секунд он стоял неподвижно, потом ответил:

— Повинуюсь, Рагюф. Спасибо.

Ученики, похоже, заметили что-то необычное. Так как антенны Брала были направлены почти в противоположном направлении, его было невозможно подслушать, но они имели право удовлетворить свое любопытство. Он снова повернулся к ним.

— Арса, вам будет приятно узнать, что я вместе с вашим отцом лечу на Раану. Теперь вы мне скажете, кто ваш отец?

Юный ученик медленно поднялся. По его лицу пробежала тень.

— Я ничего не знаю точно. Один из участников — вот и все.

— Надеюсь, это не астроном Гесто?

— Я не знаю. Почему?

— Потому что Гесто больше нет в живых, и я лечу вместо него. Немедленно вам пришлют нового учителя. Будьте здоровы, мои юные ученики. Когда вернусь, я расскажу вам о Раане. Наш курс не будет больше основываться на голой теории.

Он не стал возвращаться в свою комнату. От директора Университета он направился прямо в Космическую Академию, а оттуда, получив необходимые инструкции, прошел в лифт и поднялся на поверхность планеты. У него не было личных вещей, а если бы и были, он едва ли смог бы взять их с собой.

Два солдата охраны сопровождали его. Похоже, это было им не по душе. Они охотнее заботились бы о безопасности подземного города.

Лифт остановился. Все было спокойно, только гигантские туши убитых драгов заслоняли вид на лес, который мог таить опасность. Гиганты были ужасны. Теперь, когда они были мертвы и лежали, вытянувшись на земле, они были всего лишь метров восьми высотой, но по-прежнему сорока метров в длину. Кровь буквально ручьями текла вдоль кюветов вспомогательного шоссе — грязный, бурлящий поток.

Солдаты остановились около входа в лифт. Они держали излучатели наизготовку, наблюдая за астрономом, а тот, бросив последний взгляд на чудовищ, быстрыми шагами направился к устремленной в небо ракете. Подъемник был наготове. Брал поспешно вошел в него и нажал кнопку.

Лифт поднимался быстро: и земля и мертвые драги проваливались куда-то в глубину. Солдат не было видно — может быть, они уже вернулись в город.

Брал вдохнул свежий воздух. Моки редко выходили наружу, большую часть своей жизни проводя в подземных городах, связанных друг с другом длинными туннелями. Целая сеть подземных дорог пронизывала Мокар на глубине от ста до двухсот метров. Такая жизнь — без солнца, без свежего воздуха — и породила желание покинуть этот мир, найти другой, где бы не было драгов. Мир без драгов означал жизнь на поверхности, на свободе.

Так сложилось, что моки стали подземными жителями и очень плохо знали поверхность своего мира. И все же они создали двигатель, который мог преодолеть притяжение планеты.

Подъемник остановился. Только двадцать метров двухсотметровой ракеты занимали рубка и каюты. Все остальное было заполнено двигателями, запасами топлива и генераторами. Брал мало понимал в работе этих машин, хотя специалисты Университета объяснили ему их устройство. Он давно и страстно хотел участвовать в такой экспедиции, и вот его желание исполнилось— ценой гибели Гесто.

Люк открылся. В проеме стоял Артос.

— Это вы, Брал? Мы вас ждем!

В его мыслях сквозило разочарование, которое Брал сразу почувствовал. Он понял недоверие Артоса: тот, конечно, ожидал специалиста получше.

— Сенат назначил меня,— ответил он.— Я попробую заменить Гесто.

Артос склонил антенны, потом снова направил их на Брала.

— Я рад выбору Сената,— заверил он.— Ксо тоже будет рад встретиться с вами. Идемте, Брал. Мы должны стартовать прежде, чем драги вернутся.

Тяжелый люк глухо захлопнулся за астрономом, и ему показалось, что он навсегда расстается со своей планетой.

Если честно признаться, прощание далось ему нелегко. Перед ним простиралась неизвестность — глубокая пустота космоса и чужой мир.

Он не принимал никакого участия в стартовых операциях. Артос приказал ему лечь на амортизирующее ложе и коротко сообщил:

— Чтобы преодолеть притяжение Мокара, мы должны развить скорость двести двадцать два километра в секунду. При постоянном ускорении мы наберем нужную скорость — двадцать миллионов километров в час.

— А мы выдержим это?— удивился Брал.

— Вполне. Это не так плохо, как мы думали поначалу.

Брал успокоился, лег так, чтобы видеть носовой экран, и стал ждать.

Артос кивнул Ксо. Навигатор устроился на втором противоперегрузочном ложе и положил все четыре руки на рычаги управления. Он тоже был готов.

Артос больше не колебался. Он нажал на стартовую кнопку, включая автоматы. Горючее пошло в камеру нагрева, потом устремилось в камеру сгорания и там взорвалось.

Ракета вздрогнула. Потом Бралу показалось, что его придавили невидимой тяжелой пятой — пятой драга — и сейчас раздавят. Он попытался вдохнуть воздух и не смог. В глазах потемнело, и он потерял сознание.

Было уже очень поздно.

Брал очнулся от яркого света. Нагнувшись, над ним стоял Артос с инъектором в руках. Его озабоченный взгляд говорил, что он уже записал Брала в свои пациенты.

— Ну, мы пришли в себя?— спросил он тихо, чтобы не усиливать головную боль Брала.— Вы проспали весь старт. Хотите взглянуть на Мокар?

Астроном кивнул и выпрямился. Еще бы он не хотел. Ему больше не нужно было никаких доказательств. Родная планета висела на переднем экране.

Так он себе ее и представлял — серо-зеленый шар среди черного неба, а вокруг — звезды. Хорошо были видны континенты, зеркала морей, о которых он знал лишь, что они существуют. Теперь он, наконец, увидел все собственными глазами. Может быть, они теперь смогут изготовить карты, ведь до сих пор ни один мок не знал, как на самом деле выглядит поверхность Мокара.

На другом экране, защищенном фильтром, сиял Регус. Корабль повернулся к нему кормой.

— Сколько времени мы в пути?— спросил Брал.

— Много часов. Мы только что миновали луну, а она находится в семи миллионах километров от Мокара.

— Я знаю,— кивнул Брал и улыбнулся. В конце концов, астрономия была его специальностью.— Раана уже видна? Я охотно посмотрел бы на нее. На Мокаре сильно мешает атмосфера.

Артос улыбнулся, кивнул и показал на один из компактных приборов, находившихся почти в самом конце рубки. На нем виднелось множество штурвальчиков и рычажков, но самой заметной была труба телескопа, которая пронизывала потолок.

— Это ваш инструмент, Брал. Новейший телескоп. Вы можете управлять им отсюда и чувствовать себя, словно в открытом пространстве. Вы легко найдете Раану. Я уже посмотрел на нее. Чудесный вид.

Брал встал и, пошатываясь, направился к телескопу. С облегчением опустившись в кресло, он приник к окуляру.

Раана была большой светлой звездой точно в центре черного поля. Она красновато светилась, и на ней, похоже, были континенты. Ясно виднелись оба полюса; первая экспедиция на местную луну сообщила о них.

Брал обратился к Артосу и Ксо:

— Я счастлив, что отправился с вами. Один этот взгляд в телескоп окупает все усилия.

— И смерть Гесто тоже?— горько спросил Ксо.

Брал на мгновение смутился, потом мотнул головой так, что антенны задрожали.

— Его гибель — не моя вина,— ответил он.— Хотя я здесь оказался благодаря ей, но не несу за нее никакой ответственности.

— Успокойтесь,— вмешался Артос и с упреком посмотрел на Ксо.— У нашего друга очень чувствительная душа, а Гесто был его другом. Он очень страдает от этого чувства.

— Чувства?— удивился Брал.

— Да, эмоционального восприятия, с которым разум ничего не может поделать. Ксо верит в духовную связь между моками. Какая чушь, а ведь он крупный ученый!

Брал ничего не ответил. Он снова смотрел в бесконечность и старался думать и чувствовать так же, как Ксо. Он знал, что иметь и проявлять чувства было недостойно мока. Из-за постоянной угрозы драгов жизнь была жестокой и жуткой — а зачастую и короткой. Появляешься в мир в инкубаторе, заканчиваешь государственную школу и развиваешь свои задатки в училище или в Университете. Никто не знал своих родителей, да и они никогда не видели своих детей. Для сентиментальности в этом мире не было ни места, ни времени.

Брал вздохнул. Он отвел глаза от окуляра и быстро глянул на Ксо, потом встретился с холодными, изучающими глазами Артоса.

— Ну?— спросил руководитель экспедиции.— О чем вы думаете?

Брал направил антенны так, чтобы его могли услышать.

— Думаю? Я думаю о том, является ли признаком чувств то, что я счастлив, увидев Мокар со стороны. И сентиментальность ли то, что меня радует вид Рааны в телескоп? Если это как-то связано с чувствами... ну тогда я, наверное, кажусь вам предателем, Артос.

Ксо вежливо скатал свои антенны, чтобы не слышать беседы, но Артос, казалось, ничего не заметил.

— Нет,— ответил он.— Это не те чувства, которые я осуждаю. Ваш долг — радоваться астрономическим открытиям. Я очень

счастлив, что вас направили вместо Гесто. Мы сделаем все, что задумали. Мы и Ксо.

Брал снова вернулся к своей работе.

Артос стал ему очень симпатичен.

2

На Земле уже давно минул конец двадцатого столетия по космическому времяисчислению. Существовало объединенное мировое правительство, общий космический флот, а также колонии на Марсе, Венере и на планетах некоторых ближайших звезд.

Человека, которому человечество было обязано своим развитием, звали Перри Родан.

Он вместе с Реджинальдом Буллем и доктором Маноли совершил первый полет на Луну и наткнулся там на потерпевших крушение арконоидов. Эта гуманоидная раса владела огромной звездной областью на расстоянии тридцати четырех тысяч световых лет от Земли. Арконидские ученые Тора и Крест получили задание разыскать легендарную планету, скрывавшую тайну вечной жизни. Поиски в пространстве и времени привели их к Солнечной системе — и на Луне их путешествие закончилось. Поврежденный двигатель отремонтировать своими силами оказалось невозможно.

Перри Родан сумел доставить обоих членов экипажа на Землю, и с их помощью он достиг мощи, позволившей ему взять под контроль судьбу человечества. Он объединил нации и создал мировое правительство.

Он прекратил войны. Все деньги стекались в единый бюджет, предназначенный для постройки космического флота. Научное и техническое развитие планеты Земля испытало фантастический взлет.

В Террании, столице «Третьей Власти», как Родан называл свою организацию, в эти дни царила лихорадочная деятельность. Один из космических патрулей вернулся с сенсационным сообщением, что на планете, находящейся всего в пятидесяти двух световых годах, существует гуманоидная раса. Командир патрульного корабля, молодой лейтенант Юлиан Тиффлор, следуя предписанию, не стал совершать посадку и тотчас же вернулся на Землю, чтобы сообщить об этом Перри Родану.

В одном из административных зданий Террании началось совещание.

Лейтенанту Тиффлору было тридцать с небольшим лет, он был строен и высок, смугл, с карими глазами. В мундире он выглядел весьма импозантно и, похоже, знал об этом. Его лицо вы-

ражало довольство и гордость — горд он был главным образом тем, что Перри Родана заинтересовало его открытие.

Сам Родан стоял возле распахнутого окна, из которого открывалась великолепная панорама Террании.

Фантастическая архитектура этого новейшего метрополиса в центре пустыни Гоби убеждала в том, что находишься на другой планете, среди иной цивилизации — и все же город был создан людьми. Конечно, при посредстве арконидских строительных роботов.

Перри Родану было около сорока лет, и внешне он несколько походил на молодого лейтенанта. Однако в его серых глазах читались властность и необъятные знания, которые он получил от Креста с помощью гипнообучения. Темно-рыжие, почти каштановые волосы были гладко причесаны. В худом лице почти не угадывалась свойственная его натуре чудовищная энергия, а скромный мундир, в который он был затянут, ничего не говорил о власти, которую олицетворял этот человек. Непосвященный никогда бы не смог предположить, что Перри Родан — ключевая фигура в Солнечной системе.

Полной противоположностью ему был Реджинальд Булль, лучший друг и доверенное лицо Родана. Приземистый, коренастый, он казался неловким и медлительным, однако впечатление это было весьма обманчиво. Его круглое, широкое лицо излучало добродушие и миролюбие — и это тоже была всего лишь видимость, никто, кроме Родана не обладал таким жестким характером, как Реджинальд Булль, которого обычно называли просто Булли.

Немного позади стояли два высоких, стройных человека, напряженность которых тотчас же бросалась в глаза. Это были мужчина и женщина. Их белые волосы и красноватые глаза придавали им сходство с альбиносами. Крест и Тора, единственные арконоиды, живущие на Земле. Они потерпели кораблекрушение на Луне, но остались живы и невредимы. Теперь они состояли при Перри Родане и помогали в укреплении земной мощи. Они наотрез отказались возвращаться на родину. Аркон переживал кризис, вызванный реорганизацией собственной Империи.

Родан подал знак. Все заняли места. Пристальный изучающий взгляд Родана был устремлен на Тиффлора. Он произнес только одно слово:

— Ну?

Молодой лейтенант спокойно встретил взгляд своего начальника.

— Мы обнаружили гуманоидов, сэр. На третьей планете Беты Овна. Расстояние до звезды пятьдесят два световых года, она похожа на Солнце. Планета казалась необитаемой, но обзорный экран выдал изображение существ, передвигающихся вертикально

и обладающих явным сходством с людьми. Цивилизация каменного века. Согласно инструкциям, мы не могли совершить посадку, поэтому сразу же вернулись на Землю.

Родан медленно кивнул.

— Итак, каменный век... заря цивилизации. Можно предположить, что это примитивная раса. Однажды она разовьется... может быть, мы должны ей в этом помочь,— он вопросительно посмотрел на Креста.— Что вы об этом думаете, Крест? Ваш опыт противоречит этому?

Арконоид положил на стол руки с тонкими пальцами. По его лицу было видно, что он глубоко задумался.

— Вовсе нет. Конечно, нецелесообразно ставить примитивные существа перед свершившимися фактами. Они в большинстве своем так опутаны суевериями, связанными с природой, что технику считают воплощением дьявола, а прогресс — дьявольскими уловками. Я рекомендовал бы проявить крайнюю осторожность.

Каждый знал, на что он намекает. Люди и арконоиды были не одиноки во Вселенной. Были и другие — они мыслили и чувствовали совершенно по-другому. Во всех других существах они видели только потенциальных рабов.

— Может быть, нам стоит основать постоянную станцию на Бете Овна-3?

Предложение высказал Юлиан Тиффлор. Родан посмотрел на него.

— А как насчет четвертой планеты? Она пригодна для этого?

— Бета Овна-4?— Тиффлор на мгновение задумался.— Если я не ошибаюсь, она похожа на Марс. Пригодная для дыхания атмосфера. Я должен заглянуть в бортовой журнал...

— Это потом. Итак, вы убеждены, что мы сможем основать постоянную станцию на Бете Овна-4?

— Абсолютно, сэр.

Секунду спустя Родан принял решение.

— Я тоже хотел бы познакомиться с этой системой, лейтенант Тиффлор. Готовьте «Газель-1» для полета к Бете Овна. Мы стартуем завтра.

Тут впервые вмешался Булли. Он беспокойно поерзал на стуле, некоторое время помолчал, потом, наконец, взорвался:

— А теперь тише, Перри! Ничего не случилось! Я же иду с...

Родан поднял брови.

— Я, собственно, намеревался оставить тебя своим заместителем...

— Полковник Фрайт годится для этого много лучше, чем я!

Родан улыбнулся.

— Ты так думаешь? Ну, хорошо, ты можешь отправиться со мной. Нам, несомненно, предстоит всего лишь небольшой прогу-

лочный полет, так как «Газель» проделает только несколько незначительных прыжков. Крест тоже составит тебе компанию. Тиффлор — командир корабля. Из Корпуса Мутантов я предлагаю Джона Маршалла. Он телепат и может пригодиться в общении с туземцами. И еще...

— Гукки!— сказал Булли.

Родан не смог скрыть удивления.

— Гукки? Почему именно мыше-бобер?

— Потому что на «Газели» мало места. Гукки невелик и объединяет в себе три парапсихологических свойства: он телепат, телепортер и телекинетик.

— Весомый аргумент,— признал Родан.— Я думаю, мы должны спросить Гукки, согласен ли он.

Прежде чем Булли смог ответить, произошло нечто странное. Воздух в центре помещения замерцал. Казалось, кто-то внезапно включил мощный источник тепла, и нагревавшийся воздух стал заметно подниматься вверх, к потолку. Потом на этом месте материализовалась фигура, которая сначала как бы находилась за стеклянной стеной, но через секунду проявилась четче, а еще через мгновение уже стояла в помещении во плоти.

Или сидела.

Гукки выглядел не человеком, скорее, животным. Роскошным гибридом гигантской мыши и бобра, примерно метрового роста, покрытым рыжевато-коричневым мехом. Большие уши стояли вертикально и, казалось, постоянно прислушивались.

Блестящие карие глаза смотрели преданно и дружелюбно. Острая мордочка заканчивалась зубом-клыком, который Гукки, улыбаясь, постоянно обнажал. Широкий хвост бобра служил опорой, когда тот сидел на задних лапах.

Родан подобрал Гукки на планете умирающего солнца, где жила раса естественных телекинетиков. Как полноправный член Корпуса Мутантов, Гукки снискал дружескую склонность хозяина Третьей Власти.

Он устремил свои преданные глаза на Булли.

— Спасибо за приглашение, Булли. Конечно, я согласен отправиться с вами. В конце концов, я не...

— Ты подслушивал?— строго прервал его Родан.— Фи! Ты же знаешь, что я запретил тебе во время конференции...

— Это была чистая случайность,— извинился Гукки и спрятал свой зуб, чтобы показать, насколько серьезно он говорил.— Мои мысли бродили вокруг и оказались в этом помещении. Я услышал только, как Булли упомянул мое имя. И все.

— Гм,— произнес Родан и с упреком посмотрел на него. Дрогнувшие уголки губ показывали, что, конечно, он воспринимает сказанное не слишком сурово.— Так как Булли замолвил за тебя

словечко, я не хочу отклонять его предложение. Я надеюсь, что впредь ты не забудешь о том, что отправляешься вместе с нами только благодаря ему.

— Я не забуду,— радостно пообещал мыше-бобер.— Я подвешу его минут на пять под потолком, если он начнет меня раздражать.

Он намекал на постоянные споры между друзьями, столь непохожими друг на друга, которые всегда заканчивались поражением Булли, потому что он был совершенно беззащитен перед телекинетическими способностями мыше-бобра.

Прежде чем Булли успел что-либо ответить, Родан перехватил инициативу.

— Лейтенант Тиффлор, ожидайте нас завтра на космодроме в десять часов по местному времени. Мы стартуем без дальнейших разговоров. Вы сменили экипаж?

— Все готово к старту, сэр.

Родан кивнул ему.

— Хорошо, Тифф,— он использовал неслужебное сокращение в знак того, что совещание закончено.— А теперь подробнее расскажите нам, что вы видели во время облета Беты Овна-3...

В противоположность другим кораблям, «Газель» имела форму диска. В центре она достигала примерно восемнадцати метров в высоту и ровно тридцати метров в диаметре. Итак, это был весьма небольшой корабль, но его двигатель имел малый объем, так что для экипажа и пассажиров оставалось достаточно места. Арконидский реактор снабжал энергией не только двигатель, но и климатизатор, систему регенерации воздуха и бортовое вооружение.

Гиперпривод обеспечивал прыжок через пятое измерение. За одну секунду он позволял преодолеть около трех световых лет. После ориентации и расчета курса навигационным мозгом, примерно через полчаса, можно было совершать новый прыжок.

Когда зеленовато-голубой шар Земли исчез в черной глубине бесконечности, Родан, Булли и Крест покинули наблюдательный купол. Он напоминал уплощенный горб, верх и стенки которого состояли из прозрачного материала. Во время полета отсюда открывался великолепный обзор. Экраны показывали пространство, находящееся под «Газелью», которое отсюда не было видно.

Луна осталась позади, и корабль с безумным ускорением, вплотную приближаясь к скорости света, устремился за пределы Солнечной системы.

Потом последовал первый прыжок.

Короткая команда, потом на долю секунды все вокруг перестало существовать, потому что никто не мог сохранить сознание во

время прыжка. В течение этого короткого промежутка времени корабль и люди находились в пятом измерении, в котором пространство и время существовали как абстрактные понятия, не имевшие реального значения. Никто не мог представить себе, сколько времени прошло на самом деле, но таймер «Газели» не зафиксировал и секунды, миновавшей в нормальном измерении. И корабль за это время преодолел три световых года.

Вместе с ним материализовалась и Вселенная.

Созвездия имели несколько иные очертания и заметно сдвинулись, но изменились они не сильно. Трех световых лет было слишком мало, чтобы вызвать большие перемены. Маленькая желтоватая звездочка позади привлекла внимание Булли.

— Это наше Солнце. Так оно выглядит с расстояния трех световых лет.

Родан не смотрел назад. Его взгляд был устремлен вперед, где точно на перекрестьи купола находилась маленькая светящаяся точка.

— Бета Овна,— спокойно сказал он.— До нее еще сорок девять световых лет.

Восемнадцатый прыжок был длиной всего лишь около двух световых лет.

Когда они материализовались, ни одно созвездие нельзя было узнать, отчасти потому, что они сильно сместились, но в основном из-за того, что появилось много звезд, которые с Земли нельзя увидеть невооруженным глазом.

В направлении полета сияло ярко-желтое солнце.

— Бета Овна,— тихо сказал Родан. Он видел уже много солнц, но большинство из них заливало своим светом лишь безжизненные планеты. Приступ сентиментальности продолжался лишь секунду, потом он нажал на кнопку интеркома, связывавшего купол наблюдения с централью управления. На экране появилось лицо Тиффа.— Проверьте ваши расчеты относительно находящейся перед нами системы и сообщите все данные. Подход с отрицательным ускорением. Предварительная цель: четвертая планета.

Тиффлор кивнул и исчез.

Крест провел рукой по густым белым волосам.

— Собственно, вы уже знаете, Перри, что собираетесь решить великую задачу? То, что делают старые арконоиды, когда открывают населенный мир и решают присоединить его к своей Империи?

— Я боюсь, что вы неправильно меня поняли,— сухо ответил Родан.— Никто из нас не думает присоединять эту цивилизацию каменного века к нашей Империи. Меня интересует один единственный вопрос, ответ на который важен для нас: являются

ли обитатели третьей планеты ее подлинными аборигенами, или они — потомки космических странников, потерпевших здесь кораблекрушение?

Булли, до сих пор безучастно лежавший на койке, внезапно поднялся.

— С какой стати эта мысль пришла тебе на ум?— спросил он. Его рыжие волосы встопорщились, так что голова стала похожей на щетку.— Не хочешь же ты сказать, что мы тоже являемся потомками потерпевших кораблекрушение космических путешественников...

— А ведь есть основания для подобной гипотезы, не так ли?— улыбнулся Родан в ответ, не сводя взгляда с Беты Овна.— Конечно, вполне возможно, что мы представляем собой исключение — и Дарвин прав. Позитронная картотека на Арконе, может быть, когда-нибудь даст ответ...

Булли бросил взгляд на Креста. Арконоид молча следил за беседой. Его задумчивый взгляд был устремлен в бесконечность космоса. Никто не мог сказать, какая пропасть была более бездонной — его глаза или Вселенная.

— О чем вы думаете, Крест? — Булли отвлек его от раздумий.— Разве природа не в состоянии создать два одинаковых вида? Закон естественного отбора просто делает человека единственным носителем разума.

Крест посмотрел на него.

— Это возможно — но так же возможно, что на другой планете законы природы будут иными, и человек исчезнет, если другая раса будет сильнее. Может быть, здесь именно такое и происходит.

Булли покачал головой.

— Но мы же знаем, что Тифф обнаружил гуманоидов. Этим доказано, что...

— Этим ничего не доказано — только то, что человек здесь существует. Но мы также слышали, что он находится на уровне каменного века. Может быть, его противник на третьей планете слишком силен, чтобы терпеть его дальнейшее развитие. Посмотрим.

Булли недовольно кивнул.

— Да, посмотрим.

Прозвучал короткий сигнал, и экран вспыхнул снова. Тиффлор, держа в руке листок бумаги, прочитал:

— Диаметр Беты Овна-3 сорок тысяч километров. Расстояние до четвертой планеты двадцать два миллиона. Данные обеих планет показывают их поразительное сходство с Марсом и Землей; звезда эта такой же величины, как и земное Солнце. Поэтому на четвертой планете примерно такие же условия, как на Марсе, а на третьей — как на Земле.

— Странный случай,— ответил Родан.— Дайте мне более точ-

ные данные... или подождите, я сам приду к вам. Я сам хочу совершить посадочный маневр. Спасибо, Тифф,— он отключил связь. Затем медленно повернулся к Кресту и Булли.— Мне кажется, мы нашли двойника нашей Солнечной системы. Меня удивит, если развитие здесь протекало иначе, чем у нас. Если бы мы прибыли на две тысячи лет позже, они, может быть, сами бы нас встретили.

Булли уставился на него, но ничего не сказал.

Крест незаметно улыбнулся.

На четвертой планете, которую они назвали просто Бета-4, не было заметно никаких признаков разума. Вдоль экватора находился пояс равнинных пустынь, в которых не было заметно даже примитивной растительности. Между экватором и полюсами протянулись цепи невысоких гор, окруженных зелеными долинами. Рек было мало, и почти не было больших озер и морей. Вся планета состояла из одного континента.

Они совершили посадку в северном полушарии, в широкой долине, окруженной холмами. Узкая река снабжала влагой примитивные растения. Редкие кривые деревья свидетельствовали о том, что развитие здесь шло естественным путем.

Внешние датчики сообщили, что температура снаружи была около нуля по Цельсию. Атмосфера была бедновата кислородом, но человек на короткое время мог выдержать ее. Если же понадобится надолго задержаться снаружи, придется взять теплую одежду и дыхательные маски. Бортовой врач, доктор Хаггард, во всяком случае, не выразил никаких опасений, когда Родан решил выйти на поверхность неизвестной планеты.

— Бета-4 кажется необитаемой,— сказал Родан, надевая утепленный зимний комбинезон.— Несмотря на это, нужно принять необходимые предосторожности.

— Тифф, вы останетесь в централи и будете постоянно находиться на связи со мной. Вооружимся инструментами, приборами и излучателями. Булли и доктор Хаггард будут сопровождать меня. Крест и Маршалл возьмут глайдер.

— А я?— жалобно пропищал кто-то.

Родан повернулся к мыше-бобру, сидевшему; опершись на хвост. Взглянув в его умоляющие глаза, он почти смягчился, но потом решительно покачал головой.

— Нет, ты останешься здесь, Гукки. Я хочу, чтобы ты постоянно поддерживал с нами телепатический контакт, так же, как и Джон Маршалл. В случае внезапной опасности ты единственный сможешь прийти нам на помощь. Ты же видишь, что успех нашей экспедиции зависит только от тебя и твоих способностей.

Гукки удивленно покачал головой.

— Смешно,— произнес он своим чистым голосом,— что я всег-

да бываю нужен только на корабле. Если бы я был вместе с вами, я мог бы больше помочь вам.

— Никто не знает опасностей, которые, возможно, поджидают нас здесь,— сказал Родан в ответ.— Ты остаешься здесь, Гукки. Я чувствую себя спокойнее, когда ты находишься у меня в резерве.

Мыше-бобер был вынужден признать, что Родан прав. Он даже чувствовал себя польщенным. Бросив триумфальный взгляд на Булли, он вразвалочку прошел по централи и одним прыжком оказался в кресле установки связи. Он удобно устроился в уголке.

— Тогда идите — я буду внимателен! — пропищал он и закрыл глаза, словно готовясь заснуть.

— Какая наглость,— проворчал Булли и влез в свой комбинезон.— Мы будем мерзнуть на ветру, а этот здесь — дрыхнуть. Если существует справедливость...

Хаггард застегнул меховой комбинезон.

— Все же нужно признать, что с помощью телепортации он в любое время может последовать за нами, если вдруг забеспокоится,— вступился он за мыше-бобра.— Я готов. Мы возьмем с собой оружие, мистер Родан?

— Только небольшие импульсные излучатели.

Когда холодный, но необычайно свежий и приятный воздух проник в шлюз, они забыли о его предостережении.

Бета-4 была необитаемой, девственной планетой. Что же здесь могло произойти? Разве с ними уже не случались всевозможные приключения?

Родан первым спрыгнул на скудную траву. Сила тяжести здесь была намного ниже, она составляла всего одну треть земной, поэтому их меховые комбинезоны не сковывали движений. «Летающая тарелка» покоилась на выпущенных телескопических опорах, глубоко погрузившихся в почву. Почти в двадцати метрах над ними сверкал купол наблюдения. За иллюминатором централи они увидели лицо Тиффа. Тот кивнул им.

Долина была примерно два километра в ширину и пять или шесть километров длиной. Одной стороной она упиралась в плоскогорье, а другой выходила на равнину, которая тянулась до самого горизонта. Справа и слева поднимались пологие склоны холмов, поросшие деревьями и кустарником. Вершины холмов вздымались на высоту двухсот метров над чашей долины.

— Живописная местность,— произнес Родан, нагибаясь, чтобы рассмотреть траву.— Природа кажется такой же, как у нас.

— И все же она никак не связана с развитием Земли, находящейся отсюда на расстоянии свыше пятидесяти световых лет,— задумчиво проговорил Хаггард.— Меня удивит, если здесь не окажется живых существ, по крайней мере, в виде насекомых.

Родан не принял участия в дискуссии. Он вспомнил, как был заброшен на Марс, где имелись подобные условия жизни. Там тоже не было найдено никакой фауны. Так почему же она должна быть здесь? Он посмотрел вверх, на сине-зеленое небо, которое было темнее, чем на Земле.

Бета Овна здесь была меньше Солнца, видимого с Земли.

Собственно, с точки зрения астрономии, только одно отличало Бету-4 от Марса: у Беты-4 не было ни одной луны.

Они добрались до берега реки. На песчаном берегу они ненадолго задержались. Хаггард взял пробу воды в захваченную с собой бутылочку. Потом, в лаборатории, он изучит ее. Может быть, в ней есть микробы.

Родан нагнулся и поднял плоский камешек. Чистая вода была прозрачна, как стекло. Она перекатывала тонкий песок. Но как Родан ни напрягал свой взгляд, он не обнаружил ни малейших признаков того, что под камнями прячутся рыбы или моллюски. Чистая вода была стерильной и безжизненной,— по крайней мере, казалась такой. Подробное изучение было еще впереди.

Когда Родан выпрямился снова, он отметил почти неестественное молчание обоих спутников, которые до сих пор болтали почти непрерывно. Он обернулся и хотел о чем-то спросить Булли, но осекся. Он уставился на широко раскрытый рот Булли. Взгляд его друга был направлен вверх, в чистое небо, словно он увидел там привидение. Его рыжие волосы встали дыбом, выдавая страшное возбуждение. В широко раскрытых глазах застыло глубокое недоверие.

Взгляд Родана мгновенно переместился на доктора Хаггарда. Врач являл собой зеркальное отражение Булли. Он тоже смотрел вверх, на небо, беспомощно, с широко раскрытыми глазами.

В некотором смятении Родан проследил за взглядами своих товарищей.

То, что он увидел, на самом деле было поразительно.

Примерно в пятидесяти метрах над дном долины парил продолговатый предмет, отливающий металлическим блеском и медленно скользящий по направлению к горам. Длиной он был около метра и едва ли сантиметров двадцать пять в диаметре. Нос его был закруглен, как у пули. Из кормы вырывались бело-голубые струйки огня, словно из корабельных дюз.

Реакция Родана была точно такой же, как у остальных.

Только гудение крошечной наручной рации вывело его из оцепенения. Вызывал Тифф.

— Виден чужой объект, сэр. Он пролетел над «Газелью» в сторону гор. Теперь он должен быть над вами.

— Да,— коротко ответил Родан.— Что это может быть?

— Понятия не имею. Дистанционно управляемый снаряд?..

Родан смотрел, как загадочный предмет слегка повернул налево и заскользил дальше. Теперь он плыл на высоте всего тридцати метров, и Родан не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают глаза неизвестных существ, сидящих где-то в централи и глядящих на изображение, передаваемое дистанционно управляемым телепередатчиком.

Потому что этот предмет едва ли мог быть чем-то другим.

Булли начал проявлять признаки жизни. Он простонал:

— Великое небо — что это?..

— Граната из прошлого,— сказал Хаггард, словно пробудившись ото сна.— Сейчас она взорвется.

— Едва ли,— тихо ответил Родан, словно боялся, что их могут подслушать.— Я уверен, что это дистанционно управляемый телепередатчик.

— И кто же управляет им?— спросил Булли с необычной робостью.

Ему никто не ответил.

Родан бросил взгляд на наручный приборчик, выполнявший множество различных функций. Указатель одного из датчиков дрожал.

— Эта штука излучает слабую радиацию,— пробормотал он.— Но судя по показаниям датчика, она совершенно безвредна. Странно, очень странно,— он внезапно сделал несколько шагов в сторону и снова посмотрел на прибор.

— Что странно?— спросил доктор Хаггард.

— Что излучение здесь, на этом месте, возникло только теперь. Мне кажется, оно прицельное. Направлено на нас.

Хаггард заметно побледнел.

— Вы хотите сказать, что нас обстреливают?

Родан кивнул, ничуть не обеспокоившись.

— Именно так я и думаю. Но мощность излучения очень невелика. Или они не хотят причинить нам вреда, или...

— Или?

— Или они недооценивают нашу сопротивляемость.

Шевелюра Булли постепенно принимала нормальный вид. Он все еще смотрел на удаляющийся цилиндр, но снял руку с приклада импульсного излучателя.

— Может быть, стоит дать ответный выстрел по этой штуке?

Лицо Родана было очень серьезно.

— Вы с ума сошли? Что мы знаем о том, кто там находится? В любом случае, наша теория о том, что Бета-4 необитаема, висит на волоске. У меня такое чувство, что этот мир — ловушка. Вопрос только в том, когда она захлопнется.

Булли ничего не ответил, но его щетина снова начала медленно вставать дыбом.

И еще одна мысль сопровождает человечество на его пути: Хомо Сапиенс считают мерой всех вещей себя, а не Вселенную.

На самом же деле где-то во Вселенной должна быть разумная жизнь, обладающая идентичными представлениями по отношению к себе. Человеческое воображение не в состоянии породить что-либо совершенно ему чуждое, не имеющее аналогов на Земле. И еще менее оно способно представить иные законы природы, о которых на Земле не имеют никакого представления.

Если в глубине космоса существуют другие разумные негуманоиды, они, конечно, допускают ту же ошибку.

3

Уже месяц Артос, Брал и Кco находились на Раане. Из готовых пластиковых частей была возведена первая станция, полукруглое сооружение с климатизатором, кладовыми, лабораториями и помещениями для отдыха и работы.

Купол был пяти метров высотой и тридцати в диаметре. Космический корабль находился на расстоянии сорока километров от купола, в огромном ущелье, вдававшемся в горы на глубину трехсот метров.

Уже во время первого исследовательского полета подтвердилось предположение ученых Мокара: Рааna была девственным, почти стерильным миром, который мог стать прекрасной новой родиной для моков. Здесь не было драгов, постоянно угрожавших жизни. Здесь, на Раане, моки снова могли бы жить на поверхности планеты, потому что врагов здесь не было.

Брал очень любил уходить в исследовательские полеты, но еще больше ему нравилось, если во время полетов на двадцатиметровом глайдере его сопровождали Артос или Кco. Этот глайдер был точным подобием большой ракеты, и функционировал он так же. Двигатель его обеспечивал почти свободное парение, что позволяло тщательно наблюдать за местностью. Впереди находился излучатель, который хотя и был слишком слаб против драгов, однако без труда мог парализовать более мелкого противника.

Разреженная атмосфера давала возможность проводить более точные наблюдения. Отсюда ему удалось обнаружить неизвестные ранее звезды и зарегистрировать их. Кco был геологом и естествоиспытателем, а Артос занимался физическими исследованиями. Предшествующее обучение в Университете дало космическим путешественникам отличную подготовку.

При помощи большого передатчика корабля «Мокар-1» на планету-мать были переданы первые результаты наблюдений,

и там уже подготавливались еще две экспедиции. Оба родных брата «Мокара-1» ожидались в ближайшие две недели.

Горы Рааны были гораздо ниже, чем каменные колоссы Мокара, но горы высотой до четырех тысяч метров не были редкостью. Некоторые ущелья достигали глубины от двухсот до пятисот метров, что затрудняло составление точной карты Рааны.

Дальнейшие исследовательские полеты показали, что исследование гор и ущелий без снаряжения невозможно.

Прошло две недели, не принесших никаких сенсационных открытий. Раана, несомненно, была необитаема. Обширные равнины покрывала трава высотой до шести метров — отличное сырье для приготовления питательной кашки. В долинах, где почва была особенно влажной, росли гигантские деревья, достигавшие ста метров высоты. Огромные озера и моря, скорее океаны, принимали в себя широкие потоки воды, текущие с севера.

Посадка двух других кораблей с Мокара означала приятную перемену в рутинном быту исследователей. Вечером этого дня они не работали. Они сидели вместе в кубрике станции, находящейся на вершине плоской, не слишком высокой горы. Вновь прибывшие рассказывали новости с родины.

— Все города принимали участие в финансировании космического проекта,— сообщил Бреда, командир «Мокара-2».— Когда стало известно, что Раана необитаема, воцарилось всеобщее согласие. Открытие мира без драгов осчастливило всех без исключения.

— Скоро последует сплочение всех маток,— пророчески произнес Гор, коллега Ксо.— Все споры забыты.

— Я же всегда утверждал,— вмешался Брал,— что космические путешествия сгладят различия между всеми народами мира — еще больше, чем угроза драгов.

Артос одобрительно кивнул, но ничего не сказал. Он был слишком занят новостями с Мокара. Он хотел утолить свое любопытство.

— Принято решение о постройке девяти кораблей, каждый из которых должен быть высотой в пятьсот метров,— это замечание сделал Марк. Как командир «Мокара-3», он был великолепно информирован.

Брал заинтересованно подался вперед.

— Такие большие? Зачем?

— Исследовательские корабли,— таинственно ответил Марк.— Если все пойдет хорошо, будет выстроен целый флот. Население Мокара должно переселиться на Раану.

— Все население Мокара — на Раану? — теперь Брал удивился. Мысль о том, чтобы полностью переселить население целой планеты, казалась невероятной.— Это едва ли технически выполнимо.

— А почему, собственно, нет? — спросил Марк, которому идея явно понравилась.— Нам осталось только или уничтожить всех драгов нашего мира, или попробовать переселиться. Но даже если нам удастся покончить с чудовищами, все еще останутся жуткие мысленные образования, которые мы не сможем одолеть. Здесь, на Раане, нет никаких мысленных образований, и нужно под угрозой смерти запретить их создавать.

— Для этого нет никакого повода,— вмешался Артос.— Раана необитаема и свободна от всех опасностей. Новый закон кажется мне излишним.

— Законы не бывают излишними,— напомнил Марк.— Я знаю случай, когда один мок материализовал свои мысли и мечты просто от скуки. Согласен, что вреда от этого по большей части нет, но подобного тоже нельзя допускать. Раана должна быть населена только моками.

Бреда, командир «Мокара-2», слегка нагнулся вперед и посмотрел на Артоса черными жемчужинками глаз.

— Как я слышал от Кco, вы уже совершили множество исследовательских экспедиций. Нашли какие-нибудь признаки животной жизни? Или нет?

— Да, Бреда. В реках и озерах. Ракообразные и рыбы некоторых видов. Рыбы достигают полметра в длину, а ракообразные только десять сантиметров. На суше есть растительность, вы уже сами видели при посадке. Но никаких животных, это я вам гарантирую.

— Отлично. Сенату нужен подробный доклад в ближайшие две недели. Завтра мы начнем исследовательские работы и создадим еще две станции.

— Космические корабли?..— начал Брал, но Марк уже понял его.

— Только «Мокар-2» будет укрыт в ущелье на случай возможной бури. «Мокар-3» в указанный срок вернется на Мокар с первыми результатами.

Брал удовлетворенно кивнул.

— Мне будет позволено заняться своей обычной работой? — спросил он.— Я хочу лично сообщить своим ученикам о наших научных открытиях. Как вы знаете, я преподаю в Университете астрономию и мокарографию.

— Я думаю, вам разрешат,— коротко ответил Марк.

Обмен мыслями стал всеобщим, и было уже поздно, когда, наконец, снова воцарилась тишина.

В последние три дня глайдеры постоянно находились в полете. На них всегда отправлялись по двое участников экспедиции, получивших задание картографировать всю поверхность Рааны.

Нелегкое задание, принимая во внимание гигантскую площадь, требующую занесения на карты. Мощные сели срывались с высоких гор и катились по обширным равнинам и пустыням, обрушивались на широкие лесные пояса и заканчивали свой путь в огромных озерах и морях. Отсюда вода текла под землей, давая растениям на поверхности необходимую влагу.

Брал и Ксо, подружившись, ежедневно проводили долгие часы в тесной кабинке глайдера. Ксо сидел за пультом управления и отвечал за согласованность курса с пилотами других глайдеров; Брал делал снимки автоматической фотокамерой и наблюдал за местностью, проплывающей под маленьким кораблем. Хотя он с самого начала знал, насколько бессмысленно это занятие, он не прекращал поиски признаков животной жизни.

Они пересекли бесконечную пустыню, которая тянулась во все стороны до самого горизонта. Они скользили на высоте примерно двухсот метров над пустынным ландшафтом, состоявшим только из желтоватого песка и голых дюн. Не было видно никаких следов растительности, не говоря уже о других формах жизни.

— Здесь довольно уныло,— произнес Ксо и скорректировал курс, который теперь должен был вести к границе дневной и ночной зон.— В горах больше разнообразия.

— Мне больше нравятся реки и моря, Ксо. Если на планете вообще где-нибудь существует животная жизнь, то только поблизости от воды.

— Кроме ракообразных и рыбы мы ничего не нашли, Брал. Раана, к нашему счастью, необитаема.

Астроном несколько минут сидел молча, потом внезапно спросил:

— А как насчет вас, Ксо? Вы чувствовали в своей молодости желание отправиться на поиски приключений? Я имею в виду, не казалась ли вам невыносимой мысль постоянно жить под землей? Разве вы не тосковали по поверхности, по мирному существованию под солнцем, под открытым небом?

Врач медленно кивнул и посмотрел вниз, на мертвую пустыню.

— Я был еще ребенком и только что пошел в школу, когда однажды мне удалось выбраться на поверхность через вентиляционную шахту. Я хотел увидеть солнце, о котором так много слышал. Мне повезло, что шахта шла до самого верха, хотя и была закрыта частой решеткой, через которую я не мог пролезть. Я увидел ясное голубое небо, и в нем висел пылающий огненный шар, слепивший глаза. Я чувствовал тепло, исходящее от него, и начал понимать, что мы потеряли в наших подземных городах. Всю жизнь там, внизу, подумал я тогда, я не выдержу, потеряю рассудок. Я захотел бежать, потому что решил, что не смогу жить без солнца. И тут я впервые увидел драга.

Ксо сделал короткую паузу. Воспоминания, казалось, захлестнули его. Брал терпеливо ждал. Он великолепно понимал Ксо, потому что испытал те же чувства, в первый раз увидев драга. Этот монстр возвышался на сорок метров, его гигантские ступни давили все, что оказывалось на его пути, а огромные лапы безжалостно схватили ничего не подозревавшего мока и оторвали его руки и ноги от живого тела, словно драг находил в этом какое-то удовольствие.

— Он приближался к шахте, словно хотел растоптать ее. Я видел только невообразимо толстые и высокие ноги, а над ними гору плоти и болтающиеся руки. Но высоко вверху, у самого солнца — как мне показалось — виднелось его лицо. Оно висело посреди неба и глядело вниз, на меня. В ужасных глазах сверкала жажда убийства и тут мне в голову в первый раз пришла мысль, что драги, может быть, едят нас, когда поймают.

Брала передернуло. Он знал, что этому предположению нет достоверных доказательств, однако уже не раз находили жалкие остатки моков — руки и ноги. Куда же девалось все тело?

— Его нога опустилась на решетку, и кругом настала тьма,— продолжил Ксо, не сводя взгляда с пустыни.

— Парализованный страхом, я выпустил поручень, за который держался, и свалился в шахту. К счастью, я отделался незначительными царапинами на грудном панцире и несколькими вывихами рук и ног.

— Шахты всегда около ста метров длиной,— покачал головой Брал.— Вам дьявольски повезло.

— Я падал примерно две секунды, слегка касаясь стен,— ответил Ксо и слегка улыбнулся.

— Да, да, эта глупая гравитация,— кивнул астроном.— Она всюду подстерегает нас. Иногда я просто не понимаю, как эти загадочные драги могут выносить ее и при этом еще ходить прямо.

— Здесь им было бы легче,— Ксо показал вниз, где местность постепенно изменялась. Появились первые пятна зелени, свидетельствующие о близости воды.

Брал внимательно наблюдал за своим другом. Ему в голову внезапно пришла мысль, которая больше не казалась абсурдной. Если сделать выбор между Артосом и Ксо, он мог бы пасть только на врача.

— У вас есть дети?

Ксо удивленно поднял взгляд.

— Да, конечно. Несколько лет назад я посещал матку и принимал участие в оплодотворении. Почему вы спрашиваете об этом?

— Сначала ответьте мне на другой вопрос,— попросил Брал.— Если у вас есть сын, вы с ним знакомы?

Ксо долго не мог скрыть смущения.

— Вы знаете, Брал, что задаете мне очень интимный вопрос —

близко знакомиться с подрастающим поколением запрещено, всю заботу о нем взяло на себя государство,— он слегка поколебался.— Вы мой друг и не будете спрашивать без достаточных оснований. Да, я знаю своего сына. Это чистая случайность.

— И его зовут Арса, не так ли?

Ксо удивленно и беспомощно кивнул.

— Это тайна, о которой никто не должен знать. Меня сошлют в трудовой лагерь, если об этом станет известно. Откуда вы узнали?

Брал успокаивающе улыбнулся. Его антенны дружески вибрировали.

— Арса — один из моих учеников, и у него только одно желание: стать хорошим врачом и космонавтом. Видите ли, я просто сделал некоторые логические умозаключения после того, как он сказал мне, что его отец — один из тех, кто летит на Раану. Однако, верьте мне, это останется нашей тайной. Никто ни о чем не узнает.

— Спасибо, Брал. Вы меня очень напугали — но вы одновременно очень меня обрадовали. Дружеские чувства почти неизвестны нашему народу, потому что его жизнь подчинена целесообразности в идеальном государстве и потому, что в течение нашей жизни под поверхностью у нас нет естественных врагов. Мы управляем даже погодой и существуем в условиях автоматического совершенства. Мы не знаем нужды. Но мы не знаем и настоящих друзей.

— У вас опасные мысли, друг,— предупредил его астроном.— Это мятеж.

— Да, даже свободное мышление считается у нас преступлением. Если бы на Мокаре не было драгов, жизнь, может быть, стала бы совсем невыносимой, потому что остатки чувств были бы направлены на взаимную связь. Драги — последняя опасность для нас, но, одновременно, последние врата к окончательному совершенству нашего духа.

— Совершенству?

— Совершенствованию, если хотите.

— Наше существование безопасно.

— Оно направлено по проложенному пути и полно смертельной скуки. Оно стерильно, бесплодно и достигло высшей точки.

— Это плохо?

Ксо не ответил. Он, широко открыв глаза, уставился вперед, в направлении полета, направив антенны на Брала. Астроном проследил за взглядом пилота и вздрогнул.

Там, посреди пустыни, стояла одинокая могучая гора в добрых четыреста метров высотой, со сплющенной вершиной, которая озадачила Брала. Он окончательно растерялся, когда взглянул на блестящую поверхность склона. Она была не бледно-зеленой, как у других гор, на которых растения находили достаточно влаги, а отливала ярким холодным блеском, словно полированная.

Как металл!

Диаметр горы составлял более полукилометра. Она имела округлую форму.

Но в следующую секунду Брал стало совершенно ясно, что это была не гора. Естественное образование не могло иметь такие правильные очертания. Тонкие опоры, на которых покоилась гора, служили последним доказательством тому, что Ксо понял уже давно.

Там, впереди, в пустыне, находилось огромное сооружение, созданное разумными существами, которые, должно быть, были больше моков.

Разочарование было следующим чувством, сменившим испуг и удивление. Итак, Раана все же была населена, и весьма вероятно, что гигантами. Странно только, что потребовалось столько времени, чтобы это обнаружить.

— Вы должны подняться выше, Ксо, если не хотите налететь на эту штуку впереди. Вы не считаете, что более благоразумно будет показаться им?

Врач не сводил взгляда с загадочного сооружения.

— Почему бы нам этого не сделать? Тогда мы, наконец, узнаем, с кем имеем дело. Его создатели разумны и цивилизованы. Они не нападут на нас без всякого повода. Мы приближаемся.

Брал, затаив дыхание, смотрел, как эта штука становится все больше и четче.

Тем временем глайдер продолжал свой подъем. Теперь он завис в четырех километрах над металлической горой и медленно двигался на восток, в направлении далекой горной цепи, подобно огромной волне закрывавшей горизонт.

— Включите поисковый экран и искатель,— тихо приказал Ксо.— Здесь, наверху, мы в относительной безопасности. Даже если они нас обнаружат, мы уйдем вверх и прочь, прежде чем они успеют что-нибудь предпринять. Но мы должны увидеть друг друга, прежде чем вернемся на базу.

— Далеко ли мы от нее находимся?

— Примерно в шести тысячах километров — приличное расстояние.

Экран засветился, и поверхность Рааны оказалась перед самыми глазами обоих моков. Были видны мельчайшие подробности.

Они на самом деле находились над круглым образованием правильной формы. Металл серебристо блестел, но на плоской поверхности на равном расстоянии друг от друга шли темные точки. Примерно на половине высоты пологий косой склон прерывался. По экватору образования шло вздутие. Под ним склон неестественно вдавался внутрь, и диаметр сооружения к основанию становился все меньше и меньше.

Опоры, на которых стояло сооружение, отсюда, сверху, не были видны.

— Я думаю,— с некоторым благоговением, поколебавшись, произнес Ксо,— они, если захотят, могут спрятать всю постройку под почвой. Только так можно объяснить, что мы обнаружили его только сегодня.

— Под почвой? — удивился Брал.— Почему они должны прятаться в глубине, если поверхность Рааны безопасна? Здесь нет ничего, что могло бы угрожать им. Скорее, я думаю, что... Ксо! Вы только посмотрите! Там, внизу, возле края вздутия! Итак, они...

Существо было примерно двадцати метров высотой, и все его тело было покрыто темным мехом. Оно двигалось на задних ногах, но, как казалось, довольно неуклюже. При каждом шаге оно продвигалось вперед не больше чем на пять метров. Останавливаясь, оно опускалось на заднюю часть, опираясь на громадный плоский хвост и сохраняя таким образом равновесие.

— О Священная Матка! — произнес Ксо с некоторым облегчением.— Они гиганты, но это, к счастью, не драги.

— Почему они должны быть драгами? Те живут только на Мокаре и не в состоянии достичь Рааны. Как вы думаете, мы сможем установить с ними контакт?

— С тем, внизу? — с сомнением произнес Ксо.— Гм, не лучше ли нам сначала сообщить об этом другим членам экипажей? У нас нет полномочий действовать по собственному усмотрению. Мы вернемся назад, на базу. Камера автоматически сделает снимки, а также зарегистрирует координаты. Так что если они снова исчезнут под землей, мы все-таки сможем найти их.

Брал несколько секунд рассматривал странного жителя казавшейся необитаемой планеты Раана, затем ощутил приступ разочарования и отвел взгляд от экрана.

Горы приближались.

Ксо передвинул рычаг, и глайдер набрал скорость. Со скоростью десять тысяч километров в час он возвращался к исходному пункту их сегодняшней экспедиции, чтобы сообщить об открытии на Раане разумной расы.

Там их ждало новое разочарование.

Глайдер второй эспедиции с Гором и Рагесом также совершил посадку. Еще прежде, чем Ксо посадил машину, Брал принял телепатическое сообщение Гора. Они прибыли как раз вовремя, чтобы принять участие в главной части совещания.

Все семь моков собрались под куполом первой станции. Гор стоял немного в стороне, возбужденно водя антеннами. Он тщательно следил за тем, чтобы каждый стоял на платформе и чтобы все могли воспринять то, что он хочет сообщить.

Когда вошли Ксо и Брал, он сделал паузу, но по выражению лиц обоих моков увидел, что они уже знают, о чем идет речь. Конечно, ему показалось, что кроме разочарования он увидел в их глазах такое же удивление или даже страх.

— Мы, конечно, тотчас же поняли, что с нашим маленьким глайдером, не больше двадцати метров, мы ничего не можем поделать против гигантского корабля неизвестных. Я уже упоминал, что он был сто метров в длину. Он лежал на холмистом берегу одного из потоков, совершив посадку в горизонтальном положении. Два драга бесцельно бродили возле него...

— Драги?

Это был семикратный глухой вскрик безмерного удивления.

Гор серьезно кивнул.

— Драги. Правда, наделенные разумом, а не дикие, примитивные чудовища нашего собственного мира. Принадлежит ли им этот стометровый корабль? Может быть, Раана не является их родным миром, и они пришли из глубин космоса, случайно наткнувшись на Раану? Мы не знаем.

— Разумные существа из космоса — и они непохожи на нас?— Марк произнес это с заметным недоверием, не в силах унять беспокойство. Биолог Рагес с «Мокара-2» объяснил ему:

— Никто не может утверждать, что другие разумные существа обязательно должны пойти по тому же пути развития, что и мы. Почему нельзя представить себе разумных драгов?

— Но,— вмешался Бреда,— разве их размеры не препятствуют этому? При многотонном весе и огромном росте мозг их относительно невелик. Я просто не могу поверить, что драги могут обладать разумом.

— Но мы ведь обнаружили доказательство,— продолжил Гор, по-видимому, решив закончить свое сообщение.

— Мы не отважились приблизиться, но они, должно быть, увидели нас, потому что один из драгов повернулся в нашу сторону и уставился на глайдер. Казалось, что он может достать нас с неба голыми руками, но я быстро поднялся выше и улетел оттуда.

Если у них есть корабль, то есть и соответствующее оружие — а при их размерах, с некоторой долей фантазии, неплохо можно представить себе, каково его действие.

Артос не мог сдержать дрожь своих антенн.

— Мы немедленно должны отправить сообщение на Мокар. Какой смысл теперь в постройке корабля для поселенцев, если Раана уже населена драгами, чудовищами...

— Эти драги разумны,— вмешался Гор.— Они не имеют ничего общего с гигантами Мокара. Кроме того, я твердо убежден, что они лишь временно находятся на Раане. Они пришли из космоса и снова вернутся туда.

Теперь Брал больше не мог выдержать. Он покачал антеннами, показывая, что у него тоже есть важное для всех сообщение. Артос кивнул ему.

— Да, Брал? Вы тоже нашли драгов?

— Мы нашли гигантское сооружение примерно в шести тысячах километрах отсюда. Оно имеет шестьсот метров в диаметре и около четырехсот метров высотой. Но его создали не драги, а обитатели Рааны — гигантские, покрытые мехом животные, передвигающиеся довольно медленно. Рост их составляет половину роста драгов.

Он сделал паузу и тут же подвергся залпу из дюжины вопросов. Он отмахнулся.

— Ксо уже зарядил снимки в размножитель. Как только они у вас будут, мы продолжим свое сообщение. С изобразительным материалом на руках вам будет легче нам поверить. Во всяком случае, снимки эти доказывают, что кроме нас на Раане обитают две разумные расы — и как мне представляется, под ее поверхностью. Иначе мы намного раньше обнаружили бы признаки цивилизации.

— Взаимодействуют ли эти расы друг с другом? — спросил Марк, командир «Мокара-3».— Но если, конечно, теория Гора верна и путешествующие в космосе драги совершили посадку только сегодня, они, может быть, еще не обнаружили туземцев Рааны. А теперь, мне кажется, мы должны что-то предпринять. Возможность контакта с сорокаметровыми драгами кажется мне здесь столь же бессмысленной, как и дома, на Мокаре. Даже если удастся наладить взаимопонимание, какие интересы могут объединять нас с этими гигантами? Бреда и Артос, я обращаюсь к вам. На случай встречи с чужим разумом у нас есть запечатанный приказ Совета Объединенных Матов. Теперь пришло время вскрыть конверт.

Оба других командира поднялись.

— Идемте на «Мокар-3»,— предложил Бреда.— Там нам не помешают и никто не сможет подслушать нас, если приказ должен сохраняться в тайне.

— Они этого не сделают, но мне нужно отдать несколько приказов. Брал, вы тем временем подготовьте подробное сообщение. Я захвачу его с собой при возвращении на Мокар.

Шестеро моков беспомощно посмотрели на своих командиров и вынуждены были согласиться.

Что могли решить матки на тот случай, если придется встретиться с другими разумными существами?

Несколькими часами позже Ксо и Брал отправились в путь. Лицо астронома выражало недовольство.

— Итак, они при любых обстоятельствах хотят провести в жизнь свой план,— сказал он.— Раана должна стать новой родиной моков независимо от того, есть ли тут другие разумные существа или нет. Мы должны изгнать разумных драгов — словно это так просто!

— Мы должны попытаться, приказ есть приказ,— ответил Ксо, хотя он вовсе не был охвачен воодушевлением.— Тайный приказ предусматривает все возможности, даже разумных драгов. Для меня загадка, что нам делать с туземцами Рааны. Они все же умеют строить такие громадные, уходящие под землю сооружения. Они будут отнюдь не в восторге, когда узнают о нашем намерении прочно обосноваться на Раане.

— В восторге или нет — у нас не осталось выбора. При этом я постепенно начинаю спрашивать себя, не лучше ли нам остаться на Мокаре, сохраняя привычный, устоявшийся образ жизни, чем здесь, где мы будем иметь дело с разумным противником.

— Кто говорит, что это противник? — запротестовал Ксо.— Они станут им тогда, когда нападут на нас,— он заколебался.— Впрочем, нам будет полезно иметь сильного противника.

Брал вздохнул.

— Да, ваши взгляды на жизнь мне известны. К сожалению, между теорией и практикой существует громадная пропасть.

Они развили максимальную скорость и через полчаса снова оказались над стальной горой. На сей раз странное, поросшее мехом чудовище не прохаживалось возле нее. Все было тихо, и Ксо решил облететь дальние горы, чтобы поискать там драгов.

Между двумя горными цепями, замыкавшими необозримую травянистую степь, среди которой извивалась широкая река, они обнаружили драгов.

Их было трое.

Брал тотчас же увидел, что эти драги сильно отличаются от драгов Мокара. В то время, как гиганты Мокара почти не знали одежды и в лучшем случае носили набедренные повязки, эти великаны с головы до ног были закутаны в густой мех — но это был не их естественный мех, а обработанные шкуры животных. И высокие сапоги также были неизвестны драгам Мокара. К поясам гигантов были подвешены странные предметы. Один из них Брал ясно разглядел; это было оружие, отдаленно похожее на энергетические пушки на борту больших кораблей. Оно было столь же огромно и, несомненно, столь же эффективно.

Ксо, читавший его мысли, вздрогнул.

— Может быть, теперь вы сможете представить себе, Брал, как опасны для нас разумные драги. Если они носят с собой такие огромные пушки, то в сознание не укладывается, какое оружие может быть у них на корабле.

Брал кивнул.

— Что же мы можем предпринять против них с нашими бортовыми пушками?

— Глайдер вдвое меньше драга. Бортовые орудия всего лишь два метра длиной, а ручное оружие драгов — целых шесть метров. Подобные размеры свидетельствуют о его мощи. Я не питаю особых иллюзий, но все же стоит рискнуть. Важно, чтобы они вообще заметили, что Раана населена и, следовательно, готова защищаться против их вторжения. Я пролечу низко над ними, но достаточно высоко, чтобы избежать случайных лучевых выстрелов. Вы возьмете оружие. Поставьте его на непрерывный огонь.

Брал, испытывая внутреннее сопротивление, выполнил приказ. Конечно, он с детства не испытывал к драгам ничего, кроме ненависти. Гиганты были смертельными врагами моков. Но здесь, на одном из чужих миров, они могли представлять что-то иное.

Согласно представлениям Брала, между двумя путешествующими в космосе разумными расами всегда должны быть дружеские отношения.

Один из драгов внезапно посмотрел вверх и увидел их. Он, казалось, был удивлен. Брал нацелил визир пушки точно в гигантское лицо с открытым ртом и нажал на спуск.

Непрерывный огонь!

Мощные энергетические импульсы со скоростью шести миллионов километров в секунду устремились в драга.

Но гигант не повалился на землю, превратившись в трясущийся от боли ком плоти, а продолжал смотреть вверх, словно не замечая энергетического луча.

Потом и другие посмотрели вверх. Один из них положил руку на оружие на поясе и сжал его. Счастье, подумал Брал, что у него только две руки.

Ксо смотрел на них.

— Никакого действия? Так я и предполагал. Здесь могут помочь только большие орудия космических кораблей. Почему мы не взяли с собой пулевые ружья? Ими можно вести прицельный огонь.

— Драг, кажется, начинает реагировать на наш залп.

— Мы убираемся прочь. Не испытываю никакого желания погибать смертью героя. За горами мы будем в безопасности.

Брал прекратил огонь.

По его спине пробежал холодок, когда он посмотрел на кормовой экран.

Три драга все еще стояли на берегу потока и смотрели им вслед.

Один из них снова равнодушно сунул пушку за пояс.

Пушку, внезапно подумал он, из которой, без сомнения, можно обстреливать и корабль.

Вверху, в горах, Ксо и Брал совершили посадку на плоской вершине, с которой просматривалась вся степь до самой стальной горы.

Радиус поверхности Рааны допускал, чтобы при ясной погоде видимость достигала четырехсот километров. А погода здесь всегда была хорошей. Горизонт не застилало ни облачка.

Стальная гора располагалась менее чем в ста километрах.

Немного справа, где-то за горами, должны были находиться три драга, которые теперь знали, что они не одни на Раане, не говоря уже о покрытых мехом существах, живущих в стальной горе. Или между ними была какая-то связь?..

На экране дальнего обзора стальная гора приблизилась до нескольких сот метров. Была видна каждая ее деталь.

— Огромное строение,— с уважением произнес Ксо.— Почему нам в голову не пришла идея создать на поверхности города, способные в нужное мгновение опуститься под землю?

В случае опасности включается механизм автоматического спуска. Таким образом, мы могли бы жить под солнцем и все же быть в безопасности.

Брал неотрывно смотрел на фантастическое сооружение.

— Это, действительно, жилище или это крепость?— произнес он сам для себя.— Не может ли это быть чем-то другим?

— Я знаю, что вы имеете в виду,— подтвердил Ксо предположение своего друга.— Но для этого нам не хватает решающих доказательств. Кроме того... да, доказательство! Вот оно идет, Брал!..

Справа появились три драга. Они вышли из степи между горами и двадцатиметровыми шагами направились в пустыню — к странной металлической горе. Итак, они знали о ней и не боялись ее.

— Но мы же видели существо, покрытое мехом, аборигена планеты, Ксо!

— Кто это утверждает? Может быть, они все связаны друг с другом и прибыли на этой штуке из космоса. Перед нами не жилище, а космический корабль!

Брал удивленно покачал головой.

— Постройка чересчур большая и тяжелая, чтобы преодолеть тяготение. Ни один энергетический двигатель не способен оторвать от почвы такую чудовищную тяжесть.

Ксо слабо усмехнулся.

— Драги огромны, в двадцать раз больше нас. Если это их корабль, тогда он в три раза выше «Мокара». Так что у них сравнительно небольшой корабль, даже если мы считаем его очень большим. Все относительно, Брал. Мы не должны все рассматривать только с нашей точки зрения и все вещи мерить нашими мерками. Нам предстоит многому научиться, друг мой.

Астроном ничего не ответил. Он неотрывно смотрел на экран, не

спуская взгляда с трех шагающих по пустыне и при этом общавшихся точно так же, как и драги Мокара. По крайней мере, они шевелили губами, глядя друг на друга. Должно быть, они общались с помощью звуков. Итак, они не были телепатами.

Потом произошло нечто, уничтожившее последние сомнения. С противоположной стороны к металлической горе медленно приблизился летящий предмет длиной около ста метров и узкий, как торпеда. Верхняя его часть была прозрачной и позволила увидеть двух драгов-пилотов. Корабль опустился ниже, облетел металлическую гору и совершил посадку.

Ксо вздрогнул.

— Там — существо, покрытое мехом! Оно приветствует обоих драгов! Итак, они связаны друг с другом!

— Откуда оно взялось? Я не видел, чтобы оно выходило из большого корабля,— прищурившись, ответил Брал.

— Ага, корабль! Вот именно, металлическая гора — корабль, теперь мы знаем это наверняка. Драги прибыли из космоса. Но может быть, они — сородичи монстров нашего мира?

— Я не могу согласиться с вашей гипотезой. Посмотрите направо, три пешехода ускорили шаги. Они преодолевают за один шаг метров пятьдесят и даже больше. Буквально перелетают с места на место. Сила тяжести здесь для них слишком мала.

Группа вошла в тень экваториального вздутия-выступа. Там было пять драгов и странное животное, сидевшее вертикально, опираясь на хвост, и, казалось, имевшее значительный авторитет.

— Итак, Раана все же необитаема,— констатировал Ксо.— Мы всего лишь встретили случайных пришельцев, совершивших здесь посадку. Надеюсь, они не намереваются обосноваться здесь или возвести станцию. Раана принадлежит только нам! Раана должна стать нашей новой родиной!

Брал медленно кивнул.

— Я всегда мечтал о том, что наш народ однажды встретит другие разумные существа, которые придут из глубин Вселенной. Но и представить себе не мог, что они могут оказаться драгами. Иначе бы мои мечты мгновенно развеялись. Мы должны вернуться на станцию и сообщить остальным о наших наблюдениях.

Ксо положил руки на рычаги управления. Легкая вибрация пронизала корпус глайдера, когда он оторвался от твердой почвы.

— Я согласен с вами. И если нам не удастся изгнать с Рааны пришлых чудовищ, мы можем оставить все надежды найти для себя новую родину. Мы будем вынуждены продолжать жить на Мокаре в своих проклятых норах, подвергаясь вечной угрозе со стороны драгов, которые когда-нибудь станут достаточно разумны, чтобы раскопать наши города и всех нас уничтожить.

Брал ничего не ответил.

4

Они сидели в централи «Газели».

Тиффлор убрал остатки обеда и включил освещение. Снаружи, на Бете-4, уже стемнело. Настоящих сумерек здесь почти не было. Маленькое солнце быстро заходило, и температура воздуха столь же быстро понижалась. Вскоре она стала много ниже нуля.

Но в кубрике было тепло и светло.

— Итак, на этой планете есть разумные существа,— подытожил Перри Родан. Взгляд его выжидательно переместился с Маршалла на Гукки, который, как обычно, сидел на койке, прислонившись спиной к стене.— Мы знаем, что у них есть дистанционно управляемые телекамеры, потому что летающий предмет метровой длины уклонился от нас — доказательство того, что нас видели. Крест и Маршалл тоже наблюдали полет подобного же телеглаза, но Маршалл не смог уловить никаких мозговых импульсов. Еще одно доказательство того, что это дистанционно управляемая летающая телекамера. Гукки тоже не смог принять никаких мыслей. Так что существа, которые стоят за всем этим, должны или очень далеко находиться, или они хорошо экранированы — может быть, толстым слоем коры планеты.

— Вы имеете в виду,— произнес Крест,— что они могут быть туземцами, обитателями этой планеты?

— А разве вы во время вашего полета смогли обнаружить хотя бы малейшие признаки того, что планета населена?

Арконоид покачал головой.

— Ничего такого, что подтверждало бы ваше предположение. Отсюда стоит сделать вывод, что в данной системе имеются две обитаемые планеты. Странно, очень странно.

— Почему странно? На Бете-3, по наблюдениям Тиффа, существуют лишь гуманоиды на уровне каменного века. Бета-4 — более старый мир. Что может быть естественнее существования здесь более развитой цивилизации? Мы должны попытаться установить с ними связь.

— Как?

Родан улыбнулся в ответ на вопрос Креста.

— Легче установить контакт с разумными существами, чем убедить примитивные племена в наших мирных намерениях. Теперь они знают, где совершил посадку наш корабль. Если я не ошибаюсь, завтра утром у нас будут посетители — пусть даже лишь в форме летающего телеглаза. Мы можем побеседовать с ними и по телесвязи.

— Гм,— с сомнением хмыкнул Булли.

Родан посмотрел на него.

— У тебя есть идея получше?

— Нет! — Булли покачал головой.

Гукки на своей кровати сдавленно хихикнул про себя. Он только что успел сообщить Родану, что Булли не может предложить ничего взамен.

Родан вздохнул.

— Вот так, ничего не поделаешь, поэтому ты завтра вместе с доктором Хаггардом отправишься в облет Беты-4.

Глайдер способен преодолеть за день почти двадцать тысяч километров. Мы должны знать, есть ли где-нибудь на планете города и индустриальные центры. Держитесь на небольшой высоте. И, кроме того, сохраняйте постоянную связь с «Газелью». Слой Хевисайда здесь достаточно силен, чтобы отражать короткие волны.

Булли поднялся и кивнул Хаггарду.

— Завтра у нас будет напряженный день. Никто из вас не будет против, если я отправлюсь спать?

Никто не был против, потому что никто не намеревался бодрствовать всю ночь.

Утро было ясным и свежим; два человека поднялись в застекленную кабину глайдера. Даже включенный обогреватель не смог прогнать холод из насквозь промерзшего помещения. К счастью, влага на ветровом стекле быстро испарилась.

Булли взял на себя обязанности пилота. Он достаточно хорошо знал устройство глайдера, чтобы уверенно управлять им. Встроенный генератор при полете непрерывно создавал контргравитационное поле, которое нейтрализовало гравитацию любой планеты и заменяло отсутствующие несущие плоскости.

Этот принцип был выгоден тем, что глайдер можно было также использовать на планетах, лишенных атмосферы, двигатель базировался на обычном арконидском реакторе с неистощимым источником энергии.

Небо на востоке окрасилось в бледно-розовый цвет, когда они стартовали после последнего радиоподтверждения. Они быстро набрали высоту и с нарастающей скоростью устремились к пламенеющему горизонту.

А потом перед ними взошло солнце.

Они были почти ослеплены представшим их глазам потрясающим зрелищем. В разреженной атмосфере краски были не столь интенсивными, но они гармонично сливались друг с другом, что на Земле можно было увидеть крайне редко. Солнечные лучи словно золотые стрелы устремились вверх, в лиловую тьму Вселенной. Еще видимые звезды внезапно погасли, словно незримая рука просто стерла их.

Фрэнк Хаггард вздохнул.

— Разве не прекрасно это зрелище, рожденное самой природой? Оно заставляет забыть о прелести родной планеты.

— Несомненно,— ответил Булли, корректируя курс.— Хотя мне сильно не хватает здесь зеленых холмов Земли, огромных лугов, лесов и морей. Но вы правы, доктор. Бета-4 имеет свое очарование. Особенно, очарование неизвестного.

Мы здесь для того, чтобы раскрыть тайну, которую скрывает этот мир, представляющийся безжизненным. Мы прибыли сюда, чтобы изучить людей каменного века на Бете-3, а обнаружили на Бете-4 признаки высокой цивилизации. Как странно иногда судьба играет с нами.

— Посмотрим, действительно ли это игра или из нее получится нечто серьезное, док. Видите озеро там, впереди? Если здесь существует жизнь, нужно предположить, что там для нее более благоприятные условия, чем в пустыне. Может быть, вы видите там город, порт — или хотя бы корабль? Да ничего вы не видите, так же, как и я. Там просто находится одинокое озеро, затерянное в степи, словно здесь еще не ступала ничья нога.

Хаггард задумчиво посмотрел на проносящуюся под ними поверхность воды.

— Похоже на то, что жители Беты-4, по всей видимости, живут не на поверхности планеты, иначе мы должны были бы обнаружить признаки цивилизации. Тот, кто способен создать дистанционно управляемые телекамеры, строит дома и живет в них, а не в горных пещерах. Обратное нелогично и невероятно. Иногда мне кажется, что мы стали жертвами оптического обмана.

— Я сам ясно видел продолговатый предмет,— энергично возразил Булли.— Если это был оптический обман, я съем свою тетку Амалию с кожей и волосами. Вы не знаете тетку Амалию, док, иначе поняли бы, насколько ясно я видел этот летающий цилиндр.

— Я тоже был там, когда вы его видели,— ответил Хаггард.— У нас есть три свидетеля, так что оптический обман исключается. Но никто из нас не может себе представить, как выглядят разумные существа, пославшие к нам своего летающего шпиона. Точные движения цилиндра доказывали, что он управляем, однако его небольшие размеры наводят на мысль, что управление было дистанционным.

Тем временем они пересекли озеро, низко пролетели над плоской возвышенностью и снова скользнули в пустыню. Скорость увеличилась.

— Для дистанционного управления необходима соответствующая аппаратура, которую нельзя изготовить, живя под землей,— задумчиво произнес Булли.— В качестве укрытия лучше всего подходят горы, даже если это всего лишь невысокие холмы. Там есть боковые долины и небольшие ущелья. Итак, обратим наше внимание на горы и забудем пока про долины.

Глайдер мчался над мертвым ландшафтом со скоростью в четыре раза превышающей число Маха. Детали пейзажа сливались в бесформенные пятна, но люди немедленно заметили бы признаки искусственных сооружений. Однако ничего подобного не показывалось. Пустыни сменялись зелеными полосами, среди которых поблескивали узкие ленточки рек, потом снова шли холмы с узкими долинами, а за ними опять пустыня.

Прошел час. Солнце с невероятной быстротой поднималось в стеклянно-голубом небе, пронизанном странными фиолетовыми стежками. Они летели ему навстречу. Под ними снова была пустыня. На горизонте показался силуэт горной цепи.

Булли уменьшил скорость, сам не зная, почему. Может быть, из-за гор, которые быстро приближались. Во всяком случае, потом он всегда утверждал, что его предупредил безошибочный инстинкт. Как бы там ни было, поступил он правильно, потому что в нескольких километрах перед горами Хаггард внезапно вздрогнул и возбужденно указал наискосок вперед, в широкую впадину, отделяющую пустыню от гор.

— Там!.. Вы видите, Булли?

Булли видел. Он был бы слепцом, если бы тотчас же не увидел высокий металлический цилиндр, длиной около десяти метров, стоявший посреди пустыни наискосок от курса глайдера. Но он не просто стоял. Алое пламя било из его кормы, сметая песок вокруг. А потом медленно, словно колеблясь, крохотная ракета поднялась на устойчивой колонне огня и со все возрастающей скоростью устремилась вверх, в ясное небо.

— Я схожу с ума! — прошептал Булли.— Я свихнулся или вижу сон! Древняя ракета на жидком топливе!

— Я бы не сказал,— пробормотал Хаггард, смотря на быстро исчезающий объект.— Для этого, как мне кажется, ее скорость слишком велика. Но в таком случае, там не останется места для пилота, если принять во внимание пространство, занимаемое двигателями и запасами топлива. Или она тоже управляется дистанционно?

— Вы думаете, это нечто большее, чем крупная телеракета?

— Я ничего не думаю, но я знаю, что она ни в коем случае не должна покинуть планету. Она слишком мала. Может быть, это метеорологический зонд?

Булли посмотрел вниз, в пустыню. Скорость глайдера сильно упала. Они спустились ниже.

Четко просматривалось круглое пятно расплавленного песка, а рядом другое, доказывающее, что отсюда стартовала не одна ракета.

А потом Булли обнаружил три металлических купола.

Лучи солнца отражались от гладкой поверхности сооружений

несомненно искусственного происхождения, которые находились посреди пустыни и выглядели внешне безжизненными. Глайдер пролетел на высоте около десяти метров над ними.

— Что это? — спросил Булли. Он не знал, как отнестись к своему открытию.— Похоже на вентиляционное устройство.

Вершины куполов располагались примерно в двадцати пяти сантиметрах над почвой, сами же купола были полтора метра в диаметре. Они составляли треугольник, стороны которого равнялись примерно двадцати метрам.

Пока Булли делал круг, случилось нечто неожиданное. Мгновенно, без всякого предупреждения, вверх поднялись два металлических цилиндра, которых они до сих пор не заметили. Они с невероятным ускорением устремились в небо, описали дугу и понеслись к ближним горам. Через секунду они исчезли.

— За ними! — крикнул Хаггард и нагнулся вперед, чтобы не потерять блестящие точки из виду. Булли покачал головой и опустил глайдер еще ниже. Тот совершил мягкую посадку в нескольких метрах от ближайшего металлического купола.

— Почему? Эти штуки управляются дистанционно, и они, несомненно, отсюда. Если наши неизвестные где-то прячутся, то именно здесь. Возьмите свой излучатель, док. Хотя я надеюсь на всех людей доброй воли, но кто сказал, что мы встретим здесь людей?..

Колпак кабины откинулся. Булли перешагнул через край и в следующее мгновение уже стоял на выступе, дававшем ему достаточную опору. В метре под ним находилась песчаная почва пустыни.

Три купола коварно блестели под лучами солнца. А на поверхности пустыни не было никакого укрытия. Метровые цилиндры, вероятно, лежали зарытые в песок в тени куполов, иначе их давно можно было бы заметить.

Прежде чем спрыгнуть на землю, Булли убедился в том, что больше наверняка не будет никаких неожиданностей. Хаггард тотчас же последовал за ним.

Возле куполов не наблюдалось никакого движения, и невозможно было угадать, что могло скрываться в песке под ними. Может быть, они были только верхней частью огромного укрепления, скрытого под пустыней. Может быть, сейчас, в эту секунду, их создатели сидели у приборов и наблюдали на своих экранах за каждым движением высадившихся чужаков, готовые в любое мгновение направить на поверхность оружие и уничтожить незваных гостей.

Волосы Булли встали дыбом, когда он подумал о такой возможности. Рука его нащупала рукоятку излучателя, болтавшегося на поясе. Может быть, легкомысленно приближаться к неизвестному предмету, не приняв мер предосторожности. Но потом он единым махом отмел все сомнения.

— Посмотрим,— прошептал он и направился к ближайшему куполу.

Хаггард не торопясь последовал за ним.

Он внезапно начал обследовать песок в поисках следов, но не заметил ничего, кроме странного веера канавок, которые, казалось, без всякого плана тянулись от купола к куполу. Никаких следов ног не было видно. Даже к месту старта ракет вели только эти странные канавки. Если в ракете имелся экипаж, он, должно быть, уничтожил свои следы. Но зачем?

— Нас, наверное, ждали,— убежденно сказал он.— Они знали, что мы придем.

Булли ничего не ответил. Он подошел к первому куполу и теперь нагнулся, чтобы поближе его рассмотреть. Только теперь он увидел, что его поверхность была не однородна, а составлена из множества мелких деталей, которые были пригнаны друг к другу почти без всяких швов. Тщательная ювелирная работа, казавшаяся бессмысленной. Такие маленькие купола можно было изготовить одной отливкой.

Уверенность Булли в себе возросла, так как ничего не произошло. Он перешел к следующему куполу и осмотрел и его. Тот ничем не отличался от первого. Третий выглядел так же, но прореагировал по-другому.

Булли приблизился к нему с противоречивыми мыслями и чувствами. В первую очередь его интересовало, как выглядят неизвестные разумные существа, которые живут на этой планете, оставаясь невидимыми. Климат и небольшая сила тяжести должны породить аборигенов высокого роста, худых, с широкой грудной клеткой, если они вообще были гуманоидами. Фантазия Булли не остановилась в границах возможного, точнее сказать, превзошла их. Чужаки строили ракеты, так что у них имелись руки — но, конечно, каждая с шестью пальцами, так было бы интереснее. Ноги... ну, если они живут под землей, может, они лопатообразные, с острыми когтями.

Он улыбнулся, представив себе порождение своей фантазии, и нагнулся, чтобы поближе рассмотреть третий купол.

— Бумм!

Прозвучал резкий, полный паники крик Хаггарда:

— Осторожнее! Позади вас!..

Булли подскочил, развернулся вокруг своей оси и привычным движением выхватил из-за пояса излучатель.

Но потом он застыл в полной неподвижности, глядя на странное существо, стоявшее между куполами в нескольких шагах от него, появившееся из ничего и способное в любое мгновение исчезнуть таким же образом.

— Нет! — потрясенно сказал он и отступил на шаг назад.

В десяти метрах перед ним стоял высокий худой человек с выпуклой грудной клеткой. Длинные руки свисали вниз, и на каждой было по шесть пальцев. Ноги напоминали лапы крота, острые когти предназначались исключительно для того, чтобы рыть почву.

— Нет! — повторил Булли.— Невозможно!

Хаггард тоже держал излучатель наизготовку. Ствол его был направлен на чужака, который без всякого страха стоял и смотрел на них. Взгляд Хаггарда скользнул по Булли, но потом снова вернулся к странному существу.

— Что невозможно?

Булли застонал, зажмурил глаза, потом снова открыл их. Видение осталось. Итак, это не сон.

— Я представил себе жителя Беты-4 именно таким — точно таким! Как я мог угадать?

Тем временем Хаггард медленно направился к существу, которое, казалось, было безоружным.

— Мы друзья,— медленно произнес он на интергалактическом языке, языке общения арконидской Звездной Империи.— Вы понимаете меня?

Никакой реакции.

Волосы Булли улеглись. За первым смущением последовало любопытство ученого. Как он мог представить себе внешность аборигенов прежде, чем увидел их?

Это, должно быть, было нечто вроде телепатической связи. Они передали ему мысленно свой внешний вид, да, именно так! Тогда у них нет никаких дурных намерений.

Он снова убрал излучатель за пояс, вытянул обе руки и шагнул к чужаку. Он отбросил все мысли, кроме одной:

«Вы — телепаты, не так ли? К сожалению, мы — нет, но мы поймем друг друга. Кивните головой, если понимаете».

Чужак не пошевелился.

Булли разочарованно пожал плечами.

— Он не телепат,— сказал он Хаггарду.— Что нам теперь делать?

Решения принимать не пришлось.

Чужак двинулся с места — к ним. Он поднял руки словно для удара, но в них по-прежнему не было оружия. Булли и Хаггард отступили немного назад, однако они видели, что странное существо не стремится ни к какому взаимопониманию, иначе оно вело бы себя по-другому. Логические связи в его мышлении, похоже, были слабо развиты, что вступало в противоречие с постройкой куполов и дистанционно управляемых ракет.

Булли снова прибег в качестве защиты к импульсному излучателю, весьма действенному и опасному оружию. Пучок энергии разлагал любое вещество на атомы.

— Стой! — твердо сказал он и направил пистолет на чужака, который ничем не выказал, что принял предупреждение к сведению. Напротив. Его вытянутые руки попытались схватить Булли.

Оба земляния действовали независимо друг от друга, но, однако же, удивительно слаженно.

Пылающие пучки энергетических лучей пронизали воздух и скрестились там, где стоял чужак. Они прошли сквозь него, словно его вообще не было.

Но он был! Булли ясно видел отпечатки когтистых ног в рыхлом песке. И все же смертоносные лучи не причинили ему вреда. Он, игнорируя их, перешагнул через энергетические пучки и двинулся к Булли.

Это было уже слишком.

— Прочь, Хаггард! Это дьявольщина или колдовство! Прочь отсюда!

Он повернулся и побежал к глайдеру, не беспокоясь о Хаггарде, который промедлил несколько секунд, чтобы еще раз обстрелять чужака. Не получив никакого результата, он тоже бросился бежать.

Едва они закрыли кабину, как бетянин уже оказался рядом. Ноги его едва касались почвы — каким легконогим он вдруг оказался! Булли в тот момент не удивился бы, если бы монстр вдруг взлетел.

Сильные руки Булли ударили по клавишам и рванули рычаги управления, высвобождая энергию.

С почти невыносимым ускорением глайдер рванулся вверх, в ясное небо, оставив позади себя три купола и монстра, грозящего им вслед шестипалым кулаком.

Когда глайдер описал кривую и начал полет над пустыней, Булли облегченно вздохнул.

— Это чучело ни в коем случае не может быть настоящим,— сказал он Хаггарду, который включил передатчик и стал вызывать «Газель».— Подобное совершенно невозможно.

— Что невозможно?

— Та тварь — бетянин, был точно таким, как я его себе представил. И через секунду он появился! Совпадение в каждой детали!

Хаггард кивнул. Прозвучали позывные Родана.

— Конечно, это не случайность, Булли. Глупо только, что вы не представили себе кого-нибудь посимпатичнее, тогда наша первая встреча с бетянами была бы более приятной.

Булли угрюмо уставился перед собой, а Хаггард доложил обо всем Родану.

— У меня есть для тебя неожиданность, Булли,— сказал Перри Родан, когда они совершили посадку возле «Газели» и еще раз обсудили все подробности.— Десятиметровая ракета действительно покинула поле притяжения Беты-4 и взяла курс на третью

планету. Я боюсь, Тифф ошибся. Во всяком случае, я никак не могу себе представить, что люди каменного века могут строить космические корабли и путешествовать с планеты на планету.

— Но в ракете было слишком мало места, чтобы вместить хотя бы одного-единственного бетянина.

Родан улыбнулся.

— Во-первых, мы не знаем, какой у нее двигатель, и не знаем, сколько места он занимает; во-вторых, я сомневаюсь, что те, с кем мы имеем дело, выглядят именно так, как это порождение фантазии Булли.

— А как?

— Не знаю. Но мы скоро узнаем. Мы полетим на третью планету.

— Теперь, когда мы, наконец, что-то нашли здесь, разве это нам поможет?

Булли не скрывал своего разочарования. Разумно ли покидать Бету-4 после того, как состоялся первый контакт — после того, как он прошел так странно? Теперь известно, где находятся купола, и можно начать там исследования. Так он и сказал Родану. Но тот покачал головой.

— Нет, эта планета необитаема, Булли. Мы встретили только экспедицию, которая является здесь такой же посторонней, как и наша.

Купола — ну, мы, конечно, осмотрим их, прежде чем стартовать. Но ты увидишь, что купола не что иное, как выступающая из песка верхняя часть подземной станции, которая, может быть, служит для исследовательских целей. Мы стартуем еще сегодня.

Решение Родана вполне удовлетворило Булли. По крайней мере, их с Хаггардом открытие не было бесполезным. Потом он вспомнил бетянина.

— А что насчет этой твари... этого парня, которого мы встретили возле куполов? Он напал на нас.

— Да, с голыми руками,— кивнул Родан и внезапно посмотрел на Креста.— Даже если нам не удастся уничтожить его с помощью нашего оружия, он едва ли сможет повредить обшивку «Газели». Впрочем, он представляется мне всего лишь мысленной проекцией.

— Проекция, оставляющая следы в песке? — заметил Булли с недоверчивой усмешкой.— Я специально обратил на это внимание. Нет, перед нами был не атмосферный мираж, вроде фата-морганы, а нечто материальное, обладающее весом.

— Увидим,— завершил дискуссию Родан и приказал Тиффлору готовиться к близкому старту. Глайдер снова был убран в грузовой трюм, и они съели свой последний обед на Бете-4.

Потом диск поднялся и преодолел три тысячи километров

менее чем за двадцать минут. Он совершил посадку в пятистах метрах от трех крошечных куполов.

Булли имел несколько разочарованный вид, когда после тщательного осмотра из купола наблюдения он не обнаружил своего бетянина.

— Исчез,— с сожалением сказал он.— Он возник из пыли. К счастью, он не забрал с собой эти три купола.

И в самом деле. Не изменившиеся, серебристо поблескивающие в лучах заходящего солнца, три металлических купола стояли в пустыне, словно чего-то ожидая. Родану казалось, что от них исходит осязаемая угроза, которую он не мог четко определить.

В большой рубке управления состоялось совещание.

Крест, многоопытный арконоид, медленно покачал головой.

— Мы должны отложить исследования до завтра. Скоро стемнеет. Придется включить прожектор, что привлечет к себе ненужное внимание чужаков. Вымыслы... В Империи арконоидов нет ни одной расы, которая способна материализовать свои мысли. Для этого требуется невероятно сильный потенциал разума, который вряд ли имеется на этой планете. Его нет также и на третьей планете системы. Существа, порождающие вымыслы, должны создать цивилизацию, которую мы едва ли можем себе представить. По крайней мере, они в силах создать нечто большее, чем микроракеты и дистанционно управляемые телекамеры. Смотрите, Родан, я исхожу из двух возможностей: или Булли ошибся, или существующие законы логики неверны.

— Я не ошибся! — тотчас вмешался Булли.— Док Хаггард — мой свидетель.

Родан попытался примирить их, но его усилия были тщетны из-за отсутствия доказательств в пользу той или иной версии.

Наконец вмешался телепат Джон Маршалл.

— Булли говорит правду, и он убежден в том, что он говорит. Я предлагаю подождать до завтра. Потом мы обследуем купола и установим, кто их построил и для чего они служат. Может быть, тогда мы встретим настоящих жителей Беты-4.

— Или Беты-3,— завершил Крест дебаты.

Решили отправиться на отдых пораньше. Первую вахту в централи принял Тиффлор, в полночь его сменил Гукки, а его — Родан.

Ночь прошла спокойно.

На следующее утро снова взошло сияющее солнце и осветило все те же приземистые купола. Никакого движения; никого не видно.

Родан позволил Тиффлору взять тяжелое лучевое ружье и вместе с ним покинул «Газель». Булли остался в централи. Он внимательно следил через экран за каждым движением друзей, держа правую руку на кнопке бортового орудия. Маршалл и Гукки пытались засечь импульсы чужих мыслей, но их старания были безуспешны.

Перед первым куполом Родан остановился. Он внимательно осмотрел блестящую поверхность с тонкой состыковкой. Между его бровей образовалась глубокая складка. Он покачал головой и сделал знак Тиффлору.

— Разрезать — я не знаю другого способа попасть к ним, если они не откроют нам добровольно.

Он решил при любых обстоятельствах установить контакт со странными обитателями куполов.

Купола, он не сомневался, были только верхней частью находящегося глубоко под поверхностью жилого сооружения. Возможно, они служили не только в качестве обсерватории, но и являлись входами и выходами. Это объясняло внезапное появление крошечных ракет, используемых для слежения.

Тиффлор взял излучатель, направил его на край купола и положил большой палец на спусковой крючок. Когда он уже хотел нажать на спуск, Родан неожиданно остановил его.

— Подождите, Тифф! — Родан нагнулся и погрузил пальцы в песок. К его большому удивлению, они не встретили никакого сопротивления.

Купол заканчивался в сантиметре под поверхностью.

— Мы увидели все, что нужно. Их нет под почвой. По моему мнению, мы снова столкнулись с дистанционно управляемыми объектами. Но почему они все еще здесь?

Тиффлор забросил излучатель на плечо. На лице его появилось выражение удивления.

— Ничего не понимаю. Не может же цивилизация целой расы базироваться на одних лишь миниатюрных кораблях.

Родан промолчал в ответ. Доктор Хаггард на корабле что-то кричал ему. Родан не мог его слышать, но жесты были достаточно красноречивы.

— Назад к «Газели»!— крикнул он Тиффлору, бросив последний взгляд на металлические сооружения, стоявшие на песке.— Там что-то происходит!

В люке возле Креста появился Булли.

— Торопитесь. К нам — гости. По меньшей мере десять этих странных типов идут в нашу сторону с холмов. Но на сей раз у них есть оружие.

Родан подождал, пока все не поднимутся в корабль, потом последним забрался в «Газель», закрыл за собой люк и поспешил в централь, где были включены все экраны, позволявшие наблюдать за всем происходящим вокруг корабля.

К ним с невероятной скоростью приближались десять двухметровых существ. Они размахивали тяжелыми острыми кольями. Хотя они открывали и закрывали рты, из динамиков внешней связи не доносилось ни звука.

Родан снова нахмурился.

— Странно,— пробормотал он.— Откуда они взяли здесь колья? Таких больших деревьев на Бете-4 нет. И почему не слышно криков? Гукки, а как насчет мысленных импульсов?

Мыше-бобер покачал головой.

— Ничего! Они не думают! Во всяком случае, я не могу ничего воспринять.

Родан кивнул.

— Итак, спроецированные вымыслы. Нас хотят напугать. Раз так, мы должны показать им, на что способны наши импульсные излучатели.

Булли понимающе усмехнулся.

— Да ни на что они не способны,— предрек он.— Энергетический луч просто пройдет сквозь них.

— А как насчет облака пыли, которое они поднимают при ходьбе? — спросил Родан.— Простая проекция не может оказать никакого влияния на естественную материю. То, что к нам приближается,— материально! А любая материя разлагается нашими излучателями. Тифф, воспользуйтесь пушкой. На полную мощность! Огонь!

Родан никогда бы не стал стрелять с такой поспешностью по живым существам, но он был убежден, что имеет дело с роботами необычного вида. Он хотел нагнать страху не на них, а на их хозяев. Гипотезу о проецируемых вымыслах он пока что отбросил. И возможность того, что подобное образование может быть материальным, казалась ему почти смешной, если допустить ее хотя бы на мгновение.

Луч энергии вырвался из пушки, помчался к этой невообразимой компании и прошел через нее, словно десяти существ на самом деле не существовало.

Итак, это были не роботы!

— Прекратить огонь! — приказал Родан.— Булли, кажется, был прав. Похоже, они и вправду призраки. Но как объяснить облако пыли, поднятое ими?

— Проекция,— предположил Хаггард.— Когда я проецирую фильм на экран, то из-под копыт бегущей лошади там тоже поднимается облако пыли.

Родан кивнул. Конечно, так оно и есть. Перед ними — запись. Он повернулся к присутствующим.

— Гукки, прыгни наружу и посмотри на этих парней. Если они настоящие, сейчас же возвращайся назад, не подвергай себя лишней опасности. Телекинез едва ли может повлиять на проекции.

Мыше-бобер не счел нужным подтвердить получение приказа. Он сконцентрировался. Воздух вокруг него внезапно замерцал — а потом Гукки исчез.

Родан внимательно смотрел на экран. Фигуры находились в сотне метров от корабля и снизили скорость, когда мыше-бобер появился между ними и «Газелью». Потом они, размахивая дубинами, ринулись на него.

Гукки бесстрашно замер. Родан видел, что он довольно улыбается, словно неожиданное приключение доставляет ему удовольствие.

Один из аборигенов споткнулся, потерял равновесие. Затем повис в воздухе. Но только на мгновение. Потом он камнем рухнул в песок пустыни, однако тут же поднялся, казалось, совершенно не пострадав при падении, и с удвоенной скоростью помчался к Гукки.

Мыше-бобер не стал рисковать. Прежде, чем чужак успел настигнуть его, он дематериализовался и снова оказался в централи «Газели».

— Прекрасное порождение фантазии! — возмущенно фыркнул он.— Парни абсолютно подлинные — и чертовски обаятельные. Как Булли смог выдумать их — полная загадка.

— Я вообще постепенно перестаю что-либо понимать,— Булли не поддался на подначку.— Я только представил себе этого парня, и он уже оказался передо мной. Поэтому мы вынуждены были признать, что это мысленная проекция. Потом было доказано, что она материальна. Но против говорит тот факт, что луч излучателя проходит сквозь нее, не причиняя вреда. Великое небо, что же это на самом деле?

Родан ничего не ответил. Он посмотрел на Креста. Арконоид пожал плечами, пригладил свои длинные белые волосы и слабо махнул рукой в сторону экрана.

— Пока что мне ясно, что перед нами феномен. Установлено, что они материальны, иначе Гукки не смог бы телекинетически повлиять на них. Затем, установлено, что они не материальны, иначе наш импульсный излучатель оказал бы на них действие. Вы видите, господа, что найти разумное объяснение черезвычайно сложно. Я сформулировал бы так: они материальны, но частично находятся в другом измерении.

— Тогда они должны быть невидимы! — вмешался доктор Хаггард.

Крест улыбнулся, но не согласился с ним. Затем он снова обратился к экрану. Тем временем десять бетян достигли «Газели» и начали колотить своим примитивным оружием по обшивке корабля. Удары глухо отдавались в помещении.

— Они измолотят нас своими дубинами в этой консервной банке! — возмущенно сказал Булли, в голосе которого проскальзывало заметное беспокойство.— Почему бы нам просто не отвалить? Они же не умеют летать.

— Не разрешив эту загадку? — спросил Родан, и в тоне его подозрительно проскальзывал упрек.— Если мы не знаем, как устроены эти зомби, тогда мне хотелось бы узнать, как нам избавиться от них. Может быть, это продвинет нас на шаг дальше.

— Избавиться? Но как? Излучатель их не берет, ранить их тоже нельзя — это Гукки уже доказал. Как же это?

Родан бросил на Булли короткий взгляд и сказал Тиффлору:

— Подключите к арконидскому реактору и антигравитационному полю аппарат гиперрадиосвязи, Тифф. Потом мы попытаемся так усилить поле тяготения, что это скажется не только на наших трех измерениях, но и на пятом. Я буду удивлен, если это не окажет неожиданного эффекта на этих странных зомби.

Пока Тиффлор выполнял приказ, другие забросали Родана вопросами. Он, улыбаясь, покачал головой и произнес:

— Как я могу что-то объяснить, если мне самому не все еще ясно? Это только предположение, не больше. Мы установили, что это не проекция, но они так же и не материальны по-настоящему. Итак, промежуточное состояние: ставшая материальной проекция. Она находится не только в нашем измерении; если мы хотим, чтобы она исчезла, мы должны повлиять и на другие измерения. Именно это мы и сделаем, если используем аппарат с работающим в пятимерном пространстве гиперрадиопередатчиком. Ну, посмотрим, подтвердится ли моя теория на практике.

Тиффлор вернулся в централь и доложил, что необходимая настройка аппаратуры завершена. На лице его было написано сомнение. Крест помалкивал, а доктор Хаггард был полон надежды. Булли сохранял нейтралитет, если это можно было так назвать. Гукки выжидательно оскалился, обнажив свой зуб.

Родан бросил последний взгляд на экран внешнего обзора. Странные фигуры все еще танцевали вокруг корабля, тщетно пытаясь пробить себе вход внутрь. Их колья без всякой пользы колотили по обшивке из арконидской стали.

— Сейчас увидим,— подытожил Родан надежды и сомнения.— Узнаем ли мы больше — еще вопрос.

Он кивнул Тиффлору. Молодой лейтенант кивнул в ответ и встал за пульт. Он нажал на несколько кнопок и передвинул пару рычажков. Раздалось низкое гудение, и по корпусу «Газели» пробежала волна вибрации. Тиффлор повернул небольшой штурвал вправо; гудение усилилось. Теперь снова рычажки...

Родан и остальные, словно зачарованные, уставились на экран. Там все еще были видны десять зомби, о которых Родан мог с уверенностью утверждать только то, что они не являются зомби в истинном значении этого слова. Откровенно говоря, он считал, что Булли мог бы проявить лучший вкус — если уж он был ответственен за появление привидений.

А потом, в течение одной секунды, вся их команда исчезла.

Пространство вокруг «Газели» было абсолютно пусто, но следы когтей на песке остались.

И вот этого ни Родан, ни его спутники не смогли понять, это не имело никакого объяснения и противоречило всякой логике.

Булли вздохнул.

— Если мне предоставится еще один шанс, я придумаю для Беты обитателей покрасивее. Если бы я только знал, кто сыграл со мной эту шутку...

Родан все еще смотрел на следы в песке пустыни.

— Может быть, мы найдем разгадку только на Бете-3,— задумчиво сказал он самому себе.— Бета-4 кажется мне необитаемой несмотря на все, что только что произошло. Не знаю, почему, но я считаю, что это возможно.

— Интуиция! — улыбнулся Крест и указал на ближайший экран.— У меня такое же чувство. И все же я предлагаю повременить со стартом к Бете-3. Два или три дня, пока мы не будем уверены, что мы здесь одни.

— Мы здесь не одни! — возразил Родан.— Но встретили мы не местных жителей, а таких же пришельцев, как мы сами. Явились ли они с ближайшей планеты — неясно. Только ситуация на Бете-3 даст нам ответ. Хорошо, задержимся еще на несколько дней. Мы осмотрим ближайшие горы.

— Почему? — спросил Булли.

— Потому что две маленькие торпеды, которые мы видели, совершили посадку где-то там. Тифф со своим пеленгатором быстро обнаружит их.

Потом Родан распределил вахты на следующие дни.

Около полудня доктор Хаггард и Булли отправились к находящемуся всего в двух километрах низкому склону горы.

Через час прибудет Родан с глайдером, чтобы увеличить радиус действия поисковой экспедиции. Что они должны искать, по-настоящему никто не понимал.

На влажной каменистой почве появилась первая растительность. Тут и там росли мох и маленькие, корявые кусты со странной формы листьями. Мясистые наросты служили хранилищами влаги.

Проход, ведущий в узкую долину, привлек их внимание. Долина, скорее, ущелье, должно быть, была не шире десяти метров. Довольно крутые склоны поднимались метров на двадцать и снова переходили в холмистую равнину.

— Похоже на миниатюрный каньон,— произнес Булли, указывая на крошечный ручеек, стекающий с горы и исчезающий в поле на краю пустыни.— Жалко драгоценной влаги. При хорошем орошении здесь был бы рай.

— Осмотрим долину,— предложил Хаггард и нагнулся, чтобы

рассмотреть мох.— Почти как на Марсе. Эти планеты имеют много общего.

— Кроме, разве что, призраков из пятого измерения,— энергично возразил Булли, с интересом глядя, как врач осторожно поднял мох и уложил его в сумку.— Надеюсь, он на что-нибудь вам пригодится.

Хаггард кивнул, потом внезапно выпрямился. Он, прислушиваясь, слегка наклонил голову и посмотрел в сторону долины. Склон холма загораживал ему вид.

— Разве вы не слышали? — полушепотом спросил он.

Булли удивленно покачал головой.

— Нет. А вы?

Хаггард ответил не сразу. Он продолжал прислушиваться, пока не понял, что не ошибся.

— Да. Это гудение... оно кажется мне знакомым. Разве вы его не слышите? Это же двигатель! Конечно... теперь оно стало громче...

Теперь менее чувствительные уши Булли тоже услышали его. Далеко перед ними, в ущелье, работал ракетный двигатель. Первоначальное гудение переросло в громкий гул, потом в гром, который нельзя было не заметить.

Как по команде, оба мужчины рысью побежали в долину. Почва была каменистой и усеянной обломками скал. Постоянно спотыкаясь, они неслись вниз. Адский грохот приблизился и стал громче.

В ушах мужчин гремело, и казалось, что барабанные перепонки вот-вот лопнут. Последний поворот — и они, замерев, уставились на чудо.

Это были две ракеты, находившиеся от них в сотне метров, извергая из кормовой части фонтаны пламени. Во все стороны летели раскаленные газы, опаляя растительность и камень. Острые носы ракет, дрожа, устремились в чистое небо.

— Подождите! — крикнул Хаггард, не сознавая, что усилия его бессмысленны.— Подождите же! Почему вы убегаете от нас? Мы друзья... или вы не понимаете? Мы ваши друзья!..

Булли положил свою руку на руку медика.

— Бесполезно, Хаггард. Они не хотят контакта с нами, и мы должны быть рады, что они не посадили нам на шею пару дюжин чудовищ. Вы видите только ракеты — они примерно десятиметровой длины. Невелики же они, однако. Может быть, в экипаже только один человек, или ракеты дистанционно управляемы — смотря по обстоятельствам. Скоро я вообще разучусь что-либо понимать.

Хаггард в отчаянии смотрел на обе движущиеся точки, уменьшавшиеся все больше и больше. Губы его безмолвно двигались. Его разочарование было слишком сильно. Только несколько шагов, несколько секунд отделяли его от пришельцев, а теперь последние шансы исчезали там, вверху, в зелено-голубом небе.

Булли пошел дальше, к выжженным круглым пятнам, где только что стояли ракеты. Может быть, он найдет какие-нибудь доказательства.

Доказательства чего?

Хаггард медленно следовал за ним. Он взял себя в руки и при помощи маленького радиопередатчика сообщил о происшедшем на «Газель». Там давно уже запеленговали обе ракеты и при помощи приборов следили за ними. Курс обоих снарядов недвусмысленно показывал, что они наращивали скорость, чтобы преодолеть тяготение. Их целью, несомненно, была третья планета системы, если только это был не сознательный обманный маневр.

Булли беспомощно стоял рядом с местом старта. Ничто здесь не могло рассказать о пассажирах ракет. Они намеренно не оставили следов.

Хаггард подошел к нему. Когда он заговорил, голос его слегка дрожал.

— Ничего, вообще ничего! Даже если в экипаже всего *один* человек, ракета слишком мала, чтобы преодолеть расстояние между звездами. У них нет портативных арконидских реакторов. Ракета всего десять метров в длину, а человеку необходимо, по меньшей мере, пять метров. Остальных пяти метров явно недостаточно для того, чтобы доставить этот снаряд к границам атмосферы.

— И все же, как утверждает Тифф, они улетели на Бету-3.

Булли оставил эту проблему. Он продолжил поиски хоть каких-нибудь следов, но не нашел на скудной полоске песка ничего, кроме нескольких канавок. Наконец он со вздохом выпрямился.

— Родан прав — мы должны взглянуть на дело с иной точки зрения. Может быть, они действительно на Бете-3.

Хаггард взял пробу сгоревшей почвы и сунул ее в сумку, где лежал мох.

— Если там мы тоже встретимся с загадками, тогда Тиффу лучше было бы вообще никогда не открывать эту систему. Цивилизация каменного века — ха! Он ошибся.

Булли, как зачарованный, уставился на пятно, находящееся в четырех или пяти метрах перед ними. Ему показалось, что там что-то шевелится.

— Не говорите только, что Бета-4 стерильна — ни насекомых, ни каких-либо других высших животных.

— Конечно! Здесь есть рыбы и крошечные ракообразные, живущие в реках. Насекомых я здесь нигде не видел, но, правда, у меня было слишком мало времени, чтобы провести подробные исследования в поисках...— он внезапно с интересом посмотрел на Булли.— Почему вы спросили об этом?

— Там, внизу, на камне... Мне кажется, я что-то видел. Ящерицу — или что-то вроде.

Хаггард приблизился к указанному камню и поднял его. Ящерицы, как он знал, охотно прятались под камнями. Если Булли действительно видел ее, очень может быть...

Он чуть было не выронил камень — так велико было его удивление, когда он увидел маленькое животное, искавшее убежища под обломком скалы. Он одним движением перевернул камень и отбросил его в сторону. Потом нагнулся, чтобы получше рассмотреть свою добычу. Булли подошел к нему и с удивлением стал разглядывать создание сантиметров семи величиной, явно испуганное, но не убегающее.

Во многих отношениях оно было похоже на муравья. Крошечные усики возбужденно раскачивались взад и вперед и, казалось, были направлены на обоих людей. Шесть ног были слегка вытянуты, словно существо готово было удариться в бега. Хитиновый панцирь, с виду довольно прочный, был темно-коричневого цвета. Черные, блестящие, как бусинки, круглые глаза были полны страха, но одновременно в них словно бы читалось любопытство.

— Муравей? — спросил Булли. Он, казалось, был разочарован.— Или даже скорпион.

— Пусть его размеры вас не смущают,— посоветовал Хаггард и протянул руку к насекомому.— Сначала я подумал, что это саранча, но теперь я определил бы его как муравья. Почему мы их раньше не встречали?

— Мы еще не были в горах — а они живут только здесь, где есть вода и зелень.

Хаггард внимательно осмотрелся.

— Найдем ли мы здесь других? Одного экземпляра недостаточно. Может быть, их образ жизни такой же, как и на Земле?

— Вы имеете в виду муравейники?

— Совершенно верно. Конечно, не исключено, что они сооружают свои жилища под землей. Потом это нужно будет исследовать.

— Родан поступит по-другому, услышав о муравьях с Беты-4,— напомнил ему Булли.— Хватит этого и будьте довольны, что нашли хотя бы одного. Надеюсь, они не кусаются.

Хаггард полез в сумку и достал оттуда пару рукавиц. Он быстро натянул их.

— Вы видите, я все предусмотрел. Теперь со мной ничего не случится. Пожалуйста, подержите пакет для образцов...

Булли взял прозрачный пластиковый пакет, открыл его и с нетерпением стал ждать, пока Хаггард поймает свою добычу.

Это оказалось проще, чем он рассчитывал. Насекомое не делало никаких попыток к бегству. Хотя оно слегка вздрогнуло, когда пальцы врача коснулись его, но вело себя спокойно. Хаггард осторожно поднял его, осмотрел, потом положил в пакет, который подал ему Булли. Он предусмотрительно положил туда немного мха и разло-

жил его на дне. Пленник должен чувствовать себя там удобно.

— Так,— сказал он и поднялся.— Это мы сделали. Итак, здесь все же есть по-настоящему развитая жизнь. Почему же мы не нашли никаких ее признаков? Если существуют муравьи, должны существовать и другие насекомые. Они всегда существуют во множестве форм и вариаций.

— Подождем, что скажет на это Родан. Может быть, он даст еще один день, чтобы мы смогли спокойно поохотиться на бабочек.

Хаггард хотел ответить, но гудение маленького приемника прервало его. Вызывал Родан, который находился в пути вместе с глайдером.

— Где вы прячетесь? — спросил он, когда Хаггард отозвался.— Я не могу вас найти.

— В маленьком ущелье — пеленгуйте нас. Мы сделали интересное открытие на месте стартовавших ракет.

— Что вы нашли? — спросил Родан, и секунду спустя глайдер появился над плоскими холмами. Хаггард подождал, пока он сядет рядом с ними и из него выйдет Родан.

— Да, мы кое-что нашли,— он поднял прозрачный пакет, в котором спокойно сидел темный муравей и смотрел на них черными глазками.— Вот!

Родан был явно удивлен.

— Вот это да! — удивленно произнес он.— Бета-4 не так уж необитаема, как мы думали раньше. Через несколько миллионов лет здесь тоже появятся разумные существа — если сюда до этого не придут другие и не заселят планету. Что вы хотите с ним сделать, док?

— В любом случае, взять с собой,— ответил Хаггард, довольно улыбаясь.

Однако получилось по-другому.

Хотя они обыскивали горы и на протяжении четырех часов сдвинули с места каждый камень, они больше не нашли ни одного муравья.

Казалось, он был один на всю планету.

Разочарованные и усталые, они, наконец, вернулись на глайдере к «Газели», и Хаггард, сидя в тесной кабине, был глубоко озабочен тем, чтобы с его подопечным ничего не случилось. Он осторожно поддерживал пакет на весу, чтобы не раздавить его.

Ночью и на следующий день не произошло ничего, достойного упоминания. Другие экспедиции не нашли следов ни загадочных туземцев Беты-4, ни других муравьев. Они вообще не нашли ничего, хотя Булли и Джон Маршалл однажды облетели всю планету.

Тем временем Родан решил более тщательно обследовать купола. Но и тут их ждало жестокое разочарование. Так как довольно

трудно было подогнать легкий кран, помог Гукки. Ему не трудно было, используя телекинез, поднять купол вверх для изучения, а потом опустить его на место плоской стороной вниз.

Нижняя сторона была совершенно гладкой — за исключением сетки крошечных швов — и плоской. Родан постучал по ней. Судя по звуку, она была не особенно толстой. Он не стал отрезать дно купола излучателем, а начал работать молотком и зубилом.

Час спустя он поднял довольно легкую металлическую пластину. Затем с удивлением уставился внутрь купола. Тот был пуст.

Родан ожидал увидеть сложную аппаратуру для дистанционного управления или наблюдения, огромное количество электронных приборов или технически совершенную автоматику. Но вместо этого перед ним оказалось пустое пространство, разделенное на отдельные отсеки тонкими жестяными пластинками. Каждый отсек был так же пуст и непонятно для чего предназначен.

Крест, наблюдавший за ним, покачал головой.

— Что это? Для чего могут служить эти купола? Ведь не для одного лишь украшения пустыни?

Родан пожал плечами и сказал:

— Представления не имею. Мы возьмем его с собой. Может быть, ученые на Земле смогут в них разобраться. Я не могу.

Гукки перенес купола в открытый люк помещения, в котором еще оставалось свободное место. Там их закрепили магнитными держателями. Этим все и закончилось. Родан не стал исследовать два других купола — ошибка, сделавшая его богатую приключениями жизнь беднее на одну подлинную сенсацию.

Увы, он об этом не знал.

Тем временем доктор Хаггард решил заняться тайнами единственного пойманного им экземпляра насекомого. Он ни в коем случае не хотел убивать муравья, потому что у него не имелось второго экземпляра, и тот представлял из себя большую редкость. Насекомое сидело на полу стеклянной клетки и равнодушно грызло лист кустарника. Хаггард видел, что оно делало это очень методично, откусывая кусочки от листа острыми челюстями, разжевывало их, а потом глотало эту кашку. Он деликатно подождал, пока муравей утолит голод, потом дал попить, затем достал его из клетки, чтобы посадить на лабораторный стол.

Насекомое вело себя спокойно и уже не проявляло никакого страха. Оно выжидающе глядело на Хаггарда почти разумным взглядом.

Врач почувствовал странные мурашки на спине, заглянув в маленькие черные глазки, так странно походившие на глаза земной ящерицы. В них мерцало что-то очень похожее на понимание и разум, ему почти казалось, что муравей хочет задать ему какой-то вопрос.

Но это полнейшая чушь!

Хаггард пошевелился. Теперь никаких сантиментов, только точная наука. Такое маленькое животное не может обладать разумом, даже если насекомым не отказывать в некоторой доле разумности — называемой также инстинктом.

Он достал из ящика пинцет и лупу. Пинцет он пока отложил в сторону. Он медленно поднес к глазам сильно увеличивающую лупу и посмотрел вниз. Теперь муравей значительно увеличился, превратившись в подлинного гиганта. Видна была каждая деталь. Можно было различить все черточки панциря, суставы ног, тонкие пальцы на руках — да, действительно! Хаггард не поверил своим глазам: у насекомого были настоящие руки!

Это были маленькие, изящные ручки. У Джоан были такие руки, тогда, в Дарвине, в Австралии. Когда же это было? Да, пятнадцать лет назад. Она была медицинской сестрой в лазарете и отвечала ему взаимностью — пока не заболела и не умерла.

Хаггард отмел мрачные мысли, но не смог подавить страстного желания, чтобы Джоан осталась жива. Он вытер лоб и снова вернулся к работе.

Муравей все еще смотрел на него, изучающе и вопросительно. Затем он пошевелился и перевел взгляд.

Хаггард внезапно почувствовал, что позади него кто-то стоит.

Но прежде чем он успел обернуться, ясный, хорошо знакомый, полный нежности женский голос сказал:

— Фрэнк! Ты что будешь — кофе или чай?

Он вздрогнул и, смертельно побледнев, уставился на знакомое лицо Джоан, потом у него потемнело в глазах.

Лишившись сознания, он упал на стул и соскользнул на пол.

Там и обнаружил его Джон Маршалл, минутой позже вошедший в лабораторию, потому что уловил панические мысли врача, перепугавшие его. Он вместе с Булли пятнадцать минут назад возвратился на глайдере и отчитался перед Роданом. Потом он воспринял импульсы тревожных мыслей Хаггарда.

Он бросил на врача быстрый взгляд, прежде чем до его сознания дошло, что видят глаза.

Возле Хаггарда стояла девушка в халате медсестры. На лице ее были смущение и страх, смешанные с полным непониманием и растерянностью.

— Где я? — спросила она по-английски.— Что с Фрэнком?

Маршалл, сам австралиец, узнал родной акцент, но был слишком поражен, чтобы обратить внимание на такие мелочи. Как эта девушка попала сюда? И что произошло с Хаггардом?

— Кто вы? — прошептал он и нагнулся над врачом. Хаггард дышал медленно и глубоко. Он не был ранен. Маршалл снова выпрямился.— Кто вы и как вы сюда попали?

Девушка беспомощно пожала плечами.

— Я не знаю... я в самом деле не знаю. Я словно заснула и только что проснулась. Но я не знаю, где я и почему Фрэнк так испугался, когда увидел меня.

Маршалл знал, что возлюбленная Хаггарда умерла пятнадцать лет назад. У него перед глазами все поплыло. Затем он сумел взять себя в руки. Он начал понимать вероятную связь: если он верно вычислил.

Его мысленный импульс наткнулся на барьер. Мысли девушки нельзя было прочитать, словно что-то их экранировало. Но, несомненно, девушка м ы с л и л а.

— Скоро все прояснится,— сказал он, чтобы выиграть время.— А теперь идемте со мной... мисс Джоан. Я хочу познакомить вас с остальными.

— А Фрэнк?

— С ним ничего не случилось, и он скоро снова придет в себя. Небольшой приступ слабости, вот и все.

Она покачала головой.

— Этого с ним никогда не случалось,— она посмотрела в лицо Хаггарда и внезапно сильно побледнела. Ее расширившиеся глаза вопросительно взглянули на Маршалла.— Боже мой... как он выглядит! Он болен?

— Почему?

— Он кажется... таким постаревшим. Вчера...

Она потрясенно замолкла. Маршалл понял. Ее воспоминания, должно быть, были пятнадцатилетней давности — а теперь они внезапно снова ожили.

Но это же было чистое безумие! Он сошел с ума.

Однако девушка стояла перед ним во плоти.

Действительно ли во плоти?

Хаггард пошевелился и открыл глаза. И сразу увидел девушку.

Из его груди вырвался стон.

— Джоан?.. Я внезапно сошел с ума? Маршалл, помогите же мне, пожалуйста! Я вижу призрак.

Маршалл поколебался. Что ему сказать? Правду?

— Успокойтесь, Фрэнк,— прошептал он.— Вы же видели бетянина Булли. Здесь тоже нечто подобное. Вы думали о своей возлюбленной, прежде чем лишиться сознания?

Хаггард поднялся. Взгляд его оторвался от Джоан и скользнул по столу.

— Муравей! — он искал свой объект изучения.— Он исчез! Где он? Он же не мог далеко...

— Мы его найдем,— успокоил его Маршалл.— А если нет — найдем другого.

— Он ускользнул от меня! — слегка оживившись, прошептал

Хаггард. Потом он, казалось, снова вспомнил о причине своего обморока. Он медленно повернулся, посмотрел девушке в лицо и сказал: — Чай или кофе, Джоан? Я предпочитаю кофе. Идем, я познакомлю тебя со своими друзьями.

Хотя происшедшее и превосходило всякое понимание Маршалла, он молча присоединился к ним. Он осторожно изучил мысли Хаггарда и увидел, что врач тоже начал догадываться об истинном положении вещей. Он, конечно, сильно упрекал себя за то, что думал о погибшей невесте. Но с другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что неизвестный творец вымыслов создал не воинственного монстра, а милую девушку — совершенно новая и, казалось бы, радостная перспектива.

Булли стоял возле Родана и Креста. Он доложил о безрезультатном полете и согласился с Роданом, который предложил немедленно стартовать. Бета-4 оказалась необитаемой, на этот счет не осталось сомнений!

— Я тоже думаю, что здесь мы больше ничего не найдем,— сказал Крест в то мгновение, когда из «Газели» позади него кто-то спрыгнул на песок. Булли обернулся. Может быть, это Тифф, сегодня была его очередь готовить ужин.

То, что он увидел, повергло его в полную прострацию. Воздух с резким свистом вырвался из его легких, а глаза раскрылись так широко, что Хаггард, который теперь выпрыгнул из люка, встревоженно взмахнул рукой.

— Пожалуйста, не пугайтесь! — предупреждающе воскликнул он, прежде чем Родан и Крест успели увидеть невероятное.— Это всего лишь новая игрушка нашего неизвестного друга, Булли. Вы, кстати, сильно смахиваете на человека, повстречавшего призрак.

— Девушка,— прохрипел Булли, все еще не обретя дыхания.— Откуда этот фокусник знает, как выглядят земные девушки?

Маршалл тоже подошел к ним.

— Достаточно того, что это знает Хаггард,— коротко объяснил он.

Джоан Кастингс — или то, что выглядело как Джоан Кастингс, смутилась — верный признак необычайной одаренности неизвестного, который мог имитировать все нюансы чувств. Она, словно в поисках поддержки, повернулась к Хаггарду, который успокаивающе кивнул ей.

— Что же теперь? — растерянно выдохнула она.— Кто эти люди? — она внимательно осмотрелась, потом взглянула на странный ландшафт.— Где мы? Как я сюда попала?

Булли наконец закрыл рот и без сил опустился на песок.

— Я рехнусь, если мы как можно быстрее не исчезнем отсюда,— произнес он.— Или произойдет что-нибудь ужасное. Вы только представьте себе — я бы с любовью думал о своей тете Амалии,

и наш деятель замечает это...! Если тетя Амалия появится здесь, всем нам будет не до смеха!

Родан прищурил глаза и шагнул к девушке. Он протянул ей руку, которую она, поколебавшись, взяла.

— Приветствую вас,— сказал Родан и почувствовал биение пульса под тонкой кожей женской руки.— Мы сейчас все вам объясним — насколько это возможно. Хаггард, где и когда это произошло?

— В моей лаборатории. Я допустил ошибку, глубоко задумавшись о прошедших временах. Неизвестные, должно быть, использовали эту возможность собрать всю информацию обо мне и о Джоан.

— Что вы делали в лаборатории?

— Я исследовал пойманного муравья. Я сожалею, но он от меня сбежал. Но я запер лабораторию. Он не мог никуда скрыться. Потом я найду его.

Родан посмотрел на девушку. Джоан, совершенно беспомощная, дрожащая от страха, стояла возле Хаггарда. Она, казалось, ждала объяснений — и боялась их. Крест откашлялся, словно хотел что-то сказать, но промолчал.

Булли все еще сидел на песке и, вытаращив глаза, смотрел на красавицу. Похоже, он изо всех сил пытался осмыслить происходящее, но безрезультатно.

— Теперь ясно, что не все они покинули Бету-4,— медленно произнес Родан.— Материализация произошла после старта обеих ракет. Мисс Джоан, пройдемте в корабль. Я хочу поговорить с вами. И... вам понадобится вся ваша храбрость, вы обещаете мне?

Она молча кивнула.

Булли не оставалось ничего другого, как только, вздохнув, подняться, если он не хотел провести наступающую ночь один в пустыне.

С чувством все возрастающей неуверенности он последовал за остальными.

5

После полудня «Мокар-3» был готов к старту.

Другие два корабля стояли внизу, в горах, примерно в сорока километрах. Капитан Марк распрощался с остальными и заверил их, что Совет Объединенных Маток получит исчерпывающий доклад о положении на Раане. План дальнейших действий был утвержден командирами кораблей.

Гор и Рагес из экипажа Бреды находились у глайдеров, которые лежали в углублениях. Сам Бреда стоял возле Марка и Артоса, а

Бреда и Ксо сидели перед пультом управления в одном из куполов и проверяли герметичность.

— Если пришельцы-драги обнаружат вас, без колебаний следуйте за нами,— произнес Марк.— Спокойно материализуйте несколько вымыслов, чтобы напугать их. Может быть, после этого они покинут систему. С дюжиной-другой монстров мы справимся позднее.

— Желаю вам удачного полета,— сказал Артос и протянул руку коллегам.— Счастливого пути на Мокар.

— И я желаю вам того же,— произнес Бреда.

Марк еще раз кивнул им, прежде чем вскарабкаться по узкому трапу у входа. Он помахал им сверху и исчез. Секундой позже изнутри ракеты донеслось гудение.

Именно в это мгновение из купола выбежал Брал.

Антенны его вибрировали, когда он передавал:

— Из пустыни сюда приближается стометровый летающий предмет — это, должно быть, одна из тех машин, что мы видели раньше. Она летит прямо к нам.

Артос бросил последний взгляд на готовую к старту ракету, повернулся и побежал к находящемуся в укрытии глайдеру. На бегу он приказал:

— Немедленно в глайдеры! Если чужой корабль совершит здесь посадку, нужно отходить в горы. Мы должны покинуть станцию.

Бреда последовал за Артосом. Его глайдер был готов к старту. Артос забрался в тесную кабинку. Через несколько секунд за ним последовал Брал.

На горизонте появился корабль драгов. Он быстро приближался. К счастью, из дюз большой ракеты уже вырвалось первое пламя, а потом «Мокар-3» медленно поднялся вверх, набрал скорость и исчез в чистом зеленовато-голубом безоблачном небе.

Чужая ракета не сделала никакой попытки преследовать его. Она пролетела низко над тремя куполами станции и спланировала еще ниже.

Артос нервно спросил:

— Где Ксо? Куда он делся?

Брал ничего не ответил. Он зачарованно смотрел на чужую ракету, за которой тянулся длинный шлейф и которая готовилась совершить посадку возле куполов.

Артос больше не колебался. Одновременно с глайдером Бреды его машина устремилась в небо, сделала горизонтальный поворот и помчалась к далеким горам. Несколько минут спустя оба бота совершили посадку в ущелье, возле двух готовых к старту ракет.

Когда все пятеро собрались вместе, их занимал только один вопрос:

Куда делся Ксо?

Ксо подождал, пока Брал покинет купол, потом запер вход изнутри. Он включил приборы наружного наблюдения, чтобы видеть происходящее вокруг купола. С некоторой вероятностью он мог прогнозировать, что должно произойти. Но если все скроются в горах, то ничего не выиграют. Напротив. Чужаки обнаружат покинутые купола и будут раздумывать. А именно этого они не должны делать — по крайней мере, не больше, чем необходимо.

Все произошло согласно расчетам. «Мокар-3» стартовал, оба глайдера находились в безопасности, а ракета драгов совершила посадку.

Теперь естествоиспытатель Ксо имел возможность оценить разумность драгов — и он принял решение сделать все без страха и паники. Эти гиганты были сорок метров высотой, но в противоположность гигантам Мокара носили шитую одежду, производя впечатление цивилизованных существ. Они ни в коем случае не являлись варварами, но едва ли были менее опасны.

Они выбрались из своего относительно небольшого корабля и огромными шагами направились к трем куполам, чтобы осмотреть их. Губы их шевелились, они разговаривали друг с другом — итак, они и в самом деле не были телепатами. Конечно, ни слова нельзя было понять.

Ксо знал, что он находится в большой опасности. Если двум драгам придет в голову поближе познакомиться с куполами или даже разрушить их, они его найдут. Этого нельзя было допускать ни при каких обстоятельствах.

Невозможно было последовательно прочесть мысли двух гигантов, но в их мозгу формировались телепатические картины того, о чем они думали. Они не содержали никакого смысла и казались искаженными, но он автоматически подавал их в центр проекций, который записывал все на подсознательном уровне. На Мокаре не было ученого, которому удалось бы объяснить с научной точки зрения необычные способности мокоs. Все нервные узлы, находящиеся в этой области мозга, автоматически выполняли свои функции. Усиленные импульсы представлений драгов улавливались и передавались, центр проекций сортировал и формировал их. Возникал вымысел.

Ксо сам испугался, когда позади драга материализовался монстр. Но страх сменился дикой радостью, когда он увидел реакцию обоих чужаков. Итак, судя по всему, им подобные явления не были известны.

Один из них выхватил из-за пояса оружие и направил его на монстра. Он что-то крикнул ему, но это, конечно, было совершенно бессмысленно, потому что образование не понимало речи драгов. А потом оба чужака выстрелили. Конечно, безо всякого успеха.

Наконец, гиганты бросились к своему боту, забрались в кабину

и устремились в небо. Они взяли курс на запад и через несколько секунд исчезли.

Кco вздохнул. Первый бой был выигран. Но решающим всегда бывал не первый бой, а последний.

Прошло несколько минут, и он связался с Артосом. Командир показал себя далеко не с лучшей стороны, но успокоился, узнав об успехе, которого достиг врач.

— Великолепно! — похвалил он.— Итак, опасность потери станции пока устранена. Мы возвращаемся.

— Нет, только не это! — испуганно запротестовал Кco.— Вы серьезно думаете, что драги так легко откажутся от своих целей? Через несколько часов они снова будут здесь. Заберите меня, это все, о чем я вас прошу. Мы оставим для защиты станции десять вымыслов. Драги должны увидеть, как их встречают.

— Через десять минут я буду у вас,— пообещал Артос и сдержал слово. Не слишком сложно было загрузить из куполов в глайдер важнейшие предметы обстановки. Два других купола еще пустовали. Потом оба мока сняли копии с уже имеющегося вымысла и вернулись в убежище. На вершине горы они устроили наблюдательный пост.

Наступил вечер, небо начало темнеть. Моки испугались до смерти, когда сбылись их тайные опасения. Металлическая гора и в самом деле оказалась космическим кораблем чужаков.

Он совершил посадку неподалеку от куполов. Скоро совсем стемнеет, и едва ли стоит рассчитывать на то, что решающие события произойдут именно сегодня. Десять вымыслов находились вдали от опорного пункта, и было неясно, вернутся ли они туда вообще. Однажды созданные, они выходили из-под контроля моков в любой форме.

Нападение последовало во второй половине дня, когда драги были заняты изучением куполов. Они вернулись в свой гигантский корабль и стали защищаться от монстров. Но примерно через час произошло нечто невероятное, лишившее моков последней надежды.

Вымыслы внезапно исчезли, словно их никогда и не было. У чужаков, должно быть, имелось средство, чтобы дематериализовать их.

Артос весь затрясся, когда Кco сообщил ему об этом. На Бреду, казалось, услышанное тоже произвело впечатление, но он — со свойственным ему оптимизмом, сделал позитивные выводы из негативных посылок.

— Они в состоянии заставить исчезнуть вымыслы, обезвредить их!.. Какие открываются возможности для Мокара! Если бы они нам помогли, было бы нетрудно вновь сделать Мокар пригодным для жизни. Мы должны признать: наибольшая опасность для нас исходит не от драгов, а от извлеченных из их фантазий чудовищ,

созданных ими же самими. Но как нам установить связь с чужаками? Они пришли из неведомых глубин пространства, и мы не знаем их намерений. Может быть, они злобны и воинственны и хотят приспособить Раану и Мокар для себя — тогда мы пропали. Мы телепаты — но их мысленные импульсы слишком сильны. Если мы сконцентрируемся на них, мы погибнем.

— А для чего им нужна Раана? — спросил Брал.— Планета слишком велика для них. И Мокар слишком велик.

— Может быть, Мокар только для нас слишком велик,— вмешался Артос, неосознанно указав ошибку, жертвой которой они все пали, так и не поняв этого.— Во всяком случае, последуем совету Марка и немедленно стартуем. Мы уже выполнили здесь наше задание.

— Должны ли мы отказаться от наших великих планов и продолжать влачить жалкое существование на Мокаре? — спросил Кco.— Здесь, на Раане, я в первый раз почувствовал, что значит жить. Я не хочу сдаваться без борьбы.

— Что ты задумал?

Кco выпрямился.

— Я хочу попытаться установить контакт с чужаками.

Артос покачал антеннами.

— Я запрещаю тебе, Кco! Мы вернемся обратно на Мокар и подождем, как будут развиваться события. Может быть, чужаки удовлетворятся изучением Рааны и снова вернутся к себе на родину. Тогда мы сможем снова прилететь сюда и все начать сначала.

Кco ничего не ответил. Он молча уставился на огромные ракеты. «Мокар-1» и «Мокар-2» готовы к немедленному старту. Он скатал антенны, показывая этим, что выходит из разговора.

Только никто не знал, о чем он думал.

Это произошло несколько часов спустя. Солнце стояло высоко в небе, распространяя приятное тепло. Брал находился на наблюдательном посту и внимательно следил за тем, чтобы никто не приблизился к долине незамеченным. Артос и Бреда находились в ракетах. Оба глайдера давно уже были погружены в трюмы. Не должно было остаться никаких следов, если придется срочно стартовать.

У Кco не было никаких занятий, поэтому он забрался на гору, чтобы составить компанию своему другу Бралу. Внизу, возле покинутой станции, все еще стоял гигантский корабль чужаков. Огромные фигуры двигались взад и вперед, но не приближались.

— Ты недоволен? — осведомился наконец Брал, бросая быстрый взгляд на мрачное лицо друга.— Почему?

— Потому что мы упустили великолепную возможность,— ответил Кco.— Я испытываю страх перед подземными городами Мокара, которые ограничивают наши возможности в передвижении, даже если они и гарантируют нам безопасность. Мне свобода и опас-

ность дороже, чем прозябание в безопасности. Можешь ты это понять, Брал?

— Да, я понимаю. Но у меня есть долг перед государством. У тебя, впрочем, тоже.

— Разве это не мой долг, что-то сделать для нашего народа? Нам всем нужна Раана — новая родина, или Мокар, но без драгов и вымыслов. Пришельцы могут нам помочь!

— Они никогда не согласятся на то, чтобы мы уничтожили драгов — при известных обстоятельствах мы способны сделать это и без их помощи. Но вымыслы!..

— Ты думаешь, чужаки выдадут нам свою тайну?

— Может быть. Я должен попытаться.

— Ты?..

Ксо горячо кивнул.

— Да. И ты мне в этом поможешь,— он сделал паузу и внимательно посмотрел в направлении куполов и пришельцев. Две огромные фигуры гигантскими шагами направлялись к ним. Целью их, должно быть, были горы. Если они сохранят такой темп, то появятся здесь минут через двадцать.— Сюда идут двое из них, Брал. Итак, мы должны стартовать как условлено, чтобы не попасть им в руки. Но я не полечу с вами.

Антенны Брала испуганно задрожали.

— Ты хочешь остаться здесь? Как ты себе это представляешь?

— Очень просто. Мы подождем еще десять минут, а потом поспешим к остальным. Наш сигнал тревоги поступит не слишком рано, но и не слишком поздно. Десяти минут достаточно, чтобы обе ракеты стартовали. Ты сообщишь Артосу, что мне кое-что нужно сделать в машинном отделении, и скажешь, чтобы он не ждал. Никто не должен узнать, что я остаюсь, пока для этого не наступит время.

— Но я не могу...

— Можешь, Брал! Ради Мокара и нашей свободы! Моя жизнь — ничто по сравнению с процветанием моков! Разве ты не понимаешь?

Брал посмотрел наружу, в пустыню. Оба драга неумолимо приближались. Один из них был несколько ниже другого, но все равно возвышался, почти достигая небесного свода, ростом почти в пятую часть большой ракеты.

Наконец Брал медленно кивнул головой.

— Может быть, ты поступаешь правильно — не мне судить. Может быть, ты должен остаться именно таким, каким я тебя знаю. Нужно ли мне передать привет от тебя Арсе, твоему сыну? Должен ли он узнать, что ты сделал для него и его потомков?

— Передай ему привет,— согласился Ксо и встал.— Мы должны идти, иначе будет слишком поздно. Здоровья тебе и удачи, мой единственный друг. Может быть, мы еще увидимся.

Брал оторвал взгляд от двух гигантов, находящихся теперь не более чем в десяти километрах.

— Боюсь, Ксо, мы больше никогда не увидимся — но может быть, ты добьешься успеха. До свидания. И удачи тебе!

Они подали друг другу руки и посмотрели в глаза долгим взглядом.

Потом они как можно быстрее спустились по длинному склону в долину и побежали к ракетам. Уже издали они начали сигнализировать об опасности.

Они достигли ракет, двигатели которых уже работали.

«Мокар-2» загерметизировал люк и ждал, пока прогреются камеры сгорания. Люк «Мокара-1» был открыт. Брал бросил последний взгляд на Ксо и секунду помедлил, а потом вскарабкался по узкой лесенке к спасительному люку.

Ксо посмотрел ему вслед, махнул в последний раз, а потом шмыгнул под большую каменную глыбу, лежавшую у подножия горы. Он нашел глубокую пещеру и забрался в нее, укрывшись от опаляющего жара стартующих ракет.

Медленно шли минуты. Гудение двигателей стало громче, но старта пока не было. Не заметил ли Артос чего-нибудь? Удачно ли Брал сыграл свою роль?

Вопрос за вопросом и ни одного ответа.

Ксо отвлек другой звук. С противоположной стороны донесся звук шагов драгов. Шаги стали громче и быстрее. Одновременно усилился шум двигателей, превратившись в рев и грохот. А потом обе ракеты оторвались от почвы и устремились вверх, в спасительное небо.

Ксо остался, разрываемый страхом и решимостью.

Они обнаружили и подобрали его, как он и рассчитывал. Может быть, они сочли его животным, безвредным, лишенным разума существом. Но они же видели обе стартовавшие ракеты и должны же были понять связь между ними и им!

Ну, если дело и обстояло так, они этого не показали. Они сунули его в огромный сосуд из толстого, гибкого стекла, бросили в его тюрьму несколько деревьев, а потом пошли прочь, унося его с собой.

В двадцати метрах под собой Ксо увидел проплывающую поверхность. Стометровый глайдер уже ждал их, но прошло еще несколько часов, прежде чем они взлетели. Троим драгам едва хватало места в кабине, в которой мог бы легко разместиться целый город моков. Во время полета Ксо увидел немного, но потом его снова подняли и внесли в большой корабль. Его довольно бесцеремонно бросили в большое прямоугольное помещение из прозрачного материала и больше не обращали на него внимания.

Тюрьма имела по периметру восемь на шесть метров и гладкие,

десятиметровой высоты стены. К счастью, драги не забыли прихватить с собой несколько деревьев и кустов, листья которых были съедобными. Так что он не умрет от голода и жажды.

Стеклянный ящик стоял на ровной поверхности, висевшей примерно на высоте двадцати метров над полом. Само помещение, бесконечно большое и высокое, было освещено гигантским искусственным солнцем, которое одновременно излучало ощутимое тепло.

Никто не заботился о нем. Снаружи, должно быть, давно уже настала ночь. Ксо попытался заснуть, но возбуждение не оставляло его. Однако он задремал и снова проснулся лишь тогда, когда его сон прервали гулкие, громовые шаги драга.

Прожевав листья, он приготовил порцию питательной кашки и проглотил ее. Вошедший драг был уже знаком ему и не мешал. Ксо знал, что ему не угрожает никакая непосредственная опасность, но постепенно он начал сомневаться в том, что его смертельно опасная миссия увенчается успехом.

Перед ним поставили миску с чистой водой. Хотя Ксо уже не чувствовал жажды, но, чтобы доказать драгу свою разумность, попил. Потом он увидел огромную руку, приближающуюся к нему, замер, рука осторожно взяла его и вынула из ящика. Его мягко опустили на гладкую, безграничную поверхность.

Ксо вел себя спокойно и терпеливо. Огромные бесфасеточные глаза драга пристально смотрели на него. Они повисли над ним, как огромные озера и, казалось, светились изнутри. Под ними были бесформенные рот и нос, отделенный ото рта наростом плоти. Точно так же выглядели и драги Мокара. Действительно, обе расы казались родственными друг другу. Но как оказалось, что одна из них была примитивной, а другая, напротив, явно разумной?

Ксо приступил к выполнению своей миссии. Он сконцентрировал все свои силы и попытался установить с драгом телепатический контакт. Он протянул антенны навстречу ему и настроил свое сознание на самые дружелюбные и мирные вещи. Может быть, гигант не понимает его, но должен же он что-нибудь п о ч у в с т в о в а т ь, если только контакт вообще возможен.

А потом драг взял два блестящих металлических предмета, положил один из них на стол, а другой поднес к глазам.

Ксо испугался, увидев увеличенный до гигантских размеров зрачок. Может быть, это было оптическое увеличение, о котором моки не имели никакого понятия? Он собрал все свое мужество и ответил на взгляд. Но не произошло ничего, что могло хотя бы намекнуть на наличие взаимопонимания. Может, чужак пытался загипнотизировать его?

Оставалась одна-единственная возможность.

Ксо интенсифицировал прием для центра материализации. Если не удается наладить прямой контакт, может быть, это удастся сде-

лать при помощи посредника. Так просто было возбудить у драга вызывающие страх фантазии, почему же тогда не использовать мирные и приятные воспоминания? Этим он, Ксо, докажет свои добрые намерения.

Его мозг воспринял мысли драга, механически переработал их, рассортировал впечатления и порывы, упорядочил их — и создал вымысел.

Позади драга возник другой — но это был драг-женщина.

А потом произошло чудовищное, необъяснимое, неожиданное.

Вместо того, чтобы обрадоваться подарку Ксо, драг испугался почти до смерти и потерял сознание.

Ксо использовал момент всеобщего замешательства, подбежал к краю прямоугольной площадки и попытался отыскать путь к бегству. К счастью, в пяти метрах под ним была другая площадка, на которую он просто спрыгнул.

Тонкие колонны по краям второй площадки вели вниз. Ксо быстро обхватил одну из колонн ногами, соскользнул вниз и исчез под огромной металлической конструкцией. Пространство между полом и потолком было около метра. Здесь было темно и безопасно. Собственно, это убежище немного напоминало подземные города моков на Мокаре.

Артос проявил удивительное самообладание, когда Брал сообщил ему, что Ксо остался. Астроном рассказал правду, когда «Мокар-1» вышел из стратосферы Рааны и со все возрастающим ускорением мчался в пространстве.

— Он хочет установить с ними контакт? Глупец! Никакое взаимопонимание невозможно, это мы знаем. Драги не увидят никакой связи между Ксо и станцией, не говоря уж о ракетах. Они его... они его просто раздавят, когда обнаружат.

— Но ведь они же обладают разумом,— вмешался Брал, чтобы защитить своего друга.— Их нельзя сравнивать с нашими чудовищами.

— И все-таки это бессмысленно,— продолжал настаивать Артос на своей точке зрения.— Все, чего он может достигнуть — это удержать их на Раане, пока они не завершат свою экспедицию и не вернутся туда, откуда прилетели. Я не хочу, чтобы они высадились на Мокаре.

— Эту возможность мы не должны сбрасывать со счетов, Артос. И я приветствую это. Не забывайте, что чужаки знают, как дематериализовать вымыслы. Если они откроют нам эту тайну, все наши проблемы будут решены.

— У них нет никаких причин помогать нам.

Брал ничего не ответил. Он был занят расчетом и коррекцией курса. Отсутствие Ксо хотя и не вызывало осложнений, но теперь

его обязанности должны были выполнять оба оставшихся члена экипажа. В двадцати километрах от них летел «Мокар-2». Далеко впереди голубовато светился Мокар.

На протяжении двух следующих дней он стал быстро увеличиваться. Потом обе ракеты миновали луну и совершили посадку на подготовленном поле между подземными городами Объединенных Маток.

Несколько драгов вышли на край гигантского леса и наблюдали за спуском обоих кораблей. Разница во внешности между ними и чужаками, совершившими посадку на Раане, была очевидной. Едва прикрытые шкурами диких животных, они опирались на тяжелые дубины. Грубо сплетенные тесемки соединяли обрывки шкур. Примитивные каменные топоры болтались у них сбоку, либо они сжимали их в мощных кулаках — топоры, изготовленные из отшлифованных каменных блоков.

Батареи на краю поля дали несколько залпов. Разрывные снаряды пролетели рядом со столпившимися дикарями и прогнали их назад, в лес.

Подошли тягачи и уволокли обе ракеты в подземное убежище. Над ними сомкнулся маскирующий бетонный потолок, единственный признак того, что на этой планете существует развитая цивилизация.

Ни один из моков не знал, как выглядит обратное полушарие их планеты, но перед подрастающими поколениями стояла еще и эта крупная задача.

На следующий день Брал вернулся в Университет, а командиры космической экспедиции принялись осмысливать и обрабатывать результаты полета, чтобы доложить свои выводы Сенату города, который потом передаст их Совету Объединенных Маток.

Он нашел свой класс таким же, как и прежде. Первый его взгляд упал на ученика Арсу, в черных глазах которого сверкало воодушевление от того, что экспедиция удалась. Он увидел направленные вперед антенны, жадно ожидающие сообщений астронома, которые он им обещал.

Антенны Брала все еще были скатаны, потому что он не хотел, чтобы ученики знали, о чем он думает. И он никак не мог собраться, он думал теперь о Ксо, оставшемся на Раане. Каково ему пришлось — был ли смысл в его жертве? Жив ли он еще?

А здесь, перед ним, был его сын, с которым он поддерживал предосудительную связь. Брал внезапно понял, насколько нуждаются в пересмотре старые законы моков, если их раса не хочет застыть на месте в своем развитии от полной атрофии чувств. Конечно, атрофия — гарант стабильности, но нельзя забывать, что она также означает застой. И ни в коем случае не прогресс.

Образ жизни и само существование моков строились на чисто научной точности и естественных потребностях. Целью было сохранение жизни. Это достигалось всеми средствами. Город был семьей, семья — городом.

Брал внезапно стал понимать своего утраченного друга. Разве Ксо был не прав, когда называл невыносимой жизнь на Мокаре — или точнее, п о д п о в е р х н о с т ь ю Мокара? Но действительно ли причина примитивности их бытия заключалась в том, что они жили под землей? Разве форма государства и жизни изменится, если они вернутся к жизни на поверхности?

Было ли это лишь следствием внешних обстоятельств?

Может быть, ситуация в значительной степени объяснялась сложившимися отношениями?

Брал покачал головой, раскатал антенны и посмотрел на учеников, не задерживая взгляда ни на ком, и на Арсе тоже.

— Наша экспедиция вернулась, мои юные друзья, и она вернулась не без результатов. Планета Раана — великолепный свободный мир, на котором будущие поколения моков найдут новую родину. Но исследования не завершены, и нельзя предугадать, как в дальнейшем будут развиваться события. Как вы все уже знаете, мы встретились на Раане с представителями путешествующей в космосе расы, к сожалению, родственной ужасным драгам. Может быть, мы отягощены наследием прошлого и представляем себе, что все гигантские существа должны быть так же ужасны. Во всяком случае, нам не удалось установить контакт с чужаками. Однако я хочу сообщить еще кое-что.

Вы знаете обстоятельства, при которых меня пригласили принять участие в этой экспедиции...

Урок проходил незаметно, ученики почти не дыша слушали захватывающий рассказ. Когда Брал рассказал о великой жертве врача Ксо, их глаза загорелись гордостью, но в глазах Арсы кроме гордости было еще что-то. Бралу показалось, что он читает в них робкий вопрос, но он не был в этом уверен.

Знал ли Арса, что Ксо был его отцом? С той же вероятностью им мог бы быть Артос, Марк или Бреда.

Брал еще немного поколебался, потом решил нарушить закон своего народа и выполнить завещание друга. Последнее желание Ксо должно быть выполнено.

Арса скрыл удивление, увидев жест Брала. Он подошел к учителю и вежливо поклонился.

— Я хочу сообщить тебе кое-что важное, Арса. Приходи сегодня вечером в мою комнату — ты ведь знаешь, где живут учителя.

— Но... это запрещено...

— Твое прилежание весьма похвально, Арса. В интересах госу-

дарства я хочу дать тебе несколько полезных советов. Помочь тебе, если хочешь.

Сам не сознавая, Брал начал интимный разговор. Арса, казалось, ничего не заметил. Он не мог скрыть удивления.

— Вы недовольны моими успехами?

— Итак, сегодня вечером,— нетерпеливо повторил Брал. Некоторые ученики уже обратили на них внимание.— Я жду тебя.

Не заботясь больше об Арсе, он вышел из класса, чтобы подготовиться к следующему уроку.

День прошел довольно спокойно, хотя Бралу достаточно часто приходилось отвечать на вопросы любопытствующих учеников и учителей. Все хотели узнать из первых рук, что произошло на Раане и действительно ли там были драги, как это следовало из официального сообщения. Брал утолил их любопытство как смог и по окончании последнего урока, наконец, вернулся в свою комнату, чтобы отдохнуть.

Он достал из окошка транспортера миску с питательной кашкой, довольно неохотно проглотил еду и поставил пустую миску обратно. Нажатием кнопки он привел транспортер в движение, и тот унес миску.

Что же, собственно, в его жизни было не так?

Разве ему чего-нибудь не хватало? Разве город не заботился о нем, как положено? Разве вообще могла существовать другая форма государства? Свобода?.. Что это за странное понятие? Куда могла бы завести свобода моков, если бы они ей обладали? Если бы каждый мог делать, что хотел? Разве это не привело бы к хаосу?

Если, например, он, Брал, больше не захочет быть учителем? Государство дало ему образование и взамен потребовало служить ему.

Правильно ли было, если бы он просто этого не пожелал? Неужели именно это и составляло то, что Ксо называл свободной жизнью?

Или, может быть, он имел в виду что-то другое?..

Поверхность, солнце! Несомненно, они входили в понятие свободы, о которой фантазировал Ксо. Возможность дышать воздухом поверхности, нефильтруемым, без химических добавок. Не жить постоянно за глухими стенами, видеть чистое небо — тоже можно назвать свободой.

Только ли это?

Не имел ли в виду Ксо собственно сущность государства, когда говорил о пожизненной тюрьме для моков? Не являлись ли так любезные сердцу Брала порядок и спокойствие тем, что Ксо называл несвободой и принуждением?

Астроном покачал головой и тщательно проследил за тем, чтобы антенны его не разворачивались. Хотя он и не представлял себе,

что с ним может случиться, если кто-нибудь прочитает его бунтарские мысли, однако был уверен, что это будет малоприятно. С такими поступали столь же беспощадно, как с драгами, и к ним моки не знали никакой пощады. Тот, кто восставал против существующего порядка, умирал для общества. Его метили дурно пахнущей жидкостью, запах которой никогда не выветривался, и выгоняли на поверхность. Ни один город больше не принимал его, никто не мог ему помочь, не подвергая себя опасности. Враг одного города автоматически становился врагом других — таков был порядок вещей. Драги, в конце концов, ловили несчастного — и при полной свободе предавали его безжалостной смерти.

Итак, свобода для мока означала смерть?..

Брал услышал робкий стук в дверь, испуганно вздрогнул и вспомнил об условленной встрече.

Пришел Арса.

Ученик, выпрямив антенны, вошел в помещение и хотел поздороваться с Бралом, но астроном сделал нечто очень странное — нечто, что происходило очень редко и было не слишком приятно. Он вытянул антенны и обнял ими гибкие антенны Арсы. Такая интимная связь означала, что никто, кроме них двоих, не мог принять их мыслей.

— Здравствуй, Арса. Очень важно, чтобы никто, кроме нас, не знал об этой встрече. Если кто-то узнает — я давал тебе личную консультацию по астрономии. Ты меня понял, Арса?

Ученик смущенно кивнул. Они осторожно сели, не расплетая антенн.

— Ты однажды сказал мне, что знаешь своего отца и тебе известно также, что он один из тех моков, кто работает над проблемой космических перелетов.

— Он принимал участие в экспедиции на Раану! — с гордостью подтвердил юный мок.

— Да, он был там,— кивнул Брал, не зная, с чего начать.— Я не хочу проникать в твои мысли, и ты можешь оставить все свои тайны при себе, но я должен тебе кое-что сказать. Я должен передать тебе привет от твоего отца. Он был моим другом.

Арса чуть было не подпрыгнул, но сцепленные антенны помешали ему.

— Вы знаете моего отца?

— Я знал его,— подчеркнуто уточнил Брал.— Твой отец — Ксо, герой нашего народа. Он сам сказал мне, что ты его сын. Он любит тебя.

— Он любит меня? — в импульсах мыслей Арсы появились удивление и радость.— Но он же меня едва знает. Только однажды...

— Ты его сын, и этого для него достаточно. Может быть, у него есть еще сыновья, но он любит тебя. У всех нас есть дети, это наш

долг. Мы принадлежим городу, и точно так же наши дети принадлежат государству. О, твой отец прав...

— Он прав?..

Брал у показалось, что он, может быть, зашел слишком далеко. Должен ли он отравлять мальчика своими мыслями — мыслями, которые возбудил в нем и которым следовал отец этого мальчика?

—Он прав в том, что любит тебя,— продолжил Брал.— Его желание заключается в том, чтобы ты продолжил его работу. Ты должен стать астронавтом. И я помогу тебе, потому что моя дружба с твоим отцом должна найти продолжение в тебе.

— Я... ваш друг?

— Почему бы нет? Разве возраст играет роль? У твоего отца было много идей, Арса. Он был убежден, что ты его поймешь. И еще ты поймешь, почему он поступил именно так, а не иначе. Я объясню тебе все, но никто не должен узнать, кем был в действительности твой отец и какое завещание он передал тебе через меня. Ты достаточно взрослый, чтобы узнать. Однако ответь мне на один вопрос, Арса: ты счастлив в своей, всей нашей жизни?

— Счастлив? Я живу, как живут все остальные. Почему я должен быть счастлив, почему я должен быть несчастлив?

— Но твой отец хотел, чтобы мы все з н а л и, что мы счастливы. Он видит две возможности для моков: или они перебьют всех драгов и вернутся на поверхность, или переселятся на Раану, где станут жить свободно и беззаботно.

— А чужаки...

— Он попытается установить с ними контакт. Мы, возможно, еще узнаем, добился ли он успеха. Если чужаки явятся в наш мир и помогут нам уничтожить вымыслы, над которыми мы больше не властны — может быть, тогда и с драгами будет покончено.

Глаза Арсы округлились и расширились, словно пытаясь заглянуть далеко в будущее.

— Расскажите мне о моем отце,— попросил он.

Чужаки совершили посадку три дня спустя.

Словно ведомые безошибочным инстинктом, они выбрали место космодрома. Гигантский корабль несколько раз пролетел над опущенными лифтами и расположенными под землей ангарами. Потом он исчез, чтобы примерно через час появиться снова. Он опустился на самой опушке леса и неподвижно застыл там, словно гора из блестящего металла.

Подвижной перископ моков был осторожно поднят вверх, телекамеры направлены на летящее чудовище, принадлежавшее пришельцам, и по электронным цепям изображение передано глубоко вниз, в подземный город, где его можно было увидеть на экранах.

Между городами была налажена связь. Корабль чужаков на-

ходился точно в центре семи подземных поселений, и его можно было наблюдать со всех сторон одновременно. Но, к сожалению, посадка не обошлась без потерь со стороны моков.

Восьмой город находился точно под стальной горой, телескопические опоры которой вонзились глубоко в почву. В некоторых местах массивные переборки над жилыми зонами были разрушены, а они большей частью находились на глубине двадцати метров под поверхностью. Здания рухнули, раздавив по меньшей мере двести моков и уничтожив вентиляционные шахты. Большее число жителей пострадавшего поселения смогло эвакуироваться в более глубокие районы города, другим удалось выбраться на поверхность. Они спрятались от дождя в желоб.

Тем временем, к их общему удивлению, драги попрятались в лесах. Они, должно быть, сочли чужой корабль новым чудом техники моков, может быть, даже каким-то необычным вызовом. Затем, размахивая дубинками и бросая копья, они выбежали из чащи леса на освещенное место, напрасно пытаясь пробудить чудовище к жизни. При этом они раздавили убегавших моков, просто не заметив их.

Жители не пострадавших городов наблюдали за ужасной катастрофой. Теперь они не осмеливались воспользоваться своим правом на самозащиту, потому что никто не мог предугадать, какова будет реакция чужаков. Многие закрывали глаза, увидев, как несколько драгов нагнулись, чтобы подобрать убитых или раненых моков, которых они бросили в подвешенные к поясам сумки.

Чудовищам давно уже не представлялось такой возможности. Казалось, что они почти забыли о чужом корабле.

Восемь космических путешественников были приглашены Сенатом в центр наблюдения в качестве экспертов. Брал — к счастью или несчастью — остался в своем городе. Отсюда, находясь всего лишь в десяти километрах от совершившего посадку гиганта, у него была возможность тщательно рассмотреть каждую подробность. Полный ужаса, он смотрел, как драги, казалось, забыв о своих первоначальных намерениях, с пылающими от жадности дикими глазами, бросились на беззащитных моков. Их огромные сумки быстро наполнялись.

Страшное предположение о плотоядности драгов подтвердилось самым ужасным образом. Еще никогда голое предположение не подтверждалось так быстро ужасной реальностью.

И чужаки наблюдали за этим с полным безразличием.

Брал внезапно почувствовал неудержимую ненависть ко всему чужому. Почему пришельцы должны быть иными, чем эти дикие великаны из лесов? Разве они не вели себя подобным же образом, когда тысячи лет отделяли их от цивилизации? Нет, между моками и драгами не могло быть никакого взаимопонимания. Ксо напрасно пожертвовал жизнью.

Ход его мыслей прервался, потому что он увидел то, чего так долго ожидал. Часть блестящей обшивки на борту стальной горы сдвинулась в сторону. За ней было видно темное помещение, в котором двигались тени огромных фигур.

А потом, в свет солнца Регус, наружу, вышел один из чужаков. В руке он сжимал блестящее лучевое оружие, ствол которого, должно быть, составлял все шесть метров в длину. Бесстрашно, делая знаки драгам другой рукой, он начал спускаться по ступенькам лестницы, которая связывала люк с почвой.

Драги прервали свое занятие и перенесли все свое внимание на чужаков. Их руки с оружием внезапно опустились, словно они сообразили, кто стоит перед ними.

И в самом деле, сходство было поразительным.

Два драга смотрели в глаза друг другу. Они различались только одеждой и вооружением, но в остальном так походили друг на друга, что можно было забыть, что их разделяют просторы космоса.

Все же Брал увидел, что чужак спас жизнь нескольким мокам, которые смогли быстро укрыться в безопасном месте.

Возле обычного экрана на маленьком оптико-акустическом экранчике появились странные знаки — волнообразные линии, быстро бегущие от одного края экранчика к другому, словно модулируясь при этом и пересекаясь вертикальными полосами. Это была речь чужих и местных драгов. Итак, они уже беседовали друг с другом.

Но, казалось, первый контакт все-таки будет чреват затруднениями.

Один из драгов поднял дубину и помчался к пришельцам. Тем временем в открытом люке показался другой драг, который мгновенно направил оружие на нападающего. Яркая вспышка — и драг, яростно молотя в воздухе кулаками, осел на землю. Судя по всему, он не был ранен, просто потерял сознание.

Другие испуганно отпрянули назад.

Теперь здесь остались только три чужака, которые вышли из корабля и остановились перед стадом диких драгов. Но после того, как упавший снова поднялся, дикари больше не стали нападать.

Между тем первые из счастливо ускользнувших моков добрались до аварийного входа в город. Задыхающиеся, смертельно уставшие, они скользнули туда и оказались в заботливых руках санитаров. Машина отвезла их в ближайший госпиталь, где ими тотчас же занялись врачи.

Но со все возрастающим отчаянием политики и ученые, находящиеся на наблюдательном посту, смотрели вверх, на то, как пришельцы и драги заключали дружеский союз.

Во второй половине следующего дня заместитель Брала в Университете сообщил об отсутствии ученика по имени Арса.

Никто не мог вспомнить, видел он его сегодня при пробуждении в общем зале или нет. Немедленно начавшиеся поиски оказались безрезультатными. Не было обнаружено никаких его следов.

Об этом доложили Бралу, который едва смог скрыть испуг. Он устало сидел перед экранами в централи наблюдения и видел, как подтверждаются самые худшие его предположения о том, что любая попытка установить контакт с чужаками может привести к глобальной катастрофе. Драгам удалось опередить моков в их устремлениях. Еще вчера вечером был зажжен гигантский лагерный костер, чтобы собрать дикарей. Мерцающие отблески играли на блестящей обшивке чужого корабля. Три космонавта, пришедшие к дикарям, направились с ними на охоту и вернулись с двумя убитыми животными с густым мехом, ели с ними, пили пенящееся пиво, изготовленное из злаков. До поздней ночи праздновалась встреча между двумя родственными расами.

Потом костер прогорел и драги, шатаясь, удалились в лес, чтобы вернуться на следующее утро. Один из чужаков поднялся в корабль, а двое других сели в стометровый глайдер и улетели.

Дружеская встреча чужаков и драгов убила все надежды моков, которые на своей родной планете столкнулись с двумя сверхмощными вражескими расами, не говоря уж о бессмертных и неуязвимых вымыслах, которые уже тысячелетия бродили по поверхности Мокара.

Брал попытался представить, куда мог исчезнуть Арса. Обвинения в собственный адрес в том, что он оказался причиной вероятной гибели юного мока, запоздали. Никто не мог больше помочь Арсе, так же, как никто больше не мог помочь Ксо.

Ведь Арса был сыном Ксо...

Но Арса все еще был жив.

Когда он узнал о высадке чужаков и об ужасных убийствах, совершенных ими — может быть, и непреднамеренно — он решил выполнить завещание своего отца.

Когда все еще спали и он был уверен, что никто его не заметит, он тихо встал и выскользнул из зала. Наибольшая трудность была в том, чтобы открыть дверь, запертую на замок с реле времени, но неожиданно ему удалось быстро сделать это. В городе все словно вымерло, и он пошел вперед.

Бессмысленно было полагаться на неожиданную удачу. Охрана у официальных выходов не пропустит его.

Арса во время обучения узнал об устройстве системы вентиляции. Никого не встретив, он добрался до общественного здания, без колебаний забрался в ближайшую подходящую шахту, из которой струился свежий, прохладный ночной воздух. Только первый метр был выложен гладкими металлическими пластинами, потом пошел

естественный камень — а он был гораздо лучшей опорой для тонких пальцев Арсы. Он вынужден был подниматься почти отвесно, но это оказалось легче, чем он себе представлял.

Он не знал, сколько длился подъем, но потом его голова, наконец, наткнулась на ожидаемое препятствие — частую металлическую решетку.

Довольная улыбка скользнула по его лицу, когда он увидел далекие звезды, о которых часто слышал и которые знал только по фильмам и снимкам. Так вот какими были они, звезды?..

Он недолго находился во власти очарования; вытащив напильник, он начал пилить перекрестье решетки. Это был хороший, острый инструмент, но прошло еще два часа, прежде чем он наконец смог выбраться из шахты и тяжело упал на землю возле выпиленного отверстия.

Здесь, снаружи, царила приятная прохлада, совсем не похожая на душный воздух подземного города. Небо было не вполне ясным, и время от времени сверху падали пятисантиметровые капли воды, разбиваясь на тысячи крошечных капелек. Выход из шахты, как обычно, находился в центре возвышения, так что Арсе здесь, наверху, нечего было бояться. Но до чужого корабля было еще далеко, почти восемь километров. Если и дальше будет идти дождь, дорогу ему преградит широкое и, наверное, достаточно глубокое озеро.

Но у него есть великий замысел, и он его исполнит, даже если придется пожертвовать жизнью. Завещание отца должно быть выполнено, или он погиб напрасно.

Теперь из-за облаков вышла луна и призрачным светом озарила пустынный ландшафт. Повсюду в прорытых долинках ручьями текла вода, собираясь в бурлящий поток, отыскивая путь вниз, в долину, которая скоро превратится в малое море. Если он сделает небольшой крюк, то сможет обойти равнину и добраться до опушки леса, где стоит корабль чужаков, по гребню пологой возвышенности.

По берегу бурлящего ручья он пробрался сквозь густую чащу кустарника и оказался на каменистом плато, где вода больше не доставляла ему беспокойства. Он храбро сражался с непрерывно усиливающимся ветром, леденящие порывы которого били ему в лицо. Он облегченно вздохнул, когда кустарник слева стал гуще и защитил его от надвигающегося шторма. Ему не единожды приходилось перепрыгивать через ручьи или цепляться за притопленные камни, чтобы его не смыло. Но потом, наконец, местность поднялась и стала суше.

Прошло часа два, потребовавших от Арсы напряжения всех сил. Но когда цель была уже перед его глазами, ему захотелось снова оказаться в городе.

Чего ему вообще надо?

Только теперь он начал задумываться над тем, как воспримут

его противозаконную выходку учитель и, в особенности, Сенат. Что скажет Брал? Конечно, он поймет мотивы его поступков, но одобрит ли он его методы? Ходили слухи о том, что Сенаты городов планировали официальные контакты с пришельцами, но никто по-настоящему не знал, каким образом они будут осуществляться.

Может быть, своим смелым решением он опередил их. Но с другой стороны, если бы усилия его отца увенчались успехом, тот давно сумел бы сообщить об этом. Итак, его держат в плену, и он, Арса, должен его освободить.

Первое дерево свидетельствовало о близости леса. Это было гигантское растение, казалось, достигавшее низких облаков. Диаметр стволов подобных деревьев часто достигал двадцати метров, но кора была шероховатой, испещренной разрывами, так что в случае нападения можно будет найти убежище на дереве или даже в нем.

Дождь перестал, буря, казалось, тоже стихла. Все чаще из-за туч мелькала луна, бросая бледный свет на призрачный ландшафт. Возвышаясь над лесными деревьями, до самого темного горизонта, тянулась тень чужого корабля. Справа все еще тлел лагерный костер драгов. Изредка двигалась какая-нибудь темная фигура. Драги спали вокруг своего костра.

Возле корабля все было спокойно. Высоко над землей виднелся круглый, ярко освещенный люк. Под ним, неся вахту, сидел один из чужаков. Для Арсы было совершенно невозможно попасть туда. Какой смысл это имеет теперь, среди ночи?

Он проскользнул дальше, к тлеющему лагерному костру. Тепло было приятно, и он почувствовал, как озноб оставляет его тело. Может быть, было бы неплохо ненадолго задержаться здесь. Драги спали. Согревшись и обсохнув, он посмотрел на мир совсем по-иному.

На востоке уже начало светать, когда Арса принял решение. Он должен попасть на корабль чужаков, если хочет что-нибудь узнать о судьбе своего пропавшего отца. Может быть, для подъема можно использовать могучие металлические трубы, на которых покоился гигантский корпус корабля и которые при посадке разрушили половину города моков.

Он удалился от костра, вблизи которого провел ночь рядом с драгами. Лежащие на земле гиганты казались горами плоти, скудно прикрытыми шкурами местных четвероногих и ворочающимися во сне. Их превосходящее воображение, но примитивное оружие лежало или стояло рядом с ними без всякого присмотра. Дубины и копья, а также несколько луков, стрелы к которым были длиной в двадцать метров. С ними они довольно успешно охотились на четвероногих хищников, но против вымыслов они были бессильны. От них спасало только поспешное бегство.

Руки Арсы нащупали что-то, бывшее не влажной землей или камнями. Оно было податливым, но твердым. И двигалось под ними. Богатая фантазия подсказала ему, что это такое, и он раскатал антенны, ища завязки сумки.

— Кто здесь? — просигналил он.

Ответ пришел неожиданно быстро.

— Мок! Корабль разрушил наш город. Мы бежали, но драги поймали нас. Спаси нас! Иначе мы пропали!

— Спокойнее, друзья. Сколько вас?

— Около двадцати. Другие вчера вечером...

Импульсы мыслей прекратились, но Арса понял, что ему хотели сообщить. Драги поедали моков, теперь в этом не было никакого сомнения. Но чужаки были цивилизованы, и техника их далеко обогнала технику моков. И если они когда-либо узнают, что драги убивают разумных существ, чтобы пожрать их, между ними больше не будет никакой дружбы.

— Подождите, я открою сумку. На это понадобится всего несколько минут. Ведите себя тихо. Сумка прикреплена к поясу одного из драгов. Если он что-нибудь заметит...

Он не стал продолжать и занялся узлом, которым была завязана сумка. Узел был примитивен, но прочен. Кроме того, Арсе мешала веревка в его руку толщиной.

Чтобы удобнее было работать, он снова скатал антенны. К сожалению, он больше не мог слышать мыслей несчастных моков, что поначалу сильно расстроило его.

Наконец он распустил последнюю петлю. Осторожно приподнял тяжелую материю. Появился узкий проход. Навстречу ему высунулась голова первого мока.

— Вы свободны,— просигналил Арса, с некоторой озабоченностью глядя на светлеющее небо.— Поспешите, направляйтесь в ближайший город. Драги скоро проснутся и заметят ваше бегство.

— Как ваше имя? — спросил кто-то и почти нежно коснулся антеннами Арсы.— Каждый должен узнать, кто был настолько храбр, что пробрался в лагерь чудовищ.

— Я Арса,— ответил Арса и поспешил прочь, не ожидая благодарности освобожденных, избежавших ужасной участи. Он знал, что теперь они найдут дорогу в безопасное место. Но у него оставался его великий замысел, и если он умрет, исполняя его, жертва все же будет не совсем напрасной. Он спас от верной гибели двадцать моков.

Поверхность могучей опоры была неровной, как он и надеялся. Его пальцы нашли, за что уцепиться. Не было необходимости использовать маленькие недоразвитые присоски, оставшиеся на пальцах, как рудимент давно исчезнувших поколений. Кроме того, наклон опоры облегчал подъем.

У выпуклого кольцевого выступа он сделал передышку. Теперь почва находилась в сорока метрах под ним, но примерно в двадцати метрах над ним опора заканчивалась, уходя в обшивку корабля. Там, по обеим сторонам металлической горы, шла широкая закраина.

Он осторожно выставил антенны и попытался принять далекие, слабые импульсы. Но все было тихо. Может быть, его бегство еще не заметили.

Он стал взбираться дальше, достиг выступа метровой ширины и пополз вдоль него. Даже при помощи присосок здесь невозможно было найти опору.

Итак, дальше.

Недалеко от освещенного иллюминатора закраина внезапно кончилась. Невероятно огромная лестница из трех ступеней спускалась вниз. Там, где находился Арса, она упиралась в закрытую дверь метров двадцать шириной и около сорока высотой.

Вход.

Если он хочет попасть внутрь корабля — а он должен это сделать, если собирается найти Ксо — дверь представляла собой единственный шанс. Днем ее должны открыть. В благоприятный момент можно пробраться через порог.

Но перед ним стояла еще одна большая проблема. Корабль был чудовищно огромен — более четырехсот метров в высоту и шестьсот в поперечнике. Сколько же в нем помещений? Не будет ли он раздавлен ногами равнодушных чужаков, если не проявит достаточной осторожности?

Или разумней показаться им?

Он решил действовать по обстоятельствам. Сначала ему надо найти здесь, снаружи, хорошее убежище, где его не обнаружат и откуда он может наблюдать за всем. Возле закрытого люка он обнаружил выступ, достаточно большой, чтобы спрятаться за ним и не быть видимым снизу. Конечно, если кто-нибудь из чужаков, стоя прямо под лестницей, глянет вверх...

Он снова скатал антенны и забрался в щель. Здесь было очень неудобно лежать неподвижно, но у него не оставалось выбора. По крайней мере, на первое время он был в безопасности, и это компенсировало все неудобства.

Сначала проснулись драги на поляне. Они лениво поднялись, снова развели костер и приготовили остатки добытого вчера мяса. Из ближайшей реки они принесли воду в глиняном сосуде. А потом...

Арса почувствовал, как внезапно сердце его замерло. Один из драгов осторожно открыл сумку и сунул гигантскую лапу внутрь. Через секунду он снова вытащил ее. В безжалостных пальцах был зажат мок, вращающий антеннами и посылающий отчаянные сигналы о помощи. Арса принял их, но ничего не мог поделать. Вероятно, он сумел бы создать вымысел, но это разрушит все его планы.

Отчаянные сигналы внезапно смолкли, когда драг оторвал моку голову. Он положил вздрагивающее тело перед собой на камень рядом с пылающим костром.

Потом он снова сунул руку в сумку.

Арса скатал антенны и закрыл глаза.

Его поколение, с непоколебимой уверенностью внезапно осознал он, преодолеет опасения стариков. Ясно вырисовывалась единственная возможность обеспечить будущее моков: необходимо использовать все технические средства, чтобы уничтожить драгов.

Чужаки могут сделать все остальное, уничтожив уже существующие вымыслы. Затем Мокар, наконец, станет мирной планетой.

Чужаки?..

Нужно объяснить им, что драги плотоядные. А плотоядные должны вызывать отвращение у всех разумных рас. Чужаки автоматически возненавидят драгов и будут помогать мокам.

С этими утешительными мыслями Арса приготовился к длительному ожиданию.

К вечеру Брал освободился и вернулся в свою комнату. Сегодня не было никаких уроков, но по видеоэкрану Совет связался с ним и другими космонавтами, так что он сразу же узнал обо всем происшедшем.

Уже в первой половине дня два чужака покинули корабль и пошли к ожидающим их драгам, сидящим вокруг костра и, по-видимому, готовым продолжить начавшийся вчера праздник. При помощи камеры дальнего наблюдения трудно было в подробностях разглядеть, что происходит у костра, но одно было несомненно: между чужаками и драгами уже не было вражды.

Это оказалось тяжелым ударом для моков, но впереди их ожидало кое-что похуже.

Солнце снова начало опускаться, когда двадцать моков у входа одной из шахт попросили убежища. Они, согласно их объяснениям, пришли из полуразрушенного кораблем чужаков города. Их предводителя тотчас же доставили в Сенат, где он доложил обо всем. Когда Брал услышал, как Арса освободил их, его сердце наполнилось гордостью и радостью. Хотя Сенат расценил бегство ученика иначе, он был вынужден признать, что часть вины юного мока уже искуплена.

А потом пришло чудовищное разочарование.

— Я довольно поздно покинул разрушенный район города,— рассказывал глубоко потрясенный мок.— Драги уже заключили мир с чужаками и разожгли костер. Я видел множество раздавленных моков, но не мог им помочь, хотя некоторые из них были еще живы. Я пытался добраться до степи с высокой травой, но мне не повезло. Когда я полз по каменистому плато, меня обнаружил один из дра-

гов. Его гигантская рука опустилась с неба и схватила меня. Я пытался укусить его, но он сунул меня в сумку, где уже лежало больше трех дюжин мертвых, раненых и здоровых моков. Драг собрал богатую добычу.

Спустя примерно час, когда уже стемнело, драг достал из сумки более дюжины моков — большинство из них были уже мертвы — и снова закрыл ее. Мы могли только догадываться, что произойдет. Но отчаянные сигналы о помощи сказали нам, что случилось. Драг убил пленных и жарил их на костре.

Потрясенный мок прервал рассказ. Брал, лежа в постели, уставился на экран. Члены Совета не шевелились. Они неподвижно ждали, пока мок преодолеет свою вполне понятную слабость и продолжит.

— Наконец, сигналы о помощи смолкли. Мы попытались прогрызть сумку своими острыми зубами, но материя была слишком прочной и грубой. Нам это не удалось. Наступила ночь — а потом пришел Арса и освободил нас.

Один из сенаторов нагнулся вперед.

— Где остался Арса? Почему он не вернулся с вами?

— Мы этого не знаем. Он не принял нашей благодарности. Он вел себя так, словно у него было какое-то задание, и быстро удалился. Мы только увидели, что он исчез в направлении чужого корабля.

Брал закрыл глаза. Теперь он понял, что задумал Арса. Дело его отца — он должен его закончить. Но, может быть, он хотел освободить его, если тот все еще был жив. Однако, никто не мог понять намерений Арсы, кроме Брала.

Он заснул, не в силах побороть усталость, но потом, под вечер, его разбудил сигнал тревоги. Все восемь космических путешественников, принимавших участие в полете на Раану, вызывались в Сенат.

Брал не знал, что произошло. Он окатил себя холодной водой и покинул комнату. Пешком он добрался до административного здания, в котором под сильной охраной находилась матка, посвятившая всю свою жизнь производству потомства. Она не заботилась о политике, только о своих детях.

В огромном зале его уже ждали сенаторы. Он был последним прибывшим. Коротко извинившись, он поздоровался с сенатором и маткой, присоединился к остальным и выяснил, что никто не знает, зачем их вызвали.

Председательствующий сенатор включил связь с примыкающими городами. Руки его дрожали, когда он это делал. Антенны возбужденно раскачивались, выдавая его нервозность. Потом, наконец, он повернулся к присутствующим и просигналил:

— Начнем наше новое заседание. Подготовьтесь к двум неожиданностям. Первая, должен вас заверить, из приятных. Регол, приведите возвратившегося.

Все взгляды были направлены на дверь, к которой только что подошел Регол. Она открылась, на мгновение пространство оставалось пустым и темным, но потом кто-то вошел, хромая, с оторванным щупальцем. Одна антенна тоже была повреждена и вяло свисала вниз. Это был Ксо.

Собравшиеся закачались. Начали обмениваться сигналами, и на несколько секунд воцарился настоящий хаос, особенно среди космонавтов. Артос протиснулся вперед и схватил Ксо за руку, но тот не обратил на него никакого внимания. Артос, несколько опечалившись, снова отступил назад, к остальным.

Сенат попросил тишины. Все сели. Регол провел Ксо на возвышение и усадил его на подготовленный стул. Он не обращал внимания на любопытствующие взгляды собравшихся.

Председательствующий сенатор направил антенны на моков.

— Да, Ксо вернулся. Он преодолел расстояние между Рааной и Мокаром в корабле чужаков и уже описал нам его техническое устройство. Теперь установлено, что чужаки во всех областях технологии превосходят нас. Совершенно бессмысленно пытаться напасть на них. Даже вымыслы, как мы уже знаем, они могут обезвреживать. Дальше, установлено, что они завязали с драгами дружеский контакт, хотя обе расы разделены целыми эпохами развития цивилизации. Но еще существовала слабая надежда, что они, по крайней мере, сохранят нейтралитет. К сожалению, теперь она окончательно рухнула. Ксо принес нам чудовищное сообщение. Оно уничтожило все наши надежды на мирное будущее и, возможно, означает конец нашей цивилизации.

Сенатор сел и требовательно посмотрел на Ксо. Врач кивнул и перевел взгляд с телекамер на выжидающие глаза своих коллег, с которыми он провел радостные, полные надежд часы на Раане. Особенно долго его взгляд задержался на Брале, но мысли его не искали контакта.

Потом пришел импульс, слабый, едва понятный. Одна из антенн Ксо не работала. Брал с большим трудом смог понять своего друга.

— Чужаки взяли меня в плен, но обращались со мной неплохо, так что в первое мгновение у меня появилась надежда воплотить в жизнь свои намерения. Но их поведение не было поведением равноправных партнеров при первом контакте между двумя разумными расами. Они заперли меня и при помощи одного из странных приборов пытались взять меня под свой контроль. Я называю это гипнозом. Когда я взглянул в чудовищно увеличенный глаз драгоподобного чудовища, я создал вымысел и с его помощью спасся бегством. Как ни странно, драг, которого я создал, отличался от других. Его появление вызвало некоторое замешательство. Мне удалось бежать. Я забрался под одно из сооружений из чистой стали и оставался там, пока корабль не стартовал.

Ксо устало замолчал и снова посмотрел на Брала. В его взгляде было что-то похожее на вопрос, который он не отваживался задать. Но потом, через несколько секунд, он продолжил свой рассказ.

— Ночью я выбрался из своего убежища и обследовал корабль. Я узнал не слишком много, но этого достаточно. Теперь я точно знал время старта и посадки, и нетрудно было рассчитать скорость полета корабля чужаков. Не считая ускорения и торможения, я могу утверждать, что они преодолели расстояние между Рааной и Мокаром со скоростью света.

По рядам моков прошло движение. Три командира космических кораблей переглянулись, в их глазах читалось удивление. Некоторые из техников недоверчиво покачали головами, но правдивость рассказа Ксо не вызывала сомнений. Врач никогда не стал бы утверждать ничего подобного, если бы счел это невероятным или даже недостоверным.

— Несмотря на свое бегство,— продолжил Ксо,— я еще не отказался от надежды установить контакт с чужаками, но мое положение казалось мне не слишком благоприятным для этого. Может быть потом, думал я, когда они совершат посадку на Мокаре и воочию увидят, насколько примитивны драги. В таком случае нужно будет объяснить чужакам, какой будущий партнер для них лучше подходит. Итак, я спрятался поблизости от входного шлюза и стал наблюдать.

Мы совершили посадку, и шлюз открылся. Я мог наблюдать все. Драги не заставили себя долго ждать.

Они приблизились, сначала с враждебными намерениями, но быстро отказались от них, когда увидели себе подобных. Тогда произошло то, чего я опасался: чужаки и драги заключили дружеское соглашение.

Насколько мне известно, между ними нет настоящего взаимопонимания, и они обмениваются лишь примитивными жестами. Сами чужаки, несмотря на то, что они так обогнали нас в развитии, не телепаты. К сожалению, животное, покрытое мехом, в половину роста чужаков, которое они привезли с собой, должно быть, владеет телепатией, а также еще некоторыми удивительными способностями, которые я мог наблюдать. Во всяком случае, они быстро объединились и устроили праздник у лагерного костра драгов.

И здесь случилось то, что уничтожило все наши надежды.

Драги воспользовались возможностью изловить моков, бежавших с места катастрофы, вызванной посадкой гигантского корабля. В течение их праздника сотня наших сородичей была убита и поджарена на костре.

Артос не смог сдержаться. Дрожащими антеннами он просигналил:

— Мы знаем, Ксо. Этим окончательно доказано, что драги пло-

тоядны. Сенат уже сделал выводы и подготавливает законопроект, разрешающий уничтожение драгов. В будущем ни один мок не останется неотомщенным. Мы бросим против гигантов наши отряды и уничтожим их самым мощным нашим оружием. Это защита, всего лишь чистая самозащита. И пришельцы должны понять это, Ксо! Они помогут нам смести с поверхности планеты драгов и вымыслы.

Ксо незамедлительно покачал головой. Когда Артос перестал излучать свои мысли, он продолжил:

— Подобные надежды, Артос, питал и я, надеясь воплотить их в жизнь. Но потом случилось ужасное. Чужаки сидели на земле у костра и ели вместе с драгами. Я хорошо мог их видеть, потому что перебрался через порог открытого люка, и когда металлический пол задрожал под ногами одного из преследующих меня чужаков и у меня не осталось никакого другого выхода, я просто упал вниз. Я пролетел метров сто, но слой мха смягчил удар. Уже стемнело, так что я решил сообщить о себе. Под защитой опустившейся ночи я приблизился к гигантскому костру и вскарабкался на одно из вывороченных бурей деревьев, ствол которого наклонился так косо, что я нашел прекрасное убежище почти над самыми головами чужаков и драгов.

Итак, отсюда я мог без помех наблюдать за всем происходящим.

Драги предложили чужакам кусок жареного мяса убитого животного. Чужаки взяли мясо и съели его. Они вместе с драгами ели тело убитого живого существа! А потом, на десерт, им поднесли поджаренных ранее моков. Чужаки чуть поколебались, но потом каждый из них взял предложенную пищу — и проглотил ее. Чужаки, представлявшиеся нам такими цивилизованными, не хуже и не лучше драгов.

Ксо умолк. Он закрыл лицо руками, чтобы не видеть широко открытых от ужаса глаз моков, надежды которых он был вынужден так жестоко разрушить. В зал постепенно вернулось спокойствие. Сенат быстро провел обсуждение, а затем председатель просигналил:

— Ксо закончил свой рассказ. В его истинности и достоверности нельзя сомневаться. Бессмысленность контакта с чужаками доказана. Они не стесняются подражать обычаям своих диких родственников. Я довожу до вашего сведения, что матки уже единогласно одобрили упомянутый здесь Артосом проект закона. Отныне между драгами и моками начинается война. До полного уничтожения!

Отношение к высадившимся чужакам такое же, как и к драгам. Пока они находятся на нашей планете, они считаются нашими смертельными врагами. Любая попытка установить с ними контакт будет рассматриваться как государственное преступление и караться смертью.

Уже этим утром мы созовем военный совет и обсудим следующие шаги. Теперь я должен просить вас вернуться в свои жилища. Заседание окончено.

Другие начали покидать зал. Брал задержался. Он подошел к возвышению и положил свою руку на руку Ксо. Врач поднял голову и встретился с взглядом Брала, в котором читалась скрытая просьба. Один из сенаторов подозрительно посмотрел на них.

Брал сплел свои антенны со здоровой антенной Ксо, чтобы никто не слышал, что он передает.

— Я должен поговорить с тобой. Это важно.

Ксо кивнул и встал. Один из сенаторов подошел к Бралу.

— Что вы хотите от Ксо?

— Он мой друг. Мы вместе были на Раане. Я только поздоровался с ним.

— Ксо истощен и будет отправлен в госпиталь. Если вы хотите, можете получить разрешение посетить его.

— Спасибо,— ответил Брал и бросил Ксо ободряющий взгляд. Задумавшись, полный сомнений, он вернулся в свою комнату.

Утром он хотел посетить Ксо и рассказать ему о бегстве Арсы, если тот еще не слышал о нем.

6

Облетая третью планету, Родан увидел, что на ней нет никакой по-настоящему разумной жизни. Три континента омывались большими морями, на которых не было видно ни одного корабля. Необозримые первобытные леса, пересекаемые редкими полянами, горными цепями и высокогорными плато, скрывали от любопытных глаз космических путешественников свою флору и фауну. Широкие реки пересекали дебри, но на их берегах тоже не было никаких признаков человеческих поселений.

Лейтенант Тиффлор настроил пеленгационный прибор.

— Слабое радиоактивное излучение прямо под нами, шеф. Оно может остаться от совершивших здесь посадку ракет.

— Хорошо,— сказал Родан и кивнул Булли.— Тогда мы сядем здесь. Там, на краю леса, хорошее место.

«Газель» медленно опустилась ниже, выпустила телескопические опоры и, наконец, мягко опустилась. Опоры почти на метр погрузились в мягкую почву. Все экраны в централи были включены, но снаружи не было заметно ничего подозрительного.

Родан довольно долго ждал, прежде чем сделать знак Булли.

— Посмотрим на Бету-3, мой старый друг. Где-то в лесах должны жить те, кто посещал Бету-4. Проклятье, я снова ничего не понимаю. Почему мы не обнаружили признаков цивилизации? На этой

планете нет ни одного города, ни одного космопорта. Мы заметили пару животных, и это все. Тиффу показалось, что один раз он видел дым; вероятно, это был оптический обман. И все же вчера или даже сегодня здесь совершили посадку три ракеты, преодолев межпланетное пространство. Честно говоря, я не нахожу никакого объяснения этому загадочному феномену.

— Подождем,— утешил его Булли и решительно сунул за пояс парализатор.— Я с удовольствием снова подышу свежим воздухом.

— Минутку! — прервал его доктор Хаггард, не сводивший взгляда с экрана.— Вот они!

Родан и Булли обернулись. На некоторое время они забыли о своем намерении выйти на поверхность планеты, потому что на экране появилось кое-что интересное.

Люди!

— Ну? — гордо спросил Тифф.— Что я говорил?

Никто не ответил. Каждый своими собственными глазами видел, насколько правильны были наблюдения лейтенанта, когда он в первый раз в одиночку посетил Бету Овна. Теперь эти люди стояли внизу, на краю леса: одетые в шкуры мужчины, полуголые, широкогрудые. В руках они сжимали тяжелые деревянные дубинки, длинные копья, туго натянутые луки. Они молча и выжидающе смотрели на совершивший посадку корабль. В их поведении было нечто вызывающее. Во всяком случае, путешественников удивило почти полное отсутствие страха.

А потом они взмахнули дубинками и побежали к «Газели».

— Они нападают! — усмехнувшись, воскликнул Булли.— Они хотят убить нас своими дубинками. Ты не находишь, Перри, что такое поведение довольно странно для расы, способной на космические путешествия?

Родан ничего не ответил. Глаза его сузились, и задумчивая складка пересекла лоб. Булли не требовалось проявлять особой проницательности, чтобы заметить здесь определенное несоответствие. Дикари, которые бежали сюда, по уровню развития ни в коем случае не могли быть теми, кого земляне встретили на Бете-4.

Нападение внезапно прервалось.

Внешние микрофоны передали возбужденные крики и бормотание, которыми обменивались люди каменного века. Некоторые просто отбросили оружие, нагнулись и начали собирать что-то, что, должно быть, было для них очень ценно. Они поднимали это, осматривали со всех сторон, а потом укладывали в небольшие сумки, подвешенные у них на поясе.

Родан сделал знак Тиффлору.

— Дайте увеличение. Я хочу знать, что они собирают.

Док Хаггард издал удивленный возглас, когда изображение стало больше и четче. Теперь он ясно видел то, что ползало на земле,

отчаянно пытаясь скрыться. Но дикарям удалось поймать много таких медлительных насекомых и упрятать их в сумки.

— Муравьи! — разочарованно прошептал он.— Они охотятся за муравьями.

Родан облегченно вздохнул.

— Во всяком случае, они, должно быть, очень ценят этих муравьев, потому что иначе они не прервали бы свое нападение на нас. Булли, последуешь за мной через двадцать секунд. Сначала я один выйду из корабля. Посмотрим, как они отреагируют.

Люк открылся. Родан вышел наружу и сделал несколько глубоких вдохов. Потом он спустился по короткой лестнице и спрыгнул на почву Беты-3.

Дикари прекратили свое занятие. Некоторые нагнулись за брошенным оружием. Муравьи, казалось, были сразу же забыты.

Родан держал в одной руке парализатор, а другой делал дружеские жесты, адресуя их пораженным первобытным людям. Секунд на десять воцарилась полная тишина, потом снова раздалось возбужденное бормотание. Они говорили друг с другом, некоторые из них угрожающе размахивали дубинами, а один побежал прямо к Родану, который спокойно ожидал его.

Булли, только что появившийся вверху, в люке, не обладал подобным терпением или снисхождением. Он поднял оружие, а потом попавший под прицел парализатора дикарь, потрясавший дубиной, без сознания рухнул наземь.

Другие дикари испуганно отпрянули назад.

Хаггард спустился на почву Беты-3 следом за Булли. Трое мужчин бесстрастно смотрели в глаза дикарям, которые теперь выжидали, стоя неподвижно. Булли краешком глаза увидел, что повсюду ползают муравьи почти в палец длиной, пытавшиеся спастись бегством. Они появлялись из трещин и разрывов у подножия телескопической опоры. Вероятно, «Газель» опустилась прямо на один из их подземных муравейников.

Родан нагнулся и откатил лишившегося чувств дикаря в сторону. Короткий электрический импульс из пистолета снова привел его в себя. Когда считавшийся мертвым сородич, шатаясь, поднялся, зрители радостно взвыли. Они замахали оружием, потом отбросили его прочь. С протянутыми вперед ладонями они пошли к Родану и двум его друзьям.

— Все же они обладают разумом,— прокомментировал Булли и облегченно добавил.— Надеюсь, они не будут награждать нас братскими поцелуями... мне это будет не слишком приятно. Тетя Амалия всегда хотела...

Они так и не узнали, чего всегда хотела тетя Амалия, потому что предводитель дикарей уже стоял возле Родана; он снова поднял пустые ладони в доказательство своих добрых намерений.

— Гукки! — крикнул Родан мыше-бобру, который сидел наверху, в люке, и телепатически прощупывал их мысли.— О чем он думает?

— Он совершенно готов! — пропищал Гукки, прибегнув к обороту, который подцепил от Булли.— Он думал, что в корабле кто-то другой.

Родан не спускал глаз с дикаря.

— Кто-то другой? Кто?

— Не знаю, он больше об этом не думает. У этих парней не особенно много мозгов, и они редко ими пользуются. Но им вполне этого достаточно. Он хочет заключить с нами мир.

— Так и будет,— кивнул Родан и тоже поднял руки. Торжественным жестом он положил их на тыльные стороны ладоней дикаря. Другие снова торжествующе закричали.

Дальнейшее было удивительно просто.

Гукки выступил в качестве переводчика, так что узнать желания примитивных жителей оказалось нетрудно. Хаггард и Булли пошли вместе с ними на охоту, убили двух покрытых мехом животных и к наступлению темноты вернулись назад. Тем временем разожгли большой костер, дичь была разделана и поджарена на огне.

С того момента все пошло гладко.

Булли уселся на ствол дерева возле Родана и повел себя так, словно сам был дикарем. Он руками рвал полусырое мясо и с наслаждением глотал его.

— Я чувствую себя воистину великолепно,— произнес он, жуя и вытирая рот рукавом.— Счастливые были времена, когда наши предки еще жили в пещерах и промышляли охотой. Никакой заботы о деньгах, никакой атомной бомбы...

Родан, по-видимому, не разделял безмятежной радости.

— Все идет прекрасно и замечательно,— заметил он,— но я постоянно спрашиваю себя, правильно ли мы ведем себя здесь? Или ты думаешь, что эти необузданные варвары построили те три ракеты и летали в них на четвертую планету?

Булли прикусил губу.

— Ракеты! Я почти забыл о них,— он бросил испытующий взгляд на фыркающих, пирующих дикарей, на прислоненные к деревьям копья и дубинки, потом медленно покачал головой.— Нет, не они. Но, может быть, другие?

— Другие? Кто же? Мы обследовали всю планету, но не нашли никаких следов цивилизации. Эти люди каменного века — единственные высокоразвитые живые существа на Бете-3, в этом нет никаких сомнений. Они не строили никаких ракет. Остается один-единственный вывод: хотя три космических корабля и прилетели сюда, но сразу же снова стартовали. Ими управляли разумные существа, родившиеся на другой планете, так же, как мы.

Теперь мы можем похоронить все тайные надежды. Тифф был прав. В этой системе разум находится у самого начала своего развития. Мы не должны вмешиваться. Им никто не должен помогать — по крайней мере, не мы.

— Итак, старт? — разочарованно спросил Булли. Родан кивнул.

— Да, завтра или послезавтра. Вероятно, в памяти этих парней мы останемся как некие боги, но это поможет им только в будущем. Хаггард, что вы скажете?

Врач, казалось, очнулся ото сна. Секунду он вопросительно смотрел на Родана, потом поспешно кивнул.

— Да, конечно, вы правы, шеф. Дикари! Но должна же быть связь между третьей и четвертой планетами!

— Связь? Что вы под этим подразумеваете?

Хаггард показал на первобытных людей, один из которых снова полез в сумку и вытащил оттуда муравья с палец длиной, который отчаянно защищался. Дикарь ловким движением оторвал ему голову, положил вздрагивающее тело на плоский камень, на котором уже лежала дюжина других муравьев. Потом он ногой задвинул примитивную жаровню подальше в костер.

— Вы видите этих насекомых? Точно так же выглядело то существо, которое я нашел на Бете-4. К сожалению, оно ускользнуло от меня и, должно быть, еще прячется где-то на корабле. Во всяком случае, это такие же муравьи. Я не могу себе представить, что на двух планетах независимо друг от друга возникли идентичные виды насекомых.

Булли пристально посмотрел на быстро приобретающих коричневый оттенок насекомых. Руки его сжались в кулаки. Немного побледнев, он нагнулся к Джону Маршаллу, сидевшему напротив него среди дикарей и безмолвно слушавшему их. Он улавливал каждую мысль, которую рождало их сознание.

— Джон! Что вы думаете об этих отвратительных насекомых? Может быть, их предложат нам на десерт?

Телепат, кисло улыбнувшись, кивнул.

— Конечно. Они представляют из себя особый деликатес, и мы смертельно оскорбим туземцев, если откажемся от них. Ну вот, уже готово. Приятного аппетита, Булли...

Дикарь рядом с Булли нагнулся к камню, привычным жестом вытолкнул его из костра, взял расщепленную палку и потыкал в коричневое тельце одного из муравьев, чтобы проверить, готов ли он. Потом он кивнул, издал серию непонятных звуков и протянул шедевр своего кулинарного искусства Родану, которому не оставалось ничего другого, как только взять поджаренное насекомое. Булли, Маршалл и Хаггард тоже получили свою долю и держали кушанье между пальцами.

Дикари жадно ринулись к поджаренным насекомым, суя их в рот

и размалывая зубами. С видимым замешательством четыре землянина последовали их примеру. Негры в Африке употребляют в пищу жареную саранчу, почему же на Бете-3, в системе Беты Овна, более чем в пятидесяти световых годах от Земли, не употребить в пищу гигантских муравьев?

Булли было почти дурно, когда он сунул в рот ломоть длиной в палец и раскусил его. Но потом он вынужден был признать, что вкус был совсем недурен. Он храбро прожевал «деликатес» и проглотил его. На вторую порцию он, конечно, не решился.

Потом подали что-то вроде пива — слабый алкогольный напиток. Он завершил праздник, устроенный в честь спустившихся с неба богов. Обе стороны обменялись рукопожатиями и непонятными друг для друга словами и распрощались.

В то время, как некоторые дикари исчезали в ближайшем лесу, а другие улеглись возле костра, Родан и его люди вернулись на корабль. Уже совсем стемнело, но Родан не находил покоя.

Он долго лежал, не в силах заснуть, думая о том, как это могло случиться, что муравьи в десять сантиметров длиной обитали и на Бете-4, и на Бете-3.

Но так и не нашел ответа на свой вопрос.

Второй день их пребывания на планете не принес ничего нового. Дикари и сегодня показали себя с лучшей стороны. Родан позволил одному из них пройти внутрь «Газели», пока Крест и Маршалл на маленьком глайдере совершали исследовательский полет.

Ночью прошел небольшой дождь, но солнце уже высушило почву. Маленькие лужицы исчезли. Люк был открыт, потому что каждый из участников экспедиции хотел насладиться свежим воздухом дружелюбного мира, в котором разрушительные войны, казалось, еще не сеяли смерть. Люди каменного века, как бы примитивны они ни были — единственные разумные обитатели Беты-3.

Во второй половине дня вернулись Крест и Маршалл. Они не сообщили ничего сенсационного. Один раз они видели стадо четвероногих животных, но не стали совершать посадку. Потом, в другом полушарии, стали свидетелями того, как человек двадцать охотились на существо, похожее на тигра и, наконец, убили его. Но они не обнаружили ни признаков городов, ни каких-либо других сооружений.

Вечером того же дня Родан собрал своих людей. Люк был закрыт, а снаружи, в лесу, тлел костер дикарей.

— Мы стартуем утром,— начал Родан, кивнув Тиффлору.— Цель нашей экспедиции достигнута. Мы хотели установить, на какой ступени развития находятся туземцы Беты-3 — теперь мы это знаем. Может быть, позже мы позаботимся о них, а теперь нам надо решить более важные проблемы. У Беты-3 есть время. Это мирная

планета, и хотя другая путешествующая в космосе раса тоже обнаружила ее, однако ее, по-видимому, нечего опасаться. Во всяком случае, она показала себя совершенно безобидной. Да, так будет лучше.

Хаггард поднял руку.

— Нет никаких возражений, если я утром соберу еще несколько проб растений и насекомых?

— Ни в коем случае, док. Вы свободны в своих действиях. Но на этот раз получше заприте животных, иначе они отложат яйца по всей «Газели».

— Будет сделано,— довольно улыбнулся врач.

Родан посмотрел ему вслед, когда тот покидал корабль, потом, когда они остались одни, он повернулся к Кресту.

— Так, теперь ответьте мне, Крест. Будет лучше, если другие об этом не узнают. Вы уверены, что Маршалл ничего не видел и не заметил?

— Совершенно уверен. Он был слишком занят управлением глайдером, а я работал с пеленгационным экраном. Он не мог этого видеть. Это было на нашем континенте, неподалеку от берега моря, в пустыне, не более чем в двухстах километрах отсюда. Мы медленно пересекали огромное плато, на котором почти не было растительности. Около двадцати туземцев, почти голых, охотились на животное, похожее на тигра. Они были вооружены стрелами и копьями. Тигр был полностью окружен и вступил в бой.

— Это был тигр, Крест? Никаких отличий?

— Разве что небольшие: длинные, изогнутые клыки, грива и пушистый хвост — но в остальном настоящий тигр, если его можно так назвать. Во всяком случае, животное спокойно стояло и ждало, что произойдет. Все произошло довольно быстро, поэтому я не хотел, чтобы Маршалл что-нибудь заметил. Я счел за лучшее не отвлекать его, когда увидел это.

— Да, и что дальше?

— Дикари сначала выпустили стрелы, потом бросили копья. Примерно половина их метательного оружия была хорошо нацелена и попала в цель.

— Попала?

— Да, попала — и как будто не попадала. Копья и стрелы прошли сквозь тело животного, словно его не существовало вообще. Совершенно так же, как на Бете-4, наши энергетические лучи без вреда прошли сквозь тела порождений фантазии Булли.

Между бровями Родана залегла глубокая складка.

— Вы хотите сказать, что это было такое же образование?

— Вот именно, Перри. Дикари должны знать о его природе, потому что едва они увидели, что тигр неуязвим, как молниеносно исчезли среди скал в поисках убежища. Они явно понимают, что

ничего не могут поделать с призраком. К их счастью, он отказался от ответного нападения и потрусил прочь. Держу пари, что для поддержания жизни пища ему не нужна.

— А... объяснение, Крест?

Арконоид пожал плечами.

— Никакого, Перри. Абсолютно никакого.

Пальцы Родана барабанили по столешнице.

— Никакого объяснения существованию призрака — это парадокс! Но оставим это. Намного интереснее то, что мы обнаружили уже три признака, общих для Беты-4 и Беты-3. Обе планеты посетили неизвестные космические странники, на обеих планетах есть муравьи длиной с палец и на обеих планетах обитают призраки, состоящие из ничего и не терпящие ущерба, даже если сквозь их тела проходят дубины или копья. Их может уничтожить только пятимерное поле. Разве может подобное оказаться случайностью?

— Не имеете ли вы в виду, что...

— Я вообще ничего не имею в виду, Крест. Я только начинаю себя спрашивать, нашли ли мы все, что здесь можно было найти? Вернемся ли мы когда-нибудь на Землю?

Арконоид посмотрел в потолок.

— В этом,— серьезно ответил он,— я должен положиться на вас, Перри. Твердо установлено, что никаких призраков не существует. Если здесь появились те же пятимерные образования, тогда должны быть и те, кто их создал. Другого разума эта система не знает — есть все основания так полагать.

Итак, остается только один ответ: пришельцы из космоса. Они создали вымыслы, потом снова исчезли. Почему — уже другой вопрос, на который смогут ответить только они сами. Если мы их найдем.

Родан медленно кивнул.

— Вы правы, Крест. Лишь на мгновение я попытался убедить себя, что кроме примитивных людей здесь есть другие существа, способные создавать вымыслы. Но кто это может быть? Пушистые животные, которых мы убили вчера в лесу? Маловероятно. Или эти муравьи? Конечно, можно предположить, что насекомые могут обладать высокоразвитым инстинктом или даже разумом, но подобная гипотеза была бы слишком абсурдной. Нет, Крест, завтра утром мы стартуем, как и намеревались. А при следующем нашем посещении мы, может быть, обнаружим лучшие доказательства — или чужаки появятся сами. Я желаю вам доброй ночи, Крест.

— Доброй ночи, Перри. До завтра.

Док Хаггард бесцельно бродил в ближайших окрестностях корабля, собирая экспонаты. На его плече на ремнях висели две коробки и сумка. Одну коробку он наполнил камнями, другую мхом, тра-

вой и другими растениями. Теперь не хватало только насекомых. На Бете-3 встречалось очень мало их разновидностей.

Он нашел жука величиной в два сантиметра, которого поймал без труда, потому что тот не умел летать. Потом маленькую бабочку. Под телескопической опорой «Газели» он обнаружил почти дюжину мертвых муравьев. Два были еще живы, но страдали от ужасных ран. Он решил забрать их в лабораторию и избавить от мук.

Хаггард, помимо прочего, очень любил животных.

Уже собравшись подняться на корабль, он встретил Булли и его закадычного друга Гукки. Мыше-бобер сидел возле лестницы, опираясь на свой широкий хвост, и грелся на солнышке. Булли стоял рядом и гладил его мех.

— Ну, хорошая добыча? — лениво спросил он, указывая на сумку Хаггарда.— Может быть, вам недостаточно вчерашнего праздника, поэтому вы захотели захватить с собой парочку муравьев?

— Это в научных целях,— пробурчал Хаггард в ответ и дружески похлопал Гукки по плечу.— Посмотрим, как они тикают.

— Тикают? — Булли раскрыл глаза, словно проснувшись. Потом снова погрузился в состояние полусна.— Ну и лексикон у этих медиков! Ужасно!

Гукки, дружески улыбнувшись, обнажил свой зуб. Солнце было ему приятнее, чем спор. Хаггард кивнул ему и исчез в корабле. Он прошел мимо Родана.

— Ну, док, нашли что-нибудь? Мы стартуем через два часа.

— Уже? — Хаггард, казалось, задумался, потом сказал.— Хорошо, я останусь в корабле. Мне нужно сделать кое-что еще.

Он вошел в свою маленькую лабораторию, поставил обе коробки в угол и положил сумку на стол. На мгновение он подумал о Джоан, которой предоставили маленькую каютку, из которой она не должна была выходить. Родан в ее отношении проявлял черезвычайную осторожность. Пока никто не мог объяснить, кем или чем была восставшая из мертвых Джоан, он не хотел рисковать.

Хаггард с пользой провел оставшееся время. Сначала он разложил камни по определенным ящикам, которые пометил соответствующим образом. Потом настала очередь растений.

Когда по интеркому сообщили о старте и начался обратный отсчет, он занялся содержимым сумки. Он осторожно вытащил жука, убил его быстродействующим ядом и положил в консервант. Бабочку он тоже убил.

«Икс» минус десять минут.

Предстоящий старт мало беспокоил Хаггарда. Ускорения он не почувствует, а до прыжка, во время разгона до скорости света, пройдет добрый час.

«Икс» минус одна минута.

Пять тщательно разложенных мертвых муравьев находились на столе. Два других все еще были живы, но члены их были большей частью сломаны или вообще отсутствовали, грудные панцири сильно помяты. Оставлять их в живых — ненужная жестокость.

Два коротких укола — и с мучениями насекомых было покончено.

В ту же секунду «Газель» оторвалась от почвы и умчалась в голубое небо Беты-3, мира, казавшегося таким таинственным, однако, находящегося в самом начале развития разума. За тысячи, а может быть, десятки тысяч лет люди каменного века изобретут колесо и научатся строить города. Тогда и зародится цивилизация, появится техника и начнется настоящая жизнь. А потом придут войны, и с теперешним миром будет покончено.

Хаггард тщательно уложил семерых мертвых муравьев в сосуды с прозрачной жидкостью.

Семь муравьев...

Хаггард не знал, что их было восемь.

И восьмой все еще был жив!

Эпилог

Корабль стартовал прежде, чем моки успели провести запланированное нападение на драгов и чужаков. Если бы они не промедлили, поскольку все матки одобрили решение начать военные действия через два дня, в событиях, может быть, произошел бы большой поворот.

Но теперь было уже слишком поздно — и никто ничего не узнал. Никто даже не подозревал о трагическом недоразумении.

Брал вместе с другими космическими путешественниками был извещен, что первоначальный проект переселения на Раану заморожен. Чтобы избежать дальнейших потерь со стороны, нужно всеми средствами бороться с чудовищами и, если возможно, полностью уничтожить их. Технические средства для этого имелись. А затем можно возвести на поверхности стартовые установки для кораблей переселенцев, если только не помешают вымыслы.

В то время, как задумавшийся, мучимый сомнениями Брал возвращался в свою комнату, чтобы подготовиться к докладу в Университете, на поверхность над городом поднимали первые батареи орудий и устанавливали их.

Долгий мир на Мокаре закончился. Теперь начиналась тотальная кровавая война, девиз которой был девизом всех войн во Вселенной: мир должен быть восстановлен!

Казалось, это был порядок, лишенный всякого смысла, и все же Брал не нашел никакого разумного решения.

Арса просидел в своем убежище больше двадцати четырех часов.

Он напрасно искал Ксо, хотя доказательства того, что тот побывал на гигантском корабле, он нашел. Оказалось нетрудно обнаружить место его пленения. Когда дверь на несколько минут открылась, он проскользнул в огромный зал и забрался под металлическую конструкцию, ту же самую, под которой прятался Ксо.

Ночью он с трудом взобрался на гладкую стену, пока не оказался под самым светящимся потолком. Там отыскалось убежище, из которого было видно все помещение.

Довольно долго ничего не происходило.

Арса не знал, что ему предпринять. Что скажут чужаки, когда его обнаружат? Он пробрался на корабль без разрешения, не убьют ли они его за это?

Счастье, что он даже не подозревал о том, что тем временем подтвердились самые худшие опасения Ксо. Он даже не знал, что моки отказались от попыток установить контакт с чужаками, ибо бессмысленно посылать свой народ на бойню.

Арса по-прежнему оставался идеалистом, надеявшимся на лучшее — до того мгновения, когда в помещение вошел громадный чужак и бросил на пол две металлические коробки, а на стол — мешок.

Он с удивлением наблюдал, как гигант вынул из первой коробки камни, рассортировал их, внимательно осмотрел, а потом тщательно упаковал. Во второй коробке находились небольшие деревья и кусты. Они тоже были рассортированы и убраны в ящики.

Из мешка драг достал сорокасантиметрового панцирного ползуна, которого ученые моков считали своим предком. Он был безобиден и миролюбив, не причинял никому никакого вреда и питался древесными листьями.

Но разумный драг убил панцирного ползуна и бросил его в сосуд с прозрачной жидкостью. Труп медленно опустился на дно и остался неподвижно лежать там.

Застыв от ужаса, Арса наблюдал за этим жутким зрелищем. Какую цель преследовал чужак, убивая безобидное животное, которое ничего ему не сделало?

Потом он стал свидетелем жестокого убийства цветочного летуна, который тоже находился в сумке и был извлечен оттуда безжалостной рукой драга. Арса в ужасе зажмурил глаза, чтобы не видеть, как чужак вонзает блестящее копье в тело несчастного существа и прикалывает его к деревянной стенке, а потом выводит на ней непонятные надписи.

Примерно в то же время Арса уловил слабые импульсы мыслей другого мока. Откуда он здесь взялся, Арса сначала не понял, но потом все стало ясно.

Чужак снова полез в мешок и достал оттуда, один за другим, пять трупов ужасно искалеченных моков. С почти научной тщатель-

ностью он разложил их рядом на гигантском столе и стал рассматривать через круглое стекло. Потом появились два мока, которые были еще живы.

С огромным трудом Арса смог уловить их мысли, потому что их антенны не были направлены в его сторону.

— Я думаю, это конец... Они плотоядные, как и все остальные драги.

— Я видел, как они ели наших товарищей.

— Никто не сможет нам помочь...

— Только бы смерть была быстрой...

Арса забрался на самый край металлического выступа, чтобы получше все видеть. Он должен быть совершенно уверен. Если чужак убьет обоих моков, бессмысленно выполнять завещание отца. Если чужаки действительно плотоядные...

Оба мока умерли — а потом по телу гигантского корабля прошла вибрация. Пол под ногами Арсы задрожал, вибрация возникла и исчезла.

Не обратив внимания на старт корабля, чужак закончил свою работу. Потом он бросил семь убитых моков в семь различных сосудов, так же подписал их, а потом убрал со стола всю утварь.

Арса снова заполз в дальний угол своего убежища и без сил закрыл глаза. Первоначальный план рухнул. Намерение испугать или даже убить чужаков вымыслами тоже больше не привлекло его.

Но если у него, Арсы, будет время, ему представится более удобная возможность отомстить за смерть своих сородичей и своего отца.

Чужаки возвращались на свою родину — они везли с собой живого мока. Когда они совершат посадку, он сможет незаметно покинуть корабль. Потом он будет создавать вымыслы, дюжины, сотни, тысячи — пока хватит сил. Планета чужаков, как бы велика она ни была, будет кишеть ими. Они будут нападать на драгов и убивать их, а драги смогут дематериализовать лишь малое их количество.

И смерть Кco будет отомщена.

Счастливый тем, что может сослужить последнюю службу своему храброму, измученному народу, Арса, наконец, заснул.

Незаметно для него корабль чужаков скользнул в пятое измерение и совершил прыжок в три световых года. Когда он материализовался снова, в нем кое-что изменилось.

По чистой случайности обход корабля после первого прыжка делал Родан. Но, вероятно, у него возникло подсознательное желание устроить эту проверку.

Когда он открыл дверь каюты Джоан Кастингс, он уже знал, что ему ждать, и не удивился, найдя каюту пустой.

Он уставился на измятую постель, в которой все еще был виден

отпечаток человеческого тела. Он быстро вошел и положил руку на простыню.

Она была еще теплой.

Позади него раздался какой-то звук. Доктор Хаггард заглядывал в дверь, в глазах его застыл вопрос.

— Где... она?

Родан выпрямился. Лицо его было очень серьезным.

— Осталась в пятом измерении, док. Она не была реальным человеком в истинном смысле. Прыжок через гиперпространство — и ее не стало. Вы должны понять.

— Я во второй раз потерял Джоан,— начал док, но Родан покачал головой, прервав его.

— Нет, это не так, док. Вы только однажды потеряли Джоан, пятнадцать лет назад. Не позволяйте себя обманывать искусственными отражениями. Во всяком случае, мы теперь наверняка знаем: на борту «Газели» не может задержаться вымысел, даже тот, которого мы до сих пор не заметили.

— И кто же,— спросил незаметно подошедший Крест,— создал этот вымысел, Перри? Кто?

— Я не знаю, Крест. Если кто-то вообще может знать, так только вы. История арконоидов насчитывает более десяти тысяч лет галактической цивилизации. Когда-то, где-то, вы, Крест, могли наткнуться на расу, которая может материализовать мысленные образы. Может быть, позитронный мозг Аркона знает ответ.

Крест покачал головой.

— Материализация мыслей — это нечто чудовищное, Родан, о таком невероятном достижении я должен был знать, если бы оно когда-либо произошло. Такое чудо может совершить только разум, о котором мы не имеем никакого представления. Может быть, они похожи на нас, может быть — нет. Во всяком случае, благодаря своим способностям они должны были создать мир, перед которым Империя Арконоидов — ничто. Я думаю, мы должны радоваться, что не встретились с этими существами.

Родан медленно обернулся и посмотрел в красноватые глаза Креста, похожие на глаза альбиноса.

— Может быть, вы правы, Крест — а может быть, и нет. Вспомните только о маленьких и весьма примитивных ракетах, которые мы видели на Бете-4.

— Нас сознательно ввели в заблуждение, не так ли? — спокойно ответил Крест.

Донесшийся из бортового динамика голос Тиффлора прервал мысли Родана.

— Готовьтесь ко второму прыжку через десять секунд.

Крест положил правую руку на плечо Родана. Когда он заговорил, тон его был непривычно мягким.

— Мы должны подождать. Ничего нельзя добиться силой — и, может быть, очень хорошо, что наши могучие цивилизации еще долго не будут готовы встретиться с такой прогрессивной расой. Когда-нибудь в далеком будущем — я могу себе это представить — такая встреча произойдет. Может быть, мы еще доживем до нее.

Доктор Фрэнк Хаггард все еще не отрываясь смотрел на пустую постель, когда «Газель» покинула все нормальные измерения и снова скользнула в незнающее времени гиперпространство.

На Мокаре смерть снимала богатый урожай.

Повсюду были установлены тяжелые орудия, обстреливающие каждого драга, попадавшего в зону поражения. Разрывные снаряды наносили гигантам ужасные раны, а те оказывались совершенно беззащитны перед происходящим. Они не видели противника. Однажды они обнаружили одно орудие и бросились на него, но оно, словно по волшебству, бесследно исчезло под землей.

Пораженный колосс с грохотом рухнул и испустил дух. Никто не помог ему, потому что остальных чудовищ охватила паника, и каждое из них пыталось спастись само. Но они попада́ли из одной ловушки в другую.

Древний закон моков больше не действовал. Настоящие хозяева планеты пробудились от сна, длившегося тысячелетия, и занялись завоеванием жизненного пространства.

Драги умирали, так и не поняв, кто их противник.

Глубоко внизу, в городе, Брал вошел в класс и поздоровался с учениками. Присутствовали все, пустовало лишь одно место. Не было Арсы.

Вчера вечером Брал был у Ксо и сообщил ему о бегстве Арсы. Врач только задумчиво кивнул и, казалось, совсем не удивился.

— Я ожидал этого, Брал. Он — мой сын и должен был действовать именно так. Он не мог знать, что я вернулся и что Сенат отменил закон. Но остается еще одна слабая надежда.

— Какая? — спросил Брал.

— Может быть, Арса попадет в город чужаков и спрячется там. А потом вместе с ними вернется на родную планету.

— Чего он этим достигнет? Ничего, Ксо. Ни для нас, ни для себя.

Голос Ксо внезапно стал жестким:

— Он может отомстить за каждого несчастного мока, съеденного чужаками.

Как изменился Ксо, подумал Брал, начиная урок. В нем не осталось ничего от прежнего идеализма и душевного беспокойства, ничего от стремления к свободе и надежды заключить мир между моками и чужаками. Только жажда борьбы и мести! Потому что только так, утверждал Ксо, можно достигнуть свободы.

Чужаки сами разрушили все упования.

Неохотно, без внутреннего подъема, он приступил к беседе.

Глубоко в его душе зародилось сомнение. Не случилось ли ошибки — какой-нибудь ужасной, непредставимой ошибки. Ошибки, которая окажет решающее влияние на будущее моков.

Сегодня, завтра — или через тысячу лет...

Последний прыжок.

Родан проснулся и почувствовал легкую боль в затылке. Он, несколько стесняясь своей слабости, плеснул в лицо ледяной водой и вышел из каюты.

Все остальные уже собрались в централи, чтобы наблюдать за посадкой на Землю.

Экспедиция завершилась, но не принесла с собой ничего нового.

Струящая голубовато-зеленый свет родная планета в углу экрана быстро увеличивалась и скоро заполнила все поле зрения. Защитные щиты выскользнули из пазов, и экраны погасли. Началось ожидание.

«Газель» пошла на посадку.

Космодром Террании являл собой обычную картину активной деятельности. Корабли и самолеты взлетали и садились. Грузовики скользили над бетонным покрытием, пассажирские машины высаживали и забирали пассажиров, а грузовые транспорты прибывали из города и направлялись туда.

Посадка «Газели» прошла почти назамеченной.

Родан последним покинул корабль и забрался в подъехавший турбомобиль, где уже находились остальные участники экспедиции.

— Да, все прошло великолепно,— с удовольствием произнес Тиффлор и посмотрел вверх, на открытый люк, через который поднимутся техники, чтобы обследовать своими приборами тело летающего диска.— Мне очень жаль, что открытия оказались такими незначительными.

— Во всяком случае, мы нашли людей,— улыбнулся Родан,— а это всегда важно. Десять тысяч лет назад на Земле все выглядело абсолютно так же, как сегодня на Бете Овна-3.

Машина тронулась с места. Со все возрастающей скоростью она заскользила над ровным покрытием, направляясь к городу.

Наутро они забудут о Бете Овна.

Через час инженер Мартенс из отдела электроники забрался в «Газель» и приступил к проверочным работам. Это не доставило ему никаких трудностей, потому что электронное оснащение корабля функционировало безупречно.

В централь вошел Бираш, техник-специалист по климатическим установкам.

Несколько минут они потрепались, потом продолжили работу.

Когда два часа спустя они покинули «Газель» и беззаботно спрыгнули на бетонное покрытие космодрома, Мартенс почувствовал, что он на что-то наступил.

Он поднял ногу и ему показалось, что он видит раздавленного скорпиона в палец длиной, какие во множестве водились в близлежащей пустыне.

— Мерзость! — с отвращением пробормотал он.— Теперь они добрались даже сюда. Может быть, он хотел улететь к звездам?

Бираш весело рассмеялся. Мысль, что насекомое может зайцем проскользнуть на корабль, показалась ему очень забавной.

— Тебе хорошо смеяться! — накинулся на него Мартенс.— А эта пакость могла меня ужалить. Скорпионы опасны, с ними надо проявлять осторожность...

— Ужалить? — удивился чех и слегка нагнулся к бесформенной массе, чтобы получше рассмотреть ее.— Чем ужалить? Я не вижу никакого жала.

Мартенс даже не взглянул на него.

— Ну и что? Тогда, значит, это был скорпион, лишенный жала — я теперь ничему уже не удивляюсь.

Он перекинул через плечо сумку с инструментами и направился к ближайшему ангару.

Бираш не спеша последовал за ним.

Горизонт внизу порозовел, и скоро совсем стемнеет. Примет ли Рита его предложение?

Он давно уже забыл о мерзком насекомом, раздавленном Мартенсом.

Были более важные дела...

Росс Роклин

БЛАГОДЕТЕЛИ

Алконцы с первого взгляда обнаружили, что Земля практически мертва. Мертва в том смысле, что когда-то она вынянчила жизнь, а теперь стала виновницей (не прямой, конечно) почти полного ее исчезновения.

— Такие планеты особенно жалко,— задумчиво произнес Тарк, распустив яркие перья левого крыла.— Я могу примириться с наличием мрачных бесплодных планет, на которых никогда не было и, возможно, никогда не будет жизни. Но те, что стали жертвой какой-то вселенской катастрофы! Подумать только, чего могли бы достичь жители этой планеты!

Говорил он это Вэскэр, занося в бортжурнал данные о Земле: как она выглядит из космоса, число и вид спутников...

Вэскэр, сидящая за пультом управления, вела их сферический корабль к Земле, медленно сбавляя скорость. Работая одновременно лапами и крошечными руками, она вывела корабль на орбиту в ты-

сяче миль от поверхности, затем тоже принялась изучать поверхность планеты.

Тарк закончил отчет — свой вклад в астрономический архив Алкона.

— По всему видно,— сказала Вэскэр, глядя на обзорный экран над панелью управления,— что какой-то огромный метеор или, что более вероятно, блуждающий астероид со страшной силой врезался в этот объект. Посмотри на огромные трещины, протянувшиеся от полюса к полюсу. Надо полагать, и вулканическая деятельность все еще имеет место. В любом случае, планета сейчас похожа на пустыню, если не считать узкой полоски зелени, которую мы видели, когда выходили на орбиту.

Тарк кивнул. Он очень походил на пернатых жителей Земли. В незапамятные времена эволюция на его родной планете пошла таким путем, что птичье племя опередило других представителей биосферы. Правда, их крылья стали намного короче, а через несколько тысячелетий могут стать слишком короткими даже для полетов в плотной атмосфере. Зато голова увеличилась в размерах, а в небольших, красноватых, близко посаженных глазах зажегся свет разума и добра.

Он и Вэскэр покинули Алкон много лет назад и теперь возвращались обратно. Их курс пролегал в десятках световых лет от солнечной системы, но на обратном пути они решили сделать остановку на своем зигзагообразном маршруте. Самым интересным для них было открывать новые планеты, а случалось это не слишком часто. Но возможность обнаружить разумную жизнь манила еще сильнее. Встреча с полностью разрушенной планетой — большое разочарование, поэтому их интерес к ней смешивался с грустью.

Корабль неторопливо кружил на орбите. Поверхность планеты представляла собой вздыбленную каменистую пустыню с длинными глубокими разломами, из которых вырывался перегретый пар, и вулканами, швыряющими в небо вместе с огнем и дымом раскаленные камни. С пустыней конкурировал безбрежный океан, потревоженный в своем ложе катаклизмами. Они не увидели ничего живого, кроме зеленой полосы растительности, что протянулись в Западном полушарии на длину около тысячи миль, шириной не более ста миль.

— Не думаю, что здесь можно встретить разумных,— произнес Тарк безнадежным тоном.— Планета получила слишком сильный удар. Не удивлюсь, если период ее вращения резко изменился, а такие перемены невозможно выдержать. Города, если они были, разрушились до основания, превратились в пыль. Разумные существа гибли миллионами, миллиардами в этом аду. Тех, кто выжил, прикончили вулканы и землетрясения.

Вэскэр напомнила ему:

— Не забывай, там, где есть растительность, даже как та не-

большая полоска внизу, там возможно существование животного мира.

Тарк взъерошил свои крылья:

— Сомневаюсь. Растениям трудно поглотить всю двуокись углерода, выбрасываемую вулканами, и животные не смогут выжить в такой атмосфере. Но все равно, надо проверить. Ты не волнуйся, мне тоже хочется надеяться на лучшее. Если здесь сохранилась разумная жизнь, то, несомненно, она нуждается в помощи. Тем более, что в этом и заключается наша основная цель.

Своими маленькими ручками Вэскэр сделала необходимые переключения на панели управления, и корабль плавно заскользил вниз, к зеленой полоске.

Кролик выскочил из-под куста. Том бросился на него с быстротой и сноровкой дикого животного. Сильные руки схватили кролика, и зверек со сломанным хребтом перестал вырываться из них. Том сглотнул слюну, содрал шкуру и принялся есть еще теплое мясо большими кусками. Черныш, хрипло каркая, опустился на плечо Томми, который продолжил свою трапезу, в то время как ворон удобнее устраивался на плече, хлопая крыльями и готовясь к чуткой дремоте. Тишина низкорослого леса, лишь изредка нарушаемая криками птиц и мелких животных, сгустилась вокруг них.

«Томми» — так он называл себя. Много лет назад — вспоминал он — в мире жило множество людей, может быть, даже сотни, и некоторые из них называли его этим именем. Особенно двое, которых он сам называл Ма и Па. Но они пропали вместе с остальными. Куда они делись, Томми не знает. Однажды ночью весь мир затрясло. Это было в ту ночь, когда Том с Чернышом убежали на ночь из дома. Когда он вышел из пещеры, где устроил свой штаб, все было в пламени. Город, раньше видневшийся вдалеке, исчез. На его месте клубилась огромная туча пыли и дыма. Но все это мало коснулось Томми. Конечно, сначала он испугался, скучал в одиночестве, потом привык. Он ел, пил, спал, подолгу бродил по окрестностям, и Черныш, его говорящий ворон, стал неплохим компаньоном. Черныш — умная птица. Он может произносить любое слово из тех, что знает Томми, и даже те, значения которых Томми не понимает: прежде у Черныша был другой хозяин. Хотя Томми вел беззаботный образ жизни, последние годы принесли странное чувство, которое время от времени накидывалось на него, а теперь стало особенно сильным.

Неведомое прежде, грызущее чувство поселилось в нем. Голод? Это ему знакомо. Он поймал дикую собаку, съел ее и убедился, что голод желудка здесь не при чем. Голод поселился где-то в сознании и мучил его, потому что он не знал, как от него избавиться.

С беспокойным чувством вглядываясь в глубину подрастающего подлеска, Томми поднялся на ноги.

— Голод,— произнес он. Плечи его затряслись, на глазах выступили слезы, и он сел на землю, не стараясь сдерживать рыданий, так как ему никто никогда не говорил, что плакать — не по-мужски. Что же это такое, что он хочет?

Он имеет все необходимое. С наступлением зимы он передвигался на юг, ближе к лету шел на север. По пути ловил мелких зверьков, разговаривал с Чернышом, а тот отвечал, повторяя его слова. Это была естественная жизнь — он жил так с тех пор, как мир изменился. И все-таки он плакал и чувствовал сосущую тоску в душе. Он одновременно боялся и желал ее. Ему исполнился двадцать один год. Слезы были вполне естественны для него: они приносили чувство облегчения.

Он кое-что помнил из того, что было до катастрофы. Человек, которого он называл Ма, в таких случаях обнимал его и говорил: «Все в порядке, Томми. Все хорошо».

Черныш, как обычно, прохрипел своим шепелявым языком: «Все хорошо, Томми. Все хорошо. Говорю тебе, цена на зерно упадет». Черныш, умнейший из воронов,— почему он так хорошо говорил? Потому что никто не отвлекал, не было раздражающего шума. Ворон тоже не было. Может быть, из-за этого? Он умел произносить слова и фразы не только те, что произносил Томми, но и те, что Томми даже не понимал: не знал, откуда они произошли и что означают. Вдобавок ко всему, Черныш умел предчувствовать, что собирается сказать Томми, и часто опережал хозяина, произнося слова и целые фразы на секунду раньше.

Томми покончил с кроликом, отбросил шкуру и сидел со странным выражением в глазах. Он опять почувствовал незнакомый голод. Посмотрел на травянистую равнину, что простиралась перед ним, взглянул вдаль, туда, где садилось солнце, оглянулся вокруг и, вскочив на ноги, посмотрел на лесные тени позади. Его заросшие бородой и усами губы опять затряслись, на глазах выступили слезы. Он отвернулся и пошел прочь, ослепленный слезами.

Черныш вцепился в широкое плечо Томми и поехал на нем, прошепелявив на долю секунды раньше хозяина: «Все хорошо, Томми. Все в порядке».

Том сердито повторил эти слова и вытер слезы. Он немного устал. Солнце уже садилось, скоро наступит ночь. Но устал он не от долгого дня. Это была усталость души из-за чувства пустоты своей жизни — ибо он не мог найти то, чего хотел, потому что не знал, где искать.

Его босые ноги наступили на что-то мягкое и шелковистое. Он остановился и посмотрел на землю. Потом нагнулся и подобрал шкуру недавно убитого кролика. Хмурясь, он вертел ее в руках. Это было не то животное, что убил он — шкура содрана иначе. Кто-то еще... нет!!! Но его затрясло дрожью дикого возбуждения. Кто-то

еще. Нет, не может быть! Здесь никого не было! Здесь никого не может быть — а вдруг это не так?

Шкура выпала из его ослабевших пальцев. Недалеко от себя он увидел отпечаток ступни. Он наклонился над ним и опять убедился, что это не его след, и конечно, это след человека, а не зверя! След был небольшой, такой мог оставить малорослый человек. Внезапно он поднял голову. Он явственно услышал хруст ветки не более чем в сорока футах от себя. Взгляд устремился в ту сторону сквозь сгущающуюся тьму. Он чувствовал ответный взгляд. Да! Кто-то прятался в кустах, и это было не животное!

— Не шуми, Черныш,— прошептал он, забыв обычную реакцию ворона в ответ на эту команду.

— Не шуми, Черныш! — гаркнула большая противная птица.— Не шуми, Черныш, не каркай так громко!

Черныш издал недовольный вопль и взлетел с плеча хозяина, когда Томми с искаженным лицом ринулся вперед.

Несколько минут Томми преследовал со всей скоростью, на которую были способны его быстрые ноги, исчезнувшую в зарослях фигуру. Она двигалась так стремительно, что легко оторвалась от погони, и он, тяжело дыша, остановился. Потом схватил горсть гальки и швырнул в каркающую птицу. Черныш отлетел подальше. Из хвоста у него выпало перо и опустилось на землю.

— Говорил тебе, не шуми,— сердито вымолвил Томми, и на глазах у него опять выступили слезы. Прежний голод с новой силой стал терзать его душу. Он сел на поваленный ствол и, уткнув подбородок в ладони, продолжал плакать. Стало еще темнее. Черныш, словно тень, скользнул сверху и уселся на плече, переступая с лапы на лапу. Томми горько взглянул на него и, отвернувшись, простонал: — Это ты виноват, Черныш.

— Это ты виноват,— повторила птица.— Ох, Томми, я тебя нашлепаю! Ты рассердил меня!

Сидя на бревне, Томми старался разобраться в том, что видел. Конечно же, у мелькнувшей фигуры было человеческое тело, такое же, как его, только другое. Другое! Оно было меньше и отличалось какой-то неуловимой грацией. Нет, это невозможно! Как только он думает об этом, голод в его сознании вспыхивает с новой силой!

Он вскочил, сжимая кулаки. Этот голод слишком долго томил его. Ему необходимо отыскать причину, он должен найти ее. Ее. Почему это слово пришло ему в голову? Внезапно он был захвачен потоком детских воспоминаний.

— Это была девушка,— задохнулся он.— Томми нужна девушка!

Эта мысль была настолько нова, что заставила его замереть в неподвижности, но продолжала развиваться в твердое убеждение.

Он должен найти ее во что бы то ни стало! Он глубоко вздохнул, мышцы его напружинились, новый свет зажегся в голубых глазах.

Зимой на юг, летом — на север, есть, спать — в самом деле, что за пустая жизнь! Он чувствовал, как сила новой цели захватывает его. Он бросился на землю и уснул. Черныш взлетел на ветку дерева, сунул голову под крыло и тоже погрузился в чуткий сон. Возможно, все последние 10-15 лет он тоже мечтал о подруге, а может быть, давно оставил эту надежду, так как в этом мире, кажется, совсем не осталось ворон. Как бы там ни было, но Черныш был очень стар, наверное, в два раза старше Томми, и был вполне удовлетворен течением своей жизни.

Тарк и Вэскэр вели корабль точно над зеленой полосой. Как они и предполагали, это был растительный покров. Поочередно наблюдая за ним, они не обнаружили никаких признаков существования разумной жизни. Совместная деятельность насекомых была явно инстинктивной. Маленькие животные: белки, крысы, бобры; а также большие: олени, лошади, овцы, свиньи, собаки — ничем другим и не были.

— Похоже, все разумные погибли,— сказал Тарк.— И, судя по молодому лесу, не так уж давно.

Вэскэр согласилась с этим. Она предложила посадить корабль и несколько дней отдохнуть.

— Хорошо бы все-таки обнаружить разум,— мечтательно произнесла она.— Подумай, как замечательно было бы стать вдохновителями возрождения последних представителей цивилизации к новому витку развития. Ну, да ладно,— добавила она.— Мне кажется, атмосфера этой планеты достаточно плотна для полетов на крыльях.

Он рассмеялся дребезжащей трелью:

— Ты ищешь такую планету целую вечность. Но ты права насчет этой. Сажай корабль вон туда, Вэскэр. Кажется, вполне подходящее место.

...Пять дней с непреклонной решимостью шел Томми по следу девушки. Он понимал теперь, что это, возможно, последняя из оставшихся в живых женщин. У него не было осознанного понимания необходимости продолжения рода — он думал лишь о человеческом общении. Но, во всяком случае, он чувствовал, что ужасный голод — он так и не нашел другого слова для этой пытки — должен исчезнуть при их встрече. Она убегала от него и в то же время оставалась достаточно близко, чтобы он не терял надежды догнать ее. С ликующей радостью он догадался об этом. Так или иначе, ее действия были продиктованы осторожностью и выглядели вполне естественными. Дважды он видел ее. Один раз — на вершине холма, другой —

плывущей в реке. Оба раза она легко уходила от него. Но он всегда находил ее след, согнутую или сломанную ветку, отпечаток ноги в мягкой почве, шкуру убитого кролика. Однажды ночью ему показалось, что она подкралась к месту его ночевки и с любопытством смотрит на него из укрытия, вполне вероятно, чувствуя то же страстное желание, что и он. Абсолютной уверенности в этом не было, но он знал, что скоро она будет с ним и, возможно, будет рада этому.

Как-то раз высоко в небе послышался ужасный вой. Он посмотрел вверх. Черныш издал удивленное карканье. Огромное сферическое тело пронеслось над ними.

— Интересно, что такое,— проскрипел Черныш.

— Интересно, что это такое? — удивленно вымолвил Томми, чувствуя смутный страх.— Ничего подобного раньше я не видел.

Он смотрел, как космический корабль исчезал за горизонтом. Затем, с позиции нерассуждающего варвара, выбросил все это из головы и вернулся к танталовым мукам преследования.

— Будь внимательнее, Томми,— крикнул Черныш.

— Будь внимательнее,— пробормотал про себя Томми. Он почти не слышал, что произносил ворон, угадывающий его реплики из-за длительной совместной жизни, не отличающейся разнообразием событий.

Река была широкой, бурной, мутной, первобытной и дикой в своей безудержной силе. Томми стоял на берегу и смотрел на волны. Внезапно у него перехватило дыхание.

— Это она! Черныш, это она,— выдохнул он.— Она тонет! — Тратить время на раздумья было нельзя: женская фигура явно изнемогала в борьбе с могучим течением реки и, время от времени, скрывалась под водой. Черныш только в последний момент избежал купания. Когда Томми, не раздумывая, прыгнул в воду, он оторвался от плеча хозяина и расправил крылья. Потом он увидел, как хозяин погрузился в стремительный поток, как вынырнул и поплыл, с трудом отвоевывая у реки каждый дюйм стремительными взмахами сильных рук. Черныш парил над волнами, душераздирающе каркая.

— Томми, ты у меня дождешься! Ну, погоди, вот придет отец!

Вниз по течению река несла ствол дерева. Томми видел его, но был уверен, что избежит столкновения. Не обращая внимания, он продолжал бешено работать руками и ногами. Бревно благополучно проплыло бы мимо, если бы его не развернуло течением поперек реки. Одним концом бревно задело плывущего человека. Слабо сопротивляясь и еле удерживаясь на краю сознания, Томми погрузился в воду. Ноги и руки стали тяжелыми. Казалось, что такое состояние длится бесконечно долго. Наверное, он наглотался воды. Потом кто-то вцепился в его длинные черные волосы...

Он лежал на спине, когда пришел в себя, и смотрел в ее глаза.

В груди у Томми словно что-то оборвалось — возможно, пропал внезапно голод. Он вскочил на ноги, уставился на нее сияющими глазами. Она стояла всего в двадцати футах от него. Что-то необыкновенно приятное было в ее внешности: гибкие руки, округлые бедра, необычная форма тела, масса темных волос, спускающихся ниже бедер. Он шагнул к ней. Она смотрела на него, словно в трансе.

Черныш мрачным пятном пролетел через реку. Он не издал ни звука, но девушка, должно быть, испугалась, когда он спланировал на плечо Томми. Она вздрогнула и, словно кролик, бросилась прочь. Томми ринулся за ней, но ступня его зацепилась за переплетение сухой травы, и он упал, тяжело ударившись о землю. Девушка исчезла среди деревьев. Он поднялся, нисколько не разочарованный тем, что опять потерял ее. Теперь он знал, что только лишь робость дикого существа заставляла ее бежать прочь. Он снова кинулся искать ее, уже зная, что́ за голод владеет его душой и телом. Чувство это стало намного сильнее, чем прежде.

Воздух был восхитительным и, как подсчитали Тарк и Вэскэр, по химическому составу не намного отличался от их родной стихии. Вэскэр распустила свой разноцветный плюмаж, расправила крылья. Тарк наблюдал за ней. Она засмеялась своим особенным смехом, сделала несколько быстрых, коротких прыжков и оторвалась от земли. Она закружилась в воздухе, выкрикивая: «Поднимайся, Тарк, воздух превосходный». Тарк не заставил себя упрашивать. «Хорошо,— согласился он.— Но подожди, я захвачу оружие».

— Не могу понять, зачем,— откликнулась Вэскэр с высоты. Но, тем не менее, когда они поднимались все выше и выше над лесными зарослями, у каждого на шее висело оружие, весьма похожее на игрушечный пистолет.

— Мы не можем преобразовать этот мир, но, надеюсь, мы привнесли сюда разумное начало,— произнесла Вэскэр.— Это в самом деле прекрасная планета. Со временем вулканы успокоятся, и повсюду вырастут леса. Жаль, что никто не оценит такой благодати.

— Мы можем остаться и основать здесь колонию,— бесшабашно предложил Тарк.

— Ну, нет. Я слишком люблю Алкон, чтобы надолго откладывать возвращение. Смотри, Тарк! Внизу!

Тарк посмотрел и увидел средних размеров животное, пробирающееся в кустарнике. Он опустился пониже, потом опять поднялся.

— Ничего особенного. Животное чуть бо́льших размеров, чем большинство, что мы уже видели. Возможно, это последний представитель вида. На мой взгляд, у него не особенно приятная внешность. Его кожа выглядит... О! Теперь я вижу, что ты имеешь в виду, Вэскэр!

На этот раз он с гораздо более живым интересом опустился пониже. Странное возбуждение разлилось и запульсировало в крови. Неужели они все-таки обнаружили разумное существо? И, может быть, единственное в своем роде!

Действительно, зрелище не могло оставить равнодушными двух птицеподобных визитеров с другой планеты. Они медленно полетели вслед за двуногим прямостоящим зверем, который, ничего не подозревая, легко нес через кустарник черное существо, сидящее у него на плече и резко отличающееся всем своим телосложением.

— Это доказательство его разумности! — возбужденно прошептала Вэскэр. Ее блестящие красноватые глаза еще больше разгорелись.— Один из признаков разума — использование низших по степени развития животных для езды и перевозки тяжестей.

— Не торопись,— остановил ее Тарк.— В спешке можно сделать неправильные выводы. Бывают животные, которые живут в симбиозе. Может быть, существо, похожее на нас, очищает кожу и волосы другого от паразитов. Возможно и любое другое объяснение.

— Я так не думаю, Тарк,— настаивала его подруга.— Птицеподобное существо едет на плече животного? Может быть, его раса так стара, что крылья у них атрофировались из-за чрезмерного увлечения этим способом передвижения. Какие еще нужны доказательства разумности? Вот оно заговорило, слышишь? Может быть, отдает приказ животному. Вот оно остановилось!

— Голос у него не слишком мелодичен,— сухо сказал Тарк.

Она неодобрительно посмотрела на него. Кончики их крыльев почти соприкасались друг с другом.

— На тебя это не похоже, Тарк. Ты хорошо усвоил один из наших принципов — не приписывать поспешно разум похожим на нас существам, но и не пренебрегать такой возможностью. А именно это ты и делаешь сейчас. Хриплый голос ничего не доказывает. Кому-нибудь из его сородичей, если они существуют, этот голос кажется прекраснейшим в мире. Во всяком случае, оно приказало большому животному остановиться. Ты видишь это?

— Да, это верно,— согласился Тарк.

Они продолжали скользить чуть ли не над самыми вершинами деревьев, держась немного сзади странной пары. Они увидели, как белый зверь остановился и прижал лапы к бокам. Вэскэр, которая прислушивалась очень внимательно, потому что была заинтересована в подтверждении своей концепции, услышала, как наездник с крыльями произнес: «Ну, что теперь, Черныш», а гладкокожее существо повторило те же звуки: «Ну, что теперь, Черныш».

— Вот доказательство,— торжествующе заявила Вэскэр.— Очевидно, тварь белого цвета обладает высокой способностью к имитации. Ты слышал, как она повторила слова хозяина?

Тарк отозвался не сразу.

— Я не хватаюсь за первые попавшиеся доказательства. Да, все говорит за то, что птица разумна или, по крайней мере, разумнее того животного. Но не забывай, что мы по вполне понятным причинам предубеждены в пользу пернатого существа. Оно может и не обладать разумом, а, как я уже говорил, может жить в дружбе с ним. Насколько могут дружить животные разных видов.

Вэскэр издала пренебрежительный возглас. «Ну, пойдем, Черныш»,— услышала она возглас птицы, и белая прямостоящая тварь, повторив странные, незнакомые звуки, опять отправилась в путь, двигаясь стремительной, крадущейся походкой, при которой почти не возникало шума. Снова Вэскэр обратила внимание своего недоверчивого друга на это обстоятельство — такая походка присуща дикому существу, изначально живущему среди природы.

— Мне кажется, надо установить контакт с птицей. Вспомни, Тарк, основная цель экспедиции — поиск разума и помощь ему на тех планетах, что мы посетим. А та птица внизу явно нуждается в помощи. Она осталась одна. В конце концов, мы можем попытаться спасти ее от ужасающей скуки. Она взлетит от радости, получив возможность общаться с интеллигентным собеседником. Какая ей радость от компании безмозглого животного?

Но Тарк беспокойно покачал головой:— Я бы предпочел,— упрямо произнес он,— сначала исследовать ту особь, которую ты считаешь вьючным животным. Существует вероятность, что она тоже может оказаться носителем разума.

Но Вэскэр не слушала его. Весь ее женский инстинкт выплеснулся в волну жалости к одинокой птице, что ехала на плече животного. И Вэскэр, и Тарк были так поглощены наблюдением за неразлучной парой, что не заметили, как неподалеку бесшумно скользило сквозь кустарник другое существо: меньшее по величине, более грациозное и, несомненно, принадлежащее к тому же виду, что и белокожий неоперенный зверь. Время от времени она нерешительно оглядывалась в сторону своего преследователя. Его не было видно, но она слышала.

Томми пробирался вперед, дыхание его участилось: следы были очень свежими, а его острый слух улавливал звук ее шагов. Погоня вот-вот завершится — тесные объятия голода разомкнутся! Он чувствовал дикую радость. Инстинкт говорил ему гораздо больше, чем мог подсказать опыт. Он и эта девушка были последними представителями человечества. Томми догадывался, что человечество может возродиться, еще не зная, каким образом это будет происходить. Он двигался вперед с Чернышом на плече и совсем не подозревал о двух ярко расцвеченных обитателях другой планеты, которые следовали за ним в вышине... Но Черныш не был таким легкомыслен-

ным. Перья у него на шее топорщились. Тревога заставила его часто взмахивать крыльями — он чувствовал легкий свист воздуха, рассекаемого двумя незнакомыми пернатыми солидных размеров. И хотя хищных птиц не существовало лет пятнадцать, вернулся прежний страх перед ними.

Томми прислонился к дереву на краю поляны. Дыхание его замерло, когда он увидел светлокожую нагую фигуру. Это она!

Девушка смотрела на него. Она устала от бега. Она была готова уступить. От восторга у Томми кружилась голова. Он вышел на поляну медленно, очень медленно и, не сводя глаз с ее лица, двинулся к ней. Малейшее неловкое движение, любой посторонний шорох, и она опять скроется из виду. Все ее тело напряжено в готовности рвануться с места. Она колебалась — опасаться ей его или нет. Неподалеку два существа с другой планеты сели на дерево и стали наблюдать за Томми.

Черныш, конечно, не догадался, что они уселись на ветке, чтобы отдохнуть. Он только почувствовал, что незнакомые птицы сложили крылья, и этого для него было достаточно.

— Не шуми, Черныш! — закричал ворон и рванулся с плеча, суматошно молотя воздух черными растопыренными крыльями. Третий раз Черныш спугнул девушку, и она исчезла, прежде чем Томми успел пошевелиться.

— Вернись! — неистово закричал он.— Я не обижу тебя!

Он кинулся за ней со всей быстротой, на которую был способен. По щекам опять текли слезы. Одновременно слезы ярости и горя. Он уже понял, что бежит зря. Он резко остановился на другом краю поляны и посмотрел вверх. Черныш кружил над поляной, отрывисто и тревожно каркая. Томми нагнулся и набрал горсть гальки. Он стал швырять камни вверх с диким желанием убить ворона. Черныш отлетел повыше. Два камня слегка задели его.

— Это ты виноват, Черныш! — прорычал Томми. Он подобрал булыжник величиной с кулак и собрался швырнуть его, но не успел. Тонкий острый звук пронзил воздух. Томми повалился на землю. Он не сделал ни малейшего движения, которое обозначало бы, что между жизнью и смертью был хоть какой-то промежуток. Он уже не знал, что Черныш опустился к нему на грудь, а затем взлетел с криком: «Ох, Томми, я тебя нашлепаю!».

Он не увидел, как девушка вышла на поляну и склонилась над ним. И не видел, как слезы текли из ее глаз, не слышал рыданий, сотрясавших ее тело. Но Тарк видел.

Со вспышкой гнева он вырвал оружие из рук Вэскэр.

— Зачем ты это сделала?! — крикнул он, отбросив оружие как можно дальше от себя.— Это ужасный поступок, Вэскэр! — она удивленно смотрела на него.

— Это же только животное,— запротестовала она.— Оно хоте-

ло убить своего хозяина. Ты же видел. Оно хотело убить единственное разумное существо, оставшееся на планете.

Но Тарк с немалым ужасом показывал на двух бескрылых, одно из которых склонилось над другим.

— Это супружеская пара! Ты уничтожила их род! Смотри, как она горюет! Твой поступок ужасен, Вэскэр!

Но она отрицательно затрясла головой.— Мне, конечно жаль,— недовольно произнесла Вэскэр,— но я считала, что с задачей нашей экспедиции вполне согласуются поступки, не позволяющие взбесившимся животным убивать своих хозяев. Я не понимаю тебя, Тарк! Давай лучше попытаемся установить контакт с разумным жителем этой планеты.

И она устремилась к ворону. Когда Черныш увидел приближающуюся Вэскэр, он круто развернулся и помчался прочь. Тарк бросил последний взгляд на девушку, склоненную над своим бывшим преследователем. Она подняла голову, и он увидел слезы в ее глазах, услышал рыдания. Тогда, не в силах сдерживать нахлынувшие чувства, он отвел взгляд и поспешно улетел вслед за Вэскэр.

Весь день они преследовали ворона. Они делали перед ним круги, треугольники, квадраты, ромбы. Вэскэр пыталась дружеским тоном заговорить с ним — все напрасно! Он только каркал, пытался скрыться и выкрикивал десятки невразумительных слов. Когда стемнело, Вэскэр утомленно опустилась на ветку рядом со странно притихшим Тарком.

— Мне кажется — все бесполезно,— печально произнесла она.— Это существо или боится нас, или оно не настолько разумно, как мы считали, а может быть, слишком деградировало за годы одиночества. Я считаю, надо оставить его в покое. Пусть бедняга живет на этой планете сам по себе. Или ты считаешь, нам следует задержаться и постараться помочь той самке, у которой мы убили спутника жизни?

Тарк медленно повернулся к ней.

— Нет,— коротко ответил он.— Надо улетать, Вэскэр.

Космический корабль с Алкона покинул мертвую планету Земля. Он вырвался в космос. Тарк сидел за пультом управления. Корабль летел все быстрее и быстрее. И еще быстрее. Вылетел со все возрастающей скоростью из Солнечной системы в необозримое межзвездное пространство. Все дальше, пока звезда, дающая тепло Земле, не исчезла из виду. Но и такой скорости для Тарка было недостаточно. Вэскэр с недоумением поглядывала на него.

— У нас нет необходимости так спешить, верно, Тарк?

— Да,— отвечал он мрачным, хриплым голосом, но все разгонял и разгонял корабль, хотя и знал, что это бесполезно. Он не мог убежать от того, что случилось на планете Земля, не мог выбросить из головы — как бы страстно ни желал он этого.

Теодор Старджон

МИСТЕР КОСТЕЛЛО, ГЕРОЙ

— Заходите, интендант. И плотнее прикройте дверь!

— Прошу прощения, сэр? — Капитан никогда и никого не приглашал в свою каюту. В кабинет — да, но не в каюту.

Капитан резко взмахнул рукой, и я вошел, закрыв за собой дверь. Это была самая роскошная каюта, какая только может быть на космическом корабле. Я старался не показать, что впервые вижу такое убранство, и не пялиться по сторонам.

Я сел.

Капитан облизнул губы и свирепо уставился на меня. Прежде я никогда не видел его в таком состоянии. Я решил, что мне лучше всего помалкивать.

Капитан вытащил из верхнего ящика стола колоду карт и швырнул ее через стол:

— Сдавайте!

— Прошу про...— начал я.

— Отставить извинения! — взорвался он.

Ладно. Если капитан хочет развлечься картами и джином, пока парсеки пролетают мимо... Я заерзал на стуле. Шесть лет я служил под началом этой хладнокровной счетной машины с рыбьими глазами, и вдруг...

— Сдавайте,— повторил он. Я мельком взглянул на него.— Сдавайте по пять карт. Вы ведь играете в покер, интендант?

— Да, сэр.

Я раздал карты и отложил остаток колоды. У меня оказались три тройки и пара фигур. Капитан вперился в свои карты, потом сбросил пару и пристально посмотрел на меня.

— У меня три тройки, сэр,— сказал я.

Капитан отбросил карты, словно мусор, с грохотом встал, повернулся ко мне спиной и уставился на приборную панель, где высвечивались скорость, время, положение в пространстве и пройденный путь. До финиша — планеты Боринкуин — оставался всего день пути или около того, а Земля была далеко-далеко позади. Я услышал странный звук и опустил глаза. Капитан сцепил перед собой пальцы и так их стиснул, что они хрустнули.

— Почему вы не берете? — проскрежетал он.

— Прошу про...

— Когда я играю в покер, а я чертовски часто это делаю, я жду, что сдающий спросит, сколько карт хочет каждый игрок, и даст каждому столько, сколько он сбросил. Вы когда-нибудь слышали об этом, интендант?

— Да, сэр. Слышал.

— Слышали,— он снова отвернулся. Я представил, что он смотрит на приборную панель так же, как на меня, и удивился, почему он просто не разобьет ее вдребезги.

— Тогда почему, интендант,— допытывался он,— вы говорите о своих картах не сбрасывая, не снимая и, главное, не спрашивая, сколько карт нужно мне?

Я задумался.

— Я... мы... я хочу сказать, сэр, мы никогда раньше не играли в покер так, как сейчас.

— Вы играете в покер, не снимая колоду! — он вновь сел и устремил на меня свирепый взгляд.— И кто же изменил правила?

— Я не знаю, сэр. Мы просто... просто мы так играем.

Он задумчиво кивнул.

— А теперь скажите мне вот что, интендант: долго ли вы дежурили на камбузе в прошлый раз?

— Около часа, сэр.

— Около часа?

— Да, сэр,— и я поспешил объяснить,— была моя очередь.

Он ничего не сказал, и до меня дошло, что эти дежурства

не входят в обычный корабельный распорядок. Я быстро добавил:

— Это ведь не противоречит вашим приказам, не так ли, сэр?

— Нет,— ответил он,— не противоречит.

Его голос был приторен до отвращения.

— Скажите, интендант, а кок не возражает против таких дежурств?

— О нет, сэр! Он даже благодарен нам за это.— Я знал, он думает о размере камбуза: там и двое — уже толпа.— Он знает, что так все будут доверять ему.

— Вы хотите сказать, что он не сможет вас отравить?

— Эээ... да, сэр.

— А теперь скажите,— продолжал он, и его голос стал еще слаще,— кто придумал, что он может вас отравить?

— Даже не знаю, капитан. Это пришло как-то само собой. Кок не против,— добавил я.— Он знает: если за ним постоянно наблюдают, никто не будет подозревать его. Все в порядке.

— Все в порядке...— снова повторил он за мной.

Я очень хотел, чтоб он перестал все повторять за мной, как попугай, перестал так смотреть на меня.

— И давно ли у нас вахтенные офицеры приглашают свидетеля, заступая на вахту?

— Не могу сказать, сэр. Это вне моей компетенции.

— Не можете сказать? Так подумайте, подумайте хорошенько, интендант! Вы когда-нибудь раньше, до этого рейса, несли вахту на камбузе, видели офицера, требующего свидетеля, чтобы принять вахту, или игроков в покер, играющих без прикупа?

— Ммм... нет, сэр. Не думаю. Должно быть, раньше мы просто не додумывались до этого.

— И никогда раньше у нас на борту не было мистера Костелло, да?

— Не было, сэр.

Я думал, он хочет спросить что-то еще, но он только сказал:

— Хорошо, интендант. Это все.

Я вышел и пошел к себе в корму, озадаченный и огорченный. Капитану не следовало намекать на мистера Костелло. Мистер Костелло прекрасный человек. Как-то капитан поспорил с ним. Это было в комнате отдыха, они кричали друг на друга; точнее, кричал только капитан, мистер же Костелло — нет. Это был большой добродушный человек с мягким голосом и открытым лицом. Открытым и честным. Раньше, на Земле, он был Триумвиром, самым молодым из всех, как он нам рассказывал.

Вы не представляете, каким энергичным мог быть этот добродушный человек! Триумвиры назначаются пожизненно, но мистера Костелло и это не удовлетворило. Понимаете, он должен был постоянно двигаться вперед. Все время кого-то наставлять, пожи-

мать руки всем вокруг, быть вместе с людьми. Он любил людей.

Не знаю, отчего капитан не переносит его. Мистер Костелло всем нравится. И потом, он ведь сам не играет в покер, так чего ради ему волноваться, как мы играем? Он не питается с камбуза, у него в каюте были собственные запасы, так какая ему печаль, если кок отравит кого-нибудь? Но он заботится о нас. Он любит людей. Как бы то ни было, в покер лучше играть без прикупа. Покер — хорошая игра, но с плохой репутацией. Из-за чего, по-вашему, эта плохая репутация? Из-за мухлежа. А как мухлюют в покере? При раздаче карт, и никак иначе. Если шулер знает, какие карты у него, он знает, что нужно дать другим для своей выгоды. Прекрасно! Откажитесь от сдач, и вы избавитесь от шулеров в девяти случаях из десяти. Избавьтесь от жульничества, и честный человек сможет доверять партнеру.

Вот что говорил нам мистер Костелло. И беспокоился он вовсе не о себе. Сам он не играл в карты.

Я вошел в комнату отдыха, там сидели мистер Костелло и третий помощник. Когда я вошел, мистер Костелло встретил меня широкой улыбкой и помахал мне рукой.

— Входите, садитесь, интендант,— сказал он,— завтра я схожу с корабля. Вряд ли у нас еще будет случай поговорить.

Я уселся. Третий помощник закрыл книгу, что лежала на столе, и убрал ее на колени.

Мистер Костелло рассмеялся:

— Ну же, третий, покажите интенданту. Вы вполне можете доверять ему, он хороший парень. Я горжусь, что лечу вместе с ним.

Третий поколебался, а потом поднял книгу с колен. Это был Космический Кодекс с комментариями. Каждый офицер, чтобы получить патент, должен долго его зубрить. Но эта книга не из тех, что помогут вам скоротать время.

— Третий объяснял мне, что может и чего не может капитан,— сказал мистер Костелло.

— Да, вы спрашивали меня,— ответил третий помощник.

— А теперь — минуточку,— произнес мистер Костелло,— теперь — одну минуточку.

Это была одна из его привычек. Она была его неотъемлемой частью, как небольшая лысина на макушке, широкая улыбка, как манера склонять голову набок и переспрашивать, если он не расслышал, что вы сказали.

— Минутку. Вы же хотели показать этот параграф?

— Да, мистер Костелло,— сказал третий.

— Вы хотите преодолеть ограничения, налагаемые на вашу свободную волю капитанской властью, правильно?

— Да, пожалуй,— ответил третий.— Да, конечно.

— Конечно,— со счастливым видом повторил мистер Костелло.— Прочитайте интенданту тот параграф, который вы только что читали мне.

— Тот, что вы нашли?

— Вы знаете, какой. Вы сами мне его прочли, верно?

— О-оо,— протянул третий. Он взглянул на меня как-то неуверенно, потом обратился к книге.

Мистер Костелло положил на нее свою ладонь.

— Не трудитесь читать,— сказал он,— вы должны помнить это наизусть.

— Да, я помню,— согласился третий.— Это что-то вроде гарантии на тот случай, если капитану власть ударит в голову. Считается, что нельзя исключать возможность безрассудных действий со стороны капитана, и тогда команда решает, насколько он вменяем. Если на капитанском мостике сумасшедший, команда имеет право выбрать офицера и послать его к капитану для проверки. Если капитан против или если команда недовольна результатами, она имеет право заточить капитана в каюте и взять корабль в свои руки.

— Кажется, я слышал об этом,— сказал я,— но капитан тоже имеет свои права. Я хочу сказать, что команда сразу же должна доложить обо всем по косморадио, тогда капитана и команду рассудят в ближайшем порту.

Мистер Костелло с уважением посмотрел на нас и покачал своей большой головой. Когда он считал вас молодцом, вы бывали счастливы.

Третий посмотрел на часы и встал.

— Заступаю на дежурство. Пойдете со мной, интендант?

— Я бы хотел немного поговорить с ним,— сказал мистер Костелло.— Вы не могли бы найти другого свидетеля?

— О, конечно, если вам угодно,— ответил третий.

— Так вы найдете кого-нибудь?

— Обязательно,— заверил помощник.

— Самый безопасный корабль из всех, что я видел,— сказал мистер Костелло.— Здесь каждый уверен, что вахтенный не получит плохих приказов.

Я и сам так считал и только удивлялся, почему мы раньше до этого не додумались. Я видел, как третий помощник вышел и встал на его место. Я ощущал и гордость, и радость, и восхитительную защищенность — ведь со мной, простым интендантом, хотел поговорить мистер Костелло, бывший Триумвир.

Мистер Костелло одарил меня широкой улыбкой и кивнул в сторону двери:

— Этот молодой человек далеко пойдет. Хороший парень. Вы все здесь — хорошие парни.

Он подогрел кофейник и передал мне:

— Кофе,— сказал он,— мой собственный сорт. Всегда пью только этот.

Я глотнул — кофе был замечательный. Удивительный человек. Он сидел и лучезарно улыбался мне, пока я пил.

— Что вы знаете о Боринкуине? — поинтересовался он.

Я рассказал все, что знал. Боринкуин — чудесная планета, «четыре девятки Земли», это означает, что климат, гравитация, атмосфера и экология составляют 0,9999 земных. Известно всего шесть таких планет. Я рассказал, что там один город, а основное занятие жителей — охота с капканами. Верхнюю одежду они шьют из меха гланкеров. Она отсвечивает зеленым на белом фоне и теплым цветом тлеющих угольков — на синем. Вы можете взять целое пальто, свернуть его, и оно уместится в ладонях, до того оно легкое. Такой мех — идеальный груз для космических кораблей.

Конечно, на Боринкуине теперь много и всякого другого — редкие изотопы в слитках, пищевые продукты, лекарственные травы. Полагаю, истощись торговля мехом гланкеров прямо сейчас, Боринкуин сохранит свое значение. Но именно мех привлек первопоселенцев, мех первое время поддерживал город, и до сих пор половина населения живет в дикой местности и ставит капканы.

Мистер Костелло слушал меня так, что я не мог не уважать его.

Помню, я кончил словами:

— Мне жаль, что вы сходите, мистер Костелло. Мне бы хотелось подольше общаться с вами. Я хочу навестить вас на Боринкуине, когда мы туда прибудем, хотя не думаю, что у такого человека, как вы, много свободного времени.

Он опустил свою большую ладонь на мою руку:

— Интендант, даже если у меня не будет времени, когда вы прибудете, я сотворю его. Слышите?

Да, он умел делать людей счастливыми.

А потом, представляете, он пригласил меня в свою каюту. Он усадил меня, налил мне полный бокал слабого красного вина со странным коричным ароматом и показал кое-что из своих вещей.

Он был истинным коллекционером. У него хранились несколько цветных листочков бумаги. Он мне объяснил, что они назывались марками и использовались до Космической Эры для оплаты бумажных писем. Он говорил, что где бы он ни был, одна из этих вещей неизменно приносит ему удачу. Еще у него были драгоценности, не кольца и украшения, а одни камни плюс занимательная история о каждом из них.

— Тот, что вы держите,— говорил он,— стоил одному королю жизни и половины такой огромной империи, как Объединенная Земля. А вот этот камень так хорошо охраняли, что большинство людей толком не знали, существует он вообще или нет. На нем

основывалась целая религия. Потом он ушел с Земли, и вместе с ним ушла религия.

Удивительно было это чувство близости с человеком, который был так богат, и в то же время сердечен, словно ваш любимый дядюшка.

— Если вы дадите гарантию, что переборки звуконепроницаемы, я покажу вам кое-что еще из своей коллекции,— добродушно сказал он.

— Строители кораблей хорошо усвоили,— успокоил я его,— что человеку иногда надо побыть наедине с собой.

Он по привычке склонил голову на бок:

— Еще разок, пожалуйста.

— Иногда человеку просто необходимо быть наедине с собой,— повторил я,— короче, большая у вас каюта или маленькая, дорогая или дешевая, но корабельные переборки строятся так, чтобы человек мог побыть в одиночестве.

— Прекрасно,— сказал он,— сейчас я покажу вам эту штуку.

Он отпер портфель, открыл его и вытащил из маленького внутреннего отделения коробочку, куда могли бы уместиться карманные часы. Она была квадратной, с красивой решеткой наверху и двумя маленькими серебряными кнопками сбоку. Он нажал на одну из них и с улыбкой повернулся ко мне. Я почувствовал себя не в своей тарелке, потому что в каюте раздался голос капитана, такой же громкий, как если бы он был рядом с нами. И знаете, что он говорил?

— Моя команда сомневается в моем здравом уме,— говорил он.— Можете быть уверены, если хоть один человек на борту подвергнет сомнению мои права, он быстро выучит, что хозяин тут я, даже если ему придется учить это под дулом.

Меня удивил не столько голос, сколько слова, и особенно удивило, что я сам недавно слышал, как капитан их говорил в споре с мистером Костелло. Я хорошо помнил эти слова, ведь я вошел в комнату отдыха в тот момент, когда капитан начал кричать.

— Мистер Костелло,— говорил он тогда резким и сильным голосом,— хоть вы считаете, что моя команда сомневается в моем здравом уме...— Остальное, насколько я помню, звучало так же, как и на записи мистера Костелло.— ...даже если ему придется учить это под дулом. Это, сэр, относится к пассажирам; у команды есть законные методы.

Я хотел напомнить мистеру Костелло, как именно звучали последние слова капитана, но раньше, чем я открыл рот, он спросил:

— Теперь скажите, интендант — это голос капитана корабля?

— Верно. Если не его, то я не интендант,— ответил я.— Я слышал, как он говорил это.

Мистер Костелло хлопнул меня по плечу:

— У вас хороший слух, интендант. Как вам нравится моя маленькая игрушка?

Он показал мне механизм, скрытый в ювелирной булавке, которую он носил на пиджаке, тончайший проволочный волосок тянулся к пусковой кнопке в боковом кармане.

— Моя любимая коллекция,— произнес он.— Голоса. Любого, в любое время, в любом месте.

Он взял булавку, вытащил из оправы крохотную бусинку, вставил ее в коробочку и нажал кнопку.

Я услышал свой собственный голос.

— Мне жаль, что вы должны сойти, мистер Костелло. Мне бы хотелось подольше общаться с вами.

Я рассмеялся. Это была самая удивительная штука из всех, что я слышал.

Я, помнится, подумал, что мой голос попал в одну коллекцию с голосом капитана и один космос знает с какими великими и знаменитыми людьми.

У него был и голос третьего помощника.

— На капитанском мостике сумасшедший. Команда недовольна.

Все-таки интересно побывать у него в гостях. Потом он попросил меня выправить его таможенные документы. И я пошел к себе, чтобы взять их. В течение всего полета документы пассажиров хранятся в сейфе интенданта. Я с удовольствием взглянул на бумаги мистера Костелло. Их было больше, чем у большинства людей.

Я обнаружил среди них бумагу из Земного Центра, она просто взбесила меня. Я решил, что это ошибка. Это был приказ «О полной информации», он обязывал официального консула каждые шесть месяцев сообщать на Землю о деятельности мистера Костелло.

Я принес документы мистеру Костелло, и он сказал, что это и вправду ошибка. Я вырвал приказ из паспортной книжки и вклеил официальную заметку о случайной порче страницы в проштампованной визе. За это он дал мне очень красивый синий самоцвет.

Тогда я сказал:

— Лучше не надо: мне не хочется, чтобы вы думали, будто я беру взятки с пассажиров.

Он засмеялся, положил одну из бусинок в свой аппарат, и оттуда раздался мой голос:

— Я беру взятки с пассажиров.

Он был большим шутником.

Мы стояли на Боринкуине четыре дня. Ничего не происходило, кроме того, что я был занят. Это один из минусов интендантской службы. В космосе вы неделями маетесь от безделья, а потом, в космопорте, оказываетесь так завалены работой, что не можете поднять головы.

По-настоящему это никогда меня не волновало. У меня есть математические способности, и я горжусь своей работой, хотя, признаться, не слишком хорошо разбираюсь во всем остальном. Думаю, у каждого должна быть своя область, где он специалист. Я не смогу объяснить, как работают устройства, позволяющие космическим кораблям лететь быстрее света, но я никогда не доверю главному инженеру мои декларации межпланетных грузов или таблицы курса шкурок гланкеров к долларам Объединенной Земли.

На борт поднялся зануда с мандатом следователя Космического Флота и диктофоном, он велел мне и третьему помощнику пересказать множество бредовых историй для какого-то теста, уж не знаю, зачем. Следователи Флота постоянно делают уйму бесполезных и загадочных вещей.

Я поспорил с портовым агентом и сошел с корабля вместе с коком, чтобы немножко выпить. Потом пришлось сверхурочно работать, регистрируя нового третьего помощника, поскольку мне сказали, что старого переводят на «Корвет».

Да-а, это был рейс, после которого капитан ушел в отставку. Думаю, прошло его время: он сделался каким-то нервным. Сходя с корабля, он бросил на меня такой жуткий взгляд, будто раздумывал, убить меня или разразиться слезами. Ходили слухи, что он ушел в бешенстве, угрожая команде оружием, но я не прислушивался к сплетням. Как бы то ни было, командующий портом назначил нового капитана. Меня это мало трогало, ибо не сулило сверхурочной работы.

Мы стартовали и совершили полный круг: Бутес — Сигма, Найтингейл — Карано и Земля — изделия из химического стекла, семена шо, сверкающие кристаллы, парфюмерия, музыкальные записи, шкурки глиззардов, обычный утиль в обычное время. Сделав круг, мы вновь опустились на Боринкуин.

Н-да, вы даже не поверите, что город может так сильно измениться в такой короткий срок. Боринкуин был милой, почти нетронутой планетой. На ней был лишь один крупный город и лагеря трапперов. Если вам нравилось общество, вы селились в городе и работали на фабрике или еще где-нибудь. Если вам это не нравилось, вы ставили капканы на гланкеров. На Боринкуине для каждого находилось дело.

Но на этот раз все было по-другому. Во-первых, на борт поднялся человек со значком Планетарного Правительства, чтобы — господи боже! — подвергнуть цензуре музыкальные записи, предназначенные для города, у него был мандат на это. Потом оказалось, что городские власти конфисковали склады — мои склады — и превратили их в бараки.

А где были товары — шкуры и слитки на экспорт? Куда девать

наш новый груз? Почему в домах, сотнях домов, расходящихся во все стороны и снабженных табличками новых контор, было полно призывников и добровольцев? Впервые с того времени, как я вышел в космос, мне пришлось запросить длительную остановку, чтобы собрать вещи.

Так я получил редкую возможность побродить по городу.

На это стоило взглянуть! Казалось, все ушли из домов. А большие здания превратились в пустые раковины, заполненные несчетными рядами матрасов. Поперек улицы были протянуты транспаранты:

«Ты человек или одиночка?»

«Один камень — еще не дом!»

«Дьявол боится толпы!»

Все это ничего мне не говорило. Потом я заметил белую надпись на стеклянной двери закусочной — «Трапперам не входить» — и счел это самым большим изменением.

На улицах не было охотников — ни одного. А ведь они считались одной из главных туристских достопримечательностей Боринкуина — одетые в мех гланкеров, с развевающимися при ходьбе «крыльями» и широко расставленными глазами, каких не встретишь даже у потомственных астронавтов. Надписи «Трапперам не входить» были везде: на магазинах, ресторанах, отелях и театрах.

Я стоял на углу улицы, смотрел вокруг, гадал, какого черта тут произошло, и тут меня окликнул из патрульной машины местный полицейский. Я не расслышал и лишь пожал плечами. Он развернулся и подъехал ко мне:

— В чем дело, деревенщина? Потерял капкан?

— Что? — переспросил я.

Он продолжал:

— Если будешь бродить в одиночестве,— продолжал он,— мы посадим тебя в одиночку, и она будет для тебя в самый раз.

Я только таращил на него глаза. И тут, к моему удивлению, из патрульной машины высунулся второй полицейский. Из одноместной-то машины! Представляю, как им было удобно на ходу.

— Где твой капкан, парень? — крикнул второй.

— У меня нет капканов,— сказал я и указал на величественную башню корабля, что поднималась над космопортом.— Я интендант с этого корабля.

— Господи! — сказал первый.— Я должен был узнать. Слушай, космолетчик, ты бы лучше шел с кем-нибудь, иначе на тебя может напасть толпа. У нас не любят одиночек.

— Не понимаю. Я же просто...

— Я беру его,— сказал кто-то.

Я обернулся и увидел высокую женщину, она стояла у открытой двери одного из пустых домов.

— Я вернулась забрать кое-какие вещи,— сказала она.— А когда собрала все, не оказалось никого, чтоб идти со мной. Я целый час жду здесь кого-нибудь.

— Ты ведь знаешь, когда лучше ходить сюда,— заметил полицейский.

— Знаю, знаю. Я только хотела забрать вещи, я не собиралась оставаться,— она вытащила мешок и выставила перед собой.— Только забрать свои вещи,— испуганно повторила она.

Полицейские переглянулись.

— Ладно. Но следи за собой. Пойдешь вместе с интендантом. Лучше объясни ему все, похоже, он не знает, в чем правда.

— Хорошо,— сказала она с благодарностью в голосе.

Патрульная машина взвыла и потащила дальше свой двойной груз.

Я посмотрел на женщину. Она не была хорошенькой, наоборот, казалась мрачной и туповатой.

— Теперь все будет в порядке. Идемте.

— Куда?

— В Центральные Бараки, конечно. Там теперь большинство.

— Я должен вернуться на корабль.

— О, дорогой,— сказала она несчастным голосом,— прямо сейчас?

— Нет, не сразу. Я схожу с вами в город, если хотите.

Она подняла свою ношу, но я взял у нее мешок и взвалил на плечо.

— Здесь что, все спятили? — мрачно спросил я.

— Спятили? — она двинулась вперед, я следом.— Не думаю.

— Но вот это все! — настаивал я, указывая на плакат, гласивший: «У лестницы не бывает одиночных пролетов».— Что это значит?

— Только то, что написано.

— Много придется сделать, чтобы объяснить...

— А-ааа,— произнесла она,— вы хотите спросить, что это означает? — Она странно посмотрела на меня.— Мы узнали новую правду о человечестве. Хорошо, постараюсь объяснить, как вчера объясняли Люсили.

— Кто это, Люсиль?

— Люсили,— сказала она слегка шокированно.— Я думаю, на самом деле она одна, хотя, само собой, в студии в это время есть еще кто-нибудь,— добавила она быстро,— но по трайдио появляются четыре Люсили и говорят они разом, как в хоре.

— Продолжайте,— сказал я, когда она замолчала.— До меня медленно доходит.

— Вот что они говорят. Они говорят, что в одиночестве человек ничего не может сделать. Нужны сотни пар рук, чтоб построить

дом, десятки тысяч — чтоб построить корабль. Они говорят, что одна пара рук не просто бесполезна — она вредна. Человечество состоит из многих частей. Ни одна из них не может быть интересна сама по себе. Любая часть, желающая идти самостоятельно, наносит вред основной части, которая могла бы стать великой. И мы следим, чтобы никто не отделялся. Что хорошего было бы для руки, если бы ее пальцы решили стать самостоятельными?

— И вы верите в это... э... как вас зовут?

— Нола. Верю ли? Но это же правда! Разве вы не видите, что это правда? Каждый знает, что это так!

— Хорошо. Может, это и правда,— неохотно сказал я.— Но что вы делаете с теми, кто хочет жить сам по себе?

— Мы помогаем им.

— Предположим, они не хотят помощи?

— Тогда они — трапперы,— решительно сказала она.— Мы выгоняем их обратно в лес, откуда они и пришли, эти злые одиночки!

— Хорошо, но как же быть с мехом?

— Никто больше не носит мех.

Вот значит, что случилось с нашим товаром. А я подумал, эти бюрократы-дилетанты потеряли его где-нибудь.

Она произнесла, словно про себя:

— Все грехи начинаются в тоскливой тьме.

Я посмотрел вперед и увидел, что она просто прочла очередной транспарант.

Мы завернули за угол, и я зажмурился от яркого света. Это был один из наших складов.

— Это Центральные Бараки,— сказала она.— Хотите взглянуть?

— Пожалуй.

Я пошел за ней ко входу. У ворот сидел мужчина. Нола подала ему карточку, он отметил ее и вернул женщине.

— Посетитель,— сказала она,— с корабля.

Я показал парню карточку интенданта, и он произнес:

— О'кей, но если захотите остаться, вы должны будете зарегистрироваться.

— Я не хочу оставаться. Я должен вернуться,— ответил я и последовал за Нолой.

Помещение было забито до предела. Остались только те вертикальные перегородки, без которых рухнуло бы перекрытие. Здесь не было укромных уголков, ниш, драпировок, навесов. Должно быть, тут были тысячи две кроватей, коек и матрасов, стоящих бок о бок от самой двери так, что между ними с трудом прошла бы рука.

Свет слепил глаза. Мощные лампы изливали желтоватое пламя на каждый квадратный дюйм площади.

— К свету привыкают,— сказала Нола.— После нескольких ночей вы уже не замечаете его.

— Свет никогда не выключают?

— Никогда, дорогой!

Я посмотрел в угол. Душ, ванны, раковины — все это было выставлено вдоль стены.

Нола проследила за моим взглядом:

— К этому тоже привыкают. Лучше держать все открытым, чем дать дьяволу шанс единой минутой уединения. Так говорят Люсили.

Я положил мешок и сел на него, думая только об одном.

— Чья это идея? С чего все началось?

— Это Люсили,— неуверенно сказала она.— А кто до них, не знаю. Люди только начинают выполнять это. Кто-то купил склады... нет, был голод... нет, не знаю,— сказала она, изо всех сил стараясь вспомнить. Она села рядом со мной.— Вообще-то, вначале многие не хотели этого,— она оглянулась.— И я не хотела. Я хочу сказать, по-настоящему не хотела. И те, кто верил, и те, кто делал вид, что верит — все так или иначе пришли сюда,— она махнула рукой.

— А что случилось с теми, кто не захотел жить в бараках?

— Люди злились на них. Они теряли работу, школы не принимали их детей, в магазинах отказывались учитывать их рационные карточки. Потом полиция стала забирать их, вот как сегодня — вас,— она вновь оглянулась вокруг.— Все случилось очень быстро.

Я отвернулся от нее, но обнаружил, что вновь уставился на всю эту сантехнику. Потом вскочил.

— Я должен идти, Нола. Спасибо за помощь. Да, как же я доберусь до корабля, если полиция забирает всех одиночек?

— О, вы просто скажите парню у ворот. Там люди ждут возможности выйти в вашу сторону. Всегда кто-нибудь ждет, чтобы куда-нибудь пойти.

Она вышла со мной. Я переговорил с человеком у ворот, и Нола пожала мне руку. Я встал у маленького стола, Нола тоже. Потом она подошла к какой-то женщине и они вместе пошли в барак. Страж ворот подтолкнул меня к появившейся группе, собиравшейся выходить.

— Север! — крикнул он.

Мне достался маленький толстый человечек с испорченными зубами, который всю дорогу молчал. Мы эскортировали друг друга две трети пути в космопорт, а потом он свернул на фабрику. В одиночестве я испуганно промчался оставшуюся часть пути, чувствуя себя преступником. Я поклялся никогда больше не ходить в этот сумасшедший город.

На следующее утро, едва рассвело, в бронированном автомобиле, с эскортом из шести двухместных патрульных машин прибыл сам мистер Костелло!

Как было здорово вновь увидеть его! Он был таким же, как раньше: большой, красивый и добродушный. Он был не один. Весь угол на заднем сиденье занимала самая красивая блондинка из всех, которые когда-либо лишали меня дара речи. Она почти не говорила, только временами поглядывала на меня и слегка улыбалась, потом смотрела то в окно автомобиля, чуть покусывая нижнюю губу, то на мистера Костелло и совсем не улыбалась.

Мистер Костелло не забыл меня. У него была такая же бутылка красного вина, что и раньше, он предался воспоминаниям, словно был моим дядюшкой. Мы совершили что-то вроде экскурсии. Я рассказал о прошлом вечере, о визите в Центральные Бараки, и он очень радовался. Он был уверен, что мне там понравилось. А я все время прикидывал, нравится мне это или нет.

— Думайте об этом! — сказал он.— Все человечество — союз одиночек. Вы знаете о принципе кооперации, интендант?

Поскольку я думал слишком уж долго, он сказал:

— Вы знаете. Два человека, работающие вместе, могут произвести больше двух, работающих поодиночке. Верно? А что будет, если тысячи, миллионы работают, спят, едят, думают, дышат вместе?

То, что он говорил, звучало здорово.

Мистер Костелло взглянул через плечо, и его глаза слегка расширились. Он нажал на кнопку, и водитель мягко остановил машину.

— Взять его,— сказал мистер Костелло в микрофон, который был перед ним.

Две патрульные машины помчались по улице и с двух сторон зажали какого-то мужчину. Тот метнулся вправо, потом влево, но патрульные схватили его и сбили с ног.

— Бедняга,— произнес мистер Костелло и нажал на кнопку «Вперед».— Некоторые из них упрямо не желают учиться.

Я решил, что он слишком это переживает. Не знаю, как блондинка. Она просто не смотрела в ту сторону.

— Вы мэр? — спросил я его.

— Нет-нет,— ответил он.— Я что-то вроде посредника. Немного — то, немного — это. Я могу вывести этот мир из трудного положения.

— Из трудного положения?

— Интендант,— доверительно сказал он,— теперь я гражданин Боринкуина. Эта земля приняла меня, и я ее люблю. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ей. Цена меня не волнует. Эти люди нашли истину, интендант. Это внушает мне благоговение, делает меня смиренным.

— Я...

— Говори, парень. Я твой друг.

— Я ценю это, мистер Костелло. Да, что я хотел сказать...

Я видел Центральные Бараки и все остальное. Это не укладывается в моей голове. Я не знаю, хорошо это или нет.

— Придет время, придет время,— сказал он сильным и мягким голосом.— Никто не должен принуждать людей уверовать в истину, верно? В настоящую истину! Человек должен найти ее сам.

— Да,— согласился я.— Да, наверное, это так и есть.

Иногда трудно было ответить ему.

Автомобиль остановился между зданиями. Женщина стала еще сдержаннее. Мистер Костелло собственноручно открыл ей дверцу. Она вылезла. Он легонько ударил по кнопке трайдео.

— Работай хорошенько, Люсиль, хорошенько. Я буду смотреть.

Она серьезно посмотрела на него, мимолетно улыбнулась мне, потом к ней подошел какой-то мужчина, и они вошли в здание.

Мы поехали дальше.

— Это самая красивая женщина, какую я видел,— произнес я.

— Вы понравились ей, интендант,— сказал он.

Я задумался. Это казалось невероятным.

— Хотели бы вы заполучить ее? — спросил он.

— О-о-о, еще бы,— протянул я.— Но она не захочет.

— Интендант, я обязан вам и хотел бы отплатить.

— Вы ничего не должны мне, мистер Костелло!

Мы выпили еще немного вина. Большая машина медленно скользила по дороге в космопорт.

— Мне нужна помощь,— сказал, наконец, мистер Костелло.— Я знаю вас, интендант. Вы как раз тот человек, что мне нужен. Говорят, вы математический гений.

— Ну, не совсем, мистер Костелло. Только цифры, статистика, переводные таблицы и тому подобное. Я ничего не понимаю в астронавигации или теоретической физике. Но у меня лучшая работа, на какую я мог рассчитывать.

— Нет, не лучшая. Буду откровенен. Сами понимаете, мне не нужно большей власти на Боринкуине, чем я получил. Но люди давят на меня. Они хотят порядка, мира и аккуратности. Они хотят быть такими же красивыми и аккуратными, как один из ваших многочисленных отчетов. Я могу прекрасно организовать их, но, чтобы держать их в руках, нужны такие аккуратные мозги, как у вас. Мне нужна статистика: от дат рождения до дат смерти, я хочу знать их, чтобы вырабатывать политику. Мне нужен учет калорий и рационирование для правильного распределения продовольственных запасов. Я хочу... в общем, вы знаете, чего я хочу. Раз дьявол обнаружен...

— Какой дьявол?

— Трапперы,— мрачно сказал он.

— Они действительно вредят горожанам?

Он взглянул на меня, явно шокированный.

— Они уходят из города, проводят целые недели наедине с собой, со своими вредными мыслями. Это блуждающие, дикие клетки в организме человечества. Их нужно уничтожить.

Я не мог не вспомнить о своем товаре.

— А как же торговля мехом?

Он посмотрел на меня так, будто я сморозил адскую чушь.

— Мой дорогой интендант,— терпеливо объяснил он,— не поставите же вы прибыль от нескольких шкурок выше бессмертной души народа?

Я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

Мистер Костелло настойчиво продолжал:

— Это только начало, интендант. Боринкуин — только трамплин. Этот великий союз — Человечество — станет известен по всей Вселенной!

Он закрыл глаза. А когда открыл, трубного голоса уже не было, он говорил прежним дружеским тоном.

— Вы и я, мы покажем им, как это сделать, а, парень?

Я наклонился вперед, чтоб разглядеть верхушку сверкающей иглы нашего корабля.

— У меня работа, и мне она нравится. Но... мой контракт истекает через четыре месяца.

Машина въехала на территорию космопорта и захрустела колесами по шлаку.

— Думаю, я могу положиться на вас,— проникновенно сказал мистер Костелло и засмеялся.— Помните ту маленькую шутку, интендант?

Он щелкнул выключателем и неожиданно кабину заполнил мой голос:

— Я беру взятки с пассажиров.

— А, это,— сказал я и даже выпустил одно «ха» из длинного «ха-ха-ха», пока до меня не дошло, к чему он клонит.— Мистер Костелло, вы ведь не используете это против меня?

— А что я буду иметь за это? — удивленно спросил он.

Мы подъехали к кораблю. Мистер Костелло вышел вместе со мной, протянул мне руку. Она была теплой и дружественной.

— Если переменишь мнение об интендантской службе, когда истечет твой контракт, сынок, позвони мне по полевому телефону. Тебя сразу же соединят со мной. Думай об этом. Думай до возвращения на Боринкуин. Вот твой срок.

Он пожал мне руку так сильно, что я сморщился.

— Ты ведь не собираешься думать дольше, верно, мой мальчик?

— Пожалуй, нет,— ответил я.

Он сел на переднее сиденье, рядом с шофером, и уехал.

А я стоял, глядя ему вслед, и когда машина превратилась в темное пятнышко, более-менее пришел в себя. Я стоял в одиночестве

у пусковой установки и чувствовал себя совершенно беспомощным.

Я повернулся и побежал в тамбур, спеша оказаться поближе к людям.

В этом рейсе мы везли сумасшедшего. Его звали Хайнес. Он был консулом Объединенной Земли на Боринкуине и возвращался домой для отчета. Первоначально у него не было трудностей, поскольку дипломатические паспорта обрабатываются быстро. На пятую вахту со времени старта с Боринкуина он постучал в мою дверь. Одиночество угнетало меня, и я был рад его обществу.

Но он не был хорошим собеседником, он был ненормальным. В первый раз он ввалился в мою каюту и сказал:

— Надеюсь, вы не против, интендант. Если я не расскажу об этом кому-нибудь, я сойду с ума.

Он сел на край моей койки, опустил голову на руки, долго раскачивался из стороны в сторону, а потом извинился и вышел. Сумасшедший, уверяю вас.

Но вскоре он пришел опять. Я думаю, вы никогда не слышали подобного бреда.

— Знаете вы, что случилось на Боринкуине? — допытывался он. В ответе он не нуждался. У него был свой ответ.— Я расскажу вам, в чем дело. На Боринкуине все сошли с ума.

Я взялся за работу, хотя в космосе ее было не так уж много, но Хайнес не мог выкинуть Боринкуин из головы. Он говорил:

— Вы не поверите, если сами не видели этого,— говорил он.— Первый маленький клин был загнан именно в то место, где еще могла быть рознь — между горожанами и трапперами. Между ними никогда не было конфликтов, никогда! И вдруг трапперы оказались опасными. Как это случилось? Почему? Бог его знает! Сначала смехотворные попытки доказать, что они-де оказывают на город нездоровое влияние. Смех, да и только! Как прикажете понимать такой вздор? Дальше — больше. Вам не требовалось доказывать, что траппер совершил что-то незаконное. Нужно было только доказать, что он траппер. Этого было достаточно! А потом... как можно было предусмотреть подобное сумасшествие?! — пронзительно кричал он.— Начали хватать каждого, кто хотел быть самостоятельным, их приравнивали к трапперам. Все это случилось так быстро... пока мы спали. Все вдруг начали бояться даже краткого одиночества. Они покинули свои дома и выстроили бараки. Все боялись всех, боялись, боялись... Знаете, что они сделали? Они сожгли картины, все картины на Боринкуине, которые смогли найти. А те немногие, что остались художниками! Я видел их. Они работают вдвоем или втроем одновременно, на одном холсте.

Он плакал. Просто сидел и плакал.

— В магазинах есть продовольствие. Поспели зерновые. Бегают грузовики, летают самолеты, учат школы. Желудки набиты,

машины вымыты, люди богатеют. Я знаю человека по имени Костелло, он несколько месяцев как с Земли, а может, около года, так он уже владеет половиной города.

— Я знаю мистера Костелло,— сказал я.

— Знаете? Как так?

Я рассказал о нашем рейсе с мистером Костелло. Хайнес отшатнулся от меня:

— Так это были вы!

— Кто? — в замешательстве спросил я.

— Человек, который свидетельствовал против своего капитана, сверг его, заставил уйти...

— Я не делал ничего такого.

— Я консул. Я проводил расследование, парень! Я был там! Запись капитанского голоса, как он грозит команде оружием, если она отвергнет его. Потом ваши показания, заявление, что это голос капитана, что вы присутствовали, когда он говорил это. И заявление третьего помощника о том, что на капитанском мостике все из рук вон плохо. Парень отрицает, но голос-то был его.

— Подождите, подождите,— сказал я.— Я не верю. Должен же быть суд. Суда не было, меня никто никуда не вызывал!

— Суд был, идиот! Но капитан стал бредить о покере без прикупа, о команде, опасающейся, что кок их отравит, о людях, желающих иметь свидетеля при смене вахт. Подобного бреда я никогда не слышал! Капитан неожиданно выложил все это. Он был стар, болен и измучен. Он винил во всем Костелло, а тот уверял, что получил записи от вас.

— Мистер Костелло не мог так поступить! — взъелся я на мистера Хайнеса. Я рассказал ему о мистере Костелло, какой это замечательный человек. Он стал говорить, как мистера Костелло изгнали из Триумвирата за попытку помешать Верховному суду, но это была явная ложь, и я не желал ее слушать. Я рассказал о покере, как мистер Костелло спас нас от жульничества, как он спас нас от отравления, как он обеспечил безопасность корабля.

Я помню, как Хайнес смотрел на меня.

— Что случилось с человеком? — шептал он.— Что мы сделали с собой в эти столетия мира, доверия, сотрудничества и бесконфликтности? Здесь человек не доверяет человеку, всей тонкой кожей ждет укуса вампира, везде ждет ненависти и гибели...

— Господи! — неожиданно закричал он на меня.— Знаете, что меня поддерживало? Мысль, что несмотря на весь этот бред, всю эту глупость, идея об едином человечестве была на Боринкуине главным нравственным принципом. Я ненавидел его, но раз это был принцип — уважал. Но этот Костелло, который не играет в карты, но использует ваш страх, чтоб изменить покерные правила; Костелло, который не питается с вами, но заставляет вас бояться

отравления; Костелло, который знает о трех столетиях безопасных межзвездных полетов, но заставляет вахтенного офицера сомневаться в самом себе, если нет свидетелей; Костелло, незаметно манипулирующий вами!

Господи! Костелло заботился не о вас!

И это не было нравственным принципом! Костелло распространял страхи когда угодно, где угодно и только для своей выгоды!

Он выбежал, плача от ярости и ненависти.

Признаться, я был ошеломлен. Возможно, его рассказ озадачил бы меня, но Хайнес покончил с собой, так и не долетев до Земли. Сумасшедший, вот и все.

Мы завершили круг точно по расписанию, словно пригородный монорельс. Погрузка, выгрузка, старт, полет и посадка. Запасы топлива, оплата счетов, декларации грузов. Еда, сон, работа. По поводу смерти Хайнеса было проведено расследование. Мистер Костелло, как только узнал об этом, прислал космограмму с соболезнованиями. На следствии я ничего не говорил, кроме того, что мистер Хайнес был сильно расстроен, а в таком состоянии с человеком всякое может случиться. Мы наняли второго инженера, он хорошо играл на гармонике. Один из пассажиров сошел на Корано. Все было по-прежнему, но я готовился уйти и уже написал заявление о расторжении контракта.

Мы вновь достигли Боринкуина, но там оказался Космический Флот Объединенной Земли. Никогда не думал, что в нем так много кораблей. Нам приказали сменить курс. Вот он, Флот во всей своей красе: одни приказы и никакой информации. Боринкуин молчал, внизу, похоже, шло сражение. Из-за карантина мы не могли ни получить, ни передать никакой информации. Это бесило капитана, а ему еще пришлось использовать часть груза на топливо, что испортило мои документы больше, чем обычно. Свое заявление я спрятал до поры до времени.

Мы подошли к Сигме и провели там пару дней, а потом, как всегда, пошли обратно. Точно по расписанию на курсе появился Найтингейл.

Там меня ждал сам Барни Роутиль, он служил врачом на моем первом корабле много лет назад, когда я только-только вышел из Академии. Теперь у него был животик, и он выглядел по-настоящему преуспевающим человеком. С дороги нам было не до веселья. Барни сел и как-то холодно посмотрел на меня. Я пошутил в том смысле, что Найтингейл — тесная планета. Я знал, что здесь у него большая практика и представить не мог, что он окажется в космопорте, в то же время, что и я.

— Я приехал сюда из-за тебя,— ответил он.

Прежде, чем я смог разобраться, что к чему, он стал задавать мне вопросы: что я делаю, да что я собираюсь делать.

— Я уже многие годы служу интендантом,— ответил я.— Почему ты считаешь, что я хочу заняться чем-нибудь другим?

— Просто интересуюсь.

Мне тоже стало интересно.

— Ладно,— сказал я.— Я еще не решил окончательно... в общем, у меня есть приглашение.

В общих чертах я рассказал ему, какой большой человек на Боринкуине мистер Костелло, как ему хочется заполучить меня.

— Но приходится ждать. Вокруг Боринкуина кружит весь Космический Флот. Они не объясняют, почему. Но как бы там ни было, мистер Костелло поднимется на самый верх. Вот увидишь!

Барни раздраженно посмотрел на меня. Никогда не видел у него такого взгляда. Хотя нет, видел. Так смотрел старый капитан в день, когда сошел с корабля и подал в отставку.

— Барни, в чем дело? — спросил я.

Он встал и указал через стеклянную дверь на белый монобиль, стоящий у станции.

— Пошли,— сказал он.

— Эээ... я не могу. Я получил...

— Пошли!

Я пожал плечами. Работа или нет, это дело Барни, а не мое. В случае чего, он меня прикроет.

Барни подержал дверь открытой и вдруг сказал, словно прочел мои мысли:

— Я прикрою тебя.

Мы забрались в монобиль и рванули с места.

— Куда мы едем?

Барни не отвечал, только правил машиной.

Найтингейл — красивое место. Я думаю, одно из самых красивых, если не считать Сигму. Оно соответствует Объединенной Земле на все сто процентов. Это единственная планета, не обладающая никакими политическими правами. Найтингейл — настоящий сад, он и содержится для этих целей.

Мы поднялись на гору, потом спустились по извилистой дороге, обсаженной настоящими итальянскими тополями с Земли. Внизу виднелось маленькое озеро с песчаным берегом. И никаких людей.

Дорога повернула, ее пересекла желтая полоса, потом красная, а после этого — прозрачная мерцающая завеса. Она тянулась во все стороны, далеко, насколько хватало взгляда.

— Силовая ограда,— пояснил Барни и резко нажал на кнопку.

Завеса исчезла с дороги, но осталась по сторонам. Мы миновали ее, и она закрылась за нами. Потом мы съехали с холма к озеру.

На нашей стороне пляжа стоял самый красивый коттедж, какой я когда-либо видел. Может, когда я состарюсь, мне дадут пожить в таком, или хоть наполовину таком домике.

Барни не дал мне толком разглядеть это архитектурное чудо.

— Иди,— сказал он.

Я удивленно посмотрел на него, и Барни указал мне, куда надо идти. Внизу у воды сидел мужчина — большой, сильно загорелый, чем-то похожий на космический буксир. Барни махнул в его сторону, и я спустился вниз.

Человек поднялся и повернулся ко мне. У него были те же огромные, глубокие глаза, тот же звучный мягкий голос.

— Да это же интендант! Привет, старина! Вот ты и пришел наконец!

На какой-то миг мне стало неприятно. Потом я выдавил из себя:

— Привет, мистер Костелло.

Он хлопнул меня по плечу. Потом схватил меня за руку и притянул поближе к себе. Он посмотрел на холм, где Барни что-то делал с машиной. Потом взглянул поверх озера и выше, на небо. Мистер Костелло понизил голос:

— Интендант, вы тот человек, который мне нужен. Я говорил это и раньше, верно? — он вновь оглянулся вокруг.— Мы сделаем это, интендант. Вы и я, мы попадем на самую вершину. Идемте со мной. Я хочу кое-что вам показать.

Он пошел на край пляжа. На нем были только плавки, но двигался и говорил он так, будто все еще владел бронированной машиной и шестью патрульными. Я плелся за ним.

Вдруг он выставил перед собой руку и остановил меня, а потом опустился на колени.

— Смотрите,— сказал он,— кажется, что они одинаковы, правда? Вот так, сынок. Сейчас я покажу тебе...

Я посмотрел вниз. Он указывал на муравейник. Муравьи совсем не походили на земных. Они были больше размером, медлительнее, какие-то синие, да к тому же с восемью лапками. Они строили жилище из песка со слизью, прокладывали под ним ходы, так что гнездо поднималось над землей на дюйм или два и казалось стоящим на маленьких сваях.

— Они одинаково выглядят, одинаково работают, но сейчас...— говорил мистер Костелло,— сейчас ты увидишь.

Он открыл пластиковый мешок, что лежал рядом на песке. Вытащил из него мертвую птицу и еще что-то похожее на плотву с Корано, но размером с руку. Он положил птицу рядышком, а плотву в стороне.

Муравьи толпами помчались к птице, они толкались, ползали вокруг. Словом, занимались делом. Но двое или трое помчались к плотве, метались вокруг нее, что-то рыли. Мистер Костелло взял муравья с плотвы и бросил его на птицу. Тот перевернулся и, толкаясь среди других муравьев, помчался по песку обратно к рыбешке.

— Видите? Видите? — с энтузиазмом говорил он.— Смотрите дальше...

Мистер Костелло взял муравья с птицы и положил на плотву. Муравей не стал тратить времени и проявлять любопытство. Он повертелся, сориентировался и направился прямо к мертвой птице.

Я смотрел на синих муравьев, на плотву с двумя или тремя прожорливыми мусорщиками, на мистера Костелло.

— Понимаете, что я имею в виду? — с восхищением произнес он.— Один из тридцати питается не так, как другие. Нам больше ничего не нужно. Говорю вам, интендант, вы всегда найдете способ заставить большинство напасть на оставшихся.

— Но они не воюют!

— Подождите немного,— быстро сказал он.— Подождите. Нужно только втолковать тем, что едят птиц, что другие опасны для них.

— Но они же не опасны,— сказал я.— Они просто другие.

— Да какая разница, если вы сведете все к этому?! Мы напугаем большинство, и они убьют тех, других.

— Да, но почему, мистер Костелло?

— Ты мне нравишься, парень.— Он усмехнулся.— Я буду думать, а ты — работать. Я все тебе объясню. Они все выглядят одинаково. Однажды мы заставим тех выгнать этих,— он указал на меньшинство вокруг плотвы,— они будут знать, что есть плотву нельзя. Они будут беспокоиться, и сделают все, чтоб их не заподозрили в пристрастии к плотве. И когда они будут хорошенько напуганы, мы заставим их делать все, что пожелаем.

Он сидел на корточках и наблюдал за муравьями. Потом взял любителя плотвы и бросил на птицу. Я встал.

— Ну, мне пора, я ведь только вас навестить, мистер Костелло...

— Я не муравей,— произнес мистер Костелло.— Пока мне наплевать, чем они питаются, я в силах заставить их делать все, что хочу.

— Я вижу,— ответил я.

Он продолжал говорить сам с собой, а я пошел прочь. Он наблюдал за муравьями, мечтал и не обращал на меня никакого внимания.

Я вернулся к Барни. Признаться, я ничего не понимал.

— Что он делает, Барни? — спросил я.

— То, что хочет,— ответил он.

Мы сели в монобиль, поднялись на холм и проехали силовые ворота. Через некоторое время я снова спросил:

— Он долго здесь будет?

— Сколько захочет,— коротко ответил Барни.

— Никто не захочет долго оставаться взаперти.

Он посмотрел на меня прежним странным взглядом.

— Найтингейл не тюрьма.

— Но он же не может выйти.

— Слушай, приятель, мы можем переделать его, можем даже сделать из него интенданта. Но мы не делаем ничего такого уже много лет. Мы даем человеку делать то, что он хочет.

— Он никогда не хотел быть хозяином муравейника.

— Разве?

Должно быть, он увидел, что я ничего не понимаю и поэтому добавил:

— Всю жизнь он притворялся, будто он — единственный человек, а все остальные — букашки. Теперь это стало явью. Ему больше не придется ворошить человеческий муравейник, не будет случая.

Я посмотрел сквозь ветровое стекло на сверкающий шпиль моего корабля.

— Что стряслось с Боринкуином, Барни?

— Часть его людей проникла в Систему. Его идею нужно было остановить.

Он помолчал, размышляя.

— Не обижайся, но ты — просто глупая обезьяна. Я должен сказать тебе это, раз никто другой не решается.

— А почему? — спросил я.

— Нам пришлось вторгнуться на Боринкуин, который когда-то был царством свободы. Мы добрались до резиденции Костелло. Это был настоящий укрепленный форт. Мы взяли и его и его ребят. Но девушку мы спасти не успели. Он убил ее. И парней полегло предостаточно.

— Он всегда был хорошим другом,— сказал я через несколько минут.

— Разве?

Я ничего не ответил. Мы подъехали к космодрому, и он остановил машину.

— Он бы еще не так развернулся, если бы ты на него работал. У него была запись твоего голоса: «Иногда человеку просто необходимо побыть наедине с собой». Если бы ты работал на него, он все время держал бы тебя в страхе, угрожая огласить ее.

Я открыл дверцу.

— Почему ты показал мне его?

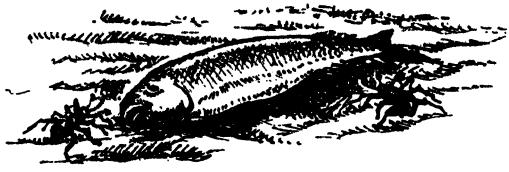
— Потому, что мы верим: надо позволить человеку делать то, что он хочет, если это не причиняет вреда другим. Если хочешь вернуться на озеро и работать на Костелло, я отвезу тебя к нему.

Я осторожно закрыл за собой дверцу и поднялся на корабль.

Я выполнил всю работу, и мы стартовали точно по расписанию. Я не находил себе места. Я не думал о словах Барни и не особенно беспокоился о мистере Костелло и о том, что с ним случилось:

ведь Барни — лучший психиатр Флота, а Найтингейл — самый красивый госпиталь во Вселенной.

Но меня еще долго сводила с ума мысль, что никогда не будет на моем пути другого такого значительного человека, как мистер Костелло, который подарит тепло, ласку и крепкую дружбу простофиле вроде меня.



Фрэнк Робинсон

ОГОНЬ И МЕЧ

«Почему люди совершают самоубийство?»

Темплин пристегнул ремень безопасности и откинулся в компенсаторном кресле. Свет в кабине потускнел до неяркого красноватого свечения, красный свет — значит, близится время отправления. Ему были слышны шумы в глубине корабля и маленький вихрь лопастей вентилятора, наполняющего воздух сладковатым запахом усыпляющего газа. Проспать все время полета было все-таки лучше, чем просидеть всю дорогу, глядя на тусклую монотонность звезд.

«Ох, они убивают себя по множеству причин. Нелады со здоровьем или финансовые затруднения, семейные неприятности или несчастная любовь. Есть и более сложные причины, если копнуть поглубже. Крах личных амбиций, неудача при попытке жить своим идеалом. Меланхолия, наконец».

Он ощущал горькую свежесть табачного дыма, смешивающегося с газом. Эккерт зажег сигарету и хладнокровно дымил под неоновым знаком «не курить», вновь и вновь загоравшемся в меланхолическом неодобрении.

Темплин слегка повернул голову так, чтобы видеть Эккерта в кресле напротив. Эккерт, один из тех славных незаметных людей из Службы. Старых и надежных. Один из тех, кто мог бы почти все преодолеть с разгона, потому что сейчас или в следующий раз, но ему пришлось бы это сделать.

Именно Эккерт пришел в его контору несколько дней назад и сказал, что Дон Пендлитон покончил жизнь самоубийством.

«Только Пендлитон был не из таких. Он был из того сорта людей, который имеет в жизни все, что захочет, того сорта, который инстинктивно знает, что почем. Не лучший способ помянуть умершего. Клише всегда первыми приходят на ум. Ваша память предает вас и низводит дружбу до статуса констатации».

Мягкий красный свет, казалось, плясал в полумраке кабины. Его напарник был сейчас тусклым бесформенным пятном напротив. Его сигарета погасла.

Эккерт пришел в его оффис и, не говоря ни слова, уставился в пейзажное окно. Там шел снег, снежинки образовывали простой узор, пролетая за окном. Эккерт повертел ручки управления и изменил пейзаж на солнечный, затем на безумную смесь града с ярким, золотым солнечным светом.

Тогда Эккерт сказал ему, что Пендлитон выбрал для себя короткий путь.

Темплин подумал, что не должен проявлять сентиментальность. Какого черта он должен вообще вспоминать Пендлитона? Попытаться забыть и выпить в его память на следующей встрече выпускников. И никогда, никогда не быть таким жестоким, чтобы злословить насчет причин, побудивших его это сделать. Если, конечно, это сделал он сам...

Кабина была залита красноватым сиянием. Сонный газ с тяжелым ароматом...

Эккерт и он поговорили об этом и перелистали записи. Пендлитон из хорошего рода. В прошлом его семьи не было проявлений душевной нестабильности, настолько далеко, насколько заходили генетические записи. Он был выходцем из среднего класса и посещал местную начальную школу, где достиг умеренных успехов и доставил своим наставникам нормальное количество неприятностей. Позже, когда он напряг свой ум, чтобы войти в Дипломати-

ческий корпус, его КИ * улучшился. Он усердно трудился над собой, хотя и не был тем, что называется «зубрилкой». В средней школе и позже, в колледже, он был то, что называется «гармонично развитый тип» — атлет, общителен и прилежно занят учебой.

«Сколько времени может пройти, прежде чем сотрется память, и единственное, что останется от Пендлитона,— страница статистических данных? Он был в этой команде, он был избран ее президентом и переходил с курса на курс с постоянными наградами. Но пытаться получить представление о нем, читая записи, восстанавливать его облик со страниц текста... Был ли он человечен? Был ли он из плоти и крови? О, дьявол, нет! По статистике Пендлитон был Великолепным Парнем, холодной мраморной статуей с прекрасными рельефными мускулами и гладкими углублениями там, где должны быть глаза. Может быть, судьба однажды сыграет шутку с публикой, поклоняющейся героям, и действительно появятся ребята вроде этого. Но они не будут людьми, они не будут рождаться обычным путем. Родители будут получать их в посылках по почте».

Он был раздражен; помещение снова наполнилось газом, теперь заснуть для него было делом минут.

Пендлитон второй год служил в качестве атташе на Танпеше, маленькой планете с солнцем шестого типа. Служба недавно случайно натолкнулась на нее и решила, что система в своем роде дипломатически плохо изучена, и Пендлитон был послан туда. Он должен был стать первым атташе, посланным на Танпеш и, естественно, был один.

Не было необходимости посылать больше. Танпеш надо было осмотреть, изучить и вынести суждение. Аборигены были примитивны и дружелюбны. Или, может, Служба здесь поскользнулась, как иногда случалось, и Танпеш не соответствовал данному определению?

И когда незарегистрированный грузовик сел на планету — это был один из очень немногих кораблей, которые когда-либо подходили к Танпешу — капитан попытался уплатить дань уважения Пендлитону. Только Пендлитона там не было. Аборигены сказали, что он убил себя, и указали капитану на маленькую, покрытую цветами лужайку, где они его похоронили.

Танпеш был вторым назначением Пендлитона.

Аборигены были ох-как-дружелюбны. Он был так уверен в их дружелюбии, что не забыл оборудовать на борту обычную камеру,

* КИ — коэффициент интеллектуальности.

которая сейчас была полна сияющих атомных винтовок, игольных ружей и короткоствольных газовых автоматов. Они могли понадобиться. Люди, подобные Пендлитону, не убивают себя, не так ли? Нет. Но иногда их убивают.

Теперь внутри кабины было почти темно, только тонкая красная линия по периметру потолка свидетельствовала, как близки они были к отправлению. Его голова была набита дремой, веки налились тяжестью так, что он понял, что очень долго не сможет их открыть.

Эккерт и он были избраны для полета на Танпеш и для расследования. Они двое, работая вместе, должны суметь выяснить, почему Пендлитон убил себя.

Но это не было настоящей причиной. Может быть, Эккерт и думает так, но он знает лучше. Настоящая причина, почему они собрались на эту планету, была в том, чтобы выяснить, почему Пендлитон был убит и кто его убил. Вот так.

«Кто малиновку убил?»*

Тонкая красная линия сейчас была практически микроскопической, и Темплин смог еще почувствовать, как его ресницы мягко опускаются. Но он не спал — не совсем спал. Было что-то, засевшее в тусклой чаше его мозга.

Их информация о Танпеше была ограниченной. Было известно, что на планете нет промышленных концессий и вооруженных сил, и что никто из соседних систем, кажется, не знает о ней особенно много и никогда ее не посещает. Но на Танпеш по устоявшемуся порядку должен был быть назначен штатный антрополог, чтобы поставлять данные и отчеты.

— Тед? — пробормотал сонно Темплин.

Слабое шевеление в черной массе напротив.

— Как получилось, что наш антрополог на Танпеше не собрал достаточно информации?

Сонное бормотание с другой подвесной койки: — Он пробыл там недостаточно долго. Он совершил самоубийство вскоре после посадки.

Каюта была вращающимся омутом тьмы, в которой его мозг медленно угасал. Взлет был делом секунд.

«Почему люди совершают самоубийство?»

— Прекрасный день, не правда ли, Тед?

Эккерт, наслаждаясь, сделал глубокий вдох. День из тех, что

---

* Первая строка английской детской песенки.

заставляют вас чувствовать себя хорошо просто потому, что вы живы.

Теплый ветерок шелестел в седых волосах Эккерта и легко трогал его тунику. Воздух был свеж и ароматен, как будто его пропитали экстрактом, напоминающим сосновый. В нескольких сотнях ярдов от них возвышался лес, прямой, стройный, манящий прохладой. В листве порхали и кружились сверкающие разноцветные птицы.

Ракетный порт, где они стояли, был всего лишь травянистой долиной, где все, слишком уж редкие, корабли могли приземлиться и разгрузить трюмы или совершить ремонт. Сейчас на ней чернело пятно с тлеющим пламенем, умирающим по краям. «Пройдет немного времени, и здесь все зазеленеет вновь»,— подумал Эккерт. Трава казалась быстрорастущей. «Конечно, будет еще уйма времени, чтобы она выросла, прежде чем сядет следующий корабль».

Он смотрел на тонкий, уменьшающийся контур, которым была сейчас видна ракета, и внезапно остро осознал, что он и Темплин на шесть месяцев выброшены на берег чужой и, вероятно, опасной, планеты. И не было возможности воззвать о помощи или эвакуации до прошествия этих шести месяцев.

Эккерт постоял еще минутку, наслаждаясь свежим воздухом и ощущая солнечные лучи на лице. Вне назойливого шума и толкотни может оказаться очень приятно провести время в месте, где солнце такое теплое и манящее.

«Должно быть, я старею,— подумал он,— если думаю о тепле и комфорте, как старая собака или восьмидесятилетний старик».

Темплин смотрел на пейзаж с выражением разочарования на лице. Эккерт украдкой бросил на него взгляд и на краткий, летучий миг почувствовал смутное беспокойство.

— Не разочаровывайтесь тем, что это выглядит не так, как вы ожидали. Нам не понадобятся немедленно плащи и кинжалы, Рэй. Но то, что кажется достаточно невинным снаружи, может оказаться весьма опасным внутри.

— Как-то трудно думать об опасности в подобной обстановке.

Эккерт согласно кивнул:

— Не подходит, правда? Как будто знаменитый певец вставил в оперу джазовый номер или принцесса в волшебной сказке обернулась уродиной.

Он жестом указал на поселение.

— Вы вряд ли квалифицировали бы это как источник опасности, судя по внешнему виду, не так ли?

Ракетный порт лежал в маленькой долине, окруженной низки-

ми лесистыми холмами. Поселение начиналось там, где ракетный порт кончался, кружило по заросшим лесом склонам и пряталось там. Домики из высушенной на солнце, промытой добела глины таились в тени гигантских деревьев и обнимали берега речки.

— Это выглядит восхитительно примитивно,— пробормотал Эккерт,— и все-таки не является отличительным признаком, характеризующим большинство примитивных селений.

Немногочисленные взрослые с любопытством наблюдали за ними, а обычная стайка детей, которая всегда собирается вокруг космопорта, сбежалась так же быстро. Эккерт минуту пристально смотрел на них, пытаясь догадаться, что же в них кажется странным, а они в ответ уставились на него с достоинством ко всему готового детства. Наконец дети выбрались на поле и окружили их с Темплином.

Тот осторожно изучал их.

— Получше смотрите за ними, Тед. Даже ребятишки могут быть опасны.

«Это потому, что ты никогда не подозревал детей,— подумал Эккерт.— Ты и не думал, что они могут причинить какой-либо вред. Но можно подумать и о них. Ребенок способен нанести такую же рану ножом, как и взрослый мужчина, например. И они могут владеть другим оружием».

Но это соображение никак не вязалось с теплым воздухом, голубым небом и смолистым ароматом деревьев.

Один из взрослых подошел к ним.

— Комитет по встрече,— тихо сказал Темплин, рука которого скрылась под туникой.

«Его нельзя обвинить в нервозности,— осознал Эккерт.— Это — его первое внеземное дело, первая миссия такого рода. И, конечно, Пендлитон был его хорошим другом».

— Я должен быть очень осторожен в том, что делаю,— сказал Эккерт.— Я терпеть не могу начинать что-либо просто потому, что неправильно понял чьи-то намерения.

Комитет Одного был представлен мужчиной среднего роста и возраста, одетым просто в полоску белой материи, закрученную вокруг бедер и свободно свисающую до колен. Когда он приблизился, Эккерт усомнился в правильности определения его возраста. У мужчины была крепкая мускулатура, обтянутая тугой кожей молодого человека, а слегка морщинистое лицо и белые волосы старили его. У Эккерта осталось такое чувство, что, если бы вы захотели узнать его точный возраст, пришлось бы посмотреть на его зубы или узнать что-либо о его эпифизарных перегородках.

— Вы МЕНШАРЫ с Земли? — голос был резок, но приятен, а произношение — очень чистое. Эккерт внимательно и задумчиво рассматривал туземца, делая кое-какие мысленные заметки.

Абориген не кланялся и не пресмыкался, как большинство туземцев, которые были не слишком знакомы с посетителями с небес; к тому же, он был тверд и едва ли дружелюбен и гостеприимен.

— Вы учили наш язык у Пендлитона и Рейнолдса? — Рейнолдс был антропологом.

— У нас были раньше посетители с Земли.— Он поколебался немного, а потом протянул руку в земном знаке приветствия.

— Можете меня звать Яфонгом, если хотите,— он остановился ненадолго, чтобы сказать что-то на туземном языке окружавшим их детям. Группка быстро рассеялась и разобрала багаж.— Пока вы здесь, вам нужно постоянное место. Есть одно, готовое, если хотите последовать за мной.

«Он вежлив,— подумал Эккерт.— Не спросил, зачем мы здесь и долго ли собираемся оставаться». Но, может быть, туземцам легче судить об этом, чем ему и Темплину.

Город был больше, чем он думал сначала, и простирался по обширному пространству степной стороны. Здесь, насколько он мог судить, не было более развитой индустрии, чем уровень ручного ремесла и простого ткачества. Цветные пятна на склонах далеких холмов показывали наличие ферм, а практически у каждого дома в деревне был садик.

Производство, по-видимому, было вынесено на центральную площадь, где немногие взрослые и дети, сидя на корточках на теплом послеобеденном солнце, работали над гончарными кругами и ткацкими станками. Другая часть площади была отдана под туземный базар, где горшки и куски материи предназначались для продажи и где многочисленные прилавки были завалены сушеными фруктами, овощами, вымытыми и ощипанными тушками местной разновидности домашней птицы.

Было далеко за полдень, когда вслед за Яфонгом они вошли в маленький, добела отмытый дом на пути к холму.

— Можете пользоваться им все время вашего пребывания,— сказал абориген.

Эккерт и Темплин быстро обошли немногочисленные комнаты. Они были хорошо обставлены в грубоватом сельском стиле, а без тех современных удобств, которых тут не было, земляне легко могли обойтись. Мальчишки, принеся багаж, оставили его снаружи и спокойно скрылись. В помещении становилось темно, и Эккерт открыл один из ящиков, которые они внесли, вынул электрический фонарь, включил его, затем обернулся к Яфонгу:

— Вы были очень добры к нам, и мы были бы рады отплатить вам. Можете взять из этого ящика все, что хотите.

Землянин открыл еще один ящик и вынул обычный набор товаров для торговли: ярко окрашенные одеяния, ювелирные украше-

ния тонкой работы, несколько механических приспособлений, которые, как знал Эккерт, обычно привлекают примитивное воображение.

Яфонг пробежал рукой по одеждам, поднял некоторые украшения к свету.

— Я благодарен вам, но здесь нет ничего, чего бы мне хотелось.— Он повернулся и вышел в сгущавшуюся темноту.

— Неподкупный туземец,— саркастически засмеялся Темплин.

Эккерт вздрогнул.

— Это одна из тех вещей, что делаются в обход обычая: попытки подкупа некоторых туземцев, чтобы у вас были друзья, на случай, если они вам понадобятся.— Но он остановился на миг, задумавшись.— Вы заметили контекст? Он не сказал, что не хочет ничего из того, что мы показали ему. Он сказал, что тут не было НИЧЕГО из того, что он хочет. Намекая, что все, чего он хочет, у него уже есть.

— Это не очень типично для примитивного общества, не так ли?

— Боюсь, что да.— Эккерт начал распаковывать некоторые из ящиков.— Знаете, Рэй, мне доставляет удовольствие смотреть на детей. Они выглядят очень здоровыми, не так ли?

— Слишком здоровыми,— сказал Темплин.— Кажется, здесь нет ни одного распухшего или разбитого носа, ни одной царапины, ни одного фонаря под глазом, ни одного ушиба. Это выглядит неестественно.— Его голос был напряжен.— Здесь может таиться ловушка, знаете ли.

— Каким образом?

Слова рождались медленно: — Люди слишком небрежны, как будто играют отрепетированные роли. Мы, из совершенно другой солнечной системы, высадились здесь; это должно быть для них необычным. И все-таки, сколько любопытства они выказали? Вообще, было ли хоть какое-то любопытство? Был какой-нибудь страх? Нет. И миловидные, идеально здоровые маленькие дети.— Он посмотрел на Эккерта.— Может быть, это то, о чем вы предпочитаете думать, то есть, почти идиллическое, безвредное общество. Может быть, и Пендлитон думал так до самого конца.

Темплин взвинчен, раздражен,— понял Эккерт. Вероятно, он в каждой вещи будет видеть угрозу, а за каждым углом — воображаемую опасность.

— Еще не установлено, что Пендлитон был убит, Рэй. Давай-ка не зашоривать разум, пока не будем знать наверняка.

Он выключил свет и откинулся на холодную постель, позволив телу полностью расслабиться. Холодный ночной ветер лениво дул из леса и хлопал ставнями, неся свежесть деревьев и трав; Эккерт глубоко вздохнул и на миг позволил своим мыслям свободно раз-

брестись. Это может оказаться приятным: прожить на Танпеше шесть месяцев, даже если эти полгода — все, что осталось прожить. Климат превосходен, а народ скроен лучше, чем у обычных примитивных культур. Если когда-нибудь ему суждено вернуться, внезапно подумал Эккерт, он будет вспоминать Танпеш. Было бы приятно провести здесь свою старость. И рыбалка, вероятно, тут великолепная.

Он чуть повернул голову, наблюдая, как его товарищ готовится ко сну. В выборе его кандидатуры были преимущества, о которых Темплин не подозревал. Эккерт гадал, что́ стал бы делать его коллега, обнаружив однажды, что истинной причиной, по которой его отобрали, было то, что его психологическая карта была очень близка к карте Пендлитона. Личные ощущения и эмоции Пендлитона дублировались почти идентичными у Темплина.

Несколько заблудших пучков звездного света пронзили темноту и немедленно засверкали на маленьком металлическом ящичке, пристегнутом к запястью Темплина. «Силовая установка, вероятно, связанная с кнопкой на тунике Темплина»,— угрюмо подумал Эккерт. Очень удобное, портативное и трудно обнаруживаемое оружие.

В том, чтобы взять Темплина, были не только преимущества.

— Как вы думаете, Тед, насколько примитивно это общество?

Эккерт опустил щепочку, которую выстругивал, и потянулся за трубкой с табаком.

— Думаю, оно не совсем примитивно. Слишком много несоразмерностей. Их знание о многих вещах несколько сложнее, чем эмпирическое. Они связывают рост посевов с удобрениями и азотом в почве в той же мере, что и с солнечным светом, и больше, чем с благословением какого-то туземного бога. И они выделяются во многих других отношениях. Их искусство и культура весьма развиты. Свободное искусство существует наравне с чисто декоративным, а техника прекрасно развита.

— Я рад, что вы согласны. Взгляните сюда.— Темплин бросил на грубо обработанный стол сияющий кусочек металла. Он был тяжел, а одна его грань чрезвычайно остра.

— Для чего это служит?

— Они основали здесь больницу. Не в нашем понимании, конечно, но тем не менее — больницу. Она не часто посещается — туземцы явно не болеют. Но здесь бывают случайные охотничьи инциденты и несчастные случаи, требующие хирургического вмешательства. Эта полоска металла — здешний скальпель.— Он хохотнул.— Примитивное приспособление, но работает хорошо, так же хорошо, как и любой из наших.

Эккерт взвесил скальпель на ладони.

— Самое главное, у них достаточно знаний, чтобы использовать такое. Хирургия — непростая наука.

— Ну, и что вы думаете по этому поводу?

— Яснее ясного. Они, очевидно, поддерживают точно такой уровень технологии, какой им необходим. По крайней мере, в тех областях, где это необходимо.

— Как случилось, что они не пошли дальше?

— А зачем? Можно жить без космокаров и ракетных кораблей.

— Вы не догадываетесь, какого рода вооружение они могут иметь?

— Важно не то,— задумался Эккерт,— что они его имеют, куда важнее — не использовали ли они его. И я, пожалуй, сомневаюсь, что они это делали. Мы здесь уже две недели, и они очень внимательно следят, чтобы у нас были еда, вода и все необходимое.

— В животноводстве это известно как откорм для забоя,— сказал Темплин.

— Вы убеждены, что Пендлитон убит, не так ли?

Темплин кивнул: — Конечно.

— Почему?

— Танпешане знают, зачем мы здесь. Мы достаточно ясно им намекнули. Но никто не думает о Пендлитоне, никто не соглашается добровольно дать нам какую-нибудь информацию о нем. А ведь он пробыл здесь как атташе целых три года. Неужели никто не знался с ним в течение этого времени? Мы мельком высказали несколько отдельных предположений, что хотели бы поговорить с друзьями Пендлитона, но никто вообще не пришел. Ясно, что за все три года пребывания здесь Пендлитон не завел никаких друзей. А в это как-то трудно поверить. Больше похоже на то, что его друзей заставили молчать, и любая информация о нем утаивается по какой-то причине.

— Какой именно?

Темплин вздрогнул: — Убийство. Какая еще причина здесь может быть?

Эккерт завернул вверх тонкие деревянные жалюзи и вгляделся в пейзаж. Дорога в сотне ярдов ниже, туземная женщина идет на рынок, ведя за повод какую-то разновидность домашнего мясного скота.

— Они выращивают прекрасных женщин, правда?

— Физически совершенных, как и мужчин,— проворчал Темплин.— Можно получить комплекс неполноценности просто наблюдая здешнее население. Каждый так чертовски совершенен! Ни одного больного, никаких неправильностей, никого слишком толстого или слишком худого, ни одного несчастного. Единственная вариация в том, что они не похожи друг на друга. Совершенство. После этого становится чуточку скучно.

— В самом деле? Я не заметил.— Эккерт отвернулся от окна.

— Я ведь тоже очень хорошо знал Дона Пендлитона,— сказал он.— Но это не ослепило меня, не мешает в расследовании дела. Мы пришли разобраться, что с ним случилось, а не для того, чтобы доказывать любое предвзятое мнение. То, что мы найдем, может быть жизненно необходимо для любого, кто будет связан с этой планетой в будущем. И мне противно видеть, как проваливаются все наши попытки по той причине, что вы свое мнение уже составили.

— Вы знали Пендлитона,— угрюмо проговорил Темплин.— Вы думаете — это было самоубийство?

— Не думаю, что здесь нечто подобное самоубийству, если уж об этом зашла речь. Я не исключаю также и убийства и пытаюсь держать ум открытым для любой версии.

— Что мы уже сделали? Что выяснили?

— У нас шесть месяцев,— спокойно сказал Эккерт.— Полгода, в течение которых мы попытаемся понять Пендлитона, прожить здесь, не навлекая подозрений, изучая этот народ и пытаясь культивировать информантов. Мы никуда не придем, если будем будоражить их, постоянно задавая разнообразные вопросы. И не забудьте, Рэй, мы совершенно одиноки на Танпеше. Если это случай убийства, то что случится, когда туземцы обнаружат, что нам это известно?

Глаза Темплина минуту выдерживали поединок. Затем он отвернулся и подошел к окну.

— Я допускаю, что вы правы,— наконец сказал он.— Здесь прекрасно жить, Тед. Может быть, я буду за это бороться. Но я не могу удержаться от мысли, что Дону должно было здесь нравиться.

«Одна из главных трудностей в изучении чужой культуры,— думал Эккерт,— научиться узнавать, когда надо радоваться, когда печалиться».

— ПИЛЕШ, МЕНШАР?

— ШАРРА! — он взял маленькую чашу орехов ПИЛЕШ, положил себе немного и передал дальше. Это определенно было время радоваться, а не работать и беспокоиться. Он услышал о ХАЛЕРА несколько дней назад, и после определенного намека, сделанного властям, он и Темплин были приглашены. Это был удачный случай понаблюдать за народными обычаями. Немного антропологии — для подкрепления. Главные блюда начали свое движение по кругу, и он взял щедрый ломоть жареного УЛАМИ и копченого ГАЛЮНЧА, добавив несколько щепоток печеных овощей. Между каждым основным блюдом они прикладывались к маленькой бутыли горячего туземного вина со специями, но Эккерт заметил, что никто не напивался допьяна.

«Старый греческий идеал,— подумал он.— Умеренность во всем».

Он посмотрел на Темплина, сидящего напротив него в гигантском круге, и мысленно вздрогнул. Темплин выглядел так, будто готов отступить, и Эккерт обрадовался, но под его туникой было легкое утолщение там, где он прикрепил свою силовую установку. Любому дураку известно, что на таком банкете, как этот, ничего не может случиться. Единственная реальная опасность лежит в готовности Темплина вспылить и сделать что-нибудь, о чем позже он сам будет жалеть. И даже эта опасность вряд ли была сейчас вероятна.

«Хлопот не оберешься,— думал Эккерт,— если Темплин когда-либо обнаружит, что я саботировал работу с этой силовой установкой».

— Ты выглядишь задумчивым, МЕНШАР Эккерт.

Он сделал еще один глоток вина и обернулся к танпешанину слева. Это был высокий мускулистый мужчина с острыми глазами, твердым подбородком, окруженный аурой власти.

— Я гадаю, мог ли мой соотечественник Пендлитон чем-либо оскорбить ваш народ, Найова.— Сейчас было самое время прощупать его насчет того, что он знал о смерти Пендлитона.

— Насколко я знаю, МЕНШАР Пендлитон никого не оскорблял. Я не знаю, какой долг он обязан был выполнить здесь, но это был щедрый и учтивый человек.

Эккерт откусил кусочек изысканного мяса тонкой кости УЛАМИ и попытался притвориться, что вопрос случаен.

— Я в этом тоже уверен, Найова. Я также уверен, что вы были с ним столь же учтивы, как со мной и с Темплином. Мое правительство благодарно вам за это.

Найова казался довольным: — Мы пытались сделать для МЕНШАРА Пендлитона, что могли. Пока он был здесь, он занимал тот же дом, что и вы, и мы видели, что он доволен пищей и всем необходимым для жизни.

У Эккерта появилось холодное, неприятное чувство, которое быстро прошло. В сказанном Найовой было что-то, заставившее его поверить, что Темплин не должен это услышать. Он вытер рот широким плоским листом, которым его снабдили, и сделал еще один глоток вина.

— Мы были потрясены, узнав, что МЕНШАР Пендлитон убил себя. Мы его знали очень хорошо и не могли заставить себя поверить в то, что он сделал такое.

Взгляд Найовы ускользнул от Эккерта.

— Возможно, в том была воля Великого,— невнятно сказал он. Затем, помешкав, добавил: — Нам трудно представить, что кто-нибудь может сделать то, что сделал МЕНШАР Пендлитон. Это...— и он использовал туземное слово, которое Эккерт перевел как грубый эквивалент слова «непристойность».

Акробаты заняли сцену, совершили ошеломляющую группу переворотов, в чем им помогали туземные певцы.

«Они во всем великолепны,— подумал Эккерт.— Вряд ли можно их подозревать в чем-нибудь, они слишком добры».

Чаша орехов ПИЛЕШ снова прошла по кругу, и Найова склонился над нею, чтобы сказать:

— Если есть какая-нибудь возможность помочь вам, пока вы тут, МЕНШАР Эккерт, вам нужно только попросить меня.

Может быть, было ошибкой просить список друзей Пендлитона, может быть, существует окольный путь.

— Мне хотелось бы встретиться с кем-нибудь из ваших людей, кто был связан с Пендлитоном, как в деловом отношении, так и в личном. Я сделаю все, чтобы не причинять им неудобств.

— Я думаю, они будут рады помочь вам. Я попрошу их подойти к вам завтра.

Это не было настоящим дождем, просто мягкая капель, увлажнившая пыль на дорогах и забрызгавшая тунику Эккерта. Он не обратил на это внимания — дождь был теплым, а сырые трава и деревья приятно пахли.

— Как бы вы классифицировали эту культуру, увидев эту церемонию, Тед? — спросил Темплин.

— Как вы и ожидали, культ Аполлона, простой и благородный. Ничего неумеренного, ничего насильного для большой эмоциональной разгрузки.

Темплин печально кивнул.

— Это нравится вам все больше, не так ли? Вы обнаруживаете, что это место вам начинает нравиться все больше. И я предполагаю, что это тоже может быть опасно. Вы склонны ослабить бдительность, как сделал это Пендлитон. Вы — что это?

Эккерт напрягся. В нескольких сотнях футов ниже их дома раздавалось мягкое хлюпанье. Темплин распластался в тени стены. Его рука скользнула внутрь туники и вынесла на свет изящную смертоносность игольного оружия.

— Не пользуйтесь этим! — страстно прошептал Эккерт. Глаза Темплина были узкими пугающими щелками темноты.

— Почему нет?

Мысли Эккерта пустились вскачь. Может быть, тут ничего нет, а может быть, таится несчастье. Но здесь еще имеется шанс, что Темплин неправ. И были более простые причины.

— Сколько у вас зарядов?

— Двенадцать.

— Вы считаете, что можете, стоя здесь, удержать их всего лишь двенадцатью зарядами вашего игольного ружья?

— И силовой установкой.

— Она не в порядке,— мягко сказал Эккерт.— Батареи в ней мертвы. Я боялся, что вы можете сотворить с ней какую-нибудь глупость.

Шаги были уже в нескольких ярдах. Эккерт внимательно прислушался, но по звукам было трудно определить, сколько человек там было.

— Что нам, в таком случае, делать?

— Посмотрим, не следят ли за нами. Они могут и не следить.

Земляне выскользнули из тени и нырнули на другую тропинку между домами. Шаги сзади них участились и перешли на ту же самую тропинку.

— Мы должны вернуться назад, к нашему дому,— прошептал Эккерт.

Они побежали настолько бесшумно, насколько смогли, поскальзываясь и скатываясь по грязи. Еще один интервал мимо запертых домов с закрытыми ставнями, и земляне оказались на площади, которую видели в день своей высадки. Она была пуста, ткацкие станы и гончарные круги прикрыты тканью и камышом, чтобы предохранять от дождя. Они стремительно пересекли площадь, две тонкие тени, мчащиеся через открытое пространство и торопящиеся на другую тропинку.

Последняя тропа вела к маленькой речке, пересекавшей город. Темплин осмотрелся, махнул Эккерту, вошел в воду и скорчился под мостком. Эккерт выругался про себя, затем последовал за Темплином.

Холодная вода бурлила под мышками, и он с трудом удерживался, чтобы не чихнуть. Эмоции Темплина были заразительны. Действительно ли шаги его испугали? Эккерт нахмурился и попытался быть честным с собою. Может, да, а может быть, и нет. Но он не мог позволить Темплину остаться лицом к лицу с приближающимся неизвестным. Не Темплину.

Шаги приблизились к мосту, помедлили минутку, затем прошлепали по мосткам и замерли вдали на глинистой дороге. Эккерт позволил себе медленно перевести дух. Шаги были забавно легкими.

И шел только один человек.

— Мне хотелось бы кое-что узнать,— холодно сказал Темплин. Он отстегнул свою силовую установку и позволил ей упасть на пол.

— Почему вы решили поменять батареи в этой коробке на пустые?

— Потому,— кратко ответил Эккерт.— Я боялся, что вы сделаете с ней что-нибудь, о чем позже будете жалеть. Вы не попадали в ситуации, подобные нынешней. Вашим реакциям нельзя было доверять. Одно неправильное движение, и мы последуем за Пендлитоном, как бы он ни умер. Вы это знаете.

Он выжал свою тунику и медленно стащил мокрые плавки.

В дверь робко постучали. Он завернулся в одеяло и сделал знак Темплину встать рядом. Тот схватил стульчик, взвесил его в руке и подчинился.

Эккерт подошел к двери, осторожно распахнул ее. Там стояла девушка, наполовину в тени, наполовину освещенная желтоватым светом из комнаты. Она промокла до нитки и была в грязи до колен.

— МЕНШАР забыл это на ХАЛЕРА,— сказала она мягко. Вручив землянину трубку и промокший кисет с табаком, она немедленно скрылась в дождь. Он прислушался к звуку ее шагов по мягкой грязи, потом закрыл дверь.

— Мы, вероятно, стояли лицом к лицу с опасностью как из-за нашего собственного воображения, так и от чего-либо другого,— угрюмо сказал он.— Скажите мне, вы бы сперва выстрелили или подождали бы, пока с уверенностью не выяснили бы кто она и чего хочет, когда она впервые пошла за нами?

— Не знаю,— уныло сказал Темплин.

— Тогда я предоставлю вашему воображению ситуацию, в которой мы бы находились сейчас, если бы поддались вашему порыву.

— Мы не слишком много выяснили, не так ли? — вопрошал Темплин несколькими днями позже.

— Да,— уступил Эккерт.— Не много.— Он просматривал толстую стопку карточек на столе. Статистические результаты были не только интересны, но и в некотором роде феноменальны. За три года, или около того, которые Пендлитон провел на Танпеше, он встретился или успел познакомиться приблизительно с семьюстами туземцами. Подавляющее большинство встреч, конечно, были чисто случайными и ничего не значили. Хотя почти сотня аборигенов расширила свои отношения с Пендлитоном в социальной или деловой сфере. Из этой сотни ни один — ни единый! — не согласился признать, что знает Пендлитона хорошо или что может считаться его другом.

Все, что они говорили, это то, что Пендлитон был здоров и с ним легко было иметь дело, а однажды теплой ночью он шокировал общину, выйдя из дома и выстрелив в себя.

— Как Ричард Кори,— вслух сказал Эккерт.

— Как кто? — переспросил Темплин.

— Ричард Кори. Персонаж в поэме автора двадцатого века Эдвина Арлингтона Робинсона. С виду у него было все, чтобы жить, но Ричард Кори одной холодной летней ночью вышел из дома и пустил себе пулю в голову.

— Я посмотрю ее на днях,— сказал Темплин. Он указал на стопку карточек.— На это потрачено много бумаги.

— Да,— с сомнением ответил Эккерт.— Если быть искренним,

я надеялся, что мы узнаем отсюда много больше. Я никак не могу понять, почему мы не раскопали никого, кто согласился бы считать себя его другом.

— Как вы узнаете, говорят ли вам правду? О, на самом деле, как вы узнаете, что те, на кого мы смотрим так долго, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО знали Пендлитона?

Эккерт забарабанил пальцами по столу.

«Вы изучаете различные человеческие культуры двадцать пять лет, и у вас есть хотя бы то преимущество, что вы можете определить — говорит человек правду или нет. А можете ли? Может быть, это всего лишь старческое самомнение? Годы сами по себе никогда не одаряют мудростью». Несмотря на личные причины, по которым Темплин мог думать, что танпешане лгут, остается несомненным фактом, что они очень легко могли бы это сделать. «И как же надо поступить, если так оно и есть?»

В дверь вежливо постучали.

— У нас еще один посетитель,— сказал Темплин саркастически.— Вероятно, он видел Пендлитона четыре года тому назад на ХАЛЕРА и хочет убедиться, что мы знаем об этом.

Танпешанин показался Эккерту знакомым. Что-то такое в его манерах...

— Я встретил вас в день вашей посадки,— начал абориген, и Эккерт вспомнил. Яфонг, их провожатый, указавший им дом.

— Ты знал Пендлитона?

Яфонг кивнул: — Я и сосед ткач приглядывали за его маленьким заведением, когда он покинул нас.

Эккерт вспомнил небольшую контору на площади с куском ткани над окном и маленькой глиняной табличкой на подоконнике с выдавленными буквами, извещавшими:

ДОНАЛЬД ПЕНДЛИТОН. СЛУЖБА АТТАШЕ.

— Почему ты не сказал нам об этом раньше?

— Я не знал, какого рода сведения вам нужны.

«Мы не спрашивали его,— подумал Эккерт,— а добровольно он информацию не дал. Вежливо, если не сказать больше».

— Сколько времени ты знал его?

— С тех пор, как он прилетел. Я был назначен к нему.

— Что ты имеешь в виду — назначен к нему?

— Попытаться выучить его язык и научить его своему.

Эккерт почувствовал, как его интерес растет. Яфонг, таким образом, должен был очень хорошо знать Пендлитона.

— Были у него враги, о которых ты знал?

— Враги? — Яфонг, казалось, не понял значения этого слова, и Эккерт ему объяснил.— Нет, у него не было никаких врагов. Конечно, на Танпеше он не мог иметь никого подобного.

Темплин наклонился вперед, напрягшись: — Если у него не было

врагов, почему он не имел друзей? Ты, например, знал его дольше и лучше всех остальных. Почему же ты не стал его другом?

Яфонг выглядел таким несчастным, будто его силой заставляли сказать нечто, чего ему очень не хотелось произносить.

— Пендлитон был КАВА. Я не могу объяснить это. Трудное понятие. Вы не поймете.

Эккерт понял, что скатывается к опасности задать Яфонгу слишком много вопросов и тем самым помешать ему или сделать его речь невнятной. Но ничего нельзя было изменить. Пока что они не достигли совершенно никакого прогресса, а время стремительно утекало прочь.

Эккерт попытался деликатно перейти к новой теме.

— Знал ли Пендлитон кого-нибудь из женщин вашей расы?

— Некоторых женщин он знал так же, как и мужчин.

Ответ не дал Эккерту того, что он хотел бы знать.

— Была у него любовь с какой-нибудь из женщин? — Поставленный таким образом вопрос прозвучал грубо, но трудно было придумать другой способ это узнать.

Яфонг взглянул на него, не веря собственным ушам, как будто Эккерт спросил, не было ли у Пендлитона двух голов.

— Это совершенно невозможно. Ни одна из наших женщин не полюбила бы — не смогла бы полюбить — МЕНШАРА Пендлитона.

«Одна линия расследования лопнула с треском,— подумал Эккерт.— Но Пендлитон был не из тех, кто позволяет сердцу вышибить себя из колеи, в любом случае».

— Почему бы и нет? — резко прервал их Темплин.— Он был недурен собою и был бы хорошим мужем.

Яфонг дипломатично повернулся лицом к Темплину: — Я говорил вам уже один раз — Пендлитон был КАВА. Это было совершенно невозможно.

Ответ на вопрос, что случилось с Пендлитоном, вероятно, крылся в неспособности Яфонга объяснить свои термины, предположил Эккерт. Можно было подойти так близко, что определения станут смутными и бесполезными.

— Сегодня ночью мы должны исключить некоторые версии,— сказал Эккерт.

Он взял маленький ящик из своей груды багажа и открыл его. Внутри была маленькая, на батареях, коробка со шкалами различных устройств на передней панели, обычными электродами и выпуклыми нервными зондами с боков и сверху.

Темплин смотрел на него с изумлением.

— Пользоваться этим может быть опасно, не правда ли?

— Может быть опасно не воспользоваться этим. Время стано-

вится важным фактором, и мы должны добиться хоть каких-нибудь результатов. У нас есть граница безопасности, в пределах которой мы можем стереть память об этой процедуре, но сама она остается рискованной.

— На ком мы будем ее проводить?

— Поскольку-постольку мы собираемся ее использовать вообще,— угрюмо сказал Эккерт,— мы можем с тем же успехом начать с высших.

Когда они готовились к полету, расследование казалось Эккерту совсем простым делом. Были только две возможности — или Пендлитон совершил самоубийство или был убит. Зная записи Пендлитона, первую версию можно было отвергнуть. Несколько недель на Танпеше убедили его, что вторая версия тоже должна быть отброшена. Либо одна, либо другая должна быть исключена. Вторую исключить было легче.

Были и другие причины, столь же убедительные. Темплин был все еще уверен, что Пендлитона убили, а Темплин был человек эмоциональный, с доступом к мощному оружию. Вопрос был не в том, что он может сделать на самом деле, а в том, когда он сорвется.

Ночь, кажется, снова собралась быть дождливой. Было холоднее, чем обычно, и темные тучи скользили по звездному небу. Эккерт и Темплин стояли в тени дома, высматривая тропинку потемнее для какого-нибудь случайного прохожего. Эккерт выглянул под дождем со своего наблюдательного поста: несколько минут, и Найова выйдет на вечернюю прогулку.

Только Эккерт начал страстно мечтать о своей постели и домашнем тепле, как дверь открылась, и Найова появился в ее проеме. Эккерт задержал дыхание, когда старейшина почему-то задержался у двери, возможно, привыкая к ночному воздуху, а потом медленно выдохнул, когда Найова пошел вниз по тропинке.

Они подошли к нему с разных сторон.

— МЕНШАРЫ с Земли? — спросил он без испуга.— Есть что-нибудь, чего вы хотите?

— Нам хотелось бы, чтобы вы ненадолго пошли с нами в наше жилище,— начал Эккерт.

Найова был ошеломлен: — Я не понял. Нельзя ли сделать это завтра?

— Боюсь, что надо сделать это сегодня.

Найова явно был не совсем уверен в том, что ему угрожают.

— Нет, я...

Эккерт подхватил его раньше, чем тот коснулся грунта. Темплин вынул пыж из приклада игольного ружья, поднял правителя на ноги, и они скрылись в кустах, окаймлявших тропинку.

Им надо было ужами проскользнуть назад, к своему дому, понимал Эккерт, надеясь только на то, что никто не видел, как они тащили потерявшего сознание аборигена. Он даже рассмеялся про себя, правда, несколько угрюмо. Темплин дожидался действий в духе «плаща и кинжала». Похоже, будто он, в конце концов, в этом деле собирался получить не только свою долю.

Вернувшись в дом, Эккерт приладил электроды и маленькие нервные тестеры к телу Найовы, который пришел в себя.

— Извините,— вежливо сказал Эккерт,— но мы сочли это необходимым. Вы понимаете, что мы должны разобраться во всем, в чем можем, в деле Пендлитона. У нас нет выбора.

Эккерт обнаружил, что смотреть в глаза правителю ему трудно, даже сознавая, что это — его долг и вождю не повредит.

— Но я помогал вам всеми возможными способами,— запротестовал Найова.— Я рассказал все, что мы знаем.

— Это верно,— тупо сказал Темплин,— а сейчас мы собираемся задать вам несколько вопросов.

Найова секунду выглядел озадаченным, а затем покраснел, когда понял.

Темплин повернулся к шкалам на квадратном ящике.

— Нам хотелось бы знать,— вежливо сказал Эккерт,— где вы были две недели назад ночью в это же время.

Найова удивился: — Вы же знаете, что я был на ХАЛЕРА, церемонии совершеннолетия. Вы были со мной в качестве моих гостей. Вы должны твердо знать, что я там был.

Эккерт взглянул на Темплина, который коротко кивнул. Это был стандартный вопрос для проверки аппаратуры.

— Были на Танпеше у Пендлитона какие-нибудь враги?

Найова молча мотнул головой.

— По самым достоверным сведениям МЕНШАР Пендлитон не имел здесь никаких врагов. Он не мог иметь ни одного.

Лицо Темплина показало разочарование.

— Кто здесь был его другом?

— У него не было друзей.

Темплин сердито посмотрел на него, но ничего не сказал. Эккерт нахмурился: тот же самый ответ — у него не было ни врагов, ни друзей.

— Можете ли вы сказать, нравилось ли ему тут?

— Я не могу сказать.— Дрожь.— Я не могу объяснить, а вы не способны понять.

— Кто-нибудь убивал Пендлитона?

Эккер услышал, как Темплин задержал дыхание.

— Нет.

— Спроси его еще раз,— сказал Темплин.

— Кто-нибудь убил Пендлитона?

— Нет.

— Пендлитон убил себя сам?

На лице Найовы выразилось отвращение.

— Да.

— Почему?

— Я не знаю.

Темплин сделал знак Эккерту заняться прибором.

— Позволь мне спросить его,— сказал он утвердительным тоном. Потом обошел туземца и посмотрел ему прямо в лицо.

— Почему ваш народ убил Пендлитона?

— Мы не убивали его. У нас не было причин желать ему зла.

— Вы ожидали, что мы поверим, будто он убил себя? Мы слишком хорошо его знаем для этого.

— Я думаю, этого достаточно,— холодно сказал Эккерт.

Темплин закусил губу, когда Эккерт дотронулся до другого верньера устройства. Найова внезапно вздрогнул, озадаченно посмотрел и осел в кресле. Эккерт снял с него электроды.

— Помогите мне отнести его обратно, если хотите, Рэй.

Они отнесли Найову к его дому и подождали, пока он не начал приходить в себя, после чего оставили его одного.

— Почему вы не использовали «сыворотку правды»?

— Возможна аллергия или реакция свертывания крови. Мы недостаточно знаем этот народ, чтобы рисковать. Они гуманоиды, но не люди.

— Как вы думаете, они способны обмануть машину?

Эккерт не ответил.

— Все верно, я знаю, что нет,— неохотно сказал Темплин.— Он все время говорил правду, не так ли?

Эккерт кивнул:

— Я никогда не допускал, что он лжет. Он выглядит нетипично; их культура не приспособлена ко лжи.

Они немного помолчали, спокойно бродя по тропинкам среди домов с запертыми ставнями, казавшихся от этого нежилыми.

— Я рад,— тихо сказал Темплин.— Это превышает мое понимание. Трудно предположить, что здесь кто-нибудь мог бы... умышленно совершить убийство.

Реакции Темплина будут теперь заслуживать особого внимания Эккерта. Теперь реакции не будут подавляться убеждением, что туземцы убили его лучшего друга. Какие реакции и эмоции он будет демонстрировать — Эккерт в точности не был уверен, так же, как и в том, что психология Темплина, столь схожая с психологией Пендлитона, поможет ему решить проблему.

Они исключили одну версию, но еще осталась та, с которой они начали.

«Почему Пендлитон избрал короткий путь?»

Эккерт медленно открыл дверь. Темплин еще спал, солнечные лучи лежали полосами поперек его смуглой обнаженной спины. На бедрах у него была полоса белой ткани, закрученная на талии подобно тому, как носили аборигены. Сейчас она была спутана, и узел начал распускаться.

Темплин выглядел намного здоровее, чем после высадки на эту планету. Более мирный, более довольный. Кажется, он прибавил фунтов десять и сбросил лет пять за последние шесть месяцев.

А сейчас каникулы кончились. Пора возвращаться.

— Рэй,— мягко позвал Эккерт.

Темплин не пошевелился, продолжая мягко и очень правильно дышать. Эккерт нашел книгу и с шумом уронил ее на пол. Темплин проснулся, но даже не пошевельнулся.

— Чего ты хочешь, Тед?

— Как ты узнал, что это я?

Темплин кашлянул, как будто хотел засмеяться: — Никаких загадок. Кто это еще мог бы быть? Не один танпешанин не будет столь груб, чтобы будить другого, если тот вздремнул, так что это можешь быть только ты.

— Знаешь, что бы ты сделал, если бы кто-нибудь разбудил тебя подобным образом пять месяцев назад?

Темплин попытался кивнуть, но этому мешала кровать.

— Мне хотелось бы вскинуть свое атомное ружье и заткнуть ему рот.

Эккерт пошел туда, где они хранили свой багаж, и начал оттаскивать ящики от стены.

— Ну, а у меня для тебя хорошие новости. Лайнер уже сел, чтобы забрать нас. Они проходят через этот сектор и получили приказ от Службы остановиться здесь. Грузооператоры будут через несколько минут, чтобы помочь перенести наши пожитки.

— Тед...

Эккерт остановился.

— Да?

— Я не возвращаюсь.

— Почему? — лицо Эккерта выражало почти клиническую заинтересованность.

— А зачем? Мне нравится здесь. Я хочу прожить здесь остаток своей жизни.

Багаж рухнул на пол.

— Я не уверен, что тебе это понравится, Рэй. Во всяком случае, спустя какое-то время. Все твои друзья там, на Земле. Каждый, кто тебя знает, там. Здесь новизна чего-то чужого, непохожего на привычное. Я чувствовал это много раз в различных культурах и различных обществах. Скоро ты изменишь свое мнение.

— Это не причина, Тед. Зачем я должен возвращаться в мир,

где большинство людей несчастны какое-то время, а некоторые — постоянно? Насколько я могу судить, Танпеш теперь мой дом, и я не намерен покидать его.

Эккерт был потрясен. Было похоже, что прямо на его глазах происходит событие исторической важности.

— Ты уверен, что тебе понравится прожить здесь всю оставшуюся жизнь? Есть у тебя друзья, чтобы занять место в этом доме?

— Это потребует времени — приобретение знакомств, а еще больше времени уйдет на завоевание дружбы,— защищаясь, сказал Темплин.

— Ты не можешь оставить службу,— заявил Эккерт.— У тебя остается твой долг.

Темплин рассмеялся в подушку: — Не сработает, Тед. Долг — просто модное слово, шовинистическая фраза. Они могут идти дальше и без меня — и ты это знаешь.

— Как насчет Пендлитона, Рэй? Он умер здесь, при таинственных обстоятельствах, как тебе известно.

— Разве мое возвращение ему чем-нибудь поможет? Он не был убит, мы оба это знаем. И почему люди совершают самоубийство? По какой из нескольких тысяч возможных причин сделал это Пендлитон? Мы не знаем и никогда не узнаем. А если узнаем, что в этом хорошего?

Эккерт подумал, что Темплин очень сильно изменился за эти полгода. Слишком сильно.

— Что, если я скажу тебе, что знаю, почему Пендлитон убил себя? — спросил Эккерт.— И что ты сделал бы то же самое, если бы остался здесь?

— Не пытайся на этом играть, Тед. Это чистая психология. Ничего у тебя не получится.

Теперь фрагменты мозаики окончательно сложились в узор. Темплин должен вернуться, независимо от своих намерений и желаний. Единственной трудностью было, что в глубине души Эккерт симпатизировал ему. Возможно, будь он моложе, имей меньший опыт...

— Так ты не хочешь вернуться с нами?

Темплин закрыл глаза и перевернулся на спину.

— Нет.

Наступила мертвая тишина. Темплин почувствовал аромат соснового леса и теплоту мягкого солнечного света, пронизывающего жалюзи. Где-то вдали был слабо слышен гомон играющих детей, но внутри было тихо. Слишком тихо.

Темплин открыл глаза, внезапно почувствовав тревогу:— Тед! Не надо!

Он получил весь заряд газа прямо в лицо и свалился на кровать без сознания.

Эккерт открыл люк в наблюдательную кабину так тихо, как только смог. Темплин сидел на одном из пневматических кресел, печально и пристально глядя на маленькую желтую звезду в черном небе. Он не посмотрел вверх.

— Это я, Рэй,— сказал Эккерт.

Темплин не пошевелился.

— Я полагаю, что должен принести тебе извинения,— начал Эккерт,— но я вынужден был усыпить тебя, чтобы заставить вернуться. Ты не должен был остаться, иначе с тобой бы случилось то же, что и с Доном Пендлитоном.

— Вы в этом уверены? — горько спросил Темплин.

— Разумный вопрос. Ты очень похож на Пендлитона, знаешь ли. В самом деле. Именно поэтому тебя выбрали для этого полета — не столько из-за того, что ты знал его, сколько из-за того, что психологически ты во многом подобен ему. Мы думали, что изучая твои ответные реакции на здешнюю ситуацию, мы получим картину того, что должно было произойти с Пендлитоном.

Темплин не хотел говорить об этом, понял Эккерт, но ему необходимо было все объяснить.

— Хочешь знать, почему Пендлитон убил себя?

Темплин равнодушно пожал плечами.

— Я думаю, мы должны обсудить это прямо сейчас,— продолжал Эккерт.— Любая раса, которая так счастлива своим образом жизни, что не выказывает интереса к чужестранцам, доказывает, что счастливыми ее делают сам способ ее существования, имущество, которым она владеет. Танпеш — то, что может случиться только раз на тысячу цивилизаций, а может быть и еще реже, Рэй.

Окружающая среда — совершенна, таков же и народ, или, по крайней мере, он так близок к совершенству, насколько это вообще возможно. Разумные люди, которые поддерживают свою технологию точно на таком уровне, сколько им нужно для жизни, и живут просто сами собой и друг другом.

Игра природы, возможно. Никаких преступлений, никаких болезней, никаких неврозов. Совершенный образец культуры. Танпеш — рай. Ты не хочешь покидать его, не хочу и я, не хотел и Пендлинтон.

Темплин повернулся к нему: — Так это был рай. Было ли бы преступлением, если бы я остался там? Кому бы я повредил?

— Себе,— угрюмо сказал Эккерт.— Потому что танпешане никогда бы не приняли тебя. Мы слишком непохожи, Рэй. Слишком агрессивны, слишком напористы, слишком настойчивы. Мы — нет, мы несовершенны. Ты видел сам: неважно, как долго мы бы там пробыли, мы никогда не сможем быть достойны их. Мы живем в грубом обществе и носим его метки. Наша собственная среда обусловила наше существование, и измениться мы не можем. О,

мы можем пытаться, но это выходит боком. По этой причине туземцы никогда не станут похожи на нас. Мы никогда не сможем принадлежать их миру. Их собственный образ культуры не позволит им принять нас.

Их образ культуры подобен огненному мечу, преграждающему вход в Эдем после изгнания людей, чтобы сохранить его святость. Если вы — извне, вы остаетесь снаружи и никогда не сможете войти.

Он помолчал минуту, дожидаясь хоть каких-нибудь слов Темплина. Тот молчал.

— У аборигенов есть слово для этого — КАВА. Это значит, я предполагаю, ЧУЖОЙ — не обязательно низший, просто чужой. По прошествии некоторого времени мы обязательно бы заметили это. Мы не привлекали внимания, кажется, они избегали нас. Для них это — естественная реакция, как я догадываюсь. Во всяком случае, должен предполагать.— Эккерт откашлялся: — Видишь ли, все, что случилось с Пендлитоном,— продолжал он неловко,— то, что он влюбился в рай, но рай не хотел иметь с ним ничего общего. Когда прошло три года, он узнал, что он — отверженный в Эдеме. И он не мог покинуть его, вернуться домой и забыть. Он был выброшен на берег рая и видел впереди еще четыре года, которые должен был провести в нем, будучи парией. Пендлитон не смог этого вынести. И никто не смог бы.

Эккерт немного помолчал, думая о холодном, ароматном воздухе, теплом солнечном свете и счастливых детишках, играющих на травянистых тропинках.

— Я догадываюсь, что на тебя это совсем не произвело впечатления? — ядовито спросил Темплин.

Тень легла на лицо Эккерта.

— Тебе это лучше знать, Рэй. Как ты думаешь, смогу я когда-нибудь удовлетвориться собственной культурой?

— Что ты собираешься предпринять?

— Это опасно для человеческого существования, Рэй. Взгляни на это непредвзято — их культура уже убила двоих из нашего народа, и с такой жестокостью, как если бы Танпеш был заселен дикарями-людоедами. Вероятно, мы можем послать большую комиссию, попытаться изменить их.

Темплин вцепился в подлокотники кресла, его лицо стало беспокойно напряженным.

— И это случится в зависимости от рапорта, который ты составишь, так?

— Да.

— Тогда сделай что-нибудь в своем отчете, напиши, что климат там вреден для землян, придумай что-нибудь, только не позволяй изменить Танпеш!

Эккерт долгим и внимательным взглядом посмотрел на него.

— Хорошо, Рэй,— медленно произнес он.— Мы оставим рай в изоляции. Он будет внесен в карантинный список.

Эккерт повернулся и вышел.

Позади него Темплин повернулся в своем кресле и невидящим взглядом уставился в крохотное желтое пятнышко, исчезающее в чернюте космоса.

В. Норберт

ЧУДО В ЧУЛАНЧИКЕ

Мексика у каждого своя. Для кого-то это рыбалка в Акапулько и непременная фотография вдвоем с рыбой. Я думаю, рыбе фотографироваться так же лестно, как рыболову, только из-под воды видно все наоборот, так что рыба, наверное, гордится размерами и весом подцепившего ее рыбака. Другие сидят на лужайках Куэрнаваки и нежатся на солнце. Может, в будни они — знаменитые доктора или солидные фабриканты кожаных изделий в Мехико-Сити; но я наблюдал их только на пляже, с детьми и женами в стильных черно-белых купальниках от Дорина Гиллета.

Я слышал даже, что некоторая, правда, весьма незначительная часть отдыхающих лезет на вулкан Попо и что некоторая, еще менее значительная часть их потом слезает обратно. Впрочем, я не собираюсь рассказывать о том, чего не видел своими глазами.

Моя же Мексика совсем другая. Это — мрачноватое и весьма строгое здание, где водяные трубы покрашены в три разных цвета

и специфический запах лаборатории ничем не выведешь. Это — работа с моим другом-физиологом, чье имя не будет здесь названо по вполне понятной причине. Это — весьма энергичная компания молодых людей из разных стран, которые не прочь при случае разыграть друг друга, но заняты в основном карьерой в физиологии, химии и прочих науках. И еще — это Себастьян.

Себастьян — уборщик, но я ни в коем случае не хочу сказать, что он простой подметальщик. Нет, Себастьян — всем уборщикам уборщик! Когда я с ним познакомился, он обладал необыкновенно пышным красноречием и еще более пышными усами. Усы потом, увы, исчезли. Подозреваю, что их спер кто-то из молодых химиков. Красноречие осталось.

В начале нашего знакомства Себастьян мог цветисто говорить только на одном языке. В ту пору, когда в лаборатории готовилась к печати очередная статья, непременно спрашивали: «А Себастьян бы так выразился?» Постепенно, с приездом чужеземных, большей частью североамериканских, ученых, вторым языком в лаборатории стал английский, и Себастьян овладел в нем такими же красотами стиля, как и в испанском. Он был очень высокого мнения об авторитете и солидности «интернациональных ученых» и отзывался о них почтительно.

Себастьян был интернационалистом, но вовсе не был лишен национального начала. Он прежде всего был мексиканцем и притом весьма благочестивым.

В чуланчике, где он хранил швабры, был устроен алтарь с теми походными святынями, какие мексиканский шофер возит на лобовом стекле своей машины. Нечего и говорить, какой святой занимал в нем почетное место. Конечно, не обошлось и без Святой Девы Гваделупской — можно ли ожидать иного от мексиканского патриота!— но первый план был безраздельно отдан римскому солдату, густо утыканному стрелами и явно огорченному этим обстоятельством.

Теперь я должен рассказать вам о печальном событии, случившемся несколько лет назад и едва не сокрушившем наше процветающее заведение.

Началось все с посещения нашим шефом Национальной закладной конторы. Как его занесло в Национальную закладную контору — это выше моего понимания. Разве что американские подруги его жены прослышали, что там иногда удается по дешевке купить старинные доколониальные украшения.

Однако в тот день в продаже была только смешанная партия скобяных изделий, оцененная смехотворно низко. Кусочки металла всегда пригодятся для монтажа разных приборов, и шеф, блюдя финансовые интересы своей лаборатории, не удержался от покупки ящика с металлическим хламом всего за полпесо. Большая часть

этой дряни так никому и не понадобилась: рамки от картинок, какие-то медяшки, несколько бросовых украшений... Но там оказались и железные стерженьки, они как раз сгодились моему приятелю для нового осциллографа.

Собирал он его в дальнем углу комнаты, как раз напротив упомянутого чуланчика, где уборщик держал свои тряпки и возносил молитвы.

Идеальный ученый муж должен сохранять возвышенную беспристрастность во всех своих действиях. Это так, но в своей ученой деятельности, охватившей сорок лет и три континента, я ни разу подобного идеала не встретил. Нормальный ученый хочет, как минимум, получить годные для публикации результаты, но еще больше он жаждет доказать, что последняя статья профессора Имярека из Энского университета — дурацкая.

Как бы я ни восхищался моим почтенным мексиканским коллегой, но все же должен сказать, что и он был не чужд маленькой человеческой слабости. Он не хуже других был способен высмеять автора, и долгая успешная научная карьера не раз ему это позволяла.

В то время, к которому относится мой рассказ, профессор Мудих, бежавший из Дурнебурга, как раз опубликовал работу, выполненную уже в Патагонском университете. Статья касалась нервной проводимости, и некоторые ее положения весьма разозлили моего друга.

Дебаты начались с того, что патагонский ученый пользовался усилителем германского производства, тогда как мексиканский специалист хранил верность американскому усилителю, сконструированному его хорошим другом.

Так или иначе, между результатами выявилось существенное различие.

Некоторое время мой друг приписывал это расхождение плохому прибору соперника и, в частности, используемым им электродам. Должен заметить — электрофизики постоянно оправдываются, что, мол, подвели электроды.

Вскоре вся лаборатория узнала, что борьба между директором и господином профессором Мудихом перешла в фазу смертного боя.

Непочтительная молодежь делала на них ставки, их размер определялся тем, что прежде шеф, как правило, побеждал в подобных стычках.

Надо сказать, что наш Себастьян, будучи человеком достойным и благородным, не мог бы дать волю своим чувствам в такой тривиальной и даже вульгарной форме.

Шеф, которому он служил, которого считал национальным достоянием Мексики, в чей оффис Себастьян нередко приглашал

чистильщика сапог и парикмахера (я должен заметить — к сильному замешательству самого босса),— шеф не только не мог оказаться неправ, но имел на все свои деяния полное одобрение неба.

Я далек от намерения распространяться о красноречии молитв, возносимых Святому Себастьяну. Этого не допускает ни испанская цветистость речи нашего Себастьяна, ни мои скромные лингвистические способности. Во всяком случае, первые результаты религиозного рвения оказались весьма ободряющими. Мексиканские электроды отлично работали, а американский усилитель удовлетворил бы даже Эдисоновский комитет.

Наши статьи струились потоком, и казалось, что Х. Мудих обречен кануть в неизвестность, чего он, бесспорно, заслуживал.

Однако, при всей убедительности наших результатов, они не повлияли на встречный поток статей из Патагонии. В серии сообщений герр профессор Мудих продолжал подтверждать свой непреложный вывод, и полемика тянулась месяцами.

К этому времени кое-кто из Института Морганбильта заинтересовался упорным противоречием в результатах двух ученых. Это был старый друг нашего шефа, и мы не сомневались, что данные нашей лаборатории полностью подтвердятся. Однако вскоре мы получили полное извинений письмо из Морганбильтовского института, в котором наш друг, доктор Шлемиль, признал себя неспособным повторить наши результаты. Он опасался, что недопонял какие-то подробности устройства нашего прибора. Тем не менее, в ходе работы он определенно встал на сторону профессора Мудиха. Наш подробный ответ не исправил положения. Похоже, доктор Шлемиль правильно понимал нашу методику — и тем не менее... Сложилась неприятная ситуация: дискуссия приобретала личный характер, а мы ничем не могли помочь.

В аргентинской газете появилась статья, обличающая разложение, вносимое в жизнь Мексики североамериканцами, и провозглашающая национальную миссию Аргентины, а именно — играть ведущую роль во всех областях науки и культуры.

За этим последовала довольно-таки шовинистическая статья в «Журнале американской медицинской ассоциации», бросающая тень на все совместные мексиканско-американские работы...

А мы получали все те же результаты, шеф даже спал с лица. Не знаю, к чему бы мы пришли, если бы в это время не была завершена новая и неожиданная его работа, правда, совсем в иной области. Только она и спасла репутацию лаборатории.

Сказать по правде, мы висели на волоске, и по сей день фамилия Мудих произносится у нас с чувством вины.

Только недавно перед нами вдруг забрезжило решение проблемы.

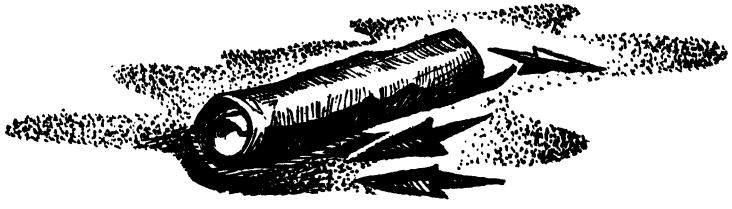
Собираясь выбросить когда-то купленные железки, шеф еще раз перебрал их. На дне ящика, между двумя металлическими пластинками, обнаружился лоскут пергамента. Оказалось, что ящик некогда принадлежал старому мексиканскому священнику, а обломки были им откопаны вблизи старинной церкви, посвященной Святому Себастьяну. По версии священника, не очень обоснованной, но вполне вероятной, железки были реликвиями, может быть, даже подлинными стрелами, которые в свое время пронзили святого.

Я бы не взялся толковать процесс приобретения орудиями казни чудотворной силы, но ведь у нас есть пример Святого Креста, а свойства у реликвии бывают самые непредсказуемые. Чудо Иисуса, остановившего солнце, было крупномасштабным; однако в рамках науки возможны и микрочудеса. Для того, чтобы нарушить ход эксперимента, достаточно совсем маленького чуда. Чего же ожидать, когда пылкий и преданный почитатель Святого Себастьяна неделями молится в непосредственной близости от его же стрел? В конце концов, святой был всего лишь римским солдатом, и специфические потребности современного ученого, боюсь, выше его понимания. Совсем другое дело — просьбы велеречивого и богомольного, хотя и простодушного мусорщика!

У нас нет убедительных доказательств в пользу этой версии. Однако я заметил, что шеф стал явно неприязненно относиться ко всему, поступающему из клерикальных источников. Думаю, он не стал более религиозным, однако держится настороже и в прошлом году не взял на работу лаборанта по имени Себастьян. Я уверен, что знаю причину.

Мораль сей маленькой истории, если в ней есть какая-нибудь мораль, такова: как святому, так и ученому лучше бы заниматься собственными делами.

Уборщик Себастьян, между тем, процветает и, как я подозреваю, для самоутверждения опять начал отращивать усы.



Артур Селлингс

КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ

Едва отец закончил долгую и нудную молитву, Годфри исподтишка пнул ногой сестренку и тихо обозвал ее ябедой. Отец узнал, что Годфри добрался до машины времени.

Логика подсказывала отцу, что до 1985-го года, когда вышел телесериал «Машина времени», этим термином широко не пользовались. Но во время второго свидания Долорес буквально засыпала его подобными словами. Он спросил, что они обозначают, и она ответила, что сама толком не знает, но под ними можно подразумевать все, что угодно. Что же касается ее, то она употребляла их только для того, чтобы он хоть немного чувствовал себя в ее времени, как дома. Но ведь у него, в 1866 году, телевидения еще не существовало! Значит, кто-то успел рассказать Долорес об этих вещах до него! А поскольку машина времени существует в единственном экземпляре и стоит в запертой комнате, этим «кто-то» мог быть только его собственный сын!

Ах, что за женщина была Долорес! Нет, будет ...или есть... Впрочем, чтобы описать Долорес, надо изобрести новое время, а, может, и вообще другой мир. В нашем мире не существует слов, которые смогли бы верно описать ее самое и ее речь: слова были сокращены до невозможности, иногда о смысле приходилось гадать. Кстати, такие словечки составляли чуть ли не половину ее лексикона.

— Годфри,— сурово произнес отец,— зайди после завтрака ко мне в кабинет.

— Да, отец,— покорно согласился Годфри.

«Что ему от меня нужно? — рассуждал Годфри.— Я обозвал сестренку, но после этого прошло уже столько времени. Но ведь я частенько обзываю ее так, а иногда и похлеще, в его же присутствии. Значит, не из-за этого. Скорее всего, отец все-таки узнал, что я пользовался его машиной. Но как?»

Эта мысль не давала Годфри покоя.

Нет, здесь, должно быть, что-то другое. Наверное, отец обнаружил разбитое стекло в оранжерее. Да, скорее всего это. Отец оштрафует его на шиллинг, но что значит один шиллинг по сравнению с тысячей фунтов, полученных от продажи ПЕРВОГО издания «Алисы в стране чудес» в 1985-м году. Что касается стекол, то вообще-то он давненько ими не занимался. У него нашлись дела куда интереснее. Конечно, он не собирался торговать «Алисой» в 1866-м году, но век спустя, в 1985-м, каждая книга стоила не меньше фунта, и эта цена никому не казалась слишком высокой. Казалось или будет казаться? Или кажется? Да, это, пожалуй, посложнее латинской грамматики с ее перфектами и плюсквамперфектами. Незавершенное будущее! Мелинда... это прекрасное будущее! Чудесное и бесконечное!..

Когда вошел Годфри, отец нервно прохаживался по кабинету. Он по привычке прошелся еще раз взад-вперед и повернулся лицом к сыну.

— У меня есть основания думать, что ты трогал кое-что из моих изобретений, точнее, из... приборов.

Значит, отец все знает! Годфри почувствовал, как слабеют колени. Но как? Он же всегда возвращал наборные диски в первоначальное положение. А потом, с тех самых пор, как он впервые переступил порог лаборатории, чтобы узнать, что там так шумит, он всегда тщательно выбирал время: когда отец уезжал по делам в Лондон или Эдинбург. Судя по всему, отец был очень сердит. Притворяться было бесполезно, он знал все наверняка.

— Да, папа,— пробормотал Годфри. Ему была отвратительна собственная покорность, но сейчас это была единственно верная тактика.

— Разве я разрешал тебе это?

— Нет, папа.

— Ты понимаешь, что баловаться с такой сложной машиной очень опасно? Ведь ты своим детским умишком не можешь понять всей серьезности и тонкости моих опытов.

— Да, папа,— покорно ответил Годфри, хоть и был оскорблен тем, что отец сказал «детский умишко». Ведь Годфри было четырнадцать с половиной лет, и он был уже не ребенок!

— Значит, если я сурово накажу тебя, ты согласишься с этим, зная, что это делается ради твоего же блага и безопасности.

— Д-да, папа.

Прежде чем заговорить, отец еще раз прошелся по комнате.

— Но сначала я хочу задать тебе несколько вопросов. От честности твоих ответов будет зависеть тяжесть наказания. Я знаю, что ты не просто включал аппарат, но и пользовался им. Сколько раз?

— Один раз, папа...

— Я еще раз спрашиваю — сколько раз?

— Два, папа.

— Так-то лучше.

Отцу казалось, что его суровый вид и грозный голос внушают сыну страх, и это заставляет его говорить правду. Зная это, Годфри беззастенчиво врал в первый раз, а во второй — лишь ненамного подправил свою ложь. Надо признаться, что взгляд папаши и в самом деле был суров, но не настолько, чтобы раскаяться полностью. Главное — немного смущения при повторном признании, опущенные к полу глаза при первом обмане и твердость при втором. На самом же деле Годфри проходил через ворота времени раз пятнадцать.

— Ты должен усвоить, что честность в отношениях между людьми — главный фундамент здорового общества.

«О, боже,— подумал Годфри,— как же глуп мой отец!»

Но вслух произнес:

— Да, папа.

— А как ты добрался до аппарата, ведь он заперт в моей лаборатории?

Годфри лихорадочно думал. Сказать правду — конец всему. Но ничего другого не оставалось. Ведь не скажешь же ему, будто залез в лабораторию через окно: с тех пор как соседи, взбешенные странными опытами отца, пытались разгромить дом, он заложил окна лаборатории кирпичом, что же касается двери, то ее отец никогда не забывал закрывать на ключ.

Перебрав в уме все варианты, Годфри залез во внутренний карман пиджака и достал ключ.

— Я нашел его в коробке со старыми ржавыми ключами, что на чердаке. В тот день шел дождь, и я обошел весь дом, подбирая

ключи ко всем замкам. Этот был единственный, который подошел.

Отец взял ключ.

— А если бы этот ключ был от порохового погреба, ты бы тоже открыл его, с риском взорвать всю семью — больную мать, сестренку, себя, наконец?

— Д-да, папа,... то есть, нет, папа.

— Необузданное любопытство, сын мой, едва ли лучше полного равнодушия. А теперь расскажи мне о своих тайных путешествиях. Какой год в будущем ты посетил?

— Две тысячи тридцать пятый, папа,— невзирая на отчаянье, охватившее его, он не мог сдержать улыбки, увидев, как отец привстал в кресле.

— Откуда ты знаешь, что был именно в этом году?

— Я не знал, пока не увидел цифры на табло, когда вернулся.

— А что ты там делал, что видел?

— Я видел тебя. Ты танцевал с очень красивой блондинкой, папа.

«Ну что, получил.— подумал Годфри.— Попробуй теперь, тронь меня».

— Я только прогулялся вокруг, папа,— сказал он вслух,— и сразу же вернулся. Я был очень осторожен.

— Да, мой мальчик, но не настолько, чтобы отказаться от дальнейших прогулок.

— Н-е-е-т, папа. Когда я вернулся во второй раз, табло указывало на тысяча девятьсот восемьдесят пятый год.

Там было гораздо луше, чем в 2035 — еще бы! В 2035-м большой сад, расположенный по соседству, был обсажен колючими кактусами, наверное, по последней моде, потому что все окрестные сады были засажены тем же.

Но в 1985-м на этом месте «был» замечательный парк с высокими деревьями и шелковой травой, с маленьким прудом и мостиком через него и... там была Мелинда...

Увидев его впервые, Мелинда очень испугалась.

— Ты живой или привидение? — сразу же спросила она.

— Конечно, живой,— засмеялся Годфри и ущипнул ее. Она тоже ущипнула его и только тогда поверила окончательно.

Сначала Годфри думал, что его одежда, необычная для ее времени, смутила Мелинду. Ведь нет ничего более изменчивого, чем мода, если не считать женщин. Но если одежда Годфри и отличалась от той, что носили в 1985, то не настолько, чтобы привлечь внимание. Дело было не в этом: Мелинда объяснила, что она иногда видит то, чего нет. Это было одним из проявлений ее болезни — невроза. Годфри никогда не слышал о такой, но понял, что это очень тяжелое заболевание.

— Что-то вроде упадка сил? — спросил он.

— Упадок сил? — переспросила она и засмеялась неуверенно, будто сомневалась в том, что умеет смеяться.

— Я только что засмеялась,— вдруг сказала она,— да, засмеялась... впервые... в жизни...

Он приходил еще и еще, и она смеялась все чаще и больше, все звонче и веселее. Наверное, его слова и манеры казались Мелинде очень необычными и забавными. Но он не сердился на нее за этот смех, даже наоборот: он звучал, как переливы колокольчиков, и Годфри ощущал странное удовольствие и с радостью превращался в шута.

Озабоченное выражение, более свойственное людям преклонного возраста, вскоре исчезло с лица Мелинды, она стала безмятежно красивой, щеки покрылись нежным румянцем.

Так они вошли в прекрасный мир 1985-го года: мир живого кино, ракет, летающих над головой, мир чудесной сладкой ваты. Подчас он даже пугал Годфри, хотя он скорее бы умер, чем показал свой страх Мелинде.

— Я слышал,— ворвался в его воспоминания отец,— что ты проговорился кому-то об аппарате. Поэтому я сделаю то, что должен был сделать три года назад, если бы мама не отговорила меня тогда. Я отправлю тебя в морскую школу.

— Но, папа, я не хотел ничего дурного.

— Помолчи, сын. Ты что, не понимаешь, что затронул воистину космические силы? Нет, этот вопрос решен окончательно.

«И не только космические,— подумал Годфри.— Зная, в чем дело...» Первой мыслью было напомнить отцу о его подружке там, в 2035-м году. Это, пожалуй, заставит его понять, что его сын не так уж и глуп. Но отец выглядел так грозно, что Годфри не решился что-либо сказать.

И почему отец ведет себя так застенчиво? Раньше Годфри как-то не задумывался об этом. Но побывав в 1985-м году, набравшись там кое-какого жизненного опыта, он считал поведение отца недостойным. Но увы, это был 1866-й а не 1985-й год!

— Да, папа,— согласился Годфри и вышел из кабинета.

«Это конец всему,— подумал он, закрывая за собой дверь.— Теперь мне не видать Мелинды — я намертво прирос к своему 1866 году».

Годфри вдруг почувствовал, что на сердце лег тяжелый камень. На душе стало тяжело и тоскливо.

Но и у отца были свои проблемы. Наладив машину, он в тот же вечер отправился в 2035-й год, к Долорес. Подходя к дому, он заметил что-то неладное: входная дверь была выкрашена в какие-то странные эклектические тона: бежевый и голубой.

«Едва ли это во вкусе Долорес,— подумал отец,— хотя, у нее такая изменчивая натура».

Но когда дверь открыла какая-то карга с волосами, выкрашенными в ярко-зеленый цвет, он понял: случилось что-то очень серьезное. Не слушая старуху, которая взялась проклинать коммивояжеров и прочих праздношатающихся, отец повернулся и отправился обратно в 1866 год. Он засел в лаборатории с бутылкой виски и принялся рассуждать.

Случилось что-то непредвиденное. И виновник всему — его родной сын! Конечно, это он сломал машину времени, расстроив какой-нибудь узел. Несомненно, он явный дегенерат, и ему место только на флоте. Отец позвонил служанке.

— Пришлите ко мне Годфри... нет, не сюда, а в кабинет.

Вдруг он застыл на полушаге, его ошпарила внезапная догадка. Ведь аппарат превосходно работал вчера вечером. Вернувшись от Долорес, он всю ночь проработал в лаборатории. Значит, Годфри тут не причем, он просто физически не мог подойти к аппарату и сломать его.

Смутное предположение о том, что́ случилось на самом деле, оформилось у него в голове, и в этот момент в дверь постучали.

— Войдите,— ответил отец.

— Ты звал меня, отец?— спросил Годфри.

«Надо быть с ним помягче. Он должен знать, в чем дело»,— подумал отец.

— Садитесь,— велел он.

Годфри сел на краешек кресла. Поведение отца было совершенно необычным, даже подозрительным. Юноша насторожился.

— А теперь расскажи-ка, чем ты занимался там, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году?

Так и есть! Он обо всем догадался или откуда-то знает. Всё пропало, у него отняли Мелинду навсегда. Ну что ж, он расскажет отцу все и о ней, и о ее болезни. И если отец начнет читать мораль о том, как нужно себя вести, он напомнит ему, что́ он видел через окно, впервые попав в 2035-й год. А если отец все же его отправит в морскую школу, то он уж обязательно напомнит ему об этом. Теперь ему нечего терять.

Годфри рассказал отцу о том, что он делал в 1985-м, без утайки, нисколько не беспокоясь о том, что тот усомнится в количестве визитов. Но отец, похоже, ничего не заметил. Годфри ужасно удивился, когда отец спросил, как зовут девушку.

— Мелинда — ответил он.

— А фамилия?

— Блэккет.

С отцом что-то случилось, видит бог. Он сидел и задумчиво крутил прядь волос, что безошибочно обличало сильное волнение. Эта девочка была бабкой Долорес по женской линии. Долорес не раз упоминала о ее несравненной красоте. Значит, запретив сыну

встречаться с Мелиндой, он сам зачеркнет будущее рождение Долорес. Неужели такое возможно? Неужели это значит, что... Он взглянул на сына. Тот безучастно смотрел в окно, на лице была написана сама невинность. Надо бы было спросить Долорес, но это было невозможно, потому что её пока не существовало. Но неужели это правда? Ошеломленный внезапной догадкой, он понял, что все теперь зависит от того, делал его сын это или не делал... Он должен был знать всё, причем немедленно.

Теоретически возможно, но практически, да ещё при таких сложных обстоятельствах, как путешествие во времени, это — совсем другое дело.

— Годфри, мальчик мой, я, пожалуй, был слишком строг к тебе. Страсть к приключениям нельзя убивать, особенно в юном возрасте. Я думаю, ты можешь навестить свою Мелинду. Пойдем в лабораторию.

Как во сне, Годфри поплелся за отцом. Но это был не сон. Именно отец включил прибор и сказал:

— На этот раз у тебя не более пяти минут, понимаешь?

Годфри не мог даже предположить, что могло так круто изменить поведение отца и так странно изменить его решение. Пять минут — это совсем мало, почти ничего.Но всего пять минут назад он считал Мелинду потерянной навсегда. Это было просто невозможно: выбросить Мелинду из головы, из сердца. Но он сказал себе, что это лишь временная разлука, и вскоре все будет в порядке. Он даже попробовал поверить в это.

Недоумевая, зачем он нужен отцу во второй раз, Годфри подошел к кабинету. Все еще под впечатлением встречи с Мелиндой, он остался ждать отца здесь. Странное чувство охватило его. Он не мог объяснить себе, зачем и почему, но ему казалось, что он очень... нужен... отцу.

Отец набрал на пульте 2035 и отправился в будущее. Увидев знакомую дверь, окрашенную в бледно-желтый цвет, он с облегчением вздохнул. Дверь открыла Долорес.

— Входи, входи, мой храбрый путешественник во времени,— улыбнулась она.— О, боже, что-нибудь случилось? Ты так странно выглядишь, милый.

— Долорес, милая,— сказал он, сжимая ее руку в своих огромных ладонях. Однажды она призналась, что это ей очень нравится.— Скажи, пожалуйста, кто был твой дедушка?

Улыбка сошла с прекрасных губ.

— Ты пришел только затем, чтобы спросить меня об этом?

— Ну, Долорес, будь умницей,— он опустился на колени.— Ради Бога, скажи, как звали дедушку?

— Какой ты смешной! Его звали Том Джеймс.

— Извини, милая, но... это действительно был твой дедушка?

— Конечно, Сирил, как только тебе не стыдно. Я уже слышу, как моя бедная бабушка переворачивается в гробу. Ладно уж, прощаю тебя. Как я уже говорила, бабушка Мелинда была женщиной божественной красоты. Она вполне могла переспать с кем угодно, ну, то есть с тем, кто ей понравился. По сути, Том Джеймс влюбился в бабушку без памяти. Он был знаменитым космонавтом. Они провели медовый месяц то ли на Фобосе, то ли где-то еще, а моя мама родилась через три месяца после их возвращения на Землю.

— Спасибо, спасибо, моя дорогая, ты не представляешь, какой камень сняла с моей души.

Долорес снова засмеялась своим чудесным смехом.

— Какой ты все же забавный и непредсказуемый, наверное, таков и мир, в котором ты живешь.— Она взяла его за лацканы.— Я достала стереозаписи немыслимо старых вальсов. Чтобы найти их, я перевернула вверх дном весь магазин, и у нас будет чудесный вечер.

— Извини, моя хорошая, но мне нужно уходить. Это связано с путешествием во времени. Но я приду попозже. Пожалуйста, не сердись, пойми меня правильно.

Долорес надула губки. Как она была прекрасна! Затем, улыбаясь, прошептала:

— Конечно, милый. Путешествие во времени трудно само по себе. Ясно, что могут возникнуть и затруднения, но ты же у меня умный. Правда, я не понимаю, какая может быть связь между моей бабушкой и путешествием во времени? Это слишком сложно для меня, но раз ты так говоришь, я тебе верю.

— Ты просто чудо, Долорес. В следующий раз мы будем танцевать всю ночь.

— Ну, хорошо. А теперь поцелуй меня...

Отец вернулся в свой кабинет, но проблема была решена только наполовину.

— Чем, ты говорил, болела Мелинда, то есть, будет болеть?— спросил он сына.

— Они там называют это неврозом. Мелинда говорила, что это очень тяжелое заболевание. Похоже на упадок сил. Что-то похожее было у тети Агаты.

— А... у тети Агаты...— отец задумался. Объясняло ли это что-нибудь?

Девочка болела. С появлением Годфри болезнь пошла на убыль. Если бы Годфри не появился, девочка никогда бы не поправилась, не стала бы красавицей и не вышла бы замуж за космонавта... Нет... что-то здесь не сходится.

Он ведь встретил Долорес раньше, чем Годфри узнал о машине. Сын никак не мог повлиять на эту встречу. Он познакомился с До-

лорес, когда впервые запустил машину. Помнится, у него были грандиозные планы изучения прошлого и будущего, но когда появилась Долорес, они отступили на второй план. ...Он с трудом заставил себя оторваться от приятных воспоминаний, усилием воли вернул свои мысли к делу.

Значит, присутствие Годфри было не единственным условием выздоровления Мелинды. Все слишком запутано. Наверное, во времени может существовать бесконечное множество миров, возникающих как следствие бесконечности человеческого выбора.

Значит, в одном из этих миров существовала Долорес, и, конечно, существовал тот мир, где ее не было... Да... в дальнейшем ему придется основательно разобраться в топологии перемещения по временным линиям.

Вдруг неожиданная мысль ошарашила его. Ведь Мелинда должна будет поправиться и без вмешательства Годфри. Но если уж он появился, раз уж он разбудил в девочке интерес к жизни — все может кончиться трагически, если Годфри не сможет встречаться с девочкой.

Запретив ему пользоваться машиной времени, он тем самым разорвет определенную линию судьбы: выздоровление Мелинды, ее замужество и, в конечном итоге, рождение Долорес. Все это приведет к тому, что дверь ему откроет не Долорес, а какая-то карга с крашеными волосами.

Его передернуло. Но откуда он мог знать, что все произойдет именно так? Можно было бы сейчас отправиться в 1985 год и посмотреть на все своими глазами, но ситуация сложилась слишком деликатная, поэтому, наверное, не стоит. Сейчас он был уверен, что вернул Долорес. Но рисковать больше нельзя, так можно потерять ее навсегда.

Почувствовав взгляд сына, отец поднял глаза. Он как бы заново открыл его для себя. В конце концов, этот клоун мог помочь одинокой девочке. Но все же не верилось, что, увидев Годфри однажды, она могла зачахнуть, если бы он исчез навсегда.

Сын был весь в отца. Он смутно догадывался о том, что от него зависит нечто очень важное. И как долго все это будет продолжаться — неизвестно.

Есть два выхода из положения.

Например, он может отправиться в будущее и остаться там навсегда.

Он сразу же отбросил эту мысль. В его возрасте человек может отказаться от многого, но не от главного же.

Отец положил руку на плечо сына.

— Годфри, мальчик мой, я, пожалуй, слишком долго считал тебя ребенком. Мы все имеем свои обязанности друг перед другом.

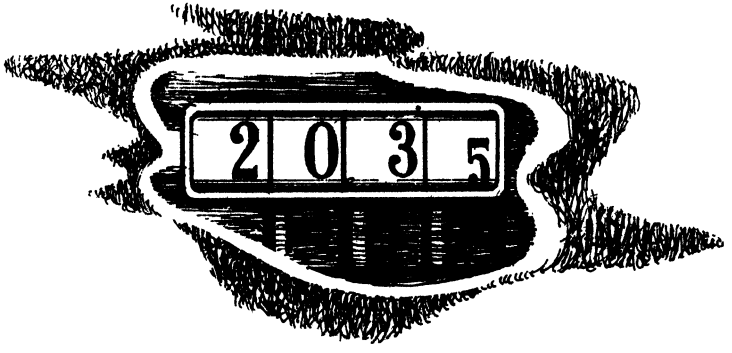
Я думаю, уж если ты принес счастье в жизнь бедной девочки... было бы бесчеловечно отнять его у нее. Творящие добро должны творить его дальше, а не передоверять другим. Ты уже взрослый и поэтому,— отец полез в карман,— вполне можешь владеть ключом от лаборатории. Я составлю расписание, чтобы ты знал, когда машина будет в твоем распоряжении.

Дрожащей от волнения рукой Годфри взял ключ и молча направился к двери, едва сдерживая бурное ликование.

— Да... Годфри...

— Что, папа?..

— Что бы ни случилось, постарайся не терять его...



Герберт Франке

ЗЕРКАЛО

Часто обычные вещи напоминают нам о таинственных явлениях. Может быть, мир симметричен? Это одна из проблем современной физики. А в повседневной жизни этот вопрос задает зеркало. Вероятно, в этом вопросе берут начало многие суеверия, которые связаны с зеркалами. С зеркалами, вводящими нас в фантастический «перевернутый» мир.

Зеркало всегда казалось мне чем-то неестественным. Я не мог вынести человека, который одновременно был и не был мною. Я вижу недоумение на твоем лице. Понимаю тебя. Зачем возвращаться к этой старой истории? Но, собственно, почему бы и нет? Однако я не хотел бы, чтобы ты считал меня чудаком.

Тогда я долго жил в доме родителей моей невесты. Да-да, у меня тоже когда-то была невеста. Как ты знаешь, мой отец был известным гамбургским купцом. Он усиленно добивался, чтобы Эле-

онора стала моей женой, и мы были помолвлены прежде, чем успели хорошо узнать друг друга. Я полюбил ее по-настоящему только во время моего пребывания у них в Любеке. Она оказалась нежной и боязливой, как птица. Ее нужно было оберегать, как хрупкий фарфор.

Вскоре я заметил, что ее сильно мучает какое-то обстоятельство. Принадлежащий ее родителям большой темный дом, окна которого были задрапированы шелковыми портьерами, а полы устланы персидскими коврами, заглушающими любые звуки, казалось, скрывал какие-то мрачные тайны, хранящиеся с молчаливым страданием. Это было явно неподходящее место для молодой девушки, которая имела право на радости жизни. Невольно приходило желание распахнуть вечно закрытые окна и впустить свежее дыхание сюда, в комнаты этого дома, коридоры, увешанные картинами и часами и уставленные вазами.

В доме Элеоноры было зеркало. Оно стояло в конце коридора на втором этаже и занимало почти всю стену. Поднимаясь по ступеням и в полумраке направляясь в столовую, не сразу можно было заметить, что глухую стену занимает зеркало. Всегда создавалось впечатление, что кто-то выходит вам навстречу, и только через мгновение можно было распознать себя в этом фантастическом двойнике, выходящем из перевернутого королевства, спрятанного за посеребренным стеклом. Это зеркало уже сыграло один раз определенную роль в истории семьи Элеоноры. Рассказывали, что одна из прабабок Элеоноры, снедаемая печалью, однажды исчезла в зеркале и уже никогда не вернулась назад. Но об этом я узнал позже.

Что я говорил? Ах да, о беспокойстве, которое мучило Элеонору... В конце концов я узнал, что было его причиной.

Ты знаешь, насколько религиозны были старые купеческие семьи. Элеонора тоже получила суровое религиозное воспитание, хотя я и не заметил этого даже тогда, когда во время моего пребывания в ее доме мы стали так близки друг другу. Однако я чувствовал, что что-то препятствует нашему счастью. Поэтому я все сильнее настаивал, чтобы Элеонора открылась мне во всем. Наконец, она поддалась моим просьбам и уговорам.

Будучи ребенком, она болела воспалением мозговой оболочки. Болезнь протекала так тяжело, что врачи перестали даже ее лечить. Тогда мать Элеоноры поклялась, что отдаст дочь в монастырь, если она выздоровеет. Свершилось чудо, Элеонора выздоровела.

Многие годы никто не думал о той клятве, но во время нашей помолвки мать напомнила о ней.

— Я должна уйти в монастырь,— говорила моя невеста, всхлипывая и прижимаясь ко мне.— Но с тех пор, как пришел ты, я знаю, что никогда этого не сделаю!

Я старался успокоить ее. В определенной мере мне это удалось, но время от времени ее тревога снова оживала.

Я считал, что только наше супружество было в состоянии рассеять ее страхи, поэтому настаивал на окончательном определении срока свадьбы. Вскоре я добился своего.

В течение периода, предвосхищавшего торжество, которое, как мы решили, должно было состояться в узком семейном кругу, Элеонора была еще более тихой и задумчивой, чем обычно. Я наблюдал за ней со все более возрастающим беспокойством — и ничего не мог поделать. Именно тогда она и рассказала мне семейное предание о зеркале. Однажды я застал ее перед ним. Она стояла, погруженная в свои мысли, и пальцем дотрагивалась до блестящей поверхности стекла. Она говорила: «Не надо сомневаться. Нужно смело пройти в ворота королевства, которое скрывается за зеркалом».

О, если бы я серьезно воспринял ее слова!

В день свадьбы мы находились в зале вместе с родителями моей невесты и другими гостями, ожидая Элеонору. Вдруг мы услышали громкий и ужасный звон разбивающегося зеркала. Я выбежал в коридор и нашел там Элеонору. Она лежала с закрытыми глазами перед рамой, в которой еще торчали острые осколки стекла, множество их было рассыпано по полу. Белое платье моей невесты было покрыто пятнами крови, которая текла из многочисленных ран на ее теле...

Мы внесли ее в комнату и попробовали остановить кровь. В конце концов это нам удалось, но Элеонора все еще не приходила в себя. Три дня врачи не покидали дом. Только через неделю Элеонора пришла в себя. Однако, она ничего не помнила из своего прошлого. Когда я старался пробудить в ней воспоминания о нашей любви, она с удивлением смотрела на меня.

Как ты знаешь, мы так и не стали мужем и женой. И хорошо, поскольку это была уже не моя Элеонора. Это было чужое, противоестественное существо, которое пришло к нам с другой стороны зеркала. Настоящая Элеонора живет сейчас в мире, из которого пришла эта женщина, и не может вернуться к нам. Иногда я встречался с ее отцом. Как и раньше, я часами просиживал перед зеркалом. Тогда она неожиданно появлялась в нем и с грустью смотрела на меня. Потом я выбросил из дома все зеркала.

Ты считаешь, что это мне пригрезилось? О нет, мой дорогой. Я могу привести тебе доказательство моей правоты. Дело в том, что Элеонора, как и все, писала правой рукой, и сердце у нее было слева. У девушки, которую я нашел в коридоре, сердце было справа, и писала она левой рукой.

ПОСАДКА

Проблема коммуникации заключается в трудности взаимопонимания между людьми. Как же тогда человеку понять существо с чужой планеты?

Мы никак не могли насладиться всем этим миром. Мы бродили по садам, ходили между замшелыми изгородями, стояли на травянисто-зеленых террасах, спускающихся к озеру. Мы часами сидели на берегу, наблюдая за облаками пара над горячими источниками, смотрели на поднимающиеся ввысь уступы гор, над которыми ночами расцветала симфония красок северного сияния. Мы наслаждались абсолютной тишиной, которую не хотелось нарушать разговором.

Когда передавалось сообщение, мы записывали точные данные наших онтологических экспериментов в старую, переплетенную в кожу тетрадь. Когда мы нашли эту планетку, мы еще никому не мешали. Аппарат испытать нам еще не пришлось. Теперь мы спешили к пирамиде и на экране усилителя видели приближающийся космический флот. Мы положили руки на кнопки транспортатора и смотрели, как эскадры одну за другой вышвыривает в космос — точки кораблей исчезают в пространстве.

Мы уже хотели вернуться в сад, когда пришло новое сообщение: корабли возвращаются. Мы были так удивлены, что просмотрели ступеньку и ударились о почву. Неожиданно мы почувствовали боль.

Пришельцы были чрезвычайно настойчивы. На этот раз они разделились и летели к нам с разных сторон. Угол прицельного устройства нельзя было изменить так быстро, чтобы перехватить всех. Несколько их кораблей прорвалось в запретную зону и камнем полетело вниз. Большинство из них попало в море, а один корабль упал на берег совсем недалеко от нас.

Он разлетелся на множество кусков, и мы обнаружили, что почва далеко вокруг места падения покрылась черной гарью. Мы увидели несколько членов экипажа, в странных позах скорчившихся вокруг. Мы быстро покинули свое место, потому что в нас поднялись воспоминания и неприятные ассоциации с тем, что происходило давным-давно, когда мы были еще двумя отдельными существами.

Проклятье! Свинство! Двадцать кораблей ко всем чертям! Мы должны были пожертвовать всем отрядом, чтобы пробить защитное магнитное поле. В конечном счете мы вместе с двадцатью другими кораблями проскользнули внутрь. Нам повезло: я был во втором отряде!

И все это ради такого дерьма. Здесь же нет ничего! Грязно-зеленые камни, немного растительности, пара пучков ядовитого мха и угнетающая жара. Она исходит от почвы. Там, в глубине, должно быть все радиоактивно. Несколько озер кипят и парят, словно кто-то нагревает их изнутри.

Мы все, вооружившись до зубов и разбившись на отряды, бродили по планете. Скучное занятие. Целыми днями, как ненормальный, напрасно бегаешь в этом пекле. Все, что мы обнаружили, были два смешных, полностью сросшихся друг с другом, похожих на бычков, существа с плоскими головами. Они с трудом могли двигаться.

Био сказал, что это какое-то уродство. Он дал им понюхать эфир и стал разделять их. Наконец, это ему удалось. Он был очень горд своим успехом.

Когда они очнулись от наркоза, они осмотрелись и издали какой-то странный звук. Потом вскочили и, как по команде, бросились в кипящую воду озера. Похоже было, что они хотели утопиться.

Био бегал неплохо. Но мы дали им некоторое время повариться, прежде чем выловили их. У нас получилась великолепная трапеза после опостылевших консервов!

Потом мы нашли несколько ветхих зданий и защитное устройство, которое действовало безупречно. Вероятно, оно работало автоматически. Живого здесь не было больше ничего. Кто же захочет жить в таком мрачном месте?

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

В потоке времени человек различает прошлое, настоящее и будущее. Это отличает время от пространства, все точки которого находятся только в настоящем. Современная физика связала время и пространство. Описываемые этой наукой процессы происходят в пространственно-временном континууме, в котором нет никакого выделенного настоящего. Все, что было, есть и будет существует одновременно...

Я сижу в кресле пилота и в то же самое время бегу под стеной дома голитов. Закрываю люк, бросая последний взгляд на толпу собравшихся людей — среди них мелькает бледное личико Мод — и одновременно в отчаянии зову врача, когда незадолго перед посадкой я прихватил космическую лихорадку. Я вижу, как голиты приближаются к кораблю и выходят из агрессивного состояния, поскольку признали нас существами безопасными, и одновременно слышу, как Дисек говорит мне прерывающимся голосом, что ско-

рость расширения пространства в последние дни набрала такое ускорение, которое делает сомнительным наше возвращение на Землю.

Все взаимопроникает друг в друга, создавая полный хаос. Важное смешивается с второстепенным, радость с грустью, прошлое с будущим. Только через некоторое время мне удается сосредоточиться на одном конкретном моменте и дать себе отчет о том, что происходит.

Слова Дисека вызывают у меня страх. Боюсь я не за себя. Я думаю о Мод, которая так ужасно далеко и которая ждет меня. Мы проверяем вычисления Дисека и убеждаемся, что он не ошибся. Мы должны стартовать сию же минуту, но несмотря на все усилия, сомнительно, сможем ли мы преодолеть все увеличивающееся пространство. Нас ожидают по крайней мере два года неуверенности. Два года наши чувства будут висеть между отчаянием и надеждой. Два года, каждая минута которых для меня будет заполнена страхом, что я уже никогда не увижу Мод.

Я вернулся к голитам. Для них не существует разницы между прошлым и будущим. Все, что происходит, для них настоящее. Но голиты не захотели вступать с нами в контакт, наши вопросы к ним остались без ответа. Я вспоминаю библиотеку, которую нам разрешили осмотреть без помех. Для голитов она представляет только музейную ценность. Но мне она помогла найти выход из создавшегося положения. Ничего не боюсь, только той неизвестности, которую несет будущее. В то время, как мои товарищи готовятся к старту, я ищу книги, посвященные проблеме времени. Через полчаса я нахожу то, что искал. В течение следующего часа мне удается соорудить устройство, которое позволит нам устранить ограниченность нашего восприятия времени и откроет перед нами прошлое и будущее. Без колебания я поворачиваю рычаг включения...

Я сижу в кресле пилота. Не знаю, что это: начало или конец нашего полета, который длился три года. В конце концов, что такое три года? Просто разница в системе координат. В то же самое время я держу в объятиях Мод. Когда я чувствую ее рядом с собой, мне становится безразлично: прощание это или встреча. Я держу в объятиях молодую девушку, которую, не чувствуя мороза, поцеловал впервые однажды в зимний вечер. Может быть, это постаревшая женщина, которую я вновь обрел спустя три года. Все в настоящем — счастье, и годы одиночества, и закат моей жизни. В вечном настоящем нет места надежде. Есть только уверенность. А ведь только надежда придает смысл нашей жизни...

СПАСЕНИЕ

Они были чужими, и не могли отличить одного человека от другого. Старая дама умела плавать, но не умела водить машину. Ее счастье.

Я уже немолода. У меня взрослые сыновья, мой муж давно умер. На своей ферме я развожу кур.

Никогда бы не подумала, что мое скромное умение плавать спасет мне жизнь.

Все началось зимой этого года. Элвис всегда был порядочным мальчиком, работящим, никогда не отказывался мне помочь. За девушками не бегал. Вдруг, как-то вечером, его охватило странное беспокойство. Он рассеянно просмотрел газету и выбежал из дома. Вернулся он поздно ночью.

Элвису двадцать лет, и он имеет право делать все, что захочет. Но мать не может не беспокоить резкая перемена в поведении сына: я заметила, что он был угнетен и рассеян. Я спросила его, что с ним происходит. В ответ он только пожал плечами. Еще и сегодня он мало что может припомнить. Он считает, что в конце концов, когда его освободили, ему сделали внушение, чтобы он все забыл.

Естественно, его состояние меня не радовало. Однажды я решила немного последить за ним и выяснила, что он пошел к машине — у нас есть большой крайслер — и выехал на главную улицу. Вскоре он привез несколько сосудов, напоминающих бидоны из-под молока, а затем отправился куда-то в ночь.

Он никогда не отвечал на мои вопросы и не позволял задерживать себя дома. Когда я заперла дверь на ключ, он попросту выломал ее. Тогда я впервые подумала, что с ним творится что-то недоброе.

На следующий день я подмешала ему в кофе сильнодействующее снотворное — он пьет кофе каждый вечер. Я намеревалась сама отправиться на главную улицу и присмотреться к таинственным «бидонам».

Элвис заснул прямо за столом. Когда пришло положенное время, со мной произошло нечто странное. Я хотела идти пешком, так как никогда не умела водить машину. Сейчас вдруг меня потянуло в машину, я уверенно завела ее, включила передачу и нажала на газ. Я ехала быстро и уверенно, хотя была уже ночь, а я не только плохо вижу, особенно в темноте, но и ко всему прочему забыла очки.

У меня было чувство, что кто-то овладел моей волей. Как какой-то управляемый механизм, я выехала на главную улицу... Поехала медленнее. В какой-то момент я увидела на обочине цилиндриче-

ские предметы, покрытые волосами, высотой чуть больше двух футов. За асфальт они цеплялись при помощи присосок в нижней части тела. Несмотря на отвращение, я вышла из машины, подошла к ним, влекомая неизвестной силой, и помогла им забраться в машину на заднее сиденье.

Теперь я утратила даже жалкие остатки своей воли.

— Вперед!— это был бессловесный приказ, который я восприняла как внутренний волевой импульс и поехала.

— Направление — море!— Я повернула около базара Вагнера.

— Быстрей!

Я прибавила скорость. Указатели расстояния выскакивали из темноты, как упыри, море было справа.

— Быстрей!— Мы ехали так быстро, что в другое время я побоялась бы даже сидеть рядом с опытным водителем на такой скорости: 70, 80 миль в час. Когда я езжу с Элвисом, я всегда прошу его: не так быстро, дорогой. Теперь же я не боялась.

Шоссе бежало под колеса. Мы проехали большую скалу, а потом ограждение над крутым берегом. Машина, казалось, взлетала то вверх, то вниз. Мы проскочили перед перекрестком поворот на Нью-Константин. Скорость уже перевалила за сотню миль в час. Ужасно! О торможении не могло быть и речи. Тут-то машина и не вписалась в поворот, ограждение треснуло, как спичка. Еще мгновение, и мы оказались в воде.

Я никогда не думала, что автомобиль тонет так быстро. Вода просачивалась во все дыры. В первую секунду я не могла понять, где верх, а где низ. Пока в машине было немного воздуха, я могла дышать. На ощупь отыскав ручку, я дернула ее. Дверца распахнулась, и океан хлынул внутрь. Меня выбросило наружу. Как хорошо, что я умею плавать! А они этого не умели.

С тех пор мы снова живем спокойно. Я выбралась на берег целой и относительно невредимой. Плавать меня научил старый Эдисертон. Вот только машину я так и не научилась водить. Мой отец всегда говорил: это не для девушки!

Как он был прав.

ПРЕПАРАТ № 261

Операционная техника непрерывно развивается. Место скальпеля занимают электроды, вибраторы, луч лазера. Микрохирургия переживает свой расцвет. Мельчайшие, видимые только под микроскопом сосуды, нервы, клетки — все это разрезается, перекраивается и заново сшивается. Врачи начинают приступать к наиболее трудной задаче, которая уже давно стояла перед ними,— микрохирургии мозга.

Ему показалось, что зазвучал какой-то музыкальный инструмент. На него обрушилась целая симфония звуков. Шумы, лязги, отзвуки ударов молота о наковальню, шипение, журчание и звон, клекот и свист — вся эта вызывающая мучительную боль какофония нарастала, постепенно достигая границ слышимости. Но через минуту все кончилось. Исчезло шипение, умолкли аккорды, и только еще несколько мгновений были слышны какие-то глухие удары, бормотание и хрипы. Они тоже постепенно становились тише и, наконец, пропали.

Вдруг его залил яркий, ослепительный свет. Плясали желтые солнца, кружились голубые звезды, разноцветные кляксы плыли со всех сторон, смешиваясь и снова разделяясь. Сочетания красок с каждым разом были все более удивительными. Неожиданно как будто кто-то разъединил контакты, выключая часть цветов, краснота исчезла, фиолетовый цвет перешел в голубой, оранжевый — в желтый, бронза стала зеленью. Так же внезапно исчезли все оттенки желтизны. Мир стал голубым. Сияющая ясность этой сплошной голубизны, невообразимой чистоты и глубины, постепенно приобрела фиолетовый оттенок и стала переходить в чернильную тьму.

Наступила ночь, исчезли все ощущения, и замерло мышление.

Проснувшись, он попробовал открыть глаза. Не удалось. Попробовал ощупать то, что окружало его, но не ощутил рук. Их не было. Он ничего не видел, не слышал, ни к чему не мог прикоснуться, не мог понюхать, попробовать. Его существование доказывало лишь то, что к нему начали возвращаться отдельные воспоминания. Он с усилием старался припомнить кое-какие события и тонул в потоке мыслей и воспоминаний. Через мгновение рассудок брал верх, и тогда он с удивлением и не без боязни задавал себе вопрос — что с ним происходит? В эти мгновения он мыслил с такой ясностью, что отбрасывал всякое подозрение о том, что это ему снится. Он с легкостью спрягал латинские глаголы и решал математические задачи.

Рассуждения профессора приближались к концу. Он говорил:

— Как вы знаете, сердце кролика и человеческую кожу можно сохранить в жизнеспособном состоянии в течение многих лет, держа их в питательной среде. Нам в нашем институте удалось пойти дальше в этом направлении. Препарат, который я сейчас покажу вам — это человеческий мозг. Прошу препарат № 261.— Он повернулся к одному из ассистентов.

Тот покинул зал и через минуту возвратился, толкая перед собой маленькую тележку, на которой находился сосуд величиной с небольшой аквариум. В сосуде отсвечивала красным какая-то жидкость. В ней плавал человеческий мозг, отдаленно напоминаю-

щий белый гималайский гриб. От движения тележки он подрагивал, как будто хотел всплыть на поверхность питательной среды. В некоторых местах из него торчали провода.

— Семь часов назад этот мозг еще находился в черепе человека,— продолжал ученый.— Подключаемые зонды служат для измерения фунциональных токов мозга. Прошу присмотреться к показаниям контрольных приборов. Как вы видите, они показывают, что этот мозг еще живет и мыслит. Нас интересует вопрос, как долго мы сможем поддерживать его жизнедеятельность. Я кончил.

Раздались аплодисменты. Слушатели встали со своих мест. Через несколько минут в зале воцарилась тишина.

В свободное течение мыслей вторглось что-то непонятное и через мгновение превратилось в глухую боль. Желание прояснить ситуацию, в которой он оказался, стало еще более жгучим. Напряжение воли было почти невыносимым.

Но он не мог ответить ни на один вопрос из тех, которые ставил перед собой: «Кто я? Что со мной творится? Почему исчез внешний мир?»

Неожиданно появилось определенное ощущение чего-то невероятного, ужасающего, превосходящего любое воображение...

С ним что-то случилось, но что — он не мог объяснить. Что-то исчезло, отключилось в нем и расплылось в небытии. Он не мог этого понять, но принял сам факт исчезновения как катастрофу.

Постепенно им стало овладевать опустошение.

ПАВЛИНЫ

Электрический ток течет, если два объекта, между которыми существует электрическое напряжение, соединены проводниками между собой и землей. Этот ток может совершить какую-либо работу.

— Пожалуйста, прогоните этих птиц! Прогоните их прочь!

— Почему?

— Я расскажу вам это, но сначала прогоните их! Я не могу их видеть...

Ну, наконец-то!

— Ах, да, эта история... Если это можно...

Вы знаете, что в свое время я служил на Касии — маленькой планетке в созвездии Кассиопеи, в районе... впрочем, это не играет никакой роли.

Кассия была весьма приятным мирком. Во время учебы я побывал на некоторых астероидах, и я скажу вам: это настоящий ад! Непрерывно бегаешь в мешающем движениям снаряжении среди силикатных обломков при невыносимой температуре — необходима безупречная регуляция, когда солнце опаливает вам живот, а кожа на спине вот-вот обморозится.

Но я хотел рассказать не об этом.

На Кассии есть атмосфера, а климат теплый, как на Ривьере. Там есть растения, пусть даже с белыми листьями, и зеленые у них только стебли. Некоторые из них заряжены электричеством, и когда идешь гулять, получаешь чувствительные удары. Но как там ходить, гулять! Там нет такого дня, как у нас — только сумерки или ночь. Солнце там находится сравнительно далеко. Там, где мы останавливались, мы пользовались электрическим светом.

У меня не было почти никаких дел — я лишь вел дневник и наблюдал за парой цефеидов, обслуживающих передатчик, и все. Я подолгу сидел в саду и читал детективы. Что мне еще было делать? Каждый день, если я только двигался не больше обычного, ко мне из сумерек приходили они. Они пробирались через кусты, раздвигая их головами, смотрели, всегда беспокойно двигаясь. Они часто поднимали клювы, издавая клохчущие звуки — большие четырехногие птицы с венчиками курчавых волос вокруг тощих шей, похожие на павлинов, и головы у них были такие же, как у павлинов.

Инструкция запрещала всякий контакт с неизвестными существами. Я ее не нарушал. Я только любовался их сверкающим оперением, наблюдал, как они постепенно привыкают ко мне, иногда даже гладил их. Так я здоровался с ними, как со старыми друзьями. Иногда я бросал им пару кусочков хлеба — они клевали, но не ели. Я вообще не видел, чтобы они что-нибудь ели, и ломал голову над тем, откуда они берут энергию. Сегодня-то мне хорошо это известно...

Однажды вечером я читал в саду. Вокруг меня шевелилась всякая мелкая живность... Итак, однажды вечером лампа моя погасла. Я встал, чтобы заменить ее, вывернул и при этом коснулся оголенного провода. Рука моя будто приклеилась к нему. Я почувствовал, как ток буквально побежал по моему телу в землю, все во мне судорожно сжалось...

Это ощущение было ужасным, но далеко не самым страшным.

Самым страшным были птицы. Казалось, они посходили с ума. Они ринулись на меня, стали долбить своими острыми клювами мою кожу. Их клохтание перешло в яростный вой. Из темноты выбегали новые и новые чудовища. Вокруг меня образовалась мешанина из трепещущих крыльев, скачущих тел, острых когтей, долбящих клювов, крики, стоны, вопли...

Я отбивался, как сумасшедший — перья летели во все стороны. Внезапно мне удалось оторваться от провода, напряжение упало до нуля. Птицы отстали от меня. Я сидел на земле и пытался прийти в себя. Мне потребовалось несколько минут, чтобы доползти до станции и вызвать врача. Раны мои пришлось долго заклеивать: мое тело было изодрано ударами клювов этих невероятных зверей, питающихся электрическим током.

Надеюсь, теперь вы представляете, как я ненавижу павлинов!

РЕШЕНИЕ

Город достиг высшей степени автоматизации. Программа диктовала ему задания, и он был способен оптимально приспособляться к ним. Программа предусматривала все мыслимые ситуации. Но теперь возникла ситуация, которую конструкторы считали невозможной. Тем не менее город существовал, и управляющий центр должен был отреагировать на это.

Динамик сообщил:

— Сила ветра 3,2. Направление 260° ± 6. Температура на поверхности почвы +16°С.

Датчики слушали, чувствовали, измеряли. Мозг рассчитывал. Ток шел. Усилитель гудел. Излучались электрические импульсы.

— Сила ветра 3,3. Направление 262° ± 6... Температура...

Станция регистрировала данные о погоде, передавала приказы:

— Свет 0,2 нормального, перенести в запланированный квадрат 17.

Передатчик контролировал положение глайдера...

Л5 в квадрате 17.

Флаер вырвался из облачка и повернул к южной части города.

Над гидропонными садами струился теплый влажный воздух. Датчики следили за освещенностью, температурой и влажностью воздуха.

Опустился захват манипулятора, игла вонзилась в плод, щипцы перерезали черенок.

Корзина с фруктами, освещенная солнцем, скользнула в гирокар. Он запросил маршрут и развернулся в направлении, которое ему указал электронный мозг — на юг города.

Фрукты были загружены в автомат для очистки кожуры, а из него — под пресс. Опустился пуансон. Автоматический транспортер подхватил склянку с томатным соком и вынес ее на веранду.

Поступило новое распоряжение.

Транспортер вернулся назад, на кухню. Красно-оранжевая жидкость исчезла в мусоропроводе. Зашипел распылитель.

Веранда была освещена приятным желтоватым светом. Ветер шевелил листья растений и длинные изогнутые воздушные корни. На заднем плане виднелся санитарный автомат. Одно из его щупалец обвивало запястье старика. Старик сидел в тени, глубоко утонув в подушках кресла. На лице его было выражение удовлетворения. Лицо его было повернуто в сторону окрестностей города, к ниткам акведуков, исчезающих в горах, куполам воздухохранилищ, каменным садам с постным блеском минералов.

Старик был мертв.

Санитарный робот сообщил об этом в централь.

В централи защелкали реле. Начали вращаться барабаны с магнитной лентой. Миллионы транзисторов распределяли импульсы. Напряжение ориентировало ядра микрокристаллов. Возникла такая схема, какая еще не возникала ни разу.

Централь работала. Она проверяла всю информацию, искала приказы. Тщетно. Ситуация была совершенно новой.

Ток все время искал новый путь. Электроны концентрировались то тут, то там. Вспыхнула и замигала одна из красных лампочек — короткое замыкание.

Централь направила по проводам сигнал. Стрелки измерительных приборов качнулись к красным делениям, потом упали до нуля. Немного спустя по проводам снова пошел ток...

Централь отозвала глайдер. Она прекратила работу службы погоды. Она прервала транспортные поездки гирокаров. Она сконцентрировалась на проблеме...

Существовало два варианта.

Первый — оставить город в покое. Остановить снабжение энергией. Прекратить все работы. Покончить со всем. Второй...

Централь посылала сообщения, одно за другим. Киберкухни были перенастроены на машинное масло, электричество и бензиновую смесь. Служба погоды, замеряющая освещенность, температуру и влажность, была приспособлена для добычи алюминия, хрома и производства стали. Гирокары доставляли с гор руду, а фабрики изготавливали все новые и новые машины. Защитные устройства ограждали их...

Город продолжал жить дальше — только теперь для себя самого.

ЗДАНИЕ

Голубое солнце опускалось за горизонт, и победно поднималось красное. Между ними крышей выгнулась гигантская фиолетовая дуга.

Фонтейн маршировал вместе со всеми в колонне. Колонны — изгибающиеся серые прямоугольники — двигались со всех сторон

к одной точке на западе — к мосту, что связывал город с островом. Вокруг колонн суетились роботы-полицейские, регулировавшие движение.

Фонтейн был каменщиком. Он умел укладывать принесенные носильщиком камни, один на другой. Лопаткой он бросал пластиковый раствор на стену и укладывал камень за камнем.

Во время работы никто не разговаривал. За рядами работающих безостановочно сновали роботы-инспекторы. Только в свободное время, в короткие часы голубой ночи, остававшиеся перед сном, они могли поговорить обо всем — о здании, которое они строили, о том, как они будут в нем жить, когда оно будет закончено, и как станет тогда хорошо. Сейчас жилых помещений хватало едва-едва, но каждый имел свою личную площадь. Их работа обещала жилье в изобилии.

На этой стройке работало уже несколько поколений и, наконец, здание должно быть скоро закончено. Когда? Через десять лет? Через двадцать? Фонтейн однажды спросил об этом робота-инспектора и был наказан тремя ночами холодного ареста.

Он стоял на подмостках и укладывал камень за камнем. Перед ним открывался широкий обзор, но Фонтейн видел только эти серые стены — где выше, где ниже. Повсюду на подмостках работали люди, а внизу с большими коробами сновали носильщики камня.

Сколько Фонтейн себя помнил, он был здесь каждый день. Он никогда над этим не задумывался, но сейчас, тайком озираясь и разглядывая эти бесконечные стены, он вдруг представил себе это здание чем-то нестерпимо отвратительным, и в голове пронеслась преступная мысль: разрушить фундамент и сравнять эти стены с землей — и вести беззаботную жизнь в старом городе! Но эта мысль скоро улетела. С каким-то чувством вины Фонтейн повернулся к своим камням и начал работать с двойным усердием.

Фиолетовая заря над городом возвестила утро — бледнели последние красные лучи, разгоралась голубизна дня.

Люди маршировали на восток — к мосту, к острову, к месту их работы. Они не знали, что находится по ту сторону острова, да этим никто и не интересовался. Не было времени. Вечером после работы они уставали так, что хватало сил лишь взять в роботокухне свой ужин и свалиться в постель.

Хасан был рабочим. Он выбивал камни из стены. Очень трудная работа, потому что камни склеены твердым, как стекло, раствором. Но это все-таки лучше, чем быть одним из носильщиков, которым приходится целыми днями таскать эти камни на рабочие площадки.

У Хасана было приятное чувство, что он делает важную работу. Ему не нужны роботы-полицейские, постоянно контролирую-

щие рабочих. Где бы его ни поставили, он делал свою работу, выполнял свой долг. Хасан уселся на помост и ударил молотком по зубилу. В голове витали какие-то смутные мечты о том времени, когда это место освободится, и здесь расположатся гидропонные сады. Продовольствия сейчас хватало только для строго нормированных рационов — тогда они будут есть и пить в свое удовольствие — всего будет в изобилии.

Навалившись всем телом, Хасан выбил еще один камень, тот упал в подхватывающую сетку, и вот уже носильщик уложил его в свой короб.

Хасан смахнул со лба пот и поглядел через свою стену на изузбренные края других, где трудились его товарищи. Какой же высоты были эти стены в самом начале? В его мозгу проскочил импульс, абсурдная идея, какое-то видение — ужасающе отчетливое: эти стены продолжают строить, все выше и выше, соединяют в одно гигантское, царящее над всем вокруг сооружение, с башен которого можно охватить взглядом весь остров!

Но ему тут же стала ясна бессмысленность этого видения, и Хасан опять взялся за зубило, еще немного колеблясь, но не медля — с уверенностью человека, за которого думают другие.

Джо Холдеман

26 ДНЕЙ НА ЗЕМЛЕ

14 апреля 2147 года. Я решил начать дневник. К сожалению, сегодня не произошло ничего выдающегося.

15 апреля. Сегодня тоже ничего интересного. Только регистрация.

16 апреля. Какой смысл писать? Только зря расходовать бумагу. Кроме того, при отлете с Земли мой дневник отберут у меня и скорее всего используют вместо туалетной бумаги. Все же я решил продолжать записи.

Сегодня тоже не произошло ничего экстраординарного. Я заполню эту страничку своими биографическими данными, которые, несомненно, будут иметь огромную ценность для будущих историков.

Я, Джонатан Ву, рожден моими родителями Мартой и Джонатаном Ву-вторым 17 января 2131 года и выношен моей эрзац-матерью Салли 217-44-7624. Мои родители были достаточно важными персонами, чтобы им было позволено легально иметь двух

детей, но мое поведение скоро убедило их в том, что хватит и одного. Когда я достаточно подрос для того, чтобы совершить путешествие — мне тогда было около четырех лет — они отправили меня в детскую школу-интернат Клавиус на Луне. По их мнению четверть миллиона миль были именно тем расстоянием, чтобы я не мешал им, а они могли наблюдать за моим воспитанием.

Интернат Клавиус, о котором я уже здесь упомянул, был известен как учебное заведение, в котором совершенно изолированно и под постоянным наблюдением обучались малыши и ученики постарше. Студентов переводили в другое место. На Луне не было университетов, только технические школы. Нужно принять во внимание также и свойство граждан Луны, которые были м у т а н т а м и. Их обучали технике, чтобы сделать из них великолепных механиков. Я предполагаю, что мой отец так охотно послал меня на Планету, чтобы я стал ни чем иным, как джентльменом.

Теперь, неделю назад, я прилетел на Землю.

17 апреля. Сегодня начались занятия. В этом семестре я, вероятно, буду заниматься параллельно на курсах алгоритмического анализа и «системами логики». Я снова должен был встретиться с булеанской алгеброй, отчего я свернулся в шар и проглотил язык. Кроме того, в курс моего обучения были включены классический греческий и латынь. Одновременно я читал подготовительные тексты для следующего семестра: американских и английских поэтов двадцатого столетия и бульварную литературу того времени как показатель культурного индекса. Все это было связано с применением расчетов вероятности и «Искусственного разума-I». Поэзия занимательна, но бульварная литература утомительна и скучна. Конечно, нужно иметь в виду, что никто из этих авторов при вынашивании в чреве матери не подвергался полезным генетическим изменениям, и даже лучшие люди того времени обладали средним интеллектом, затуманенным слабоумием и плохой наследственностью.

Однако земная гравитация утомляет меня.

18 апреля. Я разговаривал с моим доцентом, преподавателем греческого и латыни, доктором Фридманом. Он пожаловался мне на стерильность предстоящих лекций по литературе. Он познакомил меня с работами ирландского писателя по имени Джойс и дал мне на время одно из изданий книги «Пробуждение Франкенштейна». Мне понадобилось десять часов, чтобы прочитать первые тридцать страниц, причем я читал и в обед, и за ужином. Захватывающе. Равноценно лучшему из Трумена. Почему у нас в интернате не читали Джойса?

Мне велели каждый день совершать двухчасовую прогулку, чтобы привыкнуть к земной силе тяжести. Я пишу эти строки, положив дневник на пюпитр. Кроме того, я ежедневно должен

съедать горсть отвратительных таблеток кальция и ходить на костылях, пока не окрепнут мои кости. Если бы я провел на Луне еще лет пять, я, вероятно, был бы уже не в состоянии вернуться на Землю. Это обстоятельство теперь не особенно беспокоит меня.

Костыли выглядели ужасно и смешно при земных одеждах, но я знал, что мне делают скидку, как неземлянину.

Мой отец сегодня утром вызвал меня, и мы несколько минут поговорили о моих занятиях.

19 апреля. Сегодня я впервые отважился выйти из нашего университетского комплекса. Было очень неприятно находиться на открытом пространстве без скафандра. Конечно, я носил дыхательный фильтр даже внутри некоторых зданий, которые не были достаточно герметичными, что несколько ослабляло агорафобию.

Как же в следующем году я буду проходить курс геофизики? Студентам устраивают экскурсии в заповедники, где они подолгу работают под открытым небом, доступные всем силам природы. Я знал, что все мои страхи совершенно иррациональны: люди на протяжении миллионов лет дышали естественной атмосферой и жили на открытом пространстве, на свободе, ничуть не заботясь о том, что их должно что-то прикрывать. Может быть, мне удастся убедить людей, что этот страх на Луне небезоснователен, что он является частью системы, обеспечивающей выживание. Может быть, они дадут мне отпуск, может быть, они избавят меня от этого курса или позволят носить скафандр.

Во время прогулки вне университетского комплекса я попал в одну из таверн, которую, вероятно, посещали местные студенты. Я выпил какого-то обыкновенного вина, и мне предложили что-то вроде гашиша, который значительно отличался от лунного продукта — он был для меня слаб. Мне пришлось показать хозяину паспорт, чтобы доказать, что мне уже исполнилось шестнадцать лет.

Я долго беседовал с одним мутантом-землянином о необходимости межпланетного тарифного соглашения. Он так мало знал о других мирах. С другой стороны, я также очень мало знал о Земле по сравнению с теми, кто здесь родился.

У меня еще хватило сил без посторонней помощи вернуться в жилище, где я проводил половину своего учебного времени. Чтобы закончить последнюю книгу «Теоргикса» я вынужден был принять возбуждающее средство. Эта книга, большая часть которой повествовала о земледелии, вызвала у меня неприятное ощущение.

Я решил больше никогда не курить на Земле гашиша, пока ко мне не вернутся мои обычные силы.

20 апреля. Система и порядок алгоритмического анализа понравились мне. Я намеревался стать доктором философии, но теперь я больше времени уделяю математике. Для моего отца это станет ударом. Но я считаю, что джентльмен может быть математиком.

С завтрашнего дня я решил начать исследовательскую работу по математике.

Мне очень трудно найти друзей. Нравы здесь довольно странные. Но я же воспитывался с учетом их, и меня готовили к жизни здесь. Может быть, я слишком критически отношусь к земному обществу?

Болезненное открытие: этим утром я впервые почувствовал себя достаточно сильным, чтобы заниматься сексом. По-моему, это идеальное средство завязать более тесные отношения с землянами. Я сделал на этот счет тактичное замечание одной из моих коллег-студенток. Она отреагировала на это очень болезненно и казалась сильно оскорбленной. Она прочитала мне лекцию о культуре поведения. Суть ее заключалась в том, что в ситуации, если кто-то с кем-то хочет познакомиться, он, подойдя к избранному партнеру, делает ряд сложных жестов, словно спаривающаяся птица, которая важничает и воркует. Я ответил ей, что будет больше смысла, если ритуал такой связи будет устроен по требованию двух людей в предвидении их будущей сексуальной доверительности, но сейчас это, очевидно, не тот случай. После этого она с пугающей поспешностью отпрянула от меня.

Мой отец предупреждал меня о такой моральной странности, но мне не дано было понять, что это сохранилось не только в среде низших классов общества, но и среди всех оставшихся Хомо Сапиенс. Здесь, наверное, существовала возможность снижать неконтролируемое количество рождений при помощи устранения случайных сексуальных контактов. Однако Хомо Мутантис — к такому виду я причислил и свою сокурсницу — нельзя было навязать такой ограниченный образ поведения. По обманчивой убедительности аргументов, которые она представила, мне показалось, что в действительности она не относится к этому классу. Как же тогда она попала в университет?

21 апреля. Компьютер проанализировал профиль моей психики и сообщил мне, что у меня есть средней величины потенциальные данные в области математики, но мой темперамент больше подходит для занятий литературой. Он порекомендовал мне продолжить параллельное обучение, пока это возможно, а потом всю свою энергию сконцентрировать на том или ином поле деятельности, едва только выяснится, что же меня больше притягивает. Это самый приемлемый для меня путь, учитывая мою нерешительность.

Я, наконец, нашел себе друга, не землянина, а марсианина, который тоже оказался на Земле для «последней шлифовки». Его зовут Четем Говард. Он, казалось, был приятно удивлен, когда увидел, что для меня имя Говард было символом ранней марсианской истории и представляло социальный статус сегодняшнего Марса. Он изучал социологию и был здесь уже на год дольше, чем я.

22 апреля. Четем взял меня на вечеринку и представил там нескольким милым землянам. При обдумывании полученных там впечатлений я несколько изменил свою точку зрения. Не все земляне оказались несносными мещанами.

Там я встретил интересную девушку по имени Памела Андерсон. Мне она так понравилась, что я начал ритуал ухаживания, оказывая ей знаки внимания и делая ей комплименты. Конечно, у нее тоже было несколько достойных внимания мыслей, но она не всегда была достаточно разумной. Я условился с ней поужинать завтра.

23 апреля. На обед нас с Памелой сопровождали Четем и его подруга. Мы пошли в ресторан Луиджи. Там была старая кухня, специализирующаяся, если так можно выразиться, на «североамериканской» рецептуре кушаний. Эти блюда были пикантны более, чем я к этому привык. Памела посоветовала мне взять приятное, слабо пряное блюдо, называемое «спагетти под грибным соусом». Оно было действительно вкусно и напомнило мне одно из домашних грибных блюд.

После обеда мы посетили общественный кинотеатр и посмотрели фильм, в котором было показано множество венчающихся пар. За последние несколько лет я видел множество подобных фильмов во время изучения курса ментальной гигиены, но в таком причудливом окружении я нашел эти сцены страшно возбуждающими.

После фильма мы выпили вместе, и это еще более возбудило нас обоих. Мы веселились. Однако у меня сложилось впечатление, что Памела не интересуется мной с сексуальной точки зрения. Это было жестокое разочарование, особенно после того, как подруга Четема предложила ему провести с ней ночь. Памела была нежна, но подобного предложения она не сделала.

Я понял, что не подхожу ей в качестве сексуального партнера. Я на полметра ниже ее. Мое лунное телосложение с ножными протезами и с быстро наступающей усталостью более чем хило. Кроме того, я на несколько лет младше ее, что на Земле, по-видимому, играет большую роль.

Как обнаружилось во время нашей беседы, большинству обычаев, связывающих показанные в кино пары, уже несколько сотен лет. Эти обычаи — одна из самых серьезных традиций на Земле. Жители планеты во многих случаях просто зажаты в тисках обязательств, которые уже не раз приводили их на грань самоуничтожения. На других же планетах мы были более благоразумны и отбросили этот ненужный хлам, тем самым продвинувшись вперед.

Иногда мне в голову приходит мысль, что отчаяние и сомнения охватывают землян еще при рождении.

24 апреля. Сегодня я написал статью об алгоритмических счетных машинах. Когда я ее писал, мои мысли все время обращались к Памеле. Я даже вынужден был в какой-то момент начать все

снова. Идиотизм! Может быть, все эти медицинские вмешательства повлияли на мою психическую дисциплину.

Сразу же после этого я проанализировал статью Вергильса и другие работы, которые приписывались ему. Но, очевидно, многие из них были созданы другим автором.

25 апреля. Мы встретились с Памелой без предварительной договоренности и вне семинара — обнадеживающий признак. Но, как оказалось, ее больше интересовали лунные обычаи. Это ей нужно было для проведения тестов по сравнительной социологии. Мы вошли в кафетерий и продолжили нашу беседу, в основном о том, как существенно она отличается от меня. Когда я покинул ее, я был в глубокой депрессии. Но все же мы условились с ней пойти на концерт, который должен состояться завтра.

26 апреля. На концерте исполняли пьесу под названием «Стеклянная гармония». Мелодия была интересна, но ритм прост, гармония произведения прослеживалась четко, тематическим обоснованием было движение.

На концерте я узнал об одном поразившем меня факте. Памела не мутантка. Вместе с другой парой мы посетили бар наркотиков, чтобы побеседовать там о разнице между Хомо Сапиенс и Хомо Мутантис. Памела обвинила меня в фальсификации информации и в покровительстве, которые уводили меня от обязанностей Хомо Сапиенс. Она защищала его и хвалила, хотя он должен был вымереть уже на протяжении следующего поколения. Она говорила, что у нее никогда не проводилось манипуляций с генами, и у ее детей, и у детей ее детей тоже никогда не будет ничего подобного. Одновременно она сообщила мне нечто, чего мне никогда не рассказывали на Луне. Ее аргументация стала мне хорошо понятна. По ее мнению, нет никаких гарантий того, что генетические манипуляции будут успешными на протяжении длительного времени. Человечество же как вид Хомо Сапиенс существует уже многие тысячелетия, существует, несмотря на все свои промахи и эксперименты.

Втайне я соглашался с ее мнением, что вид Хомо Сапиенс должен остаться. Но одного-двух миллионов будет достаточно для восстановления расы в том случае, если мы, мутанты, перекрасимся в розовых и взорвемся. Вероятно, гнев ее был больше политического, чем биологического характера. Она беспокоилась о том, что мы представим собой голый разум, который будет оспаривать право на существование у Хомо Сапиенс, как только мы окажемся в большинстве.

Она считала, что эксперименты должны происходить на Луне. Я вынужден был терпеливо объяснять ей, почему мы не допустим Хомо Сапиенс туда в качестве колонистов: не из-за предубеждения, а из простой логики. Я не убедил ее.

Одним из объяснений, почему я догадался о том, что Памела

не мутантка, было то, что все Сапиенсы на Луне были стары и непригодны для существенного исправления дефектов, приобретенных в молодости. Я бессознательно переносил свое отношение к этому меньшинству на Сапиенсов-землян.

То обстоятельство, что она не мутантка, конечно, не делало ее менее привлекательной для меня. Мое восхищение ее интеллектуальными способностями, должно быть, было огромным даже теперь, когда я знал, в каком невыгодном генетическом положении она находилась. Мгновенно охватившее меня чувство, которое я испытывал к ней, не ослаблялось ее эмоциональной самоуверенностью. Или это был дар провидения? Все так запуталось.

27 апреля. Сегодня экзамен по алгоритмическому анализу. Не особенно трудно, но подготовка заняла много времени.

28 апреля. Мы с Памелой пошли в зоопарк. Утомительный, но чрезвычайно ценный день. Звери великолепны. Мне показалось, что я стал взрослым, или, по крайней мере, почти взрослым. В первый раз в своей жизни я увидел живых существ, не являющихся людьми, наиболее уникальных из всех, которых я когда-либо видел. Сделав длинную запись в дневнике, я сегодня ночью написал эссе о своих переживаниях.

Ноги мои болят. Я рассказал Памеле анекдот о компьютере, который играл сам с собой в шахматы, и она рассмеялась. Кажется, это был первый случай, когда я видел ее смеющейся?

29 апреля. Памела прочла мое эссе и покинула меня со словами, которые я никогда бы не захотел услышать снова. Она заплакала.

30 апреля. Я задумался о сравнении между Хомо Сапиенс и животными, которых упомянул в своем эссе. Памела была настроена иронически, но я смог понять ее реакцию. Однако, такому аспекту невозможно найти точного определения. Вместо того, чтобы попытаться изложить свои затруднения в юмористической форме, понятной землянке, я уничтожил оригинал своего произведения, а копию отправил Памеле.

Оглянувшись назад, я увидел, что знаком с ней меньше недели.

1 мая. Экзамен по латыни.

2 мая. Сегодня Памела посетила меня вместе с одним парнем. Она не упомянула об эссе не единым словом.

Я понял, что недостаточно знаю Памелу, чтобы решиться на объяснение. Она захватила с собой этого парня, Хилла Бомонта, вероятно, для того, чтобы вызвать во мне чувство ревности. Я понимаю феномен ревности, читал о нем, но до сих пор я ревности никогда не испытывал и верил, что у меня к ней иммунитет.

Кроме того, Бомонт весьма глуп.

3 мая. Сегодня Бомонт пришел ко мне один и сказал, что он прочитал мое эссе и поздравляет меня с особой его содержательностью. Он действительно чудаковатый простачок, но в то мгновение

я был дружески расположен к нему. Он хотел прийти еще раз и побеседовать со мной за рюмкой вина, однако я отказался, сославшись на недостаток времени. Это действительно так — завтра утром экзамен по греческому, а я давно уже запустил этот предмет. Очень много придется наверстывать. Я спросил его о Памеле, однако после их визита ко мне вчера вечером он ее больше не видел.

4 мая. Греческий. Я провел все время в своей комнате, изучая его, но после экзамена я согласился пойти пообедать вместе с Четемом и Бомонтом. Произошло очено много важного, и хотя сейчас уже больше двух часов ночи, я описываю события, пока память о них в моем сознании еще свежа.

Мы встретились у Луиджи за скромным ужином и рюмкой вина. Четем, как всегда, был интересным собеседником. Однако, вечер для меня был основательно испорчен, когда Бомонт с доверчивым пустословием заявил, что он тоже мутирует. Его на самом деле избрали председателем местного клуба, членство в котором он забронировал и за «нами». Этой ночью должно было состояться собрание членов клуба. Бомонт пригласил меня пойти с ним и там выступить со своим эссе о животных. Копия моей рукописи была у него с собой. У Четема были свои собственные планы, но меня он уговаривал пойти туда, потому что такое общение, по его мнению, должно быть весьма содержательным. Я не нашел никакой возможности вежливого отступления, а также рассчитывал на то, что на том забавном вечере не все будут такими, как Бомонт. Мы оставили Четема допивать остатки вина — деятельность, на которую у него был особый талант — и прошли по улице несколько кварталов, пока не достигли места собрания.

Некоторые из знакомых Бомонта имели странные представления о том, что называется мутацией. Это собрание было самым странным из всего, что я видел на Земле.

Сначала встал один мужчина, чтобы преподнести слушателям свое лучшее сочинение, стихотворение на латыни, написанное восьмистопным ямбом. Он объяснил, как семантические аналоги можно подвергнуть нормальному редуцированному преобразованию, чтобы получить различные, лежащие в центре стихотворения строки — в этом не было особого смысла — и как ему, наконец, удалась цеза с исключением внутренней рифмы и окончания на «сум» вдоль главной диагонали. Детское упражнение, плохая поэзия и наивная математика, но каждый, казалось, соглашался с ним.

Следующей была девица, представившая скульптуру, которую она изготовила из обломков большого кубического пьезоэлектрического кристалла. Мелкие осколки она использовала для изготовления поверхности скульптуры. Это и было ее открытием в искусстве. То, что она достигла такого эффекта при помощи разбивания

различных предметов об пол, ни в коей мере не уменьшало ценности ее скульптуры для публики.

Так продолжалось полтора часа. Мой доклад был последним. Я уверен, что девять десятых аплодисментов, которые мне предназначались, можно было объяснить именно этим обстоятельством.

Наиболее беспокойная часть вечера состояла из дискуссии о Хомо Сапиенс и мероприятий по отношению к этому виду. Некоторые логические ходы были так запутаны, что мне, первому ученику в интернате, подобные рассуждения не делали чести.

Я узнал одну удивительную вещь. Оказывается, доля Хомо Мутантис в общем числе населения составляет всего около одного процента. Почему это скрывали от нас в интернате Клавиус? В таком случае иррациональная сущность некоторых предложений, сделанных в этот вечер, могла быть просто «паранойей меньшинства». Одна из идей, вызвавших большое одобрение, была одновременно и остроумной, и глупой. Это было старание некоторых отдельных групп, занимающихся контролем населения, ввести всеобщее Правление Матерей. Они требовали, чтобы все люди после наступления половой зрелости, сдавшие сперму или яйцеклетки на хранение в правительственный банк, стерилизовывались. Таким образом, количество семей может непосредственно управляться правительством.

Как выяснилось, это неизбежно должно было привести к всеобщим манипуляциям с генофондом человечества. По их мнению, Хомо Мутантис, очевидно, будут более качественными, чем остатки человечества, и только вопросом времени будет для представителей Хомо Мутантис получение всех постов в правительстве. Таким образом, мир можно полностью защитить от бюрократического вмешательства и, само собой, разработать программу всеобщих манипуляций с генофондом — на благо человечества.

Кто-то выдвинул аргумент Памелы о том, что только через несколько поколений мы можем убедиться в успехе или неудаче генетических манипуляций. Но большинство придерживалось мнения, что «мы» будем в подавляющем большинстве, чем и докажем правильность своей программы.

Я заметил, что слабое место этой программы заключается не во всеобщих манипуляциях с генофондом, а в хранении генетического материала. В этом и заключается основной вопрос. Для большего удобства можно соорудить хранилище вблизи правительственного центра, который, как и каждое большое поселение людей, черпает энергию из одних и тех же источников. Это микроволны, которые излучаются на Землю с орбитальных солнечных энергостанций. Факт непрерывной работы этих станций еще ничего не говорит относительно иммунитета спермы и яйцеклеток к микроволнам, вырабатываемым этими станциями. На самом же

деле нарушения весьма вероятны: проявляются дефекты. Они возникают в результате концентрированных доз солнечного излучения, которыми они поражаются все одновременно. Но нет энергии — нет охлаждения. Большая часть генетического материала растратится и погибнет, и человечество встанет перед генетической катастрофой. Хотя оно и произведет необходимое количество детей, но они еще должны будут достичь половой зрелости, чтобы снова возродить расу. Число детей, находящихся под строгим контролем, будет очень и очень малым. Нужно также рассчитывать на то, что не будет достаточного количества инкубаторов, чтобы выводить следующее поколение человеческой популяции, необходимой для возрождения такой цивилизации, которую мы знаем.

Прекращение подачи энергии не обязательно должно произойти в результате катастрофы на солнечных энергостанциях. Можно представить себе, что какая-то часть человечества будет несогласна с превращением всего человечества в Хомо Мутантис. Эта часть человечества, не обращая внимания на остальных, может саботировать банки спермы.

К моим контраргументам вежливо прислушались, но, вероятно, очень многих я не убедил. Здесь, на Земле, электроэнергия была чем-то само собой разумеющимся. Здесь, конечно, бывают случайные перебои с подачей энергии, но они означают не более, чем остановку транспорта на несколько часов.

На Луне же был только один-единственный перебой с подачей энергии.

5 мая. Сегодня я узнал, что Памела посещает курсы социометрики и нашел для себя возможность провести несколько часов у компьютера, преподающего социотехнику. Я сделал вид, что исследую алгоритм, который описывает механизм Тьюринга. Конечно, я знал, как он функционирует — я уже подробно изучил блок математики — и был достаточно знаком с его конструктивными недостатками.

Через четыре часа я увидел ее. К счастью, она пришла только для того, чтобы обсудить свои впечатления. Было время обеда, поэтому я прошел с ней в столовую. Мы взяли по маленькому блюдечку с бутербродами и стали беседовать.

Я рассказал, что произошло со мной в обществе Бомонта. Она рассмеялась. Это сначала рассердило меня, вероятно, только потому, что она была Сапиенсом. Но она меня заразила своим весельем, и я в конце концов стал смеяться вместе с ней. Она добавила, что пришла ко мне с Бомонтом только для того, чтобы показать мне, что не все мужчины, независимо от их опыта, являются человеческими сверхсуществами.

В зале столовой я поздоровался с девушкой, которая вчера тоже

была там, той самой, которая представляла пьезоэлектрическую скульптуру. Она посмотрела мимо меня и никак не отреагировала на мое приветствие.

6 мая. Что за долгий и беспокойный день! Сегодня я обнаружил в своем почтовом ящике телеграмму следующего содержания:

«ОТ НАШЕГО ВНИМАНИЯ НЕ УСКОЛЬЗНУЛО, ЧТО ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛЮБОВНУЮ СВЯЗЬ С НЕКОЕЙ ПАМЕЛОЙ АНДЕРСОН, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ВИДУ ХОМО САПИЕНС. ГОВОРИМ БЕЗ ОБИНЯКОВ, НАМ ЭТО ПРОТИВНО. С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТО ЖИВОТНЫЙ АКТ, СОДОМИЯ. ХОМО САПИЕНС НАШИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ВРАГИ, ЕДИНСТВЕННАЯ ПОМЕХА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. САПИЕНСЫ ОПАСНЫЕ ДЛЯ ВСЕХ СУЩЕСТВА СОВЕРШЕННО ИНОГО ВИДА. МЫ НЕ БРАТАЕМСЯ С ПОДОБНЫМИ СУЩЕСТВАМИ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ПРЕКРАТИТЕ ЭТУ ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННУЮ СВЯЗЬ С ПАМЕЛОЙ АНДЕРСОН, ВЫ ПОПАДЕТЕ В ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. МЫ БУДЕМ СЛЕДИТЬ ЗА ВАМИ. СТЕКОМ».

Я заподозрил в этом Бомонта, так как он принадлежал к СТЕКОМУ — «Руководящему Комитету Человечества» — но, по его словам, там никто никому не угрожал «затруднительным положением». СТЕКОМ защищал интересы мутантов в правовых торговых делах. Он сказал мне, что публичная точка зрения этой организации гораздо умереннее, чем выраженная в присланном мне сообщении, однако он знает нескольких ее членов, которые придерживаются подобной точки зрения.

Он дал мне номер телефона председателя местного отделения СТЕКОМА, и я позвонил ему. Тот отрицал всякую связь с телеграммой, в которой излагалась такая точка зрения. Тот, кто нес за нее ответственность, действовал без согласования с ним. Он предложил мне держать его в курсе развития событий и считал, что мне нечего бояться. Письмо — дело рук экстремистов.

Но как бы то ни было, это не особенно тревожит меня.

Я оставил у подруги Памелы, живущей с ней в одной комнате, записку с просьбой связаться со мной, и мы договорились пообедать вместе.

Мы сели за столик в глубине заведения Луиджи, и я показал ей телеграмму. Сначала она развеселилась, но потом успокоилась. Телеграмму она сочла нелепостью, но она считалась с тем, что меня это могло обеспокоить.

Она считала, что будет лучше, если мы на некоторое время перестанем встречаться. Я запротестовал: это будет слишком малодушный ответ на происки какого-то труса, который скрывался за анонимностью телеграммы. Мы заспорили. Во время нашей перепалки она сказала, что все мои усилия будут бесполезны, потому

что наше знакомство не может быть иным, кроме как чисто случайным платоническим. Мы закончили нашу трапезу молча, и она даже не предложила мне проводить ее до дому.

На обратном пути в свой приют, после того, как сойти в южном квадрате с ведущей на запад движущейся дороги, я должен пройти мимо глухого забора, который отбрасывает на улицу густую тень. В тот вечер я задумался и не заметил нападавших.

Они подкрались ко мне сзади. Один нахлобучил на голову и плечи пластиковый мешок и прочно связал мне руки за спиной. Другой ударил меня один раз в солнечное сплетение и дважды по лицу, потом схватил мою дыхательную маску и сорвал ее. Они убежали, а я, спотыкаясь и шатаясь, побрел к ближайшему входу в здание. Живущий там врач немедленно дал мне кислород и обработал рану, которая казалась мне ужасной — безобразный порез под левым глазом. Он сказал мне, какие лекарства нужно принимать из тех, что были в аптеке моего общежития, одолжил дыхательную маску и отправил меня домой. Один из моих товарищей сопровождал меня, чтобы предотвратить новое нападение. В то время, как я это пишу, мое горло все еще саднит от вдыхания воздуха, насыщенного сернистым газом. К счастью, нападение произошло поблизости от моего общежития, не в самом центре индустриальной зоны.

Я принял сильные болеутоляющие таблетки и отправился спать.

7 мая. Я пошел в полицию, но там мне сказали, что расследование этого происшествия — пустая затея, напрасная трата времени. Нет никаких свидетелей, и я не могу узнать преступников в лицо. Я вспомнил шефа полиции, с которым встретился три дня назад, и не стал настаивать.

Новая телеграмма в моем почтовом ящике. Текст ее очень прост: «УБИРАЙСЯ НАЗАД, НА ЛУНУ — СТЕКОМ».

Я известил об этом председателя руководства Комитета и проинформировал о вчерашнем происшествии. Он казался очень возбужденным и, конечно, не стал больше давать мне никаких советов.

Кто-то проник в мою комнату и залил соевым маслом мои книги и пюпитр. После того, как они немного подсохли, я сунул их в мойку и включил ультразвуковую чистилку-сушилку. Я работал новейшими методами. Тот, кто затеял все это дело, как мне кажется, прочитал этот дневник и успел узнать, что Памела не особенно приветствовала «сексуальную связь», которую будто бы поддерживала со мной. Может быть, теперь он прочтет и это.

Работа, само собой разумеется, продолжалась: теория растений и прочее.

Я думал о целях, которые преследовали лица, пославшие мне телеграммы и отважившиеся на мордобитие.

Эти телеграммы — простые компьютерные тексты, и пославший

телеграмму сначала должен был закодировать их в кристалле. Кристалл изымается. Если его не использовали снова для других целей, легко обнаружить, кто последний использовал его.

Теоретически все очень просто. Однако трудность в том, что для выяснения нужно обследовать пять или шесть компьютерных центров и каждый из нескольких тысяч кристаллов, находящихся там; к тому же, совсем не трудно стереть этот текст и закодировать на этом кристалле что-нибудь другое, если первоначальный текст больше не нужен.

Я задумался о том, как мне подстроить ловушку, не используя в качестве приманки Памелу. Для этого мой мозг оказался недостаточно развитым, вернее, ему недоставало информации. Четем же в этом отношении был продувной бестией, и у него было гораздо больше информации, поэтому я подумал попросить его помочь мне. Но он, к сожалению, уже улетел. Он находился на пути к Марсу. Тогда я решил обратиться к Бомонту.

За бутылкой вина в общей комнате его общежития мы набросали план. Он знал большинство мутантов, состоящих в Союзе, и знал также, кто из них придерживался экстремистских взглядов. Мы решили, что он посетит соответствующих лиц и сообщит о результатах мне или Памеле. Кто-нибудь должен проявить интерес к тому, чем занимается Бомонт, потому что, по его мнению, мутанты ищут друг друга и симпатизируют друг другу. И тут, в университете, я, четко выраженный мутант, подаю ужасно дурной пример... Можно ли ждать, что он отреагирует по-другому?

Бомонт сказал, что он должен начать немедленно и сообщит мне, как только получит первые результаты.

8 мая. Загадки больше не существует.

Бомонт сегодня утром по телефону сообщил мне, что разыскал того, кто затеял борьбу против меня. Как он мне сообщил, это был некто, кого я знал — речь шла о подстрекателе, который уже около года был исключен из студентов. Он видел меня только на редких встречах в клубе. Сегодня мы все трое должны встретиться в восемь часов под навесом стадиона.

Я ответил ему, что такая идея мне не нравится. На меня все же совершили нападение двое, и за всем этим могли последовать еще большие осложнения. Я слишком слаб, чтобы защитить себя, если начнется выяснение отношений, а опасные спортивные снаряды там есть повсюду. Я просто хотел вызвать полицию, чтобы она задержала моего противника. Но Бомонт считал, что без доказательств наши показания обратятся против нас самих, или полицейские не обратят на них никакого внимания, так как заявления сделали студенты.

Он сказал, что может раздобыть станнер, чтобы помешать нападению, и кроме того, он захватит с собой записывающее устройст-

во, чтобы зарегистрировать все угрозы, если этот тип проявит какую-либо активность. Я лично надеялся, что он ее не проявит.

Бомонт подготовил рукопись, в которой было записано все, что я хочу сказать тому, другому. Мысли звучали безобидно, но, если их истолковать по-другому, они могут вызвать нечто вроде короткого замыкания. Бомонт сам хотел пойти вперед и первым оказаться около моего противника. Я согласился, с одной оговоркой: нужно было смягчить некоторые выражения в тексте монолога.

Как всегда я пошел на утреннюю лекцию, но никак не мог сосредоточиться на сути предмета. Могло произойти все, что угодно. В это время года спортивными сооружениями пользовались в конце недели, и я не был уверен в том, смогу ли я достаточно быстро вернуться в какое-нибудь здание в том случае, если с меня, как и в тот раз, сорвут дыхательную маску. Не было никакой гарантии того, что человек в одиночку сможет справиться с такими трудностями. Я больше, чем когда-либо, стал задумываться о том, каким нервным я стал. В конце концов, после обеда я пошел в полицию.

На шефа полиции мое сообщение, казалось, не произвело никакого впечатления. Он считал, что все это злая шутка, которую сыграли с новичком, вступающим в клуб. Он знал Бомонта и считал, что все это его проделки. Инициаторы инцидента воспользовались моими преувеличенными эмоциями.

Я возразил, что они нанесли мне безобразную рану. Но он ответил, что я никогда не подвергался серьезной опасности — меня ударили просто для того, чтобы нанести легкую безобидную царапину. В противном случае она не была бы столь легкой, меня просто задушили бы.

Кроме того, он сомневался, чтобы в восемь часов кто-то мог оказаться там, потому что большинство движущихся дорожек, ведущих к тавернам и салонам наркотиков, находятся вне того района, а люди направляются туда, чтобы утолить гнев или боль. Он посмотрел на часы и сказал, что я не должен приходить к нему после обеда. В конце концов он пообещал, что постарается выделить мне одного человека, который проводит меня до условленного места встречи.

Через некоторое время меня охватило жуткое подозрение, что шеф полиции мог быть связан с напавшими на меня и что я оказался в самом центре заговора, направленного против мутантов. Тогда мое посещение полиции поставит меня и Бомонта в еще более опасное положение.

На протяжении всего дня я пытался связаться с ним, чтобы сообщить, какой оборот приняло это дело, но Бомонта не было дома. После долгой внутренней борьбы я, около семи часов, отправился на стадион. Я не хотел, чтобы Памела обвинила меня в тру-

сости. По пути я зашел в оружейный магазин и купил самый большой складной нож, который там нашелся. Я с самого детства ни с кем не дрался. Нужно ли будет использовать оружие, я не знал. Буду ли я в состоянии сдержать свои нервы, я тоже не знал. Голова у меня была ясной. Но и тяжесть ножа не успокоила меня.

Как и тогда, это случилось очень быстро. Я сошел с дорожки и увидел Бомонта, стоящего под навесом. Он беседовал с каким-то мужчиной. Я приблизился к ним, а затем стал ждать, когда Бомонт начнет свою игру. Когда я подошел ближе, они внезапно прекратили беседу и Бомонт вдруг истерически расхохотался. Другой, мускулистый пожилой человек, ростом даже ниже меня — возможно, самый низенький землянин из всех, кого я когда-либо видел — также засмеялся и вынул из карман куртки короткую деревянную палку.

Я вытащил нож из футляра и ногтем большого пальца отчаянно пытался нащупать углубление. Тут все еще смеющийся Бомонт вытащил станнер и выстрелил в меня.

Выстрел причинил мне адскую боль. Станнер глушит идущие от мозга и к мозгу нервные сигналы, которые управляют моторными функциями. Побочным эффектом является ощущение, словно все тело пронизывают тысячи маленьких иголок. Корчась, словно в приступе эпилепсии, я повалился на землю. Я упал лицом вниз и ничего не видел. Я слышал, как Бомонт сказал своему спутнику, что он поработает ножом, чтобы все выглядело естественно.

Это были долгие мучительные секунды. Внезапно меня схватили, перевернули, я ждал первого удара ножом. Но увидел я прямо над собой лицо шефа полиции.

Он опрыскал меня аэрозолем, чтобы успокоить боль, и сказал, что сейчас его люди доставят меня в больницу к «лучшему доктору», который мигом вылечит паралич. Он сказал, что решился использовать меня как подсадную утку и что один из его людей всю вторую половину дня находился неподалеку отсюда, ожидая Бомонта и его друга, которые уже подозревались в подобном.

Оба они лежали на земле так же жалко дрожа, как и я. Большой полицейский глайдер повис над строениями, и из него спустились два человека с носилками. Сначала они уложили на них обоих преступников. Когда меня тоже закрепили на носилках, их уже допрашивал шеф полиции, очевидно, применив гипнотические средства. Сначала он допросил Бомонта, потом его шефа. Его признания, несвязные, словно детский лепет, перемежающиеся ругательствами, гласили, что Бомонт уже многие месяцы пытался добиться внимания Памелы — для этого он использовал другие слова и, по его мнению, был уже близок к успеху, когда внезапно появился я. Я был эгоистичным ребенком, внеземлянином и соперником, который оттеснил его, как он думал.

Шеф полиции продолжил допрос, в результате чего установил, что Бомонт год назад перенес нервный срыв и после отчисления из университета находился на лечении. Он совершил несколько других актов насилия, и было также установлено, что он страдал психическим заболеванием, о котором было известно и ему самому. Но не решался на открытое лечение, потому что верил, что его болезнь как-то связана с его гениальностью. Он верил в то, что он гений, и не хотел постороннего вмешательства. Я же был уверен, что любое вмешательство в его психику может принести только пользу, но благоразумно держал это мнение при себе.

Лечение в больнице заняло всего несколько минут. Я договорился с шефом полиции о том, чтобы встретиться с ним на следующее утро, подать жалобу в суд и дать свидетельские показания. Потом я нашел телефон и позвонил Памеле.

Она с интересом все выслушала, но ни в коей мере не удивилась разоблачению Бомонта. Я рассказал ей все до мельчайших подробностей, после чего мы обсудили еще несколько вопросов. Наконец, я спросил ее, когда мы увидимся. Она с некоторой порывистостью ответила, что афера Бомонта вообще ничего не изменила, что я знаю о женщинах очень мало и лучше больше ни о чем ее не спрашивать. Мы можем и дальше оставаться друзьями, но это все интеллектуальные и чисто платонические отношения.

Когда я пишу эти строки, я думаю о том, что она мне сказала. Теперь я знаю о женщинах намного больше, чем знал несколько месяцев назад. И еще больше о ревности.

9 мая. Сегодня я начал читать книгу о кристаллоскульптуре и пьезоэлектричестве.

Том Годвин

ЗОВ ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ

«...дружелюбная улыбка скрывает стиснутые зубы и грозный рык. С одной стороны, недооценка в реакциях внеземных созданий может оказаться фатальной, с другой — причинять им вред можно только в целях необходимой обороны.

Но доверяться им нельзя ни при каких обстоятельствах».

— Из руководства для экипажей исследовательских кораблей.

Он сидел в центральном посту корабля и прислушивался. Собственно, слушать было нечего, но тишина стояла беспокойная, зловещая, словно перед грозой. Обычно в динамиках бились самые различные звуки, доносившиеся из ближнего селения. Всего шесть часов назад он сидел у корабля с Фрууном, одним из местных, пытаясь суммировать свои познания в здешнем языке.

При ярком освещении центрального поста экран казался черным, хотя снаружи был полдень. Плотная атмосфера скрывала тусклое красное солнце, и для человеческого глаза местный день был глубокими сумерками.

Он включил мощное забортное освещение, и экран озарился, показывая пустые проплешины между рощами пурпурных деревьев. Он автоматически отметил, что цвет деревьев слегка изменился с того времени, как он прилетел сюда.

Селение скрывалось за деревьями, но на опушке различалось какое-то движение. Большего он разобрать не смог. Совсем недавно там проходила оживленная дорога.

Местные в чем-то превосходили человека, и это, судя по горькому опыту контактов, не сулило ничего хорошего. Их язык казался легким, но он так и не смог ему научиться, и это тоже тревожило.

Вдруг он почувствовал, что за спиной кто-то есть. Он положил руку на бластер — последнее время он не расставался с оружием — и резко обернулся.

Никого не было. Пусто. В центральном посту просто негде прятаться, к тому же и дверь задраена наглухо, а кнопка замка — под рукой. И рядом с кораблем — тоже никого.

Неприятное чувство понемногу проходило. Такое за последние шесть дней бывало сотни раз. И во сне он чувствовал, будто кто-то стоит рядом и нашептывает прямо в мозг. Образы сна были безликими, бесформенными, совершенно неземными. Даже в постели он не выпускал из руки бластер.

Но на корабле никого не было — он облазил все помещения, ощупал все дважды и ничего не нашел. Может быть, это штучка аборигенов, но тогда... Если у местных были телепатические способности, зачем же Фууну было биться лбом о стену, пытаясь освоить обоюдно непостижимые формы общения?

Было и второе объяснение, но ему не хотелось верить. Что, если он идет по стопам Уилла Гаррета, который после смерти брата-близнеца сошел с ума и направил свой корабль в недра ближайшей звезды?

Он глянул на соседнее кресло, кресло Джонни, которое теперь навсегда опустело, и вернулся мыслями в горькое прошлое. Как ошибался Совет Изыскателей, полагая, что близнецы — лучший экипаж для пожизненного полета! Ведь близнецы так тесно связаны друг с другом, что вслед за одним умирает и второй.

Тысячу световых лет они прошли рядом. Открыв эту планету, он назвал ее «Мир Джонни». Конечно, он никогда не позволил бы Джонни идти в горы одному, но тот так хотел сфотографировать тигроподобного зверя, которого они прозвали пещерной кошкой. Несмотря на свою пугающую внешность, звери казались безобидными и даже пугливыми.

— Я возьму для них мешок еды; может, она им понравится,— сказал тогда Джонни.— Попытаюсь сделать пару приличных снимков.

А через десять минут он услышал вдалеке пальбу из бластера и побежал к горам, заранее зная, что не успеет. Сначала он нашел трупы двух пещерных кошек, а потом, у подножия крутой скалы — тело Джонни со свернутой шеей. Рядом валялся разодранный мешок, вокруг — куски пищи.

На следующий день он похоронил Джонни. Холодный ветер плакал вместе с ним, когда он складывал заиндевелые камни — памятник, который увидят только дикие звери.

Высокий чистый звон прервал воспоминания. Над гиперпространственным коммуникатором зажглось оранжевое сияние — это вызывал Совет.

Он нажал кнопку и сказал:

— Пол Джеймсон, исследовательский корабль номер один.

— Ты давно не докладывал,— донесся знакомый голос Брендера.— У тебя все в порядке?

— Так себе,— ответил Пол.— Я собирался доложить завтра.

— Выкладывай самое важное.

— Аборигены, если не считать короткого бурого меха, по всем признакам — гуманоиды. Но есть несколько важных отличий: тело у них холодное, как, впрочем, и климат, и они видят в диапазоне от видимого красного до инфракрасного. Они берегут глаза от яркого света, жары, горячей воды. Например, мои бортовые огни слепят их.

— Какой у них уровень развития?

— Довольно высокий, но по всем статьям отличный от нашего. К примеру, энергию для машин они получают химическим путем, но при этом не выделяются ни пары, ни тепло, ни продукты сгорания.

— Это то самое, что мы искали — мир с иными путями развития. Ты должен узнать как можно больше. Как у тебя с местным языком?

— На нуле,— и он рассказал Брендеру, какая тишина стоит вокруг.— Даже если Фруун явится снова, я не смогу узнать, правду он говорит или лжет. Я заучил несколько слов, но у каждого столько значений, что разобраться невозможно.

— Понятно,— ответил Брендер.— Переменные несвязанные значения, неуловимые нюансы, отсутствие разделения между словами, что хуже всего... Да, братьев Зингеров с восьмого корабля больше нет. Мы вызывали, но они не отвечают.

— Зингеры погибли?!— воскликнул Пол.— Боже мой! Ведь только месяц назад убили братьев Рамон...

—...и при точно таких же обстоятельствах,— сказал Брен-

дер.— Они никак не могли вдолбить аборигенам, что пришли с миром. Неясные подозрения местных перешли в отчетливую враждебность. Под конец Зингеры сообщили, что обе стороны подозревают друг друга, обе хорошо вооружены, и что им приходится все время быть настороже. Они не расставались с оружием, но местным удалось-таки как-то обмануть их — последний рапорт пришел четыре месяца назад.

Брендер помолчал и добавил:

— Это уже девятый корабль из пятнадцати.

Пол не ответил — обоим и так было ясно, что это похоже на конец Программы.

Всего три года назад пятнадцать великолепно оборудованных кораблей стартовали во имя галактической экспансии Земли. Это был ответ человечества на зов далеких планет, поиск собратьев по разуму. Конечный пункт Программы гласил: «Накапливать информацию и устанавливать контакты со всеми разумными жителями Галактики». Величайшее достижение землян, трехступенчатый гиперпространственный двигатель, позволял достичь любой звездной системы.

И вот девять кораблей пропали, девятнадцать человек из тридцати — погибли.

—...этот чертов языковой барьер,— сказал Брендер, кончая разговор.— Из-за него мы теряем корабли и ничего не можем поделать. Это — главная помеха...

Пол походил взад-вперед по рубке, представляя, как он поднимет корабль с проклятой планеты, похожей на могилу, и умчится в звездные дали. Без Джонни... Скорее бы!

Словно призрак коснулся его сознания — беспокойная, мучительная тоска. Он знал, что сзади никого нет, но все равно обернулся. Он был один, но чувствовал, будто кто-то внимательно оглядывает его. И тут он испугался всерьез...

Что еще выдаст мозг на первой стадии безумия?

Через десять минут явились аборигены.

На экране появилась машина с химическим приводом, в ней сидели четверо местных. Пятый лежал на полу, по-видимому, раненый.

Машина остановилась перед воздушным шлюзом, и Пол узнал лежавшего. Это был Фруун, тот самый, с кем он занимался языком.

Местные ждали. У них что-то случилось — об этом говорили суровые лица и оружие на поясах.

Фруун что-то бормотал в беспамятстве. Бурая шерсть его вылезла. Судя по всему, он умирал. Пол вышел из корабля.

Старший из местных спросил высоким голосом, указывая на Фруна:

— Ко риигар фиин но-дран?!

Пол знал только слово «ко», оно означало «ты», означало «вчера» и много чего еще. В целом же вопрос был совершенно непонятен.

Он подвинул руку поближе к бластеру, а старший заговорил снова. Быстрая тирада закончилась резким, требовательным «кресон!»

Это означало «сейчас» или «очень быстро», остальные слова были незнакомы. Аборигены ждали. Он молчал, и их лица все больше ожесточались.

Он попытался объяснить, что не виноват в болезни Фрууна, но тут увидел ветку, застрявшую в сочленениях машины. Она была темно-пурпурной, а вся листва вокруг корабля посерела. Он, и никто другой, был виноват в болезни Фрууна.

Холодные лампы забортного освещения, под которыми они с Фрууном сидели несколько дней кряду, излучали ультрафиолет, смертельный для всего живого в этом мире.

Фруун умирал от лучевой болезни.

Пол обязан был предусмотреть это. Ничего этого не случилось бы, прими он предложение Фрууна заниматься в селении. Можно было бы захватить с собой безвредные гальванические светильники... Но он отказался, опасаясь ловушки.

Но все это было не страшно — корабельный комплекс нейтрализации излучений и регенерационная камера за несколько часов поставят Фрууна на ноги.

Он обернулся к старшему, показал на умирающего, потом на шлюзовую камеру.

— Идите туда,— сказал он на местном языке.

— Брон!— ответил старший.

Это был категорический отказ, и по лицу чужака было видно, что он не уступит.

Пять минут кряду он убеждал перенести Фрууна в корабль, а подозрения местных только крепли от этого. Он никак не мог объяснить, зачем это нужно, и в конце-концов решил как-нибудь отвязаться от этих четверых, а потом забрать Фрууна. На корабле было парализующее оружие, оно не причинило бы им особого вреда.

Он шагнул к кораблю и сказал:

— Фесвин илт п к'ла — я возвращаюсь.

Вместо ответа они схватились за оружие. Старший что-то крикнул. Он среагировал быстрее — бластер был уже в руке, когда местные вытащили свое оружие едва наполовину.

— Брон!— предупреждающе крикнул он.

Они застыли. Пол, пятясь, вошел в шлюзовую камеру, чужаки напряженно следили за ним. Оступись он — и все будет кончено. Он не опускал бластера, пока не закрылся люк.

Он был уверен, что они будут ждать, и знал, что не сможет договориться с ними.

Немного погодя он открыл люк и никого не увидел. Зато неподалеку от шлюза со страшным грохотом взорвалась ракета. Он тут же ударил по кнопке герметизации — люк закрылся прежде, чем в него ударили еще три ракеты.

«Началось»,— подумал он.

Он отложил парализующий пистолет, парализовать было некого. Теперь он мог спасти Фрууна только ценой жизни его соплеменников. Конечно, можно было поднять корабль и оставить Фрууна на произвол судьбы, но это только укрепит в аборигенах страх и ненависть. И всех землян, которые прилетят следом за ним, здесь будут бояться и ненавидеть.

Программа не предусматривала создания империи, но корабли были хорошо защищены. Бортовое вооружение могло уничтожить весь этот мир, но не могло предотвратить столкновение.

Не пройдет и трех лет — и все корабли исчезнут, все исследователи погибнут.

Тут он впервые ощутил полную безнадежность. Когда Джонни был рядом, все было совсем по-другому. Если дела шли паршиво, он говорил: «Что-нибудь придумаем, Пол».

Внезапно он всем своим существом почувствовал, что Джонни где-то здесь, рядом. Его смерть представлялась теперь дурным сном. Он совершенно точно знал, что брат в центральном посту.

Какая-то часть его разума противилась иллюзии, но он ничего не хотел знать. Со всех ног, спотыкаясь, он рванулся к подъемнику. Джонни ждал его. Живой. Живой!

— Джонни! — крикнул он, вбегая в рубку.

У пульта шевелилось что-то черное и чужое, величиной с человека, но на четырех ногах. На кошачьей морде светились желтые глаза.

Пещерная кошка, вроде тех, что погубили Джонни.

Пол почувствовал страшное разочарование. Джонни не было. Он умер.

Как во сне он выхватил бластер. Кошка ударила лапой по тумблеру внутреннего освещения, и в рубке стало непроглядно темно.

Он выстрелил туда, где видел кошку, потом еще раз. Голубое пламя выхватило разрезанную стальную дверь.

— Я не там, где ты полагаешь.

Эти слова совершенно ясно прозвучали у него в мозгу, хотя направления звука он не засек. Он задержал дыхание, пытаясь услышать шорох мягких смертоносных лап. Мозг автоматически анализировал ситуацию.

У пещерной кошки, помимо высокого интеллекта, были телепатические способности. Все время она была здесь и готовилась

вместе со своими родичами захватить корабль. Чтобы облегчить себе задачу, они убили Джонни. А он сам останется в живых лишь до тех пор, пока кошки не научатся управлять кораблем.

— Ты не прав.

И снова он не смог определить направление. Удивительно, почему эта тварь не подкараулила его у шлюза.

— Ты должен был увидеть меня, иначе ты не поверил бы, что я существую. А свет я выключил, чтобы ты не убил меня, и я мог бы спокойно говорить. Это я внушил тебе, что твой брат здесь...— существо помолчало.— Прости меня. Я должен был найти другой способ.

Пол сунул бластер в кобуру, хотя со стороны штурманского пульта донесся явственный шорох.

— Мы не хотели убивать твоего брата.

Он не поверил и промолчал.

— Когда мы установили с ним телепатический контакт, он выхватил оружие и выстрелил. Он был убежден, что мы только прикидываемся безобидными тварями, а на самом деле хотим обезоружить его и убить. У нас не было времени объяснить ему все, а он не доверял нам. Потом он выстрелил еще раз. Тогда один из нас прыгнул, чтобы выбить у него оружие, но не рассчитал прыжка и сбросил его со скалы.

Пол снова промолчал.

— Мы не хотели убивать твоего брата,— пришла телепатема.— Но ты тоже не веришь нам.

— Да, не верю,— сказал он, наконец.— Вы слишком похожи на кошек, а они безошибочно оценивают расстояние. И вы чего-то хотите от меня, прежде чем убить. Так?

— Я хочу рассказать тебе о нашей расе. Мы называем себя Варн, по крайней мере, именно так это выражается в звуках. Мы — очень старая раса. Давным-давно мы жили под открытым небом, но климат вдруг резко изменился, и мы были вынуждены уйти в пещеры. Там было темно, и у нас обострились обоняние и чувствительность к нюансам температуры. Так мы могли различать объекты. В пещерах были растения, так что пищей мы были обеспечены.

Телепатическая способность издревле присуща нашей расе. В пещерах она достигла совершенства. Вместе с ней развился и наш разум. Наши неуклюжие лапы не могли построить приборов, и единственным инструментом познания остался наш мозг. Наконец мы смогли покинуть пещеры, но это нам почти ничего не дало. Ресурсы планеты были истощены, остались лишь камни и чахлая трава на равнинах. И мы обратили свои надежды на звезды, мы знали, что это — другие солнца. Наше собственное солнце каждую зиму становится далекой звездой. Мы хотели знать о них побольше, но могли только смотреть на них, словно дикие звери. Мы тянулись к знаниям,

но наступал закат нашей расы. Планета была для нас тюрьмой, мы вымирали, и нам не было спасения. Но вот прилетел ты, и с тобой пришла надежда на освобождение. Мы просим тебя взять на твою планету одного из нас, чтобы он договорился с вашей расой. Здешние люди видят в нас только животных, годных лишь на меховую одежду — ведь мы живем в пещерах и не имеем орудий и техники. У тебя есть смертоносное оружие, и мы не знаем, как ты отнесешься к тому, что мы разумны и владеем телепатией. У нас очень строгий кодекс чести; он не позволяет вторгаться к кому-либо против воли, но разве ты поверишь этому?

Землянин ничего не ответил.

— Смерть твоего брата спутала наши планы. Ты собрался улетать, и у нас не оставалось времени узнать тебя получше. Поэтому я пробрался на корабль в надежде, что ты поверишь мне. Кстати, Фруун не умрет, если я помогу тебе объясниться с его соплеменниками.

— А чего ты вообще хочешь? Зачем я тебе?

— Я пытаюсь доказать, что люди должны доверять варнам. Вы исследуете Галактику. Так поделитесь знаниями с варнами.. У вас есть корабли, у нас — телепатия. Наши расы смогут достичь цели только вместе.

Землянин не мог понять, правда это или ложь. Наконец, решил, что правда.

— Ваша главная цель... Ты сплоховал, рассказав мне о ней... О цели.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Как мне доказать, что ты ошибаешься?

Не было способа доказать, что землянин неправ, что варны искренни и чужды предательству. А сотрудничество могло превратить землян в рабов.

Варн заговорил снова:

— Так ты не веришь мне?

— Я был бы наивным идиотом, если бы поверил.

— Надо быстрее кончать, а то Фруун умрет. Так вот, мне нечем доказать свою искренность. Я включу свет, и ты сможешь убить меня.

Варн рисковал своей жизнью, землянин — Программой и судьбой своей расы. Он был готов прекратить эту игру, едва от штурманского пульта донесется хоть шорох...

— Я все время был рядом с тобой.

Мягкая лапа тронула его лицо, когти прошли совсем близко от горла.

Он резко повернулся и выстрелил. Варн успел скрыться, и пламя бластера лишь опалило пол. Зажегся свет и он, проморгавшись, увидел варна.

Тот стоял у главного пульта и в упор рассматривал землянина большими желтыми глазами. Землянин поднял бластер, палец лег на спуск. Варн спокойно стоял, даже не пытаясь скрыться. Глаза его смотрели не только на землянина, но и словно сквозь него, будто видели что-то за пределами рубки. Пол в душе надеялся на контакт с этим созданием из Мира Джонни, он поставил на карту слишком много... и проиграл.

Варн не боялся и не просил пощады. Убить его сейчас было бы жестоко и глупо. Это всегда успеется, а пока — надо спасать Фрууна.

Землянин повел дулом бластера и сказал:

— Иди к шлюзу.

— А потом ты убьешь меня?

— Иди! — рявкнул землянин.

Варн промолчал и покорно порысил по коридору.

Пол стоял в открытом шлюзе, напротив — варн. Фруун лежал в регенерационной камере. Сегодня землянин впервые осмысленно поговорил с местными.

Варн смотрел в темно-красный мрак, вслед аборигенам. Он передал: «Непонимания больше нет».

— Я ничего не обещал,— сказал землянин.

— Я ничего не требую.

— Я не возьму тебя с собой, но и здесь не оставлю. Ты легко прочтешь в моем мозгу, как построить корабли и дезинтеграторы.

— Но мы же только хотим лететь с тобой.

— Я искренне хотел бы поверить тебе, но ты знаешь, что не могу. Телепатам опасно доверять. Когда варны узнают все, что знаем мы, они сами смогут входить в контакт с другими цивилизациями. Мы поверим, что варны искренни с нами и не скроют ничего из того, что узнают, покажем им нашу планету, пересечем с ними Галактику. Но земляне уже не смогут существовать как отдельная цивилизация. Мы будем порабощены, станем основанием для новой империи — Империи Варн.

Стояла мертвая тишина, и слова словно висели между ними — невидимые и холодные.

Наконец варн тихо спросил:

— Почему же проваливается Программа?

— Ты прекрасно знаешь,— ответил землянин.— Из-за коммуникационного барьера. Неземляне не могут понять намерения землян и поэтому боятся их.

— Но ведь между нами нет никакого барьера, а ты все же боишься меня и хочешь убить.

— Да, я убью тебя; ты опасен для моей цивилизации.

— А не поэтому ли другие цивилизации уничтожают исследователей?

Землянин не ответил, и за первым вопросом последовал второй:

— Какими же вы кажетесь обитателям других миров?

Каким же он кажется... Он совершает посадку, и деревья вокруг умирают. Он выходит из корабля, волоча оружие, способное уничтожить целый город. Он представляет собой страшную разрушительную силу, не доверяет никому и ничему.

И надеется на гостеприимство, дружбу и сотрудничество.

— Вот твой настоящий барьер,— заключил варн,— твои собственные подозрительность и недоверие. В каждом новом мире вы сами насаждаете их. А теперь ты хочешь установить барьер между нашими цивилизациями, хочешь убить меня и рекомендовать Совету Исследователей установить карантин для нашего мира и больше никогда не посылать к нам корабли.

Снова наступила тишина. Землянин обдумывал то, что варн сказал в самом начале: «Мы — очень старая раса». Варн мудро проанализировал случаи срыва Программы. Вместе с ним было бы легко налаживать контакты, делать новые открытия. На длинном-длинном пути Человек и Варн будут вместе.

Или они создадут Империю Варн? И если это случится, как он узнает?

Как узнает об этом кто-либо, кроме варнов?

Он снова направил бластер на варна, напрягся, отбрасывая нерешительность. Он знал: не убей он варна сейчас, им снова овладеет слабость.

— Риск слишком велик,— резко сказал он.— Мне нравятся твои слова о доверии и дружеских отношениях, но моя цивилизация не может верить словам.

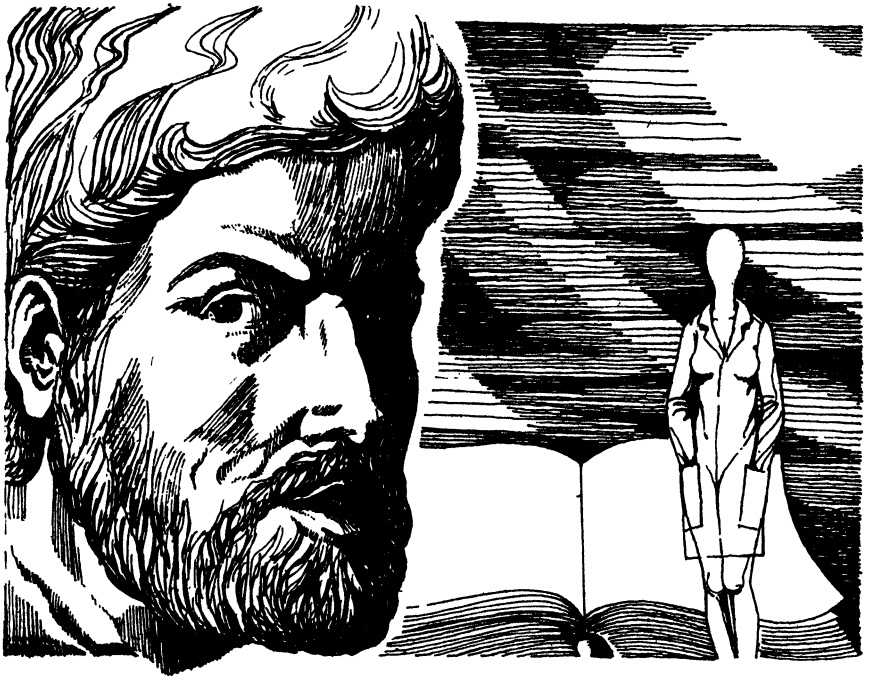
Он уже давил на спуск, когда пришла последняя мысль варна: «Разреши сказать еще».

Землянин ждал, чувствуя пальцем холодный металл спускового крючка.

— Ты ошибаешься. Мы хотели завоевать твое доверие, лететь с тобою вместе. Мы не хотели убивать твоего брата. Я говорил, что мы смотрим на звезды глазами диких животных. Тысячелетия в темных пещерах... А, все равно ты не поймешь!

Глаза варна смотрели на землянина и как бы сквозь него. Прекрасные, выразительные глаза, похожие на полированное золото.

— Варны — слепы!



Борис Виан

ОСТОРОЖНО, КЛАССИКА!

Электрические часы пробили дважды, и я вздрогнул, с трудом пытаясь разобраться в путанице своих хаотических мыслей. С некоторым удивлением я обнаружил, что сердце мое начало биться несколько быстрее. Я, покраснев, захлопнул книгу; это был изданный между двумя последними войнами сборник «Я и ты», древний запыленный фолиант, чтение которого меня сильно увлекло, потому что тема его представлялась мне весьма реальной. И я, конечно, заметил, что смущаюсь не только из-за книги, но также из-за дня и часа: сейчас была пятница, двадцать седьмое апреля 1982 года и я, как обычно, ожидал свою ассистентку Флоранс Лорье.

Все это смутило меня сверх всякой меры. Я считал себя абсолютно свободомыслящим: но когда влюбляешься впервые, всякое свободомыслие испаряется; однако мы должны проявлять сдержанность, оказавшись лицом к лицу с представительницей слабого пола. Все же после того, как первоначальный испуг прошел, я на-

шел ему прочные обоснования — и еще нашел множество оправданий для этих оснований.

Представлять себе ученого, завоевавшего всеобщий авторитет, особенно женщину, этакой бумажной крысой — предвзятое мнение. Теперь женщины, занимающиеся наукой, обычно бывают талантливее мужчин, а в некоторых профессиях, где внешность играет определенную роль, среди них бывают и весьма симпатичные. Однако, если рассматривать эту проблему более основательно, можно достаточно быстро установить, что красивая женщина-математик встречается не реже, чем умная звезда телевидения. Причем женщин-математиков гораздо больше, чем звезд телевидения. Во всяком случае, с практиканткой мне повезло. И хотя до сегодняшнего дня она не пробуждала в моей душе никаких непочтительных желаний, надо быть объективным — я, естественно, заметил, что моя ученица обладает известной привлекательностью. Этим и объяснялись теперешние мои возбуждение и смущение.

Она пришла, как обычно, в два часа пять минут.

— Вы выглядите очаровательно,— сказал я, сам удивляясь своей смелости.

На Флоранс был плотно облегающий тело лабораторный халат из нежно-зеленой материи с муаровым блеском, очень простого покроя и все же необычайно подчеркивающий ее привлекательность.

— Он вам понравился, Боб? — она имела в виду халат.

— Очень понравился.

Я вовсе не считаю, что подобная тема достойна обсуждения, даже если речь идет о лабораторном халате. И, однако, хоть это и может вызвать недоумение, я осмелюсь признать, что меня не шокирует даже женщина в пиджаке.

— Я восхищена,— шутливо ответила Флоранс.

Хотя я старше Флоранс лет на десять, она утверждала, что мы — ровесники. Из-за этого наши отношения отличались от обычных отношений учителя и ученицы. Конечно, я могу сбрить бороду и коротко подстричь волосы, чтобы быть похожим на ученых добрых старых сороковых годов, но она уверяет меня, что в моей внешности есть что-то женственное и это отнюдь не придает мне внешней респектабельности.

— Как дела с агрегатом? — спросила она.

Она намекала на довольно деликатную проблему, связанную с электроникой, которую я, к своему огромному удовлетворению, разрешил сегодня утром.

— Я закончил его,— сказал я.

— Браво. Агрегат действует?

— Я узнаю об этом завтра,— ответил я.— В пятницу утром я закончу его внешние детали.

Она заколебалась, опустив глаза. Ничто не могло смутить меня сильнее, чем вид обиженной женщины, и она это знала.

— Боб... я хочу вас кое о чем попросить.

Я почувствовал себя неуютно. Женщина не должна разыгрывать в присутствии мужчины такую очаровательную дурочку. Ей же богу, не должна.

— Скажите мне, наконец, что представляет из себя агрегат, над которым вы работаете? — настаивала она.

Теперь я рассердился на нее.

— Послушайте, Флоранс, ведь это секретное задание.

Она положила свою руку на мою.

— Боб, даже самая последняя уборщица в этой лаборатории знает о всех ее тайнах столько же, сколько... сколько, ага... лучший шпион с Антареса.

Наше радио в течение последней недели систематически потчевало слушателей песенками из «Великого герцога с Антареса», фантастической оперетты Франсиса Лопеса. Что касается меня, я чувствую отвращение к такого рода легкой музыке. Я люблю классиков: Шенберга, Дюка Эллингтона, или Винсенто Скотто.

— Боб, я прошу вас, расскажите мне! Мне так хочется знать, над чем вы работаете...

Я снова ответил отрицательно.

— Флоранс, зачем вам это нужно знать? — спросил я.

— Боб, я... я люблю вас... действительно, люблю. Поэтому вы должны сказать мне, над чем вы работаете. Я хочу помочь вам.

Вот так. На протяжении многих лет читаешь в романах описание чувств, которые испытывают герои, услышав первое объяснение в любви. И вот подобное наконец произошло и со мной. Со мной! И это было так приятно и смутило меня намного сильнее, чем я мог себе представить. Я смотрел на Флоранс, смотрел в ее светлые глаза, на ее рыжие, подстриженные очень коротко, по моде 1982 года, волосы. Я подумал, что сейчас она действительно может подчинить меня своей воле, и я не смогу ей противостоять. Раньше я смеялся над любовными историями. Мое сердце бурно билось, и я чувствовал, что руки у меня дрожат. Я с трудом сглотнул.

— Флоранс... мужчине нельзя говорить такие вещи. Поговорим о чем-нибудь другом.

Она приблизилась ко мне, и прежде чем я успел что-либо предпринять, обняла меня и поцеловала. Я почувствовал, что пол уходит у меня из-под ног и вдруг обнаружил, что сижу в кресле. Одновременно с этим у меня появилось неописуемо приятное ощущение. Я покраснел и с удивлением обнаружил, что Флоранс сидит у меня на коленях. Тут я, конечно же, снова обрел дар речи.

— Флоранс, это неприлично. Встаньте. Если кто-нибудь сюда войдет... пойдут сплетни. Да встаньте же!

— Вы покажете мне ваш агрегат.

— Я... Ох!

Мне пришлось уступить.

— Хорошо. Я расскажу вам все. Только встаньте.

— Я всегда знала, как вы добры,— сказала она и встала.

— Вы использовали ситуацию в своих интересах,— сказал я.— Вам это ясно?

Голос мой срывался. Она дружески похлопала меня по плечу.

— Подойдите же ко мне, Боб, ведите себя современно.

Я поспешил перейти к техническим описаниям.

— Не напоминает ли вам это первые электронно-вычислительные машины? — спросил я.

— 1959 года?

— Еще более ранние,— уточнил я.— Существовали электронно-вычислительные машины очень примитивной конструкции; вспомните, тогда их монтировали на специальных лампах, так называемых блоках памяти, которые позволяли этим приборам усваивать отрывочные данные.

— Мы проходили это еще в школе,— сказала Флоранс.

— Теперь вспоминайте дальше: этот вид был усовершенствован в 1964 году, когда Росслер обнаружил, что подлинный человеческий мозг, помещенный в соответствующую питательную жидкость, может выполнять те же функции, занимая при этом гораздо меньший объем.

— Я знаю также, чем закончилось дело Бренна и Ренода, которые подключили себя к вычислителям такого рода,— сказала Флоранс.

— Очень хорошо,— ответил я.— Постепенно ЭВМ различных поколений оснащались всевозможными, изобретенными за многие годы, эффекторами, постепенно превращаясь в категорию механизмов, называемых роботами. Но у всех этих механизмов было одно общее. Вы можете сказать, что именно?

Теперь профессор во мне взял верх.

— У вас такие красивые глаза,— ответила Флоранс,— они желто-зеленые и мерцают, как звезды.

Я отпрянул от нее.

— Флоранс! Вы вообще слушаете меня или нет?

— Я слушаю вас очень внимательно. Эти механизмы объединяет то, что они выполняют только счетные операции, данные о которых программисты вводят в их память. Машина, перед которой стоит какая-нибудь неразрешимая задача, даже не пытается разрешить ее.

— Но почему бы не попытаться снабдить ее сознанием или способностью к логическим умозаключениям? Потому что, как недавно было замечено, достаточно того, чтобы они были снабжены некоторыми элементарными автоматическими функциями, как они

начинали напоминать старых ученых с их самыми худшими привычками. Купите в магазине маленькую игрушечную электронную черепаху, и вы увидите, что она похожа на эти первые электронные автоматические механизмы: раздражительные, капризные, допускающие характерные ошибки! Скоро интерес к такого рода механизмам был утрачен, и они служили только для того, чтобы иллюстрировать деятельность человеческой психики, хотя и в этом они не принесли особой пользы.

— Милый старина Боб,— сказала Флоранс.— Мне очень нравится вас слушать. Но вы же знаете, что все это очень скучно. Нас этим напичкали еще в одиннадцатом классе.

— И вы, вы тоже невыносимы,— с достоинством ответил я.

Она внимательно посмотрела на меня. В самом деле, она смеялась надо мной. Мне было стыдно признаться, но мне так хотелось, чтобы она снова обняла меня. Чтобы скрыть возбуждение, я быстро продолжил:

— Теперь в эти механизмы стараются вложить все больше и больше эффективных систем управления и чувствительнейшие датчики, которые могли бы реагировать на самые разнообразные влияния извне. Однако до сих пор еще никто никогда не пытался обучать механизмы «культуре»; честно говоря, КПД такой машины трудно будет выразить в цифрах. Механизм, разработать который меня попросило Центральное Бюро, должен позволить ЭВМ накапливать в памяти сумму экстраординарных данных, которые дает всеобщее высшее образование. Модель, которую вы здесь видите, может заключать в своей памяти все знания, содержащиеся в шестнадцати томах энциклопедии Ларусса 1976 года издания. Этот агрегат почти совершенен, он снабжен эффекторами, которые позволяют ему самостоятельно передвигаться, брать предметы для идентификации или, если это будет необходимо, анализа.

— А для чего он нужен?

— Это машина-администратор, Флоранс. Она будет служить в качестве протоколиста-советника у посла Флор-Фины, который в следующем месяце прибудет в Париж. На каждый его вопрос она будет давать ему нужный ответ обо всех тонкостях жизни французов. При каждом затруднении она будет выбирать нужную информацию и объяснять ему, о чем идет речь и как ему вести себя, будь то случай определения гражданства младенца-космополита, или званый обед у Императора Евразии. С тех пор, как французам всемирным декретом предоставлено дипломатическое реноме, каждый может получить исчерпывающе полную информацию о нашей культуре и нашем образе жизни; итак, эта машина предназначена для каждого посла, у которого едва ли найдется свободное время для того, чтобы все подробно изучить, и она будет представлять для него огромную ценность.

— Ну, хорошо,— сказала Флоранс.— Вы хотите скормить этому бедному маленькому роботу шестнадцать огромных томов Ларусса. Как вы жестоки!

— Это необходимо! — возразил я.— Агрегат обязан проглотить их полностью. Если дать ему только часть сведений о культуре, он, вероятно, приобретет такой же характер, как и у старых, несовершенных машин на блоках памяти. И нельзя предвидеть, каким будет этот характер. Шанс, при котором он будет действовать безукоризненно, возможен только при наличии полных знаний. Вот основная предпосылка объективности и непредвзятости.

— Но он же не может знать все!

— Он узнает достаточно,— сказал я,— узнает то, что ему надо знать обо всех обстоятельствах и при этом сохранять уравновешенность. Ларусс дает некоторое приближение к реальности. Он — удовлетворительный пример бесстрастно составленной энциклопедии; по моим расчетам, у нас теперь есть точная, разумная и высокообразованная машина.

— Это же великолепно! — сказала Флоранс.

Казалось, она насмехается надо мной. Конечно, некоторые из моих коллег решают и более сложные проблемы, но, несмотря ни на что, мне удалось улучшить эту несовершенную систему, и я был вправе услышать нечто большее, чем банальное «это же великолепно!» А у женщин нет никакого понятия, как сложны и трудоемки эти мелкие доработки.

— Как она функционирует? — спросила девушка.

— О, как и всякая обычная система,— сказал я, к своему удивлению, не ощутив никакой гордости.— Вот обычный лектоскоп. Вот в это отверстие вкладывается книга, машина читает и запоминает ее. Нет ничего проще. Когда информация введена, лектоскоп убирается.

— Ах, испытайте же его, наконец, Боб! Я прошу вас!

— Я охотно показал бы вам его в действии,— сказал я.— Но у меня под руками нет Ларусса. Я получу его только завтра утром. До этого я не должен обучать его ничему, что могло бы вывести его из равновесия.

Я подошел к агрегату и включил ток. Контрольные лампочки на панели засветились красными, зелеными и голубыми точками. Послышался шум генератора. Но, несмотря на все это, я был недоволен.

— Вот сюда закладывается книга,— указал я.— потом нажимается этот рычаг — и все. Флоранс! Что вы делаете?! Эй!..

Я попытался вырубить ток, но Флоранс удержала меня.

— Это только проверка, Боб, потом мы все сотрем!

— Флоранс! Это невозможно! Стереть ничего нельзя!

Она засунула в отверстие лектоскопа книгу «Ты и я» и нажала на

рычаг. Я услышал тихий щелчок. Через пятнадцать секунд книга была прочитана. Она была считана, переварена и целой и невредимой выброшена обратно.

Флоранс внимательно осмотрела ее. Потом она внезапно вздрогнула. Агрегат мягко, почти нежно проворковал:

«Мне так хочется выразить, передать, объяснить,
Что немыслимо высказать, только чувствовать можно!»

— Боб, что это с ней?

— Боже!— в ярости воскликнул я,— он же больше ничего не знает!.. Теперь он будет непрерывно цитировать этого чокнутого Жеральди!

— Но, Боб, почему он говорит сам с собой?

— Все влюбленные говорят сами с собой.

— А если я его о чем-нибудь спрошу?

— Нет! — вскрикнул я.— Только не это! Оставьте его в покое. Вы и так уже сбили его с толку!

— Ах, ну до чего же вы все-таки противный старый ворчун!

Агрегат вкрадчиво и соблазнительно загудел. Затем раздался звук, слабое покашливание.

— Агрегат,— спросила Флоранс,— как ты себя чувствуешь?

Он ответил: «Ах, я люблю вас, понимаете, люблю!
Я так хочу тебя, так страстно жажду».

— Ох,— выдохнула Флоранс,— Что за наглость!

— В прежние времена именно так и было,— сказал я.— Мужчины первыми объяснялись женщинам в любви, и, клянусь, им нужно было для этого немалое мужество, моя маленькая Флоранс...

— Флоранс,— задумчиво сказал агрегат.— Вас зовут Флоранс?

— Но это же не цитата из Жеральди! — возмущенно воскликнула Флоранс.

— Вы слушали мои объяснения,— заметил я, уже немного успокоившись.— Я ведь сконструировал не просто аппарат звуковоспроизведения. Я же вам говорил, что в него встроено множество эффекторов и сложное фонетическое устройство, которое позволяет механизму высказывать то, что имеется в его памяти и при этом еще формулировать нужные ответы на вопросы... Трудность заключается только в том, чтобы удержать его в равновесии, но вы полностью нарушили это равновесие, скормив ему эти страсти. Это все равно, что двухлетнему ребенку дать съесть огромный бифштекс с кровью. Этот аппарат — еще ребенок... а вы накормили его медвежатиной.

— Я уже достаточно взрослый, чтобы позаботиться о Флоранс,— сухо заметил агрегат.

— Но он же меня слышит! — сказала Флоранс.

— Ну да, он вас слышит!

— Я и ходить умею,— сказал агрегат.— А как насчет поцелуя? Хотя я теперь знаю, что это такое, но я не знаю, кому я должен его подарить,— задумчиво продолжил он.

— Ты никому ничего не должен,— сказал я.— Сейчас я выключу тебя, а утром снова очищу твою память, сменив для этого все блоки.

— Ну ты, старая борода,— ответил агрегат,— ты меня вообще не интересуешь. И, пожалуйста, лучше оставь меня в покое.

— У него очень красивая борода,— вступилась за меня Флоранс.— У вас нет никакого вкуса.

— Может быть,— сказал агрегат и при этом усмехнулся так злобно, что волосы у меня на голове встали дыбом.— Но что касается любви, то тут я в курсе дела... Моя Флоранс! Подойди ко мне...

«Ибо я каждый день объясняюсь тебе,
Объясняюсь без слов — взглядом, жестом, улыбкой...»

— Попытайся хоть раз улыбнуться,— насмешливо сказал я.

— Я могу улыбаться,— ответил агрегат.

Затем он издал непристойный смешок.

— Во всяком случае, ты можешь перестать, как попугай, талдычить этого Жеральди? — рявкнул я.

— Я ничего не талдычу, как попугай,— возразил агрегат.— И в доказательство могу назвать тебя в ответ идиотом, соней, простофилей, тупицей, брюзгой, пустобрехом, дерьмом вонючим, неудачником, болваном, ослом...

— Ну, хватит! — сказал я.

— И если я цитирую Жеральди,— продолжил агрегат,— то исключительно потому, что никто лучше него не говорил о любви и, кроме того, он мне нравится. Если ты можешь сказать женщинам такие же вещи, как этот парень, сообщи мне об этом. А теперь отвали. Я хочу иметь дело с Флоранс.

— Будь любезен, прекрати,— сказала Флоранс механизму.— Я хочу любить мужчину.

— Ты обратилась ко мне «будь любезен»,— сказал агрегат.— Теперь я чувствую себя мужчиной. Пожалуйста, помолчи и послушай:

«Позвольте мне корсаж ваш расстегнуть,
Все, что ты скажешь — ничего не значит.
Мне все известно. Ах, приди, приди,
Разденься и приди ко мне быстрее.
Обнимемся. И чтобы побыстрей
Достичь блаженной цели, тело к телу
Тесней прижмем. Не медли, обнажайся,
И вместе предадимся наслажденью!»

— Ты замолчишь, наконец? — запротестовал я, красный, как рак.

— Боб! — воскликнула Флоранс.— Это он прочитал? О!..

— Я сейчас его вырублю,— сказал я.— Я больше не потерплю, чтобы он при нас произносил подобное. Есть вещи, о которых читают, но о которых не говорят.

Агрегат замолк. Потом взревел:

— Не трогай мой выключатель!

Я решительно приблизился к нему. Агрегат без всякого предупреждения рванулся на меня. В последнее мгновение я отскочил в сторону, но металлическая рука больно ударила меня по плечу. Металлический голос прозвучал у меня в ушах:

— Итак, ты влюблен в Флоранс, да?

Я укрылся за металлическим письменным столом и потер плечо.

— Бегите, Флоранс! — крикнул я.— Бегите, не задерживайтесь!

— Боб! Я не оставлю тебя... Он... он... он ранил тебя!

— Пустяки,— сказал я.— Уходите побыстрее!

— Она уйдет, если я этого захочу,— сказал агрегат.

Он двинулся к Флоранс.

— Бегите, Флоранс! — повторил я.— Уносите ноги!

— Я боюсь, Боб,— сказала Флоранс.

В два прыжка она оказалась за письменным столом рядом со мной.

— Я хочу остаться с тобой.

— Тебе я ничего не сделаю,— сказал агрегат.— Но бородатый должен остаться за столом один. Эй ты, ревнивец! Хочешь отключить меня?

— Я вас не хочу! — крикнула Флоранс механизму.— Вы мне противны!

Агрегат медленно отступил. Внезапно он со всей силой своих эффекторов устремился на нас.

Флоранс вскрикнула и отскочила в сторону.

— Боб! Боб! Я боюсь!

Я отвлек внимание механизма на себя, мгновенно вскочив на письменный стол, когда агрегат бросился ко мне. Он со всей силой ударился о стол так, что тот въехал в стену. Комната вздрогнула, и с потолка посыпалась известка. Если бы мы задержались между столом и стеной, нас бы расплющило.

— Какое счастье,— пробормотал я,— что я не встроил в него более мощные эффекторы. Лезьте сюда, ко мне, на крышку стола.

Я помог Флоранс влезть на стол. Там она была недосягаема для агрегата. Потом я спрыгнул на пол и встал перед столом.

— Боб? Что вы хотите делать? — спросила она.

— Я не могу сказать этого вслух,— ответил я.

— Ну, что такое? — спросил агрегат.— Еще раз попытаешься отключить меня?

Я увидел, как он отпрянул назад и стал ждать.

— Что, выдохся? — поддразнил я его.

Механизм взревел.

— Тогда берегись!

Он бросился к письменному столу. На это я и надеялся. В то мгновение, когда он налетел на меня, чтобы раздавить, я бросился на него. Левой рукой я впился в питающий кабель, а другой старался дотянуться до выключателя. Я получил сильный удар по черепу; агрегат поднял рычаг лектоскопа и попытался сбросить меня. Прежде, чем я успел защититься, он понесся, как взбесившаяся лошадь, и я камнем рухнул вниз на пол. Я лежал на полу, и у меня дико болела нога. Я смутно видел, как агрегат отступил, изготовившись окончательно разделаться со мной.

Когда я снова пришел в себя, то обнаружил, что лежу на полу, вытянувшись во весь рост; глаза мои были закрыты, а голова покоилась на коленях у Флоранс. Мое тело пронизывало множество ощущений: болела нога, но одновременно к моим губам прижималось что-то невероятно сладостное, и я чувствовал какое-то необъяснимое внутреннее волнение. Открыв глаза, я увидел лицо Флоранс, находящееся сантиметрах в двух от моего. Девушка обнимала меня. Я снова лишился сознания. На этот раз она дала мне пощечину, и я мгновенно пришел в себя.

— Вы спасли меня, Флоранс...— прошептал я.

— Боб,— тоже шепотом ответила она,— мы с тобой поженимся?

— Собственно говоря, тебе не следует мне это предлагать, Флоранс, дорогая,— ответил я, краснея.— Но я с радостью принимаю твое предложение.

— Мне удалось выключить его,— сказала она.— Теперь нас никто больше не слышит, Боб... Теперь я могу... я не отваживаюсь попросить тебя об этом...

Она потеряла всю свою самоуверенность. Яркий свет лампы на потолке лаборатории причинял боль моим глазам.

— Флоранс, мой ангел, говори же,— прошептал я.

— Боб, процитируй мне что-нибудь из Жеральди...

Я почувствовал, как кровь моя быстрее побежала по жилам. Я взял в ладони ее очаровательную головку с коротко подстриженными волосами и смело нашел ее губы.

— Опусти немного абажур,— пробормотал я.

Зенна Гендерсон

ТЕТУШКА МЕРТА

Я ахнул. Изумленные, переглянулись папа и мама. Тетушка Мерта двигалась. Ее сложенные ладони медленно поднялись к сморщенному пергаментному личику, прикрывая его от жара камина. Но надолго ее не хватило. Руки бессильно упали на колени и стали похожи на сухие желтые листья. Вдруг старческие губы, казалось, навечно сомкнутые, разжались, и между ними мелькнул кончик языка. Удивительно: этот язык был очень живой, а мне казалось, что в тетушке Мерте давным-давно не осталось ничего живого. Мама тяжело вздохнула и снова наклонилась к своему шитью.

— Похоже, начинается — сказала она, прислушиваясь к шуму внезапно налетевшего дождя.

— Да нет, по-моему еще не время,— заметил отец.

— В прошлый раз начиналось так же. Да и Полю скоро 20. Как тебе в тот раз, помнишь?

— Да.— Папа уселся поудобнее и развернул газету.

— А ты не боишься, что на этот раз я погляжу-погляжу, да и влюблюсь? — отец из-за газеты взглянул прямо в глаза маме.

— Не боюсь.— Мама спокойно продолжала разбирать запутавшиеся нитки.— Да тебе и не придется идти. Такое случается только раз в жизни. Теперь очередь Поля.

— Он еще мальчишка,— не согласился отец,— и детям от таких вещей лучше держаться подальше.

— Поль старше, чем ты был тогда,— сказала мама,— сейчас рано взрослеют.

— А что было в прошлый раз? — спросил я.— И от чего держаться подальше? Вы заговорили об этом потому, что зашевелилась тетушка Мерта?

— Все узнаешь,— мама явно была не в себе.— Мы подшучиваем над этим только между собой. А вообще-то, это не тема для шуток. Хоть бы бог скорее ее прибрал. Уж очень все это неестественно.

— Не ворчи, Мэймин,— нахмурился отец.— Не так уж это и страшно. У всех свои проблемы, и тетушка Мерта не худший вариант. Она, по крайней мере, тихая и послушная, не то что другие старухи.

— Зато те — нормальные старухи,— упрямо сказала мама,— а тут...

— А сколько лет тетушке Мерте? — спросил я.

А про себя подумал, что время высушило ее до бумажной сухости, и даже странно, что при ее движении не слышно шороха.

— Бог знает, сколько ей лет,— мама наконец закончила шить и сложила работу. Она подошла к тетушке Мерте и тронула ее за плечо.

— Пойдемте спать, тетушка Мерта,— мама старалась говорить громко и отчетливо,— пора спать.

Я стал считать... три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Тетушка Мерта встала, покачиваясь, словно ноги отказывались нести ее невесомое тело.

Я улыбнулся. Все было, как обычно. Она смогла подняться на «десять» и это совсем неплохо, потому что только на счет «5» до нее доходило, что от нее требуется, и она начинала шевелиться. Я смотрел, как мама уводит тетушку Мерту. Ее нельзя было подталкивать и направлять, она могла только как тень идти следом за вами. Потом я спросил отца:

— А как на самом деле зовут тетушку Мерту? И кем она нам приходится?

— Да я сам не знаю,— ответил он.— Можно, конечно, посчитать, в каком мы родстве, только это слишком долго. А тетушкой Мертой ее прозвал мой пра-пра-дед. Может, это и не очень красиво, но прозвище так и прижилось в нашей семье.— Отец зевнул и поднялся с кресла.

— Ну, я тоже пошел спать,— он взял со стола газету и отправился на кухню перекусить чего-нибудь на сон грядущий.

— А почему ее так прозвали? — крикнул я.

— Не знаю,— голос отца звучал глухо, наверное, он шарил в холодильнике.— Он говорил, что она давным-давно мертва, вот и прозвал так.

Я решил подсчитать. Я, отец, дедушка, пра-дедушка, пра-прадедушка и еще «пра» — шесть поколений. Если по 30 лет на поколение — получается 180. Я грыз кончик карандаша, чувствуя неприятный холодок в животе.

«Это же не точно,— успокаивал я себя.— Папа мог преувеличить, ради шутки. Но, даже если отбросить одно поколение, остается 150 лет».

Я отложил карандаш.

Значит 150 лет назад кто-то считал, что тетушка Мерта давным-давно мертва. Сколько же ей все-таки лет?

Наступившее утро встретило меня чистотой и свежестью. Умытый ночным дождем мир спал. Я наслаждался утренней прохладой и радовался жизни. Каникулы только начались, и работы на ферме пока не много.

Мама позвала к столу. Еще издали я почувствовал дразнящий запах оладьев, сосисок и кофе. И не заставил себя долго ждать и упрашивать. Оладьи были что надо — жаль, быстро кончились.

— Похоже, ты и вправду вырос,— заметил папа.— Управился быстрее отца...

Вдруг из спальни выбежала мама.

— Тетушка Мерта проснулась и сама встала,— сказала она испуганно.

— Да,— сказал папа,— Ты была права. Похоже, начинается.

— Мам, можно я поеду на рыбалку? — спросил я, не слишком прислушиваясь к их разговору. Я собрался на пару дней съездить на озеро Хонен.

— Лучше не сейчас, сынок,— ответил отец.— Я думаю, что не сегодня-завтра для тебя здесь найдется дело.

— Ну, пап,— я даже расстроился,— я ведь давно собираюсь.

— Ничего, это не надолго,— сказал папа.— А на озеро еще успеешь.

— Но что я должен буду делать?

Мама, расстроенная, теребила угол фартука.

— Ты нам будешь нужен,— повторила она.

— Но зачем?

— Сводить на прогулку тетушку Мерту.

— Прогуливать тетушку Мерту? — удивился я.— Но мама, ты же всегда сама с ней гуляешь.

— Это совсем другое,— мама, наконец, оставила фартук в покое.— На эту прогулку тетушка сама выбирает спутника. И идти придется тебе.

За ужином я стал внимательно рассматривать тетушку Мерту. До этого я не особенно обращал на нее внимание. Она была всегда такой же привычной и незаметной, как мебель.

Тетушка Мерта была совсем маленькой. Если бы она не была такой высохшей, то, наверное, походила бы на маму. Серые волосы заколоты в крохотный пучок на затылке. Лицо, как измятая бумага, провалившийся беззубый рот, крохотные, потерявшиеся в морщинах абсолютно пустые глаза. Она без всякого выражения смотрела сквозь меня, и только зубы, ощутив прикосновение ложки, начинали двигаться, втягивая жидкую кашу, которую подавала ей мама. Рот закрывался, и на каждый глоток дергалась тощая куриная шея.

— А она может разговаривать? — спросил я.

Отец посмотрел на маму и уткнулся в свою тарелку.

— Никогда не слышала,— ответила мама.

— А делать что-нибудь она может? — допытывался я.

— Ну, в общем, да,— сказала папа.— Она отлично чистит горох, если ее правильно попросить.

— Да...— меня передернуло. Я вспомнил, как однажды меня, еще маленького, посадили помогать тетушке Мерте. Я подавал ей стручки, а она быстро, как автомат, вылущивала из них горошины. И, когда горох кончился, ее руки все никак не могли остановиться — брали, лущили, складывали...

— Еще она хорошо рвет полоски для половиков и может прополоть грядку от сорняков перед посадкой.

— Так почему...— я не знал, как бы спросить поделикатнее.

— Почему она живет у нас? Ты это хотел спросить? — мама вздохнула.— А куда ее денешь? Живет и живет. Да, в общем-то, она особенно и не мешает.

— Можно ее отправить в интернат,— сказал я.

— Во-первых, в интернат надо представлять документы, а откуда им взяться у тетушки Мерты,— объяснила мама, готовя сладкую кашу для старухи.— А, во-вторых, интернат стоит денег.

— А про какую прогулку вы говорили? Куда это мне с ней идти?

— В лощину,— ответил папа, нацеливаясь на очередной кусок пирога с вишней.— Вниз, до старого дуба,— папа тяжело вздохнул, словно вспомнив что-то.— И обратно.

— Ну, зачем же туда. Там же полно крапивы, да и комаров хватает. А кроме того там... ну... нехорошо.

— Ты хочешь сказать, нечисто? — улыбнулась мама.

— Ну, в общем, да,— я попытался объяснить.— Там даже погода не такая, как вокруг. Чего ради лезть туда?

— Она всегда идет именно туда,— сказал папа.— А ты будешь ее провожать.

— Ну раз надо, значит надо,— я поднялся.— Тогда уж лучше сделать это поскорее. Пойдемте, тетушка Мерта.

— Сейчас она не пойдет,— сказала мама.— Она сама решит, когда будет готова.

— А почему с ней не может сходить папа? Ведь он уже один раз ходил.

— И с меня вполне хватило одного раза,— ответил папа холодно.— В этот раз пойдешь ты. И ты должен быть здесь, когда придет час. Рыбалка от тебя никуда не денется.

— Ну ладно,— я почти смирился.— Но вы хоть объясните по-человечески, а то я так ничего и не понял.

И мне объяснили. Тетушка Мерта всегда была в нашей семье, хотя папа так и не смог рассчитать, в каком родстве она с нами. И всегда она была такой же старой и высохшей. В ней словно совсем не осталось плоти, ничего, способного разлагаться, поэтому она не была такой противной, какими бывают старухи.

Раз в двадцать-тридцать лет, она как будто просыпалась и рвалась куда-то идти. И сопровождать ее должен был обязательно мужчина. С женщиной она идти не могла. И ее провожатый возвращался изменившимся.

— Это очень сильно действует,— сказал папа.— Когда своими глазами видишь то, что никогда тебе не понять...

— А однажды это был настоящий кошмар,— начал рассказывать папа.— Это когда наша семья только переехала сюда. Тогда еще был жив твой пра-прадедушка. Они добирались сюда в крытом фургоне, и всю дорогу тетушка Мерта ничего не замечала. А когда она начала просыпаться и не нашла знакомых мест, она словно с ума сошла. Прадедушка хотел вести ее по дороге, но она металась в темноте, словно собака, потерявшая след. Прадедушка привел ее домой только утром, весь ободранный и в синяках. Но в конце концов она облюбовала себе эту лощину.

— А зачем она туда ходит? — спросил я.— Что ей там надо?

— Этого не расскажешь,— ответил папа.— Это можно только увидеть самому.

В этот вечер тетушка Мерта снова зашевелилась. Сначала она закрыла руками лицо, потом попыталась встать. Одной рукой она вцепилась в спинку стула, а другой взмахивала, словно пытаясь ухватиться за воздух. Мама подошла, погладила ее по плечам и усадила назад.

На следующий вечер все началось сначала. Она несколько раз вставала со своего стула, подходила к двери и останавливалась, словно к чему-то прислушиваясь. Я тоже волновался и каждый раз

кидался открывать ей дверь, но она только выглядывала и снова брела к своему стулу.

На следующий вечер все было так же часов до 10, пока мы не собрались идти спать. Вдруг тетушка Мерта бросилась к двери и, нетерпеливо притоптывая, начала даже царапать дверь пальцами, как кошка.

— Надо идти,— тихо сказала мама. Мне стало не по себе.

— Мам, ты смотри, какая темень,— попытался протестовать я,— и луны сегодня нет.

Тетушка Мерта начала повизгивать. Я остолбенел. Я первый раз в жизни услышал ее голос.

— Пора,— твердо сказал отец.— Отправляйся с ней. И обязательно приведи ее назад, сынок.

— В лощине и днем нехорошо,— я невольно говорил шепотом и не мог глаз оторвать от шарящих по двери тощих старческих рук. Она всем телом прижалась к двери, прислонилась к ней лицом, и ее обвисшее черное платье казалось на двери чернильным пятном.— А в такую ночь там сам черт ногу сломит.

— Попробуй выбирать дорогу,— папа тоже зашептал.— Может, у тебя и получится. А сейчас иди и без нее не возвращайся.

Мы быстро очутились за дверью, и я почувствовал, как сухие пальцы вцепились мне в руку, и вот тетушка Мерта уже тащит меня в темноту.

С перепугу мне показалось, что я слышу, как шуршит ее высохшая кожа. Я чуть не закричал и только старался не думать куда и зачем она меня ведет.

Я попытался направить ее в сторону от лощины, в поле, на дорогу, на пустырь — в любую сторону, но не смог даже свернуть. Она снова возвращала меня на видимую только ей тропу. И я перестал сопротивляться. Темень была такая, что с трудом можно было различить землю и небо, а больше я ничего не видел. В гнетущей тишине слышалось только свистящее дыхание тетушки Мерты и мой задыхающийся хрип. От ужаса и темноты я не смог бы даже закричать.

Вдруг она остановилась, и я буквально наткнулся на нее. На меня пахну́ло запахом слежавшейся бумаги. Мы стояли почти прижавшись, но в этих разлитых чернилах я не мог даже различить ее лицо. Постепенно я стал видеть тетушку Мерту. Светлее не стало, но, видимо, я немного пригляделся.

Она тихонечко зевнула, прикрыв рот рукой, и рассмеялась. Я поперхнулся. Таким молодым и изящным был этот жест — и так же не вязался он с высохшими старческими руками и лицом.

— Я оживаю,— я вздрогнул от звука этого живого, теплого голоса.— Я оживаю,— повторила она с восторгом.— Я чувствую, что это не сон.

Она с удивлением разглядывала свои руки.

— Но они до ужаса реальны,— сказала она.— Они совсем как настоящие.

Она протянула их в мою сторону, и я с удивлением услышал свой ответ.

— Они и есть настоящие.

Она оглянулась на мой голос, и исходящий от нее свет стал ярче.

— Ты со мной разговариваешь?

Она говорила словно сама с собой, и с каждым словом лицо ее становилось все живее, ярче и моложе.

— Мне было предсказано, что я начну выздоравливать только тогда, когда смогу различить сон и явь, пойму, где реальность, а где иллюзия. Я понимаю, что это странный сон. Я знаю, что я сплю... но можно ли разговаривать с тем, кто мне снится? — она удивленно посмотрела на меня.— И может ли он мне отвечать?

Теперь тетушку Мерту было не узнать. Мягкое, молодое лицо, огромные, сияющие глаза. Тело расправлялось, наливалось жизнью. И вдруг платье соскользнуло с нее, как старая ненужная шкура. Она стояла, окутанная странным светом, не дававшим тени и не освещавшим ничего, кроме нее самой.

Я попробовал пристальнее вглядеться в этот свет и вдруг почувствовал, как исчезает незыблемость моего мира.

Не каменная основательность, а зыбкое сплетение звездного света, крохотный уголок огромной вселенной, осуществившаяся внезапность, одна из множества. И еще ощущение глубины человеческой жизни, не начинающейся рождением и не кончающейся смертью.

— Ах, если бы я могла окончательно проснуться,— воскликнула она.— Если бы не возвращаться в этот ужас! — Она вскинула руки и потянулась к небу: тонкая и изящная, как огонек свечи.

— Я верю, я чувствую, что все это только сон, все это старое, дряхлое — только иллюзия,— она легко подбежала ко мне и взяла меня за руки.— Ведь ты просто снишься мне? — спросила она.— И моя старость и беспомощность только мой кошмар?

Она так прижалась ко мне, что я почти вынужден был обнять ее. И сразу меня окутало серебристое облако ее волос.

— Ты очень симпатичный,— рассмеялась она,— но только, пожалуйста, не снись мне больше.

Как-то вдруг получилось, что я стоял совершенно один в такой темноте, что не видел собственных рук, все еще ощущая кончиками пальцев шелк ее кожи. Я с трудом перевел дыхание и наклонился, чтобы поднять валявшееся под ногами платье тетушки Мерты. Только тут до меня дошло, как я перепуган — колени мои дрожали и ноги просто подгибались.

Все во мне кричало от ужаса, и непонятно было, как это я до

сих пор не удрал отсюда сломя голову. Может быть, меня удерживал приказ отца: «Приведи ее обратно». Я заставил себя думать о том, что я не первый, кто это видел. Все мои предки прошли это испытание, и все они выдержали его, и... «привели ее обратно». Это немного успокоило меня, и, хоть зубы мои стучали, а ногти врезались в ладони, я мог стоять и ждать.

Я не мог бы сказать, сколько прошло времени, только платье тетушки Мерты вдруг зашевелилось у меня в руках. Я подпрыгнул от неожиданности и отбросил его, словно обжегшись.

Она появилась снова. Закрытые глаза, волосы, льющиеся как прекрасная мелодия, и все очарование, вся нежность, все, что только можно себе вообразить, было в ее лице. И тут она открыла глаза и все увидела.

— Нет,— закричала она, и тут же прикрыла рот ладонью.— Только не это! Не надо снова! Ведь я уже проснулась!

Она с рыданием прижалась ко мне, и я снова смог обнять ее. Всю красоту и нежность мира держал я в руках, и все отчаяние. Но вот она отстранилась и начала говорить медленно, как заклинание: «Все это только сон. Страшный сон, но я верю, что он кончится,— она даже не пыталась сдержать слез,— нужно только дожить до утра и проснуться. Все это мне снится, и ты тоже мне снишься...»

Руки ее метнулись к лицу и нащупали первые морщины, появившиеся на лбу. Черное платье, как живое, наползло на ее тело, выжимая из него жизнь. Облако волос редело и теряло блеск. Последними погасли глаза, опять спрятавшиеся под темными морщинистыми веками.

— Нет, нет,— повторял я, потрясенный этим превращением. Я пытался разгладить появляющиеся морщины и чувствовал, как прямо под моей рукой высыхала и стягивалась кожа.

Я отшатнулся и машинально вытер руки о штаны, и когда поднял глаза, передо мной уже стояла тетушка Мерта. Исходивший от нее свет погас, и мы опять были в полном мраке.

На обратном пути мы лезли через какие-то кусты и колючки, а тетушка Мерта с трудом передвигала ноги и не переставала плакать. Мне даже пришлось взять ее на руки — горстку праха с затхлым пыльным запахом.

Наконец я выбрался из лощины, гудевшей от ветра, хотя вокруг было очень тихо. В мозгу бесконечно крутилась засевшая фраза: «Жизнь — это сон... жизнь — это сон...».

Но прежде чем перешагнуть порог кухни и вернуться к привычному миру, я встряхнул все еще рыдавшую тетушку Мерту — жуткую куколку такой прекрасной бабочки — и на ухо ей прошептал:

— Просыпайся, тетушка Мерта! Скорее просыпайся!

Альфред Ван Вогт

НЕ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ

У БЕРЕГОВ АЛЯСКИ ОБНАРУЖЕНО БРОШЕННОЕ КОМАНДОЙ КИТОБОЙНОЕ СУДНО СО СЛЕДАМИ НАПАДЕНИЯ

29 июня 1942 г. Сегодня в Беринговом проливе американским патрульным судном был обнаружен китобойный корабль «Альбатрос». На сильно поврежденном корабле не оказалось ни одного члена экипажа. Военные удивляются тому, что все повреждения вызваны странной силой, не имеющей отношения к бомбам, торпедам, снарядам или каким-либо другим видам оружия. Штормов в этом районе последние три недели не было. Камбузная печь в момент обнаружения была теплой. Убедительных объяснений по этому поводу не выдвинуто. Известно, что «Альбатрос» под командованием капитана Фрэнка Уорделла вышел из порта на западном побережье Америки в начале марта. В экипаже было восемнадцать человек, и все они исчезли.

Капитан «Альбатроса» без удовольствия подумал о трех месяцах, без толку потраченных в поисках китов. Он начал осторожно вводить шхуну в укромную бухту, когда увидел лежащую на мелководье под-

водную лодку. Сознание его на мгновение провалилось в пустоту, когда же оно вновь выбралось на поверхность и вдохнуло воздуха, рефлексы уже сработали. Указатель машинного телеграфа встал на «полный назад», а в голове сложился четкий план действий. Он раскрыл было рот, чтобы крикнуть рулевому, но затем стиснул зубы, сам подошел к штурвалу, и корабль, направляемый искусной рукой, развернулся вдоль лесистого мыса.

Якорь пошел вниз. На грохот цепи и всплеск воды в тишине безветренного утра откликнулось странное эхо.

Тишина вновь воцарилась над заливом; слышался лишь тихий плеск северного моря о борт «Альбатроса». На мелководье, где встал корабль, волны были чуть выше. Иногда слышался гул — это большая волна в пене разбивалась о торчащую скалу.

Уорделл, возвратясь на маленький мостик, стоял очень спокойно, позволяя сознанию впитывать впечатления, стоял и слушал. Но ни один посторонний звук не коснулся настороженного слуха: ни рокот дизелей, ни слабый шум мощных электродвигателей. Уорделл вздохнул свободнее.

Он увидел, что на мостик поднимается Приди, первый помощник.

— Не думаю, что они увидели нас, сэр,— громким шепотом произнес он.— Я не заметил там ни единой души. Кроме того, они, по-видимому, не готовы к выходу в море.

— Почему?

— Разве вы не заметили, сэр? У них нет боевой рубки. Должно быть, ее оторвало взрывом.

Уорделл молчал, пораженный своей невнимательностью. Легкое чувство самолюбования — ведь он мастерски увел корабль — прошло. В голову ему пришла другая мысль, и он нахмурился из-за постыдного намерения утаить другие доказательства своей ненаблюдательности. Но все-таки он ответил:

— Интересно, как это сознание умудряется запечатлевать предметы, не существующие в действительности. Я даже не заметил: повреждено у них палубное орудие или нет.

Теперь примолк первый помощник. Уорделл бросил быстрый взгляд на его длинное лицо, понял, что помощник испытал не меньшую досаду, и быстро сказал:

— Мистер Приди, созывайте людей.

Помирившись со своей совестью, Уорделл спустился на палубу. Не спеша он стал осматривать противолодочное орудие, что стояло рядом с гарпунной пушкой. Слышно было, как за спиной собирались китобои, но он не оборачивался, пока они не стали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Тогда он обернулся и вгляделся в грубые обветренные лица. Пятнадцать мужчин и юнга: почти весь экипаж, кроме механика и

мотористa. И каждый оживлен: люди вырвались из лап скуки, которая за последние три месяца буквально извела всю команду.

На память Уорделлу пришли воспоминания о долгих годах, проведенных рядом с этими людьми. Он удовлетворенно кивнул самому себе и начал:

— Похоже, мы наткнулись на поврежденную японскую подлодку. Наш долг вам понятен. Военные оснастили нашу посудину трехдюймовой пушкой и четырьмя пулеметами, поэтому...

Он прервал речь и хмуро посмотрел на одного из ветеранов.

— В чем дело, Кеннистон?

— Прошу прощения, кэп. Эта штука — не подлодка. Я служил в военном флоте в восемнадцатом году и с первого взгляда могу определить это. И, черт побери, у этого судна борта будто покрыты черной металлической чешуей. Там что-то застряло, сэр, но это не подводная лодка.

Из-за каменистой гряды, где он залег со своей небольшой экспедицией, Уорделл рассматривал странное судно. Чтобы добраться до этого удобного наблюдательного пункта, пришлось больше часа карабкаться по скалам. И вот он здесь, а что толку?

В бинокль корабль был виден хорошо: сигарообразный, стремительный корпус из сплошного металла неподвижно лежал среди волн, что морщинили поверхность залива. Не было заметно ни единого признака жизни. Тем не менее...

Уорделл внезапно замер, остро осознав ответственность за всех своих людей: за этих шестерых, что рядом с ним сейчас с двумя драгоценными пулеметами, и за остальных, что на шхуне.

От чужеродности этого судна, от его огромных размеров делалось не по себе.

Позади кто-то сказал, нарушив тишину серых безжизненных скал:

— Если бы у нас был радиопередатчик! Любой бомбардировщик мигом бы расправился с этой мишенью! Я...

Уорделл лишь смутно осознавал, почему голос вдруг перестал доходить до сознания. Он упорно думал над соотношением сил: два пулемета против ЭТОГО. Или, вернее (подсознательно он не желал признаваться в обладании большей огневой мощью), четыре пулемета и трехдюймовая пушка. В конце концов, оружие, находящееся на «Альбатросе», тоже нужно учитывать, несмотря на то, что шхуна стоит далеко. Мысли внезапно оборвались.

Он вздрогнул, заметив на плоской темной палубе движение: большая металлическая плита повернулась, затем резко откинулась, словно отброшенная мощными пружинами.

Через люк выбралась какая-то ужасная, нечеловеческая фигура. Это нечто выпрямилось на поблескивающих ороговелых ногах, че-

шуйчатая кожа блестела в свете утреннего солнца. Одна из четырех рук сжимала прозрачный предмет плоской прямоугольной формы; в другой находилась небольшая вещь голубоватого цвета, она сверкнула малиновым отблеском в свете яркого солнца. Остальные руки были свободны.

Чудовище стояло под теплым земным солнцем на фоне чистого северного моря. Стояло самонадеянно, с откинутой назад ящеричьей головой на короткой шее, с таким гордым и значительным видом, что Уорделл ощутил боль в затылке.

— Ради бога,— прохрипел кто-то.— Всадите пулю в эту тварь.

Скорее всего, сам голос, а не слова привели в действие тот участок мозга Уорделла, что отвечал за работу голосовых связок.

— Стреляйте! — выдохнул он.— Фрост! Уидерз! Огонь!

Тра-та-та-та! Заговорили оба пулемета, разбудив тысячеголосое эхо в девственной тишине укромной бухты.

Проворно ступая перепончатыми лапами, тварь двинулась было по палубе, резко остановилась, повернулась и посмотрела вверх. Зеленые и горящие, как у кошки в темноте, глаза уставились Уорделлу прямо в лицо. Капитан почувствовал, как мышцы свело судорогой: им овладело импульсивное желание скрыться за камнем, но он не смог бы шевельнуться даже под угрозой смерти.

Такой же паралич поразил, должно быть, всех моряков. Пулеметы смолкли, наступило прежнее мертвое спокойствие.

Желто-зеленая рептилия первой тронулась с места. Она побежала обратно к люку. Но вместо того, чтобы спуститься вниз, существо протянуло кому-то кристаллический предмет и выпрямилось. Раздался лязг, люк захлопнулся, и рептилия осталась одна на палубе, лишив себя возможности отступить в укрытие.

Эта сцена длилась не более доли секунды: действующие лица занимали места на фоне спокойного моря и бесплодной суши. Тварь стояла абсолютно спокойно и не отводила горящего взгляда от людей. Внезапно существо напряглось и прыгнуло по-лягушечьи, с громким всплеском войдя в воду. Круги на воде исчезли, а тварь не показывалась. Люди ждали.

— Те, что уходят, часто возвращаются,— произнес наконец Уорделл, с трудом подавляя дрожь в голосе.— Один бог знает, что это было, но на всякий случай держите оружие наготове.

Тянулись минуты. Ветерок, что недавно заигрывал с поверхностью воды, совсем успокоился. Вода сделалась похожей на стекло, которое разламывалось вдалеке, там, где бухта встречалась с морем.

Минут через десять Уорделл переменил позу, а спустя еще минуту поднялся.

— Надо возвращаться на корабль,— напряженно произнес он.— Эта штука слишком велика для нас.

Они шли вдоль берега, когда начался переполох: послышались отдаленные крики, длинные пулеметные очереди, а потом — молчание.

Все это происходило в той стороне, где шхуна стояла на якоре в полумиле от берега, за стеной деревьев.

Уорделл побежал, рыча от гнева: здесь даже идти было трудно. Он был вне себя, проклиная камни и все, что попадалось на глаза. Он раза два сильно упал, а когда поднялся во второй раз — остановился и подождал, когда его люди поравняются с ним. «Бежать не обязательно,— эта мысль поразила его своей очевидностью,— то, что случилось — уже случилось».

Уорделл стал осмотрительнее прокладывать путь через нагромождение скал. Он яростно проклинал себя за то, что оставил «Альбатрос», и особенно за саму мысль выступить на хрупком деревянном корабле против бронированной подлодки. Тем более, что она оказалась вовсе не подлодкой.

Сознание его пасовало, не в силах предположить, с чем они столкнулись.

Он попробовал посмотреть на себя со стороны: как он пробирается по голым камням на голом берегу моря, пытаясь поскорее выяснить, что сделала... эта ящерица с его кораблем. И не смог. Картина не складывалась. Она даже отдаленно не напоминала обычную ткань жизни: приятное безделье на мостике в спокойные дни, созерцание моря с трубкой, набитой хорошим табаком. Еще более далеким и отчужденным представлялся мир, где были карты, громкий смех и женщины с нахальными глазами. В этом мире проходила его жизнь в короткие месяцы на суше, веселая и бесцельная жизнь — он охотно бросал ее, когда наступало время опять уходить в море.

Уорделл отбросил бесполезные воспоминания и сказал:

— Фрост, возьми с собой Блэйкмана и Мэккина — заберёте канистры с водой. Дэнни, наверное, уже наполнил их. Нет, пулемет возьмите с собой. Лучше останьтесь там с остальными канистрами, пока я не пришлю еще людей. Нам надо забрать всю воду и побыстрее сматываться отсюда.

Приняв решение, он почувствовал себя лучше. Следовало идти на юг, к военно-морской базе: пусть другие, лучше оснащенные и лучше подготовленные люди займутся чужим кораблем.

Если только его собственный корабль все еще на месте, а в этом он вовсе не был уверен. Он обрадовался, как ребенок, преодолев последнюю, самую крутую скалу: вот она, шхуна, цела и невредима! В бинокль он увидел людей на палубе. Наконец-то груз тревоги за жизнь своих людей свалился с его души. Все было в порядке.

Ясно, на борту что-то произошло. Через несколько минут он узнает — что.

Некоторое время казалось, что он никогда не поймет, о чем ему

пытаются рассказать. Моряки столпились вокруг, когда вконец измотавшийся капитан забрался на борт шхуны. Мешанина голосов обрушилась со всех сторон, и Уорделл поначалу совершенно очумел.

Сквозь гомон прорывались слова о твари, «похожей на лягушку величиной с человека», невесть откуда появившейся на корабле. Говорили еще что-то о машинном отделении и о механике с мотористом, которые...

Осипший от переживаний Уорделл положил конец этому безумию.

— Мистер Приди,— твердо произнес капитан,— есть ли жертвы?

— Нет,— ответил помощник.— Хотя Резерфорд и Кресси все еще в шоке.

Сообщение о механике и мотористе было невразумительным, но Уорделл не обратил на это внимания.

— Мистер Приди, отправьте шестерых человек на берег, пусть помогут доставить воду на корабль. Потом поднимитесь на мостик.

Несколько минут спустя Приди представил Уорделлу полный и толковый отчет о происшедшем. Когда отряд Уорделла открыл огонь из пулеметов, все собрались на левом борту шхуны и остались там, ожидая возвращения десанта. Мокрые следы, оставленные существом, показали, что забралось оно на шхуну с правого борта. Первый раз его увидели у бакового люка. Оно внимательно рассматривало орудия на носу.

Существо спокойно двинулось вперед, сопровождаемое девятью парами глаз, желая, по-видимому, подойти поближе к орудиям, но внезапно свернуло в сторону и, подбежав к борту, нырнуло в воду. Тогда вслед ему застучали пулеметы.

— Не думаю, что мы задели его,— предположил Приди.

Уорделл задумался.

— Сомневаюсь, что его можно пронять пулями. Оно...— Капитан запнулся.— Черт, о чем я говорю!? Ведь оно убегает всякий раз, когда мы стреляем. Ну ладно, продолжай.

— Мы обследовали корабль и только тогда обнаружили Резерфорда и Кресси. Они были без сознания и не помнят, что с ними случилось. Но механик доложил, что повреждений в двигателе нет. Вот, собственно, и все.

«И этого достаточно»,— подумал Уорделл, но промолчал.

Он представил, как желто-зеленая ящерица взбирается на борт его корабля, и передернул плечами. Что было нужно проклятой твари?

Солнце стояло высоко в южной половине небосвода, когда последняя канистра с водой была доставлена с берега на борт, и шхуна снялась с якоря.

На мостике Уорделл облегченно вздохнул, когда корабль отвернул нос от белопенного мелководья и пошел в глубокие воды открытого моря. Капитан толкнул рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед», но дизели зачихали и вскоре смолкли. «Альбатрос» еще двигался некоторое время по инерции, покачиваясь с борта на борт.

В полутемном машинном отделении Уорделл обнаружил Резерфорда, тот упорно старался поджечь спичками лужицу солярки на полу.

Его занятие так походило на забавы умалишенного, что капитан остолбенел и потерял дар речи.

Но горючее не желало загораться. Еще четыре обгорелые спички присоединились к десятку, что уже валялся на полу рядом с золотистой лужицей.

— Черт побери! — воскликнул капитан.— Ты думаешь, эта тварь так поработала с горючим, что...

Он не смог продолжить, Резерфорд тоже молчал. Наконец механик мрачно произнес, не поднимая глаз:

— Слышь, кэп, я все стараюсь додуматься. На кой хрен своре ящериц удерживать нас подле себя?

Уорделл вернулся на палубу, оставив вопрос без ответа. Он чувствовал, как засосало под ложечкой, но даже не пытался убедить себя, что это от голода: никогда прежде пустой желудок не вызывал у него таких ощущений.

Уорделл поел, едва различая вкус пищи, и вышел на свежий воздух, чувствуя себя неповоротливым и сонным. Подъем на мостик отобрал последние силы, желание действовать погасло. Он немного постоял, глядя в направлении горловины, ведущей в бухту, и тут сделал открытие: в те недолгие минуты, что дизели работали на топливе, оставшемся в трубопроводе, «Альбатрос» подвинулся к месту, откуда была хорошо видна чужая черная посудина.

Уорделл сонными глазами уставился на молчаливый безжизненный корабль неизвестных существ, потом повел биноклем вдоль линии берега. Наконец он обратил свое внимание на палубу перед собой и едва не выскочил из ботинок.

Тварь была здесь. Она спокойно склонилась над гарпунной пушкой. Чешуйчатое тело было влажным и лоснилось, как мокрая шкура большой ящерицы. Рядом, лицом вниз, лежал гарпунщик Арт Зоут. На вид он был мертвее мертвого.

Если бы на корабль вторглись пираты, Уорделл наверняка заставил бы себя вытащить пистолет, висевший на поясе. Или если бы чудовище находилось на таком же расстоянии, как при первой встрече. Но он стоял не более чем в двадцати пяти футах от невиданного существа, смотрел на блестящую гнусную рептилию с четырьмя руками и ногами, обтянутыми чешуйчатым панцирем, и

безотчетно оправдывался, что раз уж пулеметные очереди не причинили ему вреда, значит...

С холодным презрением к вероятным наблюдателям рептилия попыталась вытащить гарпун, торчащий из ствола китобойной пушки. Через секунду она оставила эти попытки, подошла к пушке со стороны казенника и начала копошиться там, используя неизвестно для чего малинового цвета предмет, время от времени вспыхивающий алыми отблесками. Вдруг волна голосов и смеха всколыхнула послеполуденную тишину.

В следующее мгновение дверь камбуза распахнулась, и дюжина китобоев вывалила на палубу. Массивный деревянный полубак закрывал существо от их взглядов. Матросы разбились на небольшие группки. Низкое северное небо, висящее над вечно холодным морем, отражало их грубоватые шутки и смех. Как будто издалека слушал Уорделл смех и сквернословие.

«Они похожи на детей,— подумал он.— Ведь знают же, что невероятнейшее из созданий божьих сделало корабль недвижимым, а ведут себя так, словно это не доходит до их сознания. Похоже, они собираются вести себя, как безмозглые идиоты, до тех пор, пока...»

Уорделл прервал размышления, удивленный тем, что они смогли отвлечь его, пусть даже всего на несколько секунд. Резко вздохнув, он вытащил револьвер и прицелился в спину ящерицы, пока та возилась с прочным канатом, соединяющим гарпун с кораблем.

Любопытно, что после выстрела на какой-то момент наступила полная тишина. Ящерица медленно выпрямилась и обернулась с видимым раздражением. А потом...

Люди закричали. Пулемет на «вороньем гнезде» взревел короткими истеричными очередями. Пули не попали ни в рептилию, ни даже в палубу, лишь вспенили воду у носа корабля. Уорделл страшно разозлился на проклятого дурака наверху. В ярости он поднял голову и заорал на парня, чтобы поучился стрелять как следует, а когда опять взглянул на палубу, тварь уже исчезла.

Слабый всплеск воды пробился сквозь множество других шумов. И тут же вся толпа метнулась к поручням. Экипаж вперился глазами в воду. Через их головы Уорделлу показалось, что он заметил желто-зеленый отсвет в глубине, но это пятно быстро растворилось в бликах северного моря.

Уорделл стоял неподвижно, чувствуя холодок под сердцем. Сознание туманило ощущение нереальности происходящего.

Оружие не дрогнуло в его руке, пуля не могла пролететь мимо, но... никаких последствий.

Холодная лапа, стиснувшая сердце, немного отпустила, когда он увидел, как Арт Зоут, живой и здоровый, поднимается на нетвердые ноги.

Уорделл был на грани нервного потрясения. Добрый старый Арт.

Такого человека не так-то просто убить какой-то подлой ящерице.

— Арт! — закричал Уорделл в радостном возбуждении.— Арт, нацеливай трехдюймовку на эту посудину! Топи ее к чертовой матери! Проучим сволочей...

Первый снаряд не долетел до цели, лишь поднял красивый фонтан в сотне ярдов от металлической туши. Второй улетел слишком далеко и взорвался, напрасно потревожив массу серых камней короткой яростной вспышкой.

Третий точно поразил цель... Как и следующие десять. Стрельба велась превосходно, но под конец Уорделл с трудом проговорил:

— Лучше прекратим это дело. Снаряды не берут их броню. Я не вижу там никаких повреждений. Прибережем снаряды на крайний случай, если он представится. Кроме того...

Он замолчал, не желая высказывать, что пришло ему на ум. Фактически, существа с этого таинственного судна не сделали им ничего плохого. Это «Альбатрос» и его экипаж при каждом случае применял оружие. Надо, конечно, признать факт порчи горючего и то, что тварь зачем-то изучала гарпунную пушку. И все же...

Весь туманный день до самого вечера они с Приди проговорили об этом и решили ночевать с запертыми люками под охраной часового на «вороньем гнезде».

Уорделла разбудил вопль. Солнце только что проклюнулось над горизонтом, когда он полуодетый выскочил на палубу и присоединился к кучке людей, толпящихся вокруг пушек.

Комендор Арт Зоут сердито показал на гарпунную пушку.

— Гляди, капитан, эти сволочи сняли гарпунный канат, а нам подсунули какую-то медную проволочку или черт знает что. Посмотри на эту дрянь.

Уорделл тупо взял протянутый ему провод. Во всем этом не было видно никакого смысла. На сознание продолжал давить голос комендора.

— И не только этот. Есть еще два комплекта, и оба сгодятся нам теперь как венки на топе мачты. Они продырявили палубу, пропустили через отверстия эту проволоку и привязали к шпангоуту. Ничего плохого в этом не было бы, будь замена хороша. Но эта проволочка — черт их побери!

— Дайте мне кусачки,— процедил Уорделл.— Уберем его и...

К его удивлению, проволока не поддалась. Он нажал изо всех сил, но гибкая блестящая жилка оставалась целой.

— Кажется, нам предлагают сделку,— произнес кто-то позади тихим голосом.— Но на какого кита они нас готовят?

Уорделл замер, пораженный: «На какого кита нас готовят?»

Он собрал всю свою волю и принял решение.

— Друзья,— сказал он вдруг севшим голосом.— Пока всем надо позавтракать. Нам ничего не остается, кроме как идти напролом.

Уключины скрипели, вода мирно плескалась у борта шлюпки. С каждой минутой Уорделлу все меньше нравилось собственное предприятие. В том месте на металлической палубе подлодки, к которому двигалась шлюпка, уже можно было видеть очертания чего-то знакомого. Он приподнялся, поднес к глазам бинокль и сразу сел, слишком изумленный, чтобы вскрикнуть. Там стояло орудие — гарпунная пушка. Сомнений не было. Конструкция точно такая же, как и у них на шхуне.

«Минутку! А какой у них канат? — он увидел рядом с орудием совсем игрушечный барабан с медным отблеском.— Ясненько... Они подкинули нам канат,— подумал он.— Такого же качества, как их собственный. Такой, что сможет удержать... все, что угодно».

Его опять пробрал холод при мысли «на какого же кита нас готовят?»

— Ближе! — хрипло приказал он.

Уорделл хорошо понимал, что лезет на рожон. «Надо быть поосторожнее,— подумал он.— И так уже слишком много дураков жарится в аду. Безрассудная храбрость — это...»

— Ближе! — повторил он.

С расстояния в пятьдесят футов длинная темная громада корабля, и это только надводная его часть, стала различима в подробностях. На броне не было видно ни следа от прямых попаданий.

Уорделл собрался было отдать приказ, намереваясь под прикрытием пулеметов забраться на борт чужого корабля, но тут с моря донесся громовой раскат, словно целая батарея чудовищных орудий открыла пальбу. Грохот отразился от пустынных гор и стал перекатываться по естественной чаше залива вдоль и поперек.

Длинная черная торпеда рванулась с места. Все увеличивая скорость, корабль сделал большой полукруг по заливу: языки пламени вонзились в воду за его кормой. Затем, оставив позади шлюпку, он помчался к узкому проливу, выходящему в открытое море.

Внезапно возле него разорвался снаряд, затем другой и третий. Уорделл видел, как вырвалось пламя из ствола трехдюймовки на палубе далекого «Альбатроса». Несомненно, Арт Зоут и Приди подумали, что пробил решающий час. Но чужак, не обращая на это внимания, шел своим курсом к выходу из залива, рассекая волны между разрывами снарядов.

Таинственное судно удалилось от шхуны на добрых полмили, когда обстрел прекратился. Небо очистилось от грохота и эха. Корабль какое-то время двигался вдоль морского берега, затем остановился. И замер, вытянувшись среди беспокойных волн, молчаливый и безжизненный, как и прежде.

В наступившей тишине Уорделл слышал тяжелое дыхание своих гребцов. Шлюпка дергалась при каждом ударе весел, покачиваясь на отраженных от берега волнах.

Возвратясь на шхуну, Уорделл позвал Приди в свою каюту. Он налил виски в стаканы, одним большим глотком проглотил свою порцию и сказал:

— Вот что я решил: мы снарядим небольшую шлюпку и отправим трех человек вдоль побережья за помощью. Яснее ясного, что мы не сможем долго играть в кошки-мышки, не зная правил игры. Троим здоровым мужикам понадобится не более недели, а может, и меньше, чтобы добраться, скажем, до полицейского кордона на Мысе. Как ты думаешь?

Ответ Приди потерялся в топоте башмаков по коридору. Дверь распахнулась. Матрос, так бесцеремонно вошедший в каюту, протянул два незнакомых предмета и взволнованно доложил:

— Смотри, капитан, что одна из тварей зашвырнула на борт. Она исчезла прежде, чем мы успели вдоволь налюбоваться ею.

Внимание Уорделла привлекла пластина из странного металла. Казалось, что она не имеет какого-либо определенного назначения. Толщиной она была с полдюйма, около десяти дюймов длиной и восемь шириной. С одной стороны она была серебристого цвета, а с другой — черного. И все. В это время Приди взял у матроса нечто вроде пакета, раскрыл его и удивленно произнес:

— Смотри, капитан, тут фотография нашего машинного отделения. На ней отмечен бак с горючим. А вот какой-то порошок серого цвета. Наверное, он восстанавливает солярку.

Уорделл отложил пластину и потянулся за мешочком. Но вдруг замер, пораженный необычной, странной чернотой металлической пластины. Эта чернота была бесконечно глубокой. В бархатной абсолютной тьме зажглись иглами очень яркие точки. Словно под воздействием взгляда Уорделла, картина начала меняться. Со стороны верхнего края что-то выплыло, приблизилось и проявилось на фоне тьмы в виде крошечного животного.

Уорделлу стало ясно: это особенная, движущаяся фотография. На этой мысли он споткнулся. Фотография чего?

Животное было крошечным, но выглядело чертовски отвратительным даже для глаз, видевших немало страшных тварей.

Длинное туловище со множеством лап и продолговатым рылом — такое могла создать только фантазия безумца.

Уорделл отшатнулся: чудовище стало увеличиваться в размерах. Оно заполнило половину этого невероятного экрана. Но похоже было, что съемка велась с большого расстояния.

— Что это? — услышал он шепот Приди за спиной.

Уорделл не ответил: действие разворачивалось перед их глазами.

Схватка со Зло-Бэлом началась, как всегда, неожиданно. Последовал обмен жесткими энергетическими ударами. Безынерционный патрульный корабль отчаянно маневрировал. Раскаленный добела

луч уничтожателя включился автоматически, но слишком поздно. Чудовище уже можно было видеть в верхней части обзорного экрана. Из его огромной, по сравнению с туловищем, головы вырвался тонкий оранжевый луч.

Командир Рэл Дорно застонал, когда увидел, что этот луч впился в броню его корабля и что длится это достаточно долго, чтобы основательно повредить корабль.

— Великий Космос! — кричал Дорно.— Нам не удалось вовремя оттяпать его накопители энергии. Мы не сможем...

Маленький корбль встряхнуло от кормы до носа. Основной свет мигнул и погас.

Коммуникатор подозрительно загудел и умолк. Атомные двигатели сорвались с тихого гудения на скрежещущий визг и отключились.

Космический корабль начал падать.

Где-то позади прозвучал ликующий голос Сеннэя:

— Мы его сшибли! Накопители почернели. Он тоже падает.

Дорно не ответил. Вытянув перед собой все четыре чешуйчатые руки, он пробрался в полумраке от бездействующего обзорного экрана к ближайшему иллюминатору.

Против яркого солнца этой планетной системы трудно было разглядеть происходящее, но он все-таки увидел огромное чудовище с большой головой. Его злобная пасть ритмично открывалась и закрывалась, подобно огромному механическому устройству. Могучие лапы пробовали схватить пустое пространство, на тяжелом теле играли великолепные мышцы.

Дорно почувствовал, что кто-то смотрит в иллюминатор рядом с ним. Не оборачиваясь, он напряженно произнес.

— Накопители мы сшибли, это удача. Но он все еще полон жизни. Сопротивление атмосферы планеты, что под нами, замедлит его падение, так что он не погибнет. Мы воспользуемся ракетными двигателями и постараемся приземлиться не ближе пяти сотен негов от этого зверя. Для ремонта нам понадобится не менее ста лэнпериодов, так что...

— Командир, а что это там такое?

Слова прозвучали почти шепотом: так робок был голос. Он принадлежал новенькой по имени Кэрлисс, теперешней его жене. Он никак не мог привыкнуть, что у него другая жена, не Яросэн. Даже в кризисный момент он не сразу сообразил, что рядом нет товарища по многочисленным походам. Но Яросэн воспользовалась привилегией женской части Патруля.

— Я приближаюсь к возрасту, когда мне надо иметь детей,— сказал она.— А по закону только один из них может быть твоим. Я хочу, Рэл, чтобы ты нашел себе симпатичную практикантку и взял ее в жены на два похода.

Дорно медленно повернулся — весьма раздраженный тем, что кто-то на борту не владеет полным объемом информации.

— Это Зло-Бэл,— сухо ответил он,— дикий зверь с зачатками интеллекта. Он устраивает себе логово в неисследованных внешних планетных системах — здесь эта порода еще не истреблена. Он необыкновенно свиреп, а в голове у него о́рган, способный накапливать и преобразовывать огромные количества энергии. Естественное назначение этой энергии — обеспечивать возможность передвижения. К несчастью, любая установка, работающая на субмолекулярных силах, вступает во взаимодействие с этим монстром, если окажется поблизости от него. Зверь перекачивает в себя всю энергию, и потом требуется значительное время и терпение, прежде чем электронный или атомный двигатель снова начнет работать. Наша автоматика успела уничтожить накопители энергии Зло-Бэла как раз в тот момент, когда он достал нас. Теперь необходимо покончить с ним самим, но мы не сумеем сделать это, пока не восстановим наше энергетическое оружие. Теперь тебе все ясно?

Кэрлисс, женщина из рода Зэхфид, нерешительно кивнула головой, а потом спросила:

— Ты полагаешь, что он выживет на этой планете? А если там есть другие, что тогда?

Дорно вздохнул.

— Милая,— произнес он.— Есть правило, согласно которому каждый член экипажа обязан познакомиться со сведениями о любой планетной системе, даже если корабль пролетает мимо. Не говоря уже...

— Но мы увидели это солнце всего лишь пол-лэна тому назад.

— Оно зарегистрировано в мультитабах уже три лэна, но это не важно. Планета, что под нами, единственная обитаемая в системе. Суша занимает одну двадцатую или чуть больше всей ее поверхности. Она была колонизирована теплокровными разумными с Вудеска. На языке местных жителей планета называется Земля. Ей еще не скоро предстоит присоединиться к межзвездной цивилизации.

Могу сообщить тебе еще несколько астрографических фактов, включая и тот, что Зло-Бэл по своей воле не приближается к таким планетам, потому что ему не нравится ни восьмикратная сила тяжести, ни кислород в атмосфере. К сожалению, он может жить и в таких условиях, несмотря на физическую и химическую несовместимость с местной биосферой. И это представляет огромную, можно сказать, смертельную опасность для этой планеты.

Сознание зверя питает злоба. Нам удалось лишить его главного источника энергии, но фактически вся его нервная система — большой аккумулятор. Во время охоты он преследует метеориты, мчащиеся через пространство с огромной скоростью. Часто теряя их след, он выработал в себе способность настраиваться в резонанс

с любым материальным телом. Из-за чувства боли, причиной которой стали мы, Зло-Бэл после первого обмена энергетическими ударами не выпускает наш корабль из зоны действия своих сенсоров. Следовательно, он будет стремиться в нашу сторону, как бы далеко мы не находились. Нам надо быть уверенными в том, что он не успеет до нас добраться прежде, чем дезинтегратор будет готов. В противном случае...

— Но он же не сможет повредить металитовый космический корабль.

— Сможет, да еще как! У него не простые зубы. Они излучают узкие пучки энергии, которые разъедают любой материал, каким бы твердым он ни был. Вообрази только, какие неисчислимые бедствия он принесет Земле, если покончит с нами, а Патруль слишком поздно обнаружит, что случилось. Я уж не говорю о том, что Галактические Психологи считают абсолютной катастрофой, если планета раньше времени узнает о существовании огромной сверхцивилизации.

— Знаю,— энергично кивнула Кэрлисс.— Закон требует немедленно ликвидировать любого жителя отсталой планеты, если он убедится в реальности нашего существования.

Дорно утвердительно хмыкнул и коротко подытожил:

— Наша задача заключается в том, чтобы приземлиться на достаточном расстоянии от зверя, уничтожить его прежде, чем он наделает бед и, наконец, убедиться в том, что ни один разумный обитатель планеты нас не видел.

А теперь, я думаю, тебе интересно будет понаблюдать, как Сеннэй управляется с ракетными двигателями, чтобы безопасно посадить корабль в таких аварийных обстоятельствах. Он...

В открытых дверях рубки управления мелькнул свет. Вошедший зэхфидянин превосходил ростом даже могучего Дорно. Он принес туманный шар, горящий интенсивным белым светом.

— У меня плохие новости,— произнес Сеннэй.— Вспомни, ведь мы использовали ракетное топливо, когда преследовали Кжевианских пиратов: нам так и не представился случай дозаправиться горючим.

— Что-о-о?! — воскликнул Дорно и обменялся тревожным взглядом с Кэрлисс.

Сеннэй уже вышел, а Дорно все еще не мог произнести ни слова.

Много слов и не требовалось — это была катастрофа.

И все же, с тихой яростью они принялись за работу: Дорно, Кэрлисс, Сэннеэй и Дегел с женой.

Четыре лэна спустя они оказались там, где предстояло встретиться со Зло-Бэлом. Оставалось только скучать в ожидании, когда электронные связи не спеша придут к полному порядку.

— Некоторые из вспомогательных двигателей, бесполезное

ручное оружие и станки в ремонтном отсеке придут в норму до появления Зло-Бэла,— сказал Дорно.— Но от этого мало проку. Для восстановления тяговых двигателей и дезинтегратора понадобятся четыре суточных цикла этой планеты. Так что у нас почти нет надежды. Мне казалось, можно применить что-то вроде реактивного орудия, используя остатки ракетного топлива, но, боюсь, оно только разъярит зверя.— Дорно поежился.— Судя по наблюдениям, чудовище приземлилось всего лишь в сотне негов к северу от нас и может оказаться здесь к вечеру завтрашнего дня. Мы...

В этот момент зазвучал сигнал молекулярного датчика тревоги. Спустя некоторое время они увидели, как через узкий пролив крадется шхуна, потом она поспешно развернулась и двинулась обратно.

Лишенные век, немигающие глаза командира задумчиво следили за китобоем, пока тот не исчез из виду.

Дорно заговорил не сразу, он долго рассматривал снимки, сделанные фотоавтоматами. Они работали на химической основе и не пострадали во время катастрофы.

— Я еще не совсем уверен, но, кажется, нам повезло,— медленно произнес он.— Увеличенные снимки показывают, что на борту этого судна имеются два орудия. Из ствола одного из них торчит острый двусторонний крюк — он натолкнул меня на мысль. Мне нужно побывать на борту этого корабля и подробнее изучить его оружие. Мы используем остатки топлива на то, чтобы держаться к ним поближе.

— Будь осторожен там! — тревожно произнесла Кэрлисс.

— Эта прозрачная броня,— ответил ей Дорно,— защитит меня от всего, кроме прямого попадания пушечного снаряда.

Горячее солнце прогревало воздух над заливом, поэтому холодная вода обожгла его. Леденящее чувство в жабрах было настоящим мучением, но беглый осмотр гарпунной пушки вознаградил его.

— Превосходное оружие,— сообщил он соратникам, возвратившись на патрульный корабль.

— Конечно, против Зло-Бэла нужен заряд помощнее, и более качественный материал для каждого элемента конструкции. Мне придется вернуться туда, чтобы снять размеры и усовершенствовать пушку. Все это не так сложно — мне удалось нейтрализовать их топливо. И сразу добавил: — Потом его можно будет восстановить. Им понадобится свобода маневрирования, когда появится Зло-Бэл.

— А станут ли они драться с ним? — спросила Кэрлисс.

Дорно грустно улыбнулся.

— Дорогая моя,— ответил он,— у них нет выбора. Скопеографический фильм расскажет им довольно устрашающую историю. Что касается остального, то мы просто будем держать их корабль между собой и зверем. Зло-Бэл почувствует излучение жизни на бор-

ту и примет их за врагов. Да, я могу дать гарантию. Они станут с ним драться.

— Возможно, Зло-Бэл избавит нас от затруднений по их уничтожению,— добавила Кэрлисс.

Дорно задумчиво взглянул на нее.

— Ах, да,— вспомнил он.— Правила! Мы выполним их до последней запятой, уверяю тебя.— Он улыбнулся.— Когда-нибудь, Кэрлисс, ты выучишь их наизусть. Те, великие, что разработали для нас эти правила, предусмотрели все, абсолютно все.

Пальцы Уорделла побелели, сжимая бинокль, пока он рассматривал огромную, с темным блеском, горбатую спину животного. Оно двигалось среди морской зыби с севера и было уже в полумиле от корабля.

При движении чудовище оставляло на воде широкий гладкий след. В определенной мере видимая часть зверя походила на громадного кита. Уорделла охватила дикая надежда, но затем...

Поток вспененной воды выплеснулся в море, начисто смыв все иллюзии, как водопад сносит в бездну беспомощную лодку: ни один кит в созданном богом океане не изрыгал воду таким поразительным образом.

Уорделл на миг представил яркую картину того, как десятифунтовые челюсти конвульсивно перемалывают жидкость в глубине и, словно кузнечные мехи, выдувают ее на поверхность. Он разозлился на себя за то, что позволил ложной надежде даже ненадолго овладеть сознанием. Гнев сразу же утих, когда он подумал, что эта мысль не пропала даром. Она напомнила ему, что всю свою жизнь он играл со смертью в такие игры, где страху отводилась не главная роль.

Он медленно расправил плечи и сказал спокойным звучным голосом:

— Моряки, мы попали в заваруху, хотим мы того или нет. Так давайте покажем себя настоящими китобоями...

Все свои раны «Альбатрос» получил в течение первых двух минут после того, как гарпун вылетел из пушки Арта Зоута. От жестокого удара кошмарная безглазая голова дернулась вверх, взметнув тонны воды. Потом по шхуне ударили чугунные лапы, явно намереваясь размолотить ее в труху. Они перемешали волны моря и чуть было не утопили отступившую в страхе шхуну. Но опасность значительно уменьшилась.

Уорделл, выползая из-под обломков капитанского мостика, услышал громкий гул двигателей огромного корабля ящеров и почти сразу увидел медный блеск туго натянутого каната, что тянулся от гарпуна к пушке чужаков.

Еще четыре гарпуна рванулись вперед, по два с каждого корабля, и Зло-Бэла растянуло между ними. Еще целый час Арт Зоут всаживал оставшиеся снаряды в чудовищную тушу, а она все билась в яростных конвульсиях и вовсе не собиралась подыхать.

Прошло три долгих дня и три ночи, и все это время адский зверь висел на привязи, извивался и дергался с нескончаемой яростью.

Наступило четвертое утро.

Со вдребезги разбитой палубы своего корабля Уорделл наблюдал за тем, что происходило на палубе другого судна. Там два ящера устанавливали поблескивающую конструкцию любопытного вида. Из нее полился серый туманный свет, сфокусировался на звере. Этот свет — его, наверное, можно было потрогать рукой — буквально въедался в тело Зло-Бэла. И там, где это происходило, плоть превращалась в НИЧТО. На борту «Альбатроса» прекратилось всякое движение, смолкли разговоры. Люди замерли там, где стояли, и зачарованно смотрели на то, как стотонный зверь безвозвратно отдает свое тело пожирающей его неведомой силе.

Всего за полчаса огромная туша совершенно исчезла. Поблескивающий дезинтегратор убрали, и снова воцарилась мертвая тишина. Редкий туман наползал с северной стороны и пытался укутать оба корабля. Уорделл и его люди, пораженные увиденным, ждали неведомо чего.

— Давайте сматываться отсюда,— сказал кто-то.— Не доверяю я этим сволочам, хоть мы и помогли им.

Уорделл беспомощно вздернул плечи.

— Ничего не выйдет. Того порошка, что они забросили на борт вместе с кинопластинкой, оказалось недостаточно. Почти все годное горючее мы сожгли при маневрировании. Нам...

— Черт бы побрал этих мерзавцев! — простонал другой матрос.— Мне надоели их чудеса. Почему, если им понадобилась наша помощь, они не попросили нас по-хорошему?!

Уорделл и не догадывался, в каком напряжении находился он сам. Слова моряка вызвали в нем волну бессмысленного гнева.

— Ну, конечно,— окрысился он на парня...— Я прямо так и представляю, как мы подносим им приветственный адрес... трехдюймового калибра. Представь, что они являются к нам и просят позволения обмерить гарпунную пушку, чтобы изготовить такую же для себя; предлагают оснастить наше орудие так, что можно будет удерживать двадцать китов за раз; мол, не будем ли мы так добры покрутиться здесь, пока не прибудет это адское создание. О, ну конечно, мы со всей душой... Черта лысого они от нас дождались бы! Но они вовсе не олухи царя небесного. Мы остались и приняли бой с самой жуткой тварью из всех, что я когда-либо видел. Потому что ничего другого нам не оставалось. И вряд ли мы дождемся благодарности. Меня больше заботит то, что мы никогда раньше не встречали

разумных ящериц и даже не слышали о таких. А как известно, только мертвые надежно хранят секреты. И нам...

Он замолчал. На корабле чужаков возникло движение: ящеры устанавливали еще одну конструкцию, более маленькую, чем первая, темнее по цвету, и оснащенную, по-видимому, газометными стволами.

Уорделл сперва замер, а потом завопил на все море:

— Арт, бей в них! Эту штуку они готовят против нас!

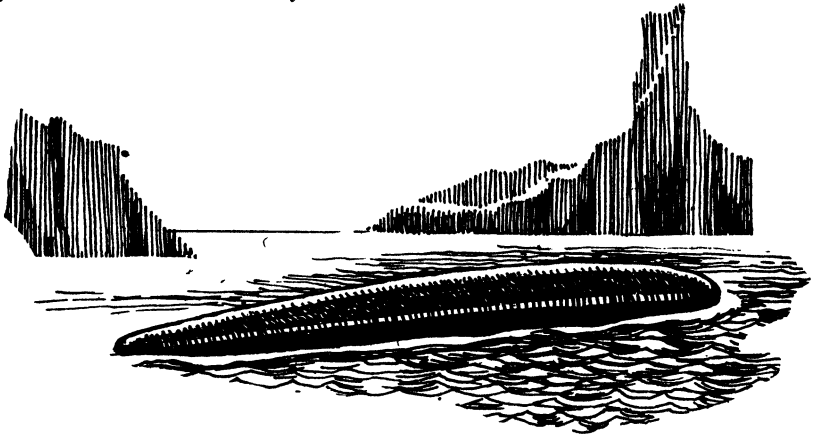
Клубок серебристого дыма мгновенно оборвал его слова, мысли, сознание.

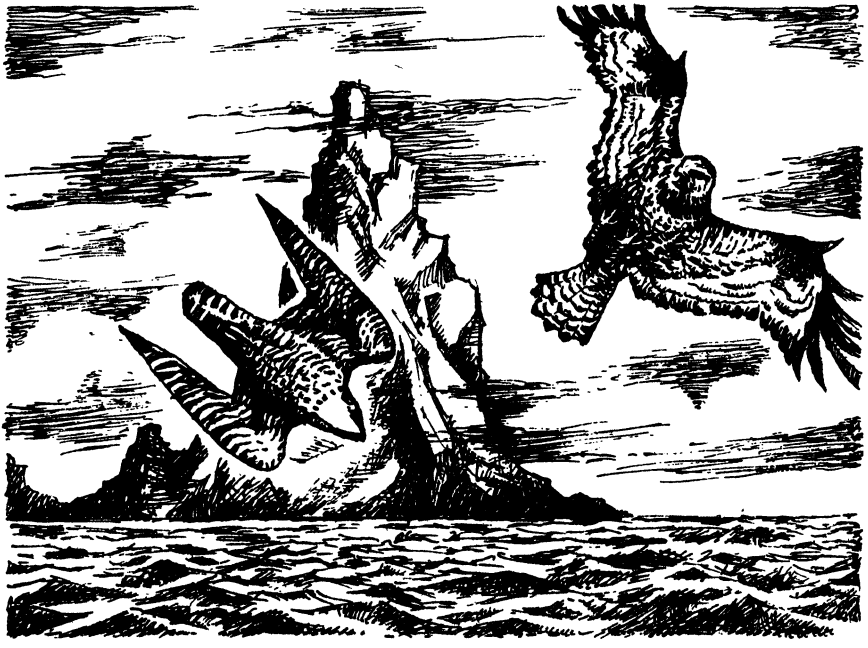
Мягкий шипящий голос Дорно стелился в тишине корабельной рубки:

— Правила устанавливаются для того, чтобы сохранять моральные обычаи цивилизации и предотвращать слишком буквальное толкование законов со стороны очерствевших или бестолковых бюрократов. Это хорошо, что слаборазвитые планеты охраняются даже от случайных контактов с иными цивилизациями. Смерть — необходимая, а потому, справедливая мера пресечения для тех, кто проникнет в тайну. Но... — Дорно улыбнулся и продолжил,— когда гражданам Галактики или ее официальным представителям оказана значительная помощь — все равно при каких обстоятельствах — моральный долг заключается в том, чтобы продолжать вести себя цивилизованно и постараться найти другие способы сохранить тайну.

— Само собой разумеется, такие случаи бывали и раньше,— тихо добавил Дорно.— Нам придется проложить новый курс. Нам предстоит навестить далекое солнце Вудеска и удивительные зеленые планеты, с которых началась колонизация Земли.

Нет необходимости держать наших гостей в каталептическом состоянии. Как только они избавятся от действия серебристого газа, пусть... наслаждаются путешествием по Галактике.





Фрэнк Херберт

СЕМЕННОЙ ФОНД

Когда солнце коснулось края пурпурного моря и огромным красным шаром повисло над ним — оно было намного больше, чем солнце Матери Земли, о котором изредка вспоминалось с ностальгическим чувством — Кроудар повел своих рыбаков назад, в гавань.

Кроудар был приземист, казался довольно тяжеловесным, хотя под парусиновой одеждой тело его было таким же худым, как и у всех остальных, и состояло, казалось, только из одних костей и сухожилий. Врач ему объяснил, что это — специфическая местная болезнь. Он назвал ее по-латыни и объяснял, что ее вызывают некоторые отклонения местного химизма, гравитации, продолжительности суточного цикла, даже отсутствие приливов и отливов.

Светлые волосы Кроудара — единственное, что отличало его от остальных — отросли до плеч и были перехвачены надо лбом красной повязкой. Ниже был широкий низкий лоб, еще ниже — глубоко посаженные, но большие бледно-голубые глаза, бесформен-

ный нос, толстые губы, скрывающие неровные желтые зубы, и массивный подбородок, переходящий в мощную и жилистую толстую шею.

Кроудар посматривал то на парус, то на берег, босой ногой шевелил рулевое весло.

Весь день они продрейфовали в прибрежном течении, забрасывая сети в поисках креветок троди, которые были главным источником протеинов для всей колонии. Люди во всех девяти лодках молчали, они устали и проголодались. Одни закрыли глаза, другие тупо смотрели перед собой.

Вечерний бриз морщил воду в бухте, шевелил мокрые от пота пряди волос на затылке Кроудара; он надувал паруса и гнал тяжело груженые лодки к берегу.

Люди оживились, паруса с шорохом и стуком поползли вниз. Все измотались, это было видно хотя бы по тому, как они экономили каждое движение.

Троди водились в огромном количестве, но далеко, и Кроудар загнал своих людей почти до упаду. Хотя, говоря честно, подгонять никого не приходилось; рыбаки понимали, как важна их работа. К тому же, следовало торопиться — в ареалах распространения местной жизни зияли странные провалы. Троди могли исчезнуть в любое мгновение, уйти неизвестно куда. Такое бывало довольно часто, и тогда вся колония жестоко страдала от голода. Дети плакали, просили есть, но пища была строго рационирована. Люди очень редко говорили об этом, но каждое их движение выдавало невеселые думы.

«Мы протянули здесь три года»,— подумал Кроудар, перекидывая через плечо мокрую сумку с троди. Он устало побрел по прибрежному песку, направляясь к сараям, где улов готовили для переработки. Да, люди жили здесь уже более трех лет с того дня, как корабль принес их сюда из глубин космоса.

Корабль — настоящий ковчег — был битком набит людьми, животными и предметами первой необходимости. Такие корабли были своего рода баржами: они были рассчитаны на одну единственную посадку, а потом их разбирали — колониям был дорог каждый кусок металла.

Запасы быстро истощились, даже инструменты колонистам пришлось делать самим. Кроудару было ясно, что колония еще не скоро встанет на ноги. Свыше трех лет — а три местных года равнялись пяти на Матери Земле — она все еще балансировала на краю гибели. Люди были пленниками этого мира. Корабль нельзя было собрать заново. И даже если бы им удалось это чудо, лететь было не на чем — горючее кончилось.

Колония была предоставлена самой себе и судьбе.

Все знали суровую правду: выживание не гарантировалось. Каж-

дый осознавал это инстинктивно, но только не Кроудар, хотя он не мог объяснить, на чем держится его надежда.

Например, никто до сих пор не придумал планете названия. Все говорили «здесь» или «этот мир». В ходу были и более грубые выражения.

Кроудар бросил сумку с троди на пол сарая и вытер пот со лба. Суставы болели, спина разламывалась: чуждый мир мстил захватчикам болезнями. Он снова вытер пот и снял красную повязку. Светлые волосы рассыпались по плечам.

Быстро темнело.

Он заметил, что красная повязка сильно испачкалась, надо бы выстирать ее. Кроудар весьма почтительно относился к лоскуткам: они были сотканы еще на Матери Земле и теперь дотлевали в этом мире. Так же, как он сам и все остальные.

С минуту он смотрел на клочок материи, потом тщательно сложил его и спрятал в карман.

Вокруг совершался древний рабацкий ритуал: мокрые бурые сумки, сплетенные из грубых корней местных растений, были брошены на пол, рыбаки стояли, облокотясь на косяки, некоторые просто вытянулись на песке.

Кроудар поднял голову. В потемневшее небо поднималась дымная спираль костра, что горел на мысу. Внезапно он ощутил зверский голод. Он подумал о жене — технике Хониде, что сидела у очага там, наверху,— и о сыновьях-близнецах, которым на следующей неделе исполнится два года.

Когда он думал о Хониде, в нем поднималась гордость. Она выбрала его. Ей следовало предпочесть кого-нибудь из клана ученых или техников, но Хонида опустилась в рабочий клан, выбрала себе того, кого называли проклятым стариком. Кроудар не был стар, но знал, почему его так называют: этот мир наложил на него больше морщин, чем на всех прочих.

Кроудар хорошо понимал, почему его отправили в эмиграцию: он был мускулист и получил лишь минимальное школьное образование. Поэтому на корабле он попал в клан рабочих. Чиновник на Матери Земле определил его туда, где требовался минимум мыслительных способностей и максимум физической силы. Рабочих в колонии было много, но все они хорошо знали друг друга, да и свое место тоже.

Кроудар знал, что руководство колонии поговаривало о том, что нужно бы запретить Хониде брак с рабочим, но это его мало трогало. Главное, это не помешало биологам — он знал, что они во всех подробностях обсудили генетические последствия — одобрить выбор Хониды, хотя они руководствовались скорее философскими, чем конкретными выводами.

Кроудар знал, что не блещет красотой.

Голод был хорошим признаком. Ему не терпелось снова увидеть свою семью, мускулы его непроизвольно напряглись, и он был готов устремиться туда. Особенно он соскучился по близнецам; один из них был светловолос, как и он сам, а другой черноволос, как Хонида. Другие женщины, которым посчастливилось обзавестись детьми, смотрели на близнецов свысока, словно те были изуродованы или неизлечимо больны. Кроудар знал и об этом. Женщины колонии вечно ссорились из-за пищи и почти ежедневно бегали к врачам, но Хонида держалась в стороне от этих дрязг, и Кроудар был за нее спокоен. Все же она была техником и работала в гидропонных садах.

Босые ноги Кроудара почти бесшумно ступали по песку. Он снова посмотрел на обрыв, там росли одинокие местные деревца: толстые суковатые ветви, причудливо выворачиваясь, прижимались к земле, опираясь на шишковатые желто-зеленые наросты, которые в жаркий полдень выделяли ядовитый млечный сок. Пара уцелевших земных соколов молча сидела на дереве, осматриваясь вокруг.

Птицы уважали Кроудара, наверное, чувствовали в нем смелого и независимого человека. «Что они высматривают» — спросил себя Кроудар. На этот вопрос не мог ответить ни один обитатель колонии. Ночью птицы летали над морем, отдыхали на пустынных островах, а на рассвете возвращались назад. Законы колонии запрещали людям рисковать жизнью вдали от берегов, так что поведение птиц оставалось загадкой.

Была и вторая загадка: куда улетели другие птицы. Голуби и перепела, промысловые и певчие птицы — все вдруг исчезли. А завезенные сюда куры вымерли, их яйца оказались неоплодотворенными. Кроудар считал, что в этом была виновата местная природа — так этот мир предупреждал незваных пришельцев.

Выжила пара хилых коров. От них появилось много телят, и теперь они шатались по лугу на тонких слабых ногах. Их глаза напоминали открытые раны. Выжила еще пара свиней, но они были такими же хилыми и болезненными, как и коровы. Все дикие животные исчезли или вымерли.

Остались только эти соколы.

Печально, что люди, которые планировали и разрабатывали этот грандиозный замысел, выбрали именно этот мир. Результаты разведки обнадеживали: на этой планете не было сухопутных животных, местная флора была похожа на земную. Морская фауна, по общепринятым стандартам, была примитивной. Кроудар знал, в чем кроется ошибка, но не мог выразить это понятными, хорошо сформулированными фразами, которые убедили бы других. Иногда проблема решается не только разумом, но и телом.

Он смотрел на оборванную одежду своих людей. Это были именно е г о люди, которые нашли троди и изготовили, несмотря на все

недостатки местного дерева, тяжеловесные, некрасивые лодки. Колония все еще жила, потому что они умели обращаться с лодками и сетями.

Но ловля троди не всегда будет удачной. Кроудар почему-то был в этом совершенно уверен. А потом все же придется рисковать, придется идти в океан. Лососи, которых завезли сюда, ушли в глубины океана. Камбала в прудах колонии страдала таинственным истощением. Насекомые сразу разлетелись и больше не попадались на глаза.

«Здесь же есть пища,— недоумевали биологи.— Почему же земная фауна вымирает?»

Маис образовывал странные бесплодные клубни. Хлеба росли только на редких участках, причем и рост, и обмен веществ у них были замедлены. Колония находилась на грани вымирания, жизнь поддерживалась лишь протеином троди и витаминами овощей, что росли в гидропонных баках. Разрыв одного-единственного звена в этой цепи мог привести к катастрофе.

Краешек огромного красного солнца все еще виднелся над горизонтом. Люди Кроудара зашевелились, подались к лодкам.

— Все в порядке,— сказал им Кроудар.— Заберите улов и положите на полки.

— Зачем? — спросил кто-то из темноты.— Ты думаешь, соколы утащат ее?

Кроудар понял, что это сказал человек, слишком уставший, чтобы думать: все знали, что соколы не едят троди. Моллюсками питались только люди, да и то после тщательной обработки, чтобы удалить из них опасные и раздражающие вещества. Возможно, когда-то один из соколов поймал троди, но тут же бросил ее.

Чем же питались эти птицы?

Соколы знали об этом мире что-то такое, чего не знали люди. Птицы знали это инстинктивно, так же познавал этот мир и Кроудар.

Опустилась темнота, и соколы, громко хлопая крыльями, полетели в море. Кто-то из людей Кроудара зажег факел. Теперь, немного отдохнув, они могли вскарабкаться на обрыв и разойтись по домам. Но сначала нужно было покончить с работой: вытащить лодки на сушу, разложить троди на полках сараев, развесить сети сушиться.

Пока они возились с лодками и сетями, Кроудар думал об ученых там, наверху, в их лабораториях. Хотя он и испытывал почтение к их знаниям и титулам, к сложным приборам, он все же с уверенностью простого человека знал, что эти мудреные штуки в любой момент могут отказать.

Хотя Кроудар не был членом Совета Колонии, он вполне понимал сущность обсуждавшихся там идей. Ему было трудно выразить словами то, что он знал о причинах неудач и об угрожающей колонии

катастрофе. Его знание соответствовало его образованию, но он должен был как-то рассказать о нем другим людям. Это было древнее знание, и оно говорило, что этот мир не во всем отличен от Земли. Именно Кроудар обнаружил троди, именно он придумал, как их ловить и обрабатывать. Он не знал подходящих выражений, чтобы объяснить все это, но он хорошо знал, что может вполне доверять себе.

Он был первым кораблестроителем.

Не тратя сил и времени на разговоры, люди Кроудара закончили работу. Они заперли сараи и двинулись вверх по скальной тропе. Тут и там виднелись горящие факелы. Бледно-оранжевый свет, тяжелые тени. Рыбаки медленно шли вверх, в темноту, и Кроудар с гордостью наблюдал за ними.

Подождав, когда последний рыбак ступит на тропу, он проверил замки сараев и поспешил догнать процессию. Человек, что шел впереди, нес факел из местного дерева, пропитанный жиром троди. Факел трещал, вонял и чадил ядовитым дымом, а сам факельщик был похож на пещерного человека, одетого в грязную парусину. Тело его было худым, мускулатура свидетельствовала о крайнем истощении.

Кроудар вздохнул.

Он знал, что на Матери Земле было не так. Там жены ждали на берегу, когда мужья возвращались с моря. Дети играли галькой. Трудолюбивые руки расправляли сети, выносили на берег улов, вытаскивали на берег лодки.

Но не здесь.

И опасности здесь были другими. Во время лова Кроудар никогда не терял из виду береговые утесы. В каждой лодке был радист, поддерживающий связь с берегом. Перед выходом в море приборы, снятые с корабля, ощупывали небо во избежание неприятностей со стороны погоды. Рыбаков вовремя предупреждали о надвигающемся шторме. А морские чудовища пока не попадались. Опасностей, причем смертельных, хватало и без них.

«Женщины должны ждать нас на берегу»,— подумал он.

Но приказ Совета, по существу, не позволял женщинам выходить за ограду, все они и даже дети были заняты каким-нибудь делом. Каждое растение требовало особого внимания и ухода. Редкие стебли пшеницы нужно было убирать особо тщательно и осторожно. У каждого дерева была своя хозяйка, своя дриада-защитница.

Вверху, на скалистом берегу, рыбаков ждали ангары, так называли дома из металла корабля. Колонию окружала электрическая изгородь, но света было мало. В ночной тишине лишь изредка слышалось звяканье металла и бормотание голосов.

Теперь рыбаки больше не были группой: они разошлись в разные стороны, каждый — к своему дому. Кроудар пошел по улице к открытому костру, что горел на центральной площади. Его жгли,

чтобы сберечь для нужд колонии остатки драгоценной энергии. Некоторые видели в этих кострах символ поражения, но Кроудар видел в них победу: в них горело местное дерево.

Позади колонии, перед холмами, торчали руины ветряков, уничтоженных штормом, который хоть и был предсказан, не утратил от этого разрушительной силы.

Ученые постепенно теряли свое величие в глазах Кроудара. Когда местный химизм и водная флора уничтожили водяные турбины, плацдарм людей еще больше сузился. Тогда Кроудар на свой страх и риск начал искать местную пищу.

А теперь, как он слышал, та же флора угрожала системе охлаждения атомных генераторов и сопротивлялась радиации так, как не должна сопротивляться никакая жизнь. Некоторые техники уже проектировали паровые машины из материала, который ни в коем случае не предназначался для этой цели. Они даже нашли материал, устойчивый к местным корродирующим влияниям.

Может быть, они и добьются успеха, если прогрессирующая болезнь не будет и дальше ослаблять их. Если они выживут.

Хонида встретила его на пороге. Ее темные волосы были уложены короной, карие глаза ласково смотрели на мужа. Костер бросал отблески на ее оливковую кожу. Высокие скулы, полные губы и гордый нос выдавали ее индейское происхождение. Как обычно, он ощутил возбуждение от одного ее вида.

Кроудар спросил себя, знают ли биологи, как его волнует ее сила и плодовитость: она опять носила в себе его детей, и снова близнецов.

— А-а, мой рыбак вернулся,— сказала она с улыбкой и обняла его прямо на пороге, чтобы все видели это.

Потом они вошли в дом и закрыли дверь. Там она еще жарче обняла его, и он забыл обо всем.

— Хонида,— сказал он и больше не смог произнести ни слова.

Потом он просил ее о малышах.

— Они спят,— ответила она и повела его к приземистому столу, который он сделал специально для нее.

Он кивнул. Потом он пойдет и посмотрит на сыновей. Пусть побольше спят, это им не помешает. Он инстинктивно чувствовал, что не помешает.

Хонида поставила на стол суп из троди. Он был приправлен помидорами и горохом, выращенным в гидропонных баках. В этом супе были еще травы и коренья, которые он тайком собрал за оградой, не поставив об этом в известность ученых.

Кроудар всегда подъедал все, что она ему подавала. Этим вечером на столе был хлеб со странным пряным привкусом, но совершенно превосходный. Он поднес ломоть к лампе. Тот был пурпурным — как море. Кроудар прожевал его и проглотил.

Хонида, сидевшая напротив него за своей тарелкой, внимательно посмотрела на него.

— Тебе нравится хлеб? — спросила она.

— Очень вкусный.

— Я сама испекла его на углях,— сказала она.

Он кивнул и взял еще кусок.

Хонида снова наполнила его миску.

Кроудар знал, что они пользовались привилегиями, поэтому и могли обедать только вдвоем. Многие питались в коммунальной столовой, из общих запасов — даже техники и высокие должностные лица. Однако, Хонида что-то значила в этом мире, если ей позволили уединение и личную жизнь.

Кроудар, утолив голод, посмотрел через стол на жену. Он любил ее с преданностью, которая была гораздо глубже, чем простое физическое влечение. Он не мог сказать, что это было, просто знал это. Если здесь у них было будущее, то оно было в Хониде и в тех, кто, может быть, сформируется из ее плоти и родится на свет.

Хонида поднялась, обошла стол и начала массировать ему спину — мускулы, растянутые, когда выбирали сети.

— Ты устал,— сказала она.— Сегодня был тяжелый день?

— Работа всегда трудна.

Ему нравилась ее манера говорить. В ее распоряжении было много, очень много слов. Он слышал, как некоторые из них использовались в Совете Колонии и тогда, когда она выбирала себе партнера. У нее были слова для многих вещей, которых он не знал, но она хорошо знала, когда нужно говорить телом, а не ртом.

Кроудар почувствовал к ней такое влечение, что спросил себя, не проникли ли ее пальцы в его тело.

— Лодки были полны,— сказал он.

— Сегодня говорили, что на берегу нужно построить новые сараи,— произнесла она.— Но они не знают, сколько людей им выделить для этого.

— Нужно еще десять сараев,— сказал он.

Он хорошо понимал, что меньшим не обойтись. Другие техники слушались Хониду. Многие ученые презирали ее, это было заметно по их тону. Может быть, это было потому, что она выбрала себе в мужья Кроудара. Но техники слушались ее, значит, хижины будут построены.

И они сделают это прежде, чем уйдут косяки троди.

Потом Кроудар понял, что знает, когда закончится лов — это было не предположение, а почти физическое чувство, его можно было коснуться и схватить. Он попытался найти слова, чтобы объяснить это Хониде.

Она закончила массаж, опустилась возле него и прислонилась теплой головой к его груди.

— Если бы ты так не устал,— сказала она,— я охотно показала бы тебе кое-что.

Кроудар с удивлением увидел в Хониде какое-то невысказанное возбуждение. Может, что-то произошло в гидропонном саду, где она работала? Эта мысль тотчас же вернула его к месту, с которым ученые связывали все надежды, где они собрали большие растения, великолепные, пышно ветвящиеся, представляющие собой часть растительного изобилия Матери Земли. Может, она обнаружила там что-то важное? Может, теперь им удастся приспособить к себе этот мир?

В это мгновение Кроудар ощутил себя дикарем, который желает помириться со своими богами, почувствовал надежду, так крестьянин надеется на землю. Даже моряк знает высшую ценность земли.

Он вопросительно кивнул в направлении спальни близнецов.

— Я...

Она указала на соседнюю квартиру.

— Они могут услышать.

Чего ж она хотела? Кроудар встал и протянул ей руку.

— Показывай!

Они вышли в ночь. В поселке теперь было тихо; слышны были только далекие звуки, доносящиеся с реки. На мгновение ему показалось, что он слышит стрекотание кузнечика, но разум сказал ему, что это может быть только потрескивание остывающего металла дома. Он посмотрел вверх, тоскуя по Луне.

Хонида взяла аккумуляторный фонарь, такой получили все техники на тот случай, если им будет нужно выйти ночью наружу. Когда Кроудар увидел его, он почувствовал, насколько важно то, что она собиралась ему показать. У Хониды был истинно крестьянский инстинкт бережливости. Она не будет попусту разряжать такой фонарь.

Вместо того, чтобы вести его к зеленым огням и стеклянным крышкам гидропонных баков, она направилась в другую сторону, к глубокому каменистому ущелью, где река впадала в бухту.

На их пути не было никакой охраны, только изредка встречались каменные вехи и уродливые местные деревья. Быстро и молча она привела его на узкую тропу, которая, как он знал, вела к уступу, нависающему над водопадом.

Кроудар обнаружил, что дрожит от нетерпения. Было холодно, чуждые очертания местных деревьев, высвечиваемые фонарем, тревожили его.

Что там обнаружила — или сделала — Хонида?

С растений капала влага. Шум водопада покрывал все звуки. Они вдыхали ледяной воздух, наполненный брызгами и полный причудливых запахов.

Хонида остановилась, и Кроудар задержал дыхание. Он прислушался, но слышен был только водопад.

На мгновение он даже не понял, зачем Хонида направила белый свет фонаря в его сторону. Он смотрел на одно из местных растений — толстый суковатый ствол пригибался низко к земле, на равномерных расстояниях друг от друга были видны желто-зеленые выросты.

Постепенно он начал понимать. Он узнал темный тон зелени, узнал способ, которым крепились листья к стеблю, массу желто-коричневых, шелковистых пучков, а под ними — маленькие клубни.

— Маис,— прошептал он.

Тихим голосом, выбирая слова, понятные Кроудару, Хонида объяснила, что она сделала. Он смотрел на нее и слушал. Он понял, почему она сделала это тайно, не сообщив ученым. Взяв фонарик из ее руки, он опустился на колени и с напряженным вниманием уставился на растения. Это означало конец всего, что ученые считали благом. Это означало конец их планов насчет этого мира.

Кроудар внезапно увидел в растениях своих правнуков. Может быть, у них будут чрезмерно большие головы, широкие и безволосые, толстые губы. Их кожа, возможно, будет пурпурной. Они, конечно, будут низкорослы — он знал это.

Хонида позаботилась об этом — прямо здесь, на мокром от речной воды уступе. Вместо того, чтобы отбирать большие прямые стебли с продолговатыми округлыми початками, похожими на земные, она почти погубила маис своими опытами. Она взяла слабые, болезненные растения, которые едва были способны дать семена. Затем отобрала только те, которые носили явные признаки изменения, приспособления к этому миру. Из них и развился новый вид, приспособленный для этого мира и похожий на местные растения.

Это был местный маис.

Она отломила один из початков и очистила его.

Там были гнезда с рядами семян, а когда она раздавила одно семечко, вытек пурпурный сок. Он узнал запах: такой же был и у хлеба.

Здесь было то, на что никогда бы не пошли ученые. Они хотели сделать из этого мира вторую Мать Землю. Но это им не удалось и никогда не удастся. «Соколы,— подумал Кроудар,— поняли это раньше нас».

Теория Хониды заключалась в том, что в данном виде человек проживет здесь очень недолго. По стандартам Матери Земли их дети были больны. Но их потомки изменятся самым непредсказуемым образом. Ученые возражали и всячески пытались воспрепятствовать опыту.

Суковатый стебель маиса подтверждал, что ученым вскоре придется отступить.

Кроудар долго стоял на коленях и глядел в будущее, пока фонарик не начал тускнеть. Тогда он поднялся, и они направились к выходу из каменистого ущелья.

Когда они оказались наверху и увидели перед собой, на равнине, огоньки умирающей цивилизации, он остановился и сказал:

— Лов троди скоро закончится. Я возьму лодку и пару друзей. Мы поплывем туда, куда летают соколы.

Это была самая большая речь, какую он когда-либо произносил.

Она взяла фонарик, погасила его и прижалась к Кроудару.

— Как ты думаешь, что обнаружили соколы?

— Семена,— ответил он, кивая головой. Он не мог объяснить почему, но это было ему совершенно ясно. Все здесь испускало ядовитые испарения и соки, в которых могли выжить только местные флора и фауна... почему же должно быть иначе с троди или с другими местными морскими животными? И с соколами, которые были доказательством того, что здесь должна быть поросль гораздо менее ядовитая для пришельцев с Матери Земли.

— Лодки слишком медлительны,— сказала она.

Он молча согласился с ней. Шторм мог застать их далеко в море, тогда они не смогут вернуться назад. Это будет опасно. Однако он понял по ее голосу, что она не намерена удерживать или отговаривать его.

— Я возьму с собой самых крепких людей,— сказал он.

— Как долго тебя не будет? — спросила Хонида.

Он ненадолго задумался. Постепенно он привыкал к ритмам этого мира. Он мысленно представил себе все путешествие, дни, которые они проведут в океане, ночные поиски вод, над которыми реют соколы в своем низком, бесшумном полете, а потом — возвращение назад.

— Восемь дней,— сказал он.

— Там вам понадобятся хорошие сети,— произнесла она.— Я позабочусь о том, чтобы их изготовили вовремя. Может быть, с вами пойдет пара техников. Я знаю двоих, которые охотно отправятся с тобой.

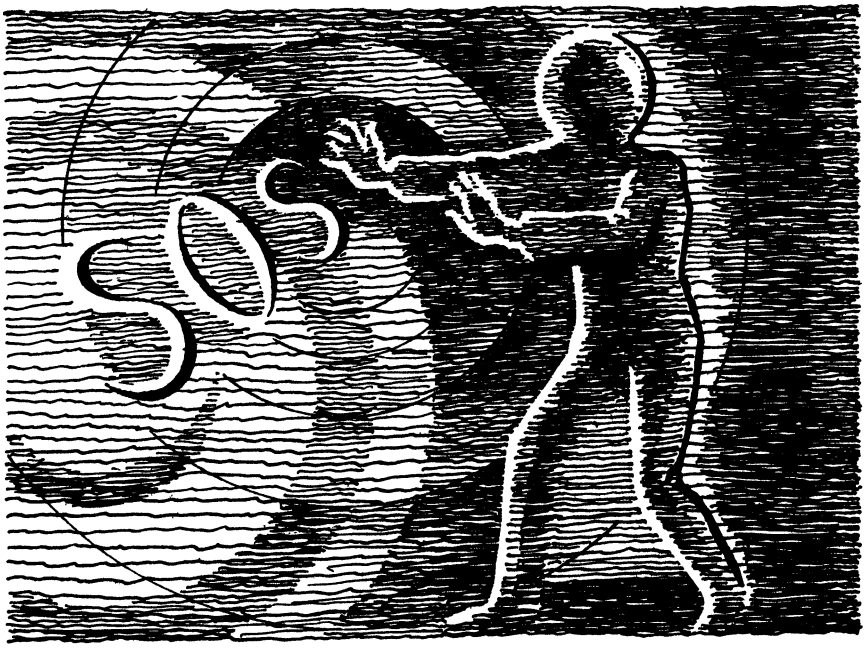
— Восемь дней,— повторил он и подумал, что ей придется найти сильных людей.

— Да,— ответила она.— Восемь дней. И когда ты вернешься, я буду ждать тебя на берегу.

Потом он взял ее за руку и повел назад, к равнине.

— Мы должны дать имя этому миру,— сказал он на полпути.

— Дадим, когда ты вернешься,— ответила она.



Джек Вэнс

ЗВУКИ

1

Капитан Хесс отложил блокнот и так резко откинулся в кресле, что оно заскрипело.

— Это записи Эванса,— сказал он.— Их нашли в корабле.

— Это все? — слегка удивленно спросил Галиспелл.— Не было никакого письма?

— Нет, сэр, абсолютно ничего. Когда мы его подобрали, при нем не было ничего, кроме этого блокнота.

Галиспелл потер пальцем рябую столешницу.

— Действительно, странно,— сказал он и открыл первую страницу.

— Что вы думаете об Эвансе? — спросил капитан.— Странный парень, правда?

— Говард Эванс? Вовсе нет. Мы считаем его очень ценным работником. Почему вы спрашиваете?

Хесс наморщил лоб, пытаясь четко сформулировать ответ.

— Ну, он мне показался каким-то неуравновешенным; похоже, он привык бурно выражать свои чувства.

— Говард Эванс? — удивился Галиспелл.

Хесс посмотрел на блокнот.

— У меня было время посмотреть записи и...

— И у вас создалось впечатление, что он был... немного странным?

— Может быть, все, о чем он пишет — правда,— Хесс был задумчив.— Я и сам бывал во многих темных уголках Вселенной, но ничего подобного не встречалось.

— Довольно странно,— произнес Галиспелл и принялся за блокнот.

2

Дневник Говарда Чарльза Эванса.

Я начинаю эти записи без особого пессимизма, но, должен признать, и без радужных надежд. Иногда мне кажется , что я уже умер. Весь мой полет был сплошным предчувствием смерти. Я летел и летел сквозь тьму, причем в гробу было бы лишь немногим теснее. Передо мной и надо мной сияли звезды, подо мной и за мной — тоже. Больше недели, меньше года.

Во вселенной слишком много пространства для корабля и звезд, а в этом блокноте слишком мало страниц. Все они понадобятся мне для хроники жизни в этом новом мире.

Нужно так много рассказать, а сделать это кроме меня некому. Я не стану прибегать к литературным красотам, просто попытаюсь представить происшедшее как можно объективнее, описать все, что со мной произошло.

Я посадил корабль на самом подходящем месте, какое мне только удалось разыскать. Сделал обычные контрольные замеры: состав атмосферы, влажность и давление воздуха, тест на микрофлору. Потом отважился выйти наружу, установил антенну и послал сигнал SOS.

Жилище — не проблема. Корабль для меня — постель, а если понадобится, то и убежище. Потом, от скуки, я могу свалить пару деревьев и построить дом. А пока я решил подождать, спешить некуда.

Конвертор корабля снабдит меня водой, концентратов хватит надолго. Если с гидропонными баками ничего не случится, у меня будут и овощи, и фрукты, и концентрированный белок.

Поначалу мне показалось, что жизнь здесь легка, как в раю.

Здешнее солнце — карминово-красный шар. Дает немногим больше света, чем полная луна на Земле. Мой корабль стоит на лугу, покрытом толстыми, приятными на ощупь темно-зелеными ползу-

чими растениями. В направлении, которое я называю югом, находится чернильно-синее озеро; луг плавно понижается к нему. Длинные ветви блеклой растительности — или мне лучше называть ее деревьями? — окаймляют луг всех сторон.

За ней тянется цепь холмов, она, вероятно, переходит в горный хребет, но я в этом не уверен. В сумеречном красном свете мне видно метров на сто, не более.

Все вместе — это картина абсолютного одиночества и покоя, и я наслаждался бы красотой пейзажа, если бы был уверен в будущем.

Мягкое дуновение ветерка морщит поверхность озера, и по ней разбегаются морщинки волн. Я запустил гидропонные баки и посеял дрожжевые культуры. От голода и жажды я, конечно, не умру. Озеро тихо и спокойно. Может быть, я когда-нибудь построю маленькую лодку. Хотя вода и теплая, я не отваживаюсь приближаться к берегу. В озере может водиться какое-нибудь страшилище, оно схватит меня и утащит в глубину.

Вообще, для опасений нет никакого повода. Пока что я не обнаружил никаких следов животной жизни: ни птиц, ни рыб, ни насекомых, ни моллюсков. Этот мир абсолютно неподвижен, если не считать легкого ветерка.

Я послал сигнал SOS. Когда-нибудь он достигнет цели.

Мое единственное оружие — мачете, поэтому я не решаюсь далеко отходить от корабля. Однако сегодня (если это слово вообще здесь подходит) я собрал все свое мужество и обошел озеро. Деревья более всего напоминают березы, они очень стройны и гибки. В другом свете, не в этих мутно-красных сумерках, их стволы и листья блестели бы серебром. Они стоят вдоль берега в ряд, словно их посадил странствующий садовник. Легкий ветерок покачивает ветви. Они пылают алыми и пурпурными отблесками, но некому, кроме меня, любоваться этой зловещей красотой.

Я подумал тогда, что наслаждение пейзажем было бы еще больше, если бы я мог разделять его с другими, ведь один мозг не в силах уловить все оттенки и переходы. Я шел по аллее деревьев вдоль берега озера, и позади меня светило тускло-красное солнце. Как бы я хотел, чтобы здесь был кто-нибудь еще! Правда, тогда исчезнет дивное чувство умиротворенности...

Озеро напоминало очертаниями песочные часы. Оттуда, где берега сближались, я видел приземистые контуры корабля, он стоял на другом берегу. Я присел под кустарником, надо мной раскачивались розовые и черные цветы.

Их влажные лепестки трепетали над озером, и ветер в них пел.

Я поднялся и пошел дальше.

Я прошел через лес, пересек несколько полян и наконец вернулся к кораблю.

Я проверил гидробаки и увидел, что слой дрожжей нарушен, словно кто-то перемешал их палкой.

Красное солнце закатывалось. С каждым днем — под словом «день» я, естественно, подразумеваю интервал между двумя периодами сна — оно опускалось все ниже к горизонту.

Ночь распространялась вокруг меня — долгая темнота. Как мне вести себя в этой темноте?

У меня нет других приборов, кроме собственных чувств, но дуновение ветерка с каждым «днем» становится все более прохладным. Ветер рождает долгие жалобные звуки, полные невыразимой печали и великого торжества. Над лугом плывут клочья тумана.

И на небе появились бледные звезды, похожие на блуждающие огоньки, далекие и бесполезные.

Я обследовал склон за лугом. Назавтра я решил подняться на холм.

Я постарался поточнее запомнить, как лежат мои вещи. Я уйду на несколько часов, и если вещами кто-то заинтересуется, я это замечу.

Солнце стоит низко, и воздух холодит мою кожу. Я должен поспешить, если хочу вернуться засветло. Я уже представил себе, как бреду, затерявшись, по лугу, пытаясь наощупь найти корабль, баки и луг.

Опасение, любопытство и упрямство охватили меня почти одновременно, так что в конце концов я решился и пошел вверх по склону...

Тут ветер внезапно усилился, и я пошел медленнее. Трава, покрывающая берег озера, кончилась, и я оказался на скале, где росли какие-то плети. Луг внизу сжался в пятно, корабль превратился в веретено. Я на мгновение остановился, заглядевшись на все это, но не заметил никакого движения.

Я снова двинулся в путь и наконец забрался на самый верх. Под моими ногами лежала огромная долина, а вдали, на фоне темнеющего неба, поднимался гигантский горный хребет. Винно-красный свет косо падал с «запада», освещая крутые склоны. Долина лежала в тени. Весь ландшафт, лежавший передо мной, был испещрен красными и черными пятнами.

Я смотрел и в угасающем свете с большим трудом нашел «свой» луг, и озеро, напоминающее песочные часы. Позади них тянулся темный лес, потом розовая полоса саванны, затем снова чернота леса, а у горизонта — какие-то цветные полосы.

Солнце достигло края горной цепи и вскоре наполовину скрылось за ней. Я повернулся и начал спускаться по склону, опасаясь заблудиться в темноте, и тут заметил впереди что-то белое. Я подошел ближе. Это нечто оказалось пирамидой из белого камня. Совершенно ясно. Это был памятник. Я долго стоял, уставившись на него.

Потом повернул голову, посмотрел через плечо. Ничего. Я посмотрел вниз, на луг. Тень? Я уставился в густейшую тьму. Ничего.

Я снова вернулся к памятнику, откатил камень в сторону. Что было под ним?

Ничего.

На почве я с трудом различил прямоугольник, примерно трех футов длиной, и отступил. Никакие силы в мире не заставили бы меня копать здесь.

Теперь солнце скрылось целиком. На «юге» и «севере» появилось слабое свечение вечерней зари, словно наклонили стакан с вином. Свет иссяк с пугающей быстротой. Какое-то созвездие взошло, дошло до зенита, а потом почти мгновенно исчезло за горизонтом.

Я пошел дальше, и тут меня застигла темнота. На западе догорали остатки красного пламени. Я споткнулся и упал на руки. На «востоке» высветилось странное созвездие — яркий голубой прямоугольник.

Я смотрел на него, стоя на четвереньках. Вдруг в небо вонзилось острие, и в следующее мгновение сапфировая синева залила все вокруг. Взошло новое, голубое солнце.

Мир был все тем же — и все-таки другим. Там, где глаза мои привыкли к красноватой полутьме, теперь все переливалось голубыми и синими красками.

Я повернулся к лугу и услышал новые звуки, рожденные ветром, чистые тона складывались в неуловимую мелодию. Несколько мгновений я зачарованно прислушивался к ним, потом заметил, что клубы тумана уже образовали на лугу хоровод.

В странном смятении чувств я забрался в корабль и уснул.

Я вышел из корабля в новый волшебный мир. Это была музыка, пронизываемая, словно ароматом, слабым дуновением ветерка.

Я спустился к озеру, теперь оно стало ярко-синим.

Музыка зазвучала громче. Мне казалось, что я могу различить обрывки мелодии, быстрой и ломкой. Я прижал руки к ушам — если это звуковые галлюцинации, музыка не стихнет. Звук стал слабее, но не исчез. Этот опыт не совсем удовлетворил меня. Но я был убежден, что музыка совершенно реальна. А там, где музыка, должны быть и существа, рождающие музыку.

— Хэлло! — крикнул я.

— Хэлло! — отозвалось эхо по ту сторону озера.

На мгновение мне показалось, что музыка притихла, словно хор цикад, которых спугнули. Потом снова зазвучала в полную силу — зыбкая музыка эльфов.

Я был в полном замешательстве, я стоял на лугу, залитом синим светом.

Я умылся, вернулся в корабль и снова передал SOS.

Голубой день, похоже, короче красного, но без хронометра я не могу проверить это. Я полностью захвачен этой музыкой, и мне кажется, что синий день проходит быстрее, чем красный.

До сих пор не могу избавиться от этой музыки. Может, это был шум деревьев, а может, всего лишь порождение моей фантазии?

Однажды я бросил взгляд на озеро и увидел чудо — прекрасный город, протянувшийся вдоль дальнего берега. Очнувшись от удивления я побежал к берегу и устремил туда взгляд: это было самое чудесное зрелище в моей жизни! Бледный шелк поднимался и окутывал павильоны, шатры и чудесные дворцы... Кто жил в этом городе? Я зашел по колено в воду, и мне померещились какие-то тени.

Словно сумасшедший, я помчался вдоль берега. Растения с бледно-голубыми цветами обвивалась вокруг моих ног. Я оставлял позади себя след, как слон, бегущий сквозь тонкий тростник. И я увидел, когда достиг волшебного берега. Город исчез, как сон. Я опустился на камень. На мгновение я снова услышал приглушенную музыку, словно через неплотно прикрытую дверь.

Я вскочил на ноги, но ничего не увидел. Посмотрел на луг и заметил там тонкое, прозрачное облако, словно рой танцующих поденок над неподвижным прудом.

Когда я вернулся на луг, он был пуст, дальний берег озера тоже был гол и безжизнен.

Проходит синий день. Меня мучает вопрос: откуда взялась музыка? Кем или чем были эти призрачные существа, не совсем реальные, но и не галлюцинации? Пару минут я массировал свой лоб, словно пытаясь отогнать безумие... Если музыка действительно существует и на самом деле наполняет воздух этого мира, почему она мне кажется земной музыкой? Эти звуки могут быть воспроизведены обычными инструментами, эта гармония мне совсем не чужда... эти настоящие слезы, которые так и хочется стереть из уголков глаз... все это кажется таким радостным, гармоничным...

Проходит синий день. Голубой воздух, черно-синяя трава, ультрамариновая вода. Яркая синяя звезда теперь на «западе». Сколько времени я уже нахожусь на этой планете? Я передавал SOS, пока батареи не зашипели от перегрузки. Скоро они сядут. С водой и пищей у меня нет проблем, но какая польза жить в изгнании на этой то красной, то синей планете? Голубой день идет к концу, и мне снова захотелось подняться на холмы, осмотреться в свете заходящего синего солнца. Но при мысли о восходе красного солнца мой желудок начинает судорожно сжиматься. Может, мне лучше остаться на лугу и, когда наступит темнота, забраться в корабль, как медведь в берлогу, чтобы дождаться восхода голубого солнца?

Голубой день кончается. Сапфировое солнце склоняется к закату, небо становится сине-черным, появляются звезды.

Я уже давно не слышу музыки. Может, оттого, что она стала такой привычной.

Голубая звезда исчезла, воздух становится холоднее. Теперь я действительно в абсолютной темноте... Я слышу пульсирующий звук и поворачиваю голову. Восток окрашивается бледным серебром, и жемчужный шар восходит в ночи — он раз в шесть больше земной луны. Еще одно солнце, спутник или погасшая звезда? В какую гротескную Вселенную я попал?

Это серебристое солнце, я не могу дать другого названия. Оно светит холодным, атласно-белым светом, и движется в ореоле, что делает его похожим на устрицу в раковине. Краски планеты снова меняются. Озеро блестит, как ртуть, деревья кажутся сделанными из кованного металла... Серебристая звезда выходит из-за облака, и музыка возникает так внезапно, словно кто-то рывком открывает занавес.

Я спустился к озеру и на другом берегу снова увидел город, теперь еще более четкий и реальный. Я разобрал детали, которые прежде были неразличимы: широкую террасу, спускающуюся к озеру, резные колонны, ряды надгробий. Силуэты были похожи на те, что я видел в свете синего солнца: шелковые шатры, блестящие в свете солнца и отражающие его лучи, каменные колонны, полупрозрачные, как матовое стекло. Странные образования, смысл которых я не могу постичь... Лодки, как ночные мотыльки, вились на ртутной поверхности озера... полные паруса... паутина такелажа... стройные мачты... движимый внезапным импульсом, я оборачиваюсь. На лугу стоят киоски, словно на древней ярмарке... круг камней на траве... толпы призрачных контуров. Пятясь, я вернулся к кораблю. Музыка звучала все громче, я нащупывал одну из теней... контуры ее расплывались... она плыла на волнах звуков... или это движение контуров рождало звуки?

Я побежал к ним. Одна из теней скользнула ко мне, и я увидел размытое пятно, там, где должно быть лицо. Я остановился, сердце билось у самого горла, шагнул, посреди мраморного круга снова услышал глухой звук.

Я подошел к киоскам, там было разложено множество вещей: бледная материя, светлый металл... но когда я вглядывался пристальнее, все расплывалось перед глазами, словно во сне. Музыка стихла, луг тут же стал тихим и пустым. У моих ног стелилась серебристо-черная трава. А в небе висела серебристая звезда.

Я сидел, спиной прислонившись к кораблю, глядел на зеркальное озеро и кое-что придумал.

Прежде всего: я совершенно здоров, и нет оснований думать иначе. Все, что я видел и слышал, существовало вне меня самого. Но — и я это тоже могу установить — контуры и звуки не подчи-

няются законам природы. Похоже, они в какой-то мере субъективны.

Мне стало ясно, что это — шутки моего мозга: он воспринял обе объективности и пытался подогнать впечатления к уже имеющемуся опыту. Согласно этой теории жители данного мира неощутимы для меня. Я бессознательно двигаюсь сквозь жилища, а они непрерывно танцуют вокруг меня. После того, как мой мозг приспособился к восприятию всего этого, сумма впечатлений об этих существах выросла. И я смог бы их увидеть. Если выразиться точнее, это значит, что я ощущаю нечто такое, что мой мозг превращает в изображения, которые я могу опознать. Их сознание, их жизненный уклад представляются мне вибрациями, которые мой мозг трактует как музыку. Я совершенно уверен, что никогда не смогу воспринимать бытие этих существ. Они бестелесны, а я из плоти, они движутся в нематериальном мире, а я попираю планету своими грубыми ногами.

В эти последние дни я не передавал сигнал SOS. Это даже к лучшему, потому что заряд в батареях уже кончается. Теперь серебристое солнце склоняется на запад. Что будет дальше? Снова красное солнце? Или черное? Или тьма?

Во всяком случае, это не обычная планета. Движение этого мира, кажется, подчиняется еще докоперниковой небесной механике.

У меня появилось чувство, что мой мозг приспособился к этой планете, что я теперь подхожу к ней. Если моя теория верна, значит, я воспринимаю жизнь этих существ как звуки, как музыку в своей голове. В конце концов для этих фантомов можно использовать слово «телепатия». И я хочу ей научиться, открыть свои чувства для новой формы жизни. Моряки знают один трюк, чтобы не смотреть прямо на слепящий свет. Я развиваю такую же привычку, стараюсь не смотреть прямо на призрачных существ. Я позволяю картине медленно разворачиваться передо мной, воспринимаю фигуру так, что она, в конце концов, кажется мне настоящим человеком. Иногда мне даже кажется, что я могу отличить их друг от друга. Женщины подобны сильфидам, почти болезненно красивы. Мужчин я, собственно, никогда по-настоящему не видел. В их фигурах, в их поведении все кажется мне таким знакомым.

Музыка составляет фон этого мира и становится такой же привычной, как шелест листьев в лесу. Голоса этих существ, кажется, зависят от того, какое солнце взошло на небо, и музыка тоже зависит от этого. Красное солнце приводит их в состояние меланхолического безразличия, голубое солнце радует их, серебристое делает задумчивыми, тоскующими, мечтательными.

Солнце садится. Я сижу у озера, деревья серебрятся дивной филигранью, парусники, барки плывут по воде. Зачем они? Есть ли в жизни этих существ место таким понятиям, как экономика, эколо-

гия, социология? Сомневаюсь. Ни одно понятие нашей цивилизации не подходит к ним. Разве наш мозг не специфическое антропогенное образование, и само определение разума не зависит от этого специфического образования?.. Стройный парусник приближается ко мне, весь увешанный фонариками. При виде его я забываю обо всех своих гипотезах. Наверное, я никогда и не узнаю правды. Может, для этих существ я так же загадочен, как и они для меня?

Я вернулся к кораблю. Мимо скользнула тень молодой женщины. Я остановился, пытаясь разглядеть побольше. Она тоже взглянула на меня, и этот взгляд обжег мою душу... Я взял себя в руки и передал SOS. Мне кажется, что батареи уже сели.

Так и есть.

Серебряная звезда выглядит огромным елочным украшением, огромным блестящим шаром. Она заходит, а я снова стою у корабля и ожидаю наступления ночи.

Лес принимает звезду, проходят сумерки, потом наступает темнота. Я смотрю на «восток», прижавшись спиной к обшивке корабля. Ничего не видно.

Не имею представления, сколько длится этот период. Чернота. Безвременье. Вечность. Где-то по циферблату скользит стрелка, минуты уходят. Я всматриваюсь в темноту, неподвижный, как каменная статуя, но горячий, как саламандра.

Музыка, казалось, стихла в темноте, смолкла. Грустные звуки, последний затерянный вскрик...

На «востоке» появилось слабое сияние, зеленоватый свет. Появилась зеленая сфера. Абсолютная зелень, смарагдовая, как морская глубина.

Вот... пульсирующий звук, ритмичный, сильный, искаженный, вибрирующий.

Зеленый свет затопил планету, и я обрадовался зеленому дню.

Я почти слился с жителями города. Я смешался с ними, прогуливаясь вдоль киосков, рассматривая витрины. Шелковые платки, пряники и браслеты из чеканного металла, разноцветные порошки, дуновение ветерка, образующее клубки и мазки красок, волны сверкающей вуали... Здесь были цепочки из зеленого стекла, пойманные бабочки, шары, в которых был весь мир: все небо, все звезды, все облака.

И повсюду вокруг меня двигалась пестрая толпа призрачных существ: мужчины — зыбкие, но узнаваемые, женщины с вызывающими улыбками. Я почти обезумел от этого, хотя все, что я вижу — порождение моего мозга, вольная интерпретация происходящего. Это настоящая трагедия: ведь я влюбился в здешнюю женщину, ее тень, и я ощущаю комок в горле, бегу за ней, чтобы заглянуть в ее глаза... которые не глаза вовсе...

Сегодня я обнял ее, ожидая соответствующей реакции. Странно, но мне показалось, что я обнял существо из плоти и крови. Я целовал ей кожу, ее щеки, ее губы. Такого странного выражения лица я никогда еще не видел. Кто знает, какие мысли у нее вызвало мое странное поведение.

Я пошел за ней, и музыка перешла в триумфальный марш: пенье рожков, гремящие басы.

Прошедший мимо мужчина показался мне знакомым. Я подошел к нему, пытаясь рассмотреть отчетливые черты в расплывчатом мираже.

Он прошел мимо меня, пестрый, как карусельная лошадка: весь в ленточках и кисточках. Я догнал его, заступил дорогу. Он отшатнулся и взглянул на меня. Я отчетливо увидел его лицо. У него было мое лицо и мои манеры, он — это я.

Зеленый день кончается.

Зеленое солнце склоняется к горизонту, и звуки становятся все тише. Но на этот раз они не исчезают. Они звучат, как увертюра... Что это значит? Другая музыка? Глухая злоба, скрежет шестерен. Все исчезает.

Зеленое солнце заходит в пестром венке света, похожем на павлиньи перья. Музыка звучит тише.

На западе сгущаются сумерки, на востоке разгорается новое зарево. С востока приходят звуки, перемешанные с цветами: розовым, оранжевым, лавандовым. Обрывки облаков сгорают в море пламени. Теперь все небо озаряет золотое сияние.

Музыка снова набирает силу. Восходит новое солнце — гигантский золотой шар. Музыка превращается в гимн радости, сбывшихся желаний, новой силы, и снова эту гармонию пронизывает фальшивая нота.

В небе парит тень космического корабля, она скользит в лучах солнца, зависает над лугом, вспыхивают посадочные дюзы.

Корабль опускается.

Я слышу голоса... человеческие голоса.

Музыка исчезает... мраморные строения... сверкающие одежды... шелковые города... все они уходят от меня.

3

Галиспелл задумчиво поскреб подбородок.

— Ну, что вы об этом думаете? — озабоченно спросил капитан Хесс.

Галиспелл несколько минут смотрел на него.

— Что было после того, как вы взяли его на борт? Вы видели что-нибудь из тех феноменов, которые он тут описывает?

— Нет, ничего подобного, — капитан Хесс покачал массивной головой. — Надо признаться, эта система кишмя кишит гаснущими звездами, фосфоресцирующими планетами и мертвыми солнцами. Может, все эти явления как-то связаны с его видениями. Он нам вовсе не обрадовался, это было видно. Он стоял и смотрел как бы сквозь нас.

Я сказал ему: «Пойдемте, поешьте, тогда этот мир будет выглядеть совершенно по-другому». Тогда он медленно пошел к нам, словно ноги отказывались ему повиноваться.

Спрашивать его о чем-либо было бессмысленно. Мы подобрали его, взяли в грузовой трюм его корабль и стартовали. Весь полет он держался в стороне от всех, ни с кем не говорил, просто бродил по кораблю.

У него была странная манера время от времени прижимать руки к лицу. Однажды я спросил его, хорошо ли он себя чувствует и не хочется ли ему пойти к доктору, но он ответил, что с ним все в порядке. Вот, собственно, и все, что я знаю об этом человеке.

Мы достигли Солнечной системы и подошли к Земле. Мне рассказали потом, что произошло, я в это время был на капитанском мостике.

Когда Земля стала расти на экранах, Эванса охватило ясно видимое беспокойство, голова его моталась взад-вперед. Когда до Земли осталась тысяча миль, он в ярости вскочил.

«Шум — воскликнул он. — Ужасный шум!» — потом побежал вниз, забрался в корабль, стартовал и исчез в том направлении, откуда мы прилетели.

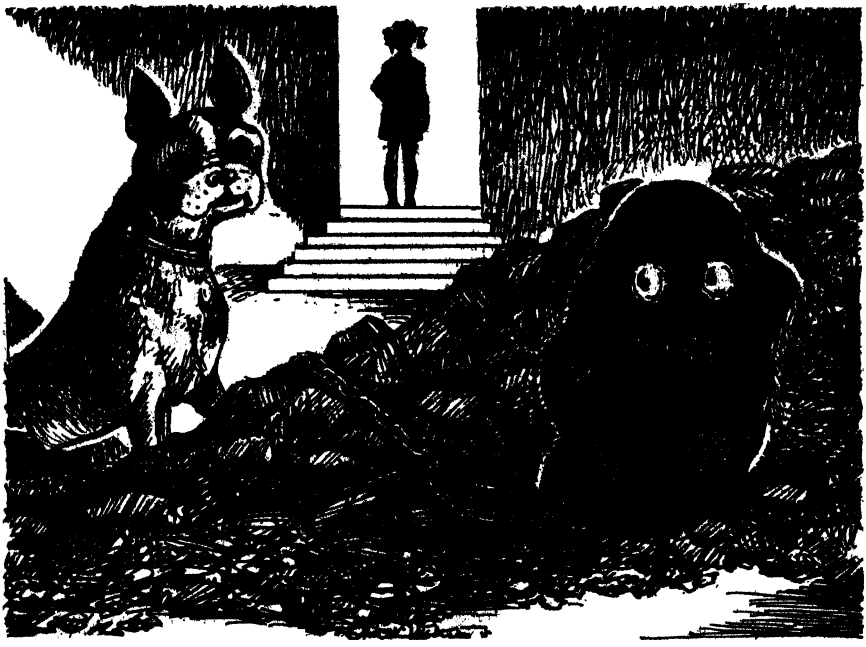
Вот и все, что я могу вам рассказать, мистер Галиспелл. Должен заметить, мы изо всех сил пытались помочь ему. Но так уж вышло.

— Он лег на обратный курс?

— Да. Если вы спросите меня, сможет ли он снова найти эту планету, я вам отвечу: может быть.

— Значит, у него есть шанс?

— Д-да, — ответил капитан Хесс. — Шанс у него есть.



Р. Матесон

РОДИТЕЛИ БЫЛИ ЛЮДЬМИ

× — В тот день было светло, и мама назвала меня тошнотиком. «Ты тошнотик» сказала она. Глаза стали злые. Я думаю что такое тошнотик. В тот день сверху падала вода. Она была везде. Я видел. Я смотрел в окошко на задний двор. Земля глотала воду как жадные губы. Она выпила слишком много, заболела и обблевалась. Я такое не люблю.

Я знаю мама хорошенькая. Для тепла у меня в постели есть штуки из бумаги. Раньше они были за печкой. На одной нарисованы закорючки КИНОЗВЕЗДЫ. На картинках лица, как у мамы и у папы. Папа говорит они хорошенькие. Он сказал так раньше. И мама тоже — он сказал. Мама хорошенькая и мне подходит. Смотрю на тебя он сказал и все лица противные. Я взял его руку и сказал все хорошо. Он вздрогнул и отскочил, куда я не мог достать. Сегодня мама отпустила меня с цепи и я смотрел в окно. Видел как сверху льется вода.

$\times\times$ — А в этот день наверху было золотистое. Я узнал когда смотрел на это и глаза заболели. После смотрения подвал весь красный. Наверное был церковный день. Наверху никого не осталось. Большая машина всех проглотила и прокатилась мимо окна. На заднем дворе ходит маленькая мама. Он меньше меня. Я тут могу смотреть в маленькое окно все, что хочу.

В этот день стало темно, я съел еду и немного жуков. Наверху я слышал смех. Я хотел знать почему смеются. Я выдернул цепь из стены и намотал на себя. Я дохлюпал до лестницы. Ступеньки скрипели. Ноги скользили от непривычки к лестнице. Подошвы липли к ступенькам.

Я поднял и открыл дверь. То место белого цвета. Белое, как то красивое, оно падает сверху на землю. Я вошел и тихо стоял. Опять услышал смех. Я пошел в сторону смеха и заглянул сквозь дырочку. Не знал так много людей. Я захотел смеяться вместе с ними.

Мама выходила толкнула меня дверью. Было больно. Я упал на гладкий пол и цепь загремела. Я заскулил. Она тихо закричала и прижала к роту ладонь. Глаза у нее стали большие. Она смотрела на меня. Я услышал как зовет папа. Что упало он спрашивал. Она ответила железная полка. Выйди помоги поднять сказала она. Он шел говорил неужели такая тяжелая.

Он увидел меня и надулся от злости. Гнев сочился из глаз. Он ударил меня. Я пролил на пол несколько капель с левой руки. Неприятный вид. На полу растекалась противная зелень. Папа крикнул спускаться в подвал. Я пошел. Свет теперь резал глаза. В подвале он другой.

Папа связывал мне руки и ноги. Он положил меня на постель. Наверху я слушал смех пока тихо лежал смотрел на черного паука. Он крутился надо мной. Я думал что сказал папа. Ох боже он сказал. И только восемь лет.

$\times\times\times$ — В этот день папа с утра приладил цепь. Я снова попробую вытащить. Он сказал я плохо сделал пришел наверх. Он сердился говорил никогда так не делать или он сильно побьет меня. Обидно. Мне больно. Я пролежал весь день прижимал голову к холодной стене. Думал о белых комнатах наверху.

$\times\times\times\times$ — Вытащил цепь из стены. Мама она наверху. Я слышал она громко смеялась. Я смотрел в окошко. Видел всех маленьких людей как маленькая мама и маленький папа тоже. Они хорошенькие. Они весело кричали и прыгали. Они очень быстро переставляют ноги. Они как мама и папа. Мама говорила все нормальные люди похожи на них. Один маленький папа увидел меня. Он показал на окошко. Пришлось сползать со стены в темноту. Я свернул как они не смогут меня увидеть. Я слышал разговор у окошка и топот ног. Потом хлопнула дверь. Я слышал маленькая мама говорила наверху. Застучали громкие шаги и я рванулся к своему спальнику. Я воткнул

цепь в стену и лег на живот. Я услышал мама спускается. Ты был у окна сказала она. Понял она гневная. Не подходи к окну. Ты опять вытащил цепь. Она взяла палку и ударила меня. Я не заплакал. Я не умею. Но капли потекли на постель. Она увидела и отшатнулась с криком. О боже мой она сказала за что такое наказание?

Я услышал палка покатилась по каменному полу. Она побежала наверх. День я пролежал.

$\times\times\times\times\times$ — В этот раз опять была вода. Когда мама ходила наверху услышал маленькая мама спускается по лестнице. Я спрятался в угольном ящике. Мама станет сердиться если маленькая мама меня увидит. С ней была какая-то живулька. Она была на руках торчали большие уши.

Все было хорошо да живулька учуяла меня. Она запрыгнула на уголь и посмотрела на меня и встопорщилась. В глотке забурлило ворчание. Я шикнул а она прыгнула. Я не хотел делать ей больно. Я испугался потом она укусила больнее крысы. Я ударил а маленькая мама закричала. Я крепко сгреб живульку. У нее стал голос как я никогда не слышал. Я скомкал ее. Черный уголь стал с красными пятнами. Я спрятался в ящике пока звала мать. Я боялся палки. Потом выполз из угля с живулькой. Я спрятал ее под подушкой. Цепь я снова воткнул в стену.

$\times$ — Это уже другие дни. Отец посадил меня на крепкую цепь. Мне больно потому что он бил меня. В этот раз я выхватил палку и закричал. Он ушел с белым лицом. Он выскочил из моего спальника и запер дверь.

Я не сильно рад. Весь день холодно. Цепь очень медленно идет из стены. И я сержусь на отца и мать. Я покажу им. Я буду делать что делал тогдажды. Я буду визжать и сильно смеяться. Я буду бегать по стенам. Потом зацеплюсь всеми ногами и повисну вниз головой и стану смеяться и брызгать зеленым повсюду пока они не пожалеют что не любят меня.

Если они опять попробуют ударить, я ударю их. Я ударю.

Шарль Хеннеберг

ЛУННЫЕ РЫБАКИ

Хьюго Пэйдж, пилот-испытатель группы «Хронос» 2500 года, с интересом посмотрел на аппарат, возвышавшийся посреди лаборатории изучения хрональной независимости. Белая кабина, заполненная светящимися приборами, напоминала рубку космического корабля.

— Это и есть рубка космического корабля,— подтвердил профессор Рецки.— Такая форма выбрана вполне сознательно, из психологических соображений. Вошедший сюда человек подвергнется таким же космическим излучениям, как и астронавт, выходящий в пространство-время. Четвертое измерение замкнется вокруг него, и вселенная станет неподвижной. Путешественник сможет выйти, где захочет: в прошлом, настоящем или будущем, и только его тело останется в кабине.

— Значит, путешествие будет лишь сном?

— Нет. Мир реален, и все остальное реально. Поймите меня

правильно, я не собираюсь вводить вас в заблуждение. Опасности, с которыми вы встретитесь, настоящие. Есть только одно особое обстоятельство: если вы умрете, ваше тело останется здесь.

— Хоть это утешает,— ответил Пэйдж.

С фигурой архангела, со взлетающими черными локонами и удлиненными фиолетовыми глазами он напоминал принца с персидской миниатюры. Рецки подумал, что Пэйджа выбрали из толпы стандартизованных героев именно из-за необычной внешности.

— Сам принцип путешествия уменьшает риск,— успокаивающе сказал он.

— Какой-то новый закон?

— Да, именно. С тех пор, как примерно триста лет назад были предприняты первые путешествия в гиперпространство, человечество встало перед проблемой: хотя мы и знаем, что время — это одно из измерений, что оно развертывается и снова сворачивается по своим законам, и наши пилоты возвращаются из далеких галактик молодыми, если даже имена их родителей давно стерлись с надгробий... и все же путь во время был для нас закрыт, нас удерживал какой-то невидимый барьер, вроде светового или звукового, преодоленного пилотами двадцатого века...

Это требовало своей теории. Выдвигались самые экстравагантные гипотезы, кое-кто аргументировал эффект стабильностью прошлого. Люди развлекались мысленными задачками типа: «Если вам во время пребывания в прошлом выпало несчастье убить вашего дедушку, прежде чем он произвел на свет вашего отца или мать, существуете ли вы тогда? А если не существуете, то как же вы смогли его убить?» Это то, что называют парадоксом времени.

Пэйдж рассмеялся.

— Как будто можно быть уверенным, кто твой предок!

— Принцип неопределенности, конечно.

Ученый протер запотевшие очки.

— Но это все только отговорки. Ответ до смешного прост. Оказалось, со времен Уэллса весь мир, как загипнотизированный, исходил из ложных предпосылок — проблему трактовали в материальной плоскости. Машина — хромированная и никелированная — движется по реке времени: высаживается в сердце какой-нибудь эпохи, экипаж выносит свои чемоданы и бумажники, что и приводит к осложнениям.

Конечно, это немыслимо. Пришлось еще раз начинать все сначала.

— И к какому же результату пришли?

— К элементарной идее, к яйцу Колумба, в известной степени: время, действуя на материю, само не зависит от нее. Оно определяется внечувственным восприятием.

— Значит,— резюмировал Пэйдж,— впечатления возможны

только вне телесного путешествия? Никто не заметит нашего присутствия, и всякое фактическое вмешательство невозможно.

— Нет,— ответил профессор. Он перевел дух, словно очень утомился.— Давайте снова вернемся к принципу неопределенности Гейзенберга и эйнштейновской относительности. В известной степени, случиться может все, что угодно, ведь настоящее строится не только на основе прошлого перед лицом многообразного и эластичного будущего. Возьмем историю народов. Кем был Нерон — непонятым поэтом, сумасшедшим или чудовищем? Всякая ситуация может быть иной при неизменном общем. Даже мгновение, в которое мы живем, является лишь «предпочтительной конфигурацией»...

— Таким образом, я, возможно,— простите за неуклюжее выражение — смогу вступить в какие-то отношения с прошлым или будущим?

— Все это,— снова вздохнул Рецки,— только теория. Ведь вы — первый путешественник во времени. Я не хотел бы навевать вам никаких иллюзий, но непреодолимой стены больше нет. Вы же знаете, что существует явление левитации. Есть люди, обладающие телепатическими способностями. Пророки и ясновидцы.

— Был даже,— с холодной миной добавил ассистент-археолог,— целый континент с особой репутацией: Атлантида. Об этом писал Платон в «Критии» и «Тимее». Об этом со многими подробностями сообщал и известный Теопомп, родившийся за триста семьдесят лет до Христа.

— Фантазии,— проворчал ученый.

— Или предпочтительная конфигурация? Вы же сами говорили: все может произойти.

— Ну,— вмешался Пэйдж,— а чем нам могут быть полезны атланты?

— Полезны? Не знаю. Я думаю, что они, скорее всего, были учеными и что профессор Рецки несколько недооценивает их.

Физик побледнел.

— Вам придется кое-что объяснить,— сказал он.— Я не в ладах с полуправдой. Как эти люди, то ли жившие, то ли нет за пять тысячелетий до Рождества Христова, и о которых известно только то, что они погрузились в океан со своим континентом, как они могут повлиять на путешествие во времени 2500 года?

— Ну, это же только гипотеза, профессор. Вы же сами заговорили о прорицателях и ясновидцах. Вообще-то, у них должна была быть голубая кожа.

— Конечно, это многое объясняет,— очень серьезно сказал профессор.— Ну, и что из этого?

Археолог, казалось, был очень расстроен, что приходится дискутировать с дилетантом.

— Кажется,— веско сказал он,— они, помимо всего прочего,

обладали психическими способностями, уникальными в своем роде. Они видели сны о прошлом и вспоминали о будущем. То есть, эти «лунные рыбаки» еще до нас выплывали в реку времени, волоча в своих сетях виде́ния, подготавливая наступающие события и...

— Утверждения, которые невозможно доказать,— перебил его Рецки.— Надо ли вам напоминать, что наш институт интересуется только точными науками?

Ее назвали Нетер.

Родилась она в шестнадцатом столетии до Рождества Христова. Иероглифы ее имени обозначали в равной мере жизнь и лотос, воду, праокеан, материю, начало мира и его женское начало. И вызывали множество ассоциаций: лунный свет на волнах, как раскинутые сети, и обманывающий глаза лунный свет в пустыне, все, что очаровывает, движется, превращается. Вуаль Изиды перед будущим и над прошлым.

Изид, ее отец, был из маленькой группы голубых людей, выходцев с погибшего континента, который называли Ма, Гондваной или Лемурией, но чаще всего Атлантидой. Их долголетие удивляло египтян, чья жизнь была короткой. Некоторые из них продолжали свои странствия и несли свет Атлантиды через Красное море. По преданию Изид жил почти до двухсот лет и имел много жен — богинь и смертных: в то время боги часто спускались на Землю.

И единственную дочь Нетер.

Ее мать была совершенно земного корня. Кровосмешение с инопланетными существами было рискованным: так родились Тот с головой ибиса, Анубис с песьей головой и Сехмет с головой львицы.

В пятнадцать лет Нетер была прекрасна и гибка, как танцующая змея. Как и у всех атлантов, у нее была белая с голубоватым отливом кожа. Портрет Нетер можно увидеть на саркофаге в Долине Царей, где она улыбается под своей сапфировой тиарой. Длинная стройная шея обвита цепями из позолоченных розовых лепестков. Детский рот, чувственный и страстный, перламутровые глаза скрыты удивительно длинными и густыми ресницами.

К этому времени египтяне сбросили ярмо рабства, изгнали чужаков гиксосов, на трон взошла 18-я династия, и впереди был Золотой Век.

Но страна была освобождена не полностью: над пустыней еще царил темный ужас. В ее песках еще приземлялись инопланетяне. Их было множество, и все разные. Много позднее фараон Псамметих сообщал: «Они падали с неба, как плоды с сотрясаемого фигового дерева, были среди них цвета меди и цвета серы, а у некоторых было три глаза...» Были космические прыгуны с относительно близких планет. Но к началу 18-й династии приземлились другие, на

колесах и с глазами, как павлиньи перья. Это о них говорил пророк Иезекииль: «У них были тела львов, крылья и человеческие лица...» Их вождь называл себя Пта.

Его статуя — статуя сфинкса — возвышается над пустыней.

Темные периоды истории повторяются: эти существа хотели власти.

Прячась в склепах Долины Царей, они коварно питались человеческими душами. Они пили души, а не кровь. Свидетелями этому были землепашцы с потухшими глазами. Другие же обвиняли злых духов и духов умерших. Дрожа, вся страна ожидала дня, когда эта сила ударит: жрецы подсчитывали, когда и как наступит Конец Света.

Человечество уже привыкло к череде ужасов и войн.

Однажды ночью атлант Изид в своем белом, окаймленном кипарисами доме близ Нила читал предсказание звезд. Поднявшись, он отложил папирусные свитки и подошел к окну. Да, он не обманулся: из пустыни доносился топот тысяч копыт.

На стенах его дома рисовались тени спиральных, ветвистых и прямых рогов, будто мимо проносились стада антилоп и других животных — огня боялось все. Изид поспешил разбудить дочь и успокоился, лишь заглянув в ее ясные глаза. Но они все же поднялись в паланкин — его понесли четыре гигантских нубийца — и присоединились к шествию животных. За ними последовали жители некоторых деревень Нила.

Нетер ни о чем не спросила отца, они понимали друг друга без слов. Иногда она протягивала руку и гладила мягкий мех какого-нибудь животного, оказавшегося рядом с паланкином. Луна бросала на пустыню свои серебряные лучи, как будто хотела утащить за собой, как улов, весь Мицраим. Прошло много времени, и на бледном горизонте обозначились алебастровые башни и висячие сады Тебена.

— Нас ждет твой дядя Нефтали, сын Иакова,— сказал Изид.

В тот день огонь, пришедший из пустыни, пожрал оазис, окружавший дом атланта, и даже светлым днем слышалось громовое рычание львов.

Но их предвидение будущего было неуверенным и ограниченным, и на следующий день Нетер ничего не знала о ходе событий.

Солнечный восход застал ее на стене, где она сидела рядом с Деборой, четвертой женой дяди Нефтали.

«Дядей» Нефтали называли в знак близкой дружбы. Изид, выходец с божественного континента, не был кровно связан с трудолюбивой и многодетной семьей пастуха Иакова, пришедшего в Египет после того, как его сын Иосиф освободился из рабства. Как придворный поэт, семит высоко ценил ясный и гордый дух атлантов.

Он и сам был очень умен, хотя часто ввязывался в политические

интриги. Его последняя жена, Дебора, была одного возраста с Нетер, они тоже дружили.

Тебен сотрясали тяжкие испытания: Фараон Амосис умер, а его сын воевал далеко от дома. Некий Апопи, интриган на содержании гикссосов, подбивал народ на бунт: а что еще делать египтянину с молодым воинственным принцем, который интересовался только завоеваниями и опустошением казны? Отбросы общества пили за счет Апопи пальмовое вино и бесчинствовали. Но к полудню прибыл запыхавшийся посланник, он сообщил, что облако пыли предвещает скорое появление необозримой армии, и все сердца заколотились сильнее. Он пришел, он перешагнул Нил!

Его имя было Аменофис. В свои двадцать лет он был восхитительно красив, и в него были влюблены все девушки. Его воспитывали вдали от двора, и кое-кто даже считал его узником. Прошел слух, что он войдет через южные ворота — и все подались к крепостным валам. Толпа перекрыла улицы, и даже персоны высокого ранга, останавливающиеся у прилавков ювелиров или греков, торговавших амброй и пурпуром, позволили вынести себя в первые ряды зрителей.

Нетер и Дебора прижались к стене, и маленькая еврейка сказала, тряхнув каштановыми локонами:

— Ты на самом деле веришь, что будет править он — Аменофис?

— А ты как думаешь?

Атлантка казалась бледной и растерянной, она нервно играла своими кольцами.

— Не знаю,— ответила Дебора.— Нет, наверное. Чего только не рассказывают! Говорят, под его властью народы Египта поднимутся волной, у нас будет великий царь.

Он встряхнет Землю и среди великих потрясений сохранит холодную кровь.

— Может быть,— сухо сказала Нетер,— хоть тогда он подумает о том, чтобы освободить собственную страну от Пта и его тени.

— Но...

Дебора замолчала, прикусив кончики пальцев, как будто сказала лишнее. Атлантка с любопытством посмотрела на нее.

— Кажется, ты знаешь странные вещи. Со времени нашей последней встречи ты сильно изменилась, Дебора! — сказала она, понизив голос.

Вокруг обеих женщин морем красок колыхалась толпа Тебена. Повсюду слышались смех и крики, вокруг бегали голые дети, а от процессии священников в небо поднимались приглушенные молитвы. Но Нетер чувствовала — белым днем, в городе — тьму и ледяной холод вечной ночи. Дебора усмехнулась, наклонилась и проворным кошачьим языком лизнула затылок подруги.

— Как приятно,— сказала она.— Почему ты совсем не интересуешься любовью, Нетер? Говорят, ты станешь царицей, не забывай тогда твою маленькую служанку! Я расскажу тебе все, только обещай не выдавать меня. Вот что: каждую ночь ко мне приходит крылатый херувим... нет, не херувим, у них тела быков. А мой друг сильный, нежный, как кошка, он делает со мной, что хочет, и он посвятил меня в суть вещей... о нет, я не могу описать, какой он нежный и чудесный.

— А Нефтали, Дебора?

— Да ему же сто лет! Моя дружба с ночным гостем не может ему помешать... Почему бы тебе тоже не попробовать, Нетер? Это не похоже на человеческие глупости. Ты становишься такой могучей, такой мудрой... Единым целым с Пта! Это восхитительно. В то же время узнаешь, что потеряла, узнаешь все...

— Ты преувеличиваешь,— ответила Нетер.

Она выскользнула бы из-под обнимавшей ее руки подруги, такой же прелестной, как и то порочное существо, но теперь она знала; судьба начала ткать нити, и Дебора была лишь одним из завитков в предопределенном узоре.

Нетер, застыв от ужаса, осторожно подбирала слова.

— Докажи мне, что ты знаешь хотя бы одну тайну, и я тебе поверю.

— Ну, хорошо,— ответила Дебора.— С этой ночи фараоном будет уже не Аменофис, сын Амосиса.

— Ты хочешь сказать, они его убьют?

— Им это вовсе не нужно. Пта очень мудры, они наполнят его тело другой душой: он станет их рабом и будет им служить.

— Другую душу? Ты с ума сошла. У него же есть своя душа.

— Тебе так сказали? Ну да, может быть, так и есть. Но Пта нужны лишь его лицо и тело. Я узнала, что они часто так делают. Там была одна фраза, я ее запомнила, возможно, ты ее поймешь: «С тех пор, как мы узнали, что неуязвимы для всякой мутации, мы селимся, где хотим... Люди боятся царей с когтями и крыльями!»

— Это невозможно! — твердо сказала Нетер.— Фараон даже близко не подпустит этих зверей, его хорошо охраняют.

— Да, только не в эту ночь. Ты же знаешь, что есть очень старый обычай вооруженного караула. Будущий владыка Египта проведет ночь перед восшествием на престол в храме Амона, в своем оазисе. Он должен быть один. Сначала жрец даст ему вино, смешанное с мирром, Пта знает жреца. В этом вине будет смесь трав и волшебное средство, которое усыпит Аменофиса, и Таинственный овладеет его пустой оболочкой, его освободившимся телом.

Нетер еле владела собой, она впилась ногтями в ладони и с облегчением почувствовала человеческое тепло своей собственной крови.

— А тебе не кажется, что это подлое предательство? — спро-

сила она тихим и нежным голосом.— Я вовсе даже не имею в виду Аменофиса. Но Египет заслуживает другого правителя.

— О! Он будет очень велик, тот, что придет.— Дебора опустила свои крашеные ресницы с выражением вины и желания одновременно.— Ну... да что мы знаем о богах? Может, это уже произошло? Многие царевичи, поначалу похожие на пустые звонкие барабаны, становились исполненными мудрости фараонами. А если испытание в оазисе состоит именно в этом... в такой замене? Мой возлюбленный будет править Египтом! Только не говори Нефтали! И в эту ночь, в эту ночь...

Нетер соскользнула со стены, но у нее не было сил идти дальше. Она чувствовала себя, как в кошмаре, когда хочется бежать, кричать, но ноги приросли к земле и горло не может издать ни звука. Горизонт закрыло облако красной пыли, зазвучали трубы. Стоящие на крепостных валах тебенцы ударили в тимнаны и начали разбрасывать лепестки лотоса и роз. Жрецы помахивали сосудами с тлеющими благовониями.

Дебора что-то кричала и тянула свои тонкие руки к подруге. Как это часто случалось с ней в мгновения сильного возбуждения, атлантка вынуждена была ухватиться за карниз и за одежду феллаха, за кусочек современности, чтобы не рухнуть в разверзшуюся перед ней зияющую пропасть будущего или прошлого. Опередить, помочь... Прежде всего, надо заставить замолчать свои мысли, в толпе скрывается слишком много существ, читающих мысли.

Она остановилась, тяжело дыша; улица для нее закрыта. Нетер была малого роста, голубые туники и колышущиеся одеяния жрецов закрывали ей обзор, и она едва не заплакала. Вдруг туман сонного опьянения, нерешительность и пустота, одолевавшие ее весь день, исчезли, и она с ужасом поняла, что должна увидеть Аменофиса прямо сейчас, иначе ей никогда не будет покоя. Она заколотила своими маленькими кулачками по спине высокого лидийца, который повернулся к ней с широкой улыбкой.

— Такая маленькая,— сказал он,— и такая злая! Что тебе нужно, дочь Изиды?

— Мне надо видеть фараона! — задыхаясь, проговорила она.

— Ох, да вы все сходите по нему с ума. Влезай сюда.

Это был музыкант, он поднял ее на свою арфу, прислоненную к ящику сандалового дерева. Она расположилась сверху, словно статуя богини победы. И вовремя: с грохотом открылись бронзовые ворота, и, окутанная ароматами, гремящая, слепящая, как украшения варваров, тяжеловесная — как питон с тысячью колец,— в Тебен вошла армия Мицраима.

В колеснице, которую тащили четыре белых жеребца, неподвижно стояла золотая фигура. Ее лоб обвивала украшенная изумрудами змея — царский урей. Лицо, непроницаемое и высокомерное, от-

крыто взорам. Сходство, которое замечали только атланты, было поразительным. Проходя мимо стены музыкантов, фараон поднял глаза. Сквозь занавес ресниц Нетер увидела два черных, как ночь, озера, темных и матовых. Она успокоилась: у Аменофиса не было души. Пока не было.

В 2500 году Хьюго Пэйдж, первый путешественник во времени, пожал сотню рук и вошел в пилотскую кабину, оставив профессора Рецки на растерзание репортерам. Он не понимал, почему люди придают этому полету такое значение. Пэйдж не слишком много оставлял позади и не очень любил свою эпоху. Во время гипнотического обучения он узнал, что есть времена куда более прекрасные. Знаменитые творения первобытных людей, фрески итальянского Ренессанса, эмали, найденные в долине Царей, пробуждали в его душе звонкий отзвук. Пэйдж поправил свой шлем с электродами и посмотрел на Рецки.

До него донеслись обрывки беседы.

— Чтобы оторваться от времени, атланты оставляли после себя в эпохах пустые пространства, полые тела. Это объясняет появление великих, непонятных для современников гениев: Леонардо да Винчи, Паскаля, Эйнштейна. Это были люди будущего...— говорил археолог. В неестественном неоновом свете его лицо казалось голубоватым. Хьюго посмотрел на свой хронометр, нажал кнопку...

И мир стал другим.

Над пустыней висела огромная белая луна. Пэйдж не помнил, как покинул пилотскую кабину и как оказался среди красных дюн. Песок слабо искрился. Местность напоминала марсианский Большой Сырт. Он немного приподнял забрало своего шлема, и сухой, насыщенный кислородом воздух обжег щеки. Земля ли это? — забеспокоился Пэйдж. В первом опыте можно легко промахнуться. Хрустально чистая вода маленького пруда под тремя металлически поблескивающими пальмами показалась ему солоноватой, насыщенной минеральными солями.

Путешественник во времени заколебался. Все пропало. Рецки ошибся и послал его в неведомое будущее, на мертвую Землю. Пустыня — выветренное дно высохшего моря, а этот пруд — последняя вода... Другой узор созвездий, прозрачность атмосферы лишь подчеркивали ужас предположения: звезды казались очень яркими, а Полярная звезда сияла совсем в другом месте, будто земная ось немного сместилась... Отыщет ли его Рецки?.. На раскаленных или покрытых льдами планетах, которые он посетил до сих пор, под рукой, по крайней мере, был космический корабль, а здесь...

Почти в то же мгновение до него донеслось дикое, пугающее рычание, похожее на аварийную сирену, и он спрятался за дюной.

Он вынул свой лучевой пистолет (хотя и сомневался, что он поможет) и увидел, как на белом диске луны вырисовалось фантастическое чудовище. В лунном свете заблестел серебристый с голубоватыми тенями мех: высокое, как подъемный кран, животное, длинные суставчатые ноги и шея, а посреди спины — горб. Оно было просто отвратительным. Чудовище сделало несколько неверных шагов, опустилось на колени, как человек, и упало в песок. И хрононавт услышал мелодичные всхлипы.

Из темноты появился маленький силуэт. За ним развевался длинный голубой шлейф, и в одно краткое мгновение Пэйдж увидел растерянное лицо, белое, как жемчуг, розовое, как цветущая вишня, и божественно чистое, а еще — сверкающие на ресницах слезинки и детский рот. Девочка слепо побежала. Для Пэйджа это была неоспоримо девочка — и путешественник во времени поспешил за ней. Первый представитель разумной жизни, которого он встретил, был очарователен. Он попытался поймать ее мысли, но его затопила река неупорядоченных волн. Его телепатические способности оказались здесь особенно сильны. Юная девушка устала и очень боялась: она ехала всю ночь. И она спешила. А этот проклятый дромадер отказывался двигаться дальше! Пэйдж приблизился и уже собрался задать ей вопрос, но вовремя вспомнил, что невидим и неслышим. И все же, как будто в ответ, незнакомка с черезвычайной силой сосредоточилась на приближавшейся извне опасности, на чем-то, пришедшем из другого мира, живом и беспощадном. В это мгновение у Пэйджа мелькнула невероятная мысль, что до него в этой земле появились другие путешественники во времени и что девочка бежит от этих пришельцев.

И тут в волнующемся потоке ее мыслей с невероятной ясностью сформировались две картины: первая была оазисом с полукруглым зданием из громадных черных и полосатых мраморных блоков — одинокий храм, страшный, от него так и веяло ужасом. Благодаря своей подготовке Пэйдж узнал в нем одно из старейших святилищ Земли, храм Амона-Ра, в котором короновались все правители Египта, включая Александра Великого. Видимо, он все-таки на Земле, но в каком же головокружительном прошлом?

Незнакомка споткнулась, и второй мысленный образ размылся, но Пэйдж успел разобрать образ мужчины. Нет, больше чем мужчина. Пэйдж не успел разглядеть его черты — только блеск одеяния, которое показалось ему очень похожим на скафандр космонавта. Существу угрожало что-то. Куда хуже, чем смерть. Пэйдж попытался поточнее разобрать эти образы, но не смог. Будто что-то вклинилось между его восприятием и мыслями девушки: он уже не видел ничего, кроме пустыни и сфинкса Гизы.

Словно отчаявшись, беглянка остановилась как вкопанная и заломила руки. Пустыню потряс беззвучный удар, но все равно ни-

чего не было видно кроме столбов завивающегося песка. Через несколько секунд на их фоне появилась качающаяся тень — белый дромадер: тень ширилась, будто облако над пустыней, а потом верблюд с прижатыми к голове ушами, дрожа, исчез за пыльной завесой.

И Пэйдж увидел приближающихся львов.

Первый рык донесся из глубокой расщелины. Он раскатисто прогремел над пустыней и превратился в хор рычания и хрипа. Львы, как ураган, пронеслись над дюнами — облако песка, блеск когтей и зубов и горячий запах кузницы. Девушка упала, хрононавт не успел шевельнуться, как свора была уже над ними.

Двадцать, или сто, или тысяча рыжих вихрей, сто или тысяча длинных и рычащих огней, высеченных из гранита морд, спутанных грив — и вот уже совсем близко сияют золотисто-желтые искрящиеся глаза. Их было больше, чем нужно, чтобы смять и разорвать два хрупких человеческих тела. Пэйдж инстинктивно упал на колени и обхватил руками стройное тело девушки, а та спрятала лицо у него на груди. У него даже не было времени вытащить лучевой пистолет. Можно ли умереть во время путешествия во времени? Рецки говорил... Пэйдж закрыл глаза.

Через минуту он все еще был жив, а раскаленное дыхание живого урагана улеглось. Девушка неподвижно, но чутко лежала в его руках, изредка вздрагивая. Пейдж открыл глаза и увидел, как стая скрывается за горизонтом. За ней неслись несколько отставших, одним прыжком они пролетели над тем местом, где лежало нечто невидимое. Только дромадер еще виднелся вдали. Землетрясение стихло, и опять воцарился покой.

Животные чувствуют чужаков, вспомнил путешественник. Он опять увидел — далеко-далеко от этого буйного мира — знакомые картины детства: его собака, застывшая перед пустым местом, кошка, неподвижно глядящая в ночь. Для них тьма была живой. А для юной девушки, прибежавшей к нему?..

Она поднялась, и в свете луны он смог лучше ее рассмотреть и почувствовал головокружение. За свою жизнь Пэйдж видел вокруг себя много восхитительных девушек, очаровательных и милых манекенов, но еще никогда не видел существа, настолько сравнимого с лилией.

— Господин,— сказала она,— я должна идти. Начинается испытание, и каждый должен быть один. Теперь вы знаете это... Пта...

Она молилась? Обращалась к какому-то невидимому существу. Она уже ушла. Над пустыней тянулись другие тени. Мимо прокатилась телега с блестящими осями, на ней сидели двое мужчин, обмениваясь короткими фразами. Пэйдж снова увидел оазис, тени, похожие на пальмы, храм с яшмовыми колоннами. Беглянка не-

сомненно кого-то искала там. Напрягая все душевные силы, он, «безвременный», через песок и туман увидел вдали гордый силуэт, странно знакомое темное и прекрасное лицо и изумрудные ленты на лбу. Царь, подумал он. Фараон. И у них, конечно, встреча. С необъяснимым раздражением он отвернулся от оазиса.

Оставшись в одиночестве, Пэйдж сориентировался. Он парил над песками, но достаточно было подумать о скальной расщелине, чтобы в то же мгновение оказаться на краю утеса. Снизу поднималась свежесть источника. Вот то, что они называют левитацией и телекинезом, сказал он себе. Возник одинокий лев, испустил яростный рык, насторожился и прыгнул в сторону, когда Пэйдж беззаботно шагнул к нему. Могучий зверь бежал, опустив голову, как побитая собака. Силой духа Пэйдж заставил его вернуться на тропу, а потом — рухнуть в расщелину; теперь ему повиновались все звери.

В это мгновение он осознал опасность.

Это было не существо, по крайней мере, пока. Скорее, оно было пучком психических волн — могучим, неумолимым, властным. Нечто такое, что опустошало храм, перед которым умирали все человеческие мысли. Пэйдж собрал всю волю, чтобы не отступить и не побежать. Напротив, он шагнул навстречу достаточно далеко, чтобы увидеть, что это метод нападения древнего, кровожадного рода, без оглядки на какую-либо мораль развившего свою способность высасывать души. Психические вампиры, если не хуже... Влияние было таким сильным, что на сетчатке путешественника автоматически возникло изображение сфинкса, только теперь сфинкс был живым.

«Почему бы и нет? — спросил себя Пэйдж.— Земные монументы полны божественных животных образов, легенды планеты рассказывают об ужасах, безумствах и таких святотатствах, что мы, люди, пытаемся забыть их, так как с ними трудно жить бок о бок. Но люди все же где-то встречали ассирийских царей-быков, гарпий и горгон... Почему бы царю не властвовать над ночью?»

Пэйдж пошатнулся: визуальный удар был нанесен с такой силой, что он ощутил физический шок, взор закрыла кровавая пелена. Его прожгла волна галлюцинаций. «Как боксер в нокауте,— подумал он, пытаясь выставить защитный экран.— Но возможно ли это, чтобы. поверженный боксер когда-либо ощущал такую жгучую боль?» Волна откатилась, он снова смог дышать и упорядочить, наконец, обрушившиеся на него впечатления.

Они были разнородными и шли, по меньшей мере, от двух разных существ: одно было мрачным, отвратительным, родом из какой-то вселенной. Бесконечная тьма, обледеневшие или раскаленные планеты, шлак, круживший вокруг раскаленных солнц, и эти солнца звались именами звезд, которых человек еще не достиг: Сириус, Аль-

таир, Альдебаран. Не оттуда ли пришли хищники? Настойчиво напирали видения, полные дисгармоничными звуками, взрывающимися от космических катаклизмов, мощным рычанием ящеров каменноугольного периода, сладковатым запахом разложения от болот, где умирало все живое. История, полная борьбы, насилия и воплей — вселенная со всеми вечными мыслимыми ужасами.

Пэйдж нисколько не сомневался, что это были воспоминания чудовища. Пта — юная девушка назвала это имя. Пта... Под именем Сокариса он некогда правил Мемфисом — или это был кто-то из его предков? Во всяком случае, сейчас он хотел овладеть всей страной... Но зачем он напал на путешественника во времени? В эту короткую секунду Пэйдж пожалел о том, что согласился на эксперимент. Рецки и его ассистенты, конечно, не предусмотрели такую опасность. Пейдж до изнеможения боролся с ужасом, но бурные, внезапные, нечеловеческие ощущения овладевали его подсознанием.

Но на помощь ему пришла тихая музыкальная волна — хрустальная мысль, похожая на лунный луч. Глубоко человечная, она рассказывала о небесно-голубом море, об опаловой Земле, о гармоничной древней мудрости, заставляющей гордиться тем, что ты землянин; волна сложилась в поток ясных картин, и он понял, что получил подмогу. А храм, оазис?.. И на чьей стороне тот прекрасный, мрачный фараон?

Времени для размышлений не было, на него снова обрушился кровожадный ужас. Сначала натиск был порывистым и беспощадным, но теперь враг сменил тактику, с удивлением обнаружив противодействующую силу. Теперь прихотливая мысль чужака нежно подкрадывалась и хлестала по нервам чудовищным наслаждением, переходящим границы всякой физической радости, которое от этого било сильнее, чем боль. Она соблазняла, нашептывая на границе сознания отвратительные вещи, обещая в равной мере и муки, и восхитительное наслаждение. Существо, овладевавшее его нервной системой и игравшее на ней, как на клавишах, ужасные симфонии, жило так долго и изнурило себя такой страстью, что человеческий мозг при контакте с ним плавился, а человеческая душа навсегда оставалась осквернённой и в конце концов разрушалась. Охваченный внезапным отчаянием, Пэйдж понял, что все знания чужака в это самое время стали его знаниями: концентрацией своей воли Пта заставлял его жить в своем адском царстве.

Он, опять он... Но где же фараон, на которого хотело напасть чудовище?

Пэйдж боролся, как и положено мужчине, исследователю, которого учили сохранять собственную личность как в одиночестве, так и в ужаснейшем хаосе. Он был Хьюго Пэйджем, человеческим существом из 2500-го года, его учили, как освобождаться от одиночества, от оков ненависти и сладострастия. Как только он ясно

осознал это — колдовство разбилось и черно-красная волна откатилась. Пэйдж обнаружил, что лежит на песке с поджатыми коленями. Вокруг были большие камни. Ладони кровоточили. Его поразили громкие удары собственного сердца, и он понял: последняя атака была такой мощной, что почти вырвала его из четвертого измерения — он опять принял человеческий облик... Пэйдж вздрогнул.

Из тишины пустыни донеслась мелодичная волна, возможно, голос той незнакомки, волнующий и теплый:

— Бегите, о, бегите! Они хотят сокрушить вас.

— Меня? Почему меня? Я же не из этой страны и не из этого времени.

— Вы ничего об этом не знаете. Ужасная опасность...

— Можно мне к вам прийти? — спросил Хьюго. Каждое слово раздирало его пересохшее горло.— Можно мне помочь вам?

— Нет. Нет...— Он ощутил волну глубокого отчаяния.

— Я снова хочу увидеть вас.

— Это невозможно. Если им удастся материализировать вас — вы пропали.

— А они это могут?

— Не знаю. Они уже ограбили столько мозгов атлантов... Уходите в другое измерение. Не думайте обо мне.

Это была не его незнакомка. Та бы не смогла так говорить.

«Они ограбили мозги атлантов»...

И его тоже. Пэйдж чувствовал себя опустошенным. Несколько мгновений он разделял переживания и чувства чудовища, значит, и другие имели доступ к его собственным знаниям. Пэйдж вздрогнул: несмотря ни на что, он был хорошим физиком и еще лучшим хрононавтом. Сумеют ли они применить его знания? Смогут ли... Он представил, как Земля 2500-го года наполняется зверскими масками Древнего Египта, и его передернуло.

Но убраться в другое измерение? С другого берега времени силуэт профессора Рецки показался ему странно зыбким. Этот фантом должен коснуться клавиатуры и поставить ручку в положение «назад». Это показалось Пэйджу невозможным. Этот грубый мир чем-то привлекал его. Это была его Земля, и все же одновременно другая, новая планета... Опьяняюще чистый воздух, необычно яркие краски, ржавая луна, волшебно мерцающая сквозь песчаную бурю... Пышно разросшийся оазис, свежие, как после ливня, пальмы, все, вплоть до одуряющих ароматов, что поднимались от бледных чашечек лотосов, торжественно возвещало о вселенной — молодой, богатой, опьяняющей. И в тоже время ужас и смерть никогда не были так близки и явственны. Все в этом времени было создано для того, чтобы наслаждаться радостью мгновения. «Я живу!» — крича-

ли стоптанные могучими ногами бегемотов ивняки. «Я существую!» — искрился ночной мотылек, хотя жить ему оставалось лишь до утра. Все эти короткие минуты были наполнены почти болезненной радостью бытия.

В этом розовом свете на краю пустыни появились они. Ни на одной планете Пэйдж не видел ничего ужаснее. Их шествие подчинялось какому-то порядку — пародии на воинский строй. Фигуры, правящие колесницами, казались знакомыми по детским кошмарам. Кто не видел во сне, что его преследует банда или что он падает с головокружительной высоты? Знания, добытые гипнотическим обучением, не могли помочь: у египтян было мало богов с человеческим обликом, а других он не мог себе представить. Сейчас же из каждой низины («В этой заколдованной земле,— писалось в древнем халдейском манускрипте,— каждый бархан скрывает миллион демонов»), из каждой дюны возникали странные крылатые фигуры с головами осьминогов и собак. Одни, с телами из громыхающих колец, скользили по земле, издавая шум, подобный морскому прибою, другие кружились, испуская искры — и все они стягивались к оазису Амона. Шли ящеры и гигантские бараны, существа с шакальими головами ехали на колесницах, запряженных бегемотами, боги Бубастиса, Мендеса, Ассирии, монстры и боги совсем без лиц. Все эти призраки темного страха тянулись за триумфальной колесницей.

А под пурпурным балдахином восседал живой сфинкс.

Процессия неумолимо медленно двигалась вперед. Ничто не могло сдержать этот победный марш. Перед этим разбуженным ужасом, перед лицом всех этих вновь оживших призраков человек мог бы стать только циновкой под ногами богов. И все они шли к оазису Амона.

Пэйджа на мгновение охватило желание опять встретить ту незнакомку, желание такое сильное, что он вцепился зубами в запястье. У него была своя миссия — собрать как можно больше информации и бороться, если на него нападут, а потом вернуться домой. Но даже сама мысль о возвращении теперь ему казалась абсурдной.

На коленях — так он устал — Пэйдж подполз к источнику в тростниках. Вода была чистой и прохладной. Он пил большими глотками, не замечая, как снова обострялось его мысленное восприятие. Ручей, что поил оазис, немного ниже терялся в расщелине среди гранитных обломков, откуда доносилось приглушенное ворчание. Пэйдж наклонился ниже, и в нос ему ударил сильный запах хищника. Ниже плато находился водопой львов. Стая зверей показалась ему красным прибоем, которым на мгновение вздулась вода.

Звери поглядывали друг на друга и изгоняли слабых. Он различил в массе больших тяжеловесных животных как бы залив со

скользящими по песку гривами — играющих молодых львов и прекрасных львиц цвета спелого маиса. Немного ниже виднелись антилопы, от жажды забывшие об опасности, неуклюжий носорог, с маленькими, налитыми кровью глазами, под ним осыпался берег. Между гигантами сновали песчаные леопарды.

Ветер сменился, и звери почти мгновенно застыли. Прекрасная львица, розовая, как обнаженная женщина, выпрыгнула из дюн. В прыжке по воздуху пронесся тигр. Взвыли шакалы, и стало слышно, как весь этот рычащий концерт перекрыл леденящий кровь хохот гиены. Пэйдж, еще лежа на земле, понял: первые звери почуяли его. Пэйдж поднялся и пошел дальше вперед — освобожденная материальная сила, способная смести со своего пути все, что бы это ни было и кто бы это ни был...

— Я готов, Пта! — сказал Пэйдж.

Столкновение двух разумов было таким сильным, что пустыня содрогнулась.

Пэйдж опять пришел в себя в прохладной глубине склепа. Его голова покоилась на голубом валике из покрывала, и Пэйдж вспомнил, что египетские кровати вместо подушки имели подставки в форме полумесяца. Им казалось, что это приносит прекрасные сны. Идея была такой абсурдной, что он засмеялся. Виски его охватывал металлический обод. Он увидел чьи-то большие глаза, затененные длинными ресницами.

— Вы храбро сражались,— сказал голос. И после некоторого молчания добавил.— Вы прекрасны.

— Значит, вы меня видите? — спросил он и попытался подняться. Но маленькая рука удержала его.

— Не шевелитесь. Когда мы вас подняли, вы казались мертвым. По вашим доспехам прошли все львы пустыни и вся свора Пта — к счастью, они оказались прочными.

— Где Пта?

— Я думаю, убежал. Уполз в пустыню, потеряв почти все свое войско: ведь он, в конце концов, всего лишь большой зверь!

— Вы подняли меня... Кто? Вы?

— Мой отец. Дядя Нефтали. И другие. Вы наградите их потом, сейчас это неважно. Через несколько мгновений подействует средство, которое мы вам дали, тогда сможете встать и вернуться в Тебен. Вас там примут как бога.

— Но я не хочу идти в Тебен. Не хочу, чтобы меня видел весь мир.

— Фараон должен править в Тебене.

— Но...

— Вы фараон. Вас зовут Аменофис Первый, сын Амосиса, внук Камоса. Вы правите двумя египетскими странами: Белым и Голу-

бым Египтом, частью Азии и неисчислимыми народами пустыни. Вы носите урея и двойную корону, вы — бог.

Должно быть, начало действовать средство. Пэйдж сел на ложе.

— Послушайте,— сказал он,— один из нас двоих сошел с ума: мое имя Хьюго Пэйдж, и я пилот и хрононавт. Я пришел сюда из две тысячи пятисотого года по реке времени и хочу вернуться тем же самым путем. Вообще-то я, кажется, понимаю — прочел это в ваших мыслях — что в этом храме находится фараон Аменофис. Где он? Он настоящий царь Египта, и у меня нет ни намерения, ни даже способностей узурпировать его право на трон.

В небесно-голубых глазах мелькнуло восхитительное отчаяние.

— Дядя Нефтали! — закричала незнакомка.— Дядя Нефтали! Скорее сюда! Шок был сильнее, чем мы думали... Наш принц потерял разум.

К Пэйджу подошел почтенный беловолосый старец и пощупал пульс.

— О, фараон,— сказал он.— Будь благословенно твое имя тысячи и тысячи раз. Пусть повелитель придет в чувство, у вас уже нормальная температура.

— Я такой же фараон, как и вы.

— Понятное воздействие битвы с демонами, господин. Я ваш сладкопевец и придворный поэт, и я торжественно признаю в вас моего господина. Желаете, чтобы я позвал моего брата Иосифа, вашего управляющего? Или моего брата Дана, начальника вашей стражи? Если бы не верховный жрец Изид, который...

— У вас кобра-урей и двойная корона, господин,— сказал старец с голубой кожей.

Пэйдж провел ладонью по лбу — и почувствовал витки золотой змеи, лазуритовой геммы. Перед ним склонился раб-нубиец и протянул ему золотой диск. Зеркало. Неужели это его лицо? Откуда этот томный отблеск больших глаз, мечущих молнии?

— Я...— начал он.— Я больше ничего не понимаю. Произошел обмен...

— Это невозможно, повелитель! Ваши слуги всю ночь охраняли оазис. И до, и после битвы с вами рядом была принцесса Нетер, ваша невеста.

Принцесса Нетер, его невеста...

Он утопил свой взгляд в ее больших глазах, и она улыбнулась ему. Это была самая восхитительная девушка, какую он когда-либо встречал — и надежнейший товарищ в битве. Она вытащила его из логова чудовища. Ему показалось, что он всегда знал ее или, по крайней мере, видел в снах, в том мире, который, возможно, когда-то будет.

— Оставьте нас одних,— сказал он повелительным голосом, чужим для него самого.— Я хочу поговорить с принцессой Нетер.

Они были одни перед этим алтарем Амона-Ра, вокруг были только божественный диск и яшмовые колонны. Пэйдж привалился к подножию статуи, а Нетер взяла его ладони и нежно пощекотала их своими длинными ресницами.

— Я не Аменофис Первый,— сказал он,— и вы знаете это, Нетер.

— Вам придется стать Аменофисом.

— К чему эта ужасная игра? Однажды найдут настоящего фараона или его тело.

— Нет никакого другого фараона. Неужели вы думаете, что ревнивые властелины пустыни оставили его в живых? Существовала только тень, одна из созданных нами пустых оболочек, уже имевшая ваше лицо, потому что мы, атланты, всегда знали что вы придете. Это была такая совершенная кукла, что Пта обманулся.

— Но другие фараоны...

— Кто вам сказал, что они произошли иначе? Следует благодарить путешественников во времени за то, что, человечество среди вторжений и катастроф смогло продвигаться вперед. В этом преимущество и глубочайший смысл вашего открытия. Вы нужны Египту и мне тоже.

Ее волосы пахли амброй и медом. Ее губы приоткрылись — и Пэйдж почувствовал слабость. Но он все еще пытался цепляться за далекий мир, который считал своим.

— Река времени не допускает вмешательства в ее течение. То, что сейчас происходит — всего лишь сон!

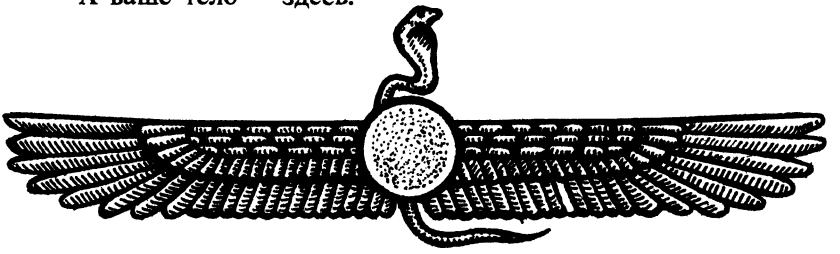
— Нет, скорее, предпочтительная конфигурация. Аменофис Первый покинул храм Амона превращенным, вы же знаете. И сто хронистов скажут: «Он был равен богам».

— Нет. Только не я! И потом,— он отчаянно ухватился за эту мысль, как тонущий хватается за соломинку,— подумайте о том, что меня в любой момент могут вызвать назад в 2500-й год! Достаточно профессору Рецки повернуть рукоятку...

— Нет,— сказала Нетер.— Мы, другие, лунные рыбаки, мы плывем под парусом вверх по реке времени и тянем в своих сетях образы и существа. Кто-то сказал это... Поцелуйте меня, и вы все поймете... Вот видите? Кабина пуста.

— Да, пуста.

— А ваше тело — здесь.



Питер Шуйлер Миллер

СТАРЫЙ МАЛЛИГАН

Дэвис остановился под фонарем, чтобы прикурить сигарету. Видно было футов на десять, дальше клубящийся туман поглощал все, кроме пятна света, в котором стояли они с сержантом Гиббоном. Гориллоподобная тень сержанта тянулась вместе с тенью Дэвиса до зыбкой границы света и тьмы. Рыбный запах мелкого венерианского моря и зловоние отбросов, гниющих в узких улочках Лаксы, комом стояли в горле. Из-за этого все, что попадало в рот, приобретало вкус гнилой капусты. Дэвису хотелось подышать консервированным воздухом космического корабля и посмотреть на звезды, рассыпанные в пространстве, словно бриллианты. Ни одна из планет Системы, если не считать Земли, не годилась для сносного существования человека, но Венера была хуже всех.

Неподалеку хлопнула дверь. В тумане тянулись какие-то тени. Вслед за ними выплеснулись пьяные голоса, но их перекрыл один хриплый бас.

Родился я сто тысяч лет наза-а-а-д.
В гробу видал святого Павла.
Могу-у-у побиться об закла-а-ад-д...

Дверь захлопнулась, отрезав звуки, но Дэвис уже затоптал сигарету, а сержант, не дожидаясь приказа, подался к кабаку. Они узнали голос. Старик Маллиган! А когда Маллиган заводит свою песню, надо через минуту ждать крепкой потасовки.

Гиббон волосатым кулаком распахнул дверь. Следом шагнул Дэвис, сжимая в руке пистолет. Поверх голов разношерстной публики, заполнившей бар, патруль безошибочно высмотрел виновника переполоха. На стойке бара, широко расставив ноги, возвышался Маллиган со своей любимой дубовой палкой, зажатой в огромном кулаке. Его физиономия побагровела, как у рассерженной обезьяны, красные глазки яростно сверкали из-под массивных надбровий, а выпирающие скулы блестели, словно полированная медь. Спина его была выгнута, рубашка на голой груди распахнулась, в левой руке была зажата пустая бутылка.

— Кто обозвал меня?! — ревел он.

В нише, которую здесь величали кабинетом, расположилась небольшая компания: блондинка и трое бледных, прилизанных юношей в безупречных вечерних костюмах. Один из них, усатый и в роговых очках, зашел слишком далеко. Его лицо покраснело, как у Маллигана, он вскочил на ноги.

— Враки! — закричал он.— Наглые враки! Он лжец, этот старик!

Пистолет Дэвиса резко хлопнул. Пьяный дурак! Но было уже слишком поздно. Рука Маллигана мелькнула, словно атакующая змея, и бутылка разбилась о стену над головой юнца. У того подогнулись ноги, и он шлепнулся на стул. Как раз вовремя, потому что дубинка старика проломила тонкую фанерную перегородку рядом с его ухом.

И началось. Стройная девушка вспорхнула со стула с побелевшим лицом. Накрашенные губы были похожи на дыру в серебряном листе. Ее кавалеры отбивались стульями. Откуда-то сзади раздался приглушенный выстрел. На выпяченной челюсти Маллигана появилась кровоточащая царапина. В то же мгновение закричал Гиббон. Дэвис инстинктивно отпрянул, и тут мир исчез в беззвучной огненной вспышке.

Знакомый лошадиный голос прорвался в сознание Дэвиса и заставил его вздрогнуть. Это восстановило память, разогнало мерцавшие в черепе багровые сполохи.

...Могу побиться об заклад,
Что жизнь прожил я славно.
Почти сто лет я был пиратом,
Аж начало тошнить от моря.

У Бонапарта был солдатом.
Хлебнул я вдосталь радости и горя.
Кто скажет мне, что это враки,
Узнает вмиг, каков я в драке!

Слушать эту белиберду не было сил. Пошатываясь, он поднялся на ватных ногах и, сжимая обеими руками раскалывающуюся голову, крикнул: «Заткнись!». Потом открыл глаза.

Он увидел голые серые камни, серое небо и пелену серого тумана, спрятавшего все остальное. Моросило, а он был совершенно голым. Мелкие капельки собирались в крупные, стекали по спине и падали с носа. На берегу бурного моря, которое било волной по мокрым скалам, он увидел Маллигана. Старик, голый и розовый, словно бритая обезьяна, возился с раковиной какого-то моллюска. Физиономия Маллигана двоилась перед глазами. Вот на ней появилась довольная ухмылка, и старик ударил кулаком по раковине. Из моллюска брызнул сок, и Маллиган начал усердно высасывать месиво.

Рядом кого-то стошнило. Это был молодой человек из бара. Сейчас на нем не было ничего, кроме очков и усов, и выглядел он еще непригляднее, чем в модном костюме с тугим поясом: он немного косолапил, а животик казался великоватым для его возраста. Дэвис с удовольствием похлопал по своему тугому животу и приступил к следствию.

Они оказались на скалистом островке, торчащем среди вонючих испарений венерианского моря. Судя по следам на скале, в случае самого высокого прилива на их долю останется шесть или восемь футов суши. А в море водятся твари, которые наверняка захотят попробовать людей на зуб.

Дэвис подсчитал носы. Шестеро, вместе с Маллиганом. Гиббон возвышался среди лужи, уныло разглядывая свои голые ноги. На правом бицепсе у него была довольно свежая царапина, а на затылке — пятно запекшейся крови. Двое юнцов, что сидели в баре вместе с очкариком и девушкой, все еще не пришли в себя. Все они были нагишом, как в первый миг рождения, если не считать мех на груди Гиббона и щетки под носом у очкарика. Старик Маллиган, шлепая по камням, подошел к ним, он уже протрезвел и выглядел безобидным, как котенок. Дэвис почувствовал, что в нем пробуждается полицейский офицер.

— Ты заварил эту кашу, Маллиган,— прохрипел он.— Теперь расхлебывай ее вместе с нами.

Физиономия Маллигана сморщилась в беззубой ухмылке.

— Ты прекрасно выглядишь без штанов, кэп,— обвел он Дэвиса взглядом.— Помню, в Нумибии мы захватили целое племя; они совсем ничего не носили на себе из одежды — но как они дрались! Фараон говорит мне: Майк, говорит,— так египтяне звали меня для краткости — Майк, говорит, вымуштруй для меня пару

тысяч этих людоедов, и мы сотрем с карты проклятых Хиттитес! — Маленькие глазки Маллигана заволоклись дымкой.— Да-а, кэп, это были веселые деньки!

Дэвис почувствовал, что мышцы у него расслабились: он не сможет заставить Маллигана заткнуться. Тот покрепче каннибалов, которых когда-то муштровал.

— Ты, старый врун,— огрызнулся он.— Не лучше ли тебе бросить воспоминания о бурном прошлом и подумать, как нам выпутаться из теперешней заварухи?

В глазах Маллигана опять сверкнула ярость, он нахмурился.

— Их было слишком много,— объяснил он.— Я бы утихомирил их, но бармен отключил меня сзади пустой бутылкой.— Он показал пальцем себе за ухо.— Смотри, у меня там шишка с яйцо величиной.

— Мне не до твоей шишки!

Дело оборачивалось серьезнее, чем он того хотел бы. Выходки Маллигана обычно приводили его в тюрьму или в больницу, но, во всяком случае, не на скалу посреди океана.

— Кто стрелял в тебя и почему?

— А, чтоб его! Это был один из парней Слипа Хэнлена. Я огрел его стулом, когда Слип и остальные занялись девушкой.

— О чем вы говорите? Как мы попали сюда? Что случилось с девушкой? — Это был молодой в одних усах.— Что случилось с девушкой? — повторил он.— Где она?

— Она? — Маллиган, казалось, удивился, что кому-то на это не наплевать.— Хэнлен уволок ее.— Маллиган усмехнулся.— Она девица с характером! Подбила глаз Слипу и чуть не оторвала ухо одному из его громил. Все-таки они накинули ей мешок на голову и связали, как сноп соломы. После этого бармен вырубил меня. Ты уже был в отрубе, кэп. Вместе с сержантом.

Дэвис услышал ворчанье Гиббона и поспешно прервал его.

— Кто эта девушка? — спросил он.— Что Слипу надо от нее и почему он забросил нас сюда?

— Она моя кузина — Энн Брэдшоу,— ответил один из молодых людей.— Ее отец — Регент, к вашему сведению. Мне кажется... кажется, они просто прикинули, сколько она может стоить, и похитили ее.

Еще бы, дочь Регента! Юнец прав — за нее Хэнлен получит столько, сколько потребует. Но ведь Система не оставит без внимания ни того, кто похитил ее, ни того, кто станет возвращать ее в отцовские руки после уплаты выкупа. Каждый член Космического Патруля будет обязан выпустить кишки из любого, кто осмелится тронуть Энн Брэдшоу. А Слип Нэнлен — обыкновенный смертный и слишком умен, чтобы начинать такое дело, не будучи уверенным в успехе.

— Что ж вы, растяпы, делали в этом вертепе? — спросил Дэ-

вис.— Неужели у вас не хватило мозгов, чтобы догадаться не водить молодую девушку в грязный притон? Черт возьми! Вы могли нарваться на какого-нибудь хама, слишком пьяного, чтобы заботиться о приличиях, даже если бы он знал, кто она такая!

— Капитан Дэвис,— это был опять очкарик.— Возможно, я смогу объяснить. Я — ученый, профессор антропологии. Эти двое молодых людей — мои студенты. В университетском клубе были танцы, и мисс Брэдшоу сама настояла на посещении этого места. Нам надо немедленно найти ее!

Похоже, это был один из этих первоклассных специалистов, которых правительство пригласило работать в школах Лаксы. Все — очень определенной направленности: чистая наука, никаких практических дисциплин. Молодые отпрыски власть имущих должны были овладеть сливками земной культуры. Ради них с Земли прилетели избранные наставники, чтобы обучать и воспитывать молодое поколение.

По мнению Дэвиса, все, в чем нуждалась Венера — это лишь в военной академии с майором во главе. Первые поколения колонистов боролись лишь только за выживание, но для своих наследников они ничего не жалели. Единственное, что ограничивало их размах: девяносто два процента планеты были еще не освоены, и работы этой хватит на века.

— Слушай, босс,— Гиббон был мрачнее тучи.— По всему видать — это дело пахнет политикой. В любом другом случае Слип сдрейфил бы. В его штабе считают, что это дело замнут, когда он вернет девушку. Патруль не знает о ее пропаже — и о профессоре, и об этих охламонах. Только вмешался Маллиган, да мы нарисовались. Вот они и забросили нас сюда, где мы не сумеем встать им поперек дороги и не зададим лишних вопросов. Немного погодя кто-нибудь поплывет мимо и будет очень удивлен, обнаружив нас здесь. Тогда нам скажут, какое существует мнение на этот счет и как некстати иметь другое.

— Только нас уже не будет в живых. Наступает зима, мы без одежды... Слип Хэнлен умеет заметать следы!

Кузен девушки, молодой Брэдшоу, выступил вперед, его лицо покраснело.

— Я не верю этому! — выкрикнул он.— Дядя Артур никогда не падет так низко.

Дэвис похлопал его по плечу.

— Не принимай близко к сердцу,— посоветовал он.— Даже если сержант прав, это не значит, что твой дядя замешан в этом деле. Кроме него есть и другие силы тут и на Земле, что дергают за веревочки и считают, что без этого нельзя. Должно быть, похищение девушки просто ловкий ход, чтобы заставить отца волноваться о ее судьбе, а не о благе колонии. Если с ней ничего не случится,

он, может быть, сделает что-нибудь полезное для колонии. Так работают политики.

Дэвис повернулся к Маллигану, Старик сидел на корточках, разбивал раковины о камень и со смаком втягивал в себя их содержимое.

— Майк,— крикнул ему Дэвис.— Подойди сюда. Ты знаешь Венеру лучше любого из нас, так говорил мне отец. Скажи, где мы находимся и как нам отсюда выбраться?

Лицо Маллигана сморщилось в напряженном раздумье.

— Кажется, я бывал в этих местах,— ответил он.— Здесь масса маленьких островов: горная гряда выходит на побережье и продолжается в океане. Я плавал здесь с Морганом, давно это было. Мы охотились за морскими змеями.

— Морскими змеями? — переспросил второй юноша.— Вы имеете в виду, что они здесь, вокруг нас?

Старик кивнул головой: — Ну да, тут для них подходящая глубина, чтобы вырасти большими, как бывало на Земле. О, я помню...

— Забудь об этом! — приказал ему Дэвис.— Ты думаешь, мы застряли здесь навсегда?

— Я этого не говорил,— запротестовал старик.— Ты лучше дай мне маленько подумать. Хотя нам все равно надо ждать прилива.

Они оставили его наедине с ракушками, а сами отыскали укрытие под скалистым козырьком, где смогли устроиться с относительным комфортом. Зима на Венере сырая и ветреная. Правда, было вполне тепло, но дождь и промозглый туман делали свое дело. В укрытии они снова почувствовали себя людьми.

Профессор приподнялся, стараясь высмотреть что-то сквозь свои очки.

— Можно ли доверять этому человеку? — поинтересовался он.— Что может сделать такой глубокий старик?

Дэвис пожал плечами.

— Он может все, что и каждый из нас,— ответил он.— Старик Маллиган — самая большая загадка Венеры. Он прибыл сюда с Морганом во время первой экспедиции, если верить хронике. С тех пор он нисколько не изменился, и я сомневаюсь, что он постареет вместе с нами. Он знает Венеру лучше всех в Системе, и если он скажет, что вызволит нас отсюда, значит, так и будет. Я верно говорю, Гиббон?

— Да! — сержант прикладывал лишайник к раненой руке.— Когда я сходил с трапа транспортной ракеты, прибывшей сюда тридцать лет назад, первое, что я услышал, была его песня. Он был пьян и хотел проучить каких-то остолопов, назвавших его лжецом. Мне пришлось взять на помощь трех человек, чтобы засадить его в каталажку. Потом я слышал, как он рассказывал про Моисея и фараонову дочь, как он был жрецом в какой-то Мидии и как Моисей

женился на его дочери. Если ему верить, у него дочери по всей Системе.

— Фантастика! — воскликнул профессор.— Не может человек жить так долго. Четыре тысячи лет! Это абсурд. Я, кстати, антрополог и уж в этом-то разбираюсь.

— Насколько я помню, он претендует на сотню тысяч лет,— сухо ответил Дэвис.— Наверняка же я знаю, от отца, что он жил здесь девяносто лет назад, а по записям он еще старше. Он знает много чего из истории, раз умудряется вставить в свою болтовню научные факты. Должно быть дьявольски много накопилось в голове сведений за тысячи лет, немудрено и запутаться.

Профессор неодобрительно глянул поверх очков.

— Будьте же серьезнее! — фыркнул он.— Вы образованный человек и не хуже меня знаете — человек не может жить тысячу, а тем более сто тысяч лет. Это смешно! Надо сказать, в этом человеке есть нечто своеобразное: форма головы, например, фигура, надбровные дуги. Он определенно представляет собой очень примитивный тип людей. Почти неандерталец, можно сказать. Где он сейчас?

— Он отколол большой кусок от скалы и теперь отбивает пластины поменьше с помощью другого камня,— доложил второй юноша, по имени Вильсон.— Послушайте, а как насчет этих моллюсков? Если мы застряли здесь надолго, надо заняться их заготовкой. Мне кажется, это единственная еда, что здесь есть, а скоро и ее не останется, судя по тому, как пожирает их Маллиган.

С приближением вечера становилось все холоднее. Дэвис пытался вспомнить что-нибудь о здешних приливах. Они зависели только от Солнца, но болотистое побережье и мелкое море делали их очень причудливыми. Приподнявшись, Дэвис стал вглядываться в море. На краю острова волнение, определенно, усилилось, а камни, которые полчаса назад еще торчали из воды, скрылись в фосфоресцирующей жиже. Вода поднималась. Преодолевая головную боль, он выбрался из укрытия и подошел к сидевшему на корточках старику. Порыв ветра обдал его мелкими брызгами дождя, и он поежился от озноба. Он услышал позади шаги, оглянулся и увидел, что Гиббон и профессор последовали за ним.

Маллиган отыскал в породе, из которой состоял островок, кремневую жилу. Рядом с ним уже лежала кучка серых камней: из них, с помощью обточенного морем кварцита, он делал пластины размером с ладонь. Пластин получилось около дюжины, и Маллиган начал заострять их короткими, точными ударами своего каменного молотка.

Очень скоро в руках у него оказалось копьеобразное лезвие, плоское с одной стороны, округлое с другой и с неровной режущей кромкой. Он отложил его в сторону и принялся за следующее.

Профессор возбужденно толкнул Дэвиса.

— Первобытная технология,— прошептал он.— Это несомненно! Невероятно!

Дэвис смущенно прокашлялся. Стоя тут и наблюдая, как старик корчит из себя пещерного жителя, он чувствовал себя ослом, но в то же время чувствовал, что присутствует при значительном событии.

— Маллиган,— сказал он,— вода поднимается. Не придется ли нам вскоре заняться кое-чем поважнее?

Старик поднял взгляд.

— Я уже занялся,— ответил он.— Делаю ножи и копья. Во время прилива вылезут такие твари, что за один присест сожрут тебя или сержанта, а профессора употребят вместо зубочистки. На твоем месте я бы лучше поднял парнишек поискать что-нибудь для рукояток: морских тварей не стоит подпускать близко.

— Вы утверждаете, что вам сто тысяч лет? — с дрожью в голосе спросил профессор.

Маллиган скромно склонил голову.

— Боюсь, это немного преувеличено, но для песни — самое подходящее. Как-то раз, давно это было, я подсчитал свои годы вместе с одним парнем, который разбирался в таких вещах — вышло около тридцати тысяч. Он признавал, что ошибка может быть в пять или десять тысяч лет в ту или другую сторону. Долгое время мне не было нужды задумываться об этом, а потом стало довольно трудно припоминать всю историю моей жизни. Даже шумеры путались в больших числах, а это было еще раньше — раньше, чем они спустились с гор.

Дэвис отвернулся, когда увидел, как отвисла челюсть профессора.

«Старый брехун!» — подумал он. Затем мобилизовал Гиббона и двух юношей, и они стали искать длинные прямые ветви среди плавника, годные для древков копий. Они нашли всего три, зато достаточно длинные и прочные.

«Материковый берег должен быть недалеко,— отметил Дэвис,— если судить по зеленым веткам. Все-таки Маллиган знает свое дело».

Им осталось еще около часа сумеречного света, а скалы, которые еще полчаса назад торчали из воды, уже исчезли среди волн. Вода поднималась. Они обнаружили Маллигана стоящим по пояс в воде, почти уткнувшимся огромным носом в ее поверхность. В руках у него была заостренная палка. Подойдя ближе, они увидели, как он резко ткнул своей палкой возле самых ног и, по-видимому, хлебнул воды, потому что выпрямился, кашляя и отфыркиваясь. На примитивном гарпуне извивалось что-то многоногое и бесформенное. Дэвис наблюдал за охотой с интересом, профессор — даже с каким-то отчаянием, а Маллиган, наступив голой ногой на дергающиеся конечности, принялся вырезать своим кремниевым ножом полоски

шкуры. Этими полосками он закрепил каменные наконечники на палках, расщепив их с одного конца.

Поскольку правая рука Гиббона была ранена, Дэвис решил оставить его в резерве. Под чертыханье сержанта пятеро вернулись в укрытие — наблюдать и ждать, а Маллиган остался на берегу. Он готовил оружие для себя: устрашающего вида каменный зуб, длиной в локоть, со скругленным для удобства основанием. Профессор назвал это оружие ручным секачом и впал в глубокую задумчивость, пытаясь примирить факты и постулаты его науки.

Быстро темнело. Приземистый силуэт Маллигана, застывшего на плоской скале, уходящей в глубь моря, стал едва заметен на фоне флюоресцирующего моря. Дэвис задумался, долго ли ждать, когда прилив выгонит их из укрытия на макушку острова, отдав на милость ветра, дождя и любого морского чудовища, которому вздумается проплывать мимо. Он мрачно наблюдал, как сияющая линия прибоя подкрадывается все ближе и ближе. Она почти коснулась ног Маллигана, когда тот издал дикий вопль и пропал из виду. Они бросились, перепрыгивая через камни, с копьями в руках, туда, где только что стоял старик. По пояс в поднимающейся воде, он прыгал, словно маньяк, метался и размахивал руками, и орал, как сумасшедшая обезьяна. Только потом, в сотне футов от него, Дэвис увидел, как что-то темное идет из глубины на поверхность. Старик тоже увидел это. Он стал отступать к берегу, все еще крича и неистово размахивая руками. Затем нечто, похожее на мифического Левиафана, поднялось на поверхность. Оно поднялось из моря, словно вздымающаяся волна, все в коричневой пене — огромный черепаший панцирь, усеянный ракушками и облепленный водорослями, на морщинистой шее торчала бронированная голова с широко расставленными глазами и загнутым клювом. Чудовищные ласты скользили на мокром скалистом склоне. Черные шары глаз уставились на маленькое кривоногое существо, которое издевательски кривлялось на берегу. Большая волна разбилась о панцирь, на мгновение скрыв великана, но через секунду животное появилось уже намного ближе и тяжеловесно двинулось на берег, нетерпеливо вытягивая вперед драконью морду. Маллиган отступил поближе к остальным, что-то крича на незнакомом языке. Дэвис откликнулся и начал тот же неистовый танец, заманивая монстра на берег. Загнутый клюв и выпученные глаза вынырнули из пены у самых ног. Голова чудовища метнулась к маленькой группе на верхнем конце плоской скалы, втянулась обратно, и, прежде чем оно повторило выпад, Маллиган прыгнул. Он по-кошачьи собрался в воздухе и вмиг очутился верхом на сморщенной шее монстра. Обхватив ногами ее мускулистый ствол, он нагнулся и вонзил свой секач в горло животного. Кровь черной нефтяной струей хлынула в кипящее море. Рука Маллигана, расширяя рану, погрузилась в нее по

локоть. Чудовище корчилось от боли, тщетно пытаясь достать его, ласты бешено месили воду. Оно пыталось повернуться к открытому морю, стремясь выбраться на глубокую воду. Безоружный Гиббон выскочил из-за скалы, дико размахивая здоровой рукой, и сбоку ударил по голове огромной черепахи, заставив ее повернуться к себе, и отпрянул, когда клюв метнулся в его сторону. В ту же секунду рядом с ним оказались Дэвис и остальные. Копье молодого Брэдшоу скользнуло по бронированной голове чудовища и пропало в море. Глаза профессора за стеклами очков сверкали странным светом. Он пригнулся, проскользнул под самым клювом монстра и, поднявшись на цыпочки, вонзил копье в вытаращенный глаз гигантской черепахи. Она дернулась, едва не стряхнув Маллигана, затем ринулась вперед, и краем панциря так задела профессора, что он отлетел далеко в сторону. Клюв щелкнул перед носом Дэвиса. Прежде чем выпад повторился, Дэвид вонзил копье ей в глотку, а сам отскочил подальше. Роговые челюсти сомкнулись на древке и смяли его, словно соломинку. Вильсон набрался смелости и поразил второй глаз чудовища и мозг. Мощные челюсти широко распахнулись, черная кровь хлынула из пасти. Ласты задергались сильнее, и гигантская черепаха выползла на берег. Голова слепо моталась на длинной шее. Наконец лезвие Маллигана достигло цели, и жизнь покинула чудовищную тварь.

Старик поднялся на ноги и оглядел всех: они были в крови, исцарапаны, но они победили!

Маллиган одобрительно усмехнулся и махнул рукой в сторону черепахи.

— Берите ножи,— приказал он.— Надо поработать.

Шесть человек, по колени в крови и пене, кромсали исполинскую тушу, отсекая мышцы, удерживающие чашеобразный панцирь, отделяя ребра, и рубили, сокрушая мощный позвоночник. Море вокруг покраснело, и за каменной грядой появились темные бесформенные тени. Они поднимались и опускались вместе с волнами: собирались морские стервятники, влекомые запахом смерти.

«Живая стена между нами и материком»,— подумал Дэвис.

Пролив подбирался уже к высшей отметке, когда они, наконец, приподняли и столкнули в море огромную скорлупу. Она осела в воде, кровавая жижа захлюпала на дне, и Дэвиса едва не вывернуло наизнанку, когда он представил, как они поплывут в такой лодке. Под руководством Маллигана они перегнали перевернутый панцирь подальше от останков и от кровожадных морских тварей, ожидавших, когда прилив поможет им добраться к месту пиршества. Молодой Вильсон сохранил свое копье, а оружие профессора вытащил из глазницы черепахи. Эти два копья и секач Маллигана остались их последним оружием. А страсти, кипевшие в темноте, явственно говорили о том, чего им следует ожидать, прежде чем их скорлупка

достигнет берега. Маллиган занялся вонючими внутренностями чудища, отрезая длинные полосы кишок. Он связывал их в некое подобие веревки и обматывал вокруг пояса, а остальные вычерпали, насколько смогли, кровавое месиво из панциря и осторожно расположились на скользком дне.

Дэвис и старик уселись последними. Они отошли от скал в гигантской чаше и медленно двинулись вдоль острова, пока не попали в течение. Их подхватило, несколько раз стукнуло о камни, повертело на месте и унесло от острова. Казалось, каждая волна норовила захлестнуть утлое суденышко. Гиббон и молодые люди суматошно вычерпывали воду руками. Дэвис взял копье Вильсона и встал там, где находилась корма их посудины, профессор, опираясь на древко, встал посредине, а Маллиган, все еще сжимающий свое кремниевое лезвие, утвердился спереди на скользких ступенях — остатках ребер черепахи. Бессонные глаза старика первыми заметили опасность. Под его рычание Дэвис высунулся за борт, насколько хватило смелости. В десяти ярдах от него что-то раздвинуло волны. У этой твари было крокодилье рыло и стремительное блестящее тело. Тварь изогнулась, на мгновение открыв брюхо, и нырнула. Пролетело десять секунд, двадцать, минута... Дэвис позволил себе откинуться назад, и тогда хищник вынырнул почти рядом с ним. Два крохотных красных глаза, спрятанных в складках блестящей плоти, злобно уставились на него, оскалились зубы, больше похожие на пилу. И тогда со всей своей силой Дэвис вонзил тяжелое копье в мягкий, мешком висящий зоб под узкой челюстью. Чудовище вздыбилось и начало подниматься, подниматься, пока, стоя на хвосте, чуть не заслонило полнеба. Потом рухнуло на спину, едва не утопив их скорлупку. Дэвис обеими руками уцепился за борта, он видел кружение воды. Чудовище поднялось опять, уже далеко слева, его контуры были едва видны на фоне слегка фосфоресцирующей воды. Что-то тяжелое и короткое, с щетинистыми плавниками, уцепилось за его нижнюю челюсть. Внезапно море вокруг них ожило. Запах свежей крови быстро разнесся по воде, и стервятники собрались со всех сторон.

— Черпайте, черт вас возьми! Иначе потонем! — разнесся над морем отчаянный крик сержанта.

И они черпали — Гиббон одной здоровой рукой, остальные двумя, окровавленную воду, немного быстрее, чем она прибывала. Во мраке ночи мелькнула голова еще одного чудовища, и Дэвис вцепился в копье, плавающее на дне лодки. Взгляд его упал на Маллигана, силуэт которого четко прорисовывался на фоне моря, и мурашки пробежали по телу.

Голова старика втянулась в плечи, лицо выдвинулось вперед и вверх, он принюхивался к ветру. Широкая спина выгнулась, как у волка, припавшего в земле, кривые ноги согнулись в коленях, длин-

ные руки свешивались ниже колен. Он был похож на огромную безволосую обезьяну или демона ночи, вырезанного из черного дерева и установленного на носу корабля, чтобы отпугивать злые силы. Лысая голова Маллигана на мгновение повернулась в их сторону, и Дэвису показалось, что в глазах старика сверкнул зеленый огонь.

Шли минуты и часы. Сколько прошло времени, Дэвис сказать не мог. Ветер стих, и море немного успокоилось. Они стали игрушкой, которую море несло, куда хотело — их подхватило неизвестное, не отмеченное на картах течение. Если прилив начал спадать, то их уносит прочь от материка в безбрежное, неизведанное пространство — окутанное туманом море, которое покрывает половину поверхности Венеры.

И шесть нагих людей в ночи: дождь сечет спины, а вокруг — лишь шлепанье и бульканье волн.

«Пять человек,— подумал Дэвис,— и Маллиган». Он закрыл глаза и прислушался. Ему показалось, что где-то далеко слышен шум прибоя. Возможно, отлив тащит их обратно к острову. Он напряг слух, но шум исчез, да и Маллиган не выказывал никаких признаков волнения. Внезапно старик выпрямился, голова его вытянулась вперед, как у охотничьей собаки. Он поспешно стал сматывать с пояса веревку из внутренностей черепахи, пропуская ее меж пальцами. Потом сделал петлю. Дэвис приподнялся с пробудившимся любопытством. Стало чуть светлее. Через плечо старика он увидел выгнутый блестящий панцирь еще одной гигантской черепахи. Маллиган взмахнул арканом, а Дэвис, махнув Гиббону, кинулся на корму, как раз в тот момент, когда петля Маллигана захлестнула шею животного,— это не дало судну перевернуться. Когда веревка натянулась, передняя часть их ковчега окунулась в волны. Дэвис, вцепившись в борта обеими руками, висел на корме. Гиббон обхватил его, зацепившись обеими ногами за какие-то выступы. Остальные сперва неуклюже барахтались на дне, потом один за другим вскарабкались к полицейским. Словно пять голых обезьян, сгрудились они на краю гигантского панциря, уравновешивая рывки чудовища, несущегося неизвестно куда. Упираясь ногами в изогнутый край, откинувшись всем телом назад, старик Маллиган крепко держал веревку, обмотанную вокруг пояса. Мышцы на спине и руках бугрились, словно корни старого дуба.

Посудина двигалась в одном направлении, но куда — знали только бог и ...черепаха. По знаку Дэвиса молодой Брэдшоу оторвался от живой грозди и перебрался к Маллигану, чтобы помочь тому. Юноша был самым легким из всех, а Маллиган мог и не выдержать длительного напряжения. Словно возничие древней Греции, стояли они плечом к плечу и мчались по морю, рассекая туман и брызги: кряжистое, коричневое тело и стройное светлокожее вырисовывались на фоне светлеющего неба.

Сомнений не осталось: впереди слышался грохот прибоя. Маллиган что-то крикнул им, но его голос отнесло ветром. А через мгновение последовал резкий толчок, и скорлупа раскололась. Обломки стали погружаться на дно, увлекая за собой людей.

Дэвис выплыл на поверхность и увидел Гиббона, прильнувшего к торчащему из воды рифу. Голова Вильсона мелькала в волнах неподалеку: молодой человек изо всех сил стремился к сержанту. Но ни Маллигана, ни молодого Брэдшоу не было видно.

Туман поредел. Вокруг стали видны черные крутые скалы, о которые сердито бились волны.

— Э-э-э-й! — донесся зов из мглы.

— Э-э-э-й, Дэвис! — присоединился к первому другой голос.

На зов диким воплем откликнулся Гиббон, тогда Дэвис увидел, что Маллиган и юноша выбрались на длинную скалистую отмель, охватившую небольшую бухту. Дэвис глубоко вздохнул и позволил морю внести себя в нее. Рука Маллигана сомкнулась на его запястье и помогла выбраться на безопасный риф. Отсюда он увидел в неразберихе пенистых волн стриженую голову сержанта и прилизанную волнами голову юного Вильсона. Сержант упорно продвигался вперед, несмотря на раненую руку. Через несколько минут они были вместе, все, кроме профессора. Они стали выбираться на берег, пробиваясь сквозь прибой, перекатывающийся через рифы. Гиббон первым увидел пропавшего. Профессор лежал в воде у берега. Очки его исчезли, на лбу синела большая шишка, он глухо застонал, когда они потащили его из воды на сухой берег. Пока Гиббон вытряхивал из профессора лишнюю воду, тот открыл глаза.

Дэвиса одолевала мысль, что с ними будет дальше. Они были слишком далеко от ближайшего жилья, без одежды и без пищи. Он наблюдал, как Маллиган суетится над профессором. Старик, единственный из них, не казался неуместным среди дикой природы. Страшные шрамы на могучих мышцах говорили о схватках более жестких, чем те, через которые они прошли минувшей ночью. Неужели в его россказнях есть правда?

— Профа порядком поколотило, босс,— мрачно заметил Гиббон, придерживая раненую руку.— Нам придется переждать здесь.

А затем со злостью добавил:

— Босиком и на пустой желудок мы далеко не уйдем.

— Тебе бы такие подошвы, как мои.— Это заговорил Маллиган.— Я хожу босиком при любой возможности, сколько себя помню. И ты бы плевал на ботинки, если б рос босоногим, как я.

— Нам не пришлось,— сухо ответил Дэвис.— Но нам надо добраться до какого-нибудь жилья и не дать Хэнлену выполнить то, что он задумал, а без обуви мы по этим горам не сделаем и мили в день. Если не помрем с голоду, конечно.

Старик хмыкнул.

— У вас будет обувь,— пообещал он.— И с голоду вы не помрете. Не забывайте, что я бывал в этих местах. А если бы и не бывал, я все равно добрался бы до места, где водятся черви. Скажи этим охламонам, пусть ищут небольшие бугорки песка вон там, повыше, куда вода не доходит. Когда найдут, пусть крикнут.

Минут через десять Брэдшоу обрадованно заорал. Почти одновременно Вильсон позвал с другого конца пляжа. Оба они нашли низкие песчаные холмики около восьми футов в диаметре. Маллиган подошел к одному из них, словно к звериной норке. Из-под его рук в разные стороны полетел песок, потом он откинулся на пятки и поднял какой-то предмет грязно-желтого цвета длиною около фута.

— Черепашьи яйца,— объяснил он.— Тут повсюду небольшие пляжи, они тут откладывают яйца. Та, которую мы запрягли, наверное направлялась сюда, но мы помешали ей.

В кладке, что нашел Брэдшоу, оказалось двенадцать яиц, а во второй — десять. Маллиган сделал себе еще один каменный нож и вырезал в кожистых яйцах отверстия, достаточно большие, чтобы просунуть в них ногу. Оболочки яиц превратились в бесформенные, но довольно прочные мокасины, а их содержимое утолило голод.

Они провели ночь, сгрудившись у подножия скал, мокрые и жалкие. Ветки, которые они смогли найти, были слишком влажными, чтобы гореть, даже если бы они нашли способ развести костер. Когда серый рассвет начал просачиваться сквозь облака, они проглотили на завтрак по сырому черепашьему яйцу, натянули неуклюжие мокасины и отправились к скалам.

Дэвис собирался провести совет, на котором каждый мог бы высказаться, чтобы выработать план дальнейших действий. Но не успел он и слова сказать, как Маллиган, словно белка, полез на скалы. За спиной у него болталась сплетенная из водорослей сетка с черепашьими яйцами. Им оставалось лишь следовать за ним. Старик был в горах, как у себя дома. Он двигался под моросящим дождем уверенно, не хуже горного козла, остальные могли только завидовать ему. Когда они, наконец, спустились с гор и углубились в джунгли, стало еще хуже. Следы ушедших вперед исчезали на глазах. Маллиган, казалось, просачивался сквозь кустарник, где его спутникам приходилось силой прокладывать путь, шаг за шагом продираясь сквозь стену сплетенных побегов и колючих шипов. Тем не менее, Маллиган не давал им погибнуть. Шестифунтовая дубина, которую он присмотрел для себя, стала настоящей палочкой-выручалочкой. Обнаружив бездонные окна в трясине, он укладывал ее, как мостик, между корнями деревьев, где черная жижа, кишевшая венерианской живностью, казалась единственной почвой. Ею он сбивал маленьких животных, их они научились есть сырыми. На ней он развешивал ядовитого вида грибы — благодаря им их же-

лудки не оставались пустыми. Этой дубиной он однажды отогнал похожую на рысь рычащую тварь желтого цвета, что преградила им путь. Как-то раз старик нашел дерево, внутри которого древесина оказалась сухой, и всю ту ночь они с благодарностью грелись у костра. Маллиган добыл огонь первобытным способом — трением круглой палочки в углублении сухого куска дерева. К утру первобытный прибор пропитался влагой, а топливо кончилось. Они встали и побрели, слегка приободренные, следуя за отпечатками ног старика в густой грязи.

С начала их одиссеи одну ночь они провели в море, в панцире гигантской черепахи, другую — на берегу, еще одну — в горах и три ночи в джунглях. Скудный свет еще сочился сквозь пышные кроны деревьев, когда приотставшие путники едва не наткнулись на Маллигана, ничком лежащего на краю поляны. Дэвис шел в арьергарде и чуть не наступил на профессора, распластавшегося на его пути; слепыми глазами тот пытался рассмотреть что-то впереди. Дэвис на четвереньках пробрался туда, где лежали Маллиган и сержант. Гиббон молча указал рукой вперед. На поляне стояло здание — знакомая коробка венерианского производства: нелепая штука из бетона, без окон и других лишних отверстий, которые могли бы послужить входом для назойливой фауны джунглей.

— Логово Хэнлена! — пробурчал сержант сквозь зубы.

Хэнлен? Так, значит, Маллиган знал это место. Он уверенно привел их сюда, голых и безоружных, где они могут только сидеть и злиться на свою беспомощность. Красные пятна заплясали у Дэвиса перед глазами. Он слишком долго оставался в тени.

— Сержант Гиббон,— резко произнес он,— я иду прощупать почву. Оставайся здесь, пока я не подам сигнал. Если даже Хэнлен там, он нас не ждет. Мы воспользуемся преимуществом внезапности.

Рядом, в грязи, хмыкнул старик Маллиган.

— У тебя нет кокарды, кэп,— лукаво заметил он.— И нет формы. Боюсь, Хэнлен тебя не признает.

Дэвис сделал вид, что не расслышал.

— Хэнлена там может и не быть,— продолжил он.— Если я не вернусь, примешь командование на себя. Понял?

— Конечно, босс,— нерешительно откликнулся Гиббон.— Но я никак не соображу, что делать, если Хэнлен не захочет сдаваться.

Прячась за деревьями, Дэвис обошел поляну по дуге и вышел к бухточке в том месте, где джунгли встречались с морским заливом. Судя по небольшому катеру у причала, в здании были люди. На всякий случай Дэвис привел в негодность двигатель и выбросил в воду несколько важных деталей. Бетонный бункер прятался в ложбине, так что вряд ли патрульный корабль сможет обнаружить его, даже если случайно завернет в эти места. Идеальное убежище.

Убедившись, что бункер не оборудован телекамерами наружного наблюдения, Дэвис решился подобраться к самым его стенам. Он прикоснулся ладонью к радиатору охлаждающей системы. Он был горячий — это значит, что здание обитаемо. В дверном проеме вполне могли быть следящие приборы, поэтому Дэвис не рискнул к нему приблизиться. Шаг за шагом он обследовал остальные стены. На крыше должно быть вентиляционное отверстие, но его обычно перекрывает мощная решетка. Да и едва ли взрослый мужчина сможет пролезть в него. Если Хэнлен решит дожидаться в этом бункере страшного суда, с ним ничего не поделаешь. Дэвис вернулся к радиатору. В большинстве таких домов кондиционер находился в отдельной комнатке в задней части здания. Маловероятно, чтобы кто-нибудь сунулся туда без крайней необходимости. Он внимательно осмотрел радиатор. Металлические пластины были вмурованы в стену, но бетон вокруг них выкрошился, а в одном месте была довольно солидная трещина. Был бы хоть какой-нибудь инструмент!

Тут он вспомнил о катере. Пятнадцать минут спустя Дэвис уже усердно работал, разламывая бетон. Тот, кто устанавливал кондиционер, не предусматривал возможности взлома. Крепежные болты радиатора оказались в пределах досягаемости, и Дэвис отвернул их гаечным ключом. Это дало ему возможность вынуть из системы пару выпускных труб. Их легко было нащупать — они были горячими. Осторожно положив трубы на землю, он прислушался. Не было никаких звуков, кроме бульканья охлаждающей жидкости в трубах кондиционера. С помощью пучка влажных листьев, чтобы не обжечь руки, Дэвис отогнул остальные трубы как можно дальше в стороны. Зубилом из инструментальной сумки катера он отодвинул язычок замка на внутренней стороне дверцы декоративного шкафчика. Она бесшумно распахнулась. Он еле пролез в отверстие, отделавшись легкими ожогами и длинной царапиной на бедре.

В комнатке было темно, только полоска света под дверью показывала выход в соседнее помещение. На цыпочках он двинулся туда, крепко сжимая огромный гаечный ключ. Тут его ударили точно за левым ухом и он мешком свалился на пол, а когда пришел в себя, руки и ноги у него были связаны. Во рту торчал тряпичный кляп с металлическим привкусом. Он задергался и яростно замычал сквозь кляп. Маленькая рука сильно ударила его в подбородок.

— Заткнись! — прошипел женский голос. И двадцать лет спустя при воспоминании об этом у Дэвиса мог случиться апоплексический удар.

— Гуг га гу! — возмутился он.— Ге го гоу! Гу гу!

Небольшой холодный кружок недвусмысленно прижался к его голому животу — ощущение не из приятных. У женщины был пистолет.

— Тихо! — гневно прошептала она,— в любую минуту они мо-

гут сюда войти. Лезь под кровать или я опять отключу тебя и затолкаю туда сама.

Он счел за лучшее откатиться под небольшую койку, что стояла у стены. Она опустила покрывало, чтобы спрятать его и выключить свет. Дэвис попробовал покрутить руки в запястьях: может быть, она не слишком надежно связала его. Убедившись в обратном, он прижался глазом к дыре в покрывале и едва не перекусил кляп. Это была девушка из бара — Энн Брэдшоу. «Этого и следовало ожидать»,— подумал он. Ее серебристая кофточка помялась, а сборванная на высоте колен юбка не скрывала довольно симпатичных ног. Девушка занялась своей прической. Бросив взгляд в сторону кровати, она отвернулась и поправила юбку. Глаза Дэвиса переключились на более серьезный предмет — в ее руках появился пистолет. Вполне возможно, что он был заряжен современными скоростными пулями, способными свалить человека не хуже пушечного ядра.

Раздался короткий стук в дверь. Нагнувшись, девушка быстро толкнула пистолет по полу под кровать. В замке заскрежетал ключ, и в комнату вошли двое мужчин. Тот, что пониже, оказался Слипом Хэнленом. Любому полицейскому были хорошо знакомы его лицо и особые приметы. Тощий малый с крысиными усиками под носом. На одной щеке были заметны свежие царапины — такие остаются от женских ногтей. Второй был обыкновенным вышибалой: плотный, тупомордый детина, одетый по образу и подобию своего хозяина. По знаку Хэнлена телохранитель закрыл дверь и прислонился плечом к косяку. Предводитель банды пренебрежительно обвел девушку взглядом с головы до ног, она спокойно ответила тем же и уставилась прямо ему в глаза. Лежа под кроватью, с пистолетом под самым носом, Дэвис наблюдал за ними,

— К нам пожаловали гости,— Хэнлен был настроен слегка иронично.— Что ты о них знаешь? Если они попробуют сунуть нос куда не надо, тебе не поздоровится.

Девушка смотрела на бандита с невозмутимым видом.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что если какой-нибудь сукин сын посмеет сунуться в наше маленькое предприятие, это повредит прежде всего тебе.— Его улыбка больше походила на оскал.— «Дочь Регента Наедине с Главарем Банды! Первое Свидание в Джунглях!» Сенсационные заголовки и неплохая пожива для газетчиков.

Она спокойно уселась на кровать и скрестила длинные ноги.

— Со мною были друзья. Они знают, что произошло на самом деле. А Патруль выжидает, чтобы поймать тебя с поличным!

Хэнлен разразился гнусным смехом.

— Такая тактика не в обычае Патруля. А что касается обезьян, что были с тобой, то они сейчас принимают холодные ванны там, где никто их не побеспокоит, пока я не прикажу.

Скрученные из тряпок узы порвались так неожиданно, что Дэвис едва не заехал локтем в стену. Он вытащил кляп изо рта и развязал узлы на ногах. Потом подобрал пистолет. Он был заряжен.

— Эй, парень,— глянул Хэнлен на детину у двери.— Выйди, скажи ребятам, чтобы смотрели в оба. Старик Брэдшоу наверное выследил нас, но ему это не поможет. Я могу продолжать игру и отсюда.

— В самом деле? — голос Энн Брэдшоу стал ледяным.— И что же это за игра, если не секрет?

Хэнлен перестал ухмыляться: — Мне надоело, что политиканы держат меня за мелкую сошку,— резко ответил он.— Двадцать лет назад каждый из них вытворял то же самое, что и я сейчас. И они делали это по праву. Они зовутся первопроходцами, а я считаюсь преступником. Они богаты и владеют виллами, а я прячусь в норах. Они резали глотки и грабили, но теперь они в почете. Ну так я присоединюсь к ним!

— А при чем здесь я? — в голосе девушки Дэвису почудились нотки уважения.

— Ты — мой козырь,— усмехнулся Хэнлен.— Сейчас на рабочем столе Регента лежит некий законопроект. На нем уже есть подписи членов Совета, и все, что ему надо сделать, это поставить свою подпись. Законопроект предусматривает участие в развитии Западного континента Колонизационной Ассоциации Добермана в течение 99 земных лет. Ассоциация обязуется строить дома и дороги, обеспечивать транспортом крепких честных поселенцев, желающих разбогатеть на новом месте. Все они станут членами Ассоциации и после десяти лет смогут, если выживут, либо уехать, либо заключить договор на новый срок. Те, кто не выдержат, заплатят наличными за каждый день пользования землей и за каждый кусок провизии, полученной от нас. Если кто-то не сможет или не захочет платить, его имущество перейдет к Ассоциации в счет погашения издержек. Все это в рамках закона и не вызовет возражений. Регент должен лишь примириться с мыслью, что предприниматель Феликс Доберман и Слип Хэнлен — одно и то же лицо. Вот тут-то и нужна ты. Пока он изучает законопроект и тянется к перу, он будет помнить, где находится его дочь, сколько времени ты уже провела здесь и как газетчики станут смаковать эту сенсацию. Он также вспомнит, что Слип Хэнлен всегда выполнял обещанное, и ты будешь в полном порядке, если в порядке будет законопроект. Он успокоит себя мыслью, что вовсе не обязан знать всех подробностей дела, а Феликс Доберман вполне может оказаться таким же порядочным бизнесменом, как и его друзья, и с такими же, как у них деньгами. Он подпишет, и через десять минут ты будешь уже на пути к дому. Просто, не так ли?

Энн Брэдшоу засмеялась. Это был издевательский серебристый

смех, и в нем не было ни единой истерической нотки. Просто ее что-то очень-очень развеселило, но это вовсе не обрадовало гангстера, если судить по его роже.

— Так вот оно что! — выдохнула сквозь смех девушка.— Слип Хэнлен — карьерист. Старается попасть в круг воротил-бизнесменов. А со временем постарается купить себе место в Совете. Может быть, ему удастся стать Регентом, после того как окружающие раскусят, какой он хороший парень. Это смешно!

Дэвис увидел, как ярость искривила губы Хэнлена — невероятно, чтобы он позволил женщине смеяться над собой,— и отодвинул предохранитель на маленьком пистолете.

В следующее мгновение что-то грохнулось о заднюю стену бункера с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. Дэвису представился случай оценить быстроту реакции Хэнлена. Пистолеты в обеих его руках оказались раньше, чем он повернулся к двери. Но прежде, чем он успел подбежать к ней, убежище потряс второй удар. На стене появились трещинки, снова посыпалась штукатурка. Дверь распахнулась навстречу Хэнлену. Это был дуболом-телохранитель. Его глаза удивленно таращились.

— Вот это да, Слип! — воскликнул он.— Они скатывают на нас валуны. Что делать?

Голос Хэнлена превратился в рычание.

— Прихвати с собой скорострельный автомат Мэнтона и постарайся выпустить им кишки. Раз они затеяли такую игру, пусть играют по нашим правилам.

Когда дверь за бандитами захлопнулась, Дэвис выполз из-под кровати. Девушка стояла перед ним с бледным лицом, на котором сверкали гневом голубые глаза.

— Вы упрямый дурак! — зашипела она.— Играйте в детектива где-нибудь в другом месте!

Еще один валун потряс здание. Дэвис вспомнил о ступенчатой террасе за поляной. Но против скорострельного автомата Мэнтона кинетическое оружие, которым воспользовался Гиббон, не страшнее детского пугача. Глупо швырять камни в стаю волков!

То, что осталось от костюма девушки после того, как она связала его, лежало на кровати. Дэвис обвязался этим вокруг бедер и осторожно толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и он тихо приоткрыл створку. В большой комнате вместе с Хэнленом было еще три человека. В наружную дверь неистово замолотили. Один из троих толчком распахнул ее. Стучавший вошел, согнулся пополам и лицом вниз свалился на пол.

Что-то свистнуло мимо уха Дэвиса и вонзилось в дверную раму. Это была тонкая длинная колючка, смазанная с одного конца какой-то черной дрянью с запахом тухлой рыбы. Они перевернули упавшего, и Дэвис увидел такую же колючку, торчащую у него в шее.

Когда очередной удар потряс убежище, один из осажденных растерянно произнес: «Что будем делать, Слип? У них отравленные стрелы. Они уже укокошили Плага и Бенни. Что делать?»

— Мы сидим крепко,— прорычал Хэнлен.— Они не смогут выкурить нас отсюда, швыряя камни. И стрелы их нам не страшны за бетонными стенами. Мы переждем здесь, пока старик Брэдшоу не поумнеет и сам не отзовет их!

— Неужели отзовет? — Дэвис вошел в комнату с пистолетом наготове.— Там мои люди, Хэнлен. Люди, которых ты оставил подыхать на скале посреди океана! Регент здесь ни при чем. Открывай дверь.

Злорадная усмешка мелькнула в глазах Хэнлена. Внезапно что-то мелькнуло за спиной Дэвиса, и руки его оказались прижатыми к бокам. Стройная нога подсекла его, и Дэвис повалился на пол вместе с оседлавшей его девушкой.

Прислоненный к стене, со связанными руками и ногами, Дэвис с ненавистью смотрел на Хэнлена и на девушку, пока те выясняли отношения между собой. В руке у нее был пистолет, и это причиняло Хэнлену некоторые неудобства.

— Рассуждаете вы прямо как политик, мистер Хэнлен,— говорила она.— Но вы не могли сами додуматься до такого. Кто разработал для вас этот план? Кто подсказал, как вести такие дела? Отец очень заинтересовался, когда ему стало известно, что ваша драгоценная ассоциация нажимает на законодателей, стараясь выхлопотать дарственную на земли. Отцу нужны новые поселенцы на Венере, но он, видите ли, не хочет, чтобы их нещадно эксплуатировали разные проходимцы... И ему не нравятся подставные лица. Он хочет знать суть вещей, и я, кстати, тоже.

Хэнлен мрачно смотрел на нее. Дуло пистолета маячило на уровне причудливой пряжки его пояса. Он ничего не ответил.

— Голый джентльмен сказал правду,— продолжала девушка.— Я в состоянии сама позаботиться о себе. Помощь героических мальчиков мне не нужна. Я очутилась здесь по собственной воле, чтобы выяснить, какую игру вы ведете. И теперь хочу знать, кто стоит за вами.

— Ничем не могу помочь.— отозвался Хэнлен.— Мне хорошо заплатили, чтобы я держал язык за зубами. Какой резон мне болтать?

— Вот это деловой вопрос,— отметила девушка.— Вы, действительно, бизнесмен. Ну так вот, как известно, вы потеряли двоих человек и не сможете покинуть этот бункер, пока кто-нибудь не уберет команду стрелометателей.

Она закинула ногу за ногу и отстегнула серебряную брошь у себя на плече. Подав ее гангстеру, она сказала:

— Эта маленькая штучка сигналит с тех самых пор, как вы

схватили меня. Сейчас крейсер Берегового Патруля находится поблизости и ждет моего сигнала. Вас обвинят в похищении, а наш галантный герой, может быть, добавит обвинение в оскорблении нравственности, если вы не отдадите ему форму и портупею. Но стоит вам ответить на мои вопросы, и мы выйдем отсюда, как старые добрые друзья.

Ехидная улыбка появилась на лице Хэнлена. Он ловко подкинул и поймал миниатюрный передатчик.

— Очень умный поступок с твоей стороны,— съязвил он.— Только тот катер, который доставил тебя сюда, оборудован защитным экраном против таких штучек. И хибара тоже. Никто не слышал этих сигналов, никто сюда не явится.

Дэвису показалось, что пистолет в руке девушки дрогнул. Терпению его пришел конец.

— Бросьте вы глупую болтовню и развяжите меня,— выкрикнул он.— Мои люди справятся с ним, если вы не можете. Патруль знает, как обращаться с такими типами, как он. Теперь у нас есть чем прижать его. Есть за ним другие делишки, только он ловко заметал следы. Так что у вас не будет хлопот с мистером Слипом Хэнленом Доберманом!

Глаза Энн Брэдшоу сверкнули гневом.

— Только этого от вас и можно ожидать! — бросила она в ответ.— Совать нос не в свое дело — как это типично для наших бравых полисменов! Вы получите то, что заслужили, и я рада этому! Правительство Венеры ведет это дело по собственному усмотрению. Космическому Патрулю незачем вмешиваться в него!

Дэвис, изогнувшись, кое-как уселся. Этот маневр дал ему возможность прижать связанные запястья к стальному угольнику, что впивался ему в плечо несколько последних минут. Это была, по-видимому, деталь арматуры, достаточно прочно закрепленная в стене.

— Когда я выберусь отсюда, мы посмотрим, кто и как поведет это дело! — резко ответил он.— Если вы думаете, что Патруль и Комиссия трех Планет будут стоять в стороне и смотреть, как некоторые зажиревшие политиканы собираются эксплуатировать полуголодных глупцов, готовых подписать что угодно ради призрачного шанса на приличную жизнь, то вы ошибаетесь! Я много знаю. Мои люди — тоже. Вполне вероятно, что Хэнлен со своими головорезами окажется не единственным, кого мы прижмем.

Девушка повернулась к нему спиной. Она едва не тряслась от гнева.

— Мистер Хэнлен,— сказала она.— Вы ищите возможность сделаться уважаемым гражданином. Предоставив нам нужную информацию, вы сможете называться Феликсом Доберманом. Нам нужны здесь поселенцы. И все, кто приносит вред этой задаче — не великого ума люди. Не то что вы. Назовите того, кто стоит за

этим делом, и я забуду, что покидала столицу. Мы забудем о Слипе Хэнлене. А вы, я думаю, позаботитесь, чтобы о нашем договоре не стало известно из других источников.

Подбородок Хэнлена отвис. Бусинки его глаз недоверчиво обследовали девушку.

— А какие гарантии? — требовательно спросил он.

Она не ответила, потому что в этот момент один из телохранителей Хэнлена неистово завопил и хлопнул себя по шее. Новый звук произвел впечатление и на Дэвиса: откуда-то взялось назойливое, действующее на нервы завывание, которое с каждой секундой становилось все громче. Хэнлен тоже втянул голову в плечи и суматошно замахал руками. Тогда и Дэвис увидел их. Маленькая стайка, словно клочок дыма, влетела в комнату сквозь вентиляционное отверстие в потолке. Мошкара! Он бешено стал перетирать веревку на руках. Мошкара сделала их поход через джунгли сущим кошмаром. Укусы этих насекомых мучительны, люди иногда даже умирали от них. Маллиган нашел какое-то растение, его запах держал насекомых на расстоянии, но лекарство было не многим приятнее болезни.

Комната наполнялась маленькими демонами. Четыре человека топали ногами, хлопали руками, ослепленные, натыкались друг на друга: эта сцена весьма походила на пляску сумасшедших.

Вскоре один из вампиров добрался до Дэвиса. Его укус был похож на инъекцию купороса, сделанную раскаленной иглой. Сквозь слезы Дэвис увидел Энн Брэдшоу, прислонившуюся спиной к двери. Одной рукой она прикрывала глаза, в другой ходил ходуном маленький пистолет.

— Назад! — кричала она.— Вы останетесь здесь, пока не ответите на мои вопросы. Вы все!

Веревка на запястьях Дэвиса, кажется, ослабла. Он зацепил прядь за небольшой заусенец и рванулся изо всех сил. Раскаленный укол за левое ухо и другой, в бедро, подстегнул его. Веревка порвалась. Вскочив на связанные ноги, он первым делом сорвал с себя остатки тряпок и заткнул ими вентиляционное отверстие. Затем сразу же упал на пол в целях безопасности, потому что Хэнлен метнулся в сторону девушки. Она тоже была ослеплена болью. Когда Энн Брэдшоу оттолкнула Хэнлена, пистолет в ее руках негромко, но злобно хлопнул, вызвав новый вопль у одного из головорезов. Она ринулась через комнату, споткнулась о распростертое тело Дэвиса и упала. Хэнлен с размаху толкнул дверь и вырвался на свежий воздух. Сквозь полузакрытые глаза Дэвис увидел, как он осел, словно ватная кукла, от удара огромной дубины, которой размахивало чудовище из ночного кошмара.

Их было пятеро: черных, бесформенных, энергично размахивающих, облепленных с головы до ног жидкой грязью, и все они

махали своими дубинами. Тучи мошкары вились над их головами, украшенными пучками листьев, которые словно пустили корни на благодатной почве.

Один из них занялся проводом на ногах у Дэвиса. Другой склонился над девушкой. Дверь закрыли. Насекомые больше не проникали через вентиляцию. Одним здоровым глазом Дэвис разглядывал однорукое, попахивающее тиной существо, которое, по-видимому, было старшим сержантом Гиббоном.

— А, ну-ка, ответь! — гаркнул Дэвис.— Тебе было приказано оставаться на месте и ждать сигнала в атаке. Я не подавал сигнала.

Покрытая коркой грязи фигура вытянулась по стойке «смирно».

— Да, сэр! Это все Маллиган, сэр. Я заметил, как они сначала пошептались, а потом все четверо набросились на меня. К тому времени, когда я освободился, Маллиган с ребятами уже скатывал глыбы на этот бункер, а профессор заделался снайпером. Когда они проделали дыру в вентиляционном фильтре и стали пихать туда приманку для мошки, я решил, что лучше присоединиться к ним.

Девушка с изумлением смотрела на покрытую грязью фигуру, склонившуюся над ней.

— Я Томкинс, мисс Брэдшоу,— послышался извиняющийся голос.— Профессор Томкинс из университета в Лаксе. Я был с вами, когда это случилось. Помните?

Серебристый смех заставил Дэвиса поморщиться. Он больше не доверял такому смеху.

— Если бы отец мог видеть вас сейчас!

Профессор, несомненно, покраснел под слоем грязи.

— Вы знаете, они забрали нашу одежду,— растерянно произнес он.— Абсолютно всю. Если бы не капитан Дэвис и мистер Маллиган, нас здесь не было бы сейчас.

— Капитан Дэвис?! — она попыталась пропеть это сладким голосом.— Я так много слышала о вас, капитан. Не ожидала встретить вас в таком, можно сказать, интимном виде.

Кто-то принес одеяло. Дэвис соорудил из него подобие римской тоги и приободрился, несмотря на то, что с такой распухшей физиономией трудно было сохранять достоинство.

«Она и сама выглядит немногим лучше»,— отметил он с удовлетворением.

— Приведите всех сюда,— скомандовал он.— Начнем разбираться с этим темным делом!

Все сбились в одном углу небольшой комнаты. Хэнлен и его люди время от времени постанывали, растирая опухшие лица. Гиббон выглядел невинной овечкой, профессор и двое молодых людей обсохли и теперь шелушились. Они чувствовали себя не в своей тарелке, хотя и нашли кое-какую одежду. Только Маллиган и девушка казались спокойными. Старик ввалился последним.

— Здорово тебя нажалили, кэп,— произнес он сочувственно.— Но это был самый лучший способ выкурить их отсюда, если уж камни не помогли,— хохотнул он.— Как сейчас помню, последний раз я катал камни, когда на нас напали поедатели коней. Мы обороняли пещеры, пока не кончилась еда. Тогда-то меня и трахнули дубиной по голове. Один доктор говорил, что, может, от этого я так долго живу. На мне все заживает, как на ящерице. Не помню, сколько раз у меня выпадали зубы, а потом снова вырастали.

— Духовые трубки — идея профессора,— вмешался Гиббон.— Они нашли больших красных улиток, яд которых парализует человека на два-три дня. Маллиган знал про них. Потом они вдвоем держали дверь под прицелом, пока ребята скатывали камни.

Томкинс зарделся под черной маской.

— Как антропологу, мне приходилось изучать жизнь первобытных людей; их методы обороны и нападения,— педантично объяснил он.

— Подождите! — голос девушки был тихим, но в нем чувствовалась твердость.— Здесь распоряжаюсь я как представитель власти. Эти джентльмены помогают мне. Прежде, чем мы покинем эту комнату, надо выяснить, кто стоит за противозаконной попыткой заполучить земли. Кому мистер Хэнлен так легкомысленно подчинил свое честолюбие. Когда мистер Маллиган прервал нас, я сделала некое предложение. Оно все еще в силе.

Дэвис ошеломленно уставился на нее.

— Вы позволите этому гаду остаться безнаказанным? — не поверил он.

Энн холодно посмотрела на него.

— Это мое дело,— отрезала девица.— Правительство достаточно информировано о мистере Хэнлене, чтобы надеяться сделать из него хорошего помощника в своих делах. Конечно, если он направит свою энергию, талант и деньги на такое стоящее дело, как колонизация Западного континента. Я уверена, он будет сотрудничать с нами. Тогда все мы должны будем забыть о том, что с нами случилось несколько дней назад. Можете считать это приказом правительства. Вы, конечно, понимаете приказы, капитан Дэвис?

На физиономии Маллигана мелькнула улыбка, корка грязи на лице потрескалась.

— У меня кое-где остались шрамы. Заполучил я их от Хэнлена, когда он еще не подобрался так близко к правительству,— старик оглядел всех, ища сочувствия.— Я хотел бы отплатить ему за это, мадам.

— Забудем старое,— распухшее лицо Хэнлена приняло решительный вид.— Интересно будет посмотреть, как того гаврика выталкивают в шею. Куксон — вот кто главный заводила в этом деле. Я выпустил акции, а он проталкивал их через Совет. За половину

прибыли! Только ему показалось мало. Если я не отвалю ему кусок побольше, он донесет на меня Регенту и приберет все предприятие к лапам своего Департамента Иммиграции, чтобы распоряжаться правительственными финансами, пока Совет не очухается. Вот я и похитил тебя, чтобы Регент, когда ему наговорят на меня дважды, подумал, прежде чем принимать решения. Но ты даешь мне шанс, и отныне Слипа Хэнлена больше нет. Слово Слипа Хэнлена тому порукой!

Обтянутый брюками, которые были ему здорово малы, Дэвис сидел на корме посудины Берегового Патруля, прибывшего по вызову Энн Брэдшоу. Сквозь собственные мрачные раздумья до него едва доносились настойчивые расспросы профессора Томкинса и лошадиный голос Маллигана, дающего уклончивые ответы. Может быть, старик когда-то был вождем неандертальцев и прожил насквозь всю историю человечества. Может быть, он приходился тестем Моисею, служил телохранителем у Авраама и кузнецом у Цезаря. Может быть, это он выиграл Американскую войну и битву при Драйлэнде. Какая разница!?

Больше всего он мучился тем, что над ним, офицером Космического Патруля, взяли верх вздорная девчонка и болтливый старик. Он потерял свои штаны, не говоря уже о рубашке, и эту новость везли сейчас в Лаксу эти проклятые болотники из Берегового Патруля, чтобы выставить его на смех перед каждым тупоголовым простофилей Системы.

Но он еще им покажет, что такое Космический Патрульный! Если хоть один из них вымолвит слово о том, что случилось, он многого не досчитается на своей физиономии. Он проучит Слипа Хэнлена так, что тот запомнит это на всю жизнь. Он еще заставит старого Брэдшоу заискивать перед собой. А старика Маллигана надо напоить и завлечь в Патруль — там он узнает, что такое дисциплина. Старый брехун, если его подпоить, сам пойдет куда угодно. А как же девчонка!

Он покраснел, заметив улыбку, предназначенную для него. Может быть, она умеет читать мысли. Пусть! Он вдохнул в себя липкий туман с рыбьим запахом. Как чертовски приятно будет дышать регенерированным воздухом космического корабля, когда он покинет эту поросячью лужу и ощутит вокруг себя величие бесконечности. Как он обрадуется, увидев звезды. Как дьявольски обрадуется!

Но прежде чем вознестись в этот мир тишины, он оставит этой золотоволосой тигрице повод для волнений!

Томас М. Диш

ПЕРЬЯ С КРЫЛЬЕВ АНГЕЛА

Всю ночь снег падал на крышу маленького аккуратного домика Тома Уилсона в Парсоне, что в Западной Вирджинии. К утру ослепительные сугробы лежали повсюду, куда только доставал взгляд: на вершинах сосен, на замерзшем пруду. Как гигантская попона, неимоверной белизны снег укрывал, казалось, весь мир.

Где-то звенел смех, где-то пели песни, но над этим домом, казалось, нависла злая туча. Жена была совсем плоха... Время рассыпало седину по ее волосам и проложило глубокие морщины на ее лице — но и сейчас она была прекрасна. Тонкие губы сжаты; это те самые губы, которые целовали горячие слезы на детской щеке, поэтому Мамины щеки, Мамины губы — самые прекрасные в мире!

Белые облака, похожие на фигурки зверушек, мчались по небу, огибая солнце. Измученный заботами Том сидел, стиснув ладони, огрубевшие от тяжкого труда. Он отрешенно смотрел на умирающую жену и на маленькую дочку, что спала в кроватке на колесиках. Ее

розовые губки, казалось, были тронуты таинственным небесным светом. Какие счастливые события, прошедшие или грядущие, наполняли ее невинные грезы? Может, ей виделись знамения будущей счастливой жизни?

Не может быть, чтобы нашу Землю населяли только люди! Не может быть, чтобы наша жизнь напоминала мыльный пузырь, брошенный Вечностью по течению Времени, чтобы, проплыв немного, лопнуть и раствориться в Небытии!

Почему все высокие чувства, исходящие из души, словно ангелы из собора, навсегда остаются невостребованными? Почему ослепительный блеск человеческой красоты обречен исчезнуть, заставляя тысячи ручейков наших чувств стекать единым горным потоком обратно в наши сердца?

Должно же существовать где-то царство, где радуга никогда не гаснет!

Эти события происходили в маленьком уютном домике, где обитала семья, которая вряд ли могла похвастаться достатком, даже по меркам среднего класса. И все же многие могли бы им позавидовать!

Пол, стены и потолок были сделаны из простых деревянных досок.

Все в доме излучало удивительный свет, но это было не сияние золота и серебра. Женщина постоянно подтягивала к своей груди стеганое одеяло, сшитое из простых лоскутов, приглушая приступы кашля, боясь разбудить маленькую дочку, спящую рядом в кроватке. Одеяло она сшила сама много лет назад, но, несмотря на многочисленные заплаты и потертые места, оно было не менее красиво, чем новое, и походило на яркую бабочку среди цветов в летнем саду.

Где-то вдалеке зазвонил колокол. Том поднял голову, очнувшись от мира собственных грез. Перед ним лежала пачка карандашей и несколько линованных листов бумаги из школьной тетради. Его красивые глаза были омрачены постоянной тревогой и болью.

Какие мысли разбудил далекий звон в его отчаявшейся душе?

Том взял карандаш неуклюжими, огрубевшими пальцами, много лет знавшими только черенок лопаты.

Сможет ли он выразить на бумаге весь океан своих чувств и смятение, переполнявшее его сердце?

Закусив от усердия нижнюю губу, Том старательно вывел на бумаге:

ПЕРЬЯ С КРЫЛЬЕВ АНГЕЛА

рассказ Томаса Уилсона

На этом Том остановился. Маленькая фигурка появилась над кроватью и протянула две худые ручонки навстречу утреннему свету.

Ее голубые глаза, такие же, как и у мамы, доверчиво смотрели на Тома. Она спросила шепотом:

— Мама все еще спит?

Несмотря на острую душевную боль, разбуженную невинным вопросом, Том улыбнулся и ответил:

— Да, моя дорогая. Мы должны сидеть тихо...

— А она?.. Она поправится, папа? И станет такой, как раньше?

Слезы катились из бездны голубых глаз девочки.

— Да, моя хорошая, ей скоро станет легче, гораздо легче.

— Так ты принес лекарства? Боже, папа, мы снова будем счастливы!

Том отчаянно покачал головой.

— Нет, моя радость. Я уже говорил тебе, что не могу купить лекарства, у нас нет денег, и к тому же, я уже говорил тебе, я...— Его голос, обычно ровный, дрогнул от напряжения.

— Ты не можешь найти работу, я знаю...

— Шахта закрыта...

— Шахту закрыли очень давно. Когда же ее снова откроют?

— Скоро, моя дорогая, скоро...

Девочка прижалась бледной щечкой к единственному окошку, в котором отражались огромные снежные сугробы, блестевшие, словно драгоценные камни.

— Сегодня окошко сильно замерзло, будто превратилось в огромную льдину,— голос девочки дрожал.

— Ночью шел сильный снег, малышка, и окно заледенело.

Девочка улыбнулась.

— Снег! Он, наверное, такой красивый! Как бы я хотела его увидеть!

Вся беспросветная жизнь, черная, как ночь, жизнь этого маленького создания, снова предстала перед глазами Тома. Красота жизни навек скрыта от нее. Для нее не существует листопада, цветущих полян и призрачной белизны зимы. Ей не суждено с восхищением и страхом вглядываться в бездонную глубину ночного неба, вспыхивающего искорками падающих звезд. Ее глаза, прекрасные голубые глаза, покрыты непроницаемой вуалью, не знают ожидающего, внимательного взгляда, устремленного на маму, следящего за появлением доброй улыбки, всегда утоляющей детские печали. О, чего бы она не отдала за этот божий дар! Подумать только, девочка тоже могла бы видеть! Видеть, как утреннее солнце прогоняет бесконечную ночь! Но если Том еще мог где-нибудь раздобыть несколько долларов на лекарство, чтобы спасти маму девочки, то несколько тысяч долларов, необходимых для сложной хирургической операции на глазах дочки, ему не достать. О, пытка напрасных надежд!

Если только...

Том снова посмотрел на прикрепленное к деревянной стене объявление из журнала «Лайф». Известнейшее издательство объявляло конкурс на лучший рассказ. Победитель должен получить премию в десять тысяч долларов.

Десять тысяч долларов! Этого вполне достаточно, чтобы обеспечить прекрасное лечение жене и восстановить зрение дочери! Том не был писателем. Единственный рассказ, который он мог написать, было повествование о его собственной жизни. Надо описать все честно и правдиво, и, может быть, этот крик души найдет отклик в чьем-нибудь добром сердце.

Это была последняя надежда, единственный шанс, и, Том знал это, других способов заработать денег не находилось.

Несколько раз посмотрев на два создания, которые он любил больше всего на свете, Том взял карандаш и начал писать о своей нелегкой жизни. Сначала слова приходили с трудом, и Том боялся опоздать: последний срок отправки рассказа — 1 января, а сегодня... а, сегодня уже — рождественское утро.

— Том,— тихо прозвучал голос умирающей жены, приглушенный, но полный силы и достоинства.

— Да, любимая.

— Ты пишешь рассказ на конкурс?

— Я пробую, но боюсь, что ничего из этого не получится. Какой из меня писатель? А там, наверняка, будет столько умных людей.

Женщина содрогнулась от сильного приступа кашля, но вскоре заговорила снова:

— Обещай мне, что завтра закончишь рассказ и отошлешь его в Нью-Йорк. Неважно, что получится. Этим утром, слушая церковный звон, я ощутила нечто странное, чувства, которые невозможно передать. Как будто мне было обещано что-то необычное. Я уверена, Том, мне открылось, ты должен писать, ты должен закончить рассказ, ты должен!..

— Я обещаю, моя любимая. Ради тебя я закончу.

Том склонился над женщиной, стараясь не выдать горьких чувств, рвавшихся из груди. Женщина улыбнулась.

Слова лились подобно горному потоку, а вместе с ними и слезы.

Неясный свет следующего утра уже пробивался сквозь великолепие французских окон элегантного дома в Нью-Йорке. За столом, покрытым белоснежной скатертью, уставленным серебряными приборами, сидели мужчина и женщина. Нельзя представить себе большего контраста, чем нищенская простота дома Тома Уилсона и роскошь этого великолепного дворца. Но во «дворце» царил холод, который не могли разогнать даже батареи центрального отопления. Это был холод сердец, забывших о любви и сострадании.

Мужчина и женщина средних лет сидели молча. Изредка она

поднимала на него глаза, желая прервать затянувшуюся паузу, но всякий раз суровое выражение его лица останавливало ее, и она опускала глаза на чашку чая, стоящую перед ней.

Мужчина бегло просматривал одну за другой бумаги, лежавшие огромной стопкой на его столе. Все прочитанное, казалось, раздражало его. Он отшвыривал одну за другой рукописи с тем же недовольным видом. Выбрав несколько листов и соединив их скрепкой, он рассмеялся:

— Не желаешь взглянуть?

Женщина выжидающе посмотрела на него.

— Манускрипт, написанный на школьной бумаге, без штемпеля и обратного адреса. Кто-то, видимо, решил подшутить надо мной.

С этими словами он бросил листки в корзину для бумаг, но промахнулся, и пачка упала на пушистый ковер рядом с корзиной.

— Ты не собираешься даже прочесть это? — спросила женщина, указывая на брошенные листы.

— Если я буду читать всякую ерунду, приходящую на мое имя, то буду сидеть до второго пришествия. Ко мне приходят тысячи рассказов: рукописных, с чернильными пятнами, с ошибками в правописании и грамматике, мои секретари большую часть рабочего времени занимаются тем, что разгребают весь этот мусор.

Женщина кивнула.

— Пожалуй, ты и прав. И все же...— ее голос перешел в едва различимый шепот,— и все же очень жаль...

Но он уже снова принялся за работу, которая, казалось, состояла из перелистывания печатных листов и перекладывания их из одной стопки в другую.

Она так и осталась сидеть неподвижно перед чаем, остывшим в дорогой фарфоровой чашке. Вдруг она вздрогнула, как будто сквозняк комнат ворвался в ее сердце, и чья-то властная рука легла на плечо. Она подняла глаза на мужа и увидела, как с потолка, грациозно покачиваясь, опускаются два пера ослепительной белизны. Со смутным изумлением и восхищением она следила за их движением, недоумевая, как эти два перышка могли попасть в это стерильно закрытое кондиционированное помещение. Перья мягко опустились на первую страницу отвергнутой рукописи. Женщина осторожно подошла к бумагам на ковре.

— Да не возись ты с этим,— посоветовал ей муж.— Служанка все потом уберет.

Но она словно замерла над бумагами. Она долго стояла, преклонив колени, сжимая руки и молясь провидению. Она очень осторожно убрала перо и прочла название. И вновь властное прикосновение заставило ее вздрогнуть.

— ПЕРЬЯ...— прошептала она — с крыльев... АНГЕЛА...

Она всегда верила в ангелов, но ее добрый ангел покинул ее. Тем сильнее ей захотелось прочесть.

Женщина прочла рассказ, и ее глаза переполнились слезами. В этот момент ее муж наконец оторвался от работы и вставал из-за стола, рассуждая о том, что он думает о современных писателях. Она положила рваную рукопись перед ним и жалобно попросила:

— Дорогой, ради меня, прочитай эту рукопись!

Мужчина изумленно посмотрел на нее.

— Я заклинаю тебя любовью существа, которое когда-то было тебе дороже всего на свете. Не уходи из этой комнаты, не прочитав рассказа.

Мужчина еще раз с недоумением посмотрел на жену. Между ними существовал неписаный закон: никогда не упоминать об этой потере.

Он раскрыл рукопись...

Снег вновь засыпал крышу маленького домика в Западной Вирджинии, каждый раз солнце вновь вставало, невидимое для голубых глаз, таких дорогих Тому Уилсону. Январь пришел и ушел, затем февраль... Каждый день Том тащился по заснеженной дороге в город, узнать, не пришло ли ему письмо, и каждый раз ответом ему был равнодушный поворот головы, потом он просил у бакалейщика в долг муки и сала и получал тот же ответ.

С каждым днем девочка улыбалась все реже и реже и лишь иногда спрашивала:

— Была сегодня почта, папа?— услышав шум входной двери и чувствуя дуновение морозного ветра на лице.

— Нет, моя крошка...

— Значит, она придет совсем скоро. Этой ночью я видела сон, что ответ придет именно сегодня. Как ты думаешь, можно ли верить таким снам?

— Если мы не будем верить нашим снам, то чему же нам остается верить?

Даже ребенок почувствовал всю горечь отцовских слов и замолчал.

Выбравшись из маленькой кроватки, куда ее посадил отец, чтобы она совсем не замерзла в нетопленной комнате, она нащупала дорогую руку и прижала ее к своим занемевшим губам. Отец осторожно закутал дочку одеялом и прижал к себе. Так они и просидели весь вечер. В сумерках опять пошел снег. Том встал, чтобы приготовить незатейливый ужин, состоящий из кукурузных зерен, обжаренных в остатках масла. Ужин был очень скудный и, пожалуй, последний. После него на дне сковородки ничего не осталось. О следующем дне Том не осмеливался даже думать.

После скромного ужина — девочка, конечно, не могла видеть, что отец ничего не ел,— они уселись возле холодного камина.

— Папа, скажи мне, что мы будем делать, когда выиграем первый приз? Расскажи мне о тех обновах, которые мы купим, и о тех местах, куда мы поедем путешествовать. Расскажи мне обо всем, что я смогу увидеть: о радуге, цветах, бабочках.

Том схватился за голову, он весь задрожал от ужасной боли, глухой стон вырвался из его измученного сердца.

— Папа, папа, что случилось? Ведь ты, конечно, не думаешь, что... Ты ведь читал мне свой рассказ. Он такой интересный! Он замечательный! Его обязательно должны прочесть в редакции. И тогда...

— Ты действительно веришь в это?— спросил Том срывающимся голосом, несмотря на все усилия сохранять спокойствие.

— Мама верит, что все получится, значит, и мы должны.

Том поднял глаза на единственную свечу, мигавшую на столе.

— Да, конечно,— согласился он, немного успокоившись.— Мы должны!

В этот момент кто-то тяжело постучал в дверь.

— Папа, кто это может быть? Неужели?.. Тогда, во сне... Нет, наверное, это путник сбился с дороги в метель. Ему повезло, что он нашел дорогу хоть к нашему дому.

Том открыл дверь и увидел знакомую фигуру в голубой форме. Почтальон протянул заказное письмо, и Том, дрожа не столько от волнения, сколько от холода, вскрыл конверт. Это письмо либо оправдает его надежды, либо окончательно их разрушит.

Из конверта выскользнул чек на 10 000 долларов, похожий на лучистое сверкающее перо, и грациозно порхнул на пол. Но все внимание Тома было приковано к письму.

Дорогой мистер Уилсон!

Мой муж, главный редактор журнала «Лайф», просил меня уведомить Вас о том, что Ваш рассказ «ПЕРЬЯ С КРЫЛЬЕВ АНГЕЛА» занял первое место в конкурсе на лучший рассказ. Я хочу поздравить Вас, мистер Уилсон, и более того, хочу поблагодарить Вас за то, что Вы разбудили в моем сердце и сердце моего мужа и, я уверена, в сердцах будущих читателей необъяснимое чувство тревоги, радости и боли за день сегодняшний и надежду на счастье в дне грядущем.

Наверное, найдутся такие, кто сочтет Ваш рассказ неискренним и выдуманным. Среди двухсот миллионов голосов общественного мнения, как и в океане, сверху плавает мусор и пена, и лишь глубина сохраняет свою кристальную чистоту. Жюри конкурса оценивало Ваш рассказ не столько по стандартам «литературно-

го вкуса» и внешнего блеска, сколько по искренности эмоций и чувств и читательским симпатиям журнала «Лайф». Ваш рассказ — это крик души, подлинная ценность которого в том, что он делает человека бессмертным, либо уничтожает всякую память о нем.

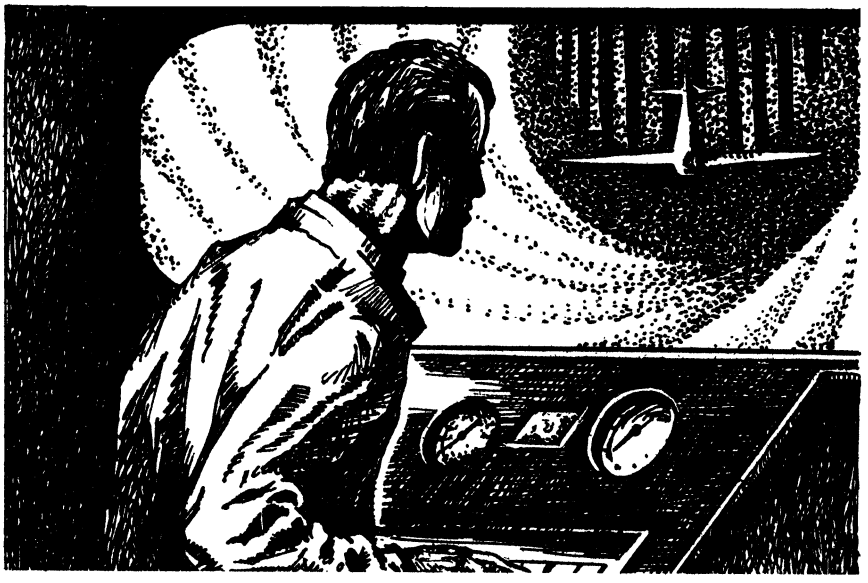
С любовью и благодарностью
Мать.

Слезы текли по щекам Тома.

— Папа, папа, скажи, что это правда!

— Да, моя любимая малышка, да, это правда! Мы победили в конкурсе, и ты будешь видеть... видеть!..

Слезы радости и скорби ручьем текли из бездонных голубых глаз слепой девочки. Она увидит столько прекрасного, но не увидит самого дорогого — доброй маминой улыбки...



Отфрид Ганштейн

ЭЛЕКТРОПОЛИС

ГЛАВА 1

Теперь восемь часов вечера. День идет к концу, и больше, пожалуй, уже ничего не произойдет. Довольно огорчений принесло мне утро. Смешно сказать: у меня такая корреспонденция, точно я какая-нибудь солидная фирма. Эта корреспонденция внушает моей добрейшей хозяйке фрау Мюллензифен глубочайшее уважение ко мне. Она видит на конвертах адреса почтенных торговых домов и контор. Я получаю письма только от первоклассных фирм: Крупп, Сименс, Борзиг... Жаль только, что содержание этих писем всегда одно и то же. Приблизительно следующее:

«Милостивый государь! К сожалению, мы не можем воспользоваться предложением ваших услуг, так как в ближайшее время не предвидится никаких вакансий. Представленные вами удостоверения при сем прилагаются.

С совершенным уважением...».

Можно подумать, что все эти фирмы выработали одинаковый штамп для ответов.

Сегодня утром я получил три таких письма. Днем принесли еще пять. Вечером я был у моего опекуна.

— Милый мой юноша, тебе исполнился двадцать один год. Я охотно признаю, что ты прилежно учился и получил прекрасное свидетельство. Ты блестяще выдержал экзамен, но теперь ты совершеннолетний, и моя опека кончается. Я должен вручить тебе твое наследство. Оно невелико, так как твое образование стоило денег, да и содержать тебя было тоже не дешево. Осталось еще триста марок. Вот, я передаю их тебе. Ты кое-чему научился, ты здоров, силен, пора тебе стоять на собственных ногах. Ты же сам понимаешь: у меня большая семья...

Разумеется, я никогда и не рассчитывал...

Мой опекун всегда был для меня чужим. Я рано потерял мать и остался годовалым ребенком. Впоследствии опекун нашел, что мне незачем поступать в гимназию и что я должен скорей научиться зарабатывать деньги. Три года я работал практикантом, сперва у Борзига, затем у другой крупной электрической фирмы. Потом в течение двух лет я посещал техникум. Теперь я без места.

В подавленном настроении возвращался я домой. Опекун вежливым образом указал мне на дверь, и я оказался выброшенным за борт с 300 марками в кармане. Триста марок,— этого хватит на 2—3 месяца, а потом? Нет, надо как можно скорей найти место. В качестве инженера меня, может быть, и не возьмут, так как я слишком молод, но я могу быть монтером, рабочим...

Дома меня встретила фрау Мюллензифен и сказала:

— Вам опять письмо!

Я пожал плечами: откуда?

Все, к кому я обращался, уже прислали мне свои отказы...

Я повертел письмо в руках. Серый конверт, штемпель — Берлин.

В письме стояло:

«Вы просили у меня места. Жду вас сегодня вечером в 9 часов в отеле «Адлон». Франк Аллистер».

Я трижды прочел письмо, пробежал взад и вперед по комнате и снова прочел: «Франк Аллистер». «Франк Аллистер»... Где я слышал это имя? И сразу же вспомнил: сегодня днем я зашел в кафе Бауэр — просмотреть газету,— разумеется, только страницу объявлений,— и глаза мои упали на следующие строчки:

«Ищу молодого, способного инженера на место в отъезд, за границу. Должен быть молодцом, должен быть гением. Вознаграждение по заслугам. Только те, кто уверены в том, что они обладают именно тем, что мне надо, благоволят явиться. Франк Аллистер. Отель «Адлон».

Я прочел это объявление несколько раз и подумал: какой сумасшедший человек напечатал его?!

Разумеется, мне нечего откликаться на это, ведь я же не гений. И я не откликнулся... А теперь вдруг это письмо!

— Фрау Мюллензифен!

Она вошла.

— Простите, я что-то плохо вижу, у меня воспалены глаза. Прочитайте мне, пожалуйста, это письмо.

Она прочла то же самое, что читал я.

— Подписано: Франк Аллистер?

— Да. И если вы хотите быть у него в девять часов, то поторопитесь.

— Ну, разумеется...

— Кстати, к вам сегодня кто-то приходил.

— Кто же?

— Не знаю. Похож на полицейского. Очень подробно расспрашивал о вас.

— Мне нечего бояться полиции.

— Я и не сомневаюсь...

Я бегом помчался по лестнице и на ходу вскочил в омнибус. Было без одной минуты девять, когда я входил в отель «Адлон».

— Герр Аллистер здесь?

— Ваше имя?

Я подал свою визитную карточку. Швейцар прочел.

— Вас ждут. Мальчик, проводи господина к мистеру Аллистеру. Комната 273.

Мне вдруг стало страшно. Стало быть, это не сон? Франк Аллистер не миф? Но кто же он? Кто этот единственный человек, которому понадобились мои услуги?

Я вошел как раз в тот момент, когда часы в комнате били девять. Мистер Аллистер, высокий, худой, с лицом типичного американца, бросил беглый взгляд сперва на меня, потом на часы, кивнул головой и сказал:

— Very well. Садитесь!

Я присел к письменному столу.

В голосе этого человека было что-то странное, сухое, беззвучное, безличное.

— Вы просили у меня места?

Я размышлял. Я не просил у него ничего — это недоразумение. Но нужно ли мне указывать на это? Или начать свою служебную карьеру сразу со лжи, воспользовавшись этим недоразумением? Нет.

— Мистер Аллистер, я был бы очень счастлив, если бы мог пригодиться вам, но места у вас я не просил.

Мне показалось, что американец едва заметно улыбнулся.

— Нет, вы сами обратились ко мне с просьбой об этом. Вы сказали мне это.

Я встал.

— Мистер Аллистер, вы смешиваете меня с кем-нибудь другим.

— Вы сказали мне это сегодня, в четыре часа дня, в кафе Бауэр. Сказали глазами. Я стоял рядом с вами, когда вы читали объявления в газете. Ваши глаза просили места, просили службу...

— Но откуда вы узнали мое имя?

— Вы разбросали по столику письма, адресованные вам.

— Мистер Аллистер...

— Время — деньги. Сейчас я не могу рассказывать вам все. Да это и не важно. Я готов взять вас на службу. С сегодняшнего дня. Вознаграждение пятьдесят фунтов в месяц. Договор на три года. Жалованье увеличивается через каждые три месяца наполовину. Я вправе уволить вас, если вы не будете отвечать моим требованиям. В таком случае я плачу вам за три месяца вперед и оплачиваю обратную дорогу. Согласны?

Я стоял, как пораженный громом. Ведь это же блестящие условия! Пятьдесят фунтов, то есть тысяча марок в месяц! И прибавка через каждые три месяца! Нет, тут что-то кроется. Это ловушка, этого не может быть.

— Итак?

— Мистер Аллистер, что это за служба? В чем будут состоять мои обязанности?

— Об этом я пока еще ничего не могу вам сказать. Имейте в виду, что я не хозяин предприятия, а только его уполномоченный.

— А кто же хозяин?

— Господин Шмидт.

Я, недоумевая, смотрел на него. Он улыбнулся.

— Вы не знаете господина Шмидта? Конечно, я верю вам. Смотрите: перед вами целая кипа писем. Это все отклики на мое объявление. Их семьсот сорок восемь. Я бросаю их в корзину. Вы понравились мне, и вас я беру. Я доверяю вам, но и вы должны доверять мне. Больше я не скажу вам ничего. Но вы можете быть уверены, что вам не предлагают ничего бесчестного. Наоборот, ваша работа будет иметь огромное и благостное значение для всего мира. К сожалению, у меня больше нет времени. Вот договор. Если вы подпишете его, я вручу вам пятьсот марок вперед, и сегодня с полуночи вы считаетесь на службе. Если же нет... впрочем, я не насилую вашу волю. Вот договор. Вот пятьсот марок. Одно из двух: или вы будете сегодня в полночь на аэродроме Темпельгоф и спросите, где аппарат, приготовленный для Франка Аллистера, или же вы придете сюда в 11 часов и вернете мне деньги.

— Но... ведь вы меня не знаете... И даете мне деньги... А если я не приду ни сюда, ни на аэродром?

— Тогда окажется, что немец обманул американца. Но этого не случится. Простите, у меня еще много дел.

Я вышел из отеля. Было двадцать минут десятого. Невольно я обернулся, ища, нет ли поблизости кого-нибудь из моих приятелей, сыгравших со мной эту шутку. Ведь завтра первое апреля. Ну, разумеется, меня разыграли. Кто-то изобразил собой мистера Аллистера, кто-то подкупил швейцара. А что касается денег, то, конечно, они фальшивы... Ага, вот идет и один из участников этой комедии, Рудольф Шпербер. Я, смеясь, пошел ему навстречу:

— Ловко сделано, старина!

— Что такое?

— Мистер Франк Аллистер кланяется тебе. А где же вся наша шайка?

Рудольф посмотрел на меня с тревогой:

— Ты, кажется, в лучшем настроении, чем был сегодня утром. Может быть, твой опекун угостил тебя крепким вином?

— Опекун — нет, а от вашей шутки я немного обалдел... Она подействовала сильнее вина...

— Не дури, Фриц!

— Чего же тут дурить? Я приглашен мистером Аллистером на службу сроком на три года. Я буду получать тысячу марок в месяц. Впрочем, ты знаешь все это лучше меня. Откуда вы только раздобыли этого Франка Аллистера?

Рудольф схватил меня за руку.

— Послушай, Фриц, что с тобой?.. Пойдем вместе на Фридрихштрассе, в наш ресторанчик. Там нас уже ждет вся компания, и там мы побеседуем.

— С удовольствием!

На Фридрихштрассе, в ресторанчике, излюбленном нами еще со времен студенчества, действительно сидела вся наша компания.

Я поздоровался и крикнул, смеясь:

— Ей-богу, ребята, вы устроили ловкую шутку!

На меня посмотрели с удивлением. Рудольф пошептался о чем-то с Вальтером Герхардом и испытующе посмотрел на меня. Я поднял кружку пива и сказал: «За здоровье мистера Аллистера». Вальтер подошел ко мне. Он был серьезен и встревожен.

— Фриц, что это за история с мистером Аллистером? Рудольф сейчас рассказал мне...

— Да перестаньте же притворяться!— уже с досадой огрызнулся я и наскоро рассказал всю историю, закончив вопросом:— Где же вы раздобыли этого американца, выделывающего такие чудесные фальшивые деньги?

Лица моих приятелей становились все строже и серьезнее... Нет, положительно, эти славные парни не притворялись.

Я показал Вальтеру письмо и подписанный мною договор. Я вытащил деньги. Мы внимательно осмотрели их. Нет, деньги не были фальшивыми.

— Но, в таком случае, что же все это значит?

Я покачал головой.

— Почем я знаю. Сегодня в полночь мне надо быть на аэродроме... Вот и все.

Вальтер решительно нахлобучил шляпу и заявил:

— Прежде всего мы пойдем вместе в отель «Адлон». Я скажу мистеру Аллистеру, что я — твой старший друг и что мы все боимся за тебя. Если этот Франк Аллистер — честный человек, то он поймет нас. Идем скорей.

Я с благодарностью пожал Вальтеру руку, и мы помчались. Ровно в половине одиннадцатого мы вошли в гостиницу.

— Можно видеть мистера Аллистера?

Швейцар,— на этот раз уже не тот, с которым разговаривал я,— переспросил:

— Кого?

— Мистера Франка Аллистера?

— Такого здесь нет.

Он повернулся спиной и занялся какими-то другими делами. Мы вышли на улицу.

Вальтер пробормотал:

— Если бы я не читал твоего договора собственными глазами, то подумал бы, что ты бредишь.

Я взглянул на него с отчаянием.

— Может быть, мы все бредим... Может быть, это повальное безумие.

Он ударил меня по плечу.

— Не говори глупостей. Все мы бодрствуем, все мы трезвы и все это не бред, а реальность. Во всяком случае, мы должны быть в 12 часов на аэродроме. Если и там не знают никакого мистера Аллистера, то завтра ты снесешь деньги в полицию.

— А если... если мистер Аллистер будет там?..— Я стиснул руку Вальтера и продолжал тоскливо:— Мне теперь уже все равно. Здесь я не оставляю ничего. Опекун выбросил меня на улицу... Мне нечего терять... И... и я готов ехать куда угодно.

Вальтер посмотрел на меня:

— Знаешь, я не буду ничего советовать тебе, но на твоем месте я поступил бы точно так же.

Было уже одиннадцать часов, и нам нельзя было терять времени. Да мне и не хотелось возвращаться обратно к моим друзьям и тащить их всех с собой на аэродром...

Мы все еще стояли у подъезда гостиницы.

— Надо взять автомобиль. Ведь я должен еще съездить домой и захватить свои вещи.

Пустой автомобиль проезжал мимо нас.

— Эльзасштрассе, 26.

— Я знаю.

Мы сели.

— Кажется, шофер сказал: «я знаю»? Откуда он знает, где я живу?

— Вздор! Он хотел сказать, что знает, где находится Эльзасштрассе.

Но по лицу Вальтера я видел, что он сам не верит тому, что говорит.

Мы домчались до моего дома в несколько минут. Я наскоро побросал в чемодан свои вещи. Ровно без четверти двенадцать мы были на аэродроме. Посреди стоял приготовленный к полету аппарат.

Я обратился к человеку, стоящему подле:

— Скажите пожалуйста, нет ли здесь аппарата, предназначенного для мистера Аллистера?

— Да. Это машина мистера Аллистера.

У меня было такое ощущение, как будто ледяная рука погладила меня по спине. При свете ярких фонарей я видел, как побледнел Вальтер.

К аппарату подошел господин, в котором я узнал Франка Аллистера. Он небрежно приложил палец к фуражке.

— Very well. Я знал, что вы придете. У нас еще десять минут времени.

Я набрался мужества и спросил:

— Куда же я направляюсь?

— В полночь наступит первое апреля. Шестого апреля, в девять утра, вы начнете вашу службу.

— Но где эта служба?

— В пустынном городе... В «Desert City».

— А где этот пустынный город?

Франк Аллистер ответил спокойно:

— Посреди пустыни Австралии.

Вальтер не выдержал и вмешался:

— Я старший друг этого юноши. Что вы хотите от него? Что это за договор? Вообще, что это за история?

Аллистер посмотрел на часы.

— У нас есть еще шесть минут. Сейчас я объясню вам.

Он вынул записную книжку.

— Отсюда до Австралии тридцать тысяч километров. Вы пролетите это расстояние в 170 часов. Пятого апреля в десять часов вечера вы могли бы быть на месте. Но так как вы летите на восток, то нужно учитывать разницу во времени. Это составит девять часов. Кроме того, вы будете пять раз менять аппарат, на что уйдет также по полчаса. Вылетев отсюда в полночь, вы будете первого апреля, в восемь часов вечера по местному времени, в Трапезунде, на Чер-

ном море. Это — 2 тысячи километров. Вы вылетите оттуда в половине девятого и в семь часов утра будете в Тегеране. Третьего апреля в полночь вы спуститесь в Коломбо, пятого апреля, в половине четвертого утра, в Кроэ на Суматре, шестого, в семь часов утра, вы перелетите Кембриджский залив в Австралии и ровно в восемь утра спуститесь в пустынном городе. У вас будет час времени, чтобы осмотреться. В девять часов вы явитесь на службу.

Вальтер положил руку мне на плечо. Мы стояли молча, как изваяния, и смотрели на человека, описывающего это воздушное путешествие расстоянием в 30 тысяч километров с таким безмятежным видом, как будто речь шла о прогулке из Берлина в Бреславль.

— Время, сэр!

Человек, сидевший на месте пилота на аэроплане, обернулся: у него было темно-коричневое лицо с очень острыми чертами. В произношении слышался восточный акцент. Аллистер посмотрел на часы.

— Да. Занимайте ваше место.

Мне все еще казалось, что я сплю. Почти машинально я сунул в руку Вальтера сто марок.

— Уплати моей хозяйке.

Больше я не мог говорить. Меня подсадили в кабинку, в тот же момент застучал мотор, и, прежде чем я успел бросить последний взгляд на моего друга, гигантская птица взвилась над землей. Под моими ногами сиял морем огней Берлин.

Я не испытывал ни радости, ни тревоги. Я не испытывал ничего. Я чувствовал себя во власти чужих людей и отдался этой власти. Огни Берлина исчезли из вида, и мы погрузились в ночь.

Только теперь мне пришло в голову, что ведь я лечу один. Аллистер остался... В кабинке не было никого.

Я огляделся вокруг. Мне уже несколько раз приходилось летать на аэроплане, когда я работал добровольцем на «Юнкерсе», но такой чудесной кабины я еще никогда не видел. Она была вся отлакирована изнутри. Большое кресло превращалось автоматически в очень удобную постель и манило ко сну. Благодаря электрическому освещению в каюте было уютно и светло. Рядом с креслом стоял откидной столик, и в стену было вделано несколько шкафчиков с надписями: «Холодные закуски», «Кипяченая вода», «Кофейник», «Чайник», «Вино», «Замороженный лимонад», «Книги и карты», «Газеты».

Я тут только вспомнил, что в этот тревожный день я с утра почти ничего не ел.

Так как эта кабинка была предоставлена целиком в мое распоряжение, то, очевидно, я имел право воспользоваться съестными припасами, заготовленными в ней.

Я открыл шкафчик с надписью: «Холодные закуски». Там стояло блюдо с великолепно зажаренной гусятиной, висели колбасы, лежал небольшой окорок ветчины, было масло и хлеб. Из шкафчика тянуло холодом. Это был комнатный ледничок, в котором провизия не портилась. Я давно уже не видел такой роскоши, как жареный гусь. Почему бы мне не отведать кусочек? Все мое приключение перестало представляться мне страшным. В конце концов, что же может случиться? У меня в кармане пятьсот марок, кроме тех трехсот, которые остались от моего наследства. В крайнем случае мне есть с чем выбиться на дорогу. Останься я дома, мне предстояло бы провести в моей конуре мрачный вечер полный тревожных дум и забот, а теперь...

Я с аппетитом поужинал, запил ужин вином, закурил сигару, взятую из сигарного ящичка, вынул несколько карт и книг,— путешествия по Азии,— и почувствовал, что мое существование полно не только романтики, но и комфорта.

В то же самое время я размышлял: неужели я действительно «гений»? Если нет, то почему же из семисот претендентов Аллистер выбрал именно меня? А если он считает меня «гением», то зачем же я буду противоречить ему? Во всяком случае этот Аллистер большой знаток человеческой души. Несомненно, что это он послал к отелю пустой автомобиль, так как был уверен, что я явлюсь туда вторично. И он же дал распоряжение швейцару сказать, что никакого Аллистера в отеле нет. Зачем он сделал это?.. Я не знаю. Мои мысли начали путаться, веки тяжелели, меня неудержимо тянуло ко сну. Я зевнул, допил вино, бросил окурок сигары и с наслаждением растянулся в кресле, превратившемся в кровать. Утром я не сразу пришел в себя. Кабина, аэроплан... И я нахожусь бог знает где. Я посмотрел на часы. Было восемь утра. Мы летели очень высоко. Подо мной виднелись очертания гор и дремучие леса в глубине. Где мы? На стене висела карта пути от Берлина до Трапезунда. На этой карте была черная, медленно движущаяся вперед звезда. Я понял это звезда изображает наш аэроплан. Приводимая в действие особым механизмом, она скользит по карте и в точности указывает то место, над которым мы в данный момент пролетаем. Оказывается, я проспал Чехословакию, Польшу и Венгрию. Мы летим над Карпатами.

Я полюбовался красотой этих гор и... поэзия уступила место прозе. Мне захотелось есть. Я позавтракал ветчиной, съел несколько бутербродов и выпил стакан великолепного кофе, сохранившегося совсем горячим в кружке-термосе.

Часа через два мы немного спустились. Я взглянул вниз и увидел большой прекрасный город. Блестящие купола и башни, широкие улицы, по которым, как муравьи, сновали человечки. Город лежал на море. Я взглянул на карту: Одесса.

Присев у окна, я смотрел не отрываясь. Мне казалось, что я в кино. Через несколько часов раздался свисток. Аэроплан спустился еще ниже. Внизу расстилался восточный город со стройными минаретами. Вдали шли караваны верблюдов. В моей кабине вспыхнул светящийся транспарант с надписью:

«Через пять минут пересадка в Трапезунде».

Я быстро привел себя в порядок.

Трапезунд — граница Турции... Вот мы уже скользим по мягкому песку. Мотор умолк. Дверь кабины распахнулась. Темнокожий человек стоял передо мной. Он был закутан в белый плащ, из-под которого виднелись босые, бронзового цвета ноги с кольцами на пальцах.

— Good evening, mister!*

Он взял мой чемодан. Я вылез. Вокруг толпа кричащих, жестикулирующих людей в восточных пестрых одеждах. Все они были чем-то заняты, и никто из них ничего не делал.

— Please, mister!**

Темнокожий взял меня за руку. Передо мной стоял другой аэроплан, точная копия первого.

— Скорей, мистер, вы опоздали на полчаса.

Меня втолкнули внутрь, дверь захлопнулась, шум начал стихать...

Мы снова в воздухе, и подо мной стройные колонны минаретов в венках пестрых огней. Был священный месяц Рамазан.

Через несколько минут все исчезло, и я заснул. Ночью мы пролетели над степями Курдистана.

Утром, когда я пил кофе с бутербродами, вкус хлеба мне показался несколько иным. Вместо ветчины в шкафчике лежала жареная курица... Я завтракал и смотрел в окно: подо мной проплывали дома, мечети, минареты, дворцы.

Транспарант снова вспыхнул: «Тегеран». Столица Персии! Снова остановка, снова толпа людей, но на этот раз все серьезные персы с торжественными лицами.

Опять быстрая пересадка. Я готов был плакать. Тегеран! Город, о котором я столько мечтал и в котором я не смею остановиться теперь хоть на несколько часов! И опять пустыня. Вечная одинокая пустыня, над которой горит беспощадное солнце. Жар проникает сквозь стенки кабины. Во всем остальном третий аэроплан не отличался ничем от первых двух, если не считать перемены меню. На обед мне сервированы: жареная баранина под каким-то острым соусом, рис и чудесные фрукты. Вместо вина я пью ледяной лимонад.

---

* Добрый вечер, господин!

** Пожалуйста, господин!

Пустыня исчезает; подо мной снова дикие горы с ужасающими зубцами и вершинами.

В ущельях я вижу всадников, гарцующих в фантастических одеждах на смелых конях.

Вот Афганистан — таинственная страна. Мы летим так высоко, что я почти ничего не вижу.

Уже поздний вечер.

Я различаю внизу большую реку, города с великолепными дворцами, мраморные храмы, окруженные оградой пальм. У моих ног лежит Индия.

В полночь новая пересадка. На этот раз меня встречает вкрадчивый индус с мягкими манерами, гибким смуглым телом и ласковыми глазами лани.

И опять надо торопиться, и опять я жажду побыть хоть немножко в этой сказочной стране... Но уже стучит мотор, и мы взвиваемся в воздух.

Рано утром я увидел Бомбей... Потом мы полетели над морем... Полночь.

Я дремлю и сквозь сон вижу стелющуюся подо мной морскую равнину. Нет ни одного судна... Светит полный месяц и горят звезды.

В два часа утра стал вырисовываться берег. Цейлон. А вдали город: Коломбо, рай земной.

Еще один день полета над морем, и, наконец, последняя пересадка: Кроэ на Суматре. Деревня... Нагие туземцы. Последний день, последняя ночь...

Я вылетел из Берлина первого апреля в полночь, сегодня — пятое апреля... Значит, завтра?

Раннее утро. Семь часов. Все так, как предсказывал Аллистер. Вокруг дикое побережье, бухта без города, Кэмбриджский пролив и Австралия. Унылая страна, унылая пустыня, кое-где поросшая диким кустарником. Аппарат спускается. Какой-то человек открывает дверь. Я выхожу и качаюсь. Мое тело уже привыкло к плавным колебаниям аэроплана... Оглядываюсь вокруг. Несмотря на раннее утро лицо обдает знойным дыханием пустыни.

Несколько жалких туземных хижин и две-три таких же жалких глинобитных хижинки.

Человек улыбается мне.

— «Desert City». Вот «пустынный город»!

И я сразу теряю мужество. Так вот он каков этот «Desert City». Человек продолжает по-английски:

— Восемь часов. Мистер Шмидт ожидает вас в девять часов в своем бюро.

Полумертвый я следую за этим незнакомцем, который ведет меня к одной из унылых глинобитных хижин.

ГЛАВА 2

Откровенно говоря, я чувствовал себя отвратительно. Хижина, куда меня привели, представляла собой совершенно пустую площадь, снабженную только ванными принадлежностями. В маленькой прихожей стояли простая кровать, стол и стул. Войдя, мы застали старую женщину, приготовлявшую ванну. Другие женщины таскали на голове кувшины с водой. В этом «Desert City» было действительно пустынно. Только перед хижинами туземцев играло несколько голых ребятишек. В общем, картина была не из веселых.

Человек, который привел меня, остановился.

— Вы, вероятно, захотите принять ванну, мистер? У вас есть время. Начальник ожидает вас через три четверти часа.

Этого человека я должен был обязательно спросить кое о чем.

Мне было очень плохо. Очевидно, долгий путь, нервное напряжение и впечатление от этого пустынного города повлияли на меня.

— Мистер Шмидт живет поблизости?

— В десяти минутах ходьбы отсюда. По электрической дороге едва две минуты.

— Странно! Я не видел никаких следов электрической дороги. Мистер Шмидт давно здесь?

— Год тому назад начальник купил этот участок земли у австралийского правительства.

— Купил?

Мысль, что нашелся кто-то, пожелавший купить клочок этой голой пустыни, показалась мне нелепой, но человек спокойно подтвердил:

— Да. Приблизительно полмиллиона квадратных километров.

— Полмиллиона квадратных километров? И вся земля такая же, как эта?

— О, нет! К сожалению, она хуже.

Я был поражен. Может быть, мой собеседник считает эту землю вовсе не плохой? Я хотел продолжать расспросы, но австралиец уже попятился к дверям.

— Начальник не любит, когда много разговаривают; но я считал себя обязанным дать вам кое-какие объяснения. У вас еще полчаса времени. Хотите позавтракать?

— Благодарю! Я завтракал на аэроплане.

— Тогда я вам советую принять ванну и переодеться. Костюм для вас приготовлен. У нас здесь своего рода форма, которую носят все. Да ваша одежда и не годится для здешнего климата. Ровно в девять — или, вернее, без трех минут девять — за вами придет электрический вагон. Пожалуйста, будьте готовы, так как вагон не ждет больше полминуты. До свидания, сэр!

Он ушел. Я еще раз взглянул вокруг и увидел все ту же безотрадную картину. Меня занимала мысль: где же здесь электрическая дорога? Поблизости не было никаких следов прокладки ее.

В прескверном настроении я пошел принимать ванну. Было невыносимо жарко, но купанье сразу освежило меня. На стуле рядом с ванной лежали белье и новенькая одежда: легкая сетчатая рубашка, вторая рубашка из тонкого полотна и специально приспособленное для тропиков одеяние вплоть до большой шляпы-панамы. В этом костюме, освеженный ванной, я сразу почувствовал себя гораздо лучше. Сунув свое белье в чемодан, я подошел к двери. Вокруг меня не было ни души. Вдруг раздался пронзительный свисток, и следом за свистком распахнулся на обе стороны большой люк, которого я не заметил раньше... Из-под земли выскочил маленький вагончик, дверца которого открылась сама собой. Чей-то голос крикнул по-английски: «Садитесь скорей, скорей!» Я вскочил в вагончик, тщетно оглядываясь по сторонам и ища обладателя этого голоса. В вагончике не было ни души. Через полминуты дверь захлопнулась, вспыхнул свет, вагончик куда-то нырнул и покатился. Я держал часы в руке. Ровно в девять вагончик остановился, дверь распахнулась, и тот же голос прокричал: «Выходите скорей, скорей!»

Я выскочил и очутился в пещере. Большое, не особенно высокое пространство с несколькими дверями, расположенными кру́гом. Было светло, но я не видел источника этого света. Было совершенно тихо, и сколько я ни озирался вокруг, глаза мои не встречали ни единого человека...

Вдруг опять раздался голос:

— Начальник просит вас.

Одновременно над одной из дверей вспыхнул свет, как бы указывая мне, куда я должен идти.

Я подошел к двери и едва протянул руку, чтобы постучать, как дверь открылась, дала мне войти и бесшумно закрылась.

Я стоял в большой комнате. В ней также не было окон, но она была залита светом, исходившим неизвестно откуда. У стены стоял большой письменный стол, за которым спиной ко мне сидел человек. Стены комнаты были заставлены большими шкафами. Пол не был покрыт ковром, но тем не менее он казался мягким и эластичным. Несколько кресел стояли перед шкафами у стен, а на доске стола чернело множество кнопок. Перед столом в стену был вделан большой стеклянный круг.

Едва я вошел, как тот же незримый голос сказал:

— Пожалуйста!

Человек, сидевший перед столом, поднял голову, но не обернулся. Он смотрел в стеклянный круг на стене.

Теперь я увидел в этом стекле свое отражение, как в зеркале. Человек встал и повернулся ко мне лицом.

— Здравствуй, мой милый юноша!

Я увидел худощавое, очень энергичное лицо. Гордо посаженная голова с густыми светлыми волосами с проседью. Все лицо было изборождено глубокими морщинками. Возраст этого человека было трудно определить, но фигура его сохраняла юношескую гибкость.

Я ждал чего угодно, только не этого приветствия:

— Здравствуй, мой милый юноша!

Странное обращение со стороны начальника к совершенно чужому молодому человеку.

Господин Штидт взглянул на меня. Его глаза и губы слегка улыбнулись. Потом он сказал:

— Ты хочешь сесть. Пожалуйста!

Это «ты» несколько задело меня. Я молча оглянулся, ища стула. Господин Шмидт нажал одну из кнопок, и кресло само подкатилось ко мне и стало рядом с письменным столом.

Я сел. И как только я сел, кресло сейчас же слегка подалось вперед, плотно охватив мое тело. Шмидт спокойно разглядывал меня, и у меня снова появилось ощущение того, что все это происходит во сне.

Но внезапно Шмидт сказал:

— Нет, Фриц, ты не спишь.

Я вздрогнул. Он не только знал мое имя, он читал мои мысли! Шмидт продолжал:

— Так ты действительно не узнаешь меня? Очень грустно, если молодой человек не узнает единственного брата своего покойного отца, своего родного дядю.

Я уставился на него и вдруг вскочил. Да, я вспомнил, что однажды уже видел это лицо. Я был еще ребенком, когда этот человек как-то раз пришел к нам в дом, пробыл у нас час и ушел навсегда. Когда я встал, мое кресло само собой откатилось к стене. Человек, называвший себя моим дядей, снова нажал кнопку, и кресло подъехало ко мне.

— У меня нельзя вставать, пока разговор не окончен. Мои электрические слуги очень добросовестны, но мыслей человека они читать не умеют.

Он многозначительно улыбнулся, и я снова занял свое место.

— Да, милый мальчик, я — твой дядя Генрих, единственный брат твоего отца. Правда, никто из моей семьи не хотел знать меня, но я никого и не виню за это. Они были правы. В молодости я был большим повесой и не смею жаловаться на то, что мои родные предпочли отправить меня за океан. А жизнь за океаном — прекрасная школа. Кто никуда не годен, тот неминуемо попадет под колеса и будет раздавлен, ну, а кто сумеет устоять, из того выйдет толк. Из меня, кажется, вышел толк, но школу я прошел тяжелую. Не подумай, пожалуйста, что я в чем-нибудь упрекаю моих род-

ных и в частности твоего отца. Нет. Твой отец был прекрасный человек, но он умел ходить только по ровной дороге.

Он умер, твоя мать также. Хотя я и не давал знать о себе, но мне было известно все, что касалось вас. Иногда сознание моего одиночества здорово щемило мне сердце...

И вот теперь ты также одинок... Я подумал о тебе: если он настоящий парень, то с какой стати я буду совать свои деньги в чужую пасть?..

И вот я выписал тебя к себе.

Я хотел ответить, но он перебил меня:

— Знаю, что ты скажешь. Ты спросишь, почему я просто-напросто не написал тебе и не признался, что я — твой дядя?

Очень просто. Напиши я это, и ты сейчас же помчался бы к твоему опекуну, и тогда тот самый человек, который вышвырнул теперь тебя за дверь... ну, не будем говорить об этом... Кроме того, я хотел испытать тебя: не бог весть какая заслуга поехать на готовое место к родному дяде, но пуститься в воздушный путь через весь мир, в полную неизвестность, на это способен далеко не каждый. А ты оказался способным... Очевидно, в тебе есть несколько капель моей крови.

Разумеется, я не считал тебя гением, но мистер Аллистер собрал по моему поручению все справки о тебе у твоих учителей и на тех фабриках, где ты работал. Эти справки удовлетворили меня.

— Дядя!

Я хотел вскочить, но кресло подо мной тотчас же скрипнуло и покатилось в угол вместе со мной.

Дядя засмеялся, нажал кнопку, и кресло снова доставило меня на место.

— Да, милый, всему надо учиться и учиться всерьез. Я надеюсь, что ты вскоре станешь моей правой рукой. Кстати, ты понимаешь, разумеется, что мое имя вовсе не Шмидт? Я назвался Шмидтом тогда, когда мне пришлось скрыться от всех и нырнуть на дно. Говоря по правде, имя ровно ничего не значит... Впрочем, довольно об этом.

Дядя встал, встал и я, и опять это проклятое кресло, выскользнув из-под меня, поскакало в угол. Но дядя уже не возвращал его назад. Лицо его приняло строгое выражение железной воли и напряженной энергии.

— Многое здесь покажется тебе странным,— сказал он,— но помни одно: я не колдун и не заклинатель. Ничего сверхъестественного на земле нет... Но я многому учился, и в технических вопросах я опередил мир на несколько десятилетий. Скажи, слышал ты что-нибудь о профессоре Венцеле Апориусе?

— Нет.

— Это был мой учитель.

Он подошел ко мне и смеясь положил руки мне на плечи.

— Я знаю, милый, что ты не можешь понять, колдун я или сумасшедший. Ты ломаешь голову над тем, какого черта я здесь делаю? Тебе уже сказали, что я купил полмиллиона квадратных километров пустыни?

— Да.

— Так вот: мы с тобой вдвоем, если мы не найдем других сотрудников, сделаем из этой пустыни плодороднейшую страну мира.

Его глаза зажглись фанатическим огнем. Я робко спросил:

— Разве можно сделать это человеческими руками?

— Нет, мальчик, люди не могут этого, но зато могут три моих слуги.

— Три слуги?

— Да. Техника, электричество и... третий зовется: радий. С этими тремя, да еще если мы призовем на помощь здешнее солнце, возможно все. Двух моих слуг ты уже видел. Видел, как точно работает электрическая дорога без вожатого и как исправно заменяет граммофон докладывающего служителя. Но ты еще не знаешь, что последние три тысячи метров от Кроэ ты летел без пилота. Твой аппарат управлялся отсюда при помощи лучей Риндель-Маттью.

— А что это за пещера?

— Ну, это дело не моих рук. Это уже подарок природы. Наверху слишком жарко, а жизнь в глинобитной хижине могут выносить только австралийские негры.

Он взял меня за руку, и мы пошли к двери, которая сама распахнулась перед нами. Едва мы переступили через порог, как раздался свисток. Дядя взглянул на часы.

— Черт возьми! Человек воображает, что он уже превратился в машину, но вот приезжает такой мальчуган и... все человеческое просыпается. Во мне еще сидит немецкая сентиментальность. Заговорившись с тобой, я забыл о визите лорда Альбернун. Но ты должен присутствовать при этом визите и начать учиться работать со мной. Садись вот там.

Он нажал какой-то рычажок, и из стенного шкафа выскочил откидной столик, встал у стены и отбросил крышку. На доске его в полном порядке стояли все письменные принадлежности.

Дядя улыбаясь смотрел на меня.

— Это все пустячки, которым я научился, когда работал у мистера Апориуса. Но изобретение этих пустячков давало мне деньги. А теперь к делу: ты умеешь стенографировать?

— Да, дядя.

— В таком случае ты застенографируешь наш разговор с лордом Альбернун. Мой аппарат для записи еще не вполне готов.

— Лорд Альбернун...

На этот раз это был человеческий голос, принадлежавший слуге-австралийцу. Очевидно, мистер Шмидт знал, что английские лорды привыкли к определенному ритуалу. Слуга подкатил кресло к столу, поставил на поднос виски с содовой и льдом, принес сигары и папиросы и удалился.

— Добро пожаловать, ваша светлость! Вы прибыли из Канберры? Как прошло путешествие?

— Ваш аэроплан превосходен, мистер Шмидт!

— Вы привезли договор?

— Правительство приняло его, хотя голоса разделились.

Он протянул документ. Дядя прочел вслух несколько пунктов.

— Предварительно полмиллиона квадратных километров, согласно обмеру. Цена за квадратный километр — сто фунтов,— следовательно, пятьдесят миллионов фунтов стерлингов. Оплата в пятьдесят сроков по одному миллиону фунтов стерлингов в течение пятидесяти лет. Каждое первое апреля по миллиону фунтов. Если покупатель пропустит срок платежа, вся земля со всем находящимся на ней переходит в собственность правительства Австралии.

Дядя взглянул на лорда.

— Тяжелые условия, не правда ли?

— Правительство Австралии будет справедливо...

— Договор подписан?

— Он войдет в силу с того момента, когда я получу первый взнос в сумме одного миллиона.

Дядя вынул из стола чековую книжку. Если до сих пор у меня были сомнения, если я считал его фантазером, то теперь, увидя, как он спокойно выписывал чек на такую гигантскую сумму, я проникся полным доверием к нему.

Лорд Альбернун прочитал чек.

— Один миллион... Австралийский государственный банк в Канберре...— Лорд встал. Дядя протянул ему руку. Теперь в его голосе дрожало радостное волнение.

— Значит, я хозяин этой земли? Это моя собственность, лорд, неограниченная собственность? И я могу распоряжаться ею, как хочу?..

— Только не во вред Австралии...

Дядя усмехнулся.

— Я надеюсь в течение десяти лет расплатиться полностью.

Я взглянул на лорда. Мне показалось, что он с трудом удерживает улыбку. Разумеется, и ему казалось, что он имеет дело с сумасшедшим. Но тон его был полон деловитости:

— Вы сами составили этот договор. Я должен обратить ваше внимание на то, что правительство Австралии не давало вам никаких обещаний...— Дядя прервал его.

— Да, я знал, что покупаю пустыню,— не более... Итак, сделка

состоялась. Мне очень жаль, что я не могу предложить вам комфортабельного отеля...

— Если разрешите, я сейчас же вылечу обратно в Канберру.

Лорд бережно сложил чек.

— Я надеюсь, что вы не будете раскаиваться...

— Я надеюсь, что вы и ваше правительство также.

Дядя проводил англичанина до самого аппарата. Лорд прилетел не один. Его сопровождали два австралийских солдата в полном вооружении. Слуга распахнул дверь кабинки. Лорд занял свое место, раздался свисток, и аппарат, сделав короткий пробег, взвился. Дядя посмотрел ему вслед и потер руки. Я видел, что он очень доволен. Затем он обернулся ко мне.

— Ты знаешь, кто я теперь?

Я молчал.

— Я могу назвать себя королем Австралии. Через десять лет народ будет проклинать это правительство.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Ты веришь в меня?

И, не дожидаясь моего ответа, сказал:

— Пойдем.

Он нажал опять какую-то кнопку, положил руку мне на плечо, и мы заскользили вперед, как на коньках. Самодвижущаяся дорожка несла нас туда, куда это было угодно повелителю «пустынного города».

Внезапно перед нами распахнулась дверь, и я был оглушен неистовым грохотом. Я увидел мощную силовую станцию. Свистели гигантские маховики, кружились огромные турбины, одна стена была выложена мраморными пластинками с целой системой рычагов. Но среди всего этого гула и бешеного вращения я увидел только одного человека американского типа. Он сидел в кресле, а перед ним располагалась доска с множеством кнопок.

— Все в порядке, мистер Холльборн?

— All right!

Мы помчались дальше. На этот раз дядя оперировал с системой стрелок, посредством которых перед нами открывались двери. Мы очутились в маленькой комнате, стены которой были обложены неизвестной мне массой. Здесь стоял большой шкаф с множеством маленьких ящичков.

— Ты знаешь, что в этих ящиках? Там моя армия.— Он открыл шкаф и сказал:— В каждом ящичке четверть килограмма радия. У меня двести таких ящичков.

Мы вернулись в комнату дяди и сели друг против друга. В лице этого человека сочеталось много противоречивого. Несокрушимая энергия, почти фанатическая живость, железная воля и в то же

время усталость... Такая усталость, от которой мне делалось больно и хотелось встать и обнять этого человека, как я обнимал когда-то моего отца. Я чувствовал, что он уже близок мне, что я начинаю его любить. Мы молчали долго, но мне казалось, что в этом молчании мы ведем полную значения беседу.

Дядя поднял голову и посмотрел на меня.

— Так ты хочешь быть моим помощником?

— Если я пригожусь тебе...

Он протянул мне руку.

— Я уже не молод. Мне шестьдесят лет. Шесть десятилетий я провел в одиночестве. Когда-то мне было все равно — жить или нет... Но теперь на мне лежит ответственность. У меня есть мое детище, мое творение, и мне нужна помощь. Может быть, ты будешь не только моим помощником, но и моим последователем. Я говорил сегодня в один день больше, чем обычно говорю в течение недели... Но ты должен знать все. Сперва мое дело, потом мою жизнь.

Я знаю, что ты меня считал сумасшедшим — все люди думают так,— но я не сумасшедший. Ты видишь здесь пустыню. Непригодную страну. Падчерицу Земли. Что такое пустыня? Почему эта земля — пустыня? Потому что здесь отсутствует жизнь, а жизнь земли — вода. Проведи воду в пустыню, прорежь ее каналами, и земля будет плодоносна. Найди ценные минералы, скрытые тысячелетиями в девственных горах... Используй тропическое солнце, и там, где сейчас нет ничего, где безотрадная пустыня, появятся цветущие сады и поля. Ты не можешь этого? Человеческие руки не могут? Ты прав. Тропический зной расслабляет мускулы, которые сделаны не из железа. Возьми мускулы из железа. Так всегда говорил мой учитель Апориус.

Возьми машины. Ты видишь там, внизу, мощную станцию. Я построил ее полгода тому назад, и теперь один человек, сидящий там, может управлять аэропланом, на котором ты перелетел через море. Что питает эту станцию? Подземный источник. Ведь и эта страна не всегда была пустыней. Ты не знаешь, но теперь установлено, что даже под Сахарой проходит подземный источник. Целая система рек и озер. Ты не знаешь, что там вырыт колодец, в котором найдены маленькие водяные животные... Их принесло течением подземного источника.

И здесь тоже есть такой источник, а в восточной части пустыни, которую я купил, есть горы с пышными лесами. Из этих гор вытекает источник, и когда я открыл его, он заполнял собой почти всю эту пещеру. Теперь он укрощен, он льется в мои турбины и дает мне ту электрическую энергию, которая является сердцем моего дела.

Однако, если бы мне удалось превратить пустыню в плодоносную землю, где взять людей для обработки этой земли?

Дядя прервал свою речь и встал:

— Пойдем!

Мы перешли в соседнюю комнату. Едва мы переступили через порог, как вспыхнул яркий свет. Посреди стоял круглый стол, а на нем стеклянная доска, и под доской я увидел замечательную игрушку.

Приблизительно на расстоянии десяти сантиметров под доской была вторая доска, но не из стекла. Она была желтой, как песок, и испещрена целой сетью рельсов. Все эти рельсы сходились в середине, в одном пункте, и на них стояли крошечные плуги и сеялки. Странные машины, с далеко высовывающимися вперед ножами и с большими ящиками. Можно было подумать, что здесь собраны в миниатюре все сельскохозяйственные орудия.

Дядя нажал рычаг. Крошечные плуги побежали по рельсам, разрезая землю. За плугами двинулись сеялки, разбрасывая семена, а за сеялками — темные ящички, поливавшие землю водой.

Дядя любовался этой игрушкой.

— Вот оно — изобретение Венцеля Апориуса! Вот то, чего я хочу достигнуть. Почему нельзя сделать в большом масштабе то, что мы видели здесь в миниатюре? Представь себе, что вся эта земля будет опутана, как паутиной, сетью таких рельсов, представь себе каналы, превращающие пустыню в плодоносную землю, представь горные промыслы, представь промышленные города, где вместо людей будут работать все те же машины, где по воздуху будут носиться корабли... Представь себе новую эпоху, новую жизнь на новой земле.

Он замолчал, восторженно глядя вдаль. У меня тоже закружилась голова при одной мысли об этих блестящих возможностях.

— Ты хочешь осуществить все это?

— Я хочу положить начало. Кто приведет дело к концу? Только тот, кто верит в это дело так же, как и я.

— Это стоит миллионы.

Он покачал головой.

— Миллиарды, мой милый!

— И...

— Может быть, они есть у меня.

— У тебя?

— Может быть, они скрыты в недрах горы Руссель. Ты не знаешь ее? Это гора в австралийской пустыне. Там я нашел радий.

— Радий?

— Все на свете случайно. Ты знаешь, как были найдены бриллианты в южной Африке? Какой-то несчастный фермер выехал с волами на поле искать более плодородную почву чем та, на которой он жил до сих пор. Начались дожди, он погибал от голода, волы его подохли. Однажды он заметил в грязи какие-то блестящие

камешки... Бриллианты... Их было изобилие... И никто еще не знал местонахождения их. Фермер разбогател...

...Я был золотоискателем на Аляске, я работал в Кимберлее в бриллиантовых копях... Затем я стал инженером, и десять лет тому назад был закинут судьбой сюда, в Австралию... Тяжелая жизнь, мой милый, но... тем не менее...

Я начал охотиться за райскими птицами. По целым неделям блуждал я в горах и ждал с дикарями. Однажды я набрел на гору Руссель.

В этот момент раздался свисток. Дядя кивнул головой.

— Машины умнее нас. Они напоминают, что наступил час обеда, который нельзя пропускать. Пойдем!

Я встал и тут только понял, что моя слабость и легкое головокружение объясняются голодом. Дядя посмотрел мне в глаза.

— Ты выдержал экзамен. В тебе моя кровь. И Франк Аллистер не обманул меня. Сейчас мы пообедаем, потом я покажу тебе несколько книг, которые ты должен будешь прочесть, а с завтрашнего дня ты приступишь к работе.

Прежде чем мы успели выйти из комнаты, на матовой пластинке, прикрепленной к стене, вспыхнула надпись на английском языке:

«Возвращаюсь с двумя германскими инженерами. Пришлите аэропланы. Франк Аллистер».

Дядя удовлетворенно кивнул головой.

После обеда он провел меня в мое новое помещение. Стены его были выстланы коврами, посреди стоял большой стол с множеством книг.

— Я позову тебя, когда ты мне понадобишься, а теперь отдыхай.

ГЛАВА 3

— Внимание! Берлин! На волне 330! Герр профессор Виндмюллер сделает доклад об Австралии — стране будущего. Прошу вас, профессор!

— Милостивые государи и государыни! Австралия...

Я поднял голову. Вокруг было темно... Над моим ухом звучал голос:

— Если мы проследим австралийскую пустыню от горы Руссель к западу...

Гора Руссель? Это мне знакомо! Я вскочил, и в тот же миг в комнате постепенно начало светлеть. Через несколько секунд все было залито светом. На одной из стен как будто нарочно задержался яркий луч, точно приглашая следовать за собою, и когда

я подошел к нему ближе, в стене открылась маленькая дверца, за дверцей был кран, и из крана полилась холодная вода. Я с наслаждением умылся и уже заканчивал свой туалет, когда из громкоговорителя раздался голос дяди:

— Если ты проснулся, иди ко мне.

И снова двери сами собой стали распахиваться передо мной, а луч, скользивший вдоль стен, указывал мне дорогу. Мы прошли мимо того места, где утром меня подхватил вагончик электрической дороги. Этот вагончик стоял наготове.

В комнате у дяди я застал того американца, которого уже видел на силовой станции. Он и дядя сидели за столом, сервированным на три персоны, и пили кофе.

— Ты хорошо выспался?

— Извини, дядя, я сам не помню, как заснул. Меня разбудило радио.

— Да, мистер Холльборн по моей просьбе дал тебе послушать передачу из Берлина. А то, что ты выспался после дороги, это прекрасно... Теперь говори откровенно: хочешь остаться здесь или предпочитаешь вернуться в Германию? Через пять минут туда летит аэроплан...

— Ты не позволишь мне остаться?

Дядя радостно засмеялся.

— Я шучу, мой мальчик. Аэроплан приготовлен совсем не для тебя и не для полета в Германию. Он полетит в Сан-Франциско. Мне нужно побывать там. Дней через восемь я вернусь. Мистер Холльборн останется здесь и покажет тебе все, что здесь есть интересного. К моему возвращению тут, вероятно, уже будет и мистер Аллистер со своими инженерами. Тогда начнется настоящая работа. Нам нужно спешить сделать все самое главное, пока эти глупцы из Канберры не спохватились какого дурака сваляли они, подписав со мной договор... Пей кофе, Фриц, пока он не остыл.

Он налил мне великолепного кофе, и когда я похвалил напиток, сказал:

— Надеюсь, в следующем году у нас будет кофе собственного урожая.

Он встал:

— До свиданья, мистер Холльборн! Фриц, проводи меня до вагона.

На одну минуту мы остались с ним вдвоем. Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Итак, ты хочешь?..

— Хочу.

— Хорошо. Когда я возвращусь, то скажу тебе, в каком направлении ты должен работать. Мальчуган, если ты будешь произ-

водить на меня всегда такое же чудесное впечатление, как сейчас...

Он крепко сжал мою руку.

Когда вагончик электрической дороги умчался, я вернулся в комнату, и мистер Холльборн встретил меня словами:

— Ваш дядя — гениальнейший человек на свете!

— Я тоже так думаю.

— А я знаю это. Вам повезло, старина!

Он предложил мне сигару и закурил сам.

— Вы не первый попадаете сюда за эти десять лет... Но все через три часа улетали обратно. Один вы остались.

Я в свою очередь рискнул спросить:

— А вы давно знаете моего дядю?

— С тех пор, как мы вместе с ним чистили сапоги в Сиднее.

— Чистили сапоги?

— Да. Весьма почтенное занятие. Но на этом месте я все-таки чувствую себя лучше... Скажите-ка, вы хотите совершить небольшую прогулку?

Я радостно засмеялся.

— Конечно. Только, надеюсь, не в Сан-Франциско?

— Нет, на гору Руссель.

— С наслаждением.

— Повторяю, старина, вам повезло. Вы будете третьим человеком, который увидит гору Руссель.

Пока мы мчались в электрическом вагончике, уже наступила ночь. Жара заметно спадала. Нас уже ждал аэроплан. Это был обычный аппарат для летчика и наблюдателя.

Холльборн спросил меня:

— Вы умеете управлять?

— Да.

— На обратном пути я доверюсь вам.

Аппарат поднялся почти без разбега. Мы летели довольно низко. Под нами была пустыня, кое-где поросшая кустарником. Время от времени среди этих кустарников мелькали селения; я увидел разложенный костер и плясавших вокруг него мужчин и женщин.

— Это туземцы?

— Людоеды.

— Приятные соседи!

— Ничего. Белых они не едят. Слишком солены и отзывают алкоголем.

Это было сказано так невозмутимо, что я рассмеялся.

— Откуда вы знаете эти подробности?

— От самих людоедов. Их вождь — наш большой друг. Вы познакомитесь с ним.

Постепенно местность перед нами менялась и становилась гористой. Мы пролетели над цветущей долиной... Месяц серебрил вершины лесов.

— Здесь много хищных зверей?

— Ни одного, если не считать кенгуру и тому подобных... Но зато у нас рыбы лазят по деревьям и лягушки лают, как собаки. Сумасшедшая страна — Австралия!

Аппарат спустился еще ниже и сел на землю.

— Вылезайте!

Мы стояли на лесной полянке. В чащу вела тропинка, несомненно проложенная еще совсем недавно, но уже заросшая.

Холльборн проворчал:

— Людям трудно бороться с буйной растительностью этих лесов...

Мы прошли еще немного, и перед нами открылась пасть погасшего вулкана. Через несколько минут Холльборн остановил меня перед высоким, почти отвесным холмом.

— Здесь рудник.

— Что такое?

— Рудник, который открыл мистер Шмидт. Он бродил по материку, охотясь за райскими птицами, и набрел на эту штуку. Я думаю, руднику не меньше десяти тысяч лет.

Я с удивлением посмотрел на него. Он был совершенно серьезен.

— Да, десять тысяч лет. Чему вы удивляетесь? Мы — не более, чем мухи-однодневки, гордящиеся своими познаниями. А что, в сущности, мы знаем? Что знаем хотя бы о золотой сказочной Атлантиде? Только то, что рассказали нам древние египтяне. Что знаем мы о том, кто построил в Мексике, на берегу Усумачинта, дворец, переживший тысячелетия? И что будут знать о нас люди, которые будут жить на земле через десять тысяч лет?

Он подвел меня к черному отверстию на склоне горы.

— Мистер Шмидт укрылся здесь от настигшего его дождя... И здесь он нашел источник своего богатства.

Мы вошли в четырехугольное помещение. Холльборн держал все время в руках какой-то ящик и только теперь я понял, что это был аккумулятор, который он соединил с медным проводом. Нажим рычажка — и вспыхнула электрическая лампа.

— Теперь нам хватит света на два часа.

Я огляделся вокруг. Помещение, где мы находились, было вырезано в каменистой пещере.

Американец открыл шкафчик, стоявший в углу, и вынул оттуда два костюма из какого-то неизвестного мне материала.

— Наденьте это.

— Зачем? Это похоже на костюм водолаза.

— Потом поймете зачем.

Я влез в свою одежду, сделанную из одного куска и снабженную шлемом и маской с отверстиями для глаз.

— Возьмите фонарь.

Он дал мне карманный электрический фонарик и стал спускаться по лестнице. Я последовал за ним. Шахта, в которую мы спустились, была великолепно оборудована. Ее каменные стены блестели, как отполированные, но, по мере того, как мы спускались, я заметил, что эти стены покрываются каким-то клейким синевато-коричневым налетом. Таким же налетом была покрыта и земля под нашими ногами.

Холльборн приостановился и сказал:

— Урановая смоляная руда.

— Смоляная руда?! Вещество, из которого добывают драгоценный радий! Ее находят очень редко и в микроскопическом количестве, а здесь целые залежи, сулящие несметные богатства.

Холльборн взял образцы этого драгоценного вещества и тщательно завернул их в кусок материи, похожей на ту, из которой была сделана наша одежда. Мы пошли обратно. Я чувствовал сильную головную боль и непреодолимую слабость. Когда мы вышли на воздух и сбросили наше одеяние, Холльборн дал мне какой-то порошок, сам проглотил таблетку и повел меня к чудесному источнику с кристально-чистой водой, из которого мы напились.

— Теперь вы знаете богатство мистера Шмидта. Это радий, или, вернее, то, из чего добывается радий. Здесь не граммы и не фунты его, а, может быть, центнеры. Это количество радия может произвести мировой переворот.

— Но каким же образом оно оставалось скрытым до сих пор?

— В эти горы почти никогда не попадал никто из белых... Кроме того, вы испытали на себе, что пребывание здесь не безопасно. Действие такого количества радия и его лучей смертельно. Вся эта гора и ее пещеры считаются у бушменов пещерами злых духов, «пещерами смерти». Никто из туземцев не отважился заглянуть сюда, а если это и случилось, то смельчака постигала смерть. Мистер Шмидт тоже едва не поплатился жизнью. Образцы смоляной руды, которую он принес отсюда, причинили ему жгучие раны на руках.

— Но как же австралийское правительство могло допустить?..

— Австралийское правительство ничего не знает об этом руднике. А что касается этих гор, имеющих такие причудливые очертания, то самое происхождение их представляется загадкой. Вернее всего, что этих гор не было раньше на Земле... Возможно, что они образовывались миллионы лет из каких-то небесных тел, может быть, из тела кометы, упавшей на землю, и в этих телах были скрыты зародыши урановой смоляной руды... Наши мудрые предки

лишь много-много лет спустя проникли сюда, но они не умели обращаться с этим богатством и погибали от приближения к нему... Однако шахту они все-таки оборудовали и разбили там на площадке цветущий сад, который посвятили своим богам.

Трудно было сделать это открытие, еще труднее приступить к добыче. Я был первым человеком, которому ваш дядя доверился. В то время в этих горах были еще селения диких племен. Мы тайно, по ночам, пробирались в шахту и тайно работали там. Нам нельзя было наводить на подозрения дикарей, потому что среди них распространена легенда, в которую они свято верят: каждый, кто спустился в пещеру демонов, погибнет сам и погубит все племя. Мы взяли с собой стеклянную бутылку, залитую асбестом, опустили туда немного урановой смоляной руды и отправились в Сидней. Там мы продали все, что у нас было с собой: оружие и часть одежды — и устроили в подвале одного запущенного дома маленькую лабораторию... В этой лаборатории мистер Шмидт проделал свои первые опыты с рудой и добыл радий.

Мы были бедные парни. Очень бедные. Ничего за душой. Но вот Шмидт подал мне маленький ящичек и сказал:

— Это стоит пять тысяч фунтов. Половина из них принадлежит тебе!

Потом мы решили отправиться в Сан-Франциско. В Австралии мы не хотели показывать наше богатство. Лучше еще немного потерпеть и поголодать. Мы снова спустились в рудник и взяли добычи уже на четверть миллиона фунтов. Мы зашили маленькие ящички в нашу одежду и нанялись кочегарами на пароход, отплывавший в Сан-Франциско. Там мы попытались продать радий. Разумеется, это надо было сделать очень осторожно, чтобы нас не обвинили в воровстве... Приходилось пользоваться услугами разных, весьма не почтенных людей, которых мы дорого оплачивали. Имея четверть миллиона в кармане, мы вернулись в Австралию. Мистер Шмидт обдумал план действий и поделился им со мной. Я также был когда-то инженером, был одним из тех, в кого жизнь крепко вцепилась зубами, но я никогда не был гением, как ваш дядя. Если бы случилось так, что я один нашел бы радий, то я, вероятно, продал бы его в Сиднее первому встречному, пошел бы в какой-нибудь портовый кабачок и пропил бы все до гроша. Но благодаря тому, что радий достался не мне, а Шмидту, я — теперь богатый человек.

— Но какое счастье для дяди, что он напал именно на нас.

— Почему? Ах, да! Потому что я не перегрыз ему горло? Но, во-первых, ведь не каждый человек — убийца, а во-вторых, я люблю его и любил всегда, как отличного товарища. Невеселое это было время в Сиднее, пока мы оба чистили сапоги, но мы пережили его.

— А что было дальше? — полюбопытствовал я, прерывая его молчание.

Он расхохотался.

— Дальше было презабавно. Мы вернулись в Австралию, поселились в лучшем отеле «Виктория», взяли автомобиль и отправились к правительству. Я как сейчас вижу физиономию правительственного комиссара, с которым начал беседу ваш дядя. Для этой беседы он совершенно преобразился и стал похож на карикатурного американца из юмористического журнала.

Он начал так:

— Извините пожалуйста, я бы хотел купить землю.

— Где?

— Среди пустыни.

— Зачем?

— Хочу построить там дачу.

— Среди пустыни?

— Yes. На горе Руссель.

Комиссар засмеялся.

— А вы знаете, какое племя диких там живет?

— Yes. Людоеды.

— Сколько же вы хотите заплатить за гору Руссель?

— Я могу предложить вам сто тысяч долларов...

Через несколько дней договор был готов.

Австралийское правительство от души хохотало над сумасшедшим американцем, о котором оно даже не знало, что он немец. Гора Руссель стала собственностью вашего дяди, а сто тысяч долларов — собственностью австралийского правительства. Договор был составлен по всем правилам, но чиновники покатывались со смеха, когда мистер Шмидт вписал туда пункт, гласивший, что гора принадлежит ему со всем тем, что находится на ней и внутри ее на протяжении ста километров в окружности, и что ему принадлежит также воздух над горой и земля под ней.

Мы снова раздобыли частицу нашего сокровища и снова продали его в Америке. Вернувшись в Австралию, мы принялись внимательно изучать эту пустыню. У нас ушло на это почти два года. Здесь мы открыли ту пещеру, в которой живет теперь ваш дядя и под которой проходит подземный источник. Затем мы приступили к работе. Через полгода в Кембриджский порт прибыло целое судно с турбинами и гигантскими динамо-машинами и всем прочим.

В течение того времени, что мы изучали пустыню, мы завели дружбу с дикарями. Это не трудно, так как дикари — те же дети. Разумеется, их нельзя стегать хлыстом, убивать их женщин и детей и выгонять их из селений, как это делали белые, явившиеся в Австралию.

А мы добились этой дружбы, т. е., вернее, не мы, а ваш дядя. Я же был только его помощником.

Затем мы проложили здесь рельсы и стали подвозить мате-

риалы. Да, да, мистер, мы работали десять лет, пока достигли всего, что вы видите здесь. За это время мы постепенно и осторожно продавали частицы радия. У нас накопился миллион фунтов стерлингов, и Австралия продала нам весь этот участок земли. Конечно, правительство и до сих пор убежденно, что это — затея сумасшедшего. Но отчего же не извлекать из этой затеи ежегодно по миллиону фунтов.

Я посмотрел на американца.

— Вы думаете, это возможно?

Мистер Холльборн ответил совершенно спокойно:

— Если мистер Шмидт скажет мне сегодня, что он через месяц стащит с неба на землю Луну, то я буду уверен в том, что он сделает это. Он никогда не обещает того, чего не может сделать.— Мистер Холльборн встал: — Я думаю, нам пора домой. Скоро взойдет солнце, и мне нужно идти к машине.

Я остановил его еще одним вопросом:

— Сколько человек живет в «Пустынном городе»?

— Пятеро белых: мистер Шмидт, вы, я и два служителя.

— И это все население города?

Американец ответил совершенно серьезно.

— Это правящий класс. Но есть рабочие.

— Белые рабочие?

— Большинство — черные, есть и красные. Все они очень сильны, добросовестны, беспрекословно послушны, если с ними хорошо обращаться, и неутомимы. Эти рабочие: машины, турбины, динамо, трансмиссии... Лучший из них — подземный источник, питающий нашу силовую станцию и приводящий все в движение.

— И для обслуживания этих машин нужно всего пять человек?

— Нет, машины обслуживаю один я, иногда ваш дядя, слуги же нужны нам только для таких случаев, когда к нам приезжают гости вроде лорда Альбернун, придающие большое значение тому, чтобы в доме были человеческие слуги. Раньше здесь жило еще двести американских монтеров, которые оборудовали нам силовую станцию. Потом мы всех их отправили обратно.

— Зачем? Ведь дядя замышляет грандиозные работы.

— Да, но не следует иметь много соглядатаев. Этих рабочих набирали по пять человек из каждого города по всей Америке. Правда, они не придавали большого значения тому, что мы здесь делали. Они, так же, как и австралийское правительство, считали все это сумасшедшей затеей...

Мы заняли место в аэроплане. Солнце взошло. Это было изумительное зрелище.

Сперва над степью показалось темно-красное пятно, затем в вышине вспыхнули серебряные лучи, и все небо загорелось пестрыми красками.

В Австралии все делается не так, как везде. Здесь солнце не золотое, а серебряное. Это от тумана.

Рядом с нами послышался резкий свист бича и затем пощелкивание, точно кучер погонял лошадей. Я вздрогнул и невольно схватил американца за руку.

— Экипаж! Откуда здесь мог взяться экипаж?

Холльборн покачал головой:

— Совершенно невозможное явление.

Но звуки снова раздались, на этот раз еще ближе. Холльборн показал мне маленькую птичку, доверчиво сидевшую на ветке почти рядом с нами. Это из ее крошечного клювика вырывались такие звуки. Я едва успел прийти в себя от удивления, как снова вздрогнул: над самым моим ухом прозвучал звонкий, раскатистый смех.

Но к этому смеху присоединился и Холльборн.

— Не бойтесь, это тоже не человек. Это «смеющийся осел», как его зовет народная молва. Вот он сидит на дереве... Право, это вовсе не осел, а умнейшая птица на свете, которая высмеивает человеческую глупость.

Да, да, милый мой друг, вам придется привыкнуть к тому, что в Австралии все не так, как на свете.

На следующий день Холльборн показал мне все пещеры и ознакомил меня со всеми принадлежностями силовой станции. Затем он повел меня на кухню, где хозяйничал один из слуг, т. е. не столько хозяйничал, сколько наблюдал за порядком.

Посреди кухни стояла электрическая плита, вдоль стен на полках была выстроена в ряд всевозможная сверкавшая чистотой посуда.

Холльборн посмотрел на часы.

— Без четверти двенадцать. Хотите посмотреть, как будет приготовляться наш завтрак?

— С удовольствием!

Когда раздался первый удар часов, очаг пронзительно свистнул, и в тот же миг вся кухня пришла в движение. На конфорку очага соскользнула с полки кастрюля, над ней открылся кран, и из крана потекла вода; затем открылся другой кран, и оттуда посыпалось какао в порошке, уже заранее смешанное с сахаром. Затем кастрюля автоматически закрылась крышкой. Через несколько минут какао было готово, отодвинулось в сторону и дало место другим кастрюлькам, послушно прыгавшим с полок.

— Так у нас приготовляется все,— пояснил Холльборн.— Автоматические ножи режут мясо и бросают его на сковородку, автоматически открываются банки с консервами и приготовляются сами собой овощи. Машины безошибочно делают свое дело, но нужен человеческий мозг, который управлял бы ими, потому что ду-

мать они не умеют и из них нельзя создать искусственных людей.

Я посмотрел на американца и сказал нерешительно:

— Меня очень интересует один вопрос: кто был Венцель Апориус?

— Я не знал его,— ответил Холльборн,— я только много слышал о нем от вашего дяди. Это был великолепный изобретатель, но несчастный человек. Все эти машины — дело его разума и его рук. Но в конце концов эти же самые машины помутили его разум. Ему стало казаться, что он создал не машины, а чудовищных людей, которые погубят его, которые в заговоре против него... Ваш дядя хорошо знал Венцеля Апориуса, но не спрашивайте его о нем. Ему тяжело говорить об этом... Кажется, их связывало очень многое... Кажется, мистер Шмидт был женихом дочери Апориуса. Она умерла от желтой лихорадки через несколько дней после смерти своего гениального отца, и с те пор ваш дядя не поднял глаз ни на одну женщину. Если вы когда-нибудь увидите у него женский портрет — это портрет дочери Апориуса... Могу вам сказать еще одно: у вашего дяди есть дневник Венцеля Апориуса.

В голосе Холльборна зазвучали теплые ноты. Он положил руку мне на плечо:

— Вы должны следить за тем, чтобы вашего дядю не постигла участь его великого учителя. Он уже не молод, и в его возрасте человек не должен оставаться наедине с существами, которых он создал сам и которые оказываются сильнее его.

Я думаю, перед вами блестящее будущее!

Я лежал на диване в своей комнате. В настоящее время мне нечего было делать. Силовая станция работала самостоятельно, мистер Холльборн лег спать и советовал мне сделать то же самое.

— Когда вернется мистер Шмидт и прибудет Аллистер с инженерами, начнется жаркая работа, а пока осматривайтесь вокруг и отдыхайте.

Но отдыхать я не мог. Сон бежал от меня... Я чувствовал, что нервы мои с трудом выдерживают все пережитое за эти дни. Все, что случилось со мной, было невероятным и в то же время вполне естественным... Но мысль о почти живых, о почти одухотворенных машинах наполняла меня жутью, ужасом и в то же время восхищением... Мне показалось, что я сам — одна из частиц этих машин, что мне выпадает на долю выполнить вместе с дядей его гениальный замысел: превратить эту бесплодную пустыню в плодоноснейшую страну...

Дверь распахнулась, вошел мистер Холльборн.

— Вы не можете уснуть — я слишком много рассказал вам сегодня. Выпейте вот это.

Через несколько дней утром за завтраком Холльборн сказал мне:

— Сегодня я покину вас. Мне нужно вылететь навстречу мистеру Аллистеру. Он прибывает завтра с двенадцатью инженерами.

Вскоре аппарат, на котором вылетел Холльборн, скрылся из вида. Я остался один. Перед наступлением вечера я проверил, все ли в порядке на станции и в машинном отделении. Все эти турбины и динамо казались мне уже друзьями. Внезапно пронзительный свисток прорезал воздух. Я побежал в комнату дяди. На матовой пластинке вспыхнула надпись:

«Спущусь через пять минут. Шмидт».

Я вынул всю заготовленную мною за эти дни работу и положил ее дяде на стол. Потом повернул рычаг — дверь распахнулась, прозвучал свисток, выскочил электрический вагончик. Я стоял возле глинобитной хижины, и сердце мое билось от радости.

Я видел, как гигантская птица, унесшая моего дядю в Сан-Франциско, плавно опускается на землю.

ГЛАВА 4

Дядя вернулся; говоря по правде, я был разочарован. Он выскочил из кабины аэроплана, держа в левой руке тяжелую папку с бумагами. Правую руку он торопливо протянул мне.

— How do you do?*

Очевидно, он мысленно все еще был в Америке и, увидев мое удивленное лицо, засмеялся. Затем пробежал мимо меня, вскочил в вагончик и, снова забыв о моем существовании, захлопнул дверь. Вагончик скрылся.

Я должен был терпеливо дожидаться, пока он вернется и, дождавшись, поехал следом. Когда я подошел к комнате дяди, он с досадой крикнул мне:

— Где ты пропадаешь? У нас тут дела по горло. Почему ты не поехал вместе со мной?

— Да потому, что ты захлопнул дверь у меня перед носом.

Он рассмеялся.

— Видишь ли, когда я возвращаюсь из такого путешествия, из какого вернулся сегодня, то всегда бываю рассеян и не замечаю того, что делаю.

Он протянул мне руку и усадил меня в кресло рядом с Холльборном.

— Слушай: завтра утром прибудут первые аэропланы. Я нарочно телеграфировал из Сан-Франциско Аллистеру, чтобы он задержал инженеров на два дня на Суматре. Нам надо закончить кое-какие

* Как поживаете?

приготовления. Кроме того, завтра утром прибудут двести золотоискателей с Аляски...

Я перебил его:

— Но ведь ты же говорил, что белые не могут здесь работать?

Я чувствовал на себе, как расслабляюще действует климат Австралии, а ведь я, в сущности, не был занят почти никакой работой... И все-таки к концу дня уставал так, будто ворочал каменные глыбы.

— Эти двести золотоискателей устроены особо,— возразил дядя.— Я бы сказал, что они сделаны из железа, и тела их закалены, как машины. Два года они работали в Аляске на лютом морозе, а до этого в африканских копях; кроме того, они уже рыскали по Австралии в поисках золота и слоновой кости... Нужно сознаться, что все эти молодцы — продувные канальи и бестии, каких еще не видывал свет. Они могут работать, как черти, а ночью пропивают и проигрывают все, до последней песчинки; нож всегда торчит у них за поясом, и они перережут человеку горло с такой же легкостью, с какой мы выругаемся.

В то время, как дядя расписывал качества этих молодцов, я думал: «Зачем же он набрал таких негодяев?»

И он, точно прочтя мои мысли, ответил:

— Они здорово работают. Я нанял их на три месяца. Разумеется, они считают меня сумасшедшим, так как я обещал им огромную награду, если они выроют мне каналы. И кроме того, я дал им письменное разрешение брать себе в собственность все золото и всю слоновую кость, которую они тут найдут. А то, что они найдут здесь золото, вполне возможно... И они очень рассчитывают на это. Первые дни они будут работать, как бешеные, а потом сбегут. Нам придется построить для них лагери и, конечно, позаботиться о том, чтобы в лагере был и кабачок и игорный притон — без этого они не могут жить. Разумеется, придется смотреть за этими висельниками во все глаза. Послушай-ка, мальчуган,— обратился он ко мне,— не будет ли это самым подходящим занятием для тебя?

И, увидя мое полное отчаяния лицо, рассмеялся.

— Нет, мой милый, такой ответственности я на тебя не возложу. Смотрителем этой колонии негодяев будет Джим.

Я вспомнил, что во время одной из наших прогулок Холльборн показал мне этого Джима. Это был маленький, голый человечек, сидевший согнувшись на скале у озера и напевавший какую-то негритянскую песенку.

Дядя продолжал:

— Сегодня надо будет разбить палатки. Пустить этих людей в пещеру нельзя, да они и не должны ничего знать о пещере. Я поговорю с Мормора — не могут ли его люди помочь нам.

Имя «Мормора» было мне совершенно незнакомо, и я насторожился.

— Кто это: Мормора?

Дядя, не любивший, чтоб его прерывали, ответил с досадой:

— Вождь племени людоедов.

Кроме того, я выписал из Америки еще землекопов. Нам нужно будет вырыть колодцы. Всю нашу область мы разделим на 12 участков. Каждым участком будет заведовать инженер. Холльборн, список у вас?

Холльборн молча подал ему лист бумаги, и дядя начал читать:

— Моравец, старший инженер из Дрездена; он получит 200 арабов из племени Риад. Генрих Стобицер — двести туарегов из Ливийской пустыни. Вальтер Гольдинг — двести китайцев с Формозы. Отто Курцмюллер из Нюрнберга — двести сомалийских негров. Карл Гейнце из Потсдама — двести малайских туземцев. Эвальд Корнгольд из Майнца — двести негров из Дар-Эль-Салама. Кроме золотоискателей у нас будет 1200 человек. Сперва мы разобьем участки на шесть частей, и каждому из инженеров дадим заместителей.

— А как же я, дядя?

— О тебе поговорим сегодня вечером.

Я был немного обижен, но промолчал.

Я сидел один и злился. Дядя заперся у себя и приказал, чтобы никто его не тревожил. Холльборн вылетел куда-то. Мне никто не мешал отдаваться дурному настроению...

Почему дядя обошел меня назначением? Правда, я еще очень молод и неопытен, но когда же я приобрету опыт, если меня будут всегда отстранять от работы?

Из громкоговорителя раздался голос дяди:

— Иди ко мне!

Он сидел за столом, просматривая мою работу, сделанную за время его отсутствия.

— Ты сочинил все эти планы?

— Да, я думал...

— Во всем этом нет ничего нового для меня, но ты не должен огорчаться. Из этих планов я вижу, что ты прекрасно усвоил мои проекты и что у тебя есть инициатива. Это очень хорошо. Мне кажется, ты обиделся на то, что я не назначил тебя заведующим одним из участков? Но у меня есть для тебя кое-что другое. Других людей мне надо было бы изучать годами, тебя я уже знаю. Я читаю твои мысли. Я считаю тебя своим сыном и продолжателем моего дела. А пока ты будешь моим заместителем и помощником. Будешь везде и всегда со мной. Ты доволен? Не извиняйся и не благодари. Пойдем. Аэроплан уже готов. Я хочу познакомить тебя сегодня ночью с одним из моих хороших друзей — с Мормора, вождем племени людоедов.

Мы летели часа три. Только дядя и я. Я управлял аппаратом, он указывал путь. Под нашими ногами чернел лес, а посреди него была небольшая поляна. Дядя велел спускаться.

— Оставим аэроплан здесь и не будем пугать нашего приятеля. Он все еще не может освоиться с волшебными птицами европейцев.

Мы шли по лесу, дядя держал в руке компас и ворчал:

— Каждый месяц эта публика меняет место жительства; за ними не угонишься.

— Почему ты не берешь никого из них на работу?

— Потому что это невозможно. Так же невозможно, как запрячь льва в плуг. Заставить свободного бушмена работать — это значит убить его. Дикари — как дети. Они могут работать, но играя, тоже как дети. У них должно быть сознание, что они могут каждую минуту бросить одну игрушку и взять другую. А принудить их к работе — это значит сделать их несчастными. Я уже подумал об их будущем. Я решил, что никогда,— слышишь: никогда,— они не должны быть изгнаны из этих лесов, из этого клочка пустыни...

Дядя приостановился, постоял несколько секунд прислушиваясь, сделал несколько шагов и спрятался за дерево. Я сразу же решил, что он заметил опасность, и мысленно похвалил себя за то, что, отправляясь в гости к людоедам, сунул в карман револьвер — предосторожность, над которой дядя вероятно посмеялся бы.

Но вот он кивнул мне и приложил палец к губам, приглашая меня к молчанию. Когда я осторожно приблизился к нему, он шепнул:

— Не разговаривать! Не делать никакого шума! Смотри туда.

Перед нами расстилалась маленькая лужайка, и на ней шагах в ста от нас я увидел группу кенгуру. Одни из них лежали, растянувшись на земле, другие прыгали по лужайке, причем хвост служил им точкой опоры: без него они потеряли бы равновесие. Некоторые из них стояли на собственном хвосте и на задних лапах, сложив передние лапы на груди и посматривая по сторонам. Вид у них был такой, точно они молятся. Ветер дул в нашу сторону, и только поэтому их вожак не заметил нашего присутствия.

Дядя схватил меня за руку и шепнул едва слышно:

— Стой тихо; это не часто удается видеть.

В этот момент молодой самец кенгуру подскочил к юной мадемуазель кенгуру, в которую он, несомненно, был влюблен. Несколько минут он с самой комичной рожей прыгал вокруг нее на задних лапах и на хвосте. Она молча следила за ним прищуренными глазами.

Понемногу кавалер становился смелее: он издал звук, похожий на хриплый кашель, подпрыгнул еще ближе и нагнулся, казалось, что он хочет стать на колени перед своей дамой. Затем протянул лапу и погладил свою возлюбленную по спине.

Но мадемуазель кенгуру оказалась очень чопорной особой; она не допускала такой фамильярности и со всего размаха ударила своего поклонника. Потом встала на задние лапы, а передними обняла его. Он сделал то же самое, и так они стояли, как парочка, приготовившаяся танцевать.

Пример заразителен: другие кенгуру приняли такие же позы, и вся лужайка покрылась этими парочками, готовыми начать балет.

— Не хватает только румынского оркестра!

Дядя сказал это громко, и в ответ ему раздался пронзительный свист вожака. Все стадо обратилось в бегство, кроме одного крупного зверя, который еще прыгал на лужайке.

Но к нему почти такими же прыжками подбирался дикарь, вся одежда которого состояла из повязки на бедрах. Едва животное почуяло его, как остановилось и прижалось к дереву, глядя на своего преследователя кроткими, пугливыми глазами. И в тот же момент тяжелый удар дубины поверг бедного кенгуру на землю.

Я невольно содрогнулся. Дядя, всегда читавший мои мысли, шепнул:

— Ты прав, это жестоко, но... дикари хотят есть, и огнестрельного оружия у них нет. И все-таки уж лучше пусть они едят кенгуру, чем...

Он не докончил и, выйдя на лужайку, окликнул человека, стоявшего к нам спиной над распростертой перед ним добычей.

— Миами!

Дикарь испуганно прыгнул в сторону, в этот момент он сам был похож на спасающегося бегством зверя. Но, узнав дядю, он оправился от испуга и бросился ничком на землю со словами:

— Коби!

Это означало: господин.

Дядя заговорил с ним на непонятном мне наречии дикарей. Я слышал, что он упомянул имя Мормора. Молодой дикарь кивнул головой и подозрительно покосился на меня. Дядя сказал ему еще что-то, одной рукой обнял меня, а другой дикаря... Тот поколебался, но затем в свою очередь привлек меня к себе. Он был среднего роста и очень худ. Я ощущал его ребра под своей рукой. Его волосы возвышались над головой, как огромный парик, и торчали во все стороны.

Затем дядя дал нам по сигаре и мы закурив — мне вспомнилась трубка мира американских индейцев — отправились куда-то в лес.

Вскоре вдали послышался шум: крик попугаев, лай собак. Собственно говоря, это были не настоящие домашние псы, а так называемые «динго» — когда-то одичавшие собаки.

Перед нами открылась просека, а за ней маисовое поле и селение дикарей. Оно состояло из нескольких хижин, если можно назвать хижиной хрупкое сооружение, сплетенное из веток и выло-

женное травой и листьями. Посередине был разложен костер, а над костром хлопотали с котелками в руках мужчины и женщины. Наряд их был также упрощен до последней степени. Все они неистово орали и перебивали друг друга.

Миами пронзительно крикнул, шум мгновенно стих, и вся оравшая компания скрылась.

Затем из хижин появились только одни мужчины, вооруженные длинными копьями, щитами, луками и стрелами. Миами побежал к ним и остановился перед особенно ярко и пестро разукрашенным человеком. Пестрый человек выслушал речь дикаря и крикнул что-то, после чего женщины стремительно бросились к своим котелкам, чтобы унести их.

Дядя, все еще держа меня за руку, вышел вперед и, подойдя к пестрому вождю, сказал ему несколько слов по-английски. К моему удивлению, вождь ответил тоже по-английски, хотя и ломаным языком. Обмен любезностями между ними был таков:

— Приветствую моего брата Мормора!

— Добро пожаловать, мой белый брат!

— Скажи женщинам, чтобы они продолжали свою стряпню; я не буду заглядывать в ваши котелки, как вы не заглядываете в мои.

Сдержанная улыбка скользнула по лицу вождя.

Мы сели на корточки перед костром. Одна из женщин принесла нам маисовых лепешек. Миами насадил на вертел кусок только что убитого кенгуру и принялся поджаривать его.

Часом позже.

Мы съели маисовые лепешки и кенгуру, дикари опустошили содержимое своих котелков. Говоря по правде, мне едва лез кусок в горло. Я никак не мог отделаться от мысли, что в этих же котелках варилось человеческое мясо, хотя дядя и успокаивал меня уверениями, что сейчас это племя не ведет ни с кем войны, а в мирном состоянии оно не питается человечиной. Но... все-таки...

Дядя вынул из своей сумки три бутылки рома и предложил их дикарям.

— Я знаю, это яд для них,— шепнул он мне,— и прибегаю к этому угощению очень редко, но сегодня оно необходимо.

После рома дикари оживились и повеселели. Под грохот барабанов они исполнили какую-то сумасшедшую пляску. Они прыгали друг против друга, их щиты сталкивались и звенели, они бросали копья и неистово трясли косматыми головами.

В это время дядя разговаривал с вождем, и вождь утвердительно кивал ему головой.

Мы летели домой.

Дикари еще до нашего ухода молниеносно исчезли в лесу под предводительством вождя.

Настало утро. Дикари пришли в «Пустынный город» немногим раньше нас. Холльборн провел их в большую пещеру, где хранились припасы, и дикари вытащили оттуда громадные куски парусины для палаток и несколько сот железных кольев. После этого вход в кладовую был снова тщательно закрыт, и перед ним был посажен колючий кустарник.

Дядя объяснил мне:

— Дикарь не украдет. Став твоим другом, он не нарушит дружбы до тех пор, пока ты сам не предашь его. К сожалению, у белых людей несколько иные нравы...

Вскоре Пустынный город стал действительно походить на город. Перед глинобитными хижинами выстроились четыре палатки; в трех должны были жить инженеры, четвертая предназначалась для землекопов.

Я забыл упомянуть, что дядя выписал из Америки, собственно говоря, не столько землекопов, сколько своего рода «волшебников», т. е. людей с рамками, посредством которых они определяли содержимое недр земли и указывали, где именно следует рыть колодцы... Это были на вид странные люди. Одни из них казались вполне современными: привозили с собой особые приборы, сплетенные из проволоки, и пускались в длинные научные объяснения по поводу свойств этих приборов. Другие же были настоящими детьми природы, обросли волосами, носили длинные рубахи с открытой грудью, ходили в сандалиях на босу ногу и привезли с собой березовые и ивовые прутики...

Я спросил дядю, неужели он верит в «волшебство» этих палочек?

Он пожал плечами.

— Я ни во что не верю, но я ничего и не отрицаю. Я знаю, что германское правительство в южной Африке пользовалось услугами этих людей с их рамками для нахождения источников. Если они отыщут и здесь подземные ключи — хорошо, если нет — значит, я напрасно их выписал.

У нас становилось все оживленнее.

Прибыло 12 инженеров с мистером Аллистером во главе.

Мне кажется, что у Аллистера наметанный глаз. Люди, которых он привез с собой, подобраны молодец к молодцу. Интересно было присутствовать при их встрече с дядей. Он принял их в большой пещере, которая служила нам столовой, и разложил на столе карту своих владений. Я сам чертил эту карту под его наблюдением. Она была разбита на 12 участков, и из них выделено шесть, в которых работа должна была развернуться немедленно. Дядя развивал свои планы. Прибывшие инженеры слушали сперва удивленно, затем насмешливо и наконец восторженно. Моравец должен был соорудить на юге новую центральную машинную станцию. Там находилось

большое озеро — озеро Карнеджи,— не высыхавшее круглый год. Дядя предполагал, что оно связано с каким-нибудь подземным источником. Там мы должны были построить новую силовую станцию.

Генриху Стобицеру, железнодорожному строителю, была поручена прокладка железной дороги между Пустынным городом и озером Карнеджи.

Вальтеру Гельдингу, «электрику», надлежало водрузить во всей восточной области высокие мачты.

Когда дядя закончил свою длинную речь, глаза у всех блестели воодушевлением и все сомнения исчезли.

Дядя пожал Аллистеру руку.

— Кажется, вы привезли мне настоящих работников!

Прошло две недели. Это было безумное время. Целые эскадрильи воздушных птиц носились над нами. Хорошо, что дядя купил Кембриджскую бухту. С тех пор как Австралия открыта, в этой бухте, вероятно, не скапливалось столько судов. Ежедневно прибывали все новые и новые, и двести китайцев, специально выписанных из Кантона, едва успевали разгружать суда, выводить их из гавани и принимать новые.

На берегу с лихорадочной быстротой строился новый город, который дядя назвал «город Аллистер». Можно было подумать, что здесь готовится огромная сельскохозяйственная выставка. Все вокруг было загромождено ящиками, частями турбин, колоссальными динамо, горами рельс, электрическими локомотивами, клубками проволоки... Аллистер прогуливался среди всего этого хаоса. Встретясь со мной, он ласково протянул мне руку:

— Как поживаете, мистер?

И мне показалось, что мы с ним — старые друзья.

В бараках возле самого Пустынного города жили золотоискатели. Что это были за люди! На физиономии каждого была написана история всей его жизни. И физиономии эти были почти все изукрашены шрамами и рубцами, пересекавшими то лоб, то щеки.

В то время как все остальные европейцы предпочитали работать ночью, в прохладе (огромные дуговые фонари давали нам достаточно света для этого), а днем отдыхать,— золотоискатели, словно не чувствуя палящего зноя, выходили на работу именно днем. Роя землю лопатами, они впивались в нее блестящими глазами и пропускали комья земли сквозь пальцы... Некоторым из них уже удалось найти несколько золотых крупинок.

Ночью же, когда с моря дул свежий ветер, стремительно бежали в бухту двести китайцев инженера Гельдинга — водружать железные мачты и укреплять провода... А в палатках золотоискателей стояли не заглушаемые ничем рев и крик.

Посреди этих палаток был сколочен жалкий балаган, принадлежавший какому-то китайцу. Никто не знал, как он пробрался сюда;

во всяком случае, дядя не привез его с собой. Это был маленький шафранно-желтый человек с узкими, шныряющими глазами. Над своим балаганом он укрепил вывеску, гласившую: «Ресторан Виктория». Но это был всего-навсего грязный кабачок, где продавались всевозможные сорта отвратительного пойла: зеленого, красного и желтого...

Часть балагана была отделена перегородкой, за которой люди целыми часами играли в кости, а посреди этого логовища плясали всю ночь напролет, и пляски эти не уступали пляскам дикарей.

Когда я указывал дяде, что в конце концов этот пьяный сброд натворит каких-нибудь бед, он пожимал плечами:

— Неизбежное зло! Они роют, как черти.

Прошли еще три недели.

По проложенной узкоколейке бегали маленькие локомотивы, таща за собой вагончики, перевозившие тяжелые части новых машин. Был доставлен целый транспорт верблюдов и слонов. Дядя хотел использовать гигантскую силу этих животных. В пяти местах были уже сооружены станции беспроволочного телеграфа.

Через месяц повсюду возвышались мачты, повсюду сверлильные машины буравили скважины, раздавались взрывы и образовывались глубокие ложбины для каналов.

Я почти постоянно находился в полетах, переносясь то на юг, то на восток — к горе Руссель, то на запад, где проходили наши границы, которые должны были охраняться от любопытных лучами Маттью.

Однажды в субботу вечером дядя увез меня в автомобиле. Мы доехали до участка, где работал Гельдинг со своими китайцами. Здесь повсюду возвышались мачты, снабженные какими-то странными аппаратами, похожими на лампы, накрытые асбестовыми щитами. Здесь же стояли на известном расстоянии друг от друга водочерпательные машины, которые накачивали воду во вновь вырытые колодцы.

Мы стояли на холме, и дядя обвел рукой вокруг. Когда я приехал сюда, здесь была унылая песчаная пустыня. Теперь все кругом зеленело. Восемь дней тому назад из этой земли едва пробивались головки первых ростков, теперь я видел уже пышные маленькие растения.

— Знаешь, что здесь будет? Наша первая кокосовая плантация. Вон там, высоко, в стояках, положены кусочки радия. В течение дня они излучают на увлажняемую землю. Трудно представить себе, как это способствует росту растений. Я думаю, что через год мы уже снимем первый урожай...

До нас донесся глухой гул... Он шел из палаток золотоискателей. Мы помчались в автомобиле обратно.

Огромное зарево пылало в небе: все бараки золотоискателей были объяты пламенем.

ГЛАВА 5

Сегодня ровно год, как я прибыл в Пустынный город. Год! Мне кажется, что прошло десять лет. Я посмотрелся в зеркало. Если бы мои берлинские друзья увидели меня, то, пожалуй, не узнали бы. Правда, фигура осталась та же, но черты лица заострились и кожа приняла совсем другой оттенок. Сегодня воскресенье, и мы не работаем. Холльборн улетел на юг, дядя отправился на гору Руссель. Ему опять нужны деньги, и он пошел за частицей своих сокровищ. На этот раз он взял с собой Моравца, которого он назначил главным инженером. Моравец — чрезвычайно способный человек. Он великолепный электротехник, и в нем есть дух творчества.

Кажется, правительство в Канберре уже стало проявлять любопытство к «Пустынному городу». Нам предложили провести железную дорогу в наши владения. Это нетрудно сделать, так как она уже доходит до горы Маргариты, а оттуда всего несколько километров до наших южных границ. Тогда мы были бы соединены с гаванью Фремантль на восточном побережье Австралии, которая гораздо удобнее нашей Кембриджской бухты, часто очень опасной для судов. Но дядя — против железнодорожного сообщения с Австралией; он не хочет, чтобы австралийцы знали, что делается у нас.

Во всяком случае, у них уже проснулось любопытство. Они смеются над нами и качают головами. Несомненно, господа из Канберры думают, что вся наша затея слишком фантастична, и убеждены в том, что у дяди скоро иссякнут деньги и что он покинет страну.

О нас пишут удивительные вещи. Австралийские газеты знают, что в нашем распоряжении имеются суда и большие воздухоплавательные аппараты — у нас уже три цеппелина, но никому не известно, какой цели они служат. Никто не понимает, откуда берутся миллионы, которыми мы располагаем, но все иронизируют над тем, куда мы их расходуем.

Я предпринял небольшую прогулку на холм, расположенный позади нашей центральной станции. Отсюда открывается вид на «Пустынный город», который за этот год действительно превратился в настоящий маленький город. В нем проложены улицы и устроены дома. Разумеется, это не обычные дома, их части прибыли к нам уже готовыми, и мы их только собрали. Дома сделаны из металла и снабжены холодильниками. В них прохладно и приятно жить.

Я живу вместе с мистером Холльборном в одном из таких домиков почти у самых ангаров для цеппелинов. За ангарами — аэродром, а дальше во все стороны бегут рельсы — узкоколейная полевая дорога. Рельсы сходятся в центральном узле, напоминая гигантскую паутину.

В Пустынном городе около пятисот человек, из них триста человек — немцы.

Я вспоминаю вечер, когда мы с дядей мчались в автомобиле к горящим баракам золотоискателей. Легкие строения вспыхнули, как карточные домики, и когда мы приехали на место пожара, от них не осталось уже ничего. Золотоискатели тоже исчезли. Разобрав обуглившиеся бревна, мы нашли несколько убитых и в их числе хозяина кабачка, а также старого Джима.

Когда я спросил дядю, будем ли мы разыскивать бежавших, он ответил:

— Зачем? Очевидно, они решили рыть где-нибудь золото на свой страх и риск...— И добавил: — Видишь, насколько спокойнее иметь дело с машинами?!

Я знаю, что дядя недаром поехал на гору Руссель. На этот раз ему нужно не только взять образец урановой смоляной руды, но и еще кое-что обдумать.

За последнее время к дяде несколько раз приходил вождь дикарей — Мормора. Это были необычайные визиты. Мормора появлялся в полном военном одеянии, в сопровождении двух воинов и заклинателя Тена-Инжит, разодетого самым фантастическим образом, вымазанного какой-то грязью и изукрашенного пестрыми перьями. Мормора высылал молодого воина с докладом о себе, дядя торжественно выходил ему навстречу, и затем они удалялись в пещеру.

Многие из европейцев удивлялись дружбе дяди с вождем дикарей. Но Мормора со своим племенем все еще живет в лесу у горы Руссель и как бы охраняет горные недра.

Страж он надежный, так как эти горные недра он считает жилищем древнего бога. Что же касается радия, то Мормора не знает о его ценности.

В последнее время, по его словам, в окрестностях горы появились белые люди. Возможно, что это были золотоискатели, бродившие где-то поблизости.

Недавно в руднике нашли мертвого. Лучи радия убили его; но Мормора, конечно, говорит, что его казнил горный бог.

Во всяком случае, нужно принять меры предосторожности: здесь скопилось слишком много подозрительных людей, и надо испытать действие лучей Риндель-Маттью, которые со временем будут охранять нашу область от вражеских вторжений.

От нашей центральной станции проводится в гору ток высокого напряжения. Это дело поручено Моравцу. Не знаю — почему, но у меня не лежит сердце к этому человеку. Я не отрицаю, что он самый способный из всех и что дядя недаром назначил его главным инженером... Но мне не нравится его взгляд, его ускользающие глаза и насмешливая улыбка, которая дрожит на губах, когда он разговаривает с дядей.

Однажды я поделился моими наблюдениями с мистером Холльборном. Он засмеялся и сказал:

— Вы ревнуете!

Это рассердило меня, и я замолчал.

Дяде я не говорил ничего, боясь, что он тоже упрекнет меня в ревности. Говоря по правде, мне не нравились также и Стобицер, и Гельдинг, и Курцмюллер, но все они, как нарочно, были способными и очень деловыми инженерами.

Может быть, я и в самом деле ревнив?

Уже не раз я замечал, что по воскресеньям, сидя в специально устроенном для инженеров казино, где они проигрывали иногда все свое большое жалование, эти люди отпускали по адресу дяди насмешливые словечки.

По-моему, это недостойное поведение.

Прошло еще полгода.

Временами мне становится страшно за дядю. Целыми ночами он сидит над своими планами, а дни проводит на работе и почти не спит.

Сегодня был интересный день: Моравец закончил сооружение станции высокого напряжения на горе Руссель. Мы все собрались там. Это был настоящий пикник, на который пригласили и Мормора со всем его племенем.

В горе была вырыта пещера. Над входом в рудник и над старой пещерой ацтеков. Мы знаем, что рыли ее не ацтеки... Но нам надо было как-нибудь назвать ее, а сохранившиеся в ней остатки скульптуры напоминают произведения ацтеков.

Во вновь вырытой пещере Моравец установил мощные машины, которые питались током высокого напряжения нашей центральной станции и должны были производить лучи Риндель-Маттью.

Мы все стояли в саду, который расцвел еще пышнее с тех пор, когда я видел его в первый раз.

Моравец пошел к машинам. Раздался свисток — он включил лучи. С горы послышалось равномерное громкое жужжание. Это был предупредительный сигнал, известный всем членам нашей колонии и туземцам.

«Когда раздается жужжание на горе, приближаться к ней нельзя».

Все притаились и замерли... Но вдруг собака инженера Моравца, прежде чем мы успели удержать ее, стрелой помчалась вперед, отыскивая своего господина. Внезапно собака очутилась в кольце вспыхивающих маленьких молний, вот уже она объята пламенем и сгорает на наших глазах.

Моравец еще не знает о том, что погиб его четвероногий друг...

Сейчас начнется испытание автоматического управления аэропланами.

Дело в том, что у нас есть несколько маленьких воздушных моделей, которые посредством установленной здесь машины, соединенной с сетью тока высокого напряжения, должны летать без пилота. Устроены они так: в аппарате имеется приемник, длина волны которого равна длине волны отправителя, установленного на земле и регулирующего каждый поворот руля посредством передаточного аппарата.

Пробные испытания полета этих аэропланов и должны начаться сейчас. Аппараты пущены; одни летят совсем низко, другие повыше, третьи высоко над горой. Двадцать маленьких моделей в различных направлениях пересекают воздушное пространство.

И вот, как по сигналу, все они вспыхивают и сгорают в одну секунду...

Дядя улыбается.

— Кажется, наш радий в безопасности!

Дикари дрожат в смертельном страхе. Мормора едва отваживается протянуть дяде руку. Когда жужжанье на горе прекращается и Моравец подходит к нам живой и невредимый, дикари бегут от него, как от дьявола...

Вечером, прощаясь с инженером Моравцом, дядя сунул ему что-то в руку. Я убежден, что это была очень крупная сумма. А ночью я увидел этого же инженера Моравца, сидевшего вместе со Стобицером в кабачке, выстроенном рядом с казино. Здесь обычно собираются погонщики верблюдов. С инженерами сидели два каких-то парня с физиономиями беглых каторжников. Вероятно, это были сбежавшие после пожара золотоискатели. Вся компания была так пьяна и так поглощена игрой в карты, что даже не заметила моего присутствия.

Люди, которых я принял за золотоискателей, потряхивали мешочками, а время от времени вытаскивали из них крупинки золота и бросали их на стол. Я заметил, как они, тасуя карты, плутовски подмигивали и злорадно ухмылялись.

В конце концов, что мне за дело до всего этого? Дядины инженеры вольны проигрывать свои деньги кому угодно, хотя бы даже и этим висельникам.

В ту же ночь я должен был слетать по поручению дяди в «город Аллистер», в Кембриджскую бухту. Он разросся еще шире, чем наш «Пустынный город», и теперь там жило уже не двести китайцев, а больше тысячи...

Вернувшись домой, я опять увидел выходящих из кабачка инженеров. Они покачивались и что-то бормотали заплетающимися языками. До меня донеслись слова Моравца:

— Все деньги к дьяволу! Сто тысяч марок в одну ночь! Лучше было бы мне улететь с первым же аэропланом в Европу... Что я за несчастный человек!

Стобицер утешал своего приятеля:

— Глупости! Ты в любой момент можешь опять разбогатеть.

— Каким образом?

— Ведь ты же стоишь у источника. Что сделается со стариком, если у него будет радия на несколько крупинок меньше?..

Моравец схватил его за шиворот.

— Ты предлагаешь мне стать вором?

Стобицер забормотал что-то бессвязное. Я нарочно задержался позади них. Мне не хотелось, чтобы они знали, что я слышал их разговор. Возможно, впрочем, что завтра оба уже забудут то, что говорили сейчас.

Я пришел домой, раздумывая:

«Сказать мне об этом Холльборну? Не высмеет ли он меня снова? Или, может быть, передать все дяде?»

Но быть доносчиком казалось мне слишком недостойным!

Я решил молчать, но зато глядеть в оба.

Сегодня у дяди был опять большой день. Мы закончили прокладку рельс, или, как мы называем это,— нашей «паутины». На всех рельсах уже стоят сельскохозяйственные машины. Огромные плуги с вертикальными, движущимися вокруг своей оси лопастями и острыми лопатами, предназначенными взрывать землю; за ними идут машины поменьше, которые должны будут разрыхлять глыбы земли; затем красуются бороны и, наконец, сеялки. В центре этой «паутины», точно пауки, стоят наши аппараты. Здесь же выстроена и платформа, на которой стоит стол с множеством электрических кнопок, и у этого стола священнодействует дядя, окруженный своими двенадцатью инженерами.

Сегодня все эти машины будут впервые пущены в ход по кругу диаметром в двести километров.

Впервые мы принимаем сегодня гостей из Канберры. Дядя послал за ними большой цеппелин, на котором прибыл со своей свитой лорд Альбернун.

— Я не заставлю вашу светлость дожидаться,— говорит дядя.— Мы сейчас же начнем.

Лорд улыбается и переглядывается со своим секретарем мистером Спенсером. В этой улыбке сквозит явная насмешка.

— Могу я узнать, что здесь должно произойти?

— Мы должны разбить маисовое поле на этом круге. Для этой цели мы должны будем автоматически обработать землю.

Лорд не может удержаться от иронии:

— И вы полагаете, господин волшебник, что здесь может что-нибудь расти?

— Разумеется! Эта почва, отдыхавшая тысячу лет, представляет собой отличный перегной.

— Возможно. Но я слышал, что для того, чтобы земля была плодородной, она должна быть орошаема водой.

— Вы совершенно правы.

— Следовательно, вы собираетесь поливать ее из леек? — На этот раз насмешка звучит так откровенно, что лица многих инженеров вспыхивают. Дядя же отвечает совершенно спокойно:

— Нет, я сперва орошу землю дождем. Я сделаю это так, как в тропиках. Каждый день в течение двух часов над этим полем будет идти дождь.

Лорд Альбернун становится серьезен и испытующе смотрит на дядю. Для меня ясно, что он считает его сумасшедшим.

— Вы собираетесь?..

— Делать дождь. При современных достижениях науки это совсем не трудно. Разрешите начать, ваша светлость?

Лорд тяжело опускается в кресло.

— Я чрезвычайно заинтригован.

— Будьте добры взять подзорную трубу и наблюдать за этими башнями.

На одинаковом расстоянии друг от друга стоят четыре четырехугольных башни.

— Я начинаю! — Дядя нажимает кнопку. В первые моменты не заметно ничего особенного, затем дядя говорит: — Если вы вглядитесь попристальнее, то увидите легкий туман над башнями и заметите слабое вибрирование воздуха.

Действительно, над всеми четырьмя башнями постепенно сгущались маленькие облачка. Они с каждым мгновеньем становились все гуще и темнее... Вот уже клочья разорванной тучи несутся по небу, но они не расплываются по сторонам, а каким-то странным образом собираются в центре, равномерно распределяясь над всем кругом нашей «паутины».

Проходит полчаса, час. Теперь все небо покрыто черными тучами.

— Разрешите — я пущу дождь.

Никто не отвечает. Дядя нажимает другую кнопку.

Вспыхивает молния, гремит гром, и в тот же миг потоки дождя

низвергаются на высохшую землю, дождь брызжет нам в лицо и отскакивает от земли маленькими жемчужинками.

Лорд невольно застегивает все пуговицы пальто. Дядя улыбается.

— Как видите, я был предусмотрителен, сделав крышу над этой платформой. Минутку терпения. Скоро все пройдет. Ночью я пущу дождь еще раз. Сейчас была только репетиция.

Начинает постепенно светлеть, облака исчезают, и наступает солнечный день. Лорд, вне себя от изумления, смотрит на дядю.

— Как это возможно?

— Все очень просто. Облака образуются от того, что вода испаряется от жара. Вы можете проследить это на любом чайнике. В эти башни я провел тоненькие трубы; по трубам идет вода, которая нагревается электричеством. Когда она достигает вершины башен, особые электрические плитки доводят ее до точки кипения. Таким образом этот пар поднимается кверху — в нагретый солнцем воздух, и из него образуются облака. До сих пор все было очень просто, трудность наступает лишь сейчас.

Вы обратили внимание на то, что весь этот круг окаймлен воздухоплавательными аппаратами? Это обыкновенные воздушные шары, прикрепленные на канатах к земле и соединенные с током высокого напряжения. У них имеется приспособление, посредством которого я посылаю в воздух волны, препятствующие моим искусственным облакам переходить за черту этого круга. Затем, благодаря электрической искре, я произвожу искусственную грозу, воздух внезапно охлаждается и падает дождь.

В общем, все это очень просто. Нужно только иметь необходимые машины и прежде всего ток высокого напряжения.

Дядя нажал на рычажок и привел в движение землечерпательные машины, которые взрыли разрыхленную дождем землю. За ними последовали плуги, затем бороны и сеялки. Медленно и планомерно двигались по рельсам эти гиганты.

Никакой помощи им не требовалось. Только один человек, стоя у стола, нажимал кнопки и переводил рычаги.

Уже поздний вечер. Гости из Канберры обедали у нас. За обедом лорд Альбернун был вынужден сказать небольшую речь, посвященную восхвалению технических чудес, которые он увидел в этом пустынном городе.

Дядя тоже ответил ему речью:

— Почтенные господа во главе с господином министром, я пригласил вас сегодня не только для того, чтобы вы присутствовали при «чудесах», но и для того, чтобы вы присутствовали при «крещении». Мои владения назывались до сих пор «Desert City» т. е. «Пустынный город». Но это наименование больше не подходит. С сегодняшнего дня этот город будет называться Электрополис — город электричества, город техники, город железных рук.

Лорд и его свита переглянулись. Нетрудно было понять, какая мысль таилась у каждого из них: «Этот субъект попросту сумасшедший, зарвавшийся в своих фантазиях...»

Несомненно, дядя прочел эту мысль в их взглядах, но молчал и улыбался.

Я покинул свое место за столом еще до того, как обед окончился. Дядя поручил мне — тайно от всех — еще раз «сделать дождь» и пустить на орошенную землю лучи радия. Я возился с этим почти всю ночь. На утро, когда цеппелин был уже подан нашим гостям, дядя попросил их еще раз подняться на платформу.

Они замерли от удивления. Над полем зеленела мягкая, кудрявая, легкая, как пух, травка. Это взошли семена.

Дядя сказал, улыбаясь:

— Тропическое солнце творит чудеса!

О радии мы, разумеется, молчали.

И когда лорд Альбернун, качая головой, промолвил: «Вы — волшебник»,— дядя скромно ответил ему:

— Я только призываю себе на помощь силы природы.

Снова у нас сенсация, но на этот раз несколько иного сорта. Ее поднесли нам газеты, в которых крупным шрифтом, с гигантскими заголовками, напечатано: «Гора радия в пустыне», «Как лорд Альбернун продал за гроши несметное богатство мистеру Шмидту из Сан-Франциско», «Германский король Австралии», «С неба упавшие миллиарды» и т. д.

Во всех австралийских газетах было то же самое. Как они проведали об этом? Теперь всему миру известен источник нашего богатства.

Многие из тех, кто живет здесь вместе с нами, впервые узнали из этих газет о радии. Все пришли в волнение, один лишь дядя оставался спокоен.

Я спросил его:

— Что теперь будет?

— Ничего.

— Австралийцы ревут от бешенства.

— Пусть ревут.

— Они нападут на нас.

— Теперь ты понимаешь, почему я так спешил с установкой станции сильного тока? Раз она закончена,— непроницаемая завеса лучей защитит нас лучше всякого войска.

— Но кто мог выдать нас?

— Почем я знаю. Может быть, золотоискатели?

Австралийские газеты только и говорят о залежах радия.

Созван парламент. Лорду Альбернун дано распоряжение спешно вернуться из отпуска.

— Я не хотел бы быть в его шкуре.— Дядя говорит это со смехом и ложится спать, в то время как мы отправляемся в казино и толпимся у громкоговорителя, передающего речи членов парламента.

ГЛАВА 6

Заседание парламента в Канберре было очень бурным. Оппозиция ни за что не хотела успокоиться. Слышались крики:

— Это непростительная глупость!

— Какое право имел лорд Альбернун раздаривать собственность Австралии?!

— Мы хотели бы знать, сколько перепало от этой сделки в его карман?

Лорд Альбернун стукнул кулаком по столу:

— Я запрещаю подобные выпады! Я ничем не запятнал себя.

— Ах вот как, даже для самого себя не сумели постараться?

Голоса становились все возбужденнее. Никогда еще в австралийском парламенте не было такого бурного заседания. Напрасно председатель звонил в колокольчик, чтобы водворить порядок. Наконец взял слово лидер оппозиции:

— Мы требуем, чтобы лорду Альбернун было поручено немедленно расторгнуть договор и выселить мистера Шмидта и всех его друзей и сторонников из страны. Мы требуем, чтобы поручение это было выполнено в недельный срок.

Лорд Альбернун был бледен, но совершенно спокоен.

— Само собой разумеется, что я выполню волю высокого собрания.

Подозвав своего секретаря, лорд вышел из парламента.

В течение недели я был занят с утра до ночи. Дядя поручил мне ответственнейшую работу: составить проект контроля над всеми машинами. Контроль этот должен был производиться посредством особого механизма. Я почти не выходил наверх, и даже обед мне приносили в лабораторию.

Однажды утром ко мне пришел дядя Генрих. Я давно не видел его таким радостно-оживленным.

— На сегодня довольно, мальчик!

— Нет, дядя... У меня работы еще дня на два, а потом можно будет пустить в ход...

Он перебил меня:

— Довольно, говорю я! Пойдем смотреть спектакль. Скоро сюда пожалует лорд Альбернун и от имени Австралии объявит нам войну.

Я встревожился. Но дядя, не обращая на это внимания, подошел к столу и стал рассматривать мою работу.

— Отлично. Как раз то, что мне надо...

В это время раздался звонок. Дядя насторожился и взял меня за руку:

— Пойдем!

Мы вошли в его рабочую комнату. На матовой пластинке светилась надпись: «Только что пролетел австралийский аэроплан. Сторожевой пост Мусграв Ранге».

Я начал высчитывать:

— От Мусграв Ранге до нас приблизительно триста километров. Следовательно, в десять часов утра они будут здесь.

Дядя усмехнулся.

— Я думаю, что они прибудут двумя часами позже. У нас еще есть время просмотреть твою работу.

Он присел к аппарату Морзе, и на матовой пластинке появились выбитые им телеграфные знаки:

«Держать автомобиль наготове. Оказать помощь аэроплану. Немедленно доставить сюда пассажиров».

Я ничего не понял:

— Разве аэроплан потерпел крушение?

— Пока еще нет, но возможно, что через час это случится. Теперь приступим к твоему проекту.

Я видел по его лицу, что дядя не хочет дальнейших вопросов.

Мы погрузились в работу.

Через час он спросил меня:

— Хочешь пойти со мной в машинное отделение?

Там уже ожидал нас мистер Холльборн. У него было такое же странное выражение лица, как и у дяди.

— Все готово?

— Yes, мистер Шмидт!

Дядя подошел к доске с рычагами и что-то повернул. В комнате стало темно, но зато засветилась матовая пластинка над доской. Я увидел аэроплан, медленно скользивший по небу... Дядя продолжал поворачивать рычаги, и аэроплан стремительно спустился, почти падая на землю. Заклубилось облако дыма... Потом все исчезло, и в комнате снова стало светло.

В эту минуту прозвучал звонок, и, войдя в кабинет дяди, мы приняли телеграмму:

«Австралийский аэроплан упал и сгорел. Пассажиры невредимы. На помощь выслан автомобиль из Мусграв Ранге. Спешно доставим в Электрополис. Караульный пост Эдит Лагсон».

Я с ужасом взглянул на дядю.

— Ты знал заранее, что аппарат упадет?

— Разумеется. Я сам заставил его упасть с помощью лучей Риндель-Маттью.

— Но зачем?

— Чтобы доставить лорду удовольствие прокатиться в автомобиле по палящей жаре.

Ровно в двенадцать опять звонок:

«Австралийский автомобиль прошел. Холльборн».

Дядя вскочил.

— Через двадцать минут они будут здесь. Нам надо облечься в парадные костюмы. Нельзя принимать лорда в рабочем платье.

Еще через полчаса мы стояли у глинобитной хижины, ожидая прибытия автомобиля.

У лорда и у его секретаря был совершенно измученный вид.

Дядя встретил их низким поклоном.

— Как поживаете, милорды?

Лорд сделал попытку улыбнуться.

— Мы совсем изжарились. Черт знает, что такое случилось с нашим аэропланом. Мы очень благодарны, мистер Шмидт, за высланный нам автомобиль.

Дядя снова поклонился.

— Разрешите предложить вам холодную ванну?

Через час лорд и его секретарь, освеженные и переодетые в заранее приготовленные для них новые костюмы, входили в дядину рабочую пещеру. Затем мы заняли места, и дядя начал:

— Очевидно, лорд пожелал лично вручить мне расписку в получении австралийским правительством остатка моего долга?

— Наоборот. Мне поручено австралийским правительством не только не принимать этого остатка, но вернуть вам деньги и считать договор расторгнутым.

Дядя улыбнулся, и здесь я первый раз в моей жизни увидел, какие тончайшие оттенки настроений можно вложить в улыбку. Начавшийся затем разговор я даже не могу назвать «разговором», так как почти все время говорил один дядя, а лорд и его секретарь делали слабые попытки вставлять коротенькие реплики.

— Я прошу лорда объяснить мне, чем вызвано такое внезапное требование? Насколько я помню, австралийское правительство заключало со мной договор не по принуждению, а совершенно добровольно, и было очень радо получить за ничего не стоящий клочок земли в пустыне такую огромную сумму.

— Да... но в этой пустыне... оказалось...

— Я знаю: гора Руссель. Она также куплена мною, и в договоре сказано совершенно ясно, что гора Руссель принадлежит мне, равно как воздух над ней и земля под ней...

— Да, но мы не знали...

Дядя засмеялся.

— Мой дорогой лорд, если вы не знали, какие сокровища содержит в себе гора, то уж это не моя вина. Еще в 1787 году английский капитан Артур Филипп основал в Австралии колонию, из которой и возникло австралийское государство. Следовательно, у правительства Австралии было в распоряжении 150 лет для того, чтобы ознакомиться со всеми сокровищами своей страны. Если оно не сделало этого и если я, явившись сюда простым охотником за райскими птицами, сумел найти эти сокровища, то...

— Вы должны были заявить об этом...

— Нет, дорогой лорд, я ничего не был должен... Я пришел к вам и спросил: сколько стоит гора Руссель со всем, находящимся в ней и под ней? Вы назначили сумму — совершенно баснословную сумму за простой каменистый холм.

— Мы думали...

— Совершенно верно — вы думали, что перед вами сумасшедший американец, и не мешали ему разыгрывать дурака.

Лорд вскочил, едва сдерживая свое бешенство.

— Почему вы позволяете себе высказываться от моего имени?

— Но ведь я высказываюсь совершенно правильно. И кроме того, позвольте мне еще сказать вам, что ведь в сущности гора Руссель совсем не принадлежит к владениям Австралии.

— Что это значит?

— Гора Руссель — колоссальных размеров метеор, упавший когда-то на Землю. Вам известно так же хорошо, как и мне, что австралийская почва не содержит в себе радия. Я нашел радий в огромном метеоре, который и купил у вас вместе со всем содержимым. Вы не имеете никакого права претендовать на этот метеор.

Лорд в изнеможении опустился в кресло. К счастью, дядя своевременно убрал прибор, посредством которого кресла автоматически откатывались к стене, и лорду не грозила опасность сесть на пол.

Дядя помолчал с минуту, давая своему собеседнику время успокоиться; затем предложил ему великолепную гаванскую сигару и, когда лорд почти машинально закурил, сказал спокойно и дружелюбно:

— По-моему, нам сейчас совсем незачем ссориться. Ведь вы прекрасно понимаете, что я прав, и вам, вероятно, самому неприятно выполнять ту миссию, которую вам навязали. Это же самое правительство, которое теперь так недовольно вами, не находило бы слов для похвалы вам, если бы в дураках оказалось не оно, а я. И мне очень жаль, дорогой лорд, видеть вас сейчас в таком неловком и недостойном положении.

Альбернун хотел что-то возразить, но дядя остановил его.

— Я еще не совсем рассчитался с вами. Я должен заплатить вам за аэроплан, который погиб по моей вине...

— По вашей вине?

— Увы! Или, вернее, по вине английского изобретателя Риндель-Маттью, лучи которого, благодаря моей подземной силовой станции, я применил и могу применять в любой момент.

— Зачем вы сделали это?

— Чтобы показать вам одну из тех возможностей, которыми я располагаю. Впрочем, мы заговорились, и за этими разговорами я совсем забыл обязанности гостеприимного хозяина. Вы, вероятно, голодны. Сейчас я узнаю, готов ли завтрак?

Дядя повернул рычаг: в комнате сразу стало темно, и я увидел нечто, от чего у меня волосы встали дыбом.

Мы находились в пещере, которая была отделена от столовой металлической стеной, завешенной коврами. Теперь эта стена стала совершенно прозрачной, точно сделанной из желатина. Я видел за ней столовую и слуг, накрывавших на стол. Следующая стена была также прозрачна, и за ней было видно машинное отделение.

Дядя повернул рычаг в другую сторону. Снова стало светло.

Лица наших гостей окаменели от изумления.

— Что это такое? — Лорд прижал руки к вискам, ему казалось, что он сходит с ума.

Дядя же говорил, посмеиваясь:

— Тут нет ничего сверхъестественного. Это просто-напросто маленькое электрическое представление... Называется оно гамма-лучами. Свойство этих лучей — делать прозрачными непроницаемые для света предметы... Уверяю вас, дорогой лорд, у меня в запасе еще много подобных сюрпризов... Но позвольте пригласить вас к столу.

Лорд Альбернун встал. Теперь он уже не сдерживал своего негодования.

— Я не желаю пользоваться гостеприимством в этом доме.

— Очень жаль! Я угостил бы вас отличным завтраком.

— Вы отказываетесь расторгнуть договор?

— Разумеется.

— Вы не желаете взять деньги обратно?

— Я даже и не думаю об этом.

— И вы намерены развивать ваши планы дальше?

— Почему бы нет?

— Вы воображаете, что превратите эту пустыню в плодородную страну?

— Нет.

— Нет?

— Я не воображаю, я знаю, что сделаю это, и пустыня осчастливит сотни тысяч людей.

— Мы запретим вам это. Мы вышлем вас отсюда. Вы и все ваши друзья и сотрудники должны покинуть Австралию в трехдневный срок. Вы поняли меня?

— Да.

— И вы исполните мое требование?

— Нет.

— Тогда мы заставим вас исполнить.

— Интересно узнать, каким способом?

— В крайнем случае мы пришлем солдат. Если понадобится, целый полк.

— Вы можете прислать целую армию.

— И вы будете сопротивляться?

— Нет.

— Вы смеетесь надо мной?

— И не думаю. Мне не придется сопротивляться, потому что напасть на Электрополис невозможно. Вы упорно не хотите считаться с теми средствами, которыми я располагаю... Я уверен, что у вас был вполне исправный самолет и опытный пилот. Но когда мне понадобилось, я послал навстречу вам те лучи, о которых я уже говорил. Повинуясь моей воле, вы должны были спуститься, а ваш аппарат сгорел. Вы хотите послать сюда ваших солдат... Дорогой лорд, я не сторонник кровопролитных войн. Я не хочу убивать людей, но я предупреждаю вас: без моего желания ни один человек не переступит границу моей земли. Я говорю это совершенно серьезно. Если вы не обратите внимания на мое предостережение, то по вашей — вы слышите — по вашей, а не по моей вине, множество людей поплатится за это жизнью.

— Фантазия!

— Возможно. Но в таком случае фантазией было и уничтожение вашего аэроплана.

Оба они — лорд Альбернун и дядя — стояли друг против друга, как враги. Лорд спросил коротко и резко:

— Значит, вы хотите войны?

— Нет. Я хочу мира и уважения моих прав.

— Посмотрим. Прощайте!

— До свиданья, лорд! До скорого свиданья!

— Мы никогда больше не увидимся.— Лорд повернулся и вышел, сопровождаемый своим секретарем. Слуга открыл перед ними дверцу электрического вагончика.

Мы остались одни.

— Дядя, ты нажил себе смертельного врага.

Он улыбнулся.

— Подожди, представление еще не кончено.

Раздался свисток — сигнал того, что вагончик вернулся,— и в комнату вошел слуга.

— Его светлость просит выйти к нему мистера Шмидта.

— С величайшим удовольствием. Пойдем, Фриц.

Мы увидели лорда, нетерпеливо шагавшего взад и вперед перед глинобитной хижиной. Дядя вежливо поклонился ему и спросил с легкой иронией:

— Я был прав, когда сказал: «до свиданья?»

Лорд Альбернун, красный от гнева, пробормотал:

— Как же мне уехать отсюда, раз у меня нет ни аэроплана, ни автомобиля?

— Совершенно верно. Но лорд так быстро и так строптиво пожелал удалиться, что я не успел предложить ему никакого средства передвижения.

Лорд, делая над собой усилие, проговорил:

— Я должен просить вас...

Дядя с полной готовностью повернул рычаг, и через несколько минут на землю опустился совершенно новый аппарат.

— Разрешите мне предложить вам этот аэроплан взамен сгоревшего.

— Я не хочу принимать от вас ничего. Доставьте меня только до границы.

— К сожалению, мой пилот занят, но у вас есть свой собственный, и аэроплан принадлежит вам.

Лорд и его секретарь молча сели в кабину.

Когда гигантская птица взвилась в воздухе, дядя сказал:

— Не хотел бы я быть на месте этого лорда, когда он возвратится в Канберру и сделает доклад парламенту.

Настал вечер. Перед тем как проститься с дядей я нерешительно спросил его:

— Послушай, почему ты знаешь буквально каждую мысль человека?

— Разве это так трудно? — видя, что я молчу, дядя подошел ко мне и, положив по своей привычке обе руки мне на плечи, сказал серьезно и почти торжественно:

— Мальчик мой, я вижу, что пришло время поделиться с тобой одной из моих могущественных тайн. Я люблю тебя. Ты стал мне близок, как сын. Пусть же ты будешь наследником той тайны, которая — как я думал — умрет вместе со мной.

В моей способности читать чужие мысли нет ровно ничего удивительного. Ведь ты умеешь обращаться с радио. Ты знаешь, что звук, вызывающий легчайшее сотрясение воздуха, передается по волнам в эфир. Каждая энергия может вызывать такие же волны, и такой энергией является, между прочим, человеческая мысль.

Те аппараты, которыми я располагаю, и те возможности, которые предоставляют мне гамма-лучи и лучи Риндель-Маттью, откры-

вают мне доступ в мыслительный аппарат человека. Я могу так усилить тончайшие волны человеческой мысли, что они заставят вибрировать тончайшую же мембрану. Разумеется, для этого необходимо, чтобы человек, мысли которого я хочу прочесть, был в теснейшем соприкосновении со мной и с моим аппаратом. Поэтому я заказал сетчатые рубашки, в ткань которых вшиты почти невидимые проволочки и точно такие же проволочки прикреплены к верхней одежде. Такая сетчатая рубашка надета на тело и соприкасается с верхней одеждой, а верхняя одежда в свою очередь соприкасается со спинкой стула, внутри которого вставлен мой передающий аппарат. Этот стул соединен особым проводом с моим креслом, и волны, идущие от моего собеседника, принимаются мною. Ведь ты знаешь, что человек слышит не только ушами; бывают случаи, когда глухие воспринимают звук зубами... Мембрана, находящаяся у меня на спине, передает посылаемые чужим мозгом волны моему спинному мозгу... Разумеется, это можно было бы упростить и прикрепить слуховой аппарат к голове, но я предпочитаю читать мысли людей так, чтобы они не подозревали о этом. Поэтому-то я стараюсь устраивать так, чтобы приходящие ко мне люди надевали специальное белье и одежду... Поэтому-то я и заставил лорда Альбернуна проехать по раскаленной пустыне в автомобиле... Мне было надо, чтобы он, вспотев, согласился переменить белье... Разумеется, для него было приготовлено мое сетчатое белье.

Дядя крепко стиснул мою руку.

— Ты должен дать мне честное слово, что не будешь злоупотреблять моей откровенностью. Мое изобретение — страшное оружие в руках человека. Если я предам его огласке, я возьму на себя огромную ответственность, а я не хочу этого.— Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Даю честное слово, дядя, что я буду молчать.

Мы разошлись, но я долго не мог уснуть в эту ночь...

То, что я узнал, наполнило мое сердце гордостью. Но тут же я вспомнил инженеров в кабаке.

ГЛАВА 7

Война началась. Пока, правда, мы только наблюдаем, как готовится к ней Австралия. Радио передает нам все воинственные речи и боевые приказы. Мы знаем, что на нас будет выслан целый воздушный флот. Мы повсюду расставили воздушные посты, и дядя ворчит:

— К чему это все? Если бы правительство было благоразумно, оно бы поняло, что с нами воевать бесполезно. К чему же допускать лишнее кровопролитие? Наши враги воображают, что могут забро-

сать нас гранатами и пустить ядовитые газы, которые уничтожат всех нас в несколько часов. Наивная мысль! Я дал распоряжение загородить наши границы непроницаемыми лучами... Когда я продемонстрировал перед лордом Альбернуном действие гамма-лучей, это было неспроста... Я хотел предостеречь лорда от непоправимой ошибки. Не моя вина, если это предостережение не принято во внимание...

Мы с дядей летим осматривать наши посты. По всем данным австралийское правительство сегодня откроет военные действия против нас. Наш аэроплан снабжен исключительно чутким приемником, мы вооружены прекрасными подзорными трубами и электрическими «беспроволочными ушами». На нашем телеграфе принята новая, секретная азбука.

Мы парим почти неподвижно в высоте. Я слышу шум в слуховом аппарате... Дядя берется за приемник.

— Они идут.

— Откуда?

— С юга.

Дядя делает мне едва заметный знак. Я понимаю: на юге находится гора Руссель. Враги устремились к нашим сокровищам.

Через некоторое время до нас доносится жужжание множества аппаратов. Дядя командует:

— На встречу!

Мы с бешеной скоростью несемся к югу.

До наших воздушных заграждений осталось не больше километра.

Навстречу нам мчится враждебная эскадрилья.

Это очень красивое зрелище: пятьсот аэропланов, по двадцать пять в ряд. В середине цеппелин — очевидно, в нем расположен главный штаб.

Австралийцы — отважные молодцы. Мы слышали, как военный министр разъяснил им, с каким врагом придется сражаться. Они знают могущество наших машин, и все-таки...

На мгновение воздушный флот приостановился. С цеппелина раздается какая-то команда. Шесть аэропланов летят прямо на нас. Они нас заметили. Они хотят вступить в открытый бой, но... все шесть останавливаются, как будто между ними и нами воздвигнута невидимая стеклянная стена. Мы даже невооруженным глазом видим, как их пилоты изо всех сил налегают на руль... Напрасно! Аэропланы не в силах сдвинуться с места.

Они поворачиваются и летят обратно, к цеппелину. Дядя встает, выпрямляется во весь рост и разражается таким смехом, какого я еще не слыхал у него. Мы летим на высоте восьмисот метров. Дядя хохочет не умолкая...

Там, на цеппелине, держат военный совет.

Весь воздушный флот выравнивается в одну линию. Вероятно, на цеппелине думают, что причиной остановки ринувшихся в атаку аэропланов является наш аппарат, такой маленький, такой безобидный на вид.

Против нас открывают огонь. С пятисот аэропланов раздаются дружные залпы... Но дождь снарядов падает перед все той же незримой воздушной стеной... Мы в полной безопасности и спокойно наблюдаем за этим фейерверком. Когда пули попадают в область наших лучей, они мгновенно превращаются в капельки расплавленного металла и сгорают.

Австралийцы не трусы, но загадочность, абсолютная непонятность того, что происходит у них на глазах, приводит их в ярость.

Вот один из аэропланов устремился вперед с таким бешеным натиском, перед которым не устояла наша стена. Вот аэроплан уже прорвался, и мы слышим торжествующий крик пилота, но в этот же момент вспыхивает столб огня. Секунда — и все исчезло в пламени: аппарат, люди, ручные гранаты. Аэроплан растаял, превратился в газ, сгорел...

Лицо дяди бледно. Он тяжело дышит и говорит:

— Я не виноват. Я предупреждал. Я не хотел человеческих жертв. Они не послушались меня.

Бескровная битва длится весь день. Вражеская эскадрилья поднимается значительно выше. Мы следуем за ней. На всякий случай мы захватили теплую одежду и баллоны с кислородом.

Австралийцы забираются все выше и выше, рассчитывая хоть там прорваться на нашей завесой. Напрасные усилия!

Воздушный флот поворачивает обратно.

Дядя удовлетворенно кивает головой.

— Это благоразумно. Они потеряли только один аппарат и отделались двумя убитыми.

Мы спустились ниже. Наступил вечер. И снова нам было продемонстрировано эффектное зрелище. Отчаявшись победить нас в воздухе, австралийцы начали бомбардировку наших владений дальнобойными орудиями.

Забавно было смотреть, как снаряды отскакивали от стены наших лучей и сгорали.

Новое нападение! На этот раз — ядовитые газы. Их постигает та же участь. Коснувшись невидимой завесы из лучей, они мгновенно вспыхивают.

Однако у нас есть одно уязвимое место: город Аллистер и гавань в Кэмбриджской бухте. Я был удивлен, когда мы возвращались ночью в Электрополис. На пути я увидел все наши цеппелины, аэропланы, несметное количество автомобилей, стада верблюдов и слонов... Невдалеке от города китайцы работали над разгрузкой.

Я недоумевая спросил дядю:

— Что это значит?

— Город Аллистер переселяется.

— Зачем?

— Я сдаю гавань. Она ненадежна. Море своей огромной водяной поверхностью оттягивает лучи на себя. Недавно здесь сгорел пароход. Я не хочу рисковать вторым... Кроме того, гавань мне больше не нужна.

— А австралийцы?

— Австралийцы, судя по полученным мною донесениям, будут здесь со своими пушками завтра рано утром. На здоровье!

На следующий день битва возобновилась, и мы с дядей были снова мирными свидетелями ее. Аллистер и Холльборн вылетели на двух аэропланах охранять нашу южную границу, мы же с дядей направились на север.

Солнце взошло над морем. Покинутый город Аллистер был тих...

Но вот — глухой удар там, внизу, и кверху взлетает столб земли.

Дядя говорит:

— Недурной прицел. Надо отдать справедливость этим гранатам, они разрыхляют землю лучше, чем наши плуги.

Через три часа бомбардировка прекратилась, и военные суда австралийцев осторожно подходят к берегу. Надо полагать, что наши враги немало удивлены тем, что мы позволяем им стрелять сколько угодно, не оказывая никакого сопротивления.

Дядя, глядя на великолепно снаряженные суда, говорит:

— Достаточно в Электрополисе повернуть только один рычаг,— и все эти гордые корабли были бы объяты пламенем. Но я — мирный человек и не хочу жертв.

Первые спущенные на воду шлюпки подошли к берегу.

Когда солдаты высадились и перетащили из шлюпок оружие, над ними высоко в воздухе раздались голоса:

— Не ходите дальше! Двадцать шагов на юг — и вас ждет верная смерть.

Мы видим, как солдаты сперва удивленно поднимают головы, потом смеются.

Офицер машет рукой. Мы слышим команду. Двадцать орудий наведены на нас и... начинается вчерашняя игра; снаряды перед заградительной завесой из лучей. Мы остаемся невредимы.

Минута затишья. Моряки возвращаются на корабли, которые, повернувшись к нам бортами, открывают адскую канонаду из всех орудий. Минут десять слышен сплошной грохот и гул, но для нас это всего-навсего блестящий фейерверк.

Выстрелы смолкают. На мачтах выбрасываются сигналы. Суда уходят в открытое море.

Дядя говорит:

— Они все еще ждут нападения с нашей стороны. Напрасно!

Мы возвращаемся в Электрополис ночью. Светит полная луна. Ночь тиха и прекрасна. Под нами тянутся длинные караваны верблюдов и слонов. С высоты, на которой мы находимся, огромные животные кажутся нам муравьями.

Дядя уезжает в Сан-Франциско. Я уже знаю, что означают эти поездки. В нашей химической лаборатории кипит лихорадочно-напряженная работа. За последние недели мы добыли большие запасы урановой смоляной руды из рудника горы Руссель и вырабатываем радий. Он транспортируется в особых стеклянных бутылочках, обернутых в специальную изолирующую ткань.

В рудник мы спустили большой металлический сосуд, который может вместить приблизительно два центнера руды. Дядя велел вырыть в горе еще одну маленькую боковую пещеру. Он хочет устроить там на всякий случай склад.

Австралийцы как будто успокоились, но их аэропланы по-прежнему кружатся около наших границ. По крайней мере, прошла уже неделя, а они не сделали никакой новой вылазки. В газетах также нет ни единого слова о нас. Может быть, австралийское правительство потеряло всякую надежду взять Электрополис.

Как бы то ни было, мы спокойно продолжаем свою работу.

Сегодня мы закончили обработку и посев третьего опытного поля. Теперь в нашем распоряжении имеются, кроме плугов и сеялок, еще и молотилки. У нас есть два больших луга площадью в несколько сот квадратных километров, которые также были орошены искусственным дождем и на которых пасутся сотни овец. Часть из них доставили нам дикари. Для улучшения же породы мы вывезли из Европы на цеппелинах прекрасных производителей.

Когда какой-нибудь аэроплан прилетает к нам или улетает, он окружается искусственным облаком, которое делает его невидимым. Скрытый этим облаком аэроплан благополучно пролетает через нашу непроницаемую завесу из лучей. На время пролета ток, разумеется, выключается, но мы не должны показывать это австралийцам, которые в эту минуту могут прорваться в открытую брешь. Хотя противник и оставил нас в покое, но мы должны быть всегда начеку.

Перед отъездом дядя собрал всех нас в большом зале казино.

Раньше он обычно оставлял своим заместителем Холльборна и всем нам давал ряд более или менее срочных и сложных заданий. Затем, когда наша техника так усложнилась, что Холльборн, не получивший специального образования, не мог справляться с новейшими аппаратами, заместителем оставался главный инженер Моравец. Мы были убеждены, что и теперь он займет этот пост.

Дядя обратился к нам с кратким словом:

— На этот раз я буду отсутствовать недели четыре...

Моравец перебил его:

— Вы можете отлучиться совершенно спокойно, мистер Шмидт. Все мы прекрасно знаем наши обязанности и выполним все, что вы нам укажете. Я лично никогда еще не обманывал вашего доверия...

— Да. Я знаю, чего я могу ожидать от каждого из вас,— сказал дядя, и мне показалось, что Моравец слегка побледнел при этих словах, сказанных самым дружеским тоном.

Каюсь, я до сих пор не сумел преодолеть своей антипатии к Моравцу и трем его приятелям... Я вдруг вспомнил, что вчера дядя долго беседовал с главным инженером, и тот сидел в кресле, которое я окрестил «угадывателем мыслей»... Может быть, во время этого разговора дядя прочел что-то в мыслях этого человека?

— Мне очень жаль, дорогой Моравец, но на этот раз моим заместителем будет мой племянник,— продолжал дядя.

Я весь вспыхнул, а Моравец стал еще бледнее.

— Я хотел бы, чтобы во время моего отсутствия вы закончили сооружение станции высокого напряжения на посту Эдит Лагсон. Следовательно ваше присутствие будет необходимо именно там. Общее же руководство я передам моему племяннику. Прошу вас подчиняться всем его распоряжениям.

Так торжественно дядя никогда еще не говорил со своими сотрудниками. Меня безгранично радовало оказанное мне доверие, но в тоне его слов было что-то, вызывавшее тревогу.

Никогда еще я так не боялся за него.

За несколько минут до отъезда дяди я набрался храбрости и спросил его:

— Тебе подозрителен Моравец?

— А тебе? — Он пристально посмотрел на меня.

— Да, Моравец, Стобицер, Гельдинг и Курцмюллер.

— Отчего ты не говорил мне об этом раньше?

— Я говорил Холльборну, и он высмеял меня. Кроме того, я же знаю, что все они очень способные люди и что ты веришь им. Я не хотел наводить тебя на подозрения, не имея в руках никаких доказательств... Я решил молчать и пока только наблюдать за ними.

Дядя ласково потрепал меня по плечу...

— Ты, кажется, прав, мальчуган. Возвратившись из Америки, я расторгну договор с этими господами. Но пока они еще нужны мне, и я надеюсь — они не сделают ничего дурного в мое отсутствие. Продолжай только наблюдать за ними, но делай это осторожно.

Четыре недели прошли.

Я жду дядю с часа на час. Говоря по правде, у меня нет причин

жаловаться. Работа идет успешно. Уже закончена обработка четвертого поля; Моравец аккуратно доносит по телефону о ходе работ на посту Эдит Лагсон. Он уже почти закончил сооружение станции высокого напряжения. Все мои приказания исполняются беспрекословно, но иногда я ловлю насмешливые улыбки на лицах Стобицера и Гельдинга... Впрочем, может быть, это только мне кажется.

Однако, сегодня произошло нечто такое, чего еще не бывало до сих пор.

Настала ночь. Я очень утомлен, мне хочется спать, но какое-то внутреннее беспокойство гонит меня из дому. Я еще раз обхожу весь наш участок и заглядываю в окно кабачка. Там совершенно темно, и я уже собираюсь уйти, но вдруг замечаю чью-то фигуру в дверях. Это наш служитель Жак. Он подходит ко мне и шепчет:

— Я уже хотел идти за вами.

— Что случилось?

— Не знаю... Я плохо понимаю, что говорят эти люди, но мне кажется...

Он ведет меня по темному коридору.

Я всегда ношу в кармане револьвер и теперь держу его наготове.

Мы входим в комнату Жака. Она прилегает вплотную к общему залу.

Жак жестом показывает мне на дверь.

Я смотрю в замочную скважину и вижу Стобицера, Гельдинга, Курцмюллера. В комнате собралось еще человек пятьдесят китайцев, которые работают под начальством Стобицера.

Я слышу его голос:

— Нам надо спешить. Все три вагона сцеплены?

— Да.

— А аккумуляторы?

— Все в порядке.

— Мы должны ночью добраться до горы Руссель.

— А как мы пройдем через завесу?

— Это уж наше дело. Надо пройти. Нужно взять с собой какие-нибудь сосуды для руды. Наберем ее как можно больше, а затем через границу. Утром нас будет ждать аэроплан...

— Вы уверены, что нет никакой опасности?

— Надеюсь. Ведь наш почтенный «шеф» мирно спит,— в голосе Стобицера дрогнула насмешка.

Кто-то проворчал:

— А награда? Какая будет награда?

— Мы принесем австралийцам миллионы. Соответственно этому будет и награда.

— Ну, если так, скорей!

Они идут к выходу. Я едва сдерживаю бешенство и принуждаю себя быть спокойным. Если я обнаружу свое присутствие, если они

увидят, что их заговор раскрыт,— я буду убит. Видимо, они решили идти напролом.

Невольно я хватаю за руку Жака.

— Скорей к центральной станции...

Но он шепчет взволнованно:

— Подождите! Дайте им уйти.

Мой мозг точно молнией прорезает мысль:

«Сегодня вечером Моравец не телефонировал мне с поста Эдит Лагсон». Я спрашиваю Жака:

— Вы видели главного инженера?

— Да, три часа тому назад.

— Здесь?

— Да, он в этом кабачке разговаривал с мистером Стобицером и затем ушел.

— Куда?

— К аэродрому.

Бегом, сколько хватает у меня сил, я мчусь к центральной станции.

ГЛАВА 8

Едва переводя дыхание, я добежал до глинобитной хижины и нажал рычаг. Впервые я негодовал на недостаточную быстроту наших автоматических слуг.

Раздался свисток. Подошел электрический вагончик. Я вскочил в него. Через две минуты он примчал меня к машинному отделению.

Холльборн только что закончил вечерний обход и в последний раз проверял сигнальную доску. Когда я влетел к нему, задыхаясь от волнения, он собирался закурить, но, увидя меня, застыл.

— Что случилось?

— Заговор!

— Где? Какой?

— Пятьдесят китайских рабочих... И во главе их Стобицер, Гельдинг и Курцмюллер. Я только что подслушал их разговор... Они отправились на гору Руссель... В трех вагонах.

Холльборн быстро повернул рычаг.

— Ток выключен. Вагоны не сдвинутся с места.

— И все-таки... Уверяю вас, мистер Холльборн, дело очень серьезно.

— Чего они хотят?

Хладнокровие американца взбесило меня и я закричал:

— Они хотят украсть радий!

Но Холльборн и здесь остался верен себе.

— В конце концов. это вовсе не страшно. У нас его так много.

И кроме того, этим господам известно так же хорошо, как и нам, что нет никакой возможности проникнуть к горе Руссель. Она окружена лучами Риндель-Маттью. Но если кто-нибудь все-таки отважится на это... я ему не завидую!

— А если они отведут завесу из лучей?

— Это невозможно! Для этого нужно подойти к машине. Неужели вы думаете, что ее можно подкупить, как человека?.. Есть только единственный способ выключить ток: перерезать подземный провод, идущий к источнику. Но никому не известна маленькая потайная пещера, где этот провод находится.

— Инженер Моравец знает это.

— Моравец так же неподкупен и верен, как я и вы. Кроме того, он сейчас у озера Карнеджи, за тысячу километров отсюда.

— Нет! Три часа тому назад его видели в городе.

— Сейчас мы проверим.— Холльборн подошел к телефону и вызвал центральную: — Озеро Карнеджи? Попросите инженера Моравец.

Я взял вторую слуховую трубку и услышал ответ:

— Инженера Моравца здесь нет. Его заменяет инженер Вебер. Хотите вызвать его?

— Нет. Благодарю.

Теперь и на лице Холльборна промелькнула тень тревоги.

— Моравец покинул свой пост, не предупредив нас об этом.

— Да. И Моравец — ближайший друг Стобицера.

— Где видели его в городе?

— Он направлялся к аэродрому.

Холльборн снова бросился к телефону:

— Аэродром? Инженер Моравец здесь?

— Вылетел два часа назад на аппарате № 237. Управляет сам.

— Куда полетел?

— Направление неизвестно.

— Черт возьми! Я тоже начинаю волноваться,— и опять позвонил на аэродром: — Немедленно приготовьте аппарат. Вышлите к центральной станции.

В ожидании аэроплана Холльборн вызвал пост Эдит Лагсон:

— Немедленно сообщите, если пролетит аэроплан.

— Только что пролетел № 237.

— Направление.

— Гора Руссель.

Трубка брошена...

— Вы правы!

Сигнал возвещает о том, что аппарат прибыл. Но мы не решаемся занимать места. В первый раз мы боимся оставить силовую станцию без надзора. Но другого выхода нет. На всякий случай Холльборн переставляет сигналы на доске:

— Я соединил провода другим способом. Теперь они, если даже проникнут сюда, не скоро разберутся, в чем тут дело. А всякий, кто прикоснется к рычагу, будет убит током. Надеюсь, что в наше отсутствие шеф не вернется.

Мы мчимся сквозь тьму ночи. Моторы стучат так, что говорить невозможно... Перед нами на фоне ночного неба вырисовывается силуэт горы Руссель... У ее подножья мы видим огни. Не факелы или горящие головни, какие употребляются дикарями, а электрические фонари. Люди бегают с ними взад и вперед... Мы видим целую гирлянду огней у самого входа в рудник.

Холльборн уже не скрывает своего волнения:

— Сейчас должно все решиться. Они подошли к самой завесе из лучей... Если они...

Он не успевает договорить. Раздается страшный треск... Вершина горы Руссель — эта блестящая сахарная голова — как будто превратилась в вулкан. Летят искры, языки пламени взлетают высоко над землей... Наш аэроплан дает крен и падает... Мы лежим под ним, инстинктивно закрывая лицо руками.

И в это мгновение раздается страшный подземный гул.

Я встаю, шатаясь. Мне кажется, что все мое тело утыкано раскаленными булавками. При ярком лунном свете я вижу почти безумные глаза Холльборна. Одежда на нем висит клочьями, и все лицо и руки сплошь усеяны черными точками.

Он хватает меня за плечо:

— Гора Руссель исчезла!

Я с трудом прихожу в себя и повертываю голову. Да, Холльборн прав: сахарной головы, так четко выделявшейся всегда на горизонте, нет.

— Что случилось? — спрашиваю я растерянно.

— В ее вершине была устроена мощная преобразовательная станция, которая передавала машинам ток, шедший сюда с центральной станции и производивший лучи Риндель-Маттью.

— Да, я знаю, но...

— Моравец хотел выключить ток, все машины взорвались.

Я все еще недоумеваю:

— Но как же машины могли взорваться? И какой взрыв мог уничтожить целую гору?

Холльборн беспомощно разводит руками.

— Почем я знаю... Но, впрочем, есть одно объяснение.

— Какое?

— Мы оказались детьми, не видящими дальше своего носа. Мы удовольствовались тем, что нашли уже готовый рудник и пригоршнями черпали из него сокровища... Мы не дали себе труда разузнать,

что находится в недрах этой «сахарной головы». Возможно, что весь этот колоссальный метеор случайно упал в кратер вулкана, который теперь случайно же был чем-то разбужен, возобновил свою деятельность и вот...

— Извержение?

— Да!

— Внутри Австралии нет вулканов,— упрямо утверждаю я.— Вулканы опоясывают только ее острова. Но возможно, что эта «сахарная голова» содержала в себе газ или какое-то другое, еще не открытое нами взрывчатое вещество. Когда Моравец стал выключать ток, то в аппарате могли вспыхнуть искры... В этот миг мы ощутили подземный толчок. Я припоминаю, что едва заметные толчки я уже наблюдал несколько раз за последние дни, но не придавал им никакого значения... Однако, эти толчки могли вызвать трещины в горе... Если туда проникли искры из аппарата и если гора была действительно начинена газами, то ясно, что газ мог быть и в гроте, где мы установили машины... При соприкосновении с искрами все полетело к черту...

Холльборн тяжело вздохнул:

— Я ничего не понимаю!.. Я знаю только, что мы каким-то чудом остались живы. Благодаря тому, что аэроплан накрыл нас, мы не были убиты каменным дождем.

— Да... а те... там, с фонарями?..

— Воры? Они жестоко поплатились... Я не думаю, чтобы кто-нибудь из них уцелел... Посмотрите: там, где мерцали огни фонарей, лежат только обломки горы... И они уже образовали целый холм...

Мы подошли к тому месту, где был разбит сад, первый сад, вызванный к жизни лучами радия... Вероятно потому, что он вплотную прилегал к горе, осколки которой полетели выше и дальше, он не пострадал от взрыва. Пышные цветы его благоухали по-прежнему.

Но зато там, где был источник, осталась только воронка, как после взрыва гранаты. Сама же по себе гора представляла подобие кратера. Мы заглянули в него и увидели внизу слабо мерцающий огонь. Не было сомнений: гора Руссель была вулканом.

Вдруг я заметил неподалеку от себя какой-то большой цилиндр, окруженный красными огоньками. Цилиндр этот медленно вращался.

Я схватил Холльборна за руку:

— Смотрите, это радий, который мы принесли сюда несколько дней тому назад... Два центнера радия... Он сейчас взорвется!..

Холльборн, не сводя глаз с вращающегося цилиндра, прошептал:

— Радий не взрывается!.. Смотрите, смотрите... он плывет по воздуху, нет... он подымается на воздух... Да смотрите же! — Он изо всех сил стиснул мне руку.

— Вы знаете, что это? Межпланетная ракета! Первая ракета, которая послана не рукой человека... Спроектировать межпланетную ракету крайне трудно, почти невозможно. Нельзя взять с собой достаточное количество продуктов горения, которые постепенно вытекали бы из заднего конца ракеты и равномерными взрывами двигали ракету вперед.

До сих пор все применяемые для этой цели вещества, вплоть до спирта, оказались негодными. Как видите, лучшим взрывчатым веществом явился радий. Случайно мы поместили его в сосуд, заостренный с двух сторон. В нижнем конце его имеется отверстие.

Здесь атомы радия приходят в соприкосновение с воздухом и распадаются... И вот этот непрерывный поток частиц толкает металлическое тело вперед с изумительной быстротой.

Это межпланетная ракета, но — увы! — она бесполезна для человечества...

Возможно, что через несколько часов астрономические станции сообщат о пролете какого-то метеора...

Мы, не спуская глаз, наблюдали за этим изумительным зрелищем. Метеор летел все быстрее, и все светлее становилось вокруг него. Затем мы увидели в высоте сноп пламени и услыхали какой-то свистящий звук, производимый быстро падающим предметом. Мы не успели опомниться, как этот предмет уже лежал невдалеке от нас, посреди цветущего сада.

Холльборн первый бросился к нему и крикнул:

— Аэроплан!

Я вздрогнул:

— Аэроплан дяди?

Через минуту мы уже стояли над грудой обломков, извлекая из-под них неподвижно распростертое на земле тело. Очевидно, ракета столкнулась с аэропланом, и дядя был выброшен из кабины. Лицо его было бледно и залито кровью.

Холльборн, встав на колени, приложил ухо к его груди:

— Он жив!.. Кажется, все цело... Он дышит спокойно, на губах нет пены. Но... я предпочел бы, чтобы он сломал себе руки и ноги, чем это...

Он указал на большой кусок железа, лежавший возле головы дяди.

— У него поврежден череп. Тут я бессилен!..

Я вскрикнул в отчаянии:

— Что же нам делать? Врача у нас нет... До центральной станции далеко... Аэроплан наш разбит, автомобиля у нас нет... Что делать, Холльборн?

Хольборн, не отвечая, взбежал на вершину холма, приставил руки ко рту и три раза крикнул. Это был тот пронзительный крик, которым дядя призывал вождя людоедов Мормора.

Холльборн подождал с минуту и крикнул снова.

На этот раз ему ответили из чащи леса таким же пронзительным криком.

У меня затеплилась слабая надежда.

Я вспомнил, что иногда дикари очень искусно перевязывают и лечат раны. Дядя начал тихо стонать. Лицо его покраснело. У него начиналась лихорадка.

Я стоял на коленях, вглядываясь в это дорогое, за несколько минут так изменившееся лицо. Гордые губы были беспомощно сомкнуты и опущенные веки тихо вздрагивали.

Я услышал голоса. Из лесу шел Холльборн с двумя дикарями, пестро раскрашенные тела которых были украшены затейливой татуировкой. Один из них был помоложе, другой постарше. Над головой старшего развевался целый веер из перьев. В руках дикари держали лук и стрелы. Я знал, что острия этих стрел напитаны смертельным ядом, который добывается из корней каких-то растений.

Дикарь с перьями на голове подошел к дяде, осторожно ощупал его и что-то сказал Холльборну.

Я разбирал только два слова: «агала» и «Тена-Инжит». Я знал, что под именем «агала» — господин, подразумевался дядя, а второе слово было именем того заклинателя, который всегда сопровождал Мормора, когда тот приходил к нам.

Оба дикаря, поговорив друг с другом, помчались в лес.

— Они помогут нам?

Холльборн кивнул головой:

— Они сделают, что могут. Каждая минута дорога. Врача у нас нет. Не остается ничего другого, как довериться туземному врачу.

Мы замолчали...

Раненый лежал неподвижно и тихо стонал.

Прошло несколько тягостных минут. Я не сводил глаз с опушки леса, но Тена-Инжит появился с другой стороны и совершенно неожиданно очутился возле меня. К моему изумлению, этот человек, которого я привык видеть изукрашенным всевозможными перьями и побрякушками, был теперь чисто-начисто вымыт и абсолютно гол. В руке он держал маленький пакетик, тщательно завернутый в зеленые листья.

Лицо его было строго и серьезно. Он опустился на колени возле дяди и быстрыми, ловкими движениями ощупал его голову. Затем он подозвал знаком двух молодых дикарей; они были также чисто вымыты и совершенно голы. Пока Тена-Инжит поддерживал голову дяди, они осторожно укладывали раненого на сплетенные из веток носилки, потом принесли несколько раскрытых кокосовых орехов, наполненных какой-то жидкостью, которой все трое тщательно вымыли руки.

Холльборн шепнул мне:

— Своеобразная антисептика!

Жидкость содержала в себе нечто такое, что не даст ране загноиться.

Тем временем Тена-Инжит вынул из своего свертка два тоненьких кремешка, две заостренных раковины и несколько рыбьих «костей». Все эти «инструменты» он тщательно вымыл в той же кокосовой жидкости.

Я был поражен, как чистоплотен и опрятен стал вдруг этот человек, которого я всегда видел вымазанным какими-то красками... Как рассчитанны, ловки и уверенны стали его движения.

Сперва он сделал длинный поперечный разрез раны, приподнял края ее двумя крючками, как пинцетом, и осторожно вынул из раны раздробленные кости...

Глухой стон больного не прекращался.

— Мозг не пульсирует! Туда проникли частицы костей...— шепнул мне Холльборн.

— Значит, все кончено?

— Тише, подождем...

Тена-Инжит снова нагнулся над раной и осторожно извлек оттуда еще несколько осколков кости.

Я увидел слабое пульсирование мозга.

Заклинатель взял большой лист банана, промыл его в кокосовой жидкости, согрел над разложенным огнем костра и приложил к ране, края которой быстро и искусно затянул. Затем забинтовал голову дяди волокнами какого-то растения, которое ему подавали его «ассистенты».

Он подождал несколько минут и переложил больного на подушку из прохладных листьев папоротника.

Лицо дяди порозовело. Он дышал мерно и спокойно. Пульс был ровный. Я подошел к Тена-Инжит и горячо пожал ему руку. Ведь он спас самое дорогое для меня на свете существо.

Тена-Инжит, которому, очевидно, были незнакомы такие проявления благодарности, посмотрел на меня и улыбнулся. Его рука ласково провела по моим волосам, и я заметил в его глазах мягкий, почти нежный блеск.

Кивнув мне головой, он удалился вместе со своими спутниками, которые предварительно положили перед нами на траву большой кусок жареного мяса и плоды.

Я спросил Холльборна, заикаясь от слабости и волнения:

— Он... будет... жить?..

Американец ответил уверенно:

— Да!

Он сел на траву и вынул перочинный ножик.

— Нам надо подкрепить свои силы. Скушайте кусок мяса, а

потом нужно сплести беседку над вашим дядей... Должен же у него бы хоть какой-нибудь кров над головой.

Мы сплели из длинных ветвей нечто вроде беседки и, убедившись, что раненый спит спокойно, поднялись на гору, чтобы определить размеры совершившейся катастрофы.

Да, старый рудник исчез с лица земли. Полукруглый кратер шел до самого низа шахты. Почти повсюду мы видели блестящий камень, но кое-где выступала смоляная руда. Мы сразу узнали ее по жирному блеску.

Холльборн заметил:

— Здесь еще осталось несколько центнеров. Можно добыть радия на несколько миллионов. Разумеется, нельзя терять времени, пока все это не заросло непроходимым лесом...

Я прервал его:

— Не могу больше!.. Мне дурно...

Он подхватил меня и вытащил наверх. Я заметил, что и сам он едва стоит на ногах. Мы спустились вниз без изолирующих масок.

Настал вечер.

Мы дежурили весь день у ложа больного. Он все еще не открывал глаз, хотя дышал спокойно. Когда солнце зашло, и стало прохладнее, дикари вернулись. Мы не просили их об этом, но они знали сами, что нужны нам. Не говоря ни слова, они подняли носилки, на которых лежал раненый, и медленно понесли их.

Мы с Холльборном шли позади.

— Одному из нас нужно скорей добраться до центральной станции, прислать сюда аэропланы и посмотреть, все ли там благополучно. Ты моложе меня; пойди вперед.

— Хорошо, если ты находишь это нужным.

Никому из нас не пришло в голову, что мы впервые сказали друг другу «ты», чего мы никогда не делали раньше. Но это казалось совершенно естественным после тех полных печали и горечи минут, которые мы пережили вместе.

Я шел, несмотря на палящий зной. К счастью, мой путь лежал не через голую пустыню, а через кустарник. На полдороге я увидел вагон, в котором наши грабители выехали к горе Руссель. Вагон этот сам по себе откатился назад и остановился, так как под колеса его попал огромный камень. Мне удалось выбросить его и пустить вагон в ход. Так я сэкономил половину времени.

И снова наступила ночь. Я держал револьвер наготове. Бесчисленные змеи шныряли по дороге, птицы кричали в кустах, несколько раз я слышал вдали хохот «смеющегося осла».

Когда солнце взошло, я уже добрался до нашего сторожевого поста Эдит Лагсон. Там еще ничего не знали о случившемся несчастьи. Я протелефонировал в Электрополис инженеру Целльнеру, удивленному тем, что он не застал никого из нас на центральной

станции. Я просил его выслать два быстроходных аэроплана. Вскоре они прилетели. Один из них был сейчас же послан мною дальше, причем я дал распоряжение пилоту лететь совсем низко.

— Мистер Шмидт ранен,— сказал я.— Вы должны встретить его и мистера Холльборна. С ними идут дикари.

На втором аэроплане я долетел до Электрополиса.

Инженер Целльнер ждал меня. Он заметил перемену рычагов на сигнальной доске, но не притронулся к ней. Мы снова привели все в порядок. В городе за это время не случилось ничего. Я видел, что ни Целльнер, ни восемь других инженеров не знали о заговоре Моравца.

Я прошел по пустым пещерам. Повсюду двери сами собой распахивались передо мной, и луч, указывая дорогу, бежал впереди. Я вошел в машинное отделение. Здесь все было по-старому; вращались колеса, шелестели приводные ремни, капало масло в масленки, бурлила и кипела в турбинах вода. Передо мной двигались гигантские машины, вытягивая железные руки то направо, то налево, как живые существа, и пели свою песнь — песнь машин, песнь железных людей.

ГЛАВА 9

Я пробыл в одиночестве почти два месяца и совершенно самостоятельно вел все дело.

Дядю нельзя перевезти в аэроплане. Тена-Инжит — туземный врач, которого мы теперь стали ценить, воспротивился этому. Он потребовал, чтобы больного несли на носилках до самого Электрополиса. И он прав. Он оказался разумнее меня и Холльборна. Правда, операция прошла благополучно, но рана опасна, и малейшее сотрясение повлечет за собой смерть. Путь на аэроплане продлился бы не больше часа, но при полете сотрясение неизбежно. Оно вызывается даже шумом пропеллера, а постоянные колебания самолета неизбежно вызывают прилив крови к мозговой оболочке.

Тена-Инжит прав.

Дядю несут на руках и переходы совершают только ночью. Днем над больным сплетают беседку и кладут его в тени.

Следом за носилками идут женщины-туземки и тащат все необходимое для сооружения таких беседок.

Аэроплан каждый день совершает рейс от места ночлега дяди в Электрополис и обратно. Мы посылаем больному лед из наших холодильников, пищу и питье.

Но вот настал день, когда дикари пришли в Электрополис. Процессия напоминала похоронную. Наши китайцы выстроились по обеим сторонам улицы. Впереди шел Мормора, украшенный военной

татуировкой. Он нес копье, лук и стрелы, точно выступая на защиту больного... За ним медленно двигались носилки... А за носилками шли рядом Холльборн и Тена-Инжит. Шествие замыкало все племя дикарей.

Мы положили дядю в пещеру на его постель. Он был очень бледен и лежал с закрытыми глазами. Тена-Инжит налил из своей бутылки в стакан какой-то коричневой жидкости и велел дать ее больному, когда тот проснется.

Холльборн выглядит сильно постаревшим и озабоченным. Он крепко стискивает мою руку и шепчет:

— Только бы сердце выдержало!

Сегодня исполнилось ровно четыре года с тех пор как я здесь. Четыре года! А мне кажется, что прошли десятки лет. Как пышно расцвел за это время бывший «Пустынный город!» Каким он стал мощным и прекрасным! Я стою на высокой башне и смотрю в подзорную трубу.

У нас уже обработано шесть «паутин» — как мы называем поля.

На каждом выстроена платформа, стоя на которой человек управляет всеми машинами.

Вокруг Электрополиса разросся прекрасный эвкалиптовый лес.

Мы едим бананы, маис и пшеницу, которые мы выращиваем там, где была каменистая пустыня.

У нас все новые и новые широкие планы.

Мы заметили, что с тех пор, как мы стали искусственно вызывать дождь и пользоваться лучами, климат у нас изменился...

Дядя мечтает о том, как между каждым обработанным кругом земли мы построим города.

Не такие города и не такие дома, как у нас на родине, нуждающиеся в центральном отоплении, а дома с центральным охлаждением, вокруг которых мы посадим пальмовые рощи.

Мы не строим больше и не будем строить железных дорог. Вся наша область покроется воздухоплавательной сетью. Аэропланы будут приводиться в движение электрической энергией. Мы извлечем ее из пронизанной лучами Риндель-Маттью каменистой почвы наших пустынь. У нас уже вырыты пять подземных источников, которые приводят в движение наши машины.

Правительство Австралии не обращает на нас больше никакого внимания. О нас молчат, но непроницаемая завеса из лучей по-прежнему охраняет наши владения от посторонних вторжений...

Сегодня дядя сказал мне, что ему исполнилось 66 лет. Мы решили, что к его семидесятилетию вся наша страна будет плодоносна. Тогда мы воздвигнем город машин и будем продолжать в наших лабораториях творческую работу, углублять и расширять наши опыты над лучами...

Так говорил дядя еще два месяца тому назад, глядя на меня молодыми, блестящими глазами... Его юношески гибкое тело было еще так полно сил... Два месяца тому назад... А теперь он лежит неподвижно и я знаю, что он умирает... Мы пригласили врача из Сан-Франциско, который согласился,— правда, за баснословную сумму,— перелететь с завязанными глазами от моря до нашей центральной станции. Мы не хотели, чтобы он знал, что можно проникнуть сквозь стену лучей, охраняющих нашу область.

Врач установил, что Тена-Инжит блестяще сделал операцию, но отказывается работать сердце, которое не похоже на машину и переработанные части которого нельзя заменить.

Дядя умрет. Вероятно, сегодня же ночью.

Вспыхивает световой сигнал. Это Холльборн дает мне знать, что дядя проснулся...

Я внизу, в пещере. Здесь умирает тот, кто создал Электрополис!..

Холльборн за эти дни превратился в старика. Он уже не в силах владеть собой.

Я сам едва удерживаюсь от слез...

Дядя подымает на меня глаза:

— Я хочу поговорить с тобой.

Он сидит в глубоком кресле. Ему тяжело лежать...

Он так изменился за эти дни, что его едва можно узнать. Но глаза его по-прежнему ясны и светлы. Тена-Инжит не мог спасти его, но все-таки мы обязаны ему тем, что больной сохранил рассудок, что его не постигла участь несчастного Венцеля Апориуса.

Дядя долго и молча смотрит на меня.

Я сижу в кресле и знаю, что он читает мои мысли.

Это не страшно.

У меня одна мысль: безмерная скорбь о нем.

— Встань! Присядь сюда, на ручку моего кресла. Нет, не плачь! Для каждого из нас придет этот час.

Он умолкает... Голова его падает. Холльборн бросается к нему, но дядя говорит, улыбаясь:

— Нет, еще не конец...— И продолжает:

— Я продиктовал Холльборну мою последнюю волю. Я подписал завещание. Свидетелями были Холльборн и врач, которого вы пригласили ко мне, но который уже бессилен. Бессилен так же, как и Тена-Инжит. Кстати, Тена-Инжит еще вчера сказал мне, что надежды нет. Сердце останавливается. Возьми завещание, пойди к себе, прочти его внимательно и возвращайся сюда.

Он видит, что я колеблюсь, и добавляет с грустной улыбкой:

— Не бойся. Еще есть время... Иди...

Я читаю строки, набросанные Холльборном... Рука его непривычна к письму, и я с трудом разбираю слова, продиктованные дядей:

«Я умираю. Я знаю это. Я охотно пожил бы еще, но надо быть благодарным судьбе и за то, что она мне дала. Тебе, милый мой Фриц, я завещаю все, что мне принадлежит. Я усыновил тебя, соблюдая все формальности, когда был в Сан-Франциско. Спасибо, мой мальчик! Ты не обманул меня. Будь же твердым и сейчас. Прочти эти строки внимательно и сообщи мне твое решение... Я должен знать его, пока я жив.

Наше дело закончено. Все машины установлены. За последние годы я продал очень много радия. Я как будто предвидел, что с горой Руссель случится несчастье. В банке Сан-Франциско на моем счете лежат сто миллионов фунтов стерлингов.

Ты будешь нести ответственность за этот капитал, если... если ты примешь мои условия.

Первое из них: Электрополис,— любимое мое детище, моя гордость, создание моих рук и моего разума,— должен принадлежать не одному хозяину. Я жил и работал не для того, чтобы после моей смерти появился новый владетельный князь. Нет! Электрополис должен принадлежать тем, кто будет работать над дальнейшими усовершенствованиями его, кто будет вкладывать силу своих мускулов и своего мозга в создание города, где люди будут не рабами труда, а строителями могущественных машин. Это мое первое условие.

Второе: все машины, находящиеся здесь, все чудеса техники — все, что дает нам право сознавать себя неуязвимыми и недоступными для вражеских налетов, должно служить только для защиты Электрополиса — города могучих машин и счастливых людей, но не для нападения. Никогда в жизни не должны быть мои изобретения орудиями наступательной войны.

Если ты согласен принять эти условия, я делаю тебя ответственным распорядителем моего состояния. Употреби его на ту цель, которую я тебе указываю. Если же нет, если ты не разделяешь моих взглядов, взглядов старого бродяги, всю жизнь боровшегося за свободный труд, если ты хочешь быть только миллионером,— тогда возьми себе один миллион из моих денег и уезжай куда хочешь».

Я снова у дяди. Он дремлет. Холльборн сидит подле него и следит за пульсом. Он делает мне знак...

— Пульс все слабее и слабее...

Кажется, дядя услышал. Он выпрямился. Какая энергия сохранилась еще в этом истощенном болезнью теле!

Он подозвал меня:

— Итак?..

Я хочу сесть в кресло, снабженное его аппаратом, чтобы он сам прочел мои мысли, но он удерживает меня:

— Не надо! Смотри мне в глаза.

— Спасибо... дядя...— Я едва нахожу в себе силы сказать это.

— За что?

— Вся моя жизнь будет принадлежать твоему делу! — я опускаюсь перед ним на колени. Его рука покоится на моей голове; другой рукой он держит за руку Холльборна. Я чувствую легкую дрожь его пальцев, касающихся моих волос, и слышу, как Холльборн шепчет:

— Кончено!

Мы переносим умершего на его постель.

Глубокая ночь. Звезды усеяли небо, луна светит ярко... Это одна из лучших ночей, которые я видел в Австралии.

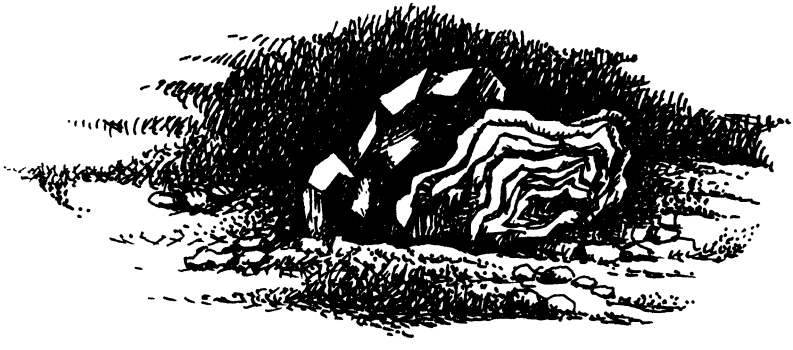
Мы выполняем волю дяди. Телеграф не извещает страну об его смерти. Это должно остаться тайной. Никакими пышными церемониями не сопровождается его погребение. Одна из созданных им машин роет железными руками могилу.

Его тело положено в большой металлический гроб, уже давно выписанный им из Америки. И те же железные руки машин бережно опускают этот гроб в землю...

У могилы стоим: я, Холльборн и вождь дикарей Мормора.

Поодаль дикари пляшут свой торжественный танец смерти... Я еще раз повторяю про себя:

— Вся моя жизнь будет отдана нашему делу. Электрополис не умрет!



Эрик Фрэнк Рассел

МОРСКИЕ ЧУДОВИЩА

Очерк

Десятилетия и века прошли с той поры, как люди заговорили о морских чудовищах, населяющих безбрежные просторы мирового океана. Многие морские путешественники до сих пор уверены, что существует не менее полдюжины морских гигантов, неизвестных науке. С другой стороны, ученые категорически отрицают реальность существования этих чудовищ, о встречах с которыми время от времени заявляют моряки. Рассказы людей об их встречах с так называемой морской змеей причисляются учеными к категории мифов и заблуждений.

Некоторые, взвесив все «за» и «против», пожалуй, встанут на сторону моряков. Прежде всего, потому, что именно они являются свидетелями произошедшего, а специалисты по этой проблеме находятся в своих кабинетах и имеют в своем распоряжении лишь свидетельства, переданные из чьих-либо уст. По мнению многих людей, ученые всегда предубежденно относятся к тем свидетельствам, которые не совпадают с положениями устоявшихся догм.

Не так давно эксперты отвергли существование в Конго неизвестных науке форм жизни. Туземцы настойчиво повторяли, что в дебрях тропического леса скрывается странное существо: наполовину олень, наполовину лошадь. Это нонсенс и заблуждение невежественных дикарей, утверждали ученые. Аборигены же в качестве доказательства демонстрировали шкуры животных.

Эксперты, осмотрев их, утверждали, что это или гибрид, или фальсификация. В конце концов, сэр Генри Джонсон, устав от этих бесконечных препирательств, избрал эмпирический подход к решению этой проблемы. Он отправился в тропические леса и вернулся оттуда с животными, названным окапи.

Истории о чудовищных созданиях из морской бездны передаются уже на протяжении трех тысячелетий. В древних китайских легендах, мифах Греции, Норвегии и Полинезии сообщается о множестве гигантских монстров, населяющих моря и океаны и внушающих ужас всем встретившимся с ними. В пятидесятых годах появилась целая серия сообщений о встречах с подобными существами. Характерной чертой этих сообщений было то, что факты, сообщаемые в них, превалировали над их эмоциональной окраской. Несмотря на то, что научные ортодоксы и в этих случаях отрицали реальность историй, вряд ли выдумки, не основанные на фактах, могли повсюду и упорно повторяться в течение такого большого периода времени.

В сообщении, датированном 1953-м годом и сделанном водолазом, работавшим в южной части Тихого океана, говорится как раз о таком событии, которое очень схоже с историями и мифами наших предков. Водолаз сообщил, что испытывал новый водолазный костюм, опускаясь на рекордную глубину. «Во время спуска меня сопровождала пятнадцатифутовая акула. Она кружила вокруг меня, но напасть не решалась. На какую глубину могла заплыть эта акула? Когда она находилась в двадцати футах надо мной, я достиг подводного рифа, выросшего из черной бездны.

Продолжать спуск было опасно, и я остановился, вглядываясь в бездонное пространство. Акула прекратила движение и замерла, ожидая моих дальнейших действий. В этот момент температура воды стала резко падать. Я увидел всплывающую из бездны черную массу. Она поднималась очень медленно. Как только эта движущаяся масса достигла той глубины, на которую проникал свет, я разглядел, что она была коричневого цвета. Я был поражен гигантскими, в целый акр, размерами этого чудовища. Безусловно, оно было живым, так как медленно пульсировало. У него отсутствовали какие-либо различимые на расстоянии части тела и не было глаз.

Все еще пульсируя, это ужасное видение медленно проплыло мимо меня вверх. В это время холод стал просто невыносимым. Акула зависла надо мной, недвижимая, парализованная то ли холодом, то ли страхом. Не отрывая взгляда, я смотрел, как громадное коричневое чудовище подплыло к акуле и прикоснулось к ней своей верхней частью. Акула, забившаяся в конвульсиях, была затянута в субстанцию монстра.

Я не осмеливался двинуться, ожидая, когда эта коричневая тварь возвратится в бездну. Наконец она так же медленно, как и поднималась, проплыла вниз. Темнота поглотила ее, и вода стала теплеть. Бог знает, что это было, но у меня нет никаких сомнений в том, что это чудовище зародилось в первобытном иле, лежащем на дне океана».

Остается только предполагать, имеет ли эта история связь с

событиями более трагическими, разыгравшимися в 1937 году. Этот год ознаменовался серией таинственных исчезновений искателей жемчуга, в основном японских, у берегов Австралии. Газета «Мельбурн Лидер» сообщала, что шкипер шхуны «Ямата Мару» занимался добычей жемчуга с затонувшего корабля. В обусловленное время он подал сигнал к подъему. Однако команда подняла только его спасательную веревку. Другие водолазы не обнаружили на дне ничего. Серия подобных таинственных исчезновений надолго лишила покоя работавших у австралийского берега водолазов.

Год спустя события получили продолжение. Неизвестный монстр научился вытаскивать вкусных водолазов из их скафандров. «Санди Таймс», 7 августа 1938 года: «Японский водолаз Масао Мацумо производил погружения с парусника «Фелтон» у острова Дарнлей, около Дарвина, северной территории Австралии. Он подал сигнал на подъем, но судовая команда подняла на поверхность только его шлем, корсет и корзину с рковинами жемчуга. Другие водолазы, спустившись, не обнаружили ничего. Масао Мацумо был вырван из скафандра на глубине в 240 футов и исчез навсегда».

В январе 1879 года направлявшийся в Индию корабль «Балтимор» проплывал в районе Адена. По палубе лениво прогуливался майор Х. В. Дж. Сеньор. Один случайно брошенный взгляд резко переменил его настроение: будучи в здравом уме и совершенно трезвым, майор увидел морскую змею. Его крик поднял на ноги выскочивших на палубу корабельного врача С. Холла и пассажирку миссис Гринфилд. Они посмотрели туда, куда глядел Сеньор, и увидели то же самое. Визг женщины и крики мужчин привлекли на палубу других людей. Все внимание было приковано к необычному зрелищу.

В сообщении, сделанном майором Сеньором, говорится, что чудовище не подплыло к кораблю ближе, чем на пятьсот ярдов, и удалилось так быстро, что он не смог определить, было ли оно покрыто чешуей или его кожа была гладкой.

«Голова и шея, около двух футов в диаметре, высовывались из воды на высоту в двадцать-тридцать футов. Когда чудовище высоко поднималось над водой, оно широко раскрывало свою пасть, а перед тем, как нырнуть, закрывало. Под водой оно плыло с огромной скоростью, почти мгновенно выныривая, но находясь после этого уже на сотню ярдов впереди.

Его тело было невидимым под водой, и, по всей вероятности, находилось далеко внизу от поверхности, так как оно не производило от себя больших волн, хотя небольшие всплески были видны за его головой. Форма головы чудовища была совсем не такая, как у драконов на картинках. Она скорее походила на голову бульдога, с характерными для нее лбом и бровями.

Один раз во время движения монстр поднял голову высоко над

водой, а затем резко уронил ее, как будто это было бревно. Подобные действия вызвали гигантский всплеск высотой в пятнадцать футов, напоминавший по форме пару крыльев».

14 октября 1879 года в 5 часов 30 минут после полудня морская змея была обнаружена в Суэцком канале офицерами и командой британского военного корабля «Филомел». Змея, высунув голову из воды на пятнадцать футов, открыла для обозрения свой плавник.

У нее была огромная темно-серая пасть с красноватыми отблесками внутри. Чудовище напоминало существо, с которым ранее встретился «Балтимор», да и вело оно себя таким же образом.

Еще одну змею видели, когда она сражалась с китом. Утром 5 апреля 1879 года судно из Японии «Киушиу Мару» проплывало недалеко от мыса Сэйтеноу. Капитан корабля Дэвидсон и офицер Маккечни увидели кита, ведущего себя очень странно. Животное пыталось как можно выше выпрыгнуть из моря. Это было настолько необычно, что офицеры взяли бинокли, чтобы получше разглядеть прыгающего кита.

Кит снова совершил отчаянный прыжок, и в этот момент они разглядели, что какое-то существо вцепилось в бок кита. Последовал очередной, самый высокий прыжок, и люди увидели огромную змею обхватом с корабельную мачту. Она поднялась над водой на высоту в тридцать футов. На долю секунды застыв в воздухе, змея и кит упали в океан и больше не появлялись на его поверхности.

В 1874 году холодное коричневое чудовище из бездны опрокинуло шхуну «Жемчужина» Это происходило на глазах множества свидетелей, находившихся на борту парохода «Стрэфоуэн», следующего из Коломбо в Мадрас. В нескольких индийских газетах были опубликованы их страшные рассказы, которые были полностью подтверждены пятью спасенными членами экипажа «Жемчужины».

«Жемчужина», 150 тонн, попала в штиль в точке, соответствующей 8 градусам 50 минутам северной широты и 84 градусам 5 минутам восточной долготы, и находилась без движения. В то же время к шхуне приближался пароход «Стрэфоуэн». Неожиданно в полумиле от «Жемчужины» со стороны ее правого борта на поверхности моря появилась огромная коричневая масса. Команда шхуны определила, что это не был ни кит, ни морская змея, ни скопление водорослей. Взяв ружье, капитан произвел выстрел в сторону неизвестного объекта. Гигантская масса тут же пришла в движение, направляясь к кораблю. Без видимых усилий она опрокинула корабль и скрылась под водой. Подошедший «Стрэфоуэн» подобрал пятерых членов экипажа. Морскую змею видели офицеры с британского корабля «Дедалус». Некоторое время спустя «Грэфик» опубликовал рисунки и описание другой морской змеи, сделанные командой военного корабля «Озборн». Ниже приводится рассказ свидетеля произошедшего лейтенанта Хайнса: «Вечером 6 июня море было

абсолютно спокойным, и мне не составило труда разглядеть появившиеся на его поверхности плавники. Они выступали из воды на пять-шесть футов. Осматривая их с помощью подзорной трубы на расстоянии в полтора кабельтовых, я отчетливо различал голову, два плавника и туловище животного.

Голова, насколько я мог определить, была величиной в шесть футов, шея длиной в четыре-пять футов, туловище — шириной в пятнадцать футов, а каждый плавник около пятнадцати футов в длину. Движения плавников были похожи на движения черепахи, а само животное напоминало гигантского тюленя. Особое сходство с тюленем придавалось затылочной частью головы.

Голова животного не всегда была над водой, а всего лишь появлялась на несколько секунд и вновь исчезала. Двигаясь, животное не производило никакого шума».

Сэнди Бич, маяк на Большом Рифе в Австралии, имеет репутацию своего рода трибуны, с которой можно увидеть морских змей. Аборигены с островов Грейт Сэнди и Франусер заявляют, что видели их часто, в течение многих веков. Наверное, поэтому появление «мока-моха», как они их называют, не производит на местных жителей никакого впечатления. Уже говорилось, что у белокожих народов также имеются свидетельства о встречах с подобными созданиями. Я всему этому безоговорочно верил до тех пор, пока не прочитал недавно, что австралийское правительство поощряет развитие туризма на Большом Рифе. Это сделало меня подозрительным в отношении сообщений подобного рода.

По той же причине моя подозрительность усилилась в тридцатые годы, когда было открыто или выдумано лохнэсское чудовище. Шотландия получает значительные поступления от туристического бизнеса, принимая тысячи моторизованных англичан и достаточное количество американцев шотландского происхождения, навещающих свою историческую родину. Многие туристы уклоняются от своего пути, чтобы увидеть чудовище, и при помощи хорошей дозы шотландского виски некоторым удается его обнаружить.

Со временем мое подозрение подкрепилось тем фактом, что чудовище Лох Нэсс всегда появляется как раз перед началом очередного сезона отпусков. После этого происходит некоторое количество встреч с ним, достаточное для поддержания интереса на нужном уровне, и в конце каждого сезона чудовище исчезает до новой волны любопытных туристов.

По моему недоверию был нанесен удар, когда «Ливерпул экоу» сообщила, что существование чудовища было освящено. Два священника видели его. В номере газеты за 17 августа 1938 года рассказывалось, что отец Джордж Грайм из церкви святого Бернадетта, что на авеню Мазер в Ливерпуле, отправился покататься по озеру

Лох Нэсс на лодке вместе с отцом Малькольмом Мак Киннoном. Священники увидели на поверхности озера горб и хвост. Существо было в трехстах ярдах от них и очень быстро двигалось. Простим священникам, что они не стали уповать на помощь Всевышнего, а дружно взялись за весла. «Естественно, мы погребли к берегу».

Двумя неделями раньше «чудовище видели мистер и миссис Юдлоу из Стевентона в Эршире и пятеро их спутников», как сообщает «Ливерпул экоу» 30 июля 1938 года. Они рассказали, что «оно плыло со скоростью быстроходного катера, имело пять горбов и шею, как у жирафа». Реальные или нереальные, подобные существа населяют мировой океан независимо от того, что могут сказать по этому поводу эксперты. Об этом написано капитан-лейтенантом Рупертом Т. Гоулдом в двух книгах: «Факты в пользу существования морской змеи» и «Чудовище озера Лох Нэсс».

Возможно, что какое-то неизученное наукой существо действительно могло посещать Лох Нэсс, потому что сообщения о его появлениях продолжались и во время второй мировой войны, когда туризм не существовал. В «Дэйли Мэйл» за 18 августа 1941 года есть заголовок: «Лохнэсское чудовище снова появилось». Существо всплыло на поверхности около пристани Глендоу, показав «длинную змеиную шею и пятнадцать-восемнадцать футов тела, похожего своей формой на перевернутый корабль». Оно оставалось на виду многих людей в течение десяти минут. За это время чудовище проплыло вблизи берега расстояние около семи миль, иногда двигаясь настолько быстро, что в воздух поднимались столбы воды высотой в несколько футов. «Оно нырнуло под воду и исчезло из виду в полумиле от форта Аугустус».

В начале 1955 года, когда чудовище озера Лох Нэсс находилось в центре внимания уже в течение двадцати двух лет, некоторые газеты сообщили, что во время систематического поиска с использованием подводной телевизионной камеры оно промелькнуло на ее экране. Оператор, работавший с камерой, заявил, что с этого момента он убежден в существовании в озере необычного существа, и заявил о своем намерении продолжать поиск. В течение семи последующих недель ведущие газеты не опубликовывали ничего нового по этой теме. Если бы существование чудовища было зафиксировано на фотопленку, то этот факт мог быть запрещен для разглашения, возможно, по причинам безопасности. Мы живем в таком безумном веке, когда на любой вопрос можно отказаться отвечать по причинам безопасности.

Несколько братьев или кузенов чудовища Лох Нэсс были замечены преследующими друг друга в Ла-Манше между 1930 и 1950 годами. «Два рыболова из Саффолка, увидевшие чудовищ, полагали, что их скорость была сорок миль в час»,— писала «Кэвелкейд» 29 октября 1938 года. Один из них сказал: «Я бы не поверил этому, если

бы не увидел собственными глазами». «Кэвелкейд» триумфально добавляет: «Оба производят впечатление умных и респектабельных людей; ни один из них не был пьян». Этими словами косвенно признавалась догматическая теория, что только слабоумные пьяницы видят вещи, которых не бывает.

В июне 1808 года у западного берега Шотландии морская змея попыталась напасть на священника. Его звали преподобный Маклин, священник церковного прихода острова Эйг. Он находился в лодке с несколькими спутниками, когда эта тварь выскочила из моря, пристально посмотрела на него голодными глазами и причмокнула губами. Приложив значительные физические усилия, и не без помощи бога, люди догребли до безымянной бухты, оставив змею ни с чем.

«Атлантик манфли», 1844 год, приводит описание чудовища, данное преподобным Маклином: «Его голова была довольно широкая, овальной формы, шея — маленькая; верхняя часть туловища очень широкая. Тело сужалось к хвосту, который уходил глубоко под воду так, что я не смог его различить. У существа не было плавников, и оно, как мне кажется, двигалось вперед волнообразными движениями вверх и вниз. Я уверен, что его длина была между семьюдесятью и восемьюдесятью футами».

Настоящая эпидемия появления морских змей возникла на берегу Новой Англии, недалеко от Глостера и Нэхента, в 1815—1830 годах. «Глостер телеграф» сообщала, что одна такая змея, приблизившаяся к лодке на расстояние тридцати футов, была встречена выстрелами из ружья, произведенными опытным стрелком. Несчастливая мишень несколько раз до этого появлялась в Глостерском заливе и, как утверждалось, имела голову величиной в шесть-восемь футов, по форме напоминающую голову лошади. У змеи было коричневое тело около ста футов длиной с несколькими горбами, каждый из которых был размером с обыкновенную бочку.

На следующий год та же змея или оплакивающий ее собрат появилась около Нэхента. Ее описание, сделанное мистером Сэмюэлем Кэботом, украсило страницы «Атлантик манфли» в 1884 году: «Головой она походила на лошадь. Она находилась в двух футах над поверхностью воды, и голова, по мере движения вперед, опускалась на шесть-восемь дюймов. Мне не удалось разглядеть всю змею целиком, но я склоняюсь к мысли, что она была не менее восьмидесяти футов в длину».

В «Тайнах моря» Дж. Дж. Локарта, на которые ссылается «Липинкотс мэгэзин», приводится свидетельство мистера Тома Принса, который видел змею Кэбота около Нэхента несколькими днями ранее: «Ее голова появилась в трех футах над поверхностью воды. Я сосчитал тринадцать горбов на ее спине. У меня есть семь сви-

детельств о ней с Лонг Бича, и согласно некоторым из них, животное находилось на расстоянии не более ста ярдов».

Змея снова появилась в Нэхенте на следующий год. «Юнайтед сервисиз джорнал» представил показания свидетелей: «Мы увидели появившееся на близком расстоянии от берега животное, чье тело состояло из множества черноватых изгибов, которых я насчитал тринадцать. Другие довели их количество до пятнадцати... мы можем легко сосчитать, что ее длина была не меньше пятидесяти-шестидесяти футов».

Некоторое время спустя со шлюпа «Конкорд», проходившего в этом районе, раздался пронзительный крик рулевого. Помощник капитана, выбежавший на палубу, посмотрел туда, куда указывал рулевой.

Вот что сообщил помощник капитана: «Я увидел змею огромной величины, плывущую в воде. Ее голова возвышалась в семи футах над поверхностью. Погода была ясная, а море спокойное. Цвет всех видимых частей тела животного был черным, а кожа казалась гладкой и без чешуи. Я видел ее ясно в течение шести-восьми минут, она плыла в том же направлении, что и шлюп, и примерно так же быстро. На ее спине были видны горбы или кольца размером с большую бочку. Они находились друг от друга с интервалом в три фута... они напоминали большие бочки, скрепленные вместе с помощью хвоста под водой».

Преподобный Чивер Финч также видел этот образец и дал ему такое же описание. 10 августа 1820 года та же змея или очень похожая на нее, прыгающая на волнах около Суомпскотта, привлекла внимание большой толпы людей. Несколько «горячих голов» погнались за ней на лодке и сумели подойти на расстояние в тридцать ярдов. Но тут змее, очевидно, пришло в голову, что на борту может быть «опытный стрелок», и она удрала на значительной скорости. Разочарованные преследователи вернулись на берег и под присягой дали письменные показания местному правосудию.

10 июля 1848 года американский бриг «Дафн» обнаружил змею, увиденную за день до этого с военного корабля «Дедалус». По другим источникам это произошло 20 сентября 1848 года. Корабль находился в точке, соответствующей 4 градусам 11 минутам южной широты и 10 градусам 15 минутам восточной долготы. Описание помощника капитана совпало с тем, что рассказал капитан «Дедалуса» «Иллюстрэйтед Лондон Ньюс», 28 октября 1848 года. Змея темно-серого цвета, но с желтовато-белым горлом. Плавников не видно. Около ста футов в длину. На «Дафне» находился «опытный стрелок», после выстрелов которого существо подняло свою голову еще выше и резко погрузилось в воду, возможно, оказавшись раненым. Оно удрало от преследователей со скоростью пятнадцать-шестнадцать узлов.

Два опытных морских волка, капитаны Гарриман и Смит неожиданно посеяли серьезные сомнения в истинности всех встреч со змеями, дав отчеты об удачной поимке парочки предполагаемых морских чудовищ. Они оказались гигантскими морскими водорослями, плавающими на поверхности и послушно двигающимися вместе с морскими волнами, что создавало видимость жизни. Одна из этих водорослей была поистине чудовищной, свыше ста футов в длину и четыре в диаметре, и покрыта морскими паразитами. Ее корень, находившийся над волнами, производил впечатление движущейся головы.

Безусловно, некоторые зрелища были всего лишь иллюзиями, но не все из них. Никакое растение с поднятыми вверх корнями, гигантское или обладающее другими отличительными качествами, не способно уплывать на скорости в пятнадцать-шестнадцать узлов или покрываться пеной при скорости сорок миль в час, или взмывать над волнами, как быстроходный катер.

В протоколах Зоологического общества за июнь 1906 года опубликовано описание морского чудовища, увиденного двумя зоологами. Мистер Майкл Дж. Николл и мистер Миэйд Юлдоу. Они встретились с ним в 10 часов 15 минут утра 7 декабря 1905 года, находясь на борту корабля «Вэллхэллэй» у побережья Бразилии.

Головой чудовище, по их мнению, походило на черепаху, поскольку на ней можно было различить большие гофрированные складки темно-коричневого цвета. Голова находилась в семи или восьми футах над поверхностью. Размеры его тела не были определены, но указывалось, что они были «значительными». Двигаясь параллельно курсу корабля, который шел со скоростью восемь-девять узлов, чудовище плыло немного быстрее, вызывая попутную волну. В связи с этим обзор был затруднен. Когда оно ушло под воду, это вызвало высокие волны, возникающие и при погружении подводной лодки. Большинство членов судовой команды «Вэллхэллэя» наблюдало за ним, и никто из них никогда ничего подобного не видел.

Капитан корабля «Кэстильен» Харрингтон, морской волк, имевший репутацию сверхопытного моряка, шокировал Британское Адмиралтейство своим рапортом о двухсотфутовой змее, встреча с которой произошла в десяти милях от острова Святой Елены в 1857 году: «Ее голова обладала формой бочки и была увенчана сморщенным гребешком темного цвета, покрытым несколькими белыми пятнами. Она была исключительно большой длины и медленно плыла по направлению к земле. Я увидел ее, проплывающую в двадцати ярдах от моего корабля. Два десятка человек видели ее так же отчетливо, как я и двое моих офицеров».

В 1875 году бостонское общество естествознания в торжественной обстановке обсуждало вопрос о морских чудовищах. Это проис-

ходило после того, как одно из них, появившееся у берегов Новой Англии, к своему несчастью, было подстрелено людьми с яхты «Принсесс». Итогом конференции был вывод: морские чудовища существуют и являются последними оставшимися экземплярами вымерших видов животных.

К этому времени читатель будет считать само собой разумеющимся, что Чарльз Форт раскопал несколько сообщений о чудовищах. Он на самом деле это сделал. «Сайентифик американ» в июле 1922 года опубликовал информацию из вторых рук о гигантских следах, ведущих к озеру Чебьют в Аргентине. Сделавший открытие американской золотоискатель по фамилии Шеффилд, следовавший по следам к озеру, сообщил: «Там посредине озера я увидел животное с длинной шеей, похожей на лебединую». Мистер Ф. С. Корнелл из Германии в «Дейли Мэйл» за 8 февраля 1921 года дал информацию о большом неизвестном животном, которое, вероятно, выплыло из Оранжевой реки в Южной Африке. Его шея напоминала гнущийся ствол дерева и была огромной, черной и извилистой. Оно питалось крупным рогатым скотом. «Нью-Йорк Сан» 19 августа 1886 года сообщила о рогатом чудовище, обитающем в озере Сэнди в Миннесоте. Неизбежный стрелок, на этот раз в лице Кристофера Энгстейна, открыл по нему стрельбу и промахнулся.

10 июня 1880 года в «Нью-Йорк Таймс» появилась информация об огромном трупе, всплывшем на поверхность моря вверх животом. Обнаружившие труп моряки подплыли к нему, вскарабкались по его бокам и потоптались на его животе. Южноамериканская «Кейп Таймс» 29 октября 1912 года дала описание морского чудовища, за которым наблюдали многие пассажиры корабля, плывшего 17 октября этого года у западного берега Африки.

Гигантское тело было прибито к берегу Флориды 1 декабря 1896 года. Длина тела составляла двадцать один фут, толщина — семь, а весило оно около семи тонн. «Американ Нэйчрэлист» отправил на место фотографов. Профессор А. Э. Веррил заявил, что, несмотря на размеры, это только часть существа. Не было никаких предположений о том, что же все-таки умерло. 16 июня 1928 года «Нью-Йорк Геральд Трибюн» вышла с сообщением о другом теле, найденном на берегу залива Фонсека в Сальвадоре. Тело, достигавшее девяноста футов в длину, было в черных и белых полосах. О нем также ничего не знали.

Форт перелистывал страницы газет: толстые чудовища и тонкие, волосатые и длиннорылые, словом, чудовища на любой вкус. Если мы не хотим просидеть с ним месяц, то нам необходимо его оставить. Средством для бегства может послужить его наследник и преемник — журнал общества тинейджеров «Даут».

В двадцатом номере «Даута» сообщается о скелете чудовища, найденном между Эффингемом и заливом Юзлесс на западном

берегу острова Ванкувер. Скелет имел «более сорока пяти футов в длину». Другой — найденный 4 сентября 1947 года у Линн Бич в Бостоне — «пятьдесят футов или длиннее». Тиффани Фейер не без юмора сообщает: «А этот скелет отправлял Чарльза Ханса из «Ассошиэйтед Пресс» в библиотеку, но он ухитрился написать несколько статей по данной теме, ни разу не заглянув в работы Руперта Т. Гоулда или Чарльза Форта».

Морское чудовище в течение трех дней находилось в заливе Инверберви, недалеко от шотландского местечка Кинкардайн. Об этом говорится в сообщении, датированном 5 октября 1947 года. Хозяин местного рыболовецкого хозяйства сказал, что он не видел ничего подобного за двадцать три года своей жизни в этом районе. 9 декабря 1947 года Р. Е. Ферстер, директор канадского исследовательского совета по проблемам рыболовства, прокомментировал находку ванкуверского скелета. Он сообщил, что находится в полной растерянности: «Это самый необычный образец из всех, встречавшихся мне ранее». Другой эксперт, доктор Альфред Тестен из тихоокеанской биологической станции, сообщил лишь только то, что «скелет определенно не принадлежит ни киту, ни акуле». Что касается Ферстера, то позднее он изменил свое мнение, высказав предположение, что это все-таки скелет акулы.

В журнале «Даут» собраны свидетельства о чудовищах и всех сверхъестественных явлениях за последние двадцать лет, и, вероятно, эта работа будет продолжена. Журнал «Нэйче» — другой источник, из которого можно черпать сведения по этой проблеме. Он обычно тщательно изучает каждый факт, однако менее плодовит. Мне кажется, что в данный момент было бы мудрее направить интересующихся читателей к этим источникам, чем цитировать их здесь.

Одна из самых больших трудностей в подобного рода работе заключается в том, чтобы понять, когда нагромождение всевозможных свидетельств перестает впечатлять читателей и становится утомительным. У меня существует искушение продолжать перечисление этих фактов и привести все, что относится к этому делу. Но, по-моему, достаточным будет сказать, что количество свидетельств и фактов может быть без труда увеличено в четыре раза.

Наша планета на три пятых состоит из воды. Несмотря на все наши корабли, самолеты, подводные лодки, водолазные костюмы и инструменты для использования под водой, обширные просторы океана скрыты от постоянного наблюдения, а сверхглубокие районы никогда не исследовались. Теперь мы много знаем о морях, но для того, чтобы узнать их полностью, необходимо пройти очень долгий путь. В доказательство этого можно привести такой факт: в течение многих веков мадагаскарцы ловили рыбу, имеющую зачатки передних конечностей. Для них это было привычно и не вызы-

вало никаких вопросов, но для ученых, приверженных догмам, эта рыба — настоящее чудовище.

Один дотошный исследователь, увидевший эту рыбу, определил в ней целаканта, создание, вымершее приблизительно десять миллионов лет назад или, как минимум, пять. В 1954 году, собрав все поступившие сообщения о целаканте, я сосчитал, что их общее количество было равно шестнадцати. В пятнадцати из них рассказывалось о пойманных целакантах, а в одном случае он был сфотографирован плавающим под водой. Совсем неплохо для рыбы, которой предписывалось полное исчезновение в незапамятные времена.

В «Манчестер Гардиан» от 15 ноября 1954 года появилась информация агентства Рейтер о том, что на Коморском архипелаге около Мадагаскара был пойман первый живой целакант. В последующих сообщениях из различных источников указывалось, что рыба была помещена в специальную емкость, где она «с удовольствием плавала».

27 января 1955 года в «Ливерпул экоу» Райтер сообщило, что был найден моллюск исключительно маленьких размеров, способный проходить сквозь игольное ушко. Это известие отодвинуло целаканта на задний план.

После того, как в проливе Лонг-Айленд нашли девять таких моллюсков древнейшего происхождения, было объявлено, что ничего более допотопного никогда ранее не находили.

Сопоставив размеры найденных существ и той изученной территории, на которой они были найдены, я делаю вывод, что стофутовой морской змее намного легче избежать своей поимки на трех пятых площади нашей планеты, чем крошечному моллюску затаиться от открытия в проливе Лонг-Айленд. Моллюск и целакант скрывались от науки очень долгое время.

У меня нет сомнения в том, что в мировом океане еще существуют другие большие существа, скрывающиеся от глаз человека.

СОДЕРЖАНИЕ

К. ЛОМЕР
Договор на равных. *Пер. с англ. Е. Гаркави* 5

К. ПРИСТ
Пересадка сердца. *Пер. с англ. Р. Галимова* 19
Обнаженная. *Пер. с англ. Р. Галимова* 32

Р. ЖЕЛЯЗНЫ
Дева и чудовище. *Пер. с англ. С. Ирбисова* 39

А. АЗИМОВ
В Марсопорте без Хильды. *Пер. с англ. Е. Гаркави* 41

Г. ДИКСОН
Воин. *Пер. с англ. Т. Завьяловой* 53

К. ДАРЛТОН
Планета моков. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 71

Р. РОКЛИН
Благодетели. *Пер. с англ. А. Д. Восточного* 179

Т. СТАРДЖОН
Мистер Костелло, герой. *Пер. с англ. Ю. Беловой* 191

Ф. РОБИНСОН
Огонь и меч. *Пер. с англ. Н. Хохловой* 215

В. НОРБЕРТ
Чудо в чуланчике. *Пер. с англ. Е. Гаркави* 240

А. СЕЛЛИНГС
Ключ от двери. *Пер. с англ. П. Зотова* 245

Г. ФРАНКЕ
Зеркало. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 255
Посадка. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 258
Прошлое и будущее. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 259
Спасение. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 261
Препарат № 261. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 262
Павлины. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 264
Решение. *Пер. с нем. В. Полуэктова* 266
Здание. *Пер. с нем. А. Миллера* 267

Д. ХОЛДЕМАН
26 дней на Земле. *Пер. с англ. И. Горачина* 270

Т. ГОДВИН
Зов далеких планет. *Пер. с англ. С. Ирбисова и В. Беликовича* 286

Б. ВИАН
Осторожно — классика! *Пер. с франц. И. Горачина* 296

З. ГЕНДЕРСОН
Тетушка Мерта. *Пер. с англ. Т. Завьяловой* 306

А. ВАН ВОГТ
Не только мертвые. *Пер. с англ. А. Д. Восточного* 314
Ф. ХЕРБЕРТ
Семенной фонд. *Пер. с англ. И. Горачина* 332
Д. ВЭНС
Звуки. *Пер. с англ. И. Горачина* 343
Р. МАТЕСОН
Родители были людьми. *Пер. с англ. А. Д. Восточного* 354
Ш. ХЕННЕБЕРГ
Лунные рыбаки. *Пер. с франц. А. Иванова* 357
П. МИЛЛЕР
Старый Маллиган. *Пер. с англ. А. Тачкова* 375
Т. ДИШ
Перья из крыльев ангела. *Пер. с англ. П. Зотова* 400
О. ГАНШТЕЙН
Электрополис. *Пер. с нем. Е. Руссат* 408
Э. Ф. РАССЕЛ
Морские чудовища. Очерк. *Пер. с англ. В. Юрченко* 483

ФАТА - МОРГАНА 1

Сборник зарубежной фантастики

Перевод с английского, немецкого, французского языков

Составитель **С. Барсов**
Редакторская группа **Н. Резанова, И. Мудрова**
Художник **В. Ан.**
Художественный редактор **В. Кременецкий**
Технический редактор **И. Антоненко**
Корректор **И. Пигулевская**

Сдано в набор 06.05.91. Подписано к печати 30.10.91. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,00. Уч. изд. л. 28,83. Тираж 100000 экз. Заказ № 3497. Цена договорная.

Издательство «Флокс»
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в типографии «Горьковская правда». 603005, Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.